И 235
208
2(2)

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

АНДЕРСЕНА

И 235/208

ВЪ 4-ХЪ ТОМАХЪ.

Переводъ съ датскаго подлинника

А. и П. ГАНЗЕНЪ.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СКАЗОКЪ, РАЗСКАЗОВЪ И ПОВѢСТЕЙ.

ЧАСТЬ II.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-литографія, нотопечатня и переплетная С. М. Николаева. В. О., 3 л., № 40.
1894.

Всесоюзная
БИБЛИОТЕКА
имени
В. И. ЛЕНИНА
44165-44

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СКАЗОКЪ, РАЗСКАЗОВЪ И ПОВѢСТЕЙ.

ЧАСТЬ II.

2020075173

КНИГА ИМЕЕТ:

Печатн. листов	Выпуск	В перепл. един. соедин. №№ вып.	Таблиц	Карт	Иллюстр.	Служебн. №№	№№ списка и порядковый	1952 г.
33	Т2	2				610	486 / 260	

КОЕ-ЧТО.

— Хочу добиться чего-нибудь!—сказалъ самый старшій изъ пяти братьевъ.—Хочу приносить пользу! Пусть мое положеніе въ свѣтѣ будетъ самое скромное,—разъ я дѣлаю что-нибудь полезное, я уже не даромъ копчу небо. Займусь выдѣлкою кирпичей. Они нужны всѣмъ,—значитъ я сдѣлаю кое-что.

— Но очень мало!—сказалъ второй.—Выдѣлка кирпичей—дѣло самое пустое. Стоитъ-ли браться за такой трудъ, который можетъ выполнить и машина? Нѣтъ, вотъ сдѣлаться каменщикомъ, это—кое-что повыше; каменщикомъ я и буду. Это всетаки цехъ, а попавъ въ цехъ, сдѣлаешься гражданиномъ, у тебя будетъ свое знамя и свой кабачокъ! Если же повезетъ счастье, я стану держать и подмастерьевъ. И меня будутъ звать мастеромъ, хозяиномъ, а жену мою хозяюшкою! Вотъ это—кое-что повыше!

— И все же не Богъ вѣсть что́!—сказалъ третій.—Каменщикъ никогда не можетъ возвыситься до болѣе почетнаго положенія въ обществѣ, чѣмъ простой ремесленникъ. Ты можешь быть честнѣйшимъ человѣкомъ, но ты „мастеръ", значитъ—изъ „простыхъ". Нѣтъ, я добиваюсь кое-чего повыше! Я хочу быть строителемъ, вступить въ область искусства, достигнуть высшихъ ступеней въ умственныхъ сферахъ. Конечно, придется начать снизу,—сознаюсь откровенно—придется поступить въ ученики, носить фуражку, хотя я и привыкъ къ цилиндру, бѣгать за пивомъ и водкой, словомъ, быть на побѣгушкахъ у простыхъ подмастерьевъ, которые станутъ меня „тыкать",—что и говорить, обидно! Но я буду думать, что все это одинъ маскарадъ, маскарадныя вольности, а завтра, то-есть, когда я самъ выйду въ подмастерья, я пойду своею дорогой; до другихъ мнѣ и дѣла

не будетъ! Я поступлю въ академію, научусь рисовать, добьюсь званія архитектора—вотъ это уже кое-что повыше! Я могу сдѣлаться „высокоблагородіемъ,“ получить приставку къ имени и спереди и сзади, и буду строить, строить, какъ и другіе до меня! Вотъ что называется занять настоящее положеніе въ обществѣ!

— Ну, а мнѣ ничего такого не нужно!—сказалъ четвертый.—Не хочу идти по проторенной дорожкѣ, не хочу быть копіей! Я геній и перещеголяю васъ всѣхъ! Я изобрѣту новый стиль, новый видъ построекъ, соотвѣтствующій климату и матеріаламъ страны, нашей національности и современному развитію общества! А ко всему этому я прибавлю еще одинъ этажъ—ради моей собственной геніальности!

— А если и климатъ и матеріалы никуда не годны?—сказалъ пятый.—Будетъ худо! Это, вѣдь, сильно вліяетъ! Національность тоже можетъ развиться въ ущербъ естественности, а желаніе идти въ уровень съ вѣкомъ заставитъ тебя, пожалуй, забѣжать впередъ, какъ это часто и случается съ молодежью. Нѣтъ, какъ вижу, никто изъ васъ не добьется ничего путнаго, сколько вы тамъ ни воображайте о себѣ! Но дѣлайте, какъ знаете! Я не стану подражать вамъ, буду держаться въ сторонѣ и обсуждать ваши дѣла! Въ каждой вещи найдется изъянчикъ, вотъ я и стану выискивать его, да разсуждать о немъ! Вотъ это—кое-что повыше!

Такъ онъ и сдѣлалъ, и люди говорили о немъ: „Въ немъ есть кое-что! Умная голова! Одно вотъ—ничего не дѣлаетъ!“—Такимъ образомъ и онъ добился кое-чего.

Вотъ вамъ и исторійка; не велика она, а конца ей нѣтъ, пока держится міръ!

Но развѣ изъ пяти братьевъ такъ и не вышло ничего особеннаго? Стоило тогда и заводить о нихъ разговоръ! А вотъ, послушайте, что вышло. Цѣлая сказка!

Самый старшій изъ братьевъ, тотъ, что выдѣлывалъ кирпичи, скоро узналъ, что изъ каждаго готоваго кирпича выскакиваетъ скиллингъ, правда мѣдный, но девяносто шесть такихъ, сложенныхъ вмѣстѣ, даютъ уже серебряный далеръ, и стоитъ только постучать имъ въ дверь къ булочнику, мяснику, портному, къ кому хочешь—дверь сейчасъ настежь, и получай, что нужно. Такъ вотъ, на что годились кирпичи; нѣкоторые изъ нихъ шли, конечно, и въ бракъ, такъ какъ трескались или ломались пополамъ, но и эти пригодились.

Бѣдной бабушкѣ Маргаритѣ хотѣлось выстроить хижинку на самой плотинѣ, на берегу моря. И вотъ, старшій братъ отдалъ ей всѣ обломки кирпичей, да еще нѣсколько штукъ цѣлыхъ на придачу, —онъ былъ человѣкъ добрый, даромъ что простой рабочій. Старушка сама кое-какъ слѣпила себѣ изъ кирпичей лачужку; тѣсненька она вышла, единственное оконце смотрѣло криво, дверь была слишкомъ низка, а соломенная крыша могла бы быть пригнана лучше, но всетаки въ лачужкѣ можно было укрыться отъ дождя и непогоды, а изъ оконца открывался видъ на море, бившееся о плотину. Соленые брызги частенько окачивали жалкую лачугу, но она держалась крѣпко; умеръ и тотъ, кто пожертвовалъ для нея кирпичи, а она все стояла.

Второй братъ, тотъ умѣлъ строить получше! Выйдя въ подмастерья, онъ вскинулъ котомку на спину и запѣлъ пѣсенку подмастерьевъ:

Конецъ ученью! Въ путь-дорогу
Искать работы я пущусь!
Здоровъ я, молодъ, слава Богу,
Работникъ знатный—побожусь!
Когда-жъ на родину вернуся,
Женюсь на любушкѣ своей!
Сидѣть безъ хлѣба не боюся;
Вѣдь, „мастеръ" нуженъ всѣмъ—ей-ей!

Такъ онъ и сдѣлалъ. Вернувшись въ родной городъ и ставъ мастеромъ, онъ строилъ домъ за домомъ и застроилъ цѣлую улицу. Дома стояли крѣпко, а улица украшала собою городъ-и вотъ, всѣ эти дома выстроили въ свою очередь домикъ самому мастеру. Развѣ дома могутъ строить? А вотъ, спроси у нихъ; они-то не отвѣтятъ, но люди скажутъ: „Конечно, это улица выстроила ему домъ!" Домикъ былъ не великъ, съ глинянымъ поломъ, но, когда мастеръ плясалъ по этому полу съ своею невѣстой, онъ заблестѣлъ, что твой паркетъ, а изъ каждаго кирпича въ стѣнѣ выскочилъ цвѣтокъ, —не хуже дорогихъ обоевъ вышло!

Да, славный это былъ домикъ и счастливая парочка! Надъ домикомъ развѣвался цеховой значокъ, а подмастерья и ученики кричали хозяину ура! Вотъ, онъ и добился кое-чего, а потомъ умеръ, —добился кое-чего еще!

Теперь очередь за архитекторомъ, третьимъ братомъ, ко-

торый былъ сначала мальчикомъ-ученикомъ, ходилъ въ фуражкѣ и былъ на побѣгушкахъ у подмастерьевъ. Побывавъ въ академіи, онъ зъ самомъ дѣлѣ сталъ архитекторомъ и „высокоблагородіемъ!“ Дома въ улицѣ выстроили домикъ второму брату, каменщику, а сама улица получила имя третьяго брата, и самый красивый домъ въ улицѣ принадлежалъ ему. Вотъ этотъ братъ добился кое-чего, добился даже длиннаго титула и впереди и послѣ имени. Дѣти его стали благородными, и вдова его, когда онъ умеръ, числилась благородною вдовой. Имя же его осталось на углу улицы и не сходило съ устъ народа. Да, этотъ добился кое-чего!

За нимъ шелъ четвертый братъ, геній, который стремился создать нѣчто новое, особенное, да еще одинъ этажъ сверхъ того. Увы! этотъ этажъ обрушился, и геній сломалъ себѣ шею. Зато ему устроили пышныя похороны съ музыкой, знаменами и цвѣтами—краснорѣчія въ газетахъ и—живыми на мостовой. Надъ могилою же были произнесены три рѣчи, одна длиннѣе другой. Чего же ему больше? Онъ, вѣдь, такъ желалъ заставить говорить о себѣ. Современемъ ему поставили и памятникъ, правда, одноэтажный, но и это кое-что значитъ!

Итакъ, умеръ и четвертый братъ, какъ первые три, но пятый, критикъ, пережилъ ихъ всѣхъ. Оно такъ и слѣдовало, чтобы послѣднее слово осталось за нимъ; это было для него важнѣе всего. Не даромъ онъ слылъ „умною головой!“ Но вотъ, пробилъ и его часъ, онъ тоже умеръ, и явился къ вратамъ рая. А здѣсь подходятъ всегда по-парно, вотъ, и съ нимъ рядомъ очутилась другая душа, которой тоже хотѣлось войти въ рай. Это была какъ-разъ бабушка Маргарита съ плотины.

— Эту душонку поставили со мною въ пару, вѣрно, ради контраста!—сказалъ резонеръ.—Ну, кто ты такая, бабушка? И тебѣ тоже хочется туда?—спросилъ онъ.

Старушка присѣла чуть не до земли, подумавъ, что съ нею говоритъ самъ св. Петръ.

— Я бѣдная, безродная старуха Маргарита съ плотины.

— Ну, а что же ты сдѣлала, что совершила на землѣ?

— Охъ, ничего я такого не сдѣлала, за что бы мнѣ отворили двери рая! Развѣ ужъ изъ милости впустятъ!

— Какъ же ты распростилась съ жизнью?—спросилъ онъ, чтобы какъ-нибудь скоротать время, — онъ ужъ соскучился стоять тутъ и ждать.

— Да и сама не знаю, какъ! Больная я была, старая, ну, вѣрно, и не вынесла мороза, да стужи, какъ выползла за порогъ! Зима-то, вѣдь, нынче какая лютая была, натерпѣлась я всего! Ну, да теперь все ужъ прошло! Денька два выдались такихъ тихихъ, но страсть морозныхъ, какъ сами знаете, Ваша Милость. Все море, куда ни взглянешь, затянуло льдомъ, весь городъ и высыпалъ на ледъ, кататься на конькахъ и веселиться. Играла музыка, затѣяли плясъ да угощеніе. Мнѣ все это слышно было изъ моей коморки. Дѣло было къ вечеру; мѣсяцъ ужъ выглянулъ, но еще не вошелъ въ полную силу. Я лежала въ постели и глядѣла въ окошко на море; вдругъ, вижу тамъ, гдѣ небо сливается съ моремъ, стоитъ какое-то диковинное бѣлое облако съ черной точкой въ серединѣ! Точка стала рости, и тогда я догадалась, что это за облако. Стара, вѣдь, я была и много видала на своемъ вѣку! Такое знаменіе не часто приходится видѣть, но я всетаки видѣла его уже два раза и знала, что облако это предвѣщаетъ страшную бурю и внезапный приливъ, которые могутъ застигнуть всѣхъ этихъ бѣдныхъ людей! А они-то такъ веселятся, пьютъ и пляшутъ на льду! Весь городъ, вѣдь, всѣ—и старъ, и младъ были тамъ! Что, если никто изъ нихъ не замѣтитъ и не узнаетъ того, что видѣла и знала я!? Отъ испуга я просто помолодѣла, ожила, смогла даже встать съ постели и подойти къ окну. Растворила я его и вижу, какъ люди бѣгаютъ и прыгаютъ по льду, вижу красивые флаги, слышу, какъ мальчики кричатъ ура, дѣвушки и парни поютъ... Веселье такъ и кипѣло, но облачко подымалось все выше и выше, черная точка все росла... Я крикнула, что было силъ, но никто не услышалъ меня,—далеко было! А скоро ударитъ буря, ледъ разобьется въ куски, и всѣ провалятся—спасенія нѣтъ! Услышать меня они не могли, дойти туда самой мнѣ тоже было не въ мочь! Какъ же мнѣ выманить ихъ на берегъ? Тутъ-то и надоумилъ меня Господь поджечь мою постель. Пусть лучше сгоритъ весь домъ, чѣмъ погибнетъ столько людей такою ужасною смертью! Я подожгла постель, солома ярко вспыхнула, а я—скорѣе за порогъ, да тамъ и упала... Дальше отойти я ужъ не смогла. Огненный столбъ взвился вслѣдъ за мною изъ дверей и изъ окна, пламя охватило крышу!.. На льду увидали пожаръ и пустились со всѣхъ ногъ на помощь мнѣ, бѣдной старухѣ,—они думали, что я сгорю заживо!.. Всѣ до одного прибѣжали ко мнѣ; я

слышала, какъ они обступили меня, и въ ту же минуту въ воздухѣ засвистѣло, загремѣло, точно изъ пушки выпалило; ледъ взломало, но весь народъ былъ уже на плотинѣ, гдѣ меня обдавало дождемъ искръ. Я спасла ихъ всѣхъ. Только мнѣ-то, вѣрно, не подъ силу было перенести холодъ и весь этотъ страхъ, вотъ, я и очутилась тутъ у воротъ рая. Говорятъ, они открываются даже для такихъ бѣднягъ, какъ я! На землѣ у меня нѣтъ больше крова, но, конечно, это еще не даетъ мнѣ права войти въ рай!

Тутъ врата райскія открылись, и ангелъ позвалъ старуху. Входя туда, она обронила соломинку изъ своей постели, которую подожгла, чтобы спасти столько людей, и соломинка превратилась въ чисто золотую, стала рости и принимать самыя причудливыя, красивыя очертанія.

— Вотъ что принесла съ собою бѣдная старуха!—сказалъ ангелъ.—А ты что принесъ? Да, да, знаю, ты не ударилъ пальцемъ о палецъ во всю свою жизнь, не сдѣлалъ даже ни единаго кирпичика. Ахъ, если бы ты могъ вернуться на землю и принести оттуда хоть такой кирпичъ! Кирпичъ твоей работы наврядъ-ли годился бы куда-нибудь, но все же онъ показывалъ бы хоть доброе желаніе сдѣлать кое-что. Но возврата нѣтъ, и я ничего не могу сдѣлать для тебя!

Тогда вступилась за него бѣдная старуха съ плотины:

— Братъ его сдѣлалъ и подарилъ мнѣ много кирпичей и обломковъ; изъ нихъ я слѣпила свою убогую лачужку, и это ужъ было огромнымъ счастьемъ для меня, бѣдняги! Пусть же всѣ эти обломки и кирпичи сочтутся ему хоть за одинъ кирпичъ! Его братъ оказалъ мнѣ милость, теперь этотъ бѣднята самъ нуждается въ милости, а тутъ, вѣдь, царство Высшей Милости!

— Братъ твой, котораго ты считалъ самымъ ничтожнымъ,—сказалъ ангелъ:—честное ремесло котораго находилъ унизительнымъ, вноситъ теперь за тебя лепту въ небесную сокровищницу. Тебя не отгонятъ прочь, тебѣ позволятъ стоять тутъ за дверями и придумывать, какъ бы поправить твою земную жизнь, но въ рай тебя не впустятъ, пока ты воистину не совершишь *кое-чего*.

— Ну, я бы сказалъ все это куда лучше!—подумалъ резонеръ, но не высказалъ своей мысли,—и это уже было съ его стороны *кое-что*.

ПОСЛѢДНІЙ СОНЪ СТАРАГО ДУБА.

(РОЖДЕСТВЕНСКАЯ СКАЗКА).

Въ лѣсу, на крутомъ берегу моря, росъ старый-старый дубъ; ему было ни больше, ни меньше, какъ триста шестьдесятъ пять лѣтъ, но это, вѣдь, для дерева все равно, что для насъ, людей столько же сутокъ. Мы бодрствуемъ днемъ, а спимъ и видимъ сны ночью, дерево же бодрствуетъ три времени года и спитъ только зимою. Зима—время его сна, ночь, смѣняющая длинный день: весну, лѣто и осень.

Въ теплые лѣтніе дни около дуба кружились и плясали мухи-поденки. Каждая жила, порхала и веселилась, а, уставъ, опускалась въ сладкой истомѣ отдохнуть на одинъ изъ большихъ, свѣжихъ листьевъ дуба. И дерево всякій разъ говорило крошечному созданью: — Бѣдняжка! Вся твоя жизнь—одинъ день! Какъ коротко, какъ печально твое существованіе!

— Печально?!—отвѣчала муха.—Что ты говоришь? Гляди, какъ свѣтло, тепло и чудесно! Мнѣ такъ весело!

— Да, вѣдь, всего одинъ день, и—конецъ!

— Конецъ!—говорила муха.—Кому конецъ? И тебѣ развѣ тоже?

— Нѣтъ, я-то проживу, можетъ быть, тысячи твоихъ дней; мой день равенъ, вѣдь, тремъ четвертямъ года! Ты даже и представить себѣ не можешь, какъ это долго!

— Нѣтъ; я и не понимаю тебя вовсе! Ты живешь тысячи моихъ дней, а я живу тысячи мгновеній, и каждое несетъ мнѣ съ собою радость и веселіе!.. Ну, а съ твоею смертью приходитъ конецъ и всему этому великолѣпію, всему свѣту?

— Нѣтъ!—отвѣчало дерево.—Свѣтъ будетъ существовать куда дольше, такъ безконечно долго, что я и представить себѣ не могу!

— Ну, такъ намъ съ тобою дана одинаково долгая жизнь, только мы считаемъ по разному!

И муха-поденка плясала и кружилась въ воздухѣ, радуясь своимъ нѣжнымъ, изящнымъ, прозрачно-бархатистымъ крылышкамъ, радуясь теплому воздуху, напоенному ароматомъ клевера, шиповника, бузины и каприфолій, не говоря уже объ ароматѣ дикаго ясминника, скороспѣлокъ и душистой мяты. Ароматъ этотъ былъ такъ силенъ, что муха словно пьянѣла отъ него

слегка. Что за длинный, чудный былъ день, полный радости и сладкихъ ощущеній! Когда же солнце заходило, мушка чувствовала такую пріятную усталость, крылышки отказывались ее носить, и она тихо опускалась на мягкую, волнующуюся травку, кивала головкой и сладко засыпала—на вѣки.

— Бѣдняжка!—говорилъ дубъ.—Черезчуръ ужъ короткая жизнь!

И каждый лѣтній день повторялась та же исторія: та же пляска, тѣ же рѣчи, вопросы и отвѣты; одна муха-поденка жила, радовалась, веселилась и умирала, какъ другая.

Дерево бодрствовало весеннее утро, лѣтній день и осенній вечеръ; теперь дѣло шло къ ночи, ко сну,—приближалась зима.

Вотъ запѣли бури: „Покойной ночи, покойной ночи! Листья опали, листья опали! Ихъ мы оборвали, ихъ мы оборвали! Усни теперь, усни! Мы убаюкаемъ тебя, укачаемъ, потреплемъ во снѣ! Старыя вѣтви трещатъ отъ удовольствія! Спи-же, усни! Скоро настанетъ твоя триста шестьдесятъ пятая ночь! Для насъ же ты—только годовалый ребенокъ! Спи, усни! Облака посыплютъ тебя снѣгомъ, накинутъ на твои ноги мягкое, теплое покрывало! Спи, усни!“

И дерево сбросило съ себя свою зеленую одежду, собираясь на покой, готовясь уснуть, провести въ грезахъ всю долгую зиму, видѣть во снѣ картины пережитаго, какъ видятъ ихъ во снѣ люди.

И дубъ когда-то былъ крошкой; колыбелью ему служилъ маленькій жолудь. По человѣческому счету онъ переживалъ теперь четвертое столѣтіе. Больше, великолѣпнѣе его не было дерева во всемъ лѣсу! Вершина его высоко возносилась надъ всѣми деревьями и была видна съ моря издалека, служила примѣтой для моряковъ. А дубъ и не зналъ о томъ, сколько глазъ искало его! Въ вѣтвяхъ дуба гнѣздились лѣсные голуби, куковала кукушка, а осенью, когда листья его казались выкованными изъ мѣди, на вѣтви присаживались и другія перелетныя птицы, отдохнуть передъ тѣмъ, какъ пуститься черезъ море. Но вотъ, настала зима, и дерево стояло безъ листьевъ; обнаженныя, извилистыя, сучковатыя вѣтви рѣзко вырисовывались всѣми своими изгибами; вороны и галки садились на нихъ и толковали о тяжелыхъ временахъ, о томъ, какъ трудно будетъ зимою добывать прокормъ!

Въ ночь подъ Рождество дубу приснился самый чудный сонъ изъ всѣхъ, видѣнныхъ имъ въ жизни. Послушаемъ же!

Дерево какъ будто чувствовало, что время праздничное, слышало звонъ колоколовъ, и ему грезился чудный, теплый, лѣтній день. Оно пышно раскинуло свою зеленую, мощную верхушку; солнечные зайчики бѣгали между листьями и вѣтвями; воздухъ былъ напоенъ ароматомъ травъ и цвѣтовъ; пестрыя бабочки догоняли другъ друга; мухи-поденки плясали, какъ будто все только и существовало для ихъ пляски и веселья. Все, что пережило и видѣло вокругъ себя дерево за всю свою долгую жизнь, проходило теперь передъ нимъ въ торжественномъ шествіи. Оно видѣло, какъ черезъ лѣсъ проѣзжали верхомъ благородные рыцари и дамы; на шляпахъ ихъ развѣвались перья; у каждаго всадника, у каждой всадницы сидѣлъ на рукѣ соколъ; звучали охотничьи рога, лаяли собаки. Видѣло дерево и непріятельскія войска въ блестящихъ латахъ и пестрыхъ одеждахъ; вооруженные копьями и аллебардами воины разбивали и опять снимали палатки; ярко пылали сторожевые огни; воины располагались подъ деревомъ на ночлегъ, пѣли и отдыхали въ тѣни его вѣтвей. Видѣло оно и влюбленныхъ, встрѣчавшихся около него при свѣтѣ луны и вырѣзывавшихъ свои иниціалы на его сѣро-зеленой корѣ. На вѣтвяхъ его какъ будто опять висѣли цитры и эоловы арфы, которыя развѣшивали, бывало, веселые странствующіе подмастерья, и вѣтеръ опять игралъ на нихъ дивныя мелодіи. Лѣсные голуби ворковали, точно хотѣли высказать чувства, волновавшія при этомъ могучее дерево, а кукушка куковала, сколько еще лѣтъ оставалось ему жить.

И вотъ, словно новый, могучій потокъ жизни заструился по всѣмъ, даже мельчайшимъ корешкамъ, по всѣмъ вѣтвямъ и листьямъ дерева. Оно потянулось и почувствовало всѣми своими корешками, что и внизу подъ землею струится жизнь и тепло. Оно почувствовало приливъ новыхъ силъ, чувствовало, что ростетъ и ростетъ все выше и выше. Стволъ быстро, безостановочно тянулся ввысь, вершина его становилась все раскидистѣе и кудрявѣе... Вмѣстѣ съ ростомъ увеличивалась и сладкая тоска, стремленіе выроста еще выше, подняться къ самому красному солнышку!

Вершина дуба уже поднялась выше облаковъ, которыя, какъ стаи перелетныхъ птицъ или бѣлыхъ лебедей, неслись внизу.

Дерево видѣло каждымъ листкомъ своимъ, словно въ каждомъ были глаза. Оно видѣло и звѣзды, хотя стоялъ ясный день. Какія онѣ были большія, блестящія! Каждая свѣтилась точно пара ясныхъ, кроткихъ очей. И дубу вспомнились другія знакомыя, милыя очи: очи дѣтей и очи влюбленныхъ, встрѣчавшихся подъ его сѣнью въ ясныя лунныя ночи.

Дубъ переживалъ чудныя, блаженныя мгновенія! И всетаки онъ ощущалъ какую-то тоску, какую-то неудовлетворенность... Ему недоставало его лѣсныхъ друзей! Онъ хотѣлъ, чтобы и всѣ другія деревья лѣса, всѣ кусты, растенія и цвѣты поднялись такъ же высоко, ощутили бы ту же радость, видѣли тотъ же блескъ, что и онъ! Могучій дубъ даже и въ эти минуты блаженнаго сна не былъ вполнѣ счастливъ: ему хотѣлось раздѣлить свое счастье со всѣми—и малыми и большими; онъ желалъ этого такъ страстно, такъ горячо, каждою своею вѣтвью, каждымъ листочкомъ, какъ желаютъ иногда чего-нибудь люди всѣми фибрами своей души!

Вершина дуба качалась въ порывѣ тоскливаго томленія, смотрѣла внизъ, словно ища чего-то, и вдругъ, до него явственно донеслось благоуханіе дикаго ясминника, потомъ сильный ароматъ каприфолій и фіалокъ; ему показалось даже, что онъ слышитъ кукованіе кукушки!

И вотъ, сквозь облака проглянули зеленыя верхушки лѣса! Дубъ увидалъ подъ собою другія деревья; они тоже росли и тянулись къ небу; кусты и травы тоже. Нѣкоторыя даже вырывали изъ земли свои корни, чтобы летѣть къ облакамъ быстрѣе. Впереди всѣхъ была береза; гибкій стволъ ея, извилистый, какъ зигзаги молніи, тянулся все выше и выше, вѣтви развѣвались, какъ зеленые флаги. Вся лѣсная флора, даже коричневые султаны тростника поднимались къ облакамъ; птицы съ пѣснями летѣли за нею, а на стебелькѣ травки, развѣвавшемся по вѣтру, какъ длинная зеленая лента, сидѣлъ кузнечикъ и наигрывалъ крылышкомъ на своей тонкой ножкѣ. Майскіе жуки гудѣли, пчелы жужжали, каждая птичка заливалась пѣсенкой; въ небесахъ все пѣло и ликовало!

— А гдѣ же красненькій водяной цвѣточекъ? Пусть и онъ будетъ съ нами!—сказалъ дубъ.—И голубой колокольчикъ, и малютка ромашка!—Дубъ всѣхъ хотѣлъ видѣть возлѣ себя.

— Мы тутъ, мы тутъ!—зазвучало со всѣхъ сторонъ.

— А прошлогодній хорошенькій дикій ясминникъ? А чуд-

ный коверъ ландышей, что разстилался въ лѣсу три года тому назадъ? А прелестная дикая яблонька и всѣ другія растенія, украшавшія лѣсъ въ теченіи этихъ многихъ, многихъ лѣтъ? Ахъ, если бы и они всѣ дожили до этого мгновенія, были бы вмѣстѣ съ нами!

— Мы тутъ, мы тутъ!—зазвучало въ вышинѣ, какъ будто отвѣчавшіе были уже впереди.

— Какъ хорошо, какъ дивно хорошо!—ликовалъ старый дубъ.—Они всѣ тутъ со мной—и малые и большіе! Ни одинъ не забытъ! Возможно-ли такое блаженство?

— Въ небесахъ у Бога все возможно!—прозвучало въ отвѣтъ.

И старый дубъ, не перестававшій рости, почувствовалъ вдругъ, что совсѣмъ отдѣляется отъ земли.

— Вотъ это лучше всего!— сказалъ онъ.— Теперь я совсѣмъ свободенъ! Всѣ узы порвались! Я могу взлетѣть къ самому источнику свѣта и блеска! И всѣ мои дорогіе друзья со мною! И малые, и большіе, всѣ!

— Всѣ!

Пока же дубъ грезилъ, надъ землей и моремъ разразилась въ святую ночь страшная буря. Мощныя волны морскія дико бились о берегъ, дерево трещало, качалось и, наконецъ, было вырвано съ корнями въ ту самую минуту, когда ему грезилось, что оно отдѣляется отъ земли. Дубъ свалился. Триста шестьдесятъ пять лѣтъ минули для него, какъ день для мухи-поденки.

На восходѣ рождественскаго солнышка буря утихла; слышался праздничный звонъ церковныхъ колоколовъ; изъ всѣхъ трубъ, даже изъ трубы бѣднѣйшаго крестьянина вился синій дымокъ, словно жертвенный фиміамъ въ праздникъ друидовъ. Море успокоилось, и на большомъ кораблѣ, выдержавшемъ ночную бурю, взвились флаги.

— А дерева-то нѣтъ больше! Ночная буря сокрушила нашъ могучій дубъ, нашу примѣту на берегу!—сказали моряки.— Кто намъ замѣнитъ его? Никто!

Вотъ какою надгробною рѣчью, краткою, но сказанною отъ чистаго сердца, почтили моряки старый дубъ, поверженный бурей на снѣжный коверъ. Донесся до дерева и старинный псаломъ, пропѣтый моряками. Они пѣли о рождественской радости и спасеніи людей, и сердца всѣхъ возносились

вмѣстѣ съ звуками псалма высоко-высоко къ небу, какъ возносился къ нему, въ своемъ послѣднемъ снѣ и старый дубъ.

ДОЧЬ БОЛОТНАГО ЦАРЯ.

Много сказокъ разсказываютъ аисты своимъ птенцамъ— все про болота, да про трясины. Сказки, конечно, приноравливаются къ возрасту и понятіямъ птенцовъ. Малышамъ довольно сказать: „крибле, крабле, плурремурре“,—для нихъ и это куда какъ забавно; но птенцы постарше требуютъ отъ сказки кое-чего побольше, по крайней мѣрѣ того, чтобы въ ней упоминалось о ихъ собственной семьѣ. Одну изъ самыхъ длинныхъ и старыхъ сказокъ, извѣстныхъ у аистовъ, знаемъ и мы всѣ. Въ ней разсказывается о Моисеѣ, котораго мать пустила въ корзинкѣ по волнамъ Нила, а дочь фараона нашла и воспитала. Всѣмъ извѣстно, что впослѣдствіи онъ сталъ великимъ человѣкомъ, но гдѣ похороненъ—никому неизвѣстно. Такъ оно, впрочемъ, сплошь да рядомъ бываетъ.

Другая сказка не такъ извѣстна, можетъ быть, именно потому, что она туземнаго происхожденія. Вотъ уже съ тысячу лѣтъ, какъ она переходитъ изъ устъ въ уста отъ одной аистихи-мамаши къ другой, и каждая мамаша разсказываетъ ее все лучше и лучше, а мы теперь разскажемъ лучше ихъ всѣхъ!

Первая пара аистовъ, пустившая эту сказку въ ходъ и сама принимавшая участіе въ описываемыхъ въ ней событіяхъ, всегда проводила лѣто на дачѣ въ Даніи, близъ „Дикаго болота“, въ Венсюсселѣ, то-есть въ округѣ Іёрингъ, на сѣверѣ Ютландіи— если ужъ дѣло идетъ о точности. Гнѣздо аистовъ находилось на крышѣ бревенчатаго дома викинга. Въ той мѣстности и до сихъ поръ еще есть огромное болото; о немъ можно даже прочесть въ оффиціальномъ описаніи округа. Мѣстность эта— говорится въ немъ—была нѣкогда дномъ морскимъ, но потомъ приподнялась; занимаетъ она нѣсколько квадратныхъ миль и представляетъ собою топкія луга, трясины и торфяныя болота, поросшія морошкой, да жалкимъ кустарникомъ и деревцами. Надъ всей мѣстностью почти постоянно клубится густой туманъ. Лѣтъ семьдесятъ тому назадъ тутъ еще водились волки,—„Дикое болото“ вполнѣ заслуживало своего прозвища! Представьте же себѣ, что было тутъ тысячу лѣтъ тому назадъ! Конечно, и въ

тѣ времена было отчасти то же, что и теперь: зеленый тростникъ съ темно-лиловыми султанчиками росъ такъ же высоко, березки щеголяли такою же бѣлоснѣжною корою, такими же нѣжно-зелеными листьями; что же до живыхъ обитателей—то мухи щеголяли такимъ же бархатистымъ платьицемъ, фасонъ его былъ тотъ же, любимыми цвѣтами аистовъ были, какъ и теперь, бѣлый съ чернымъ, чулки они носили такіе же красные, только люди въ тѣ времена одѣвались иначе. Но каждый человѣкъ, кто бы онъ ни былъ, рабъ или охотникъ, проваливался въ трясину и тысячу лѣтъ тому назадъ, такъ же какъ теперь: вѣдь, стоитъ только ступить на зыбкую почву трясины ногой, и—конецъ, живо очутишься во владѣніяхъ болотнаго царя! Его можно было бы назвать и царемъ трясины, но болотный царь звучитъ какъ-то лучше. Къ тому же и аисты его такъ величали. О правленіи болотнаго царя мало что̀ и кому извѣстно, да оно и лучше, пожалуй.

Недалеко отъ болота, надъ Лимъ-фіордомъ, возвышался бревенчатый замокъ викинга, въ три этажа, съ башнями и каменными подвалами. На крышѣ его свили себѣ гнѣздо аисты. Аистиха сидѣла на яицахъ, въ полной увѣренности, что̀ сидитъ не напрасно!

Разъ вечеромъ самъ аистъ гдѣ-то замѣшкался и вернулся въ гнѣздо совсѣмъ взъерошенный и взволнованный.

— Что я разскажу тебѣ! Одинъ ужасъ! – сказалъ онъ аистихѣ.

— Ахъ, перестань пожалуйста!—отвѣтила она.—Не забывай, что я сижу на яйцахъ и могу испугаться, а это отразится на нихъ!

— Нѣтъ, ты послушай! Она таки явилась сюда, дочка-то нашего египетскаго хозяина! Не побоялась такого путешествія! А теперь—и поминай ее, какъ звали!

— Что? Принцесса, египетская принцесса, изъ рода фей, здѣсь?! Ну говори же! Ты знаешь, какъ вредно заставлять меня ждать, когда я сижу на яйцахъ!

— Видишь, она, значитъ, повѣрила докторамъ, которые сказали, что болотный цвѣтокъ исцѣлитъ ея больного отца,—помнишь, ты сама разсказывала мнѣ?—и прилетѣла сюда, въ одеждѣ изъ перьевъ, вмѣстѣ съ двумя другими принцессами. Эти каждый годъ прилетаютъ на сѣверъ купаться, чтобы помолодѣть! Ну, прилетѣть-то она прилетѣла, да и тю-тю!

— Ахъ, какъ ты тянешь!—сказала аистиха.—Вѣдь, яйца могутъ остыть! Мнѣ вредно такъ волноваться!

— Я видѣлъ все собственными глазами! — продолжалъ аистъ.—Сегодня вечеромъ хожу это я въ тростникѣ, гдѣ трясина понадежнѣе, смотрю, летятъ три лебедки. Но видна птица по полету! Я сейчасъ же сказалъ себѣ: гляди въ оба, это не настоящія лебедки; онѣ только нарядились въ перья! Ты, вѣдь, такая же чуткая, женка! Тоже сразу видишь въ чемъ дѣло!

— Это вѣрно!—сказала аистиха.—Ну, разсказывай же про принцессу, мнѣ ужъ надоѣли твои перья!

— Посреди болота, ты знаешь, есть что-то вродѣ небольшого озера. Приподымись чуточку, и ты отсюда увидишь краешекъ его! Тамъ-то, на поросшей тростникомъ трясинѣ лежалъ большой ольховый пень. Лебедки усѣлись на него, захлопали крыльями и оглядѣлись кругомъ; потомъ одна изъ нихъ сбросила съ себя лебединыя перья, и я узналъ нашу египетскую принцессу. Платья на ней никакого не было, но длинные, черные волосы одѣли ее, какъ плащемъ. Я слышалъ, какъ она просила подругъ присмотрѣть за ея перьями, пока она не вынырнетъ съ цвѣткомъ, который померещился ей подъ водою. Тѣ пообѣщали, схватили ея опереніе въ клювы и взвились съ нимъ въ воздухъ. „Эге! Зачѣмъ же это?“—подумалъ я. Должно быть, и она спросила ихъ о томъ же. Отвѣтъ былъ яснѣе яснаго. Онѣ взвились въ воздухъ и крикнули ей сверху: „Ныряй, ныряй! Не летать тебѣ больше лебедкой! Не видать родины! Сиди въ болотѣ!“—и расщипали перья въ клочки! Пушинки такъ и запорхали въ воздухѣ, словно снѣжинки, а гадкія принцессы улетѣли!

— Какой ужасъ!—сказала аистиха.—Силъ нѣтъ слушать!.. Ну, а что же дальше-то?

— Принцесса принялась плакать и убиваться! Слезы такъ и бѣжали ручьями на ольховый пень, и вдругъ—онъ зашевелился! Это былъ самъ болотный царь. Я видѣлъ, какъ пень повернулся, глядь—ужъ это не пень! Онъ протянулъ свои длинныя, покрытыя тиной, вѣтви-руки къ принцессѣ. Бѣдняжка перепугалась, спрыгнула и пустилась бѣжать по трясинѣ. Да гдѣ! Мнѣ не сдѣлать по ней двухъ шаговъ, не то что ей! Она сейчасъ же провалилась внизъ, а за ней и болотный царь. Онъ то и втянулъ ее туда! Только пузыри пошли по водѣ и—все! Теперь принцесса похоронена въ болотѣ! Не вернуться ей съ

цвѣткомъ на родину. Ахъ, ты бы не вынесла такого зрѣлища, женушка!

— Тебѣ бы и не слѣдовало разсказывать мнѣ такихъ исторій! Вѣдь, это можетъ повліять на яйца!.. А принцесса выпутается изъ бѣды! Ее-то ужъ выручатъ! Вотъ случись что-нибудь такое со мной, съ тобой или съ кѣмъ-нибудь изъ нашихъ, тогда бы—пиши пропало!

— Я всетаки буду на сторожѣ!—сказалъ аистъ и такъ и сдѣлалъ.

Прошло много времени.

Вдругъ въ одинъ прекрасный день аистъ увидѣлъ, что со дна болота тянется кверху длинный зеленый стебелекъ; потомъ на поверхности воды показался листочекъ; онъ росъ, становился все шире и шире. Затѣмъ, выглянулъ изъ воды и бутонъ, а однажды утромъ, какъ-разъ въ то время, когда аистъ пролеталъ надъ болотомъ, бутонъ подъ лучами солнца распустился, и аистъ увидѣлъ въ чашечкѣ цвѣтка крошечную дѣвочку, словно сейчасъ только вынутую изъ ванночки. Дѣвочка была такъ похожа на египетскую принцессу, что аистъ сначала и принялъ ее за самое принцессу, которая опять стала маленькою, но, подумавъ хорошенько, рѣшилъ, что вѣрнѣе это—дочка египетской принцессы и болотнаго царя. Вотъ почему она и лежала въ кувшинкѣ.

„Нельзя же ей тутъ оставаться!“—подумалъ аистъ.—А въ нашемъ гнѣздѣ насъ и безъ того много! Постой, придумалъ! У жены викинга нѣтъ дѣтей, а она часто говорила, что ей хочется имѣть малютку... Меня и безъ того обвиняютъ, что это я приношу въ домъ ребятишекъ, такъ вотъ я и взаправду притащу эту дѣвочку женѣ викинга,—то-то обрадуется!

И аистъ взялъ малютку, полетѣлъ къ дому викинга, проткнулъ въ оконномъ пузырѣ клювомъ отверстіе, положилъ ребенка возлѣ жены викинга, а потомъ вернулся въ гнѣздо и разсказалъ обо всемъ женѣ. Птенцы тоже слушали,—они ужъ подросли настолько.

— Вотъ видишь, принцесса-то не умерла—прислала сюда свою дочку, а я ее пристроилъ!—закончилъ свой разсказъ аистъ.

— А что я твердила тебѣ съ перваго же раза?—отвѣчала аистиха.—Теперь, пожалуйста, подумай и о своихъ! Отлетъ-то вѣдь, на носу! У меня даже подъ крыльями чесаться начинаетъ. Кукушки и соловьи ужъ улетѣли, а перепелки поговариваютъ,

что скоро начнетъ дуть попутный вѣтеръ. Птенцы наши постоятъ за себя на маневрахъ, насколько я ихъ знаю!

И обрадовалась же супруга викинга, найдя утромъ у своей груди крошечную, прелестную дѣвочку! Она принялась цѣловать и ласкать малютку, но та начала кричать и отбиваться ручонками и ножонками; ласки, видимо, были ей не по вкусу. Наплакавшись и накричавшись, она, наконецъ, уснула, и тогда нельзя было не залюбоваться прелестнымъ ребенкомъ! Жена викинга не помнила себя отъ радости; на душѣ у нея стало такъ легко и весело,—ей пришло на умъ, что и супругъ ея съ дружиной явится такъ же нежданно, какъ малютка. И вотъ, она поставила на ноги весь домъ, чтобы успѣть приготовиться къ пріему желанныхъ гостей. По стѣнамъ развѣшали ковры собственной ея работы и работы ея служанокъ, затканные изображеніями боговъ и богинь: Одина, Тора и Фрейи. Рабы чистили старые щиты и тоже украшали ими стѣны; по скамьямъ были разложены мягкія подушки, а на очагъ, находившійся посреди главнаго покоя, навалили груду сухихъ полѣньевъ, чтобы сейчасъ же можно было развести огонь. Подъ вечеръ жена викинга такъ устала отъ всѣхъ этихъ хлопотъ, что уснула, какъ убитая.

Проснувшись рано утромъ, еще до восхода солнышка, она страшно перепугалась: дѣвочка ея исчезла! Она вскочила, засвѣтила лучину и осмотрѣлась: на постели, въ ногахъ, лежала— не малютка, а большая, отвратительная жаба. Жена викинга въ порывѣ отвращенія схватила тяжелый желѣзный, дверной болтъ и хотѣла убить животное, но оно устремило на нее такой странный, скорбный взглядъ, что она не рѣшилась его ударить. Еще разъ осмотрѣлась она кругомъ; жаба испустила тихое жалостное кваканье; тогда жена викинга отскочила отъ постели къ отверзтію, замѣнявшему окно, и распахнула деревянную ставню. Въ эту минуту какъ разъ взошло солнце; лучи его упали на постель и на жабу... Въ то же мгновеніе широкій ротъ чудовища сузился, сталъ маленькимъ, хорошенькимъ ротикомъ, все тѣло вытянулось и преобразилось—передъ женой викинга очутилась ея красавица-дочка, жабы же какъ не бывало.

— Что это?—сказала жена викинга.—Не злой-ли сонъ приснился мнѣ? Вѣдь, тутъ лежитъ мое собственное дитя, мой эльфъ!—И она прижала дѣвочку къ сердцу, осыпая поцѣлуями, но та кусалась и вырывалась, какъ дикій котенокъ.

Не въ этотъ день и не на другой вернулся самъ викингъ,

хотя и былъ уже на пути домой. Задержалъ его противный вѣтеръ, который теперь собрался помогать аистамъ, а имъ надо было летѣть на югъ. Да, одинъ и тотъ же вѣтеръ, попутный одному, можетъ быть противнымъ другому!

Прошло нѣсколько дней, и жена викинга поняла, что надъ ребенкомъ тяготѣли злыя чары. Днемъ дѣвочка была прелестна, какъ эльфъ, но отличалась злымъ, необузданнымъ нравомъ, а ночью становилась отвратительною, но жалобно стонущею жабой съ кроткимъ и грустнымъ взглядомъ. Въ дѣвочкѣ какъ бы соединялись двѣ натуры: днемъ ребенокъ, подкинутый женѣ викинга аистомъ, наружностью былъ весь въ мать, египетскую принцессу, а характеромъ въ отца; ночью же, наоборотъ, внѣшностью былъ похожъ на послѣдняго, а въ глазахъ свѣтились душа и сердце матери. Кто могъ снять съ ребенка злыя чары? Жена викинга и горевала, и боялась, и всетаки привязывалась къ бѣдному созданью все больше и больше. Она рѣшила ничего не говорить о колдовствѣ мужу: тотъ, по тогдашнему обычаю, велѣлъ бы выбросить бѣднаго ребенка на проѣзжую дорогу,—пусть беретъ, кто хочетъ. А женѣ викинга жаль было дѣвочку, и она хотѣла устроить такъ, чтобы супругъ ея видѣлъ ребенка только днемъ.

Однажды утромъ надъ замкомъ викинга раздалось шумное хлопанье крыльевъ,—на крышѣ отдыхали ночью, послѣ дневныхъ маневровъ, сотни паръ аистовъ, а теперь всѣ они взлетѣли на воздухъ, чтобы выстроиться въ ряды для отлета.

— Всѣ мужья готовы!—прокричали они.—Жены съ дѣтьми тоже!

— Какъ намъ легко!—говорили молодые аисты.—Такъ и щекочетъ у насъ внутри, будто насъ набили живыми лягушками! Мы отправляемся за-границу! Вотъ счастье-то!

— Держитесь въ рядахъ!—говорили имъ отцы и матери.— Да не болтайте такъ много,—вредно для груди!

И всѣ полетѣли.

Въ ту же минуту надъ степью прокатился звукъ рога: викингъ съ дружиной присталъ къ берегу. Они вернулись съ богатою добычей отъ береговъ Галліи, гдѣ, какъ и въ Британіи, народъ въ ужасѣ молился: „Боже, храни насъ отъ дикихъ Норманновъ!“

Въ замкѣ викинга закипѣла жизнь. Въ главный покой вкатили цѣлую бочку меда, запылалъ костеръ, закололи лошадей,

готовился пиръ на весь міръ. Главный жрецъ окропилъ теплою лошадиною кровью всѣхъ рабовъ. Сухія дрова затрещали, дымъ столбомъ повалилъ къ потолку, съ котораго сыпалась на пирующихъ мелкая сажа, но къ этому имъ было не привыкать стать. Гостей богато одарили; раздоры, вѣроломство—все было забыто; медъ лился рѣкою; подвыпившіе гости швыряли другъ въ друга обглоданными костями въ знакъ хорошаго расположенія духа. Скальдъ, нѣчто въ родѣ нашего пѣвца и музыканта, но бывшій въ то же время и воиномъ, который самъ участвовалъ въ походѣ и потому зналъ о чемъ поетъ, пропѣлъ пѣсню объ одержанныхъ ими въ битвахъ славныхъ побѣдахъ. Каждый стихъ сопровождался припѣвомъ: „Имущество, родные, друзья, самъ человѣкъ, все минетъ, все умретъ; не умираетъ одно славное имя!“ Тутъ всѣ принимались бить въ щиты и стучать ножами или обглоданными костями по столу; стонъ стоялъ въ воздухѣ. Жена викинга сидѣла на почетномъ мѣстѣ, разодѣтая, въ шёлковомъ платьѣ; на рукахъ ея красовались золотыя кольца и запястья, на шеѣ—крупные янтари. Скальдъ не забылъ прославить и ее, воспѣлъ и сокровище, которое она только что подарила своему супругу. Послѣдній былъ въ восторгѣ отъ прелестнаго ребенка; онъ видѣлъ дѣвочку только днемъ во всей ея красѣ. Дикость ея нрава тоже была ему по душѣ. Изъ нея выйдетъ, сказалъ онъ, смѣлая, воинственная женщина, которая сумѣетъ постоять за себя. Она и глазомъ не моргнетъ, если опытная рука однимъ взмахомъ остраго меча сбреетъ у нея въ шутку густую бровь!

Бочка съ медомъ опустѣла, вкатили новую,—въ тѣ времена люди умѣли пить! Правда, и тогда уже была извѣстна пословица: „Скотина знаетъ время, когда пора оставить пастбище и вернуться домой, а неразумный человѣкъ не знаетъ мѣры своего желудка!“ Знать-то каждый зналъ, но, вѣдь, знать—одно, а примѣнять знаніе къ дѣлу—другое. Знали всѣ и другую пословицу: „И дорогой гость надоѣстъ, если засидится не въ мѣру“, и всетаки сидѣли себѣ, да сидѣли: ѣда и питье—славныя вещи! Веселье такъ и кипѣло! Ночью рабы растянулись на теплой золѣ, раскапывали пальцами жирную сажу и облизывали ихъ. То-то хорошее было времячко!

Въ этомъ же году викингъ еще разъ отправился въ походъ, хотя и начались уже осеннія бури. Но онъ собирался нагрянуть съ дружиной на берега Британіи, а туда, вѣдь, было рукой

подать; „только черезъ море махнуть“,—сказалъ онъ. Супруга его опять осталась дома одна съ малюткою, и скоро безобразная жаба съ кроткими глазами, испускавшая такіе глубокіе вздохи, стала ей почти милѣе дикой красавицы, отвѣчавшей на ласки царапинами и укусами.

Сѣдой осенній туманъ, „беззубый дѣдъ“, какъ его называютъ, и всетаки обгрызающій листву, окуталъ лѣсъ и степь. „Безперыя птички“—снѣжинки густо запорхали въ воздухѣ; зима глядѣла во дворъ. Воробьи завладѣли гнѣздами аистовъ и судили, да рядили о бывшихъ владѣльцахъ. А гдѣ же были сами владѣльцы, гдѣ былъ нашъ аистъ со своею аистихой и птенцами?

Аисты были въ Египтѣ, гдѣ въ это время солнышко свѣтило и грѣло, какъ у насъ лѣтомъ. Тамаринды и акаціи стояли всѣ въ цвѣту; на куполахъ храмовъ сверкали полумѣсяцы; стройные минареты были облѣплены аистами, отдыхавшими послѣ длиннаго перелета. Гнѣзда ихъ лѣпились одно возлѣ другого на величественныхъ колоннахъ и полуразрушившихся аркахъ заброшенныхъ храмовъ. Финиковыя пальмы высоко подымали свои верхушки, похожія на зонтики. Темными силуэтами рисовались сѣроватыя пирамиды въ прозрачномъ голубомъ воздухѣ пустыни, гдѣ щеголяли быстротою своихъ ногъ страусы, а левъ посматривалъ большими умными глазами на мраморнаго сфинкса, наполовину погребеннаго въ пескѣ. Нилъ снова вошелъ въ берега, которые такъ и кишѣли лягушками, а ужъ пріятнѣе этого зрѣлища для аистовъ и быть не могло. Молодые аисты даже глазамъ своимъ вѣрить не хотѣли,—ужъ больно хорошо было!

— Да, вотъ какъ тутъ хорошо, и всегда такъ бываетъ!—сказала аистиха, и у молодыхъ аистовъ даже въ брюшкѣ защекотало.

— А больше мы ужъ ничего тутъ не увидимъ?—спрашивали они.—Мы развѣ не пойдемъ туда, въ глубь, въ самую глубь страны?

— Тамъ нечего смотрѣть!—отвѣчала аистиха.—За этими благословенными берегами лишь дремучій лѣсъ, гдѣ деревья растутъ чуть не другъ на другѣ и опутаны ползучими растеніями. Одни толстоногіе слоны могутъ пролагать тамъ себѣ дорогу. Змѣи же тамъ черезчуръ велики, а ящерицы—прытки. Если же вздумаете пробраться въ пустыню—вамъ засыплетъ глаза пескомъ, и это еще будетъ милостиво, а то прямо по-

падете въ песочный вихрь, и тогда ужъ не взыщите! Нѣтъ, тутъ куда лучше! Тутъ и лягушекъ, и саранчи вдоволь! Я останусь тутъ, и вы со мною!

Они и остались. Родители сидѣли въ гнѣздахъ на стройныхъ минаретахъ, отдыхали, охорашивались, разглаживали себѣ перья и обтирали клювы о красные чулки. Покончивъ со своимъ туалетомъ, они вытягивали шеи, величественно раскланивались и гордо подымали голову съ высокимъ лбомъ, покрытую тонкими, глянцевитыми перьями; умные каріе глаза ихъ такъ и сверкали. Молоденькія барышни-аистихи степенно прохаживались въ сочномъ тростникѣ, поглядывали на молодыхъ аистовъ, знакомились и чуть не на каждомъ шагу глотали по лягушкѣ, а иногда забирали въ клювъ змѣйку и ходили, да помахивали ею,—это очень къ нимъ шло, а ужъ вкусно-то какъ было!.. Молодые аисты заводили ссоры и раздоры, били другъ друга крыльями, кусались—даже до крови! Потомъ глядишь—то тотъ, то другой изъ нихъ становился женихомъ, а барышни одна за другою—невѣстами; всѣ они для этого только, вѣдь, и жили. Молодыя парочки принимались вить себѣ гнѣзда и тутъ опять не обходилось безъ ссоръ и дракъ,—въ жаркихъ странахъ всѣ становятся такими горячими—ну, а вообще-то жизнь текла очень пріятно, и старики жили, да радовались на молодыхъ: молодежи все къ лицу! Изо дня въ день свѣтило солнышко, въ ѣдѣ недостатка не было,—ѣшь—не хочу, живи, да радуйся, вотъ и вся забота.

Но въ роскошномъ дворцѣ египетскаго хозяина, какъ звали его аисты, радостнаго было мало.

Могущественный владыка лежалъ въ огромномъ покоѣ съ росписными стѣнами, похожими на лепестки тюльпана; онъ почти совсѣмъ похолодѣлъ и высохъ, какъ мумія. Родственники и слуги окружали его ложе. Мертвымъ его еще назвать было нельзя, но и живымъ тоже. Надежда на исцѣленіе посредствомъ болотнаго цвѣтка, за которымъ полетѣла на далекій сѣверъ та, что любила его больше всѣхъ, была теперь потеряна. Не дождаться владыкѣ своей юной красавицы-дочери! „Она погибла!“ — сказали двѣ вернувшіяся на родину принцессы-лебедки. Онѣ даже сочинили о гибели своей подруги цѣлую исторію.

„Мы всѣ три летѣли по воздуху, какъ вдругъ замѣтилъ насъ охотникъ и пустилъ стрѣлу. Она попала въ нашу подружку, и бѣдная медленно, съ прощальною лебединою пѣснью,

опустилась на воды лѣсного озера. Тамъ на берегу, подъ душистою плакучею березой, мы и схоронили ее. Но мы отомстили за ея смерть: привязали къ хвостамъ ласточекъ, жившихъ подъ крышей избушки охотника, пучки зажженой соломы,— избушка сгорѣла, а съ нею и самъ хозяинъ ея. Зарево пожара освѣтило противоположный берегъ озера, гдѣ росла плакучая березка, подъ которою покоилась въ землѣ наша подруга. Да, не видать ей больше родимой земли!"

И обѣ заплакали. Аистъ, услыша ихъ рѣчи, защелкалъ отъ гнѣва клювомъ.

— Ложь, обманъ!—закричалъ онъ.—Охъ, такъ бы и вонзилъ имъ въ грудь свой клювъ!

— Да и сломалъ бы его!—замѣтила аистиха.—Хорошъ бы ты былъ тогда! Думай-ка лучше о себѣ самомъ, да о своемъ семействѣ, а все остальное по-боку!

— Я всетаки хочу завтра усѣсться на краю открытаго купола того покоя, гдѣ соберутся всѣ ученые и мудрецы. совѣщаться о больномъ. Можетъ быть, они и доберутся до истины!

Ученые и мудрецы собрались и завели длинные разговоры, изъ которыхъ аистъ не понялъ ни слова; да не много толку вышло изъ нихъ и для самого больного, не говоря уже о его дочери. Но послушать рѣчи ученыхъ намъ все же не мѣшаетъ,— мало-ли что приходится слушать!

Вѣрнѣе, впрочемъ, будетъ послушать и узнать кое-что изъ предыдущаго,—тогда мы поближе познакомимся со всею исторіей; во всякомъ случаѣ, узнаемъ изъ нея не меньше аиста.

„Любовь—родоначальница жизни! Высшая любовь рождаетъ и высшую жизнь! Лишь благодаря любви, можетъ больной возродиться къ жизни!" Вотъ что изрекли мудрецы, когда дѣло шло объ исцѣленіи больного владыки; изреченіе было необыкновенно мудро и хорошо изложено—по увѣренію самихъ мудрецовъ.

— Мысль не дурна!—сказалъ тогда же аистъ аистихѣ.

— А я что-то не возьму ея въ толкъ!—отвѣтила та.—И ужъ, конечно, это не моя вина, а ея! А, впрочемъ, меня все это мало касается; у меня есть о чемъ подумать и безъ того!

Потомъ ученые принялись толковать о различныхъ видахъ любви,—любовь влюбленныхъ отличается, вѣдь, отъ любви, которую чувствуютъ другъ къ другу родители и дѣти, и отъ любви свѣта къ растенію — говорили, что солнечный лучъ

цѣлуетъ тину, и изъ нея выходитъ ростокъ, говорили и о многомъ другомъ. И рѣчи ихъ отличались такою глубиной и ученостью, что аистъ былъ не въ силахъ даже слѣдить за ними, не то что пересказать ихъ аистихѣ. Онъ совсѣмъ призадумался, прищурилъ глаза и простоялъ такъ на одной ногѣ весь день. Ученость была ему не по плечу.

Зато аистъ отлично понялъ, что болѣзнь владыки была для всей страны и народа большимъ несчастіемъ, а исцѣленіе его, напротивъ, было бы огромнымъ счастіемъ,—это толковалъ весь народъ, всѣ отъ мала до велика. „Но гдѣ же растетъ цѣлебный цвѣтокъ?"—спрашивали всѣ другъ у друга, рылись въ ученыхъ рукописяхъ, старались прочесть о томъ въ звѣздахъ, спрашивали у всѣхъ четырехъ вѣтровъ, словомъ, добивались нужныхъ свѣдѣній всевозможными путями, но все напрасно. Тутъ-то ученые и мудрецы, какъ сказано, и изрекли: „Любовь—родоначальница жизни; она же возродитъ къ жизни и владыку!" Они и сами хорошенько не понимали смысла своего изреченія, но всетаки повторили его еще разъ и даже написали вмѣсто всякаго рецепта: „Любовь—родоначальница жизни!" Но какъ же приготовить по этому рецепту лѣкарство? Да, вотъ тутъ-то всѣ и стали втупикъ. Въ концѣ концовъ, всѣ единогласно рѣшили, что помощи должно ожидать отъ молодой принцессы, такъ горячо, такъ искренно любившей отца. Затѣмъ додумались и до того, какъ слѣдовало поступить принцессѣ. И вотъ, ровно годъ тому назадъ, ночью, когда серпъ новорожденной луны уже скрылся, принцесса отправилась въ пустыню къ мраморному сфинксу, отгребла песокъ отъ двери, что находилась въ цоколѣ, и прошла по длинному корридору внутрь одной изъ большихъ пирамидъ, гдѣ покоилась мумія древняго фараона,—принцесса должна была склониться головой на грудь умершаго, и ждать откровенія.

Она исполнила все въ точности, и ей было открыто во снѣ, что она должна летѣть на сѣверъ, въ Данію, къ глубокому болоту—мѣсто было обозначено точно—и сорвать тамъ лотосъ, который коснется ея груди, когда она нырнетъ въ глубину. Цвѣтокъ этотъ вернетъ жизнь ея отцу.

Вотъ почему принцесса и полетѣла въ лебединомъ опереніи на „Дикое болото". Все это аистъ съ аистихой давно знали, а теперь знаемъ и мы—получше, чѣмъ раньше. Знаемъ мы также, что болотный царь увлекъ бѣдную принцессу на дно

трясины, и что дома ее уже считали погибшею навѣки. Но мудрѣйшій изъ мудрецовъ сказалъ то же, что и аистиха: „Она выпутается изъ бѣды!“ Ну, и рѣшили ждать, —иного, вѣдь, ничего и не оставалось.

— Право, я стащу лебединыя опèренія у этихъ гадкихъ принцессъ!—сказалъ аистъ.—Тогда, небось, не прилетятъ больше на болото, да не выкинутъ еще какой-нибудь штуки! Перья же ихъ я припрячу тамъ на всякій случай!

— Гдѣ это тамъ?—спросила аистиха.

— Въ нашемъ гнѣздѣ, близь болота!—отвѣтилъ аистъ.— Наши птенцы могутъ помочь мнѣ перенести ихъ; если же будетъ черезчуръ тяжело, то, вѣдь, по дорогѣ найдутся мѣста, гдѣ ихъ можно припрятать до слѣдующаго перелета въ Данію. Принцессѣ хватило бы и одного оперенія, но два всетаки лучше: на сѣверѣ не худо имѣть въ запасѣ лишнюю одежду.

— Тебѣ и спасибо-то за все это не скажутъ! — замѣтила аистиха.—Но ты, вѣдь, глава семьи! Я имѣю голосъ, лишь когда сижу на яйцахъ!

Дѣвочка, которую пріютили въ замкѣ викинга близъ „Дикаго болота“, куда каждую весну прилетали аисты, получила имя Гельги, но это имя было слишкомъ нѣжно для нея. Въ прекрасномъ тѣлѣ обитала жесткая душа. Мѣсяцы шли за мѣсяцами, годы за годами, аисты ежегодно совершали тѣ же перелеты: осенью къ берегамъ Нила, весною къ Дикому болоту, а дѣвочка все подростала; не успѣли опомниться, какъ она стала шестнадцатилѣтнею красавицей. Дивно-прекрасна была оболочка, но жестко самое ядро. Гельга поражала своею дикостью и необузданностью даже въ тѣ суровыя, мрачныя времена. Она тѣшилась, купая руки въ теплой дымящейся крови только что зарѣзанной жертвенной лошади, перекусывала въ порывѣ дикаго нетерпѣнія горло черному пѣтуху, приготовленному въ жертву богамъ, а своему пріемному отцу сказала однажды совершенно серьезно:

— Приди ночью твой врагъ, поднимись по веревкѣ на крышу твоего дома, сними самую крышу надъ твоимъ покоемъ, я бы не разбудила тебя, если бы даже могла! Я бы не слышала ничего—такъ звенитъ еще въ моихъ ушахъ пощечина, которую ты далъ мнѣ много лѣтъ тому назадъ! Я не забыла ея!

Но викингъ не повѣрилъ, что она говоритъ серьезно; онъ,

какъ и всѣ, былъ очарованъ ея красотой и не зналъ ничего о двойственности ея души и внѣшней оболочки. Безъ сѣдла скакала Гельга, словно приросшая, на дикомъ конѣ, мчавшемся во весь опоръ, и не соскакивала на землю, даже если конь начиналъ грызться съ дикими лошадьми. Не раздѣваясь, бросалась она съ обрыва въ быстрый фіордъ и плыла навстрѣчу ладьѣ викинга, направлявшейся къ берегу. Изъ своихъ густыхъ, чудныхъ волосъ она вырѣзала самую длинную прядь и сплела изъ нея тетиву для лука.

— Все надо дѣлать самой! Лучше выйдетъ!—говорила она.

Годы и привычка закалили душу и волю жены викинга, но въ сравненіи съ дочерью она была просто робкою, слабою женщиной. Но она-то знала, что виной всему были злыя чары, тяготѣвшія надъ ужасною дѣвушкой.

Гельга часто доставляла себѣ злое удовольствіе помучить мать: увидавъ, что та вышла на крыльцо или на дворъ, она садилась на самый край колодца, и сидѣла тамъ, болтая руками и ногами, потомъ вдругъ бросалась въ узкую, глубокую яму, ныряла съ головой, опять выплывала и опять ныряла, точно лягушка, затѣмъ съ ловкостью кошки выкарабкивалась наверхъ и являлась въ главный покой зáмка вся мокрая; потоки воды бѣжали съ ея волосъ и платья на полъ, смывая и унося усыпавшіе его зеленые листья.

Одно только немного сдерживало дикую, необузданную дѣвушку—наступленіе сумерокъ. Подъ вечеръ она какъ-то утихала, словно задумывалась и даже слушалась матери, къ которой влекло ее какое-то инстинктивное чувство. Солнце заходило, и—превращеніе совершалось: Гельга становилась тихою, грустною жабою и, съежившись, сидѣла въ уголкѣ. Тѣло ея было куда больше, чѣмъ у обыкновенной жабы, и тѣмъ ужаснѣе на видъ. Она напоминала скорѣе уродливую карлицу, съ головой жабы и плавательною перепонкой между пальцами. Въ глазахъ же свѣтилась кроткая грусть, изъ груди вылетали жалобные звуки, похожіе на всхлипываніе ребенка во снѣ. Въ это время жена викинга могла брать ее къ себѣ на колѣни и невольно забывала все ея уродство, глядя въ эти печальные глаза.

— Право, я готова желать, чтобы ты всегда оставалась моею дочкой-жабой!—нерѣдко говорила она жабѣ.—Ты куда ужаснѣе въ своемъ обыкновенномъ видѣ, хоть и дивно хороша собою!

И она чертила руны, разрушающія чары и исцѣляющія недуги, и перебрасывала ихъ черезъ голову несчастной, но толку не было.

— Кто бы повѣрилъ, что она умѣщалась когда-то въ чашечкѣ кувшинки!—сказалъ аистъ.—Теперь она совсѣмъ взрослая и лицомъ—вылитая мать, египетская принцесса. А ту мы такъ и не видали больше! Не удалось ей, видно, выпутаться изъ бѣды, какъ вы съ мудрецомъ предсказывали. Я, изъ года въ годъ, то и дѣло летаю надъ болотомъ вдоль и поперекъ, но она до сихъ поръ не подала ни малѣйшаго признака жизни! Да ужъ повѣрь мнѣ! Я-то знаю, о чемъ говорю! Всѣ эти годы я, вѣдь, прилеталъ сюда раньше тебя, чтобы починить наше гнѣздо, поправить кое-что, и цѣлыя ночи напролетъ—словно я филинъ или летучая мышь—леталъ надъ болотомъ, да все безъ толку! И два лебединыхъ оперенія, что мы съ такимъ трудомъ въ три перелета перетащили сюда, не пригодились! Вотъ ужъ сколько лѣтъ они лежатъ безъ пользы въ нашемъ гнѣздѣ. Случись пожаръ, загорись этотъ бревенчатый домъ—отъ нихъ не останется и слѣда!

— И отъ гнѣзда нашего тоже!—сказала аистиха.—Но о немъ ты думаешь меньше, чѣмъ объ этихъ перьяхъ, да о болотной принцессѣ! Отправлялся бы ужъ и самъ къ ней въ трясину. Дурной ты отецъ семейства! Я говорила это еще въ ту пору, когда въ первый разъ сидѣла на яйцахъ! Вотъ подожди, эта шальная дѣвчонка еще угодитъ въ кого-нибудь изъ насъ стрѣлою! Она, вѣдь, сама не знаетъ, что дѣлаетъ! А мы-то здѣсь подольше живемъ, чѣмъ она—хоть бы объ этомъ попомнила! И повинности наши мы уплачиваемъ честно: перо, яйцо и одного птенца въ годъ, какъ положено! Что ты думаешь, мнѣ придетъ теперь въ голову слетѣть внизъ во дворъ, какъ бывало въ старые годы или какъ и нынче въ Египтѣ, гдѣ я держусь на дружеской ногѣ со всѣми—нисколько не забываясь, впрочемъ—и сую носъ во всѣ горшки и котлы? Нѣтъ, здѣсь я сижу въ гнѣздѣ, да злюсь на эту дѣвчонку! И на тебя тоже! Оставилъ бы ее въ кувшинкѣ, пусть бы себѣ погибла!

— Ты гораздо добрѣе въ душѣ, чѣмъ на словахъ!—сказалъ аистъ.—Я тебя знаю лучше, чѣмъ ты сама!

И онъ подпрыгнулъ, тяжело взмахнулъ два раза крыльями, вытянулъ ноги назадъ, распустилъ оба крыла, точно паруса, и пролетѣлъ, не шевеля ни однимъ изъ нихъ, довольно большое

пространство; потомъ опять сильно взмахнулъ крыльями и опять поплылъ по воздуху. Солнце играло на бѣлыхъ перьяхъ, шея и голова граціозно вытянулись впередъ... Вотъ такъ полетъ, вотъ такъ взмахи крыльевъ!

— Онъ и до сихъ поръ красивѣе всѣхъ!—сказала аистиха.—Но ему-то я не скажу этого!

Въ эту осень викингъ вернулся съ набѣга рано. Много добычи и плѣнныхъ привезъ онъ съ собою. Въ числѣ плѣнныхъ былъ молодой христіанскій священникъ, одинъ изъ тѣхъ, что отвергали боговъ древняго Сѣвера. Въ послѣднее время въ замкѣ викинга—и въ главномъ покоѣ, и на женской половинѣ—то и дѣло слышались разговоры о новой вѣрѣ, которая распространилась по всѣмъ странамъ юга и, благодаря Св. Ансгарію, проникла даже сюда на сѣверъ. Гельгѣ мало было дѣла до вѣры въ бѣлаго Христа, пожертвовавшаго собою изъ любви къ людямъ и ради ихъ спасенія. Она всѣ эти разказы, какъ говорится, въ одно ухо впускала, а въ другое выпускала. Слово „любовь" находило доступъ въ ея душу лишь въ тѣ минуты, когда она, въ образѣ жабы, сидѣла, съежившись, въ запертой комнатѣ. Но жена викинга чутко прислушивалась къ разсказамъ и преданіямъ, ходившимъ о Сынѣ Единаго Истиннаго Бога, и они будили въ ней новыя чувства.

Воины, вернувшись домой, разсказывали о великолѣпныхъ храмахъ, высѣченныхъ изъ драгоцѣннаго камня и воздвигнутыхъ въ честь Того, Чьимъ завѣтомъ была любовь. Въ числѣ добычи находились и два тяжелыхъ золотыхъ сосуда искусной работы, изъ которыхъ исходилъ какой-то удивительный ароматъ.

Это были двѣ кадильницы, которыми кадили христіанскіе священники передъ алтарями, никогда не окроплявшимися кровью. На этихъ алтаряхъ вино и хлѣбъ превращались въ кровь и тѣло Христовы, принесенныя Имъ въ жертву ради спасенія всѣхъ людей—даже не родившихся еще поколѣній.

Христіанина связали по рукамъ и ногамъ веревками изъ лыка и посадили въ глубокій, сложенный изъ камней подвалъ замка. Какъ онъ былъ прекрасенъ! „Словно самъ Бальдуръ!" *)—сказала жена викинга, тронутая бѣдственнымъ положеніемъ плѣн-

*) Сынъ Одина и Фрейи, богъ свѣта. *Примѣч. перев.*

ника, а Гельгѣ хотѣлось, чтобы ему продернули подъ колѣнками толстыя веревки и привязали къ хвостамъ дикихъ быковъ.

— Я бы выпустила на нихъ собакъ: то-то бы травля пошла! По лѣсамъ, по болотамъ, прямо въ степь! Любо! А еще лучше—самой нестись за ними по пятамъ!

Но викингъ готовилъ плѣннику иную смерть: христіанинъ, какъ отрицатель и поноситель могучихъ боговъ, былъ обреченъ въ жертву этимъ самымъ богамъ. На жертвенномъ камнѣ, въ священной рощѣ, впервые должна была пролиться человѣческая кровь.

Гельга выпросила позволеніе обрызгать кровью жертвы изображенія боговъ и народъ, отточила свой ножъ и потомъ съ розмаху всадила его въ бокъ пробѣгавшей мимо огромной, свирѣпой дворовой собакѣ.

— Для пробы!—сказала она, а жена викинга сокрушенно поглядѣла на дикую, злую дѣвушку. Ночью, когда красота и безобразіе Гельги, по обыкновенію, помѣнялись мѣстами, мать обратилась къ ней со словами горячей укоризны, которыя сами собою вырвались изъ наболѣвшей души.

Безобразная жаба стояла, устремивъ на мать свои печальные каріе глаза и, казалось, понимала каждое слово, какъ разумный человѣкъ.

— Никогда и никому, даже супругу моему не проговорилась я о томъ, что терплю изъ-за тебя!—говорила жена викинга.—И сама не думала я, что такъ жалѣю тебя! Велика, видно, любовь материнская, но твоя душа не знаетъ любви! Сердце твое похоже на холодную тину, изъ которой ты явилась въ мой домъ!

Безобразное животное задрожало, какъ будто слова матери затронули какія-то невидимыя нити, соединявшія тѣло съ душой; на глазахъ жабы выступили крупныя слезы.

— Настанетъ время и твоего испытанія!—продолжала жена викинга.—Но много горя придется тогда извѣдать и мнѣ!.. Ахъ, лучше бы выбросили мы тебя на проѣзжую дорогу, когда ты была еще крошкой; пусть бы ночной холодъ усыпилъ тебя навѣки!

Тутъ жена викинга горько заплакала и ушла, полная гнѣва и печали, за занавѣску изъ звѣриной шкуры, подвѣшенной къ балкѣ и замѣнявшей перегородку.

Жаба, съежившись, сидѣла въ углу одна; мертвая тишина прерывалась лишь тяжелыми, полуподавленными вздохами жи-

вотнаго; казалось, въ глубинѣ сердца жабы съ болью зарождалась новая жизнь. Вдругъ она сдѣлала шагъ къ дверямъ, прислушалась, потомъ двинулась дальше, схватилась своими безпомощными лапами за тяжелый дверной болтъ и тихонько выдвинула его изъ скобы. Въ горницѣ стоялъ зажженный ночникъ; жаба взяла его и вышла за двери. Ее влекла впередъ, придавая ей необыкновенныя силы, чья-то высшая воля. Вотъ она вынула желѣзный болтъ изъ скобы, прокралась къ спавшему плѣннику и дотронулась до него своею холодною, липкою лапой. Плѣнникъ проснулся, увидалъ безобразное животное и задрожалъ, словно передъ навожденіемъ злого духа. Но жаба перерѣзала ножемъ связывавшія его веревки и сдѣлала ему знакъ слѣдовать за нею.

Плѣнникъ сотворилъ молитву и крестное знаменіе —навожденіе не исчезало; тогда онъ произнесъ:

— Блаженъ, кто разумно относится къ малымъ симъ,—Господь спасетъ его въ день несчастья!.. Но кто ты? Какъ можетъ скрываться подъ оболочкой животнаго сердце, полное милосерднаго состраданія?

Жаба опять кивнула головой, провела плѣнника по уединенному проходу, между спускавшимися съ потолка до полу коврами, въ конюшню и указала на одну изъ лошадей. Плѣнникъ вскочилъ на лошадь, но вслѣдъ за нимъ вскочила и жаба и примостилась впереди его, уцѣпившись за гриву лошади. Плѣнникъ понялъ ея намѣреніе и пустилъ лошадь вскачь по окольной дорогѣ, которой никогда бы не нашелъ одинъ.

Скоро онъ забылъ безобразіе животнаго, понялъ, что чудовище было орудіемъ милости Божіей, и изъ устъ его полились молитвы и священные псалмы. Жаба задрожала — подъ вліяніемъ-ли могущественной силы молитвъ, или отъ утренняго предразсвѣтнаго холодка? Что ощущало животное—неизвѣстно, но оно приподнялось на лошади, какъ бы желая остановить ее и спрыгнуть на землю. Христіанинъ силою удержалъ его и продолжалъ громко пѣть псаломъ, какъ бы думая побѣдить имъ злыя чары. Лошадь понеслась еще быстрѣе; небо заалѣло, и вотъ, первый лучъ солнца прорвалъ облако и брызнулъ на путниковъ. Въ ту же минуту произошло превращеніе: жаба стала молодою красавицей съ демонски-злою душой! Молодой христіанинъ увидалъ, что держитъ въ объятіяхъ красавицу-дѣвушку, испугался, остановилъ лошадь и соскочилъ на землю,

думая, что передъ нимъ новое навожденіе. Но и Гельга въ одинъ прыжокъ очутилась на землѣ; короткое платье едва доходило ей до колѣнъ; выхвативъ изъ-за пояса ножъ, она бросилась на остолбенѣвшаго христіанина.

— Постой!—крикнула она.—Постой, я проколю тебя ножомъ насквозь! Ишь, поблѣднѣлъ, какъ солома! Рабъ! Безбородый!

Между нею и плѣнникомъ завязалась упорная борьба, но молодому христіанину, казалось, помогали невидимыя силы. Онъ крѣпко стиснулъ руки дѣвушки, а старый дубъ, росшій у дороги, помогъ ему одолѣть ее окончательно: Гельга запуталась ногами въ узловатыхъ, переплетающихся корняхъ дуба, вылѣзшихъ изъ земли. Христіанинъ крѣпко охватилъ ее руками и повлекъ къ протекавшему тутъ же источнику. Окропивъ водою грудь и лицо дѣвушки, онъ произнесъ противъ нечистаго духа, сидѣвшаго въ ней, заклинаніе и осѣнилъ ее крестнымъ знаменіемъ, но одно наружное крещеніе водою не имѣетъ настоящей силы, если душа не омыта внутреннимъ источникомъ вѣры.

И всетаки во всѣхъ дѣйствіяхъ и словахъ христіанина, совершавшаго таинство, была какая-то особая сверхчеловѣческая сила, которая и покорила Гельгу. Она опустила руки и удивленными глазами, вся блѣдная отъ волненія, смотрѣла на молодого человѣка. Онъ казался ей могущественнымъ волшебникомъ, посвященнымъ въ тайную науку. Онъ, вѣдь, чертилъ надъ ней таинственные знаки, творилъ заклинанія! Она не моргнула бы глазомъ передъ занесеннымъ надъ ея головой блестящимъ топоромъ или острымъ ножомъ, но когда онъ начертилъ на ея челѣ и груди знакъ креста, она закрыла глаза, опустила голову на грудь и присмирѣла, какъ прирученная птичка. Тогда онъ кротко заговорилъ съ нею о подвигѣ любви, совершономъ ею въ эту ночь, когда она, въ образѣ отвратительной жабы, явилась освободить его отъ узъ и вывести изъ мрака темницы къ свѣту и жизни. Но сама она—говорилъ онъ—опутана еще болѣе крѣпкими узами, и теперь его очередь освободить ее и вывести къ свѣту и жизни. Онъ повезетъ ее въ Гедебю *), къ святому Ансгарію, и тамъ, въ этомъ христіанскомъ городѣ, чары съ нея будутъ сняты. Но онъ уже не смѣлъ везти ее на лошади передъ собою, хотя она и покорилась ему.

*) Городъ, гдѣ была воздвигнута „апостоломъ сѣвера“, Св. Ансгаріемъ, первая въ томъ краю (Шлезвигѣ) христіанская церковь. *Примѣч. перев.*

— Ты сядешь позади меня, а не впереди! Твоя красота обладаетъ злою силой, и я боюсь ея! Но съ помощью Христа побѣда всетаки будетъ на моей сторонѣ.

Тутъ онъ преклонилъ колѣна и горячо помолился; безмолвный лѣсъ какъ будто превратился въ святой храмъ: словно члены новой паствы, запѣли птички; дикая мята струила ароматъ, какъ бы желая замѣнить ладонъ. Громко прозвучали слова св. Писанія:

„Народъ, сидящій во тьмѣ, увидѣлъ свѣтъ великій, и сидящимъ въ странѣ тѣни смертной возсіялъ свѣтъ!“

И онъ сталъ говорить дѣвушкѣ о духовной тоскѣ, о стремленіи къ высшему всей природы, а ретивый конь въ это время стоялъ спокойно, пощипывая листики ежевики; сочныя, спѣлыя ягоды падали въ руку Гельги, какъ бы предлагая ей утолить ими жажду.

И дѣвушка покорно дала христіанину усадить себя на крупъ лошади; Гельга было словно во снѣ. Христіанинъ связалъ двѣ вѣтви на подобіе креста и высоко поднялъ его передъ собою. Затѣмъ они продолжали путь по лѣсу, который все густѣлъ и густѣлъ, дорожка становилась все ўже и ўже, а гдѣ и вовсе пропадала. Терновые кусты преграждали путь, точно опущенные шлагбаумы; приходилось объѣзжать ихъ. Источникъ превратился не въ быстрый ручей, а въ стоячее болото; и его надо было объѣхать. Въ лѣсной чащѣ вѣяло отрадною, подкрѣпляющею и освѣжающею душу прохладой, но не меньше подкрѣпляли и освѣжали душу кроткія, дышащія вѣрою и христіанскою любовью, рѣчи христіанина, воодушевленнаго желаніемъ вывести заблудшую изъ мрака къ свѣту и жизни.

Говорятъ, дождевая капля долбитъ твердый камень, волны морскія обтачиваютъ и округляютъ оторванные обломки скалъ — роса Божьяго милосердія, окропившая душу Гельги, также продолбила ея жесткую оболочку, сгладила всѣ шероховатости. Но сама Гельга еще не отдавала себѣ отчета въ томъ, что въ ней совершается: вѣдь, и едва выглянувшій изъ земли ростокъ, впивая благотворную влагу росы и поглощая теплые лучи солнышка, тоже мало вѣдаетъ о заложенномъ въ немъ сѣмени жизни и будущемъ плодѣ.

И, какъ пѣсня матери незамѣтно западаетъ въ душу ребенка, ловящаго одни отдѣльныя слова, не понимая ихъ смысла, который станетъ ему яснымъ лишь съ годами — такъ западали въ душу Гельги и животворныя слова христіанина.

Вотъ они выѣхали изъ лѣса въ степь, потомъ опять углубились въ дремучій лѣсъ и подъ вечеръ встрѣтили разбойниковъ.

— Гдѣ ты подцѣпилъ такую красотку?—закричали они, остановили лошадь и стащили всадника и всадницу; сила была на сторонѣ разбойниковъ.

У христіанина для защиты былъ лишь ножъ, который онъ вырвалъ въ борьбѣ у Гельги. Одинъ изъ разбойниковъ замахнулся на него топоромъ, но молодой человѣкъ успѣлъ отскочить въ сторону, иначе былъ бы убитъ на мѣстѣ. Топоръ глубоко врѣзался въ шею лошади; кровь хлынула ручьемъ, и животное упало. Тутъ Гельга словно очнулась отъ глубокой задумчивости и припала къ издыхающей лошади. Христіанинъ тотчасъ заслонилъ дѣвушку собою, но одинъ изъ разбойниковъ раздробилъ ему голову сѣкирой. Кровь и мозгъ брызнули во всѣ стороны, и молодой человѣкъ палъ мертвымъ.

Разбойники схватили Гельгу за бѣлыя руки, но въ эту минуту солнце закатилось, и она превратилась въ безобразную жабу. Блѣдно-зеленый ротъ растянулся до самыхъ ушей, руки и ноги стали тонкими и липкими, а кисти рукъ превратились въ вѣерообразныя лапы съ перепонкой между пальцами. Разбойники въ ужасѣ выпустили ее изъ рукъ. Безобразное животное постояло передъ ними съ минуту, затѣмъ повинуясь животному инстинкту, подпрыгнуло выше своего роста и скрылось въ лѣсной чащѣ. Разбойники поняли, что это или Локе *) сыгралъ съ ними злую шутку, или передъ ними совершилось волею неба чудо, и въ ужасѣ убѣжали прочь.

Полный мѣсяцъ освѣтилъ окрестность, и безобразная жаба выползла изъ кустовъ. Она остановилась передъ трупами христіанина и коня и долго смотрѣла на нихъ полными слезъ глазами; изъ груди ея вырвалось тихое кваканье, похожее на всхлипываніе ребенка. Потомъ она начала бросаться то къ тому, то къ другому, черпала своею глубокою перепончатою горстью воду и брызгала на убитыхъ. Но мертвыхъ не воскресишь! Она поняла это. Скоро набѣгутъ дикіе звѣри и растерзаютъ ихъ тѣла! Нѣтъ, не бывать этому! Она выроетъ для нихъ такую глубокую могилу, какую только сможетъ. Но у нея не было никакихъ орудій, кромѣ толстаго обломка вѣтви и своихъ пе-

*) Локе—богъ, олицетворявшій коварство и хитрость. *Прим. пер.*

репончатыхъ лапъ. Въ пылу работы она разорвала перепонку; изъ лапъ полилась кровь. Тутъ она поняла, что ей не справиться съ работою, опять зачерпнула воды и обмыла лицо мертваго; затѣмъ, прикрыла тѣла свѣжими зелеными листьями, на нихъ набросала большихъ вѣтвей, сверху еще листьевъ, на все это навалила тяжелыхъ камней, какіе только въ силахъ была поднять, а всѣ отверстія между ними заткнула мхомъ. Она надѣялась, что подъ такимъ могильнымъ курганомъ тѣла будутъ въ безопасности. За этою тяжелою работой прошла вся ночь; выглянуло солнышко, и Гельга опять превратилась въ красавицу-дѣвушку, но руки ея были всѣ въ крови, а по розовымъ дѣвичьимъ щекамъ, въ первый разъ въ жизни, струились слезы. Въ первую минуту по превращеніи въ ея двойственной натурѣ произошла борьба. Дрожа всѣмъ тѣломъ и тревожно озираясь кругомъ, словно только пробудясь отъ страшнаго сна, простояла она нѣсколько минутъ на мѣстѣ, затѣмъ, бросилась къ стройному буку, крѣпко уцѣпилась за вѣтви, ища точку опоры, и въ одинъ мигъ, какъ кошка, вскарабкалась на вершину. Тамъ она крѣпко примостилась на вѣтвяхъ и сидѣла, какъ пугливая бѣлка, весь день, одна-одинешенька, среди пустыннаго безмолвія лѣса. Пустынное безмолвіе лѣса! Да, тутъ было и пустынно и безмолвно, только въ воздухѣ кружились бабочки, не то играя, не то борясь между собою; муравьиныя кучи, кишмя-кишѣли крохотными насѣкомыми; въ воздухѣ плясали безчисленные рои комаровъ, носились тьмы жужжащихъ мухъ, божьихъ коровокъ, стрекозъ и другихъ крылатыхъ созданьицъ; дождевой червякъ выползалъ изъ сырой почвы; кроты выбрасывали комья земли,—словомъ, тихо и пустынно здѣсь было лишь въ томъ смыслѣ, въ какомъ принято говорить и понимать это. Никто изъ лѣсныхъ обитателей не обращалъ на Гельгу вниманія, кромѣ сорокъ, съ крикомъ летавшихъ надъ вершиной дерева, гдѣ она сидѣла. Онѣ даже перепрыгивали съ вѣтки на вѣтку, подбираясь поближе къ ней,— такія онѣ смѣлыя и любопытныя! Но довольно было ей метнуть на нихъ взглядъ, и онѣ разлетѣлись; такъ имъ и не удалось разгадать это странное явленіе, да и сама Гельга не могла разгадать себя!

Передъ закатомъ солнца предчувствіе приближавшагося превращенія заставило Гельгу слѣзть съ дерева; послѣдній лучъ погасъ, и она опять сидѣла на землѣ въ видѣ съежившейся

жабы съ разорванною перепонкою между пальцами. Но глаза безобразнаго животнаго сіяли такою красотою, какою врядъ-ли отличались даже глаза красавицы Гельги. Въ этихъ кроткихъ, нѣжныхъ глазахъ свѣтились глубоко-чувствующая душа и человѣческое сердце; ручьями лились изъ нихъ слезы, облегчая переполненную горемъ душу.

На курганѣ лежалъ еще крестъ—послѣдняя работа умершаго христіанина. Гельга взяла его, и ей сама собою пришла въ голову мысль утвердить крестъ между камнями надъ курганомъ. При воспоминаніи о погребенномъ подъ нимъ, слезы заструились еще сильнѣе, и Гельга, повинуясь какому-то внутреннему сердечному влеченію, вздумала начертить знаки креста на землѣ вокругъ всего кургана,—вышла бы такая красивая ограда! Но едва она начертила обѣими лапами первый же крестъ, перепонка слетѣла съ нихъ, какъ разорванная перчатка. Она омыла ихъ въ водѣ источника и удивленно посмотрѣла на свои бѣлыя, тонкія руки, невольно сдѣлала ими тотъ же знакъ въ воздухѣ между собою и могилою, губы ея задрожали, и съ языка слетѣло имя, которое она столько разъ во время пути слышала отъ умершаго: „Господи Іисусе Христе“!

Мгновенно оболочка жабы слетѣла съ Гельги, и она опять стала молодою красавицей-дѣвушкой; но голова ея устало склонилась на грудь, все тѣло просило отдыха—она заснула.

Недолго, однако, спала она; въ полночь она пробудилась: передъ нею стояла убитая лошадь, полная жизни, вся окруженная сіяніемъ; глаза ея метали пламя; изъ глубокой раны на шеѣ тоже лился свѣтъ. Рядомъ съ лошадью стоялъ и убитый христіанинъ, „прекраснѣе самого Бальдура“—сказала бы жена викинга. Онъ тоже былъ весь окруженъ сіяніемъ.

Кроткіе глаза его смотрѣли испытующе-серьезно, какъ глаза праведнаго судіи, проникающаго взглядомъ въ самые сокровенные уголки души. Гельга задрожала, память ея пробудилась мгновенно, словно въ день послѣдняго суда. Все доброе, что выпало ей на долю, каждое ласковое слово, слышанное ею—все это мгновенно ожило въ ея памяти, и она поняла, что ее, дитя живой души и мертвой тины, поддержала въ дни испытанія, внутренней борьбы и стремленія—одна *любовь*. Она сознала, что повиновалась при этомъ лишь голосу внутренняго настроенія, а сама для себя не сдѣлала ничего. Все было ей дано, все она совершила не сама собою, а руководимая чьею-то

высшею волею. Сознавая все свое ничтожество, полная стыда, смиренно преклонилась она передъ тѣмъ, кто читалъ въ глубинѣ ея сердца. Въ ту же минуту она почувствовала, какъ зажглась въ ней, какъ бы отъ удара молніи, свѣтлая, божественная искра, искра Духа Святого.

— Дочь тины!—сказалъ христіанинъ.—Изъ тины, изъ земли ты взята, изъ земли же ты нѣкогда и возстанешь! Солнечный лучъ, что животворитъ твое тѣло, сознательно стремится слиться со своимъ источникомъ; но источникъ его не солнце, а самъ Богъ! Ни одна душа въ мірѣ не погибаетъ, но медленно тянется время человѣческаго испытанія здѣсь на землѣ, хотя вся жизнь земная и есть лишь единый мигъ вѣчности. Я явился къ тебѣ изъ обители мертвыхъ; нѣкогда и ты совершишь тотъ же путь черезъ глубокія долины въ горнія свѣтлыя селенія, гдѣ обитаетъ Милость и Совершенство. Я поведу тебя теперь, но не въ Гедебю для воспринятія крещенія,— ты должна сначала прорвать пелену, стелящуюся надъ глубокимъ болотомъ, и освободить живой корень твоей жизни и колыбели, выполнить свое дѣло, прежде нежели удостоишься посвященія!

И, посадивъ ее на лошадь, онъ протянулъ ей золотую кадильницу, похожую на ту, что Гельга видѣла раньше въ замкѣ викинга; изъ кадильницы струился ароматный фиміамъ. Рана на лбу убитаго христіанина сіяла точно діадема. Онъ взялъ крестъ, возвышавшійся надъ курганомъ, и высоко поднялъ его передъ собою; затѣмъ, они понеслись по воздуху надъ шумящимъ лѣсомъ, надъ курганами, подъ которыми были погребены герои, верхомъ на своихъ добрыхъ коняхъ. И могучія тѣни поднялись, выѣхали и остановились на вершинахъ кургановъ; лунный свѣтъ игралъ на золотыхъ обручахъ, красовавшихся на лбахъ героевъ; плащи ихъ развѣвались по вѣтру. Драконъ, стражъ сокровищъ, поднялъ голову и смотрѣлъ воздушнымъ путникамъ вслѣдъ. Карлики выглядывали на нихъ изъ холмовъ, изъ бороздъ, проведенныхъ плугомъ, мелькая голубыми, красными и зелеными огоньками,—словно сотни искръ перебѣгали по золѣ, оставшейся послѣ сгорѣвшей бумаги.

Они пролетали надъ лѣсами, степями, озерами и трясинами, направляясь къ „Дикому болоту“. Долетѣвъ до него, они принялись рѣять надъ нимъ: христіанинъ высоко поднималъ крестъ, блестѣвшій, точно золотой, а изъ устъ его лились священ-

ныя пѣснопѣнія; Гельга вторила ему, какъ дитя вторитъ пѣснѣ матери, и кадила при этомъ золотою кадильницей. Изъ кадильницы струился такой сильный, чудодѣйственный фиміамъ, что осока и тростникъ зацвѣли, а со дна болота поднялись зеленые стебли, все, что только носило въ себѣ зародышъ жизни, пустило ростки и вышло оттуда на свѣтъ Божій. На поверхности воды раскинулся роскошный цвѣточный коверъ изъ кувшинокъ, а на немъ покоилась въ глубокомъ снѣ молодая женщина дивной красоты. Гельга подумала, что видитъ въ зеркалѣ водъ свое собственное отраженіе, но это была ея мать, супруга болотнаго царя, египетская принцесса.

Христіанинъ повелѣлъ спящей подняться на лошадь; послѣдняя опустилась подъ новою тяжестью, точно свободно висящій въ воздухѣ саванъ, но христіанинъ осѣнилъ ее крестнымъ знаменіемъ, и тѣнь вновь окрѣпла. Всѣ трое выѣхали на твердую почву.

Пропѣлъ пѣтухъ во дворѣ замка викинга, и видѣнія разсѣялись въ воздухѣ, какъ туманъ отъ дуновенія вѣтра. Мать и дочь очутились лицомъ къ лицу.

— Не себя-ли я вижу въ глубокой водѣ?—спросила мать.

— Не мое-ли это отраженіе въ водяномъ зеркалѣ?—промолвила дочь.

Онѣ приблизились другъ къ другу и крѣпко обнялись. Сердце матери забилось сильнѣе, и она поняла—почему.

— Мое дитя, цвѣтокъ моего сердца, мой лотосъ изъ глубины водъ!

И она опять обняла дочь и заплакала; эти слезы были для Гельги новымъ крещеніемъ, возрождавшимъ ее къ жизни и любви.

— Я прилетѣла на болото въ лебединомъ опереніи и здѣсь сбросила его съ себя!—начала свой разсказъ мать.—Ступивъ на зыбкую почву, я погрузилась въ болотную тину, которая сейчасъ же сомкнулась надъ моею головой. Скоро я почувствовала притокъ свѣжей воды, какая-то невѣдомая сила увлекала меня все глубже и глубже; вѣки мои отяжелѣли, и я заснула... Во снѣ мнѣ грезилось, что я опять внутри египетской пирамиды, но передо мной попрежнему стоялъ колеблющійся ольховый пень, который такъ испугалъ меня на поверхности болота. Я разсматривала трещины на его корѣ, и онѣ вдругъ засвѣтились и стали іероглифами—передо мной очутилась ужъ мумія.

Наружная оболочка ея вдругъ распалась, и оттуда выступилъ древній царь, покоившійся муміею тысячи лѣтъ, черный, какъ смоль, лоснящійся, какъ лѣсная улитка или какъ жирная, черная болотная грязь. Былъ-ли передо мною самъ болотный царь или мумія—я ужъ перестала понимать. Онъ обвилъ меня руками, и мнѣ показалось, что я умираю. Очнулась я, почувствовавъ на своей груди что-то теплое: на груди у меня сидѣла, трепеща крылышками, птичка, щебетала и пѣла. Потомъ она взлетѣла съ моей груди кверху, къ черному, тяжелому своду, но длинная зеленая лента привязывала ее ко мнѣ. Я поняла ея тоскливое щебетанье: „На волю, на волю, къ отцу!“ Мнѣ вспомнился мой отецъ, залитая солнцемъ родина, вся моя жизнь, моя любовь... и я развязала узелъ, отпустила птичку на волю, къ отцу! Съ той минуты я уже не видѣла никакихъ сновъ и спала непробудно, пока меня не вызвали со дна болота дивные звуки и ароматъ!

Гдѣ же развѣвалась, гдѣ была теперь зеленая лента, привязывавшая птичку къ сердцу матери? Видѣлъ ее лишь аистъ,—лентой былъ, вѣдь, зеленый стебель, узломъ блестящій цвѣтокъ—колыбель малютки, которая теперь превратилась въ юную красавицу-дѣвушку и опять покоилась на груди у матери.

А въ то время, какъ онѣ стояли обнявшись на берегу болота, надъ нимъ кружился аистъ. Онъ сейчасъ же слеталъ назадъ въ гнѣздо за спрятанными тамъ давнымъ-давно опереньями и бросилъ ихъ матери съ дочерью. Онѣ сейчасъ же накинули ихъ на себя и поднялись на воздухъ въ видѣ бѣлыхъ лебедокъ.

— Теперь поговоримъ!—сказалъ аистъ.—Теперь мы поймемъ другъ друга, хотя клювъ и не у всѣхъ птицъ скроенъ одинаково!.. Хорошо, что вы явились какъ разъ сегодня ночью,—днемъ насъ бы ужъ не было тутъ. И я, и жена, и птенцы—всѣ улетаемъ поутру на югъ! Я, вѣдь, старый знакомый вашъ съ Нильскихъ береговъ! И жена моя тутъ же со мною; сердце у нея добрѣе, чѣмъ языкъ! Она всегда говорила, что принцесса выпутается изъ бѣды! А я и птенцы наши перенесли сюда лебединыя перья!.. Ну, очень радъ! Вѣдь, это просто счастье, что я еще здѣсь! На зарѣ мы улетаемъ всею компаніей! Мы полетимъ впередъ, только не отставайте, и вы не собьетесь съ дороги! Мы съ птенцами будемъ, впрочемъ, присматривать за вами.

— И я принесу съ собою на родину лотосъ!—сказала египетская принцесса.—Онъ летитъ рядомъ со мною въ лебединомъ опереніи! Цвѣтокъ моего сердца со мною,—вотъ какъ это все разрѣшилось! Домой теперь, домой!

Но Гельга сказала, что не можетъ покинуть Данію, не повидавшись съ своею пріемною матерью, доброю женою викинга. Гельга припомнила всю ея доброту, каждое ея ласковое слово, каждую слезу, пролитую ею изъ-за пріемной дочери, и въ эту минуту дѣвушкѣ казалось даже, что она любитъ ту мать сильнѣе, чѣмъ эту.

— Да намъ и надо слетать въ замокъ викинга!—отвѣтилъ аистъ.—Тамъ, вѣдь, ждетъ насъ жена съ птенцами! Вотъ-то заворочаютъ они глазами и затрещатъ! Жена, та, пожалуй, немного скажетъ! Она вообще скупа на слова, выражается кратко и вразумительно, а думаетъ еще лучше! Сейчасъ я затрещу, чтобы предупредить ихъ о нашемъ приближеніи!

И онъ затрещалъ, защелкалъ клювомъ. Скоро они подлетѣли къ замку викинга.

Въ замкѣ все было погружено въ глубокій сонъ. Забылась сномъ и жена викинга, но только позднею ночью: страхъ и безпокойство долго не давали ей уснуть. Прошло, вѣдь, уже три дня, какъ Гельга исчезла вмѣстѣ съ плѣннымъ христіаниномъ; должно быть, это она помогла ему бѣжать: въ конюшнѣ недоставало именно ея лошади. Но какъ могло все это случиться? И женѣ викинга невольно припомнились разсказы о чудесахъ, которыя творилъ Самъ бѣлый Христосъ и вѣровавшіе въ него. Всѣ эти мысли, бродившія въ ея головѣ на яву, облеклись во снѣ въ живые образы, и вотъ, ей пригрезилось, что она попрежнему сидитъ на постели, погруженная въ думы о Гельгѣ; все кругомъ тонетъ въ сплошномъ мракѣ, надвигается буря. Съ обѣихъ сторонъ—и со стороны Сѣвернаго моря, и со стороны Каттегата слышится грозный шумъ прибоя. Чудовищная змѣя, обвивающая въ глубинѣ морской кольцомъ всю землю, бьется въ судорогахъ. Приближалась страшная ночь—Рагнарокъ, какъ древніе называли послѣднюю ночь, когда рушится міръ и погибнутъ самые боги. Вотъ жена викинга слышитъ громкій звукъ рога и видитъ, какъ выѣзжаютъ по радугѣ изъ небесныхъ чертоговъ боги, закованные въ свѣтлые доспѣхи, выѣзжаютъ на послѣднюю битву! Передъ ними летятъ крылатыя валькиріи, а замыкается поѣздъ рядами умершихъ героевъ.

Воздухъ весь освѣтился сѣвернымъ сіяніемъ, но мракъ скоро побѣдилъ. Приближался ужасный часъ.

Возлѣ жены викинга сидитъ на полу Гельга въ образѣ безобразной жабы, дрожитъ отъ страха и жмется къ ней. Она беретъ жабу на колѣни и съ любовью прижимаетъ къ себѣ, несмотря на ея наружное безобразіе. Вотъ, воздухъ задрожалъ отъ ударовъ мечей и палицъ, засвистѣли стрѣлы—словно градъ посыпался съ неба. Насталъ тотъ часъ, когда земля и небо должны были рушиться, звѣзды упасть съ неба, и все погибнуть въ пламени Суртура*).

Но жена викинга знала, что послѣ того возникнутъ новое небо и новая земля, и хлѣбная нива заволнуется тамъ, гдѣ прежде катило свои волны по желтому песчаному дну сердитое море. Она знала, что воцарится новый невѣдомый Богъ, и къ нему вознесется кроткій, свѣтлый Бальдуръ, освобожденный изъ царства тѣней. И вдругъ она видитъ его передъ собою! Она узнала его съ перваго взгляда,—это былъ плѣнный христіанинъ.

— Бѣлый Христосъ!—воскликнула она и, произнося это имя, поцѣловала въ лобъ свое безобразное дитя-жабу. Въ ту же минуту оболочка съ жабы спала, и передъ ней очутилась Гельга, прекрасная, какъ всегда, но такая кроткая, и съ такимъ сіяющимъ любовью взглядомъ, какъ никогда. Она поцѣловала руки жены викинга, какъ бы благодаря ее за всѣ заботы и любовь, которыми она окружала свою пріемную дочь въ тяжелое время испытанія, за всѣ добрыя мысли и чувства, которыя она пробудила въ ея душѣ и за произнесенное ею сейчасъ имя бѣлаго Христа. Гельга повторила это имя, и вдругъ поднялась на воздухъ въ видѣ лебедя; бѣлыя крылья его распустились и зашумѣли, словно взлетала на воздухъ цѣлая стая птицъ.

Тутъ жена викинга проснулась. На дворѣ въ самомъ дѣлѣ слышалось хлопанье крыльевъ. Она знала, что настала пора обычнаго отлета аистовъ, и догадалась, что это они шумѣли крыльями. Ей захотѣлось еще разъ взглянуть на нихъ и попрощаться съ ними. Она встала, подошла къ отверстію, замѣнявшему окно, распахнула ставню и выглянула на дворъ. На крышѣ надворнаго строенія сидѣли рядышкомъ сотни аистовъ, а надъ дворомъ, надъ высокими деревьями, летали стаями

*) Суртуръ - „Черный“, владыка тьмы, преисподней. *Примѣч. перев.*

другіе; прямо же противъ окна, на краю колодца, гдѣ такъ часто сиживала, пугая свою пріемную мать, красавица Гельга, сидѣли двѣ лебедки, устремивъ свои умные глаза на жену викинга. Она вспомнила свой сонъ, который произвелъ на нее такое глубокое впечатлѣніе, что почти казался ей дѣйствительностью, вспомнила Гельгу, въ образѣ лебедя, и христіанина, и сердце ея вдругъ радостно забилось.

Лебедки захлопали крыльями и граціозно изогнули шеи, точно кланяясь ей, а она, какъ бы въ отвѣтъ на это, протянула къ нимъ руки и задумчиво улыбнулась имъ сквозь слезы.

Аисты, шумя крыльями и щелкая клювами, взвились въ воздухъ, готовясь направить свой полетъ къ югу.

— Мы не станемъ ждать этихъ лебедокъ!—сказала аистиха.—Коли хотятъ летѣть съ нами пусть не мѣшкаютъ! Не оставаться же намъ тутъ, пока не соберутся летѣть кулики! А, вѣдь, летѣть такъ, какъ мы, семьями, куда красивѣе, чѣмъ такъ, какъ летятъ зяблики или турухтаны: у тѣхъ мужья летятъ сами по себѣ, а жены сами по себѣ! Просто неприлично! А у лебедей-то, у лебедей-то что за полетъ?!

— Всякъ летитъ по своему!—отвѣтилъ аистъ.—Лебеди летятъ косою линіей, журавли—треугольникомъ, а кулики—змѣею!

— Пожалуйста, не напоминай теперь о змѣяхъ!—замѣтила аистиха.—У птенцовъ могутъ пробудиться желанія, а какъ ихъ тутъ удовлетворить?

— Такъ вотъ онѣ, высокія горы, о которыхъ я слышала!—сказала Гельга, летѣвшая въ образѣ лебедки.

— Нѣтъ, это плывутъ подъ нами грозовыя тучи!—возразила мать.

— А что это за бѣлыя облака въ вышинѣ?—спросила дочь.

— Это вѣчно снѣжныя вершины горъ!—отвѣтила мать, и онѣ, перелетѣвъ Альпы, продолжали путь по направленію къ Средиземному морю.

— Африка! Египетъ!—ликовала дочь Нильскихъ береговъ, завидѣвъ съ высоты желтую, волнистую береговую полосу своей родины.

Завидѣли берегъ и аисты и ускорили полетъ.

— Вотъ ужъ запахло Нильскою тиной и влажными лягушками!—сказала аистиха птенцамъ.—Охъ, даже защекотало внутри! Да, вотъ теперь сами попробуете, каковы онѣ на вкусъ,

увидите марабу, ибисовъ и журавлей. Они всѣ нашего же рода, только далеко не такіе красивые. А важничаютъ! Особенно ибисы,—ихъ избаловали египтяне; они дѣлаютъ изъ ибисовъ муміи, набивая ихъ душистыми травами. А по мнѣ лучше быть набитой живыми лягушками! Вотъ вы узнаете, какъ это пріятно! Лучше при жизни быть сытымъ, чѣмъ послѣ смерти попасть въ музей! Таково мое мнѣніе, а оно самое вѣрное!

— Вотъ и аисты прилетѣли!—сказали обитатели дворца на Нильскомъ берегу. Въ открытомъ покоѣ, на мягкомъ ложѣ, покрытомъ шкурой леопарда, лежалъ самъ царственный владыка, попрежнему ни живой, ни мертвый, ожидая цѣлебнаго лотоса изъ глубокаго сѣвернаго болота. Родственники и слуги окружали ложе.

И вдругъ, въ покой влетѣли двѣ прекрасныя бѣлыя лебедки, прилетѣвшія вмѣстѣ съ аистами. Онѣ сбросили съ себя опереніе, и всѣ присутствовавшіе увидали двухъ красавицъ, похожихъ другъ на друга, какъ двѣ капли воды. Онѣ приблизились къ блѣдному, увядшему старцу и откинули назадъ свои длинные волосы. Гельга склонилась къ дѣду, и въ ту же минуту щеки его окрасились румянцемъ, глаза заблистали, жизнь вернулась въ окоченѣвшее тѣло. Старецъ всталъ помолодѣвшимъ, здоровымъ, бодрымъ! Дочь и внучка взяли его за руки, точно для утренняго привѣтствія послѣ длиннаго, тяжелаго сна.

Что за радость воцарилась во дворцѣ! Въ гнѣздѣ аистовъ тоже радовались—главнымъ образомъ, впрочемъ, хорошему корму и обилію лягушекъ. Ученые впопыхахъ записывали исторію обѣихъ принцессъ и цѣлебнаго цвѣтка, принесшаго съ собою счастье и радость всей странѣ и всему царствующему дому, аисты же разсказывали ее своимъ птенцамъ, но, конечно, по своему, и не прежде, чѣмъ всѣ наѣлись до сыта,—не то у нихъ нашлось бы иное занятіе!

— Теперь и тебѣ перепадетъ кое-что!—шепнула аистиха мужу.—Ужъ не безъ того!

— А что мнѣ нужно,—сказалъ аистъ:—и что я такое сдѣлалъ? Ничего!

— Ты сдѣлалъ побольше другихъ! Безъ тебя и нашихъ птенцовъ принцессамъ вовѣкъ не видать бы Египта и не исцѣлить старика. Конечно, тебѣ перепадетъ за это! Тебя, навѣрно, удостоятъ степени доктора, и наши слѣдующіе птенцы уже родятся въ этомъ званіи, ихъ птенцы—тоже, и т. д.! На мои глаза—ты и теперь, ни дать-ни взять, египетскій докторъ!

А ученые и мудрецы продолжали развивать основную мысль, проходившую, какъ они говорили, красною нитью черезъ все событіе, и толковали ее на разные лады. „Любовь — родоначальница жизни“, это была основная мысль, а истолковывали ее такъ: „Египетская принцесса, какъ солнечный лучъ, проникла во владѣнія болотнаго царя, и отъ ихъ встрѣчи произошелъ цвѣтокъ“...

— Я не сумѣю, какъ слѣдуетъ, передать ихъ рѣчей! —сказалъ подслушавшій эти разговоры аистъ, когда ему пришлось пересказать ихъ въ гнѣздѣ. —Они говорили такъ длинно и такъ мудрено, что ихъ сейчасъ же наградили чинами и подарками; даже лейбъ-поваръ получилъ орденъ—должно быть, за супъ!

— А ты что получилъ?—спросила аистиха.—Не слѣдовало бы имъ забывать самое главное лицо, а это—ты! Ученые-то только языкомъ трепали! Но дойдетъ еще очередь и до тебя!

Позднею ночью, когда весь дворецъ, всѣ его счастливые обитатели спали сладкимъ сномъ, не спала во всемъ домѣ лишь одна живая душа. Это былъ не аистъ,—онъ хоть и стоялъ возлѣ гнѣзда на одной ногѣ, но спалъ на стражѣ; не спала Гельга. Она вышла на террасу и смотрѣла на чистое, ясное небо, усѣянное большими, блестящими звѣздами, казавшимися ей куда больше и ярче тѣхъ, что она привыкла видѣть на сѣверѣ. Но это были тѣ же самыя звѣзды! И Гельгѣ вспомнились кроткіе глаза жены викинга и слезы, пролитыя ею надъ своею дочкой-жабой, которая теперь любовалась великолѣпнымъ звѣзднымъ небомъ на берегу Нила, вдыхая чудный весенній воздухъ. Она думала о томъ, какъ умѣла любить эта язычница, какими нѣжными заботами окружала она жалкое созданіе, скрывавшее въ себѣ подъ человѣческою оболочкой звѣриную натуру, а въ звѣриной—внушавшее такое отвращеніе, что противно было на него и взглянуть, не то что дотронуться! Гельга смотрѣла на сіяющія звѣзды и вспоминала блескъ, исходившій отъ чела убитаго христіанина, когда они летѣли вмѣстѣ надъ лѣсомъ и болотомъ. Въ ушахъ ея снова раздавались тѣ звуки и слова, которыя она слышала отъ него тогда, когда сидѣла позади него на лошади: онъ говорилъ ей о великомъ источникѣ любви, высшей любви, обнимающей всѣ поколѣнія людскія!..

Да, чего только ни было ей дано, чего она ни достигла! Дни и ночи думала Гельга о выпавшемъ на ея долю счастьѣ, созерцала свою жизнь, которая вела ее чудесными путями все

Всесоюзная БИБЛИОТЕКА им. В. И. ЛЕНИНА

къ высшей радости и блаженству, и такъ и застыла въ этомъ созерцаніи, какъ ребенокъ, который быстро переноситъ взоръ отъ дарящаго къ подаркамъ. Она вся ушла въ думы о своемъ настоящемъ счастьѣ и о будущемъ, которое ожидало ее, должно было ожидать ее впереди, и совсѣмъ забыла о Томъ, Кто даровалъ ей это счастье. Въ ней кипѣла отвага молодости, глаза ея блистали отъ восторга. Но вотъ, однажды, слухъ ея былъ привлеченъ страшнымъ шумомъ на дворѣ. Она взглянула туда и увидѣла двухъ большихъ сильныхъ страусовъ, бѣгавшихъ, сломя голову, кругомъ по двору. Гельга въ первый разъ видѣла этихъ огромныхъ, тяжелыхъ, неуклюжихъ птицъ, съ точно обрубленными крыльями. Онѣ бѣгали, встревоженныя, испуганныя, словно ихъ кто обидѣлъ. Гельга спросила, что съ ними случилось, и впервые услышала египетское преданіе о страусѣ.

Когда-то страусъ отличался дивною красотой; крылья его были велики и сильны. Однажды вечеромъ другія могучія лѣсныя птицы сказали страусу: „Братъ, завтра, Богъ дастъ, полетимъ къ рѣкѣ напиться!“ И страусъ отвѣтилъ: „Я хочу летѣть!“ На зарѣ птицы полетѣли. Все выше и выше взвивались онѣ, все ближе и ближе къ солнышку, Божьему оку. Страусъ летѣлъ одинъ, впереди всѣхъ, горделиво, стремясь къ самому источнику свѣта и полагаясь лишь на свои силы, а не на Подателя ихъ; онъ не говорилъ: „Богъ дастъ“, а „я хочу“, и вотъ, ангелъ возмездія сдернулъ съ раскаленнаго солнечнаго диска тонкую пелену—въ ту же минуту крылья страуса опалило, какъ огнемъ, и онъ безсильный, уничтоженный, упалъ на землю. Никогда больше онъ и весь его родъ не могли подняться съ земли! Испугавшись чего-нибудь, они мечутся, какъ угорѣлые, описывая все одинъ и тотъ же узкій кругъ, и служатъ намъ, людямъ, живымъ напоминаніемъ и предостереженіемъ: и мы каждую нашу мысль, каждое дѣло, должны начинать словами: „дастъ Богъ“.

Гельга задумчиво опустила голову, посмотрѣла на страусовъ, мечущихся не то отъ ужаса, не то отъ глупой радости, при видѣ своей собственной тѣни на бѣлой, освѣщенной луною, стѣнѣ, и душою ея овладѣло серьезное настроеніе. Да, ей выпала на долю богатая счастьемъ жизнь, что же ждетъ ее впереди?—Еще высшее счастье—„дастъ Богъ!“

Раннею весною, передъ отлетомъ аистовъ на сѣверъ, Гельга

взяла золотое кольцо, начертила на немъ свое имя и подозвала къ себѣ своего знакомца-аиста. Когда тотъ приблизился, Гельга надѣла ему кольцо на шею, прося отнести его женѣ викинга,— кольцо скажетъ ей, что пріемная дочь ея жива, счастлива и помнитъ о ней.

„Тяжеленько это будетъ нести!“ подумалъ аистъ. „Но золото и честь не выбросишь на дорогу! Аистъ приноситъ счастье—скажутъ тамъ на сѣверѣ!“

— Ты несешь золото, а я яйца!—сказала аистиха.—Но ты-то принесешь его только разъ, а я несу яйца каждый годъ! Благодарности же не дождется ни одинъ изъ насъ! Вотъ что обидно!

— Довольно и собственнаго сознанія, женушка!—сказалъ аистъ.

— Ну его не повѣсишь себѣ на шею!—отвѣтила аистиха.— Оно тебѣ ни корму, ни попутнаго вѣтра не дастъ!

И они улетѣли.

Крошечный пѣвецъ, соловей, распѣвавшій въ тамариндовой рощѣ, тоже собирался улетѣть на сѣверъ; въ былыя времена Гельга часто слышала его возлѣ „Дикаго болота“. И она дала порученіе и соловью: съ тѣхъ поръ, какъ она полетала въ лебединомъ опереніи, она могла объясняться на птичьемъ языкѣ и часто разговаривала и съ аистами, и съ ласточками, которые понимали ее. Соловей тоже понялъ ее: она просила его поселиться на Ютландскомъ полуостровѣ въ буковомъ лѣсу, гдѣ возвышался курганъ изъ древесныхъ вѣтвей и камней, и уговорить другихъ пѣвчихъ птичекъ ухаживать за могилой и, неумолкая, пѣть надъ нею свои пѣсни.

Соловей полетѣлъ стрѣлой, полетѣло стрѣлой и время!

Осенью орелъ, сидѣвшій на вершинѣ пирамиды, увидѣлъ приближавшійся богатый караванъ; двигались нагруженные сокровищами верблюды, гарцовали на горячихъ арабскихъ коняхъ разодѣтые и вооруженные всадники. Серебристо-бѣлые кони съ красными раздувающимися ноздрями и густыми гривами, ниспадавшими до тонкихъ стройныхъ ногъ, горячились и фыркали. Знатные гости, въ числѣ которыхъ былъ и одинъ аравійскій принцъ, молодой и прекрасный, какимъ и подобаетъ быть принцу, въѣхали во дворъ могучаго владыки, хозяина аистовъ, гнѣздо которыхъ стояло теперь пустымъ. Аисты находились еще на сѣверѣ, но скоро должны были вернуться.

Они вернулись въ тотъ самый день, когда во дворцѣ царила самая шумная радость, кипѣло веселье, праздновали свадьбу. Невѣстой была разодѣтая въ шелкъ, сіявшая драгоцѣнными украшеніями, Гельга; женихомъ—молодой аравійскій принцъ. Они сидѣли рядомъ за свадебнымъ столомъ, между матерью и дѣдомъ.

Но Гельга не смотрѣла на смуглое мужественное лицо жениха, обрамленное черною, курчавою бородой, не смотрѣла и въ его огненные, черные глаза, не отрывавшіеся отъ ея лица. Она устремила взоръ на усѣянный свѣтлыми звѣздами небесный сводъ.

Вдругъ въ воздухѣ послышались шумъ и хлопанье крыльевъ,—вернулись аисты. Старые знакомые Гельги были тутъ же, и какъ ни устали они оба съ пути, какъ ни нуждались въ отдыхѣ, сейчасъ же спустились на перила террасы, зная, что за праздникъ идетъ во дворцѣ. Знали они также—эта вѣсть долетѣла до нихъ, едва они приблизились къ границамъ страны—что Гельга велѣла нарисовать ихъ изображенія на стѣнѣ дворца: аисты были, вѣдь, тѣсно связаны съ исторіею ея собственной жизни.

— Очень мило!—сказалъ аистъ.

— Очень и очень мало!—объявила аистиха.—Меньшаго ужъ нельзя было и ожидать!

Увидавъ аистовъ, Гельга встала и вышла къ нимъ на террасу, погладить ихъ по спинѣ. Старый аистъ наклонилъ голову, а молодые смотрѣли изъ гнѣзда и чувствовали себя польщеными.

Гельга опять подняла взоръ къ небу и засмотрѣлась на блестящія звѣзды, сверкавшія все ярче и ярче. Вдругъ она увидала, что между ними и ею витаетъ прозрачный, свѣтлый, свѣтлѣе самого воздуха, образъ. Вотъ онъ приблизился къ Гельгѣ, и она узнала убитаго христіанина. И онъ явился къ ней въ этотъ торжественный день, явился изъ небесныхъ чертоговъ!

— Небесный блескъ и красота превосходятъ все, что можетъ представить себѣ смертный!—сказалъ онъ.

И Гельга стала просить его такъ кротко, такъ неотступно, какъ никогда еще никого и ни о чемъ не просила, взять ее туда, въ небесную обитель, къ Отцу, хоть на одну минуту, позволить ей бросить хоть одинъ-единственный взглядъ на небесное великолѣпіе!

И онъ вознесся съ нею въ обитель блеска, свѣта и чудной

гармоніи. Дивные звуки и мысли не только звучали и свѣтились вокругъ Гельги въ воздухѣ, но и внутри ея, въ глубинѣ ея души. Словами ни передать, ни разсказать того, что она чувствовала!

— Пора вернуться! Тебя ищутъ!—сказалъ онъ.

— Еще минутку!—молила она.—Еще одинъ мигъ!

— Пора вернуться! Всѣ гости уже разошлись!

— Еще одно мгновеніе! Послѣднее...

И вотъ, Гельга опять очутилась на террасѣ, но... всѣ огни и въ саду, и въ дворцовыхъ покояхъ были уже потушены, аистовъ не было, гостей и жениха—тоже; все словно вѣтеръ развѣялъ за эти три краткія мгновенія.

Гельгу охватилъ страхъ, и она прошла черезъ огромный, пустынный покой въ слѣдующій. Тамъ спали чужеземные воины! Она отворила боковую дверь, которая вела въ ея собственный покой, и вдругъ очутилась въ саду,—все стало тутъ по другому! Край неба алѣлъ, занималась заря.

Въ три минуты, проведенныя ею на небѣ, протекла цѣлая земная ночь!

Тутъ Гельга увидала аистовъ, подозвала ихъ къ себѣ, заговорила съ ними на ихъ языкѣ, и аистъ поднялъ голову, прислушался и приблизился къ ней.

— Ты говоришь по нашему!—сказалъ онъ.—Что тебѣ надо? Откуда ты, незнакомка?

— Да, вѣдь, это же я, Гельга! Ты не узнаешь меня? Три минуты тому назадъ я разговаривала съ тобой тутъ, на террасѣ!

— Ты ошибаешься!—отвѣтилъ аистъ.—Ты, вѣрно, видѣла все это во снѣ!

— Нѣтъ, нѣтъ!—сказала она и стала припоминать ему замокъ викинга, „Дикое болото“, полетъ сюда...

Аистъ заморгалъ глазами и сказалъ:—А, это старинная исторія! Я слышалъ ее еще отъ моей пра-пра-прабабушки! Тутъ, въ Египтѣ, правда, была такая принцесса изъ Даніи, но она исчезла въ самый день своей свадьбы, много-много лѣтъ тому назадъ! Ты сама можешь прочесть объ этомъ на памятникѣ, что стоитъ въ саду! Тамъ же высѣчены лебедки и аисты, а на вершинѣ памятника стоишь ты сама, изваянная изъ бѣлаго мрамора!

Такъ оно и было. Гельга увидѣла памятникъ, поняла все и пала на колѣни.

Взошло солнце и, какъ прежде съ появленіемъ его спадала

съ Гельги безобразная оболочка жабы, и изъ нея выходила молодая красавица, такъ теперь изъ бренной тѣлесной оболочки, очищенной крещеніемъ свѣта, вознесся къ небу прекрасный образъ, чище, прозрачнѣе воздуха; солнечный лучъ вернулся къ Отцу!

А тѣло распалось въ прахъ; на томъ мѣстѣ, гдѣ стояла колѣнопреклоненная Гельга, лежалъ теперь увядшій лотосъ.

— Новый конецъ исторіи!—сказалъ аистъ.—И совсѣмъ неожиданный! Но ничего, мнѣ онъ нравится!

— А что-то скажутъ о немъ дѣтки?—замѣтила аистиха.

— Да, это, конечно, важнѣе всего!—сказалъ аистъ.

СКОРОХОДЫ.

Былъ назначенъ призъ, даже два, одинъ большой, другой маленькій, за наибольшую быстроту—не на состязаніи, а вообще за быстроту въ теченіи цѣлаго года.

— Я получилъ первый призъ!—сказалъ заяцъ.—Можно, вѣдь, я думаю, ожидать справедливости, если судьи—твои близкіе друзья и родные. Но присудить второй призъ улиткѣ?! Мнѣ это даже обидно!

— Но, вѣдь, надо же принимать во вниманіе и усердіе и добрую волю, какъ справедливо разсудили высокоуважаемые судьи, и я вполнѣ раздѣляю ихъ мнѣніе!—замѣтилъ заборный столбъ, бывшій свидѣтелемъ присужденія призовъ.—Улиткѣ, правда, понадобилось полгода, чтобы переползти черезъ порогъ, но всетаки она очень спѣшила и даже сломала себѣ второпяхъ бедренную кость! Она всею душой и тѣломъ отдавалась своему дѣлу, да еще таскала при этомъ на спинѣ весь свой домъ! Такое усердіе достойно всякаго поощренія, вотъ она и получила второй призъ.

— Могли бы, кажется, и на меня обратить вниманіе!—сказала ласточка.—Быстрѣе меня на лету, смѣю думать, никого нѣтъ! И гдѣ только я ни побывала! Вездѣ, вездѣ!

— То-то вотъ и горе ваше!—сказалъ столбъ.—Ужъ больно много вы рыскаете! Вѣчно рветесь въ чужіе края, чуть здѣсь холодкомъ пахнетъ. Вы не патріотка! Нечего на васъ и обращать вниманіе!

— А если бы я проспала всю зиму въ болотѣ, тогда на меня обратили бы вниманіе?—спросила ласточка.

— Принесите удостовѣреніе отъ самой болотницы, что проспали на родинѣ хоть полгода, и на васъ сейчасъ же обратятъ вниманіе!

— Я-то заслуживала перваго приза, а не второго!—замѣтила улитка.—Я, вѣдь, знаю, что заяцъ бѣгаетъ только, когда думаетъ, что за нимъ гонятся,—изъ трусости! А я смотрѣла на движеніе, какъ на свою жизненную задачу, и пострадала на службѣ! Да, ужъ если кому слѣдовало присудить первый призъ, такъ это мнѣ! Но я не охотница кричать о себѣ! Презираю все подобное!

И она плюнула.

— Я могу засвидѣтельствовать, что каждый призъ—по крайней мѣрѣ, съ моей стороны—былъ присужденъ справедливо!—заявила межевая вѣха, одна изъ судей.—Я, вообще, держусь порядка, мѣры, расчета. Я уже восьмой разъ имѣю честь участвовать въ присужденіи призовъ, но только на этотъ разъ поставила на своемъ. Дѣло въ томъ, что я всегда присуждаю призы по алфавиту: для перваго приза беру букву съ начала, для второго—съ конца. Потрудитесь теперь обратить вниманіе на мой счетъ: восьмая буква съ начала—*з*, я и подала голосъ за *з*айца, а шестнадцатая, т.-е. дважды восьмая, съ конца *у* *), и вотъ, я присудила второй призъ *у*литкѣ. Въ слѣдующій разъ первый призъ назначу буквѣ *И*, а второй—буквѣ *С*. Главное дѣло всегда и во всемъ порядокъ! Иначе не на что и опереться.

— Не будь я самъ въ числѣ судей, я бы подалъ голосъ за себя!—сказалъ оселъ.—Надо обращать вниманіе не на одну быстроту, но и на другія качества, напримѣръ, на грузъ. На этотъ разъ я, впрочемъ, не хотѣлъ упирать на это обстоятельство, равно и на умъ зайца или на ловкость, съ какою онъ путаетъ свои слѣды, спасаясь отъ погони. Нѣтъ, есть еще одно обстоятельство, на которое вообще принято обращать вниманіе и которое никоимъ образомъ нельзя упускать изъ виду—красота. Я взглянулъ на прелестныя, замѣчательно развитыя уши зайца,—а на нихъ, право, залюбуешься—и мнѣ показалось, что я вижу самого себя, въ дѣтскомъ возрастѣ! Я и подалъ голосъ за зайца!

— Дзз!—зажужжала муха.—Я не собираюсь держать рѣчь,

*) Вслѣдствіе несоотвѣтствія русскаго и датскаго алфавитовъ здѣсь пришлось нѣсколько отступить отъ подлинника. *Примѣч. перев.*

я хочу только сказать нѣсколько словъ. Я-то ужъ попроворнѣе всякаго зайца,—это я хорошо знаю! Недавно я даже раздробила одному зайчишкѣ заднюю ногу! Я сидѣла на паровозѣ,—я это часто дѣлаю: такимъ образомъ лучше всего слѣдить за собственною быстротой. Заяцъ долго бѣжалъ впереди поѣзда: онъ и не подозрѣвалъ моего присутствія! Наконецъ, ему пришлось свернуть въ сторону; тутъ-то паровозъ и перерѣзалъ ему заднюю ногу,—*я*, вѣдь, сидѣла на немъ. Заяцъ остался на мѣстѣ, а я помчалась дальше. Кто же побѣдилъ? Полагаю—*я*! Но я не нуждаюсь въ призѣ!

„А по моему“, подумала дикая роза,—вслухъ она ничего не сказала: это было не въ ея характерѣ, хотя и лучше было бы, если бы она высказалась—„по моему, и перваго и второго приза заслуживалъ солнечный лучъ! Онъ въ одно мгновеніе пробѣгаетъ безконечное пространство, отдѣляющее землю отъ солнца, и пробуждаетъ отъ сна всю природу. Поцѣлуи его дарятъ красоту,—мы, розы, алѣемъ и благоухаемъ отъ нихъ! А высокіе судьи, кажется, совсѣмъ и не замѣтили его! Будь я лучемъ, я бы отплатила имъ солнечнымъ ударомъ... нѣтъ, это бы отняло у нихъ послѣдній умъ, а они и безъ того имъ не богаты! Лучше промолчу! Въ лѣсу миръ и тишина! Какъ хорошо цвѣсти, благоухать, упиваться свѣтомъ и росой, и жить въ сказаніяхъ и пѣсняхъ! Но солнечный лучъ переживетъ насъ всѣхъ!

— А какой первый призъ?—спросилъ дождевой червякъ; онъ проспалъ событіе и сейчасъ только явился на сборный пунктъ.

— Свободный входъ въ огородъ съ капустой!—отвѣтилъ оселъ.—Я самъ назначалъ призы! Первый призъ долженъ былъ получить заяцъ—я, какъ мыслящій и дѣятельный членъ комиссіи, и обратилъ надлежащее вниманіе на потребности и нужды зайца. Теперь онъ обезпеченъ. А улиткѣ мы предоставили право сидѣть на придорожномъ камнѣ и грѣться на солнышкѣ, да лизать мохъ. Кромѣ того, она избрана въ главные члены нашей *комиссіи*—какъ это принято называть у людей. Комиссіи, вѣдь, вообще нуждаются въ спеціалистахъ! И скажу прямо: судя по такому прекрасному началу, можно ожидать отъ нашей комиссіи многаго!

КОЛОКОЛЬНАЯ БЕЗДНА.

„Бомъ-бомъ!“ раздается звонъ изъ колокольной бездны рѣки Одензе.—Это что за рѣка?—Ее знаетъ любой ребенокъ въ городѣ Одензе; она огибаетъ сады и пробѣгаетъ подъ деревянными мостами, стремясь изъ шлюзовъ къ водяной мельницѣ. На рѣчной поверхности плаваютъ желтыя кувшинки, колышатся темнокоричневые султанчики тростника и высокая бархатная осока. Старыя дуплистыя, кривобокія, скорчившіяся ивы, ростущія возлѣ монастырскаго болота и луга бѣлильщика, нависаютъ надъ водою. По другому берегу тянутся разные сады. Въ нѣкоторыхъ ростутъ чудесные цвѣты, красуются чистенькія, словно игрушечныя, бесѣдки, въ другихъ виднѣется одна капуста, а иныхъ такъ и самихъ не видно: густые, раскидистые кусты бузины тѣснятся къ самой рѣкѣ, которая въ иныхъ мѣстахъ такъ глубока, что весломъ и не достать до дна. Самое глубокое мѣсто противъ Дѣвичьяго монастыря; зовется оно „колокольною бездной“, и въ безднѣ этой живетъ дѣдушка-водяной. Весь день, пока солнечные лучи проникаютъ въ воду, онъ спитъ, а ночью, при свѣтѣ мѣсяца и звѣздъ всплываетъ на поверхность. Онъ очень старъ. Еще бабушка моя слышала отъ своей бабушки, что онъ живетъ одинъ-одинешенекъ, и нѣтъ у него другого собесѣдника, кромѣ огромнаго, стараго церковнаго колокола. Когда-то колоколъ этотъ висѣлъ на колокольнѣ церкви Санктъ-Альбани; теперь ни отъ колокольни, ни отъ церкви не осталось и слѣда.

„Бомъ-бомъ-бомъ!“—звонилъ колоколъ, когда еще висѣлъ на колокольнѣ, и разъ вечеромъ, на закатѣ солнца, раскачнулся хорошенько, сорвался и полетѣлъ... Блестящая мѣдь такъ и засверкала пурпуромъ въ лучахъ заходящаго солнца.

„Бомъ-бомъ! Иду спать!“—зазвонилъ колоколъ и полетѣлъ прямо въ рѣку Одензе, въ самое глубокое мѣсто, которое и прозвали съ тѣхъ поръ „колокольною бездной“. Но не удалось колоколу уснуть, успокоиться: онъ звонитъ въ жилищѣ водяного такъ, что слышно иной разъ и на берегу. Люди говорятъ, что звонъ его предвѣщаетъ чью-нибудь смерть, но это неправда. Колоколъ звонитъ, бесѣдуя съ водянымъ, и послѣдній теперь уже не такъ одинокъ, какъ прежде.

О чемъ же звонитъ колоколъ? Колоколъ очень старъ; говорятъ, что онъ звонилъ на колокольнѣ еще раньше, чѣмъ ро-

дилась бабушкина бабушка, и всетаки онъ ребенокъ въ сравненіи съ самимъ водянымъ, диковиннымъ старикомъ, въ штанахъ изъ угриной кожи и чешуйчатой курткѣ, застегнутой желтыми кувшинками вмѣсто пуговицъ; волосы его опутаны тростникомъ, борода покрыта зеленою тиной, а отъ этого красивѣе не будешь!

Чтобы пересказать все, о чемъ звонитъ колоколъ, понадобились бы цѣлые годы. Онъ звонитъ обо всемъ, часто повторяетъ то же самое, иногда пространно, иногда вкратцѣ—какъ ему вздумается. Онъ звонитъ о старыхъ, мрачныхъ, суровыхъ временахъ...

„На колокольню церкви Санктъ-Альбани взбирался монахъ, молодой, красивый, но задумчивый, задумчивѣе всѣхъ... Онъ смотрѣлъ въ слуховое оконце на рѣку Одензе, русло которой было тогда куда шире, на болото, бывшее тогда озеромъ, и на зеленый „Монастырскій холмъ“. Тамъ возвышался „Дѣвичій монастырь“; изъ кельи монахини свѣтился огонекъ... Онъ зналъ ее когда-то!.. И сердце его билось сильнѣе при воспоминаніи о ней!.. Бомъ-бомъ!“

Такъ вотъ о чемъ звонитъ колоколъ.

„Подымался на колокольню и слабоумный послушникъ настоятеля. Я могъ бы разбить ему лобъ своимъ тяжелымъ мѣднымъ краемъ: онъ садился какъ разъ подо мною, да еще въ то время, когда я раскачивался и звонилъ. Бѣднякъ колотилъ двумя палочками по полу, словно игралъ на цитрѣ, и пѣлъ: „Теперь я могу пѣть громко о томъ, о чемъ не смѣю и шептать, пѣть обо всемъ, что скрыто за три-девятью замками!.. Холодно, сыро!.. Крысы пожираютъ его заживо!.. Никто не знаетъ о томъ, никто не слышитъ—даже теперь,—колоколъ гудитъ: бомъ-бомъ!“

„Жилъ-былъ король, звали его Кнудомъ. Онъ низко кланялся и епископамъ и монахамъ, но когда сталъ тѣснить ютландцевъ тяжелыми поборами, они взялись за оружіе и прогнали его, какъ дикаго звѣря. Онъ укрылся въ церкви, заперъ ворота и двери. Разъяренная толпа обложила церковь; я слышалъ ея ревъ; вороны и галки совсѣмъ перепугались и въ смятеніи то взлетали на колокольню, то улетали прочь, таращились на толпу, заглядывали въ окна церкви и громко вопили о томъ, что видѣли. Король Кнудъ лежалъ распростертый передъ алтаремъ и молился; братья его Эрикъ и Бенедиктъ стояли

возлѣ него съ обнаженными мечами, готовясь защищать короля; но вѣроломный слуга Блаке предалъ своего господина.

Толпа узнала, гдѣ находится король, и въ окно былъ пущенъ камень, убившій его на мѣстѣ... То-то ревѣла и выла дикая толпа, птицы кричали, а я гудѣлъ и звонилъ: бомъ-бомъ-бомъ!"

Церковный колоколъ виситъ высоко, видитъ далеко! Его навѣщаютъ птицы, и онъ понимаетъ ихъ языкъ! Посѣщаетъ его и вѣтеръ, врываясь въ слуховыя окна, во всѣ отверстія и щели, а вѣтеръ знаетъ обо всемъ отъ воздуха,—воздухъ облегаетъ, вѣдь, землю и все живое, проникаетъ даже въ легкія человѣка и воспринимаетъ каждый звукъ, каждое слово, каждый вздохъ!.. Воздухъ знаетъ обо всемъ, вѣтеръ разсказываетъ, колоколъ внимаетъ ему и звонитъ на весь міръ: бомъ-бомъ-бомъ!..

„Но ужъ слишкомъ много приходилось мнѣ слушать и узнавать, силъ не хватало звонить обо всемъ! Я усталъ, отяжелѣлъ, и балка обломилась, а я полетѣлъ по сіяющему воздуху прямо въ глубину рѣки, гдѣ живетъ водяной! Онъ одинокъ, и вотъ, я разсказываю ему изъ года въ годъ о томъ, что слышалъ и видѣлъ на свѣтѣ: бомъ-бомъ-бомъ!"

Такъ вотъ какой звонъ раздается изъ колокольной бездны рѣки Одензе,—я слышалъ объ этомъ отъ бабушки.

А школьный учитель нашъ говоритъ: „Какой тамъ можетъ звонить колоколъ? Никакого тамъ нѣтъ колокола! Нѣтъ и водяного,—водяныхъ совсѣмъ нѣтъ!" Когда же слышится веселый звонъ церковныхъ колоколовъ, онъ говоритъ, что это звучатъ, собственно, не колокола, а воздухъ; воздухъ производитъ звукъ.

Тоже, вѣдь, говорила и бабушка со словъ церковнаго колокола; въ этомъ учитель сошелся съ нею, значитъ, это такъ и есть.

„Гляди въ оба, и на себя оглядывайся!"—говорятъ и бабушка и учитель.

Да, воздухъ знаетъ обо всемъ! Онъ и вокругъ насъ, и въ насъ, онъ оглашаетъ всѣ наши мысли, всѣ наши дѣянія и будетъ оглашать ихъ куда дольше, чѣмъ колоколъ, что лежитъ на днѣ у водяного. Воздухъ разглашаетъ все по небесной безднѣ, и звуки уносятся выше, дальше, безконечно далеко, пока не дойдутъ до небесныхъ колоколовъ, и тѣ, въ свою очередь, не зазвонятъ: бомъ-бомъ-бомъ!

ЗЛОЙ КНЯЗЬ.

(ПРЕДАНІЕ).

Жилъ-былъ злой, высокомѣрный князь. Онъ только и думалъ о томъ, какъ бы покорить себѣ весь свѣтъ, на всѣхъ нагнать страхъ однимъ своимъ именемъ. И вотъ, онъ шелъ въ чужія земли съ огнемъ и мечомъ; воины его топтали нивы и зажигали крестьянскіе дома; красные языки лизали листья на деревьяхъ, а плоды поджаривались на обуглившихся вѣтвяхъ. Часто бѣдная мать укрывалась съ голенькимъ груднымъ малюткой за дымившимися стѣнами, но воины рыскали повсюду, находили ихъ, и начиналась дьявольская потѣха! Злые духи не могли поступать хуже. Но князю казалось, что дѣла шли, какъ должно. День ото дня росло его могущество, имя его наводило ужасъ на всѣхъ, и счастье сопровождало его во всѣхъ его дѣяніяхъ. Изъ покоренныхъ городовъ вывозилъ онъ золото и богатыя сокровища, и въ столицѣ его скопились несмѣтныя богатства; нигдѣ въ свѣтѣ не было ничего подобнаго. Онъ повелѣлъ строить великолѣпные дворцы, церкви и арки, и всѣ, видѣвшіе эти чудныя постройки, говорили: „Какой великій князь!“ Они не думали о бѣдствіяхъ, въ какія онъ повергъ чужія земли, не слышали стоновъ и жалобъ, раздававшихся въ ограбленныхъ и сожженныхъ городахъ.

Самъ князь смотрѣлъ на свое золото, на великолѣпныя зданія, и думалъ, какъ другіе: „Какой я великій князь! Но мнѣ еще мало всего этого! Хочу большаго! Ничья власть въ мірѣ не должна равняться съ моею, не то что превосходить ее!“

И онъ пошелъ войной на всѣхъ своихъ сосѣдей и всѣхъ покорилъ.

Плѣненныхъ королей онъ велѣлъ приковывать золотыми цѣпями къ своей колесницѣ всякій разъ, какъ собирался проѣхаться по улицамъ столицы. Когда же онъ сидѣлъ за столомъ, они должны были лежать у ногъ его и его придворныхъ и хватать куски хлѣба, которые имъ бросали.

Наконецъ, князь повелѣлъ воздвигнуть себѣ на площадяхъ и въ дворцахъ статуи; онъ хотѣлъ было поставить ихъ и въ храмахъ, передъ алтаремъ Господа, но священники сказали: „Князь, ты великъ, но Богъ выше тебя, мы не смѣемъ сдѣлать этого!“

— Ладно!—сказалъ злой князь.—Такъ я покорю и Бога!— И ослѣпленный безумною гордостью онъ приказалъ строить диковинный корабль, на которомъ можно было носиться по воздуху. Корабль былъ расписанъ разными красками и походилъ на павлиній хвостъ, усѣянный тысячами глазокъ, но каждый глазокъ былъ ружейнымъ дуломъ. Князь сѣлъ на корабль; стоило ему нажать одну пружину, изъ ружей вылетали тысячи пуль, а ружья сейчасъ же сами собой заряжались вновь. Сто могучихъ орловъ были впряжены въ корабль, и вотъ, онъ взвился въ воздухъ, къ солнцу. Земля едва виднѣлась внизу, горы и лѣса казались сначала вспаханнымъ дерномъ, затѣмъ нарисованными на плоской ландкартѣ, и, наконецъ, вовсе исчезли въ облачномъ туманѣ. Все выше и выше подымались орлы; тогда Богъ выслалъ одного изъ своихъ безчисленныхъ ангеловъ, но злой князь встрѣтилъ его ружейнымъ залпомъ. Пули отскочили отъ блистающихъ крыльевъ ангела, какъ градинки; только одна единственная капелька крови вытекла изъ бѣлоснѣжнаго крыла и упала въ корабль, гдѣ сидѣлъ князь; она глубоко въѣлась въ дерево и надавила на дно корабля съ страшною силой, словно тысячепудовая глыба свинца. Корабль полетѣлъ внизъ съ неимовѣрною быстротою; могучія крылья орловъ переломились; вѣтеръ такъ и свистѣлъ въ ушахъ у князя; облака, собравшіяся изъ дыма отъ сгорѣвшихъ городовъ, тѣснились вокругъ и принимали чудовищныя формы: огромныхъ раковъ, протягивавшихъ къ князю сильныя клешни, катящихся обломковъ скалъ и огнедышащихъ драконовъ. Князь лежалъ на днѣ корабля полумертвый отъ страха; наконецъ, корабль застрялъ въ густыхъ вѣтвяхъ лѣсныхъ деревьевъ.

— Я хочу одолѣть Бога!—сказалъ князь.—Я далъ себѣ клятву одолѣть его, и быть по сему!—И онъ приказалъ строить новые воздушные корабли; строили ихъ семь лѣтъ. Велѣлъ онъ также ковать молніи изъ твердѣйшей стали, чтобы взять твердыню неба приступомъ, и собралъ воиновъ со всѣхъ концовъ своего государства; войска покрыли пространство въ нѣсколько квадратныхъ миль. Воины готовы были сѣсть на корабли, князь подошелъ къ своему, но Богъ выслалъ на него рой комаровъ, одинъ только маленькій комариный рой. Насѣкомыя жужжали вокругъ князя и жалили его въ лицо и руки. Онъ злобно выхватилъ мечъ, но рубилъ имъ лишь воздухъ, въ комаровъ же попасть не удавалось. Тогда онъ велѣлъ принести драгоцѣнные

ковры и окутать себя ими съ ногъ до головы, чтобы ни одинъ комаръ не могъ достать до него своимъ жаломъ. Приказъ его былъ исполненъ, но одинъ комаръ ухитрился пробраться подъ самый нижній коверъ, заползъ въ ухо князя и ужалилъ его. Словно огонь разлился по крови князя, ядъ проникъ въ его мозгъ, и онъ сорвалъ съ себя всѣ ковры, разодралъ на себѣ одежды и принялся метаться и прыгать передъ толпой своихъ грубыхъ солдатъ, а тѣ только насмѣхались надъ безумнымъ княземъ, который хотѣлъ побѣдить Бога, и былъ самъ побѣжденъ комарикомъ!

ВѢТЕРЪ РАЗСКАЗЫВАЕТЪ О ВАЛЬДЕМАРѢ ДО И ЕГО ДОЧЕРЯХЪ.

Пронесется вѣтеръ надъ травой, и по ней пробѣжитъ легкая зыбь, словно по водяной поверхности; пронесется надъ нивою, и она взволнуется, какъ море; это—пляска вѣтра. А послушай его разсказы! Онъ поетъ ихъ, и голосъ его звучитъ на разные лады: въ лѣсу—такъ, въ домѣ, куда онъ врывается черезъ слуховыя окна, щели и дыры—иначе. Гляди, какъ вѣтеръ гонитъ облака; они несутся, точно стадо овецъ! А слышишь, какъ онъ воетъ въ воротахъ? Будто сторожъ трубитъ въ рогъ! Какъ странно свищетъ онъ въ трубѣ и въ каминѣ! Дрова трещатъ и разбрасываютъ искры; яркій отблескъ пламени забирается даже въ самые дальніе углы комнаты. Какъ тутъ тепло, какъ уютно, какъ пріятно сидѣть у комелька и слушать! Пусть только разсказываетъ самъ вѣтеръ! Онъ одинъ знаетъ исторій и сказокъ больше, чѣмъ мы всѣ вмѣстѣ. Слушай же, онъ начинаетъ:

„У-у-у! Проносись!“—это его припѣвъ.

— На берегу Большого Бельта лежитъ старая усадьба съ краснымъ кирпичнымъ господскимъ домомъ!—началъ вѣтеръ.— Мнѣ такъ знакомъ каждый кирпичъ: я видѣлъ ихъ всѣ, когда еще изъ нихъ сложенъ былъ замокъ Марска Стига; замокъ разрушился, а кирпичи опять пошли въ дѣло,—изъ нихъ выстроили новыя стѣны, новый домъ въ усадьбѣ Борребю; онъ стоитъ и по-сейчасъ.

Знавалъ я и всѣхъ высокородныхъ владѣтелей и владѣтельницъ усадьбы; много поколѣній смѣнилось на моихъ глазахъ! Я разскажу теперь о Вальдемарѣ До и его дочеряхъ!

Высоко держалъ онъ свою голову,—въ немъ текла королевская кровь! И умѣлъ онъ не только оленей травить да кубки осушать, а кое-что получше! Что же именно?—„А вотъ, со временемъ выяснится!"—говорилъ онъ.

Супруга его, разодѣтая въ парчевое платье, гордо выступала по блестящему мозаичному полу; обстановка дома была роскошная: гобелены, дорогая рѣзная мебель. А сколько серебряной и золотой посуды принесла госпожа съ собой въ приданое! Въ погребахъ хранилось нѣмецкое пиво—пока тамъ вообще хранилось что-нибудь! Въ конюшняхъ ржали великолѣпные вороные кони. Да, богатъ былъ владѣлецъ Борребю—пока богатство не ушло.

Были у него и дѣти, три нѣжныхъ цвѣтка: Ида, Іоганна и Анна-Доротея; я еще помню, какъ ихъ звали!

Да, богаты были обитатели Борребю, родились въ роскоши и воспитаны были въ роскоши! У-у-у! Проносись!—прогудѣлъ вѣтеръ и опять продолжалъ разсказъ:

— Тутъ мнѣ не случалось видѣть, какъ въ другихъ старинныхъ усадьбахъ, чтобы высокородная госпожа сидѣла въ парадной залѣ вмѣстѣ со своими дѣвушками за прялкою. Нѣтъ, она играла на звучной лютнѣ и пѣла, да не однѣ старыя датскія пѣсни, а и чужеземныя, на чужихъ языкахъ. Въ усадьбѣ жилось весело, наѣзжали знатные гости, и изъ ближнихъ и изъ дальнихъ окрестностей, раздавалась музыка, звенѣли бокалы, стонъ стоялъ въ воздухѣ, и даже мнѣ не подъ силу было заглушить его! Да, тутъ царила съ шумомъ и трескомъ господская спѣсь, тутъ были господа, но не было Господа!..

Былъ майскій вечеръ,—продолжалъ вѣтеръ:—я только что вернулся съ запада; я смотрѣлъ тамъ, какъ разбивались о ютландскій берегъ корабли, а потомъ со свистомъ пронесся надъ степью и покрытымъ зелеными лѣсами берегомъ, надъ островомъ Фіоніей и водами Большого Бельта, и успокоился только у береговъ Зеландіи. Здѣсь я улегся возлѣ Борребю, въ великолѣпномъ дубовомъ лѣсу,—онъ былъ еще цѣлъ тогда.

По лѣсу бродили молодые парни изъ окрестностей и собирали сухой хворостъ и самыя сухія и крупныя вѣтви, какія только могли найти. Набравъ охапку, они возвращались въ

селеніе, складывали хворостъ и вѣтви въ кучи, поджигали ихъ и съ пѣснями принимались плясать вокругъ костровъ. Дѣвушки не отставали отъ парней.

Я лежалъ смирно, —разсказывалъ вѣтеръ:—и только тихонько дулъ на вѣтку, положенную самымъ красивымъ, молодымъ парнемъ. Она вспыхнула ярче всѣхъ, и парня выбрали въ майскіе короли, а онъ выбралъ себѣ изъ дѣвушекъ королеву. То-то было веселья, то-то радости! Побольше, чѣмъ въ богатомъ господскомъ домѣ!

А къ господскому двору направлялась запряженная пятью лошадьми золоченая карета. Въ ней сидѣли сама госпожа и ея дочки, три нѣжныхъ, юныхъ, прелестныхъ цвѣтка: роза, лилія и блѣдный гіацинтъ. Сама мать была пышнымъ тюльпаномъ; она сидѣла, вытянувшись въ струнку, и не отвѣчала ни на одинъ поклонъ, ни на одинъ книксенъ, которыми привѣтствовали ее пріостановившіе пѣніе и пляску поселяне; она словно боялась переломить свою стройную талію, если поклонится!

„А вы, роза, лилія и блѣдный гіацинтъ—да, я какъ сейчасъ вижу ихъ передъ собою,—чьими королевами будете современемъ вы?“—подумалъ я.—„Вашими избранниками будутъ благородные рыцари, можетъ быть, принцы!“

У-у-у! Проносись, проносись!

Карета проѣхала, и поселяне вновь пустились въ плясъ.

Такъ-то встрѣчали лѣто въ Борребю, въ Тьэребю и другихъ окрестныхъ селеніяхъ!

А ночью, когда я поднялся,—продолжалъ вѣтеръ:—высокородная госпожа слегла и ужъ больше не вставала. Съ нею случилось то же, что случается и должно случиться со всѣми людьми,—новаго тутъ нѣтъ ничего. Вальдемаръ До постоялъ съ минуту въ серьезномъ раздумьи, но „гордое дерево лишь чуть гнется, а не ломается“—звучало въ его душѣ. Дочери плакали, дворня тоже ходила съ мокрыми глазами. Но госпожа До всетаки унеслась, унесся и я! У-у-у!—прогудѣлъ вѣтеръ.

— Я вернулся назадъ—я часто возвращался назадъ, проносясь надъ Фіоніей и водами Бельта—и улегся на берегу моря, въ Борребю, возлѣ великолѣпнаго дубоваго лѣса. Въ лѣсу вили себѣ гнѣзда морскіе орлы-рыболовы, лѣсные голуби, изсиня-черные вороны и даже черные аисты. Стояла ранняя весна; въ

однихъ гнѣздахъ лежали яйца, въ другихъ уже пищали птенцы, а птичьи стаи кричали и летали надъ лѣсомъ, какъ шальныя! Въ лѣсу раздавались удары топоровъ; высокіе дубы были обречены на срубъ: Вальдемаръ До собирался выстроить дорогой трехпалубный военный корабль,—его навѣрное купитъ король! Вотъ отчего и вырубали лѣсъ, примѣту моряковъ, убѣжище птицъ. Сорокопуты въ ужасѣ летали взадъ и впередъ: гнѣзда ихъ были опустошены; морскіе орлы и другія лѣсныя птицы тоже лишились своихъ жилищъ и кружились въ воздухѣ, крича отъ страха и злобы. Я понималъ ихъ! А вороны и галки испускали насмѣшливые крики: Крахъ! Разореніе! Крахъ, крахъ!

Въ лѣсу возлѣ толпы рабочихъ стоялъ самъ Вальдемаръ До съ тремя дочерьми. Всѣ они смѣялись надъ дикими криками птицъ, всѣ, кромѣ младшей дочери Анны-Доротеи. Ей было жаль птицъ, и когда дѣло дошло до полузасохшаго дуба, на голыхъ вѣтвяхъ котораго свилъ себѣ гнѣздо черный аистъ, она со слезами на глазахъ стала просить отца не давать рубить дерево, не губить птенцовъ, высовывавшихъ изъ гнѣзда головки. И дубъ былъ пощаженъ ради чернаго аиста,—стоило разговаривать объ одномъ деревѣ!

Пошла рубка и пилка; строили трехпалубный корабль. Самъ строитель былъ не изъ важнаго, но всетаки благороднаго рода. Глаза и лобъ обличали его умъ, и Вальдемаръ До охотно слушалъ разсказы молодого человѣка. Заслушивалась ихъ и молоденькая Ида, старшая, пятнадцатилѣтняя дочка владѣльца Борребю. Строитель же, строя корабль для Вальдемара До, строилъ воздушный замокъ для самого себя и для Иды: они сидѣли въ этомъ замкѣ рядышкомъ, какъ мужъ съ женою! Оно бы такъ и случилось, будь его замокъ настоящимъ, съ каменными стѣнами, валами, рвами, лѣсами и садами. Но куда ужъ воробью соваться въ журавлиную пляску? Какъ ни уменъ былъ молодой строитель, все же онъ былъ бѣднякомъ. У-у-у! Я улетѣлъ, и онъ улетѣлъ,—онъ не смѣлъ тутъ больше оставаться, а Ида примирилась съ своею судьбой, больше, вѣдь, ничего и не оставалось.

Въ конюшняхъ ржали вороные кони,—продолжалъ вѣтеръ:—стоило на нихъ посмотрѣть! На нихъ и смотрѣли. Адмиралъ, посланный самимъ королемъ для осмотра и покупки новаго военнаго корабля, громко восхищался ретивыми конями. Я от-

лично слышалъ все,—я, вѣдь, проходилъ вслѣдъ за господами въ открытыя двери и сыпалъ имъ подъ ноги золотую солому. Вальдемару До желательно было получить золото, адмиралу же вороныхъ коней, оттого-то онъ и выхвалялъ ихъ. Но его не поняли, и покупка не состоялась. Корабль какъ стоялъ, такъ и остался стоять на берегу, прикрытый досками, какъ Ноевъ Ковчегъ; не суждено было ему плавать по синему морю! У-у-у! Проносись! Проносись!—прогудѣлъ вѣтеръ.—Жалко было смотрѣть на него!

Зимою, когда снѣжный коверъ покрылъ поле, а по Бельту носились льдины, на корабль налетали стаи черныхъ вороновъ и воронъ, однѣ чернѣе другихъ; птицы садились на пустое, брошенное, одинокое судно и злобно шипѣли и вопили о срубленномъ лѣсѣ, о разоренныхъ, дорогихъ имъ гнѣздахъ, о лишенныхъ пріюта старыхъ и молодыхъ птицахъ—и все ради чего? Ради постройки этого хлама, этого гордаго корабля, которому никогда не суждено быть спущеннымъ на воду!

Я поднялъ снѣжный вихрь, и хлопья ложились вокругъ корабля волнами. Я далъ ему послушать мое пѣніе и музыку бури: пусть привыкаетъ, на то онъ и корабль! У-у-у! Проносись!

Пронеслась и зима; зима и лѣто проносятся, какъ проношусь я, какъ сыплется снѣгъ, осыпаются цвѣты яблони, опадаетъ листва. Проноситесь! Проноситесь! И люди тоже!

Но дочери были еще молоды. Ида попрежнему цвѣла, словно роза, какъ и въ то время, когда любовался ею строитель корабля. Я часто игралъ ея длинными русыми локонами, когда она задумчиво стояла подъ яблонею, не замѣчая, что я осыпаю ея распустившіеся волосы дождемъ цвѣтовъ. Она смотрѣла на красное солнышко и золотой небесный сводъ, просвѣчивавшій между густыми деревьями сада.

Сестра ея Іоганна была похожа на стройную, блестящую лилію, съ гордо откинутою назадъ головкой и такою же тонкою, хрупкою таліей, какая была у матери. Она любила заходить въ огромный покой, гдѣ висѣли на стѣнахъ портреты ея предковъ. Знатныя дамы были изображены въ бархатныхъ и шелковыхъ платьяхъ и унизанныхъ жемчугомъ шапочкахъ, прикрывавшихъ заплетенные въ мелкія косы волосы. Какъ онѣ были прекрасны! Мужья ихъ носили панцыри и латы, или плащи, на бѣличьемъ мѣху, съ высокими, стоячими голу-

быми воротниками. Мечи у нихъ висѣли на бедрахъ, а не у пояса. Гдѣ-то будетъ красоваться современемъ портретъ Іоганны, и каковъ-то будетъ на видъ ея благородный супругъ? Да, вотъ о чемъ она думала, вотъ что тихо шептали ея губы. Я подслушалъ все это, носясь взадъ и впередъ по длинному корридору и врываясь въ огромный покой.

Анна-Доротея, блѣдный гіацинтъ, еще четырнадцатилѣтняя дѣвочка, была тиха и задумчива. Большіе свѣтло-голубые глаза смотрѣли серьезно-грустно, но на устахъ порхала улыбка. Я не могъ ея сдуть, да и не хотѣлъ.

Я часто встрѣчалъ Анну-Доротею въ саду, на дорогѣ и въ полѣ; она собирала цвѣты и травы, которыя могли, какъ она знала, пригодиться ея отцу: онъ приготовлялъ изъ нихъ питье и капли. Вальдемаръ До былъ гордъ и смѣлъ, но также и знающъ! Онъ много зналъ! Всѣ это видѣли, всѣ объ этомъ шептались. Огонь пылалъ въ его комнатѣ даже лѣтомъ, а дверь всегда была на замкѣ; онъ работалъ тамъ дни и ночи, но не любилъ разговаривать о своей работѣ: силы природы нужно испытывать въ тиши; скоро, скоро онъ найдетъ самое лучшее, самое драгоцѣнное на свѣтѣ—красное золото!

Вотъ почему валилъ изъ трубы дымъ, трещали дрова и пылалъ въ каминѣ огонь! Я самъ помогалъ алхимику раздувать его!—разсказывалъ вѣтеръ.—„Будетъ! Будетъ!“—гудѣлъ я въ трубу Вальдемару До.—„Все станетъ дымомъ, сажей, золой, пепломъ! Ты прогоришь! У-у-у! Проносись! Проносись! Будетъ! Будетъ!“ Но Вальдемару До все еще было мало.

Куда же дѣвались изъ конюшень великолѣпныя лошади? Куда дѣвалась изъ шкафовъ серебряная и золотая посуда, съ полей—коровы, все добро и имѣнье? Да, все это можно расплавить, растопить... расплавить въ золотомъ тиглѣ, но золота изъ того не получится!

Пусто стало въ кладовыхъ, въ погребахъ и на чердакахъ. Убавилось людей, прибавилось мышей. Одно стекло трескалось, другое разбивалось; мнѣ уже не нужно было входить непремѣнно въ двери! „Гдѣ дымится труба, тамъ готовится ѣда“, а тутъ дымилась такая труба, которая пожирала всякую ѣду ради краснаго золота!

Я гудѣлъ въ воротахъ усадьбы, словно сторожъ трубилъ въ рогъ, но тутъ не было больше сторожа! Я вертѣлъ башенный флюгеръ, и онъ скрипѣлъ, будто сторожъ храпѣлъ на

вышкѣ, но и тамъ не было больше сторожа! Тамъ были только крысы да мыши. Нищета накрывала въ господскомъ домѣ столъ, нищета помѣстилась въ шкафахъ и буфетахъ; двери соскочили съ петель, всюду показывались щели и дыры—мнѣ на руку: доступъ становился свободнѣе! Оттого-то я и знаю, что тамъ творилось.

Отъ дыма и пепла, отъ заботъ и безсонныхъ ночей волосы и борода владѣтеля Борребю посѣдѣли, кожа на лицѣ сморщилась и пожелтѣла, но впалые глаза попрежнему горѣли жаднымъ блескомъ въ ожиданіи золота, желаннаго золота!

Я дулъ и обдавалъ ему лицо и бороду дымомъ и пепломъ; но золото все не являлось, зато являлись долги. Я пѣлъ свои пѣсни въ разбитыя окна, щели и дыры, пробирался и въ сундуки дочерей, гдѣ лежали ихъ полинявшія, изношенныя платья,—носить ихъ пришлось безъ конца, безъ перемѣны! Да, не то сулили дѣвушкамъ пѣсни, что пѣлись надъ ихъ колыбелями! Господское житье стало горемычнымъ житьемъ. Лишь я одинъ пѣлъ тамъ громко!—разсказывалъ вѣтеръ.—Я осыпалъ весь домъ снѣгомъ,—говорятъ, что снѣгъ грѣетъ; дровъ же у нихъ не было, лѣсъ былъ, вѣдь, вырубленъ. Морозъ такъ и трещалъ. Я носился взадъ и впередъ по всему дому, врывался въ слуховыя окна и щели, носился надъ крышей и стѣнами,—надо было поддержать въ себѣ бодрость! А благородныя дѣвицы попрятались отъ холода въ постели; самъ отецъ заползъ подъ мѣховое одѣяло. Ни ѣды, ни топлива,—вотъ такъ господское житье! У-у-у! Проносись! Будетъ! Будетъ! Но господину До все было мало.

„За зимою идетъ весна!“—говорилъ онъ.—„Нужда смѣнится довольствомъ! Но оно заставляетъ себя ждать! Теперь имѣнье заложено, ждать больше нельзя, но золото явится скоро... къ Пасхѣ!“

Я слышалъ, какъ онъ шепталъ пауку: „Ты прилежный, маленькій ткачъ, ты учишь меня терпѣнію! Разорвутъ твою ткань, ты начинаешь сначала и опять доводишь ее до конца! Разорвутъ опять—опять начинаешь сначала, сначала, сначала! Такъ и слѣдуетъ! Награда же впереди!“

Но вотъ и первый день Пасхи; зазвонили колокола, въ небѣ заиграло солнышко. Вальдемаръ До лихорадочно работалъ всю ночь, варилъ, охлаждалъ, мѣшалъ, перегонялъ. Я слышалъ, какъ онъ тяжело вздыхалъ, какъ горячо молился, я

видѣлъ, какъ онъ сидѣлъ за работой, боясь перевести духъ. Лампа его потухла, онъ не замѣчалъ. Я раздулъ уголья, они заалѣли и освѣтили его блѣдное, какъ мѣлъ, лицо и впалые глаза. Вдругъ они расширились, еще, еще... готовы были выскочить!

Гляди въ стеклянный сосудъ! Блеститъ... Горитъ, какъ жаръ... Что-то яркое, тяжелое!.. Онъ подымаетъ сосудъ дрожащею рукою и, задыхаясь отъ волненія, восклицаетъ: „Золото! Золото!“ Онъ шатался, я могъ бы свалить его съ ногъ однимъ дуновеніемъ! Но я только раздулъ горячіе угли и проводилъ его въ комнату, гдѣ мерзли дочери. Платье его все было въ золѣ, борода и всклокоченные волосы—тоже. Онъ выпрямился и высоко поднялъ сокровище, лежавшее въ хрупкомъ стеклянномъ сосудѣ: „Нашелъ! Нашелъ! Золото!“—закричалъ онъ и протянулъ имъ сосудъ, заискрившійся на солнцѣ, но... рука его дрогнула, сосудъ упалъ на полъ и разбился въ дребезги! Послѣдній радужный мыльный пузырь надежды лопнулъ! У-у-у! Проносись! И я унесся изъ дома алхимика.

Позднею осенью, когда настали короткіе дни, а туманъ развѣсилъ свои мокрыя тряпки и выжималъ ихъ надъ красными ягодами и обнаженными вѣтвями деревьевъ, я вернулся, свѣжій и бодрый, подулъ и прочистилъ небо, да кстати пообломалъ гнилыя вѣтви—работа не Богъ вѣсть какая, но сдѣлать ее все-таки нужно. Въ господскомъ домѣ въ Борребю тоже было чисто, словно вѣтромъ выметено, но на другой ладъ. Недругъ Вальдемара До, Ове Ромель изъ Баснэса, явился въ Борребю съ купленнымъ имъ закладнымъ листомъ на имѣнье: теперь и домъ и все имущество принадлежали ему! Я изо всѣхъ силъ принялся гудѣть въ разбитыя окна, хлопать сорвавшимися съ петель дверями, свистѣть въ щели и дыры: У-у-у! Пусть не захочется господину Ове остаться тутъ! Ида и Анна-Доротея заливались горькими слезами; Іоганна стояла, гордо выпрямившись, блѣдная, какъ смерть, и такъ стиснула зубами свой палецъ, что брызнула кровь. Но помощи отъ этого было мало! Ове Рамель позволилъ господину До остаться жить въ домѣ до самой смерти, но ему и спасибо за это не сказали. Я, вѣдь, все слышалъ и видѣлъ, какъ бездомный дворянинъ гордо вскинулъ голову и выпрямился. Тутъ я съ такою силою ударилъ по крышѣ и по старымъ липамъ, что сломалъ самую толстую и вовсе не гнилую вѣтвь; она упала возлѣ воротъ и осталась тамъ лежать,

словно метла, на случай, если понадобится что-нибудь вымести. И вымели—прежнихъ владѣльцевъ!

Тяжелый выдался день, горькій часъ, но душа была тверда, спина не гнулась.

Ничего у нихъ не осталось, кромѣ того, что было на тѣлѣ, да вновь купленнаго и наполненнаго подобраннымъ съ полу мусоромъ стекляннаго сосуда, много обѣщавшаго, но не сдержавшаго своихъ обѣщаній. Вальдемаръ До спряталъ его на груди, взялъ посохъ въ руки, и вотъ, нѣкогда богатый владѣлецъ помѣстья вышелъ со своими тремя дочерьми изъ Борребю. Я охлаждалъ своимъ дуновеніемъ ихъ горячія щеки, гладилъ его по бородѣ и длиннымъ сѣдымъ волосамъ и пѣлъ, какъ умѣлъ: „У-у-у! Проносись! Проносись!“ Вотъ каковъ былъ конецъ дворянскаго великолѣпія!

Ида и Анна-Доротея шли рядомъ съ отцомъ; Іоганна, выходя изъ воротъ, обернулась назадъ. Къ чему? Счастье, вѣдь, не обернется! Она посмотрѣла на красныя кирпичныя стѣны, выстроенныя изъ кирпичей замка Марска Стига, и вспомнила о его дочеряхъ.

„И старшая младшую за руку взявъ,
Пустилась бродить съ ней по свѣту*).

Вспомнила-ли Іоганна и эту пѣсню? Теперь изгнанницъ было три, да четвертый отецъ. И онѣ поплелись по дорогѣ, по которой, бывало, ѣздили въ каретѣ, поплелись въ поле Смидструпа, къ жалкой мазанкѣ, нанятой ими за 10 марокъ въ годъ. Новое господское жилье, пустыя стѣны, пустая посуда ожидали ихъ тамъ. Вороны и галки летали надъ ними и насмѣшливо кричали: „Крахъ! Крахъ! Разореніе! Крахъ!“—такъ же кричали онѣ въ лѣсу Борребю, во время рубки.

Господинъ До и его дочери хорошо поняли эти крики, хоть я и дулъ имъ въ уши изо всѣхъ силъ,—стоило слушать?!

Они вошли въ мазанку, а я понесся надъ болотами и полями, надъ голыми кустами и общипанными лѣсами, къ открытому морю, въ другія страны. У-у-у! Проносись! Проносись! И такъ изъ года въ годъ!

*) Отрывокъ изъ извѣстной датской народной пѣсни про дочерей Марска Стига. *Примѣч. перев.*

Но что же сталось съ Вальдемаромъ До, что сталось съ его дочерьми? А вотъ, сейчасъ вѣтеръ разскажетъ.

— Послѣднюю я видѣлъ Анну-Доротею, блѣдный гіацинтъ, но она была уже слабою старухой,—прошло, вѣдь, цѣлыхъ пятьдесятъ лѣтъ. Она пережила всѣхъ и знала обо всемъ.

Въ степи, близъ города Виборга, стоялъ новый, красивый, красный кирпичный домъ священника. Густою струей вился изъ трубы дымъ. Кроткая жена священника и красавицы дочери сидѣли у окна и смотрѣли черезъ кусты садоваго терна въ степь. Что же онѣ видѣли тамъ? Онѣ смотрѣли на гнѣздо аиста, лѣпившееся на крышѣ полуразвалившейся избушки. Крыша вся поросла мхомъ и дикимъ чеснокомъ и покрывала-то избушку главнымъ образомъ не она, а гнѣздо аиста! Оно только одно, вѣдь, и чинилось; держалъ его въ порядкѣ самъ аистъ.

На избушку эту можно было только смотрѣть, но ужъ никакъ не дотрогиваться до нея! Даже мнѣ приходилось дуть здѣсь съ опаскою!—сказалъ вѣтеръ.—Только ради гнѣзда аиста избушку и оставляли стоять, а то бы такой хламъ давно сломали. Семья священника не хотѣла выгонять аиста, и вотъ, избушка уцѣлѣла, а въ ней жила бѣдная старуха. За пріютъ она могла благодарить египетскую птицу, или, можетъ быть, это аистъ благодарилъ ее за то, что она вступилась когда-то за гнѣздо его чернаго брата, жившаго въ лѣсу Борребю? Въ тѣ времена нищая старуха была нѣжнымъ ребенкомъ, блѣднымъ гіацинтомъ изъ дворянскаго цвѣтника. И Анна-Доротея помнила все.

„О-охъ!“—Да, и люди вздыхаютъ, какъ вѣтеръ въ тростникѣ и осокѣ.—„О-охъ! Не звонили колокола надъ твоею могилою, Вальдемаръ До! Не пѣли бѣдные школьники, когда бездомнаго владѣльца Борребю опускали въ землю!.. Да, всему, всему наступаетъ конецъ, даже безконечному несчастію!.. Сестра Ида вышла замужъ за крестьянина. Вотъ что нанесло отцу жесточайшій ударъ! Мужъ его дочери—жалкій рабъ, котораго господинъ можетъ посадить на кобылку*)!.. Теперь и онъ, навѣрно, въ землѣ, и сестра Ида!.. Да, да! Только мнѣ бѣдной Богъ конца не посылаетъ! Охъ, освободи же меня, Іисусе Христе!“

*) Деревянная кобылка—употреблявшееся въ старину орудіе наказанія для провинившихся крестьянъ. *Примѣч. перев.*

Такъ молилась Анна-Доротея въ своей жалкой избушкѣ, уцѣлѣвшей лишь благодаря аисту.

О самой же здоровой и смѣлой изъ сестеръ я самъ позаботился!—продолжалъ вѣтеръ.—Она надѣла платье, которое больше было ей по вкусу: переодѣлась парнемъ и нанялась въ матросы на корабль. Скупа была она на слова, сурова на видъ, но съ дѣломъ своимъ справлялась, только лазить не умѣла! Ну я и сдулъ ее въ воду, пока не узнали, что она женщина, и хорошо сдѣлалъ!

Былъ первый день Пасхи, какъ и тогда, когда Вальдемаръ До думалъ, что нашелъ золото, и я услыхалъ подъ крышей съ гнѣздомъ аиста пѣніе псалма, лебединую пѣснь Анны-Доротеи.

Въ избушкѣ не было даже окна, а просто круглое отверстіе въ стѣнѣ; взошло солнце, словно золотой шаръ, и лучи его проникли въ отверстіе. Что за блескъ разлился по избушкѣ! Взоръ Анны-Доротеи не вынесъ и закрылся навѣки, сердце перестало биться! Солнце, впрочемъ, было тутъ ни при чемъ; случилось бы то же, если бы оно и не восходило въ то утро.

Аистъ давалъ Аннѣ-Доротеѣ кровъ до самой ея смерти. Я пѣлъ и надъ ея могилою, и надъ могилою ея отца,—я знаю гдѣ и та, и другая, а кромѣ меня не знаетъ никто.

Новыя времена, другія времена! Старая проѣзжая дорога упирается теперь въ огороженное поле, по могиламъ проходитъ новая, а скоро пронесется тутъ и паровозъ, таща за собою рядъ вагоновъ и шумно гремя надъ забытыми могилами забытыхъ лицъ. У-у-у! Проносись!

Вотъ вамъ и вся исторія про Вальдемара До и его дочерей. Разскажи ее лучше, кто сумѣетъ!—закончилъ вѣтеръ и повернулъ въ другую сторону.

И слѣдъ его простылъ.

ДѢВОЧКА, НАСТУПИВШАЯ НА ХЛѢБЪ.

Вы, конечно, слышали о дѣвочкѣ, которая наступила на хлѣбъ, чтобы не запачкать башмачковъ, слышали и о томъ, какъ плохо ей потомъ пришлось. Объ этомъ и написано, и напечатано.

Она была бѣдная, но гордая и спѣсивая дѣвочка. Въ ней, какъ говорится, были дурные задатки. Крошкой она любила

ловить мухъ и обрывать у нихъ крылышки; ей нравилось, что мухи изъ летающихъ насѣкомыхъ превращались въ ползающихъ. Ловила она также майскихъ и навозныхъ жуковъ, насаживала ихъ на булавки и подставляла имъ подъ ножки зеленый листикъ или клочекъ бумаги. Бѣдное насѣкомое ухватывалось ножками за бумагу, вертѣлось и изгибалось, стараясь освободиться отъ булавки, а Инге смѣялась:

— Майскій жукъ читаетъ! Ишь, какъ переворачиваетъ листокъ!

Съ лѣтами она становилась скорѣе хуже, чѣмъ лучше; къ несчастью своему она была прехорошенькая, и ей хоть и доставались щелчки, да все не такіе, какіе слѣдовали.

— Крѣпкій нуженъ щелчокъ для этой головы!—говаривала ея родная мать.—Ребенкомъ ты часто топтала мой передникъ, боюсь, что выросши, ты растопчешь мнѣ сердце!

Такъ оно и вышло.

Инге поступила въ услуженіе къ знатнымъ господамъ, въ помѣщичій домъ. Господа обращались съ нею, какъ съ своею родною дочерью, и въ новыхъ нарядахъ Инге, казалось, еще похорошѣла, зато и спѣсь ея все росла, да росла.

Цѣлый годъ прожила она у хозяевъ, и вотъ, они сказали ей:

— Ты бы навѣстила своихъ стариковъ, Инге!

Инге отправилась, но только для того, чтобы показаться роднымъ въ полномъ своемъ парадѣ. Она уже дошла до околицы родной деревни, да вдругъ увидала, что около пруда стоятъ и болтаютъ дѣвушки и парни, а неподалеку на камнѣ отдыхаетъ ея мать съ охапкой хвороста, собраннаго въ лѣсу. Инге— маршъ назадъ: ей стало стыдно, что у нея, такой нарядной барышни, такая оборванная мать, которая вдобавокъ сама таскаетъ изъ лѣсу хворостъ. Инге даже не пожалѣла, что не повидалась съ родителями, ей только досадно было.

Прошло еще полгода.

— Надо тебѣ навѣстить своихъ стариковъ, Инге!—опять сказала ей госпожа.—Вотъ тебѣ бѣлый хлѣбъ, снеси его имъ. То-то они обрадуются тебѣ!

Инге нарядилась въ самое лучшее платье, надѣла новые башмаки, приподняла платьице и осторожно пошла по дорогѣ, стараясь не запачкать башмачковъ,—ну, за это и упрекать ее нечего. Но вотъ, тропинка свернула на болотистую почву; приходилось пройти по грязной лужѣ. Не долго думая, Инге бро-

сила въ лужу свой хлѣбъ, чтобы наступить на него и перейти лужу, не замочивъ ногъ. Но едва она ступила на хлѣбъ одною ногой, а другую приподняла, собираясь шагнуть на сухое мѣсто, хлѣбъ началъ погружаться съ нею все глубже и глубже въ землю,—только черные пузыри пошли по лужѣ!

Вотъ какая исторія!

Куда же попала Инге? Къ болотницѣ въ пивоварню. Болотница приходится теткой лѣшимъ и лѣснымъ дѣвамъ; эти-то всѣмъ извѣстны: про нихъ и въ книгахъ написано, и пѣсни сложены, и на картинахъ ихъ изображали не разъ, о болотницѣ же извѣстно очень мало; только когда лѣтомъ надъ лугами подымается туманъ, люди говорятъ: это „болотница пиво варитъ!" Такъ вотъ, къ ней-то въ пивоварню и провалилась Инге, а тутъ долго не выдержишь! Клоака—свѣтлый, роскошный покой въ сравненіи съ пивоварней болотницы! Отъ каждаго чана разитъ такъ, что человѣка тошнитъ, а такихъ чановъ тутъ видимо-невидимо, и стоятъ они плотно-плотно одинъ возлѣ другого; если же между нѣкоторыми и отыщется гдѣ щелочка, то тутъ сейчасъ наткнешься на съежившихся въ комокъ мокрыхъ жабъ и жирныхъ лягушекъ. Да, вотъ куда попала Инге! Очутившись среди этого холоднаго, липкаго, отвратительнаго живого мѣсива, Инге задрожала и почувствовала, что ея тѣло начинаетъ коченѣть. Хлѣбъ крѣпко прильнулъ къ ея ногамъ и тянулъ ее за собою, какъ янтарный шарикъ соломинку.

Болотница была дома; пивоварню посѣтили въ этотъ день гости: чортъ и его прабабушка, ядовитая старушка. Она никогда не бываетъ праздною, даже въ гости беретъ съ собою какое-нибудь рукодѣлье: или шьетъ изъ кожи башмаки, надѣвъ которые, человѣкъ дѣлается непосѣдой, или вышиваетъ сплетни, или, наконецъ, вяжетъ необдуманныя слова, срывающіяся у людей съ языка,—все во вредъ и на пагубу людямъ! Да, чортова прабабушка—мастерица шить, вышивать и вязать!

Она увидала Инге, поправила очки, посмотрѣла на нее еще и сказала: „Да она съ задатками! Я попрошу васъ уступить ее мнѣ въ память сегодняшняго посѣщенія! Изъ нея выйдетъ отличный истуканъ для передней моего правнука!"

Болотница уступила ей Инге, и дѣвочка попала въ адъ,— люди съ задатками могутъ попасть туда и не прямымъ путемъ, а окольнымъ!

Передняя занимала безконечное пространство; поглядѣть

впередъ — голова закружится, оглянуться назадъ — тоже. Вся передняя была запружена изнемогающими грѣшниками, ожидавшими, что вотъ-вотъ двери милосердія отворятся. Долгонько приходилось имъ ждать! Большущіе, жирные, переваливающіеся съ боку на бокъ пауки оплели ихъ ноги тысячелѣтнею паутиной; она сжимала ихъ, точно клещами, сковывала крѣпче мѣдныхъ цѣпей. Кромѣ того, души грѣшниковъ терзались вѣчною мучительною тревогой. Скупой, напримѣръ, терзался тѣмъ, что оставилъ ключъ въ замкѣ своего денежнаго ящика, другіе... да и конца не будетъ, если примемся перечислять терзанія и муки всѣхъ грѣшниковъ!

Инге пришлось испытать весь ужасъ положенія истукана; ноги ея были словно привинчены къ хлѣбу.

„Вотъ и будь опрятной! Мнѣ не хотѣлось запачкать башмаковъ, и вотъ, каково мнѣ теперь!“ говорила она самой себѣ. „Ишь, таращатся на меня!“ Дѣйствительно, всѣ грѣшники глядѣли на нее; дурныя страсти такъ и свѣтились въ ихъ глазахъ, говорившихъ безъ словъ; ужасъ бралъ при одномъ взглядѣ на нихъ!

„Ну, на меня-то пріятно и посмотрѣть!“ думала Инге. „Я и сама хорошенькая и одѣта нарядно!“ И она повела на себя глазами, — шея у нея не ворочалась. Ахъ, какъ она выпачкалась въ пивоварнѣ болотницы! Объ этомъ она и не подумала! Платье ея все сплошь было покрыто слизью, ужъ вцѣпился ей въ волосы и хлопалъ ее по шеѣ, а изъ каждой складки платья выглядывали жабы, лаявшія, точно жирныя охрипшія моськи. Страсть, какъ было непріятно! „Ну, да и другіе-то здѣсь выглядятъ не лучше моего!“ утѣшала себя Инге.

Хуже же всего было чувство страшнаго голода. Неужели ей нельзя нагнуться и отломить кусочекъ хлѣба, на которомъ она стоитъ? Нѣтъ, спина не сгибалась, руки и ноги не двигались, она вся будто окаменѣла и могла только поводить глазами во всѣ стороны, кругомъ, даже выворачивать ихъ изъ орбитъ и глядѣть назадъ. Фу, какъ это выходило гадко! И вдобавокъ ко всему этому явились мухи и начали ползать по ея глазамъ взадъ и впередъ; она моргала глазами, но мухи не улетали, — крылья у нихъ были общипаны, и онѣ могли только ползать. Вотъ была мука! А тутъ еще этотъ голодъ! Подъ конецъ Инге стало казаться, что внутренности ея пожрали самихъ себя, и внутри у нея стало пусто, ужасно пусто!

— Ну, если это будетъ продолжаться долго, я не выдержу! — сказала Инге, но выдержать ей пришлось; перемѣны не наступало.

Вдругъ, на голову ей капнула горячая слеза, скатилась по лицу на грудь и потомъ на хлѣбъ; за нею другая, третья, цѣлый градъ слезъ. Кто же могъ плакать объ Инге?

А развѣ у нея не оставалось на землѣ матери? Горькія слезы матери, проливаемыя ею изъ-за своего ребенка, всегда доходятъ до него, но не освобождаютъ его, а только жгутъ, увеличивая его муки. Ужасный, нестерпимый голодъ былъ, однако, хуже всего! Топтать хлѣбъ ногами, и не быть въ состояніи отломить отъ него хоть кусочекъ! Ей казалось, что все внутри ея пожрало само себя, и она стала тонкою, пустою тростинкой, втягивавшею въ себя каждый звукъ. Она явственно слышала все, что говорили о ней тамъ наверху, а говорили-то одно дурное. Даже мать ея, хоть и горько, искренно оплакивала ее, всетаки повторяла: „Спѣсь до добра не доводитъ! Спѣсь и сгубила тебя, Инге! Какъ ты огорчила меня!“

И мать Инге, и всѣ тамъ наверху уже знали о ея грѣхѣ, знали, что она наступила на хлѣбъ и провалилась сквозь землю. Одинъ пастухъ видѣлъ все это съ холма и разсказалъ другимъ.

— Какъ ты огорчила свою мать, Инге! — повторяла мать. — Да я другого и не ждала!

„Лучше бы мнѣ и не родиться на свѣтъ!“ думала Инге. „Какой толкъ изъ того, что мать теперь хнычетъ обо мнѣ!“

Слышала она и слова своихъ господъ, почтенныхъ людей, обращавшихся съ нею, какъ съ дочерью: „Она большая грѣшница! Она не чтила даровъ Господнихъ, попирала ихъ ногами! Не скоро откроются для нея двери милосердія!“

„Воспитывали бы меня получше, построже!“ думала Инге. „Выгоняли бы изъ меня пороки, если они во мнѣ сидѣли!“

Слышала она и пѣсню, которую сложили о ней люди, пѣсню „о спѣсивой дѣвочкѣ, наступившей на хлѣбъ, чтобы не запачкать башмаковъ“. Всѣ распѣвали ее.

„Какъ подумаю, чего мнѣ ни пришлось выслушать и выстрадать за мою провинность!“ думала Инге. „Пусть бы и другіе поплатились за свои! А сколькимъ бы пришлось! У, какъ я терзаюсь!“

И душа Инге становилась еще грубѣе, жестче ея оболочки.

— Въ такомъ обществѣ, какъ здѣсь, лучше не станешь! Да

я и не хочу! Ишь, таращатся на меня!—говорила она и въ конецъ ожесточилась и озлобилась на всѣхъ людей.—Обрадовались, нашли теперь, о чемъ галдѣть! У, какъ я терзаюсь!

Слышала она также, какъ исторію ея разсказывали дѣтямъ, и малютки называли ее „безбожницею“.—Она такая гадкая! Пусть теперь помучается хорошенько!—говорили дѣти.

Только одно дурное слышала о себѣ Инге изъ дѣтскихъ устъ.

Но вотъ разъ, терзаясь отъ голода и злобы, слышитъ она опять свое имя и свою исторію. Ее разсказывали одной невинной, маленькой дѣвочкѣ, и малютка вдругъ залилась слезами о спѣсивой, суетной Инге.

— И неужели она никогда не вернется сюда, наверхъ?—спросила малютка.

— Никогда!—отвѣтили ей.

— А если она попроситъ прощенія, обѣщаетъ никогда больше такъ не дѣлать?

— Да она вовсе не хочетъ просить прощенія!

— Ахъ, какъ бы мнѣ хотѣлось, чтобы она попросила прощенія!—сказала дѣвочка и долго не могла утѣшиться.—Я бы отдала свой кукольный домикъ, только бы ей позволили вернуться на землю! Бѣдная, бѣдная Инге!

Слова эти дошли до сердца Инге, и ей стало какъ будто полегче: въ первый разъ нашлась живая душа, которая сказала: „бѣдная, Инге!“ и не прибавила ни слова о ея грѣхѣ. Маленькая, невинная дѣвочка плакала и просила за нее!.. Какое-то странное чувство охватило душу Инге; она бы, кажется, заплакала сама, да не могла, и это было новымъ мученіемъ.

На землѣ годы летѣли стрѣлою, подъ землею же все оставалось попрежнему. Инге слышала свое имя все рѣже и рѣже,—на землѣ вспоминали о ней все меньше и меньше. Но однажды долетѣлъ до нея вздохъ: „Инге! Инге! Какъ ты огорчила меня! Я всегда это предвидѣла!“ Это умирала мать Инге.

Слышала она иногда свое имя и изъ устъ старыхъ хозяевъ. Хозяйка, впрочемъ, выражалась всегда смиренно: „Можетъ быть, мы еще свидимся съ тобою, Инге! Никто не знаетъ, куда попадетъ!“

Но Инге-то знала, что ея почтенной госпожѣ не попасть туда, куда попала она.

Медленно, мучительно медленно ползло время.

И вотъ, Инге опять услышала свое имя и увидѣла, какъ надъ нею блеснули двѣ яркія звѣздочки: это закрылась на землѣ

пара кроткихъ очей. Прошло уже много лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ маленькая дѣвочка неутѣшно плакала о „бѣдной Инге“; малютка успѣла выростя, состариться и была отозвана Господомъ Богомъ къ Себѣ. Въ послѣднюю минуту, когда въ душѣ вспыхиваютъ яркимъ свѣтомъ воспоминанія цѣлой жизни, вспомнились умирающей и ея горькія слезы объ Инге, да такъ живо, что она невольно воскликнула: „Господи, можетъ быть, и я, какъ Инге, сама того не вѣдая, попирала ногами Твои всеблагіе дары, можетъ быть, и моя душа была заражена спѣсью, и только Твое милосердіе не дало мнѣ пасть ниже, но поддержало меня! Не оставь же меня въ послѣдній мой часъ!“

И тѣлесныя очи умирающей закрылись, а духовные отверзлись, и такъ какъ Инге была ея послѣднею мыслью, то она и узрѣла своимъ духовнымъ взоромъ то, что было скрыто отъ земного—увидала, какъ низко пала Инге. При этомъ зрѣлищѣ благочестивая душа залилась слезами и явилась къ престолу Царя Небеснаго, плача и молясь о грѣшной душѣ такъ же искренно, какъ плакала ребенкомъ. Эти рыданія и мольбы отдались эхомъ въ пустой оболочкѣ, заключавшей въ себѣ терзающуюся душу, и душа Инге была какъ бы подавлена этою нежданною любовью къ ней на небѣ. Божій ангелъ плакалъ о ней! Чѣмъ она заслужила это? Измученная душа оглянулась на всю свою жизнь, на все содѣянное ею и залилась слезами, какихъ никогда не знавала Инге. Жалость къ самой себѣ наполнила ее: ей казалось, что двери милосердія останутся для нея запертыми навѣки вѣчные! И вотъ, едва она съ сокрушеніемъ сознала это, въ подземную пропасть проникъ лучъ свѣта, сильнѣе солнечнаго, который растопляетъ снѣжнаго истукана, слѣпленнаго на дворѣ мальчуганами, и быстрѣе, чѣмъ таетъ на теплыхъ губкахъ ребенка снѣжинка, растаяла окаменѣлая оболочка Инге. Маленькая птичка молніей взвилась изъ глубины на волю. Но, очутившись среди бѣлаго свѣта, она съежилась отъ страха и стыда,—она всѣхъ боялась и стыдилась и поспѣшно спряталась въ темную трещину въ какой-то полуразрушившейся стѣнѣ. Тутъ она и сидѣла, съежившись, дрожа всѣмъ тѣломъ, не издавая ни звука,—у нея и не было голоса. Долго сидѣла она такъ, прежде чѣмъ осмѣлилась оглядѣться и полюбоваться великолѣпіемъ Божьяго міра. Да, великолѣпенъ былъ Божій міръ! Воздухъ былъ свѣжъ и мягокъ, ярко сіялъ мѣсяцъ, деревья и кусты благоухали; въ уголкѣ, гдѣ укрылась птичка, было такъ

уютно, а платьице на ней было такое чистенькое, нарядное. Какая любовь, какая красота были разлиты въ Божіемъ мірѣ! И всѣ мысли, что шевелились въ груди птички, готовы были вылиться въ пѣснѣ, но птичка не могла пѣть, какъ ей ни хотѣлось этого; не могла она ни прокуковать, какъ кукушка, ни защелкать, какъ соловей! Но Господь слышитъ даже нѣмую хвалу червяка и услышалъ и эту безгласную хвалу, что мысленно неслась къ небу, какъ псаломъ, звучавшій въ груди Давида, прежде нежели онъ нашелъ для него слова и мелодію.

Нѣмая хвала птички росла день-ото-дня и только ждала случая вылиться въ добромъ дѣлѣ.

Насталъ сочельникъ. Крестьянинъ поставилъ у забора шестъ и привязалъ къ верхушкѣ его необмолоченный снопъ овса — пусть и птички весело справятъ праздникъ Рождества Спасителя!

Въ рождественское утро встало солнышко и освѣтило снопъ; живо налетѣли на угощеніе щебетуньи-птички. Изъ расщелины въ стѣнѣ тоже раздалось: „пи! пи!“ Мысль вылилась въ звукѣ, слабый пискъ былъ настоящимъ гимномъ радости: мысль готовилась воплотиться въ добромъ дѣлѣ, и птичка вылетѣла изъ своего убѣжища. На небѣ знали, что̀ это была за птичка.

Зима стояла суровая, воды были скованы толстымъ льдомъ, для птицъ и звѣрей лѣсныхъ наступили трудныя времена. Маленькая пташка летала надъ дорогой, отыскивая и находя въ снѣжныхъ бороздахъ, проведенныхъ санями, зернышки, а возлѣ стоянокъ для кормежки лошадей—крошки хлѣба; но сама она съѣдала всегда только одно зернышко, одну крошку, а затѣмъ сзывала кормиться другихъ голодныхъ воробышковъ. Летала она и въ города, осматривалась кругомъ и, завидѣвъ накрошенные изъ окна милосердною рукой кусочки хлѣба, тоже съѣдала лишь одинъ, а все остальное отдавала другимъ.

Въ теченіе зимы птичка собрала и роздала такое количество хлѣбныхъ крошекъ, что всѣ онѣ вмѣстѣ вѣсили столько же, сколько хлѣбъ, на который наступила Инге, чтобы не запачкать башмаковъ. И когда была найдена и отдана послѣдняя крошка, сѣрыя крылья птички превратились въ бѣлыя и широко распустились.

— Вонъ летитъ морская ласточка!—сказали дѣти, увидавъ бѣлую птичку. Птичка то ныряла въ волны, то взвивалась на-

встрѣчу солнечнымъ лучамъ, и вдругъ исчезла въ этомъ сіяніи. Никто не видалъ, куда она дѣлась. —Она улетѣла на солнышко!— сказали дѣти.

КОЛОКОЛЬНЫЙ СТОРОЖЪ ОЛЕ.

— Въ свѣтѣ все идетъ то въ гору, то подъ гору, то подъ гору, то въ гору! Мнѣ ужъ выше не подняться!—говаривалъ колокольный сторожъ Оле.—Въ гору—подъ гору, подъ гору— въ гору, это всѣмъ приходится испытать! Подъ конецъ же всѣ мы въ сущности становимся колокольными сторожами—смотримъ на жизнь и вещи сверху внизъ.

Такъ говаривалъ мой пріятель Оле, колокольный сторожъ, веселый, словоохотливый старикъ. Казалось, у него что на умѣ, то и на языкѣ, но онъ много чего таилъ у себя на душѣ. Происхожденія онъ былъ хорошаго; поговаривали, что онъ сынъ важнаго чиновника, или могъ бы быть имъ; онъ получилъ образованіе, побывалъ помощникомъ учителя, потомъ помощникомъ пономаря, но толку изъ того не вышло! Оле жилъ у пономаря на всемъ готовомъ, а онъ былъ въ тѣ времена еще молодъ и любилъ таки щегольнуть, какъ говорится; ну вотъ, онъ и требовалъ для своихъ сапогъ глянцъ-ваксы, а пономарь отпускалъ ему только простую смазку, оттого они и не поладили. Одинъ заговорилъ о скупости, другой о суетности; вакса стала черною причиной ихъ ссоры, и они разстались. Но требованія Оле остались тѣ же: онъ и отъ всего свѣта требовалъ глянцъ-ваксы, а получалъ всегда только простую смазку; вотъ, онъ и ушелъ отъ людей, сдѣлался отшельникомъ. Но отшельническую келью, да еще съ кускомъ хлѣба, можно найти въ большомъ городѣ только на колокольнѣ. Туда-то и забрался Оле и прохаживался по вышкѣ одинъ-одинешенекъ, покуривая свою трубочку. Глядѣлъ онъ внизъ, глядѣлъ и вверхъ, и разсказывалъ о томъ, что видѣлъ и чего не видѣлъ, что прочелъ въ книгахъ и что въ своей душѣ. Я часто снабжалъ его книгами, только хорошими: скажи, съ кѣмъ водишься, и я скажу, кто ты таковъ! Оле не любилъ назидательныхъ англійскихъ романовъ, не любилъ и французскихъ, состряпанныхъ изъ вѣтра и изюмныхъ стебельковъ. Онъ просилъ у меня описаній жизни людей и чудесъ природы. Я навѣщалъ Оле по крайней мѣрѣ разъ въ

годъ, обыкновенно вскорѣ послѣ Новаго Года: въ это время у пріятеля моего всегда находилось о чемъ поговорить, всегда было въ запасѣ что-нибудь такое, имѣющее связь съ перемѣной года.

Разскажу здѣсь о двухъ посѣщеніяхъ, стараясь, по возможности, держаться собственныхъ словъ Оле.

Посѣщеніе первое.

Въ числѣ книгъ, данныхъ мною Оле въ послѣдній разъ, было одна о валунахъ; она-то особенно и понравилась ему.

— Вотъ чей юбилей слѣдуетъ отпраздновать—юбилей валуновъ!—сказалъ мнѣ Оле.—А мимо нихъ проходятъ, даже не замѣчая ихъ. Я самъ такъ дѣлалъ, гуляя по полю и по берегу, гдѣ ихъ лежатъ сотни. На мостовой же эти остатки сѣдой старины равнодушно попираются ногами! И я дѣлалъ тоже! Но теперь я смотрю на каждый камень мостовой съ глубокимъ почтеніемъ! Спасибо за эту книжку! Она овладѣла моимъ вниманіемъ, освободила меня отъ старыхъ предразсудковъ и привычекъ и возбудила желаніе прочесть побольше такихъ книгъ. Романъ земли всетаки интереснѣе всѣхъ романовъ! Жаль только, что нельзя прочесть первыхъ его главъ: онѣ написаны на такомъ языкѣ, которому мы не учились; приходится читать по слоямъ, кремневымъ пластамъ различныхъ земныхъ періодовъ, а дѣйствующія лица, Адамъ и Ева, появляются только въ шестой главѣ. Нѣкоторымъ читателямъ такое появленіе кажется нѣсколько запоздалымъ: имъ подавай живыхъ лицъ въ самомъ началѣ земного романа, ну, а мнѣ—все равно. Да, вотъ романъ со сказочнымъ содержаніемъ, и всѣ мы выведены въ немъ! Мы барахтаемся, копошимся, ползаемъ и—все ни съ мѣста, а шаръ-то вертится себѣ да вертится, не выливая на насъ океана. Корка, по которой мы ходимъ, тверда, такъ что мы не проваливаемся, и вотъ, романъ тянется милліоны лѣтъ, а продолженіе все впереди. Спасибо за книгу о валунахъ! Вотъ молодцы! Умѣй они говорить, они бы разсказали кое о чемъ! Право, забавно этакъ, сидя тутъ, на вышкѣ, превратиться въ нуль, вспомнивъ, что всѣ мы, со всею нашею глянцъ-ваксой, орденами, движеніемъ впередъ—только минутные муравьи на земной кучѣ! Да, чувствуешь себя такимъ молокососомъ въ сравненіи съ этими милліонолѣтними валунами, что просто неловко становится. Я читалъ книгу какъ разъ подъ Новый Годъ и такъ углубился въ нее, что позабылъ доставить себѣ обычное удовольствіе—по-

глядѣть, какъ „мчится на Амагеръ дикая орда“. Да, вы-то, пожалуй, объ этомъ и не знаете!

О полетѣ вѣдьмъ на шабашъ знаютъ всѣ; это бываетъ въ Иванову ночь, и слетаются онѣ на гору Брокенъ. Но у насъ бываетъ свой туземный и современный шабашъ на Амагерѣ въ ночь подъ Новый Годъ. Всѣ плохіе поэты и поэтессы, музыканты, журналисты и другія, никуда негодныя, артистическія величины, мчатся, въ ночь подъ Новый Годъ, по воздуху на Амагеръ; летятъ они верхомъ на кисточкахъ или гусиныхъ перьяхъ,—стальныя не годятся: слишкомъ тверды, не гнутся. Я, какъ сказано, смотрю на путешествіе дикой орды каждый годъ и многихъ изъ путешественниковъ могъ бы назвать вамъ по именамъ—не стоитъ только связываться! Имъ смерть не хочется, чтобы люди знали объ ихъ ежегодномъ ночномъ путешествіи, верхомъ на перьяхъ, на Амагеръ, но у меня есть одна дальняя родственница, торговка рыбой и поставщица бранныхъ словъ въ три уважаемыя газеты—какъ она говоритъ—и она разъ присутствовала на такомъ шабашѣ въ качествѣ гостьи. Ее принесли туда, такъ какъ сама она не держитъ въ рукахъ пера и верхомъ ѣздить не умѣетъ. Такъ вотъ, она-то мнѣ обо всемъ и разсказала. Половина изъ ея разсказовъ—ложь, но и остальной половины довольно. Начался праздникъ пѣснями; каждый изъ гостей написалъ свою и пѣлъ свою,—она, вѣдь, была лучше всѣхъ! Да и не все-ли равно? Всѣ пѣли на одинъ ладъ! Затѣмъ, „труженики языка“ маршировали небольшими кучками. Тутъ были и звонари, что звонятъ по домамъ, и маленькіе барабанщики, что барабанятъ въ семействахъ. Потомъ тѣ, кому нужно было, познакомились съ писаками, что пускаютъ свои статейки безъ подписи—чтобы смазка могла сойти за глянцъ-ваксу! Между ними былъ палачъ и его подручный; подручный-то и былъ самымъ рѣзкимъ на языкъ,—иначе на него, вѣдь, не обратили бы вниманія! Былъ тутъ и мусорщикъ, который вываливалъ изъ ящика мусоръ, приговаривая: „Хорошо, очень хорошо, замѣчательно хорошо!“ Въ самый разгаръ „веселья“ изъ помойной ямы выросъ стебель, дерево, чудовищный цвѣтокъ, огромный грибъ, цѣлая крыша; это была „елка“ честного собранія; на ней было навѣшано все, что они впродолженіи стараго года дали міру. Отъ нея сыпались искры,—словно блуждающіе огоньки летали; это были заимствованныя мысли и взятыя на прокатъ идеи, которыми

участники веселья пользовались; теперь онѣ освободились и взлетѣли на воздухъ фейерверкомъ. Началась игра въ „жгутъ горитъ“; поэтики же играли въ „сердце горитъ“, краснобаи сыпали остротами,—иначе они не могутъ—и остроты гремѣли, точно разбивались о двери пустые горшки или горшки съ золою. Ужасно весело было—по словамъ моей родственницы! Собственно говоря, она высыпала еще съ три короба злыхъ, но остроумныхъ замѣчаній, но я не стану повторять ихъ: надо быть добрыми людьми, а не критиками. Теперь вы поймете, что я, зная о такомъ праздникѣ, не упускаю случая ежегодно, въ ночь подъ Новый годъ, посмотрѣть, какъ мчится дикая орда. Иной годъ случается мнѣ хватиться нѣкоторыхъ прошлогоднихъ путешественниковъ, зато прибавляется обыкновенно и нѣсколько новыхъ. Нынѣшній же годъ я прозѣвалъ зрѣлище, катясь вмѣстѣ съ валунами черезъ милліоны лѣтъ. Я видѣлъ, какъ они отрывались отъ скалъ Сѣвера, скатывались внизъ, плавали на льдинахъ задолго до построенія Ноева Ковчега, падали въ воду, погружались на дно и вновь подымались на поверхность вмѣстѣ съ песчаною отмелью, которая говорила: „Здѣсь будетъ Зеландія!“ Я видѣлъ, какъ эти камни служили сѣдалищемъ для неизвѣстныхъ намъ породъ птицъ, трономъ для предводителей дикихъ дружинъ, именъ которыхъ мы тоже не знаемъ; видѣлъ, наконецъ, какъ на нѣкоторыхъ изъ камней вырубили топоромъ руническіе знаки. Этимъ камнямъ такимъ образомъ отведено мѣсто въ счисленіи времени, зато самъ я окончательно потерялъ всякое представленіе о времени, превратился въ нуль... Въ это время съ неба упали три-четыре прелестныя звѣздочки, и мысли мои приняли другой оборотъ. Вы знаете, что такое падающія звѣзды? Ученые, вѣдь, этого не знаютъ! Я смотрю на нихъ по-своему.

Какъ часто посылаютъ люди тайное, нѣмое спасибо человѣку, совершившему нѣчто прекрасное, доброе; спасибо это беззвучно, но оно не пропадаетъ даромъ. По-моему, это молчаливое, тайное спасибо подхватывается солнечнымъ лучомъ, который затѣмъ и возлагаетъ его на голову благодѣтеля. Если же случается, что цѣлый народъ посылаетъ такое спасибо давно умершему благодѣтелю, съ неба падаетъ на его могилу яркій букетъ—звѣздочка. И мнѣ доставляетъ истинное удовольствіе угадывать,—особенно въ ночь подъ Новый Годъ—кому назначается этотъ благодарственный букетъ. Въ послѣдній разъ

звѣзда упала на юго-западный берегъ; это было спасибо многимъ, многимъ! Кому же именно? По-моему, звѣзда, навѣрное, упала на крутой берегъ Фленсборгскаго залива, гдѣ вѣетъ „Данеброгъ" надъ могилами Шлэппегреля, Лэссё *) и ихъ товарищей. Потомъ разъ я видѣлъ, какъ скатилась звѣзда въ самую средину страны—въ Сорѳ, на могилу Гольберга. Это было спасибо отъ многихъ читателей его дивныхъ комедій!

И что за великая, радостная мысль—сознавать, что на твою могилу скатится такая звѣздочка!.. На мою-то не упадетъ ни одна, ни одинъ солнечный лучъ не принесетъ мнѣ спасибо,—не̂ за что! Мнѣ не удалось добиться глянцъ-ваксы; моя судьба довольствоваться простою смазкой.

Посѣщеніе второе.

Въ первый день Новаго Года я поднялся на колокольню, и Оле заговорилъ о тостахъ, которые осушаются по случаю перехода отъ старой „канители"—какъ онъ назвалъ годъ—къ новой. Тутъ я услышалъ отъ него исторію о бокалахъ, и въ ней была не дурная мысль.

— Едва часы въ ночь подъ Новый Годъ пробьютъ двѣнадцать, люди встаютъ съ мѣстъ съ полными бокалами въ рукахъ и пьютъ за здоровье Новаго Года. Годъ начинаютъ съ бокалами въ рукахъ,—недурное начало для пьяницъ! Начинаютъ годъ тѣмъ, что ложатся спать,—хорошее начало для лѣнтяевъ! И сонъ, и бокалы дѣйствительно играютъ въ теченіе года не малую роль! А знаете вы, что въ бокалахъ?—спросилъ меня Оле.— Въ нихъ здоровье, радость и веселье! Но въ нихъ же и злополучіе и величайшія несчастья! Считая бокалы, я, конечно, подразумѣваю степени опьяненія.

Вотъ первый бокалъ, бокалъ здоровья! Въ немъ растетъ цвѣтокъ здоровья; посади его въ своемъ домѣ, и къ концу года будешь сидѣть въ бесѣдкѣ здоровья!

Возьмете второй бокалъ—изъ него вылетаетъ птичка; она невинно-радостно щебечетъ; человѣкъ прислушивается и невольно подпѣваетъ ей: „Жизнь прекрасна! Не надо вѣшать носа! Смѣло впередъ!"

Изъ третьяго бокала вылетаетъ маленькое крылатое существо; ангелочкомъ его назвать нельзя,—онъ изъ породы домовыхъ,

*) Датскіе офицеры, павшіе геройскою смертью въ первую датско-прусскую войну (1848—1850 г.) *Примѣч. перев.*

но не издѣвается, а только шутитъ. Онъ прильнетъ къ уху человѣка и начнетъ нашептывать забавныя выдумки, уляжется у его сердца, и такъ согрѣваетъ его, что человѣку хочется шалить и острить, и онъ дѣйствительно становится острякомъ, по мнѣнію другихъ такихъ же остряковъ.

Въ четвертомъ бокалѣ нѣтъ ни цвѣтка, ни птички, ни крылатаго шалуна; въ немъ черта, проводимая разумомъ, и за нее никогда не слѣдуетъ переходить.

Если же возьмешь пятый бокалъ, заплачешь надъ самимъ собою, растрогаешься или, наоборотъ, расшумишься: изъ бокала выскочитъ съ трескомъ принцъ Карнавалъ, невоздержанный на языкъ, шальной!.. Онъ увлечетъ тебя, ты забудешь свое достоинство—если оно у тебя есть! Забудешь многое, больше чѣмъ можешь и смѣешь. Пляска, пѣніе, звонъ бокаловъ!.. Маски увлекаютъ тебя въ бѣшенный вихрь... Передъ тобой дочери сатаны въ газѣ и шелкѣ, съ распущенными волосами, стройныя, красивыя... Оторвись отъ нихъ, коли сможешь!

Шестой бокалъ!.. Въ немъ ужъ сидитъ самъ сатана, прекрасно одѣтый, краснорѣчивый, привлекательный, въ высшей степени пріятный человѣчекъ! Онъ вполнѣ понимаетъ тебя, находитъ, что ты правъ всегда и во всемъ, онъ—твое второе „я"; онъ является съ фонаремъ, чтобы проводить тебя во-свояси. Да, въ одной старой легендѣ разсказывается о святомъ, который долженъ былъ выбрать одинъ изъ семи смертныхъ грѣховъ, и выбралъ, какъ ему казалось, наименьшій—пьянство, но, благодаря ему, впалъ и во всѣ остальные. Въ шестомъ бокалѣ кровь сатаны, смѣшанная съ человѣческою. Только выпей его—всѣ дурныя сѣмена, что прячутся въ твоей душѣ, пустятъ ростки, и каждое разростется, подобно евангельскому горчичному зерну, въ цѣлое дерево, которое можетъ покрыть своею тѣнью весь свѣтъ. Большинству людей остается послѣ этого только отправиться въ переплавку!

Вотъ вамъ исторія бокаловъ!—заключилъ Оле.—Ее можно подавать подъ соусомъ и изъ глянцъ-ваксы, и изъ простой смазки. Я подаю ее подъ обоими.

Это было мое второе посѣщеніе Оле; захочешь послушать еще, придется продолжать посѣщенія*).

*) Семь лѣтъ спустя (1868 г.) авторъ и написалъ такое продолженіе подъ заглавіемъ „День переѣзда"; сказка эта будетъ помѣщена въ „Собраніи" на своемъ мѣстѣ. *Перев.*

АННА-ЛИЗБЕТА.

Анна-Лизбета была красавица, просто кровь съ молокомъ, молодая, веселая. Зубы сверкали ослѣпительною бѣлизной, глаза такъ и горѣли; легка была она въ танцахъ, еще легче въ жизни! Что же вышло изъ этого? „Дрянной мальчишка!" Да, некрасивъ-то онъ былъ некрасивъ! Его и отдали на воспитаніе женѣ землекопа, а сама Анна-Лизбета попала въ графскій замокъ, поселилась въ роскошной комнатѣ; одѣли ее въ шелкъ, да въ бархатъ. Вѣтерокъ не смѣлъ на нее пахнуть, никто—грубаго слова сказать: это могло разстроить ее, она могла заболѣть, а она, вѣдь, кормила грудью графчика! Графчикъ былъ такой нѣжный, что твой принцъ, и хорошъ собою, какъ ангелочекъ. Какъ Анна-Лизбета любила его! Ея же собственный сынъ... ютился въ избушкѣ землекопа, гдѣ не каша варилась, а больше языки трещали, чаще же всего мальчишка оралъ въ пустой избушкѣ одинъ-одинешенекъ. Никто не слыхалъ его криковъ, такъ некому было и пожалѣть! Кричалъ онъ, пока не засыпалъ отъ усталости, а во снѣ не чувствуешь, вѣдь, ни голода, ни жажды; сонъ вообще чудесное изобрѣтеніе! Годы шли, а „съ годами и сорная трава выростаетъ"—какъ говорится; мальчишка Анны-Лизбеты тоже росъ, какъ сорная трава. Онъ такъ и остался въ семьѣ землекопа, Анна-Лизбета заплатила за него и этимъ развязалась съ нимъ окончательно. Сама она стала горожанкой, жилось ей отлично, она даже носила шляпки, но къ землекопу съ женой не заглядывала никогда—далеко было, да и нечего ей было у нихъ дѣлать! Мальчишка принадлежалъ теперь имъ, и такъ какъ ѣсть-то онъ умѣлъ,—говорили они—то и долженъ былъ самъ зарабатывать себѣ на харчи. Пора было ему взяться за дѣло, вотъ его и приставили пасти рыжую корову Мадса Іенсена.

Цѣпной песъ на дворѣ бѣлильщика гордо сидитъ въ солнечные дни на крышѣ своей конуры и лаетъ на прохожихъ, а въ дождь забирается въ конуру; ему тамъ и сухо, и тепло. Сынишка Анны-Лизбеты сидѣлъ въ солнечные дни у канавы, стругая колъ, и мечталъ: весною онъ запримѣтилъ три цвѣточка земляники, — „навѣрно изъ нихъ выйдутъ ягодки!" Мысль эта была его лучшею радостью, но ягодъ не вышло. Въ дождь и непогоду онъ промокалъ до костей, а рѣзкій вѣтеръ просушивалъ его. Если же случалось ему забраться на барскій дворъ, его угощали толчками и пинками; онъ такой

дрянной, некрасивый,—говорили дѣвушки и парни, и онъ уже привыкъ не знать ни любви, ни ласки!

Такъ какъ же сынку Анны-Лизбеты жилось на бѣломъ свѣтѣ? Что выпало ему на долю?—„Не знавать ни любви, ни ласки!“

Наконецъ, его совсѣмъ сжили съ земли,—отправили въ море на утломъ суднѣ. Онъ сидѣлъ на рулѣ, а шкиперъ пилъ. Грязенъ, прожорливъ былъ мальчишка; можно было подумать, что онъ отъ роду до сыта не наѣдался! Да такъ оно и было.

Стояла поздняя осень, погода была сырая, мглистая, холодная; вѣтеръ пронизывалъ насквозь, несмотря на толстое платье, особенно на морѣ. А въ морѣ плыло однопарусное утлое судно всего съ двумя человѣками экипажа; можно даже сказать, что ихъ было всего полтора: шкиперъ, да мальчишка. Весь день стояли мглистыя сумерки, къ вечеру стало еще темнѣе; морозъ такъ и щипалъ. Шкиперъ принялся прихлебывать, чтобы согрѣться; бутылка не сходила со стола, рюмка тоже; ножка у нея была отбита, и вмѣсто нея къ рюмкѣ придѣлана деревянная, выкрашенная въ голубой цвѣтъ подставка. „Одинъ глотокъ хорошо, два еще лучше“, думалъ шкиперъ. Мальчикъ сидѣлъ на рулѣ, держась за него обѣими жесткими, запачканными въ дегтѣ руками. Некрасивъ онъ былъ: волоса жесткіе, унылый, забитый видъ... Да, вотъ каково приходилось сынишкѣ землекопа, по церковнымъ книгамъ—Анны-Лизбеты.

Вѣтеръ рѣзалъ волны по-своему, судно по-своему! Парусъ надулся, вѣтеръ подхватилъ его, и судно понеслось стрѣлою... Сырость, мгла... Но этимъ еще не кончилось! Стопъ!.. Что такое? Что за толчокъ? Отчего судно взметнулось? Что случилось? Вотъ оно завертѣлось... Что это, хлынулъ ливень, обдало судно волною?.. Мальчикъ-рулевой вскрикнулъ: „Господи Іисусе!“ Судно налетѣло на огромный подводный камень и погрузилось въ воду, какъ старый башмакъ въ канаву, потонуло „со всѣми людьми и мышами“, какъ говорится. Мышей-то на немъ было много, а людей всего полтора человѣка: шкиперъ, да сынишка землекопа. Никто не видалъ крушенія, кромѣ крикливыхъ чаекъ и рыбъ морскихъ, да и тѣ ничего не разглядѣли хорошенько, испуганно метнувшись въ сторону, когда вода съ такимъ шумомъ ворвалась въ затонувшее судно. И затонуло-то оно всего на какую-нибудь сажень! Экипажъ былъ похороненъ, на поверхность всплыла только рюмка съ голубою деревянною

подставкой,—подставка-то и заставила всплыть рюмку. Волны понесли ее и выкинули на берегъ въ осколкахъ. Когда, гдѣ? Не все-ли равно; она отслужила свой вѣкъ, была любима, не то, что сынъ Анны-Лизбеты! Но, вступивъ въ небесные чертоги, ни одной душѣ не приходится больше жаловаться на то, что ей суждено было „вѣкъ не знавать ни любви, ни ласки!“

Анна-Лизбета жила въ городѣ уже много лѣтъ, и всѣ звали ее „сударыней“. А ужъ какъ подымала она носъ, если рѣчь заходила о старыхъ временахъ, когда она жила въ графскомъ домѣ, разъѣзжала въ каретѣ и имѣла случай разговаривать съ графинями, да баронессами! И что за красавчикъ, ангелочекъ, душка былъ ея графчикъ! Какъ онъ любилъ ее, и какъ она его! Они цѣловали другъ друга, гладили другъ друга; онъ былъ ея радостью, половиной ея жизни.

Теперь онъ ужъ выросъ, ему было четырнадцать лѣтъ, и онъ обучался разнымъ наукамъ. Но она не видала его съ тѣхъ поръ, какъ еще носила на рукахъ; ни разу за все это время она не побывала въ графскомъ замкѣ: далеко было, цѣлое путешествіе!

— Когда-нибудь да всетаки надо собраться!—сказала Анна-Лизбета.—Надо же мнѣ взглянуть на мое сокровище, моего графчика! И онъ-то, вѣрно, соскучился обо мнѣ, думаетъ обо мнѣ, любитъ попрежнему! Бывало, уцѣпится своими ангельскими ручонками за мою шею, да и лепечетъ: „Анъ-Лисъ!“ Голосокъ—что твоя скрипка! Да, надо собраться, взглянуть на него!

И она отправилась; гдѣ проѣдетъ конецъ дороги на возкѣ съ телятами, гдѣ пѣшкомъ пройдетъ, такъ по-маленьку и добралась до графскаго замка. Замокъ былъ все такой же огромный, роскошный; передъ фасадомъ попрежнему разстилался садъ, но слуги всѣ были новые. Ни одинъ изъ нихъ не зналъ Анны-Лизбеты, не зналъ, что̀ она значила когда-то здѣсь въ домѣ. Ну, да сама графиня скажетъ имъ, объяснитъ все, и графчикъ тоже. Какъ она соскучилась по немъ!

Ну, вотъ, Анна-Лизбета и вошла. Долго пришлось ей ждать, а когда ждешь, время тянется еще дольше! Передъ тѣмъ, какъ господамъ сѣсть за столъ, ее позвали къ графинѣ, которая приняла ее очень благосклонно. Дорогого же графчика своего Анна-Лизбета могла увидѣть только послѣ обѣда. Господа откушали, и ее позвали опять.

Какъ онъ выросъ, вытянулся, похудѣлъ! Но чудные глазки и ангельскій ротикъ остались! Онъ взглянулъ на нее, но не сказалъ ни слова. Онъ, кажется, не узналъ ея. Онъ уже повернулся, чтобы уйти, какъ она вдругъ схватила его руку и прижала ее къ губамъ. „Ну, ну, хорошо, хорошо!“ сказалъ онъ и вышелъ изъ комнаты... Онъ, ея любовь, ея гордость, ея земное сокровище, такъ холодно обошелся съ нею!..

Анна-Лизбета вышла изъ замка очень печальная. Онъ встрѣтилъ ее, какъ чужую, онъ совсѣмъ не помнилъ ея, не сказалъ ей ни слова, ей, своей кормилицѣ, носившей его на рукахъ день и ночь, носившей его и теперь въ мысляхъ!

Вдругъ, прямо передъ ней слетѣлъ на дорогу большой черный воронъ, каркнулъ разъ, потомъ еще и еще.

— Ахъ, ты, зловѣщая птица!—сказала Анна-Лизбета.

Пришлось ей идти мимо избушки землекопа; на порогѣ стояла сама хозяйка, и женщины заговорили.

— Ишь ты, какъ раздобрѣла!—сказала жена землекопа.— Толстая, здоровая! Хорошо живется, видно!

— Ничего себѣ!—отвѣтила Анна-Лизбета.

— А судно-то съ ними погибло!—продолжала та.—Оба утонули—и шкиперъ Ларсъ, и мальчишка! Конецъ! А я-то думала, мальчишка выростетъ, помогать станетъ намъ! Тебѣ-то, вѣдь, онъ грошъ стоилъ, Анна-Лизбета!

— Такъ они потонули!—сказала Анна-Лизбета и больше о погибшихъ не упоминала: она была такъ огорчена,—графчикъ не удостоилъ ея разговоромъ! А она такъ любила его, пустилась въ такой дальній путь, чтобы только взглянуть на него, въ такіе расходы вошла!.. Удовольствія же—на грошъ. Но, конечно, она не проговорилась о томъ ни словомъ, не захотѣла излить сердца передъ женою землекопа: вотъ еще! та, пожалуй, подумаетъ, что Анна-Лизбета больше не въ почетѣ у графской семьи!.. Тутъ надъ ней опять каркнулъ воронъ.

— Ахъ ты, черное пугало!—сказала Анна-Лизбета.—Что ты все пугаешь меня сегодня!

Она захватила съ собою кофе и цикорію; отсыпать щепотку на угощеніе женѣ землекопа значило бы оказать бѣдной женщинѣ сущее благодѣяніе, а за компанію и сама Анна-Лизбета могла выпить чашечку. Жена землекопа пошла варить кофе, а Анна-Лизбета присѣла на стулъ, да задремала. И вотъ диковина: во снѣ ей приснился тотъ, о комъ она никогда и не

думала! Ей приснился собственный сынъ, который голодалъ и ревѣлъ въ этой самой избушкѣ, росъ безъ призора, а теперь лежалъ на днѣ моря, Богъ вѣдаетъ гдѣ. Снилось ей, что она сидитъ, гдѣ сидѣла, и что жена землекопа ушла варить кофе; вотъ уже запахло вкуснымъ напиткомъ, какъ вдругъ въ дверяхъ появился прелестный мальчикъ, не хуже самого графчика, и сказалъ ей:

„Теперь конецъ міру! Держись за меня крѣпче,—всетаки ты мнѣ мать! У тебя есть на небесахъ ангелъ-заступникъ! Держись за меня!“

И онъ схватилъ ее; въ ту же минуту раздался такой шумъ и громъ, какъ будто міръ лопнулъ по всѣмъ швамъ... Ангелъ взвился на воздухъ и такъ крѣпко держалъ ее за рукавъ сорочки, что она почувствовала, какъ отдѣляется отъ земли... Но вдругъ на ногахъ ея повисла какая-то тяжесть, и что-то тяжелое навалилось на спину... За нее цѣплялись сотни женщинъ и кричали: „Если ты спасешься, такъ и мы тоже! Цѣпляйтесь за нее, цѣпляйтесь!“ И онѣ крѣпко повисли на ней. Тяжесть была слишкомъ велика, рукавъ затрещалъ и разорвался, Анна-Лизбета полетѣла внизъ... Отъ ужаса она проснулась и чуть было не упала вмѣстѣ со стуломъ. Въ головѣ у нея была путаница, она и вспомнить не могла, чтó сейчасъ видѣла во снѣ; что-то дурное!

Попили кофе, поговорили, и Анна-Лизбета направилась въ ближній городокъ; тамъ ждалъ ее крестьянинъ, съ которымъ она хотѣла доѣхать до дому. Но когда она пришла къ нему, онъ сказалъ, что не можетъ выѣхать раньше вечера слѣдующаго дня. Она поразсчитала, чтó будетъ ей стоить прожить въ городѣ лишній день, пораздумала о дорогѣ и сообразила, что, если она пойдетъ не по проѣзжей дорогѣ, а вдоль берега, то выиграетъ мили двѣ. Погода была хорошая, ночи стояли свѣтлыя, лунныя, Анна-Лизбета и порѣшила идти пѣшкомъ. На другой же день она могла уже быть дома.

Солнце сѣло, но колокола еще звонили къ вечернѣ... Нѣтъ, это вовсе не колокола звонили, а лягушки квакали въ прудахъ. Потомъ и тѣ смолкли; не слышно было и птичекъ: маленькія пѣвчія улеглись спать, а совы, должно быть, не было дома.

Безмолвно было и въ лѣсу, и на берегу. Анна-Лизбета слышала, какъ хрустѣлъ подъ ея ногами песокъ; море не плескалось о берегъ; тихо было въ морской глубинѣ; ни живые, ни мертвые обитатели моря не подавали голоса.

Анна-Лизбета шла, какъ говорится, не думая ни о чемъ; да, она-то могла обойтись безъ мыслей, но мысли-то не хотѣли отъ нея отстать. Мысли никогда не отстаютъ отъ насъ, хотя и выдаются минуты, когда онѣ спокойно дремлютъ въ нашей душѣ, дремлютъ какъ тѣ, что ужъ сдѣлали свое дѣло и успокоились, такъ и тѣ, что еще не просыпались въ насъ. Но настаетъ часъ и онѣ просыпаются, начинаютъ бродить въ нашей головѣ, заполоняютъ насъ.

„Доброе дѣло и плодъ приноситъ добрый!“ сказано намъ. „А въ грѣхѣ—зародышъ смерти“, это тоже сказано. Много вообще намъ сказано, но много-ли знающихъ и помнящихъ то, что намъ сказано? Анна-Лизбета, по крайней мѣрѣ, къ такимъ не принадлежала. Но для каждаго рано или поздно наступаетъ минута просвѣтлѣнія.

Въ нашемъ сердцѣ, во всѣхъ сердцахъ, и въ моемъ, и въ твоемъ, лежатъ зародыши всѣхъ пороковъ и всѣхъ добродѣтелей. Лежатъ они тамъ крошечными невидимыми сѣменами; вдругъ, въ сердце проникаетъ солнечный лучъ или прикасается къ нему злая рука, и ты сворачиваешь вправо, или влѣво—да вотъ этотъ-то поворотъ и рѣшаетъ все: маленькое сѣмячко встряхивается, разбухаетъ, пускаетъ ростки, и сокъ его смѣшивается съ твоею кровью, а тогда ужъ дѣло сдѣлано. Страшныя это мысли! Но пока человѣкъ ходитъ, какъ въ полуснѣ, онъ не сознаетъ этого, мысли эти, только смутно бродятъ въ его головѣ. Въ такомъ-то полуснѣ бродила и Анна-Лизбета, а мысли въ свою очередь начинали бродить въ ней! Отъ Срѣтенія до Срѣтенія сердце успѣваетъ занести въ свою разсчетную книжку многое; на страницахъ ея ведется годовая отчетность души; все внесено туда, все то, о чемъ сами мы давно забыли: всѣ наши грѣшныя слова и мысли, грѣшныя передъ Богомъ и людьми, и передъ нашею собственною совѣстью! А мы и не думаемъ о нихъ, какъ не думала и Анна-Лизбета. Она, вѣдь, не совершила преступленія противъ государственныхъ законовъ, слыла почтенною женщиной, всѣ уважали ее, о чемъ же ей было думать?

Она спокойно шла по берегу, вдругъ... что это лежитъ на дорогѣ?! Она остановилась. Что это выброшено на берегъ? Старая мужская шапка. Какъ она попала сюда? Анна-Лизбета подошла ближе и опять остановилась... Ахъ! Что это?! Она задрожала отъ испуга, а пугаться-то вовсе было нечего: передъ

ней лежалъ большой продолговатый камень, опутанный водорослями,—съ перваго взгляда казалось, что на пескѣ лежитъ человѣкъ. Теперь она разглядѣла ясно и камень, и водоросли, но страхъ ея не проходилъ. Она пошла дальше, и ей припомнилось повѣрье, которое она слышала въ дѣтствѣ, повѣрье о „береговомъ призракѣ“, привидѣніи не погребенныхъ утопленниковъ. Самое тѣло утопленника не дѣлаетъ никому зла, но призракъ его преслѣдуетъ одинокого путника, цѣпляется за него и требуетъ христіанскаго погребенія. „Цѣпляйся! Цѣпляйся!“—кричитъ призракъ. Какъ только Анна-Лизбета припомнила это, въ ту же минуту ей вспомнился и весь ея сонъ. Она словно на яву услышала крикъ матерей, цѣплявшихся за нее: „Цѣпляйтесь! Цѣпляйтесь!“ Вспомнила она, какъ рушился міръ, какъ разорвался ея рукавъ, и она вырвалась изъ рукъ своего сына, хотѣвшаго поддержать ее въ часъ страшнаго суда. Ея сынъ, ея собственное, родное, нелюбимое дитя, о которомъ она ни разу не вспоминала, лежало теперь на днѣ моря и могло явиться ей въ видѣ „береговаго призрака“ съ крикомъ: „Цѣпляйся! Цѣпляйся! Зарой меня въ землю по-христіански!“ Отъ этихъ мыслей у нея даже въ пятки закололо, и она прибавила шагу. Ужасъ сжималъ ея сердце, словно кто давилъ его холодною, влажною рукой... Она готова была лишиться чувствъ...

Туманъ надъ моремъ между тѣмъ все густѣлъ и густѣлъ; всѣ кусты и деревья на берегу тоже были окутаны туманомъ и приняли странныя, диковинныя очертанія. Анна-Лизбета обернулась взглянуть на мѣсяцъ. У, какой холодный, мертвенный блескъ, безъ лучей! Словно какая-то страшная тяжесть навалилась на Анну-Лизбету, члены ея не двигались. „Цѣпляйся, цѣпляйся!“ пришло ей на умъ. Она опять обернулась взглянуть на мѣсяцъ, и ей показалось, что его блѣдный ликъ приблизился къ ней, заглянулъ ей въ самое лицо, а туманъ повисъ у нея на плечахъ, какъ саванъ. Она прислушалась, ожидая услышать: „Цѣпляйся! Цѣпляйся! Зарой меня!“ и въ самомъ дѣлѣ раздался какой-то жалобный, глухой стонъ... Это не лягушка квакнула въ прудѣ, не ворона каркнула: ихъ не было видно кругомъ... И вотъ, ясно прозвучало: „Зарой меня!“ Да, это береговой призракъ ея сына, лежащаго на днѣ морскомъ. Не знавать ему покоя, пока его тѣло не отнесутъ на христіанское кладбище и не предадутъ землѣ! Надо скорѣе на кладбище, зарыть его! Анна-Лизбета повернула по направленію къ церкви,

и ей сразу стало легче. Она было хотѣла опять повернуть назадъ, чтобы кратчайшею дорогой добраться до дому,—не тутъ-то было! На нее опять навалилась та же тяжесть. „Цѣпляйся! Цѣпляйся!“ Опять словно квакнула лягушка, жалобно прокричала какая-то птица, и явственно прозвучало: „Зарой меня! Зарой меня!“

Холодный, влажный туманъ не рѣдѣлъ; лицо и руки Анны-Лизбеты тоже были холодны и влажны отъ ужаса. Все тѣло ея сжимало, какъ въ тискахъ; зато въ головѣ образовалось обширное поле для мыслей—такихъ, какихъ она никогда прежде не знавала.

Весной, на сѣверѣ буковые лѣса, бываетъ, распускаются въ одну ночь; взойдетъ солнышко, и они уже въ полномъ весеннемъ уборѣ. Такъ же въ одну секунду можетъ пустить ростки и вложенное въ насъ нашею прошлою жизнью—мыслью, словомъ или дѣломъ—сѣмя грѣха; и въ одну же секунду можетъ грѣхъ сдѣлаться для насъ видимымъ, въ ту секунду, когда просыпается наша совѣсть. Пробуждаетъ ее Господь и какъ-разъ тогда, когда мы меньше всего того ожидаемъ. И тогда нѣтъ для насъ оправданія: дѣло свидѣтельствуетъ противъ насъ, мысли облекаются въ слова, а слова звучатъ на весь міръ. Съ ужасомъ глядимъ мы на то, что носили въ себѣ, не стараясь заглушить, на то, что мы въ нашемъ высокомѣріи и легкомысліи сѣяли въ своемъ сердцѣ. Да, въ тайникѣ сердца кроются всѣ добродѣтели, но также и всѣ пороки, и тѣ, и другіе могутъ развиться даже на самой безплодной почвѣ.

У Анны-Лизбеты бродило въ мысляхъ какъ разъ то, что мы сейчасъ высказали словами; подъ бременемъ этихъ мыслей она опустилась на землю и проползла нѣсколько шаговъ. „Зарой меня! Зарой меня!“ слышалось ей; она лучше бы зарылась въ могилу сама,—въ могилѣ можно было найти вѣчное забвеніе! Насталъ для Анны-Лизбеты серьезный страшный часъ пробужденія совѣсти. Суевѣрный страхъ бросалъ ее то въ ознобъ, то въ жаръ. Многое, о чемъ она никогда и думать не хотѣла, теперь пришло ей на умъ. Беззвучно, словно облачная тѣнь, пронеслось мимо нея видѣніе, о которомъ она слыхала прежде. Близко-близко мимо нея промчалась четверка фыркающихъ коней; изъ очей и ноздрей ихъ сверкало пламя; они везли горѣвшую, какъ жаръ, карету, а въ ней сидѣлъ злой помѣщикъ, который больше ста лѣтъ тому назадъ без-

чинствовалъ тутъ, въ окрестностяхъ. Разсказывали, что онъ каждую полночь въѣзжаетъ на свой дворъ и сейчасъ же поворачиваетъ обратно. Онъ не былъ блѣденъ, какъ говорятъ, бываютъ всѣ мертвецы, но черенъ, какъ уголь. Онъ кивнулъ Аннѣ-Лизбетѣ и махнулъ рукой: „Цѣпляйся, цѣпляйся! Тогда опять можешь ѣздить въ графской каретѣ и забывать свое дитя!"

Анна-Лизбета опрометью бросилась впередъ и скоро достигла кладбища. Черные кресты и черные вѣроны мелькали у нея передъ глазами. Вѣроны кричали, какъ тотъ вѣронъ, котораго она видѣла днемъ, но теперь она понимала ихъ карканье; каждый кричалъ: „Я воронья мать! Я воронья мать!" И Анна-Лизбета знала, что это имя подходило и къ ней: и она, быть можетъ, превратится вотъ въ такую же черную птицу и будетъ постоянно кричать, какъ они, если не успѣетъ вырыть могилы.

Она бросилась на землю и руками начала рыть въ твердой землѣ могилу; кровь брызнула у нея изъ подъ ногтей.

„Зарой меня! Зарой меня!" звучало безъ перерыва; Анна-Лизбета трепетала, какъ бы не раздалось пѣніе пѣтуха, не показалась на небѣ красная полоска зари прежде, чѣмъ она выроетъ могилу—тогда она погибла!.. Но вотъ пѣтухъ пропѣлъ, загорѣлась заря, а могила была вырыта только на половину!.. Холодная ледяная рука скользнула по ея головѣ и лицу, соскользнула на сердце. „Только полмогилы!" послышался вздохъ, и видѣніе опустилось на дно моря. Да, это былъ „береговой призракъ"! Анна-Лизбета, подавленная, упала на землю безъ сознанія, безъ чувствъ... Она пришла въ себя только среди бѣлаго дня; двое парней подняли ее съ земли. Анна-Лизбета лежала вовсе не на кладбищѣ, а на самомъ берегу моря, гдѣ выкопала передъ собою въ пескѣ глубокую яму, до крови порѣзавъ себѣ пальцы о разбитую рюмку; острый осколокъ ея былъ прикрѣпленъ къ голубой деревянной подставкѣ. Анна-Лизбета была совсѣмъ больна. Совѣсть перетасовала карты суевѣрія, разложила ихъ и вывела заключеніе, что у Анны-Лизбеты теперь только половина души: другую половину унесъ съ собою на дно моря ея сынъ. Не попасть ей въ царство небесное, пока она не вернетъ себѣ этой половины, лежащей въ глубинѣ моря! Анна-Лизбета вернулась домой уже не тѣмъ человѣкомъ, какимъ была прежде; мысли ея словно смотались

въ клубокъ, и только одна нить осталась у нея въ рукахъ — мысль, что она должна отнести „береговой призракъ“ на кладбище и предать его землѣ: тогда она опять обрѣтетъ всю свою душу.

Много разъ схватывались ея по ночамъ и всегда находили на берегу, гдѣ она ожидала „береговой призракъ“. Такъ прошелъ цѣлый годъ. Однажды ночью она опять исчезла, но найти ея не могли; весь слѣдующій день прошелъ въ безплодныхъ поискахъ.

Подъ вечеръ пономарь пришелъ въ церковь звонить къ вечернѣ и увидѣлъ передъ алтаремъ распростертую на полу Анну-Лизбету. Тутъ она лежала съ ранняго утра; силы почти совсѣмъ оставили ее, но глаза сіяли, на лицѣ горѣлъ розоватый отблескъ заходящаго солнца; лучи его падали и на алтарь и играли на блестящихъ застежкахъ Библіи, которая была раскрыта на страницѣ изъ книги пророка Іоиля: „Раздерите сердца ваши, а не одежды, и обратитесь къ Господу!“ — Ну, случайно такъ вышло! — говорили потомъ люди, какъ и во многихъ подобныхъ случаяхъ.

Лицо Анны-Лизбеты, освѣщенное солнцемъ, дышало яснымъ миромъ и спокойствіемъ; ей было такъ хорошо! Теперь у нея отлегло отъ сердца: ночью „береговой призракъ“ ея ребенка явился ей и сказалъ: „Ты вырыла только полмогилы для меня, но теперь вотъ ужъ годъ ты носишь меня въ своемъ сердцѣ, а въ сердцѣ матери самое вѣрное убѣжище ребенка!“ И онъ вернулъ ей другую половину ея души и привелъ ее сюда въ церковь.

„Теперь я въ Божьемъ домѣ“, — сказала она: „а тутъ спасеніе!“

Когда солнце сѣло, душа ея вознеслась туда, гдѣ нечего бояться тому, кто здѣсь боролся и страдалъ до конца, какъ Анна-Лизбета.

РЕБЯЧЕСКАЯ БОЛТОВНЯ.

У богатаго купца былъ дѣтскій вечеръ; приглашены были все дѣти богатыхъ и знатныхъ родителей. Дѣла купца шли отлично; самъ онъ былъ человѣкъ образованный, даже выдержалъ въ свое время экзаменъ при университетѣ. На этомъ настоялъ его почтенный отецъ, который былъ сначала простымъ

прасоломъ, но честнымъ и трудолюбивымъ человѣкомъ и сумѣлъ составить себѣ капиталецъ, а сынъ еще пріумножилъ его. Купецъ былъ человѣкъ умный и добрый, но люди не такъ много говорили объ этихъ качествахъ, какъ о его богатствѣ.

Онъ велъ знакомство и съ аристократами крови, и съ аристократами ума—какъ это говорится—съ аристократами и крови, и ума вмѣстѣ, и, наконецъ, съ тѣми, которые не могли похвалиться ни тѣмъ, ни другимъ аристократизмомъ.

Итакъ, у него въ домѣ собралось большое общество, но исключительно дѣтское; дѣти болтали безъ умолку; у нихъ, какъ извѣстно, что на умѣ, то и на языкѣ. Въ числѣ дѣтей была одна прелестная маленькая дѣвочка, только ужасно спѣсивая; спѣсь не вбили, а „вцѣловали“ въ нее, и не родители, а слуги,—родители были для этого слишкомъ разумны. Отецъ малютки былъ камеръ-юнкеромъ, и она знала, что это нѣчто „ужасно важное“.

— Я камеръ-юнкерская дочка!—сказала она. Она точно также могла бы быть лавочниковой дочкой,—и то, и другое одинаково не во власти самого человѣка. И вотъ, она разсказывала другимъ дѣтямъ, что въ ней течетъ „настоящая кровь“, а въ комъ ея нѣтъ, изъ того ничего и не выйдетъ. Читай, старайся, учись сколько хочешь, но если въ тебѣ нѣтъ настоящей крови, толку не выйдетъ.—А ужъ изъ тѣхъ, чье имя кончается на „сенъ“,—прибавила она:—никогда ничего не выйдетъ путнаго. Надо упереться руками въ бока, да и держать себя подальше отъ всѣхъ этихъ „сенъ, сенъ!“—И она уперлась прелестными ручонками въ бока и выставила локти, чтобы показать, какъ надо держаться. Славныя у нея были ручонки, да и сама она была премиленькая!

Но дочка купца обидѣлась: фамилія ея отца была Мадсенъ, а она знала, что эта фамилія тоже кончается на „сенъ“, и вотъ, она гордо закинула головку и сказала:

— Зато мой папа можетъ купить леденцовъ на цѣлыхъ сто риксдалеровъ и разбросать ихъ народу! А твой можетъ?

— Ну, а мой папа,—сказала дочка писателя:—можетъ и твоего папу, и твоего, и всѣхъ „папъ“ на свѣтѣ пропечатать въ газетѣ! Всѣ его боятся, говоритъ мама,—вѣдь, это онъ распоряжается газетой!

И дѣвочка прегордо закинула головку—ни дать-ни взять принцесса крови!

А за полуотворенною дверью стоялъ бѣдный мальчикъ и поглядывалъ на дѣтей въ щелочку; мальчуганъ не смѣлъ войти въ комнату; куда было такому бѣдняку соваться къ богатымъ и знатнымъ дѣтямъ! Онъ поворачивалъ на кухнѣ для кухарки вертелъ, и теперь ему позволили поглядѣть на разряженныхъ, веселящихся дѣтей въ щелку; и это ужъ было для него огромнымъ счастьемъ.

„Вотъ бы мнѣ быть на ихъ мѣстѣ!“ думалось ему. Вдругъ, онъ услышалъ болтовню дѣвочекъ, а, слушая ее, можно было упасть духомъ. Вѣдь у родителей его не было въ копилкѣ ни гроша; у нихъ не было средствъ даже выписать газету, не то что самимъ издавать ее. Хуже же всего было то, что фамилія его отца, а значитъ и его собственная, какъ-разъ кончалась на „сенъ“! Изъ него никогда не выйдетъ ничего путнаго! Вотъ горе-то! Но кровь въ немъ всетаки была самая настоящая, какъ ему казалось; иначе и быть не могло.

Такъ вотъ что произошло въ тотъ вечеръ!

Прошло много лѣтъ, дѣти стали взрослыми людьми.

Въ томъ же городѣ стоялъ великолѣпный домъ, полный сокровищъ. Всѣмъ хотѣлось видѣть его; для этого пріѣзжали даже изъ другихъ городовъ. Кто же изъ тѣхъ дѣтей, о которыхъ мы говорили, могъ назвать этотъ домъ своимъ? Ну, это легко угадать! То-то не очень! Домъ принадлежалъ бѣдному мальчугану. Изъ него таки вышло кое-что, хоть фамилія его и кончалась на „сенъ“—*Торвальдсенъ*.

А другія дѣти? Дѣти кровной, денежной и умственной спѣси, изъ нихъ что вышло? Да, всѣ они другъ друга стоили, всѣ они были дѣти, какъ дѣти! Вышло изъ нихъ одно хорошее: задатки-то въ нихъ были хорошіе. Мысли же и разговоры ихъ въ тотъ вечеръ были—ребяческою болтовней!

ОБРЫВОКЪ ЖЕМЧУЖНОЙ НИТИ.

Желѣзная дорога проведена у насъ въ Даніи пока только отъ Копенгагена до Корсёра*); дорога эта—настоящій обрывокъ жемчужной нити, какихъ въ Европѣ множество. Драгоцѣн-

*) Т.-е. въ 1859 г. *Примѣч. перев.*

нѣйшими жемчужинами, нанизанными на нихъ, являются: Парижъ, Лондонъ, Вѣна, Неаполь..! Многіе укажутъ, впрочемъ, не на эти большіе города, а на какой-нибудь незначительный городокъ, гдѣ родились и гдѣ живутъ милые ихъ сердцу; въ глазахъ иныхъ жемчужиною является одинокій дворъ, маленькій домикъ, пріютившійся въ зелени; мигъ—и онъ промелькнулъ передъ глазами путешественника, смотрящаго изъ окна вагона.

Много-ли жемчужинъ нанизано на нить, чтó протянута отъ Копенгагена до Корсёра? Можно указать на шесть, на которыя рѣдко кто не обратитъ вниманія; старыя пѣсни и поэзія придали этимъ жемчужинамъ такой блескъ, что онѣ вѣчно сіяютъ въ нашей памяти.

Вотъ, близъ холма, гдѣ возвышается дворецъ Фредерика IV, гдѣ стоитъ отчій домъ Эленшлегера, блеститъ на лѣсной полянѣ въ Сёндермаркенѣ одна изъ этихъ жемчужинъ; прозвали ее „Хижиной Филемона и Бавкиды", т.-е., хижиной любящей супружеской четы. Здѣсь жилъ когда-то Рабекъ *) со своею женой Каммой. Подъ ихъ гостепріимною кровлей собирались въ теченіе полувѣка представители умственныхъ сферъ шумной столицы—Копенгагена; въ тѣ времена здѣсь былъ пріютъ ума, а теперь..! Но не говорите „какъ измѣнчивы времена!" Здѣсь и теперь „пріютъ ума", теплица для больныхъ растеній! Бутоны, что не въ силахъ распуститься, всетаки скрываютъ въ себѣ ростки, лепестки и сѣмена. Солнце ума свѣтитъ въ этотъ мирный пріютъ, оживляетъ растенія, пробуждаетъ къ жизни зародыши. Впечатлѣнія окружающаго міра, воспринимаемыя темною душою, отражаются въ глазахъ. „Пріютъ слабоумныхъ", воздвигнутый человѣколюбіемъ—священное мѣсто, теплица для больныхъ растеній, которыя должны быть нѣкогда пересажены и расцвѣсти въ саду Божіемъ. Слабоумные собраны нынѣ здѣсь, гдѣ когда-то встрѣчались гиганты ума, встрѣчались, обмѣнивались мыслями и возносились душою туда, туда..! Туда же стремится душевное пламя изъ „Хижины Филемона и Бавкиды" и понынѣ.

Городъ, гдѣ почіютъ короли, гдѣ журчитъ источникъ Роара, старый Роскильде лежитъ передъ нами! Стройныя, остроконечныя

*) Датскій писатель, критикъ и авторъ чувствительныхъ и популярныхъ застольныхъ пѣсенъ, бывшій съ женою своею Каммой душою и центромъ литературныхъ кружковъ Даніи. *Примѣч. перев.*

башни собора возвышаются надъ маленькимъ городкомъ и отражаются въ Исефіордѣ. Отыщемъ же здѣсь одну могилу—блестящую жемчужину. Это не будетъ могила могущественной королевы Маргариты-Объединительницы, нѣтъ, мы отыщемъ на кладбищѣ, мимо бѣлыхъ стѣнъ котораго мчится поѣздъ, скромную надгробную плиту; подъ нею почіетъ царь органистовъ, обновитель датскаго романса. Благодаря ему, старыя преданія звучатъ для насъ родными, близкими сердцу мелодіями, мы чувствуемъ, гдѣ „катятся прозрачныя волны", гдѣ „жилъ-былъ въ Лейрѣ король!" *) Роскильде, городъ, гдѣ почіютъ короли, твоею жемчужиной является скромная могила; на плитѣ, покрывающей ее, высѣчена лира и имя: *Вейзе*.

Теперь мы у мѣстечка Сигерстедъ близъ города Рингстеда; рѣка обмелѣла, и желтая рожь растетъ тамъ, гдѣ приставала нѣкогда лодка *Гагбарта* къ терему *Сигне*. Кто не знаетъ сказанія о Гагбартѣ, висѣвшемъ на дубу, и о Сигне, сгорѣвшей въ терему, о ихъ пламенной любви?..

„Чудный Сорё, въ вѣнкѣ изъ лѣсовъ!" Монастырски-тихій городокъ выглядываетъ изъ-за обросшихъ мхомъ деревьевъ. Юношескимъ взоромъ смотритъ онъ изъ оконъ Академіи на озеро, на міровую дорогу и прислушивается къ пыхтѣнію паровоза, пролетающаго черезъ лѣсъ. Сорё, жемчужина поэзіи, хранящая прахъ Гольберга! Словно могучій бѣлый лебедь покоится надъ глубокимъ озеромъ въ чащѣ лѣса „Дворецъ Науки", а вблизи его взоръ нашъ отыскиваетъ блестящій, какъ бѣленькій полевой цвѣточекъ, скромный домикъ. Оттуда разносятся по всей странѣ благочестивые псалмы; къ раздающемуся оттуда слову прислушивается даже крестьянинъ и узнаетъ изъ него о давно минувшихъ временахъ и судьбахъ Даніи. Зеленый лѣсъ и пѣніе птицъ, Сорё и *Ингеманнъ* **)—одинаково нераздѣльныя понятія.

Теперь въ городъ Слагельсе! Какая жемчужина блеститъ здѣсь? Исчезъ Антворсковскій монастырь, исчезли роскошные дворцовые покои, даже покинутый, одинокій флигель. Сохранился лишь одинъ памятникъ старины,—его подновляли не разъ—деревянный крестъ на холмѣ, гдѣ, по преданію, пробудился перенесенный сюда изъ Іерусалима въ одну ночь священникъ, Св. Андерсъ.

*) Первыя строфы двухъ любимыхъ датскихъ пѣсенъ, положенныхъ на музыку композиторомъ Вейзе.

**) Одинъ изъ популярнѣйшихъ датскихъ поэтовъ и романистовъ.

Примѣч. перев.

Корсёръ! Здѣсь родился ты, Кнудъ Зеландскій дядюшка***), мастеръ слова, виртуозъ остроумія! О мѣстѣ, гдѣ находился твой отчій домъ, свидѣтельствуютъ нынѣ одни обвалившіеся старые валы. На заходѣ солнца отъ нихъ падаетъ тѣнь какъ разъ на то мѣстечко, гдѣ стоялъ онъ. Съ этихъ валовъ смотрѣлъ ты, „когда былъ ребенкомъ", и воспѣвалъ въ безсмертныхъ стихахъ „мѣсяцъ, что скользитъ надъ островомъ", какъ воспѣлъ впослѣдствіи и горы Швейцаріи! Да, тутъ жилъ ты, исходившій міровой лабиринтъ и нашедшій, что

„Нигдѣ, нигдѣ такъ ярко не алѣютъ розы,
Нигдѣ не сыщемъ мельче мы шиповъ,
Нигдѣ насъ не баюкаютъ такъ сладко грезы,
Какъ тамъ, гдѣ нашъ родной, нашъ отчій кровъ!"

Пѣвецъ остроумія! Мы сплетемъ тебѣ вѣнокъ изъ дикаго ясминника, бросимъ его въ море, и волны отнесутъ его въ Кильскій заливъ, на берегу котораго покоится твой прахъ. Вѣнокъ принесетъ тебѣ привѣтъ отъ молодого поколѣнія, поклонъ отъ родного города Корсёра, гдѣ обрывается жемчужная нить.

— Да, это и впрямь обрывокъ жемчужной нити!—сказала бабушка, выслушавъ то, что мы ей прочли.—Дорога отъ Копенгагена до Корсёра, по-моему, настоящая жемчужная нить; такъ я стала смотрѣть на нее еще сорокъ слишкомъ лѣтъ тому назадъ. Тогда желѣзныхъ дорогъ у насъ еще не водилось, и приходилось ѣхать дни, тогда какъ теперь нужны только часы. Было это въ 1815 г.; мнѣ тогда шелъ двадцать второй годъ; славный возрастъ! Впрочемъ, и шестьдесятъ лѣтъ—славный, благословенный возрастъ! Въ тѣ времена поѣздка въ Копенгагенъ, городъ городовъ, какъ мы называли его, была рѣдкимъ событіемъ, не то, что теперь. Мои родители собрались повторить такую поѣздку только черезъ двадцать лѣтъ и рѣшили и меня взять съ собою; о поѣздкѣ этой мы толковали много лѣтъ и, наконецъ, она должна была состояться. Мнѣ казалось, что теперь для меня начнется новая жизнь; да такъ оно отчасти и вышло.

Пошло шитье, упаковка; когда же настало время отъѣзда,

*) Псевдонимъ Баггесена (См. примѣч. Томъ I, стр. 318). *Примѣч. перев.*

сколько добрыхъ друзей понашло къ намъ пожелать счастливаго пути! Намъ предстояло, вѣдь, большое путешествіе! Поутру мы выѣхали изъ Одензе въ собственномъ старомодномъ возкѣ; изъ оконъ высовывались и кланялись знакомые; поклоны и пожеланія провожали насъ по всей улицѣ, пока мы не выѣхали изъ воротъ Св. Юргена. Погода стояла чудная, птицы пѣли, все было такъ хорошо, что забывалось, какая предстоитъ намъ долгая, утомительная дорога до Нюборга; къ вечеру, однако, мы благополучно добрались до него. Почта приходила туда только ночью, а раньше не отправлялся и корабль, на который мы сѣли. Передъ нами лежала огромная водяная равнина—глазомъ не окинуть! Мы улеглись на койкахъ, не раздѣваясь, и заснули. Утромъ я проснулась и вышла на палубу—не было видно ни зги, насъ окружалъ густой туманъ. Я услышала крикъ пѣтуховъ и почувствовала, что восходитъ солнце; зазвонили колокола; гдѣ же мы были? Туманъ разсѣялся, и я увидала, что мы лежимъ себѣ прямехонько противъ... Нюборга. Днемъ, наконецъ, подулъ вѣтеръ, но какъ разъ навстрѣчу намъ. Мы лавировали, лавировали, и часамъ этакъ къ двѣнадцати ночи добрались таки до Корсёра. Такимъ образомъ, мы въ двадцать два часа сдѣлали четыре мили.

То-то пріятно было выйти на берегъ!.. Но въ городѣ царствовала темнота; фонари горѣли прескверно, все казалось мнѣ тутъ такимъ чужимъ, дикимъ,—я, вѣдь, ни разу еще не бывала ни въ какомъ другомъ городѣ, кромѣ своего родного Одензе.

„Вотъ тутъ родился Баггесенъ!“ сказалъ мнѣ отецъ. „Тутъ же жилъ и Биркнеръ!“ *).

И старый городъ съ маленькими домами сразу показался мнѣ какъ-то свѣтлѣе и больше. Къ тому же мы такъ радовались, что у насъ, наконецъ, подъ ногами твердая почва. Но заснуть въ эту ночь я такъ и не могла отъ наплыва массы новыхъ впечатлѣній. И подумать, что мы выѣхали изъ дома всего третьяго дня! На слѣдующее утро пришлось подняться рано; намъ предстояла ужасная дорога по холмамъ, по рытвинамъ, до самаго Слагельсе, да и за нимъ, говорили намъ, пойдетъ не лучше, а намъ хотѣлось во-время прибыть въ гостиницу „Рака“, чтобы успѣть въ тотъ же день побывать въ

*) Авторъ знаменитой въ свое время статьи о свободѣ печати (1797 г.).
Примѣч. перев.

Сорё и навѣстить „мельникова Эмиля“, какъ мы его звали. Это и былъ вашъ дѣдушка, мой покойный мужъ, священникъ. Тогда онъ былъ студентомъ академіи въ Сорё и только что сдалъ свой второй экзаменъ.

Послѣ полудня мы прибыли въ гостиницу; въ тѣ времена это была лучшая гостиница на всемъ пути. Окрестности ея были тогда удивительно живописны, да вы, конечно, скажете, что онѣ и теперь не хуже. Расторопная хозяйка, госпожа Пламбекъ, держала свое заведеніе въ безукоризненной чистотѣ и порядкѣ. На стѣнѣ, въ рамкѣ за стекломъ, висѣло письмо Баггесена къ ней,—на него стоило взглянуть! Въ моихъ глазахъ это была такая достопримѣчательность!.. Потомъ мы пошли въ Сорё и розыскали Эмиля. Вотъ-то обрадовался онъ намъ, а мы ему! Какъ онъ былъ милъ, внимателенъ къ намъ! Вмѣстѣ пошли мы въ церковь, гдѣ находится могила Абсалона и гробница Гольберга, осматривали старинныя надписи на стѣнахъ, сдѣланныя монахами, переправлялись черезъ озеро на „Парнасъ“, словомъ, провели чудеснѣйшій вечеръ, какой только запомню! И мнѣ право казалось, что если гдѣ-нибудь на свѣтѣ можно писать стихи, такъ это именно въ Сорё, среди его мирной, чудной природы. При свѣтѣ луны мы прошлись по „аллеѣ философовъ“, какъ называютъ прелестную уединенную дорожку вдоль озера и болота, ведущую на проѣзжую дорогу къ гостиницѣ. Эмиль остался у насъ ужинать; отецъ и мать мои нашли, что онъ сталъ такимъ умнымъ и похорошѣлъ. Онъ пообѣщалъ намъ черезъ пять дней пріѣхать въ Копенгагенъ къ роднымъ и навѣстить насъ,—черезъ пять дней наступала, вѣдь, Троица. Часы, проведенные нами въ Сорё и въ гостинницѣ „Рака“, принадлежатъ къ прекраснѣйшимъ жемчужинамъ моей жизни.

На другое утро мы выѣхали очень рано,—намъ предстояла длинная дорога, а мы должны были прибыть въ Роскильде засвѣтло, чтобы успѣть осмотрѣть церковь; вечеромъ же отецъ хотѣлъ навѣстить одного стараго школьнаго товарища. Такъ все и вышло; ночь мы провели въ Роскильде, утромъ выѣхали и, наконецъ, только около полудня—тутъ пошла самая ужасная, избитая дорога—добрались до Копенгагена. Итакъ, мы почти три дня добирались отъ Корсёра до Копенгагена, а вамъ теперь нужно на это всего три часа. Жемчужины не стали отъ того прекраснѣе, это невозможно, но теперь онѣ нанизаны на новую диковинную нить!

Мы пробыли въ Копенгагенѣ три недѣли; Эмиль почти не разставался съ нами и потомъ проводилъ насъ обратно до Корсёра; тамъ мы обручились и разстались! Теперь вы понимаете, отчего и я называю дорогу отъ Копенгагена до Корсёра обрывкомъ жемчужной нити.

Позже, когда Эмиль получилъ приходъ въ Ассенсѣ, мы женились. Часто вспоминали мы поѣздку въ Копенгагенъ и собирались повторить ее, но тутъ явилась сначала ваша мать, потомъ другіе ея братья и сестры, хлопотъ и заботъ прибыло, а тутъ дѣдушка вашъ получилъ повышеніе и сталъ пробстомъ*), дѣла шли хорошо, въ семьѣ у насъ была тишь да гладь, да Божья благодать, но въ Копенгагенъ мы такъ и не попали. Ни разу я больше не побывала тамъ, хоть мы и часто думали и говорили о поѣздкѣ. Теперь же я состарилась, не гожусь ѣздить по желѣзнымъ дорогамъ. Но радоваться имъ радуюсь. Чистая благодать! Теперь вы можете быстрѣе пріѣзжать ко мнѣ! Теперь Одензе не дальше отъ Копенгагена, чѣмъ въ дни моей молодости былъ отъ Нюборга! Вы можете теперь слетать въ Италію во столько же времени, сколько мы употребили тогда на поѣздку въ Копенгагенъ, вотъ что!.. Но я всетаки не двигаюсь съ мѣста,—пусть ѣздятъ другіе ко мнѣ! Нечего вамъ смѣяться надъ тѣмъ, что я такая сидня! Мнѣ предстоитъ иное путешествіе, куда болѣе далекое и скорое. Когда Господь Богъ призоветъ меня, я отправлюсь къ „дѣдушкѣ“, а когда вы совершите ваше земное дѣло, порадуетесь вдоволь на этотъ чудный міръ, я знаю, что и вы придете къ намъ, и мы поговоримъ тогда о нашей земной жизни. И повѣрьте, дѣти, я и тогда скажу, какъ теперь: „Дорога отъ Копенгагена до Корсёра — настоящая жемчужная нить!“

ПЕРО И ЧЕРНИЛЬНИЦА.

Кто-то сказалъ однажды, глядя на чернильницу, стоявшую на письменномъ столѣ, въ кабинетѣ поэта: „Удивительно, чего-чего только ни выходитъ изъ этой чернильницы!.. А что-то первое выйдетъ изъ нея теперь?.. Да, поистинѣ удивительно!“

— Именно! Это просто непостижимо! Я сама всегда это

*) Священическій санъ, соотвѣтствующій протоіерейскому. *Примѣч. перев.*

говорила!—обратилась чернильница къ гусиному перу и другимъ предметамъ на столѣ, которые могли ее слышать.—Замѣчательно, чего только ни выходитъ изъ меня! Просто невѣроятно даже! Я и сама, право, не знаю, что первое выйдетъ, когда человѣкъ опять начнетъ черпать у меня! Одной моей капли достаточно, чтобы исписать полстраницы, и чего-чего только ни умѣстится на ней! Да, я нѣчто замѣчательное! Изъ меня выходятъ всевозможныя поэтическія творенія! Всѣ эти живые люди, которыхъ узнаютъ другіе, эти искреннія чувства, юморъ, дивныя описанія природы!.. Я и сама не возьму въ толкъ,—я, вѣдь, совсѣмъ не знаю природы—какъ все это вмѣщается во мнѣ? Однако же, это такъ! Изъ меня вышли и выходятъ всѣ эти воздушные, граціозные дѣвичьи образы, отважные рыцари на фыркающихъ коняхъ, и кто тамъ еще?.. Увѣряю васъ, все это я выпускаю изъ себя просто безсознательно!

— Конечно!—сказало гусиное перо.—Если бы вы отнеслись къ дѣлу сознательно, вы бы поняли, что вы только сосудъ съ жидкостью. Вы смачиваете меня, чтобы *я* могло высказать и выложить на бумагу то, что ношу въ себѣ! Пишетъ *перо!* Въ этомъ не сомнѣвается ни единый человѣкъ, а полагаю, что большинство людей понимаютъ въ поэзіи не меньше старой чернильницы!

— Мало же вы опытны!—возразила чернильница.—Вы состоите на службѣ всего недѣлю и ужъ почти совсѣмъ износились. Такъ вы воображаете, что это вы творите? Вы только слуга, и много васъ у меня перебывало—и гусиныхъ и англійскихъ стальныхъ! Да, я отлично знакома и съ гусиными перьями и со стальными! И много васъ еще перебываетъ у меня въ услуженіи, пока человѣкъ будетъ продолжать записывать то, что почерпаетъ изъ меня!

— Чернильная бочка!—сказало перо.

Поздно вечеромъ вернулся домой поэтъ; онъ пришелъ съ концерта скрипача-виртуоза и весь былъ еще подъ впечатлѣніемъ его безподобной игры. Въ инструментѣ виртуоза, казалось, былъ неисчерпаемый источникъ звуковъ: то какъ будто катились, звеня, словно жемчужины, капли воды, то щебетали птички, то ревѣла буря въ сосновомъ бору... Поэту чудилось, что онъ слышитъ плачъ собственнаго сердца, выливавшійся въ мелодіи, похожей на гармоничный женскій голосъ; звучали, казалось, не только струны скрипки, но и всѣ ея составныя части. Удиви-

тельно, необычайно! Трудна была задача скрипача, и все же искусство его смотрѣло игрою, смычокъ словно самъ порхалъ по струнамъ; всякій, казалось, могъ сдѣлать то же самое. Скрипка пѣла сама собою, смычокъ игралъ самъ собою, вся суть какъ будто была въ нихъ, мастеръ же, управлявшій ими, влагавшій въ нихъ жизнь и душу, забывался. Но не забылъ о немъ поэтъ и написалъ вотъ что:

„Какъ безразсудно было бы со стороны смычка и скрипки кичиться своимъ искусствомъ. А какъ часто дѣлаемъ это мы люди, поэты, художники, ученые, изобрѣтатели, полководцы! Мы кичимся, а, вѣдь, всѣ мы—только инструменты въ рукахъ Создателя. Ему одному честь и хвала! А намъ гордиться нечѣмъ!“

Такъ вотъ что написалъ поэтъ и озаглавилъ свою притчу „Виртуозъ и инструментъ“.

— Что, дождались, сударыня?—сказало перо чернильницѣ, когда онѣ остались одни.—Слышали, какъ онъ прочелъ вслухъ то, что я написало?

— То-есть то, что вы извлекли изъ меня!—сказала чернильница.—Вы вполнѣ заслужили этотъ щелчокъ своею спѣсью! А вы-то и не понимаете, что надъ вами посмѣялись! Я дала вамъ этотъ щелчокъ изъ собственнаго нутра. Ужъ позвольте мнѣ узнать свою собственную сатиру!

— Чернильная душа!—сказало перо.

— Гусь лапчатый!—отвѣтила чернильница.

И каждый сознавалъ, что отвѣтилъ хорошо, а такое сознаніе вещь хорошая; съ такимъ сознаніемъ можно спать спокойно, они и заснули. Но поэтъ не спалъ; мысли волновались въ немъ, какъ звуки скрипки, катились жемчужинами, шумѣли, какъ буря въ лѣсу, и онъ слышалъ въ нихъ голосъ собственнаго сердца, чуялъ проявленіе Самого Творца...

Ему одному честь и хвала!

НА МОГИЛѢ РЕБЕНКА.

Въ домѣ воцарилась печаль; всѣ сердца были полны скорби. младшій ребенокъ, четырехлѣтній мальчикъ, единственный сынъ, радость и надежда родителей, умеръ. Правда, у нихъ оставались еще двѣ дочери,—старшая должна была въ этомъ году конфирмоваться—славныя, добрыя дѣвочки, но умершій ребе-

нокъ всегда кажется самымъ дорогимъ, а этотъ къ тому же былъ самый младшій, да еще сынъ. Да, тяжелое испытаніе выпало на долю родителей! Сестры печалились, какъ и вообще юныя сердца, главнымъ образомъ, глядя на скорбь родителей; отецъ грустилъ, но мать совсѣмъ была подавлена горемъ. День и ночь ухаживала она за больнымъ ребенкомъ, лелѣяла его, подымала и носила на рукахъ; страдала, вѣдь, ея собственная плоть и кровь, часть ея самой! Она не могла и представить себѣ, что дитя ея умретъ, что его положатъ въ гробъ и зароютъ въ землю! Господь не могъ отнять у нея ребенка—думала она—и вотъ, когда это всетаки случилось, она въ порывѣ болѣзненнаго отчаянія воскликнула:

— Господь не знаетъ объ этомъ! У него безсердечные слуги здѣсь на землѣ. Они дѣлаютъ, что хотятъ, не внимая мольбамъ матери!

Въ своемъ отчаяніи она отшатнулась отъ Бога, и ею овладѣли мрачныя мысли, мысли о вѣчной смерти, внушавшія ей, что человѣкъ становится прахомъ во прахѣ и что этимъ все кончается. Охваченная такими мыслями, она утратила всякую точку опоры и все больше и больше погружалась въ мрачную бездну отчаянія.

Слезъ у нея въ эти тяжелые часы не было. Она не думала больше о юныхъ дочеряхъ; слезы мужа падали ей на лобъ, но она и не замѣчала его. Всѣ ея мысли были заняты умершимъ ребенкомъ, она жила только воспоминаніями о немъ, старалась воскресить въ памяти каждое его невинное дѣтское слово.

Наступилъ день похоронъ; нѣсколько ночей передъ тѣмъ мать не спала, и къ утру усталость одолѣла ее—она забылась сномъ. Въ это время гробъ унесли въ отдаленную комнату, чтобы мать не услыхала ударовъ молотка, когда стали забивать крышку.

Проснувшись, мать хотѣла опять посмотрѣть на ребенка, но мужъ со слезами сказалъ ей:

— Мы забили крышку; пора было.

— Если Богъ такъ жестокъ ко мнѣ,—промолвила она:—то чего же ожидать отъ людей!—И она залилась слезами.

Гробъ опустили въ могилу; безутѣшная мать сидѣла съ дочерьми и смотрѣла на нихъ, не видя ихъ; мысли ея отшатнулись отъ семьи, отъ дома; она предалась скорби и стала ея игрушкою, какъ становится игрушкою волнъ корабль безъ руля и парусовъ. Такъ прошелъ день похоронъ, за нимъ потекли

однообразные, тяжелые, скорбные дни. Со слезами на глазахъ, печально смотрѣли на мать домашніе,—она не слушала ихъ утѣшеній, да и какія утѣшенія могли они предложить ей,—они сами были въ такомъ горѣ.

Сонъ, казалось, совсѣмъ покинулъ ее, а онъ одинъ могъ бы оказать ей лучшую услугу, подкрѣпивъ тѣло и успокоивъ душу. Домашніе уговаривали ее ложиться въ постель, она слушалась и лежала тихо, словно спала. Но однажды ночью мужъ прислушался къ ея дыханію, и ему показалось, что она дѣйствительно нашла, наконецъ, покой и облегченіе во снѣ. Онъ набожно сложилъ руки, помолился и скоро заснулъ самъ здоровымъ, крѣпкимъ сномъ. Онъ не слышалъ, какъ она поднялась, накинула на себя платье и тихонько вышла изъ дома, чтобы направиться туда, куда день и ночь влекли ее мысли — на могилу своего ребенка. Она прошла черезъ садъ, прилегавшій къ дому, въ поле и свернула на тропинку, которая вела за городъ, на кладбище. Никто не видалъ ея, и она никого.

Стояла чудная, ясная звѣздная ночь. Воздухъ былъ еще такъ мягокъ, сентябрь только начался. Мать вошла на кладбище и остановилась у могилки, похожей скорѣе на большой букетъ благоухающихъ цвѣтовъ. Опустившись на колѣни, она приникла лицомъ къ могилѣ, словно надѣясь увидѣть сквозь толстый земляной покровъ своего мальчика. Какъ живо помнила она его улыбку, любовное выраженіе глазъ! Они были все тѣ же даже на одрѣ болѣзни! Не забыть ей ихъ никогда! Какъ много говорилъ его взоръ, когда она наклонялась къ нему и брала его за руку, которую самъ онъ уже не въ силахъ былъ приподнять!.. И вотъ, какъ прежде, бывало, сидѣла она возлѣ его кроватки, такъ теперь сидѣла у его могилки! Но теперь она могла дать полную волю своимъ слезамъ, и онѣ ручьемъ бѣжали на могилу.

— Хочешь туда, къ твоему ребенку?—раздался возлѣ нея чей-то голосъ. Онъ прозвучалъ такъ ясно и такъ глубоко отозвался въ ея сердцѣ. Она оглянулась; возлѣ нея стояла человѣческая фигура, закутанная въ длинный черный плащъ, съ капюшономъ на головѣ. Она заглянула въ ея лицо: оно было строго, но внушало довѣріе, глаза горѣли чисто юношескимъ огнемъ.

— Къ моему ребенку!—повторила съ отчаянною мольбой мать.

— Осмѣлишься-ли ты послѣдовать за мною?—спросило видѣніе.—Я смерть!

Мать утвердительно кивнула головой. Въ то же мгновенье ей показалось, что каждая звѣзда надъ нею вспыхнула, словно полная луна, и освѣтила разноцвѣтный цвѣточный коверъ на могилѣ; затѣмъ земляной покровъ мягко осѣлъ подъ нею, точно развѣвавшійся по воздуху покровъ, и она стала погружаться въ землю. Видѣніе накрыло ее. своимъ чернымъ плащемъ, и вокругъ нея воцарился могильный мракъ. Мать опустилась глубже, чѣмъ проникаетъ могильный заступъ; кладбище легло кровлей надъ ея головой.

Плащъ отодвинулся въ сторону. Мать очутилась въ огромномъ, привѣтливомъ покоѣ. Здѣсь царилъ какой-то полусвѣтъ, но она въ то же мгновеніе почувствовала, что прижимаетъ къ сердцу своего ребенка. Онъ улыбался ей, сіяя новою, незнакомою ей красотой; она вскрикнула, но крика ея не было слышно: возлѣ нея, то удаляясь, то приближаясь, раздавалась чудная музыка. Никогда въ жизни не слыхала она такихъ дивныхъ звуковъ; они раздавались за черною плотною занавѣсью, отдѣлявшею этотъ покой отъ великой страны вѣчности.

— Мамочка! Милая моя мамочка!—услышала она голосъ своего ребенка. Это былъ его милый, знакомый ей голосъ! Поцѣлуи сыпались за поцѣлуями; мать не помнила себя отъ радости, но дитя указало на черную занавѣсь.

— Какъ тамъ чудесно! Не такъ, какъ на землѣ! Видишь мама! Видишь ихъ всѣхъ, блаженныхъ?

И мать смотрѣла туда, куда указывалъ ребенокъ, но не видѣла ничего, кромѣ черной мглы; она смотрѣла, вѣдь, тѣлесными очами, а не такъ, какъ ребенокъ, отозванный Богомъ къ Себѣ. Мать слышала звуки, но не могла уразумѣть словъ, которыя бы могли вернуть ей вѣру.

— Теперь я умѣю летать, мама!—сказало дитя.—Могу улетѣть вмѣстѣ съ другими добрыми дѣтьми прямо къ Богу! Мнѣ очень хочется летѣть къ Нему, но если ты будешь такъ плакать, я не могу оставить тебя! А мнѣ очень хочется! Можно, вѣдь? Ты и сама скоро придешь ко мнѣ, мамочка!

— О, побудь, побудь со мною!—молила она.—Еще минутку! Дай еще разокъ взглянуть на тебя, поцѣловать тебя, прижать къ сердцу!

И она крѣпко прижимала его къ себѣ, осыпая поцѣлуями.

Вдругъ, кто-то сверху окликнулъ ее по имени; жалобно звучалъ призывъ. Кто бы это звалъ ее?

— Слышишь?—сказало дитя.—Это папа зоветъ тебя!

Черезъ нѣсколько секундъ послышались глубокіе вздохи, словно всхлипывали дѣти.

— Это сестры плачутъ!—сказалъ ребенокъ.—Мама, ты, вѣдь, не забыла ихъ!

Она вспомнила покинутыхъ ею на землѣ, и ужасъ охватилъ ее; она стала пристально вглядываться въ пролетавшія мимо нея тѣни, и ей показалось, что она узнала нѣкоторыя. Онѣ пролетали черезъ покой смерти и скрывались за черною занавѣсью. Что если она увидитъ тутъ и мужа, и дочерей своихъ? Нѣтъ, ихъ призывы и вздохи раздавались еще тамъ, наверху. Она чуть было совсѣмъ не забыла ихъ ради умершаго!..

— Мама, зазвонили небесные колокола! Мама, встаетъ солнышко!—сказалъ ребенокъ.

На встрѣчу ей хлынулъ ослѣпительный потокъ свѣта, дитя исчезло, а она поднялась наверхъ... Холодъ охватилъ ее, она подняла голову и увидѣла, что лежитъ на кладбищѣ, на могилѣ своего ребенка,—Богъ во снѣ послалъ ей утѣшеніе и поддержку, просвѣтилъ ея разумъ. Она пала на колѣни и сказала:

— Прости меня, Господи, что я хотѣла остановить полетъ безсмертной души, забыла свой долгъ къ живымъ, долгъ, который возложилъ на меня Ты!—Молитва облегчила ея душу. А тутъ взошло солнце, надъ головой ея запѣла птичка, колокола зазвонили къ заутрени... Какъ чудесно стало вокругъ! И святой миръ водворился въ ея душѣ. Она познала Бога и свой долгъ, и поспѣшила домой. Вотъ она наклонилась надъ мужемъ, разбудила его горячимъ поцѣлуемъ, и изъ устъ ея полились теплыя, сердечныя слова, полныя мужества и утѣшенія. Она, какъ и подобаетъ мужественной и крѣпкой духомъ супругѣ, открыла для него въ своемъ сердцѣ источникъ утѣшенія.

„Божья воля все направляетъ къ лучшему!“

И мужъ спросилъ ее:

— Гдѣ почерпнула ты эту силу утѣшенія?

Она поцѣловала его, поцѣловала дочерей и отвѣтила:

— Богъ послалъ мнѣ ее на могилѣ моего ребенка!

ДВОРОВЫЙ ПѢТУХЪ И ФЛЮГЕРНЫЙ.

Стояли два пѣтуха; одинъ на навозной кучѣ, другой на крышѣ, но спѣсивы оба были одинаково. Кто же изъ нихъ совершилъ больше? Ну, кто, по-твоему? Скажи, а мы... всетаки останемся при своемъ мнѣніи.

Птичій дворъ былъ отдѣленъ отъ другого двора деревяннымъ заборомъ, а на томъ дворѣ была навозная куча, и на ней росъ большой огурецъ, сознававшій, что онъ—растеніе парниковое.

„А таковымъ нужно родиться!“ разсуждалъ онъ самъ съ собою. „Но не всѣмъ же родиться огурцами, надо существовать и другимъ живымъ породамъ. Куры, утки и все населеніе птичьяго двора тоже, вѣдь, созданія Божіи. Вотъ, дворовый пѣтухъ стоитъ на заборѣ. Онъ будетъ почище флюгернаго! Тотъ хоть и высоко сидитъ, а даже и скрипѣтъ не можетъ, не то, что пѣть! Нѣтъ у него ни куръ, ни цыплятъ, онъ занятъ только самимъ собою и потѣетъ ярь-мѣдянкой! Нѣтъ, дворовый пѣтухъ, вотъ это такъ пѣтухъ! Какъ выступаетъ! Словно танцуетъ! А запоетъ—что твоя музыка! Какъ начнетъ, такъ узнаешь, что значитъ настоящій трубачъ! Да, приди онъ сюда, проглоти меня цѣликомъ—вотъ была бы блаженная смерть!“

Ночью разыгралась непогода; куры, цыплята и самъ пѣтухъ—всѣ попрятались. Заборъ повалило вѣтромъ; шумъ, трескъ!.. Съ крыши попадали черепицы, но флюгерный пѣтухъ усидѣлъ. Онъ даже съ мѣста не двигался, не вертѣлся,—онъ не могъ, хоть и былъ молодъ, недавно отлитъ. Флюгерный пѣтухъ былъ очень разуменъ и степененъ, онъ ужъ такъ и родился старикомъ и не имѣлъ ничего общаго съ легкими птичками небесными, воробьями и ласточками, которыхъ презиралъ, какъ „ничтожныхъ, вульгарныхъ пискуній“. Голуби—тѣ побольше, и перья у нихъ отливаютъ перламутромъ, такъ что они даже немножко смахиваютъ на флюгерныхъ пѣтуховъ, но толсты и глупы они ужасно! Только и думаютъ о томъ, какъ бы набить себѣ зобы! Прескучныя созданія! Перелетныя птицы тоже навѣщали флюгернаго пѣтуха и разсказывали ему о чужихъ странахъ, о воздушныхъ путешествіяхъ, о разбойничьихъ нападеніяхъ хищныхъ птицъ... Это было ново и интересно—въ первый разъ, но затѣмъ пошли повторенія одного и того же, а это куда, какъ скучно! Надоѣли ему и птицы, надоѣло и все на свѣтѣ. Не стоило ни съ кѣмъ и связываться, всѣ такіе скучные, пошлые!..

— Свѣтъ никуда не годится!—говорилъ онъ.—Все—одна ерунда!

Флюгерный пѣтухъ былъ, что называется, пѣтухомъ разочарованнымъ и, конечно, очень заинтересовалъ бы собою огурецъ, знай тотъ объ этомъ, но огурецъ былъ занятъ однимъ дворовымъ пѣтухомъ, а этотъ какъ-разъ и пожаловалъ къ нему въ гости.

Заборъ былъ поваленъ вѣтромъ, но громъ и молнія давно прекратились.

— А что вы скажете о ночномъ пѣтушиномъ крикѣ?—спросилъ у курицъ и цыплятъ дворовый пѣтухъ.—Грубоватъ онъ былъ, ни малѣйшаго изящества!

За пѣтухомъ взобрались на навозную кучу и куры съ цыплятами; пѣтухъ двигался въ перевалку, какъ кавалеристъ.

— Садовое растеніе!—сказалъ онъ огурцу, и послѣдній сразу уразумѣлъ высокое образованіе пѣтуха, и даже не замѣтилъ, что тотъ клюетъ и поѣдаетъ его.

„Блаженная смерть!“

Подбѣжали куры и цыплята,—куры, вѣдь, всегда такъ: куда одна, туда и другая. Они кудахтали, пищали, любовались на пѣтуха и гордились, что онъ изъ ихъ породы.

— Ку-ка-ре-ку!—запѣлъ онъ.—Цыплята сейчасъ сдѣлаются большими курами, если я провозглашу это въ мiровомъ курятникѣ!

Куры и цыплята закудахтали и запищали. А пѣтухъ объявилъ великую новость:

— Пѣтухъ можетъ снести яйцо! И знаете, что въ немъ? Василискъ! Никто не можетъ вынести его вида! Люди это знаютъ, а теперь знаете и вы, знаете, что̀ есть во мнѣ, знаете, что я изъ пѣтуховъ пѣтухъ!

И дворовый пѣтухъ захлопалъ крыльями, поднялъ гребешокъ и опять запѣлъ. Курицъ и цыплятъ даже ознобъ прошибъ, но какъ имъ было лестно, что одинъ изъ ихъ семейства—пѣтухъ изъ пѣтуховъ! Они кудахтали и пищали, такъ что даже флюгерному пѣтуху было слышно, но онъ и не шевельнулся.

— Все ерунда!—говорилъ онъ самъ себѣ.—Никогда дворовому пѣтуху не снести яйца, а я—не хочу! А еслибы захотѣлъ, я бы снесъ вѣтряное яйцо! Но мiръ не стоитъ вѣтрянаго яйца! Все ерунда!.. Я и сидѣть-то здѣсь больше не хочу!

И флюгерный пѣтухъ переломился и слетѣлъ внизъ, но не убилъ дворового пѣтуха, „хоть и расчитывалъ на это“, какъ увѣряли куры.

Мораль?

„Лучше пѣть пѣтухомъ, чѣмъ разочароваться въ жизни и переломиться!“

„КАКЪ ХОРОША!“

Ты, вѣдь, знаешь скульптора Альфреда? Всѣ мы знаемъ его; онъ получилъ золотую медаль, ѣздилъ въ Италію и опять вернулся на родину; тогда онъ былъ молодъ, да онъ и теперь не старъ, хотя, конечно, состарился на десять лѣтъ.

Вернувшись на родину, онъ поѣхалъ погостить въ одинъ изъ Зеландскихъ городковъ. Весь городъ узналъ о пріѣзжемъ, узналъ, кто онъ такой. Одно изъ богатѣйшихъ семействъ города дало въ честь его большой вечеръ. Всѣ, кто хоть маломальски чѣмъ-нибудь выдавался—деньгами или положеніемъ въ свѣтѣ—были въ числѣ приглашенныхъ. Вечеръ являлся настоящимъ событіемъ; весь городъ зналъ о томъ и безъ барабаннаго оповѣщенія. Мальчишки-мастеровые и другіе ребятишки мелкихъ горожанъ, а съ ними кое-кто и изъ родителей, стояли предъ освѣщенными окнами и глядѣли на спущенныя занавѣски. Ночной сторожъ могъ вообразить, что на его улицѣ праздникъ, такое тутъ собралось большое общество. Для зѣвакъ и стоянье на улицѣ отзывалось удовольствіемъ, а ужъ тамъ въ домѣ-то что было за веселье! Тамъ, вѣдь, находился самъ господинъ Альфредъ, скульпторъ!

Онъ говорилъ, разсказывалъ, а всѣ остальные слушали его съ удовольствіемъ и чуть-ли не съ благоговѣніемъ, особенно одна пожилая вдова-чиновница. Она напоминала собою въ этомъ случаѣ пропускную бумагу—жадно впивала въ себя каждое слово и просила еще и еще. Невѣроятно воспріимчивая была барыня, но и невѣжественная до невѣроятія; настоящій Каспаръ Гаузеръ въ юбкѣ.

— Вотъ Римъ бы я посмотрѣла!—сказала она.—То-то, должно быть, чудесный городъ! Сколько туда наѣзжаетъ иностранцевъ! Опишите намъ Римъ! Что видишь, въѣзжая въ ворота?

— Ну, это не такъ-то легко описать!—отвѣтилъ молодой скульпторъ.—Видите-ли, тамъ большая площадь, а посреди ея возвышается обелискъ; ему четыре тысячи лѣтъ.

— Вотъ такъ василискъ!—проговорила барыня; она отъ роду не слыхивала слова обелискъ. Многимъ, въ томъ числѣ

и самому скульптору, стало смѣшно, но усмѣшка его мгновенно испарилась, какъ только онъ увидалъ рядомъ съ барыней пару большихъ синихъ, какъ море, очей. Очи принадлежали дочкѣ барыни, а матушка такой дочки не можетъ, конечно, быть глупою!..

Матушка была неисчерпаемымъ источникомъ вопросовъ, дочка—прекрасною, молчаливою наядою источника. Какъ она была хороша! Скульптору легко было заглядѣться на нее, но не заговорить съ ней,—она совсѣмъ не говорила или, по крайней мѣрѣ, очень мало!

— А у папы большая семья?—спросила барыня.

И молодой человѣкъ отвѣтилъ, какъ слѣдовало бы отвѣтить при болѣе умной постановкѣ вопроса:

— Нѣтъ, онъ не изъ большой семьи.

— Я не про то!—возразила барыня.—Я спрашиваю, есть ли у него жена и дѣти?

— Папа не имѣетъ права жениться!—отвѣтилъ скульпторъ.

— Ну, это не въ моемъ вкусѣ!—сказала она.

Конечно, и вопросы, и отвѣты могли бы быть поумнѣе, но если бы они не были такъ глупы, стала-ли бы дочка выглядывать изъ-за плеча матери съ такою трогательною улыбкою?

И господинъ Альфредъ продолжалъ разсказывать—разсказывалъ о яркихъ краскахъ природы Италіи, о синѣющихъ горахъ, о голубомъ Средиземномъ морѣ, о южномъ небѣ... Подобную синеву можно встрѣтить здѣсь, на сѣверѣ, развѣ только въ очахъ сѣверныхъ дѣвъ! Сказано это было съ удареніемъ, но та, къ кому относился намекъ, не подала и вида, что поняла его. И это тоже вышло чудо, какъ хорошо!

— Италія!—вздыхали одни.—Путешествовать!—вздыхали другіе.—Какъ хорошо, какъ хорошо!

— Вотъ, когда я выиграю пятьдесятъ тысячъ,—сказала вдова:—мы съ дочкой поѣдемъ путешествовать! И вы, господинъ Альфредъ, съ нами! Поѣдемъ втроемъ, да еще прихватимъ съ собою кое-кого изъ добрыхъ друзей!—И она благосклонно подмигнула всѣмъ окружающимъ, такъ что каждый получалъ право надѣяться, что именно его-то она и прихватитъ съ собою.—Мы поѣдемъ въ Италію, только не туда, гдѣ водятся разбойники. Будемъ держаться Рима, да большихъ дорогъ, гдѣ безопаснѣе.

Дочка слегка вздохнула. Что̀ можетъ заключаться въ одномъ

маленькомъ вздохѣ, или что можно вложить въ него! Молодой человѣкъ вложилъ въ этотъ вздохъ многое! Пара голубыхъ очей освѣтили ему въ этотъ вечеръ скрытыя сокровища, богаче всѣхъ сокровищъ Рима! И онъ оставилъ общество самъ не свой, онъ... весь принадлежалъ красавицѣ.

Съ тѣхъ поръ домъ вдовы, какъ видно, особенно полюбился господину Альфреду, скульптору; но видно было также, что онъ посѣщалъ его не ради самой мамаши, —хотя съ нею только и велъ бесѣду—а ради дочки. Звали ее Кала; то-есть, собственно говоря, ее звали Каренъ-Малена, а ужъ изъ этихъ двухъ именъ сдѣлали одно—Кала. Какъ она была хороша! „Только немножко вялая"—говорили про нее; она таки любила по утрамъ понѣжиться въ постели.

— Такъ ужъ она привыкла съ дѣтства!—говорила мамаша.— Она у меня балованное дитя, а такія легко утомляются. Правда, она любитъ полежать въ постели, зато какіе у нея ясные глазки!

И что за сила была въ этихъ ясныхъ, синихъ, какъ море, тихихъ и глубокихъ глазахъ! Нашъ скульпторъ и утонулъ въ ихъ глубинѣ. Онъ говорилъ, разсказывалъ, а матушка разспрашивала съ такою же живостью и развязностью, какъ и въ первый разъ. Ну, да и то сказать, послушать разсказы господина Альфреда было настоящимъ удовольствіемъ. Онъ разсказывалъ о Неаполѣ, о восхожденіяхъ на Везувій и показывалъ раскрашенныя картинки, на которыхъ были изображены различныя изверженія Везувія. Вдова ни о чемъ такомъ сроду не слыхивала, ничего такого ей и въ голову не приходило.

— Господи помилуй!—сказала она.—Вотъ такъ огнедышащія горы! А вреда отъ нихъ не бываетъ?

— Какъ же! Разъ погибли цѣлыхъ два города: Геркуланумъ и Помпея!

— Ахъ, несчастные люди! И вы сами все это видѣли?

— Нѣтъ, изверженій, что изображены на этихъ картинкахъ, я не видалъ, но вотъ, я покажу вамъ мой собственный набросокъ одного изверженія, которое было при мнѣ.

И онъ вынулъ карандашевый набросокъ, а мамаша, насмотрѣвшись на ярко-раскрашенныя картинки, удивленно воскликнула:

— Такъ при васъ огонь былъ бѣлый!

Уваженіе господина Альфреда къ мамашѣ пережило критическій моментъ, но присутствіе Калы скоро придало сказан-

ному иную окраску,—онъ сообразилъ, что матушка ея просто не обладаетъ „глазомъ, "чутьемъ красокъ, вотъ и все! Зато она обладала лучшимъ, прекраснѣйшимъ сокровищемъ, Калою.

И вотъ, Альфредъ обручился съ Калою; этого и слѣдовало ожидать. О помолвкѣ было оповѣщено въ мѣстной газетѣ. Мамаша достала себѣ тридцать нумеровъ, вырѣзала печатное оповѣщеніе и разослала его въ письмахъ друзьямъ и знакомымъ. Женихъ съ невѣстой были счастливы, мамаша тоже; она, по ея словамъ, какъ будто роднилась съ самимъ Торвальдсеномъ!

— Вы, вѣдь, его преемникъ!

И Альфредъ нашелъ, что она сказала довольно умную вещь. Кала не говорила ничего, но глаза ея сіяли, улыбка не сходила съ устъ, каждое движеніе дышало плѣнительною граціей. Какъ она была хороша, какъ хороша!..

Альфредъ вылѣпилъ бюсты Калы и мамаши. Онѣ сидѣли передъ нимъ и смотрѣли, какъ онъ мялъ и сглаживалъ мягкую глину.

— Это вы ради насъ взялись сами за эту грубую работу!— сказала мамаша.— Пусть бы мальчикъ мялъ глину!

— Нѣтъ, мнѣ необходимо лѣпить самому!—сказалъ онъ.

— Ну, да, вѣдь, вы всегда такъ любезны!—сказала матушка, а дочка тихонько пожала ему руку, запачканную въ глинѣ.

Во время работы Альфредъ выяснялъ имъ красоты природы и всего міозданія, превосходство живого созданія передъ мертвымъ, растенія передъ минераломъ, животнаго передъ растеніемъ, человѣка передъ животнымъ; объяснялъ, что скульпторъ воплощаетъ высшее проявленіе красоты въ земныхъ образахъ.

Кала молчала, убаюканная его рѣчами, а мамаша изрекла:

— Трудно, знаете, услѣдить за вашими словами! Но хоть я и медленно соображаю, а мысли такъ и жужжатъ у меня въ головѣ, я всетаки держу ихъ крѣпко.

И его тоже крѣпко держала красота; она наполняла всѣ его помыслы, завладѣла имъ всецѣло. Красотой дышало все существо Калы—и глаза, и ротикъ, даже каждое движеніе пальчиковъ. Все это было по части скульптора, и онъ говорилъ только о красавицѣ, думалъ только о ней; оба они составляли теперь одно, поэтому много говорила и она, разъ говорилъ много онъ.

Такъ прошелъ день помолвки, затѣмъ насталъ и день свадьбы: явились подруги невѣсты, пошли подарки, о которыхъ было упомянуто въ поздравительныхъ рѣчахъ, словомъ—все какъ водится.

Мамаша помѣстила за свадебнымъ столомъ, въ качествѣ почетнаго гостя, бюстъ Торвальдсена въ шлафрокѣ,—это была ея собственная идея. Пѣли заздравныя пѣсни, осушали заздравные тосты, веселая была свадьба и чудесная парочка! „Пигмаліонъ обрѣлъ свою Галатею"—говорилось въ одной изъ пѣсенъ.

— Ну, это что-то изъ миѳологіи!—сказала мамаша.

На другой день молодая чета отправилась въ Копенгагенъ; мамаша съ ними—взять на себя грубую часть семейной жизни, хозяйство. Кала пусть живетъ, какъ въ кукольномъ домикѣ! Все такъ чисто, ново, уютно! Ну, вотъ, наконецъ, всѣ трое и сидѣли въ своемъ домикѣ; Альфредъ, тотъ сидѣлъ, по пословицѣ, „словно епископъ въ гусиномъ гнѣздѣ".

Его околдовала красота формъ, онъ глядѣлъ только на футляръ, а не на то, что въ немъ, а это большой промахъ, особенно, если дѣло идетъ о бракѣ! Износится футляръ, сотрется позолота, и пожалѣешь о покупкѣ. Очень непріятно замѣтить въ гостяхъ, что у тебя оторвались пуговицы у подтяжекъ, что пряжки ненадежны, что ихъ совсѣмъ нѣтъ, но еще непріятнѣе замѣчать, что жена твоя и теща говорятъ глупости, и не быть увѣреннымъ, что всегда найдешь случай затушевать глупость остроумною шуткой.

Часто молодая чета сидѣла рука въ руку; онъ говорилъ, она изрѣдка роняла слово,—тотъ же тонъ, тѣ же два, три мелодичныхъ звука... Софія, подруга новобрачной, вносила съ собою въ домъ освѣжающую струю воздуха.

Софія красотою не отличалась, но и особенныхъ физическихъ недостатковъ не имѣла. Правда, она была слегка кривобока, по словамъ Калы, но это было замѣтно лишь на глазъ подруги. Софія была дѣвушка умная, но ей и въ голову не приходило, что она можетъ стать „опасною". Она вносила въ кукольный домикъ струю свѣжаго воздуха, а здѣсь таки чувствовался въ немъ недостатокъ. Всѣ понимали это, всѣмъ хотѣлось провѣтриться, и рѣшили провѣтриться: теща и молодые новобрачные отправились въ Италію.

— Слава Богу, вотъ мы и дома опять!—сказали мамаша

и дочка, вернувшись через годъ, вмѣстѣ съ Альфредомъ, на родину.

— Ничего нѣтъ хорошаго въ путешествіи!—говорила мамаша.—Даже скучно! Извините за откровенность! Я просто соскучилась, хоть со мною и были мои дѣти. И какъ это дорого, какъ дорого! Всѣ-то галлереи надо осмотрѣть, все обѣгать! Нельзя же,—пріѣдешь домой, спросятъ обо всемъ! И всетаки, въ концѣ концовъ, узнаешь, что самаго-то лучшаго и не видали! А эти безконечныя, вѣчныя мадонны надоѣли мнѣ, вотъ до чего!.. Право, того и гляди, сама станешь мадонной!

— А столъ-то!—говорила Кала.

— Даже порядочнаго бульона не достанешь!—подхватывала мамаша.—Просто бѣда съ ихъ стряпней!

Кала была очень утомлена путешествіемъ, сильно утомлена и—что хуже всего—долго не могла оправиться. Софія переселилась къ нимъ совсѣмъ и была очень полезна въ домѣ.

Мамаша отдавала Софіи полную справедливость,—она была весьма свѣдующею въ хозяйствѣ и въ искусствѣ, во всемъ, отдаться чему она до сихъ поръ не могла за неимѣніемъ собственныхъ средствъ. Вдобавокъ, она была дѣвушка вполнѣ порядочная, искренне преданная, что и доказала во время болѣзни и полной безпомощности Калы.

Если футляръ—все, то футляръ и долженъ быть проченъ, не то бѣда; такъ оно и вышло—Кала умерла.

— Какъ она была хороша!—говорила мамаша.—Не то, что антики; тѣ всѣ съ изъянами, а Кала была цѣльная! Вотъ это настоящая красота!

Альфредъ плакалъ, мамаша тоже; оба надѣли трауръ. Черный цвѣтъ особенно шелъ къ мамашѣ, и она носила его дольше, дольше и грустила, тѣмъ болѣе, что грусть ея нашла новую пищу: Альфредъ женился на Софіи, не отличавшейся внѣшностью.

— Онъ ударился въ крайность!—говорила мамаша.—Отъ красоты перешелъ къ безобразію! И онъ могъ забыть свою первую жену! Вотъ вамъ мужское постоянство!—Нѣтъ, мой мужъ былъ не таковъ! Онъ и умеръ-то прежде меня!

„Пигмаліонъ обрѣлъ свою Галатею“, такъ говорилось въ свадебной пѣснѣ!—сказалъ Альфредъ.—Да, я, въ самомъ дѣлѣ, влюбился въ прекрасную статую, которая ожила въ моихъ объятіяхъ. Но родственную душу, которую посылаетъ намъ само

Небо, одного изъ тѣхъ ангеловъ, что живутъ одними чувствами, однѣми мыслями съ нами, поддерживаютъ насъ въ минуты слабости—я обрѣлъ только теперь. Тебя, Софія! Ты явилась мнѣ не въ ореолѣ внѣшней красоты, но ты добра и красива даже болѣе, чѣмъ это необходимо! Суть все же остается сутью! Ты явилась и научила скульптора, что твореніе его только глина, прахъ, оболочка внутренняго ядра, которое намъ слѣдуетъ искать прежде всего. Бѣдная Кала! Наша совмѣстная жизнь прошла, какъ свадебная поѣздка. Тамъ, гдѣ встрѣчаются родственныя души, мы, быть можетъ, окажемся чуждыми другъ другу.

— Ну, это нехорошо съ твоей стороны говорить такъ!— возразила Софія.—Не по-христіански! Тамъ, на небѣ, гдѣ не женятся и не выходятъ замужъ, но гдѣ, какъ ты говоришь, встрѣчаются родственныя души, гдѣ всякая красота развертывается въ полномъ блескѣ, ея душа, можетъ быть, расцвѣтетъ такъ пышно, что совсѣмъ затмитъ меня, и ты опять воскликнешь, какъ въ первомъ любовномъ порывѣ: „Какъ хороша! Какъ хороша!“

НА ДЮНАХЪ.

Разсказъ пойдетъ о ютландскихъ дюнахъ, но начинается онъ не тамъ, а далеко, далеко на югѣ, въ Испаніи; море, вѣдь, соединяетъ всѣ страны, перенесись же мыслью въ Испанію! Какъ тамъ тепло, какъ чудесно! Среди темныхъ лавровыхъ деревьевъ мелькаютъ пурпуровые гранатные цвѣты; прохладный вѣтерокъ вѣетъ съ горъ на апельсинные сады и великолѣпныя мавританскія галлереи, съ золочеными куполами и росписными стѣнами. По улицамъ двигаются процессіи дѣтей, со свѣчами и развѣвающимися знаменами въ рукахъ, а въ вышинѣ надъ улицами города раскинулось ясное, чистое небо, усѣянное сіяющими звѣздами! Льются звуки пѣсенъ, щелкаютъ кастаньеты, юноши и дѣвушки кружатся въ пляскѣ подъ сѣнью цвѣтущихъ акацій; нищій сидитъ на ступеняхъ мраморной лѣстницы, утоляетъ жажду сочнымъ арбузомъ и затѣмъ опять погружается въ привычную дремоту, сладкій сонъ! Да и все здѣсь похоже на какой-то чудный сонъ! Все манитъ къ сладкой лѣни, къ чуднымъ грезамъ! Такимъ грезамъ на яву предавалась и юная, новобрачная чета, осыпанная всѣми бла-

гами земными; все было ей дано: и здоровье, и счастье, и богатство, и почетное положенiе въ обществѣ.

— Счастливѣе насъ никого и быть не можетъ!—искренне говорили они; и все же имъ предстояло подняться по лѣстницѣ человѣческаго благополучiя еще на одну ступень, если бы Богъ даровалъ имъ ожидаемое дитя, сына, живое физическое и духовное изображенiе ихъ самихъ.

Счастливое дитя! Его бы встрѣтили общее ликованiе, самый нѣжный уходъ и любовь, все благополучiе, какое только можетъ дать человѣку богатство и знатная родня.

Вѣчнымъ праздникомъ была для нихъ жизнь.

— Жизнь — милосердный даръ любви, почти слишкомъ великiй, необъятный!—сказала супруга.—И представить себѣ, что эта полнота блаженства должна еще возрасти тамъ, за предѣлами земной жизни, возрасти до безконечности!... Право, я даже не въ силахъ справиться съ этою мыслью, до того она необъятна!

— Да она и черезчуръ самонадѣянна!—отвѣтилъ мужъ.— Ну, не самонадѣянно-ли, въ сущности, воображать, что насъ ожидаетъ вѣчная жизнь... какъ боговъ? Стать подобными богамъ—вѣдь, эту мысль внушилъ людямъ змiй, отецъ лжи!

— Но не сомнѣваешься же ты въ будущей жизни? — спросила молодая супруга, и словно темное облачко скользнуло впервые по безоблачному горизонту ихъ мыслей.

— Религiя обѣщаетъ намъ ее, священники подтверждаютъ это обѣщанiе! — сказалъ молодой мужъ. — Но именно теперь, чувствуя себя на верху блаженства, я и сознаю, насколько надменно, самонадѣянно съ нашей стороны требовать послѣ этой жизни еще другой, требовать продолженiя нашего блаженства! Развѣ не дано намъ уже здѣсь, въ этой жизни, такъ много, что мы не только можемъ, но и должны вполнѣ удовлетвориться ею!

— Да, намъ-то дано много, — возразила жена: — но для сколькихъ тысячъ людей земная жизнь — сплошное испытанiе; сколько людей отъ самого рожденiя бываютъ обречены на бѣдность, униженiе, болѣзни и несчастiе! Нѣтъ, если бы за этою жизнью не ждала людей другая, земныя блага были бы распредѣлены слишкомъ неровно, и Богъ не былъ бы Судьею Всеправеднымъ!

— И у нищаго бродяги есть свои радости, по-своему не

уступающія радостямъ короля, владѣтеля пышнаго дворца! — отвѣтилъ молодой человѣкъ. — И развѣ не чувствуетъ, по-твоему, тяжести своей земной участи рабочій скотъ, котораго бьютъ, морятъ голодомъ и работою? Значитъ, и животное можетъ требовать себѣ загробной жизни, считать несправедливостью свое низкое положеніе въ ряду другихъ созданій?

— „Въ домѣ Отца Моего Небеснаго есть много обителей“ сказалъ Христосъ! — возразила молодая женщина. — Царство небесное безпредѣльно, какъ и любовь Божія! Животныя тоже Его творенія, и, по-моему, ни одно живое существо не погибнетъ, но достигнетъ той ступени блаженства, на какую только способно подняться!

— Ну, а съ меня довольно и этой жизни! — сказалъ мужъ и обнялъ свою красавицу жену. Дымъ его сигаретки уносился съ открытаго балкона въ прохладный воздухъ, напоенный ароматомъ апельсинныхъ цвѣтовъ и гвоздики; съ улицы доносились звуки пѣсенъ и щелканье кастаньетъ; надъ головами ихъ сіяли звѣзды, а въ глаза мужу глядѣли нѣжные очи, сіяющіе огнемъ безконечной любви, очи его супруги.

— Да одна такая минута стоитъ того, чтобы человѣкъ родился, пережилъ ее и — исчезъ! — продолжалъ онъ, улыбаясь; молодая женщина ласково погрозила ему пальчикомъ, и темное облачко пронеслось, — они были черезчуръ счастливы!

Обстоятельства слагались для нихъ такъ благопріятно, что жизнь сулила имъ впереди еще большія блага. Правда, ихъ ждала перемѣна, но лишь мѣста, а не счастливаго образа жизни. Король назначилъ молодого человѣка посланникомъ при Императорскомъ Россійскомъ Дворѣ, — происхожденіе и образованіе дѣлали его вполнѣ достойнымъ такого почетнаго назначенія.

Молодой человѣкъ и самъ имѣлъ состояніе, да и молодая супруга принесла ему неменьшее; она была дочерью богатаго, уважаемаго коммерсанта. Одинъ изъ самыхъ большихъ и лучшихъ кораблей послѣдняго какъ разъ долженъ былъ въ этомъ году идти въ Стокгольмъ; на немъ-то и рѣшили отправить дорогихъ дѣтей, дочь и зятя, въ Петербургъ. Корабль былъ разубранъ съ королевскою роскошью, всюду мягкіе ковры, шелкъ и бархатъ...

Въ одной старинной, всѣмъ намъ, датчанамъ, извѣстной пѣснѣ „объ англійскомъ королевичѣ“ говорится, какъ королевичъ этотъ

отплываетъ на богато разубранномъ кораблѣ, съ якорями изъ чистаго золота и шелковыми снастями. Вотъ объ этомъ-то кораблѣ и вспоминалось, глядя на испанскій корабль; та же роскошь, тѣ же мысли при отплытіи:

„О, дай же намъ, Боже, счастливо вернуться!"

Подулъ сильный попутный вѣтеръ, минута прощанія была коротка. Черезъ нѣсколько недѣль корабль долженъ былъ достигнуть конечной цѣли путешествія. Но когда онъ былъ уже далеко отъ земли, вѣтеръ улегся, сіяющая ровная поверхность моря, казалось, застыла; вода блестѣла, звѣзды сіяли, а въ богатой каютѣ словно праздникъ шелъ.

Подъ конецъ, однако, всѣ стали желать добраго попутнаго вѣтра, но онъ и не думалъ являться, если же временами и дулъ вѣтеръ, то не попутный, а встрѣчный. Недѣли шли за недѣлями, прошло цѣлыхъ два мѣсяца, пока дождались благопріятнаго вѣтра съ юго-запада. Корабль находился въ это время между Шотландіей и Ютландіей; вѣтеръ надулъ паруса и понесъ корабль—совсѣмъ, какъ въ старинной пѣснѣ объ „англійскомъ королевичѣ":

„И вѣтеръ подулъ, небеса потемнѣли;
Куда имъ укрыться? Гдѣ берегъ, гдѣ портъ?
Свой якорь на дно золотой опустили,
Но къ Даніи злобный ихъ вѣтеръ несетъ".

Съ тѣхъ поръ прошло много лѣтъ. Въ тѣ времена на тронѣ Даніи сидѣлъ юный король Христіанъ VII; много событій совершилось за это время, многое измѣнилось, перемѣнилось. Озера и болота стали сочными лугами, степи—обработанными полями, а на западномъ берегу Ютландіи, подъ защитой стѣнъ крестьянскихъ избушекъ, выросли яблоки и розы. Но ихъ приходится отыскивать глазами, такъ ловко они прячутся отъ рѣзкаго западнаго вѣтра. И все же тутъ, на этомъ берегу, легко перенестись мыслью даже во времена еще болѣе отдаленныя, нежели царствованіе Христіана VII: въ Ютландіи и теперь, какъ въ старину, стелется необозримая бурая степь, родина миражей, усѣянная могильными курганами, изрѣзанная перекрещивающимися, кочковатыми, песчаными дорогами. На западѣ же, гдѣ большія рѣки впадаютъ въ заливы, попрежнему разстилаются луга и болота, защищенные со стороны моря

высокими дюнами. Зубчатыя вершины дюнъ тянутся по берегу, словно горная цѣпь, прерываемая въ иныхъ мѣстахъ глинистыми откосами; море годы за годами откусываетъ отъ нихъ кусокъ за кускомъ, такъ что выступы и холмы, наконецъ, рушатся, точно отъ землетрясенія. Такова была Ютландія и въ тѣ времена, когда счастливая чета плыла на богатомъ кораблѣ.

Сентябрь былъ на исходѣ; погода стояла солнечная; было воскресенье; звуки колоколовъ догоняли другъ друга, разносясь вдоль берега Ниссумфіорда. Самыя церкви напоминали обтесанныя каменныя глыбы,—каждая была высѣчена въ обломкѣ скалы. Море перекатывало черезъ нихъ свои волны, а онѣ себѣ стояли, да стояли. Большинство изъ нихъ было безъ колоколенъ; колокола, укрѣпленные между двумя столбами, висѣли подъ открытымъ небомъ.

Служба въ церкви кончилась, и народъ высыпалъ на кладбище, на которомъ и тогда, какъ теперь, не виднѣлось ни деревца, ни кустика, ни цвѣтка, ни даже вѣнка на могилахъ. Только небольшіе холмы указывали мѣста, гдѣ покоились усопшіе; все кладбище поросло острою, жесткою травою; вѣтеръ такъ и трепалъ ее. Кое-гдѣ на могилахъ попадались и памятники, то-есть, полусгнившіе обломки бревенъ, обтесанные въ видѣ гроба. Обломки эти доставлялъ прибрежный лѣсъ—дикое море. Въ морѣ растутъ для берегового жителя и готовыя балки, и доски, и деревья; доставляетъ же ихъ на берегъ прибой. Но вѣтеръ и морской туманъ скоро заставляютъ ихъ сгнить.

Такой обломокъ лежалъ и на дѣтской могилкѣ, къ которой направилась одна изъ женщинъ, вышедшихъ изъ церкви.

Она стояла молча, устремивъ взоръ на полуистлѣвшій деревянный обломокъ. Немного погодя къ ней присоединился ея мужъ. Они не обмѣнялись ни словомъ, онъ взялъ ее за руку, и они пошли по бурой степи и болоту къ дюнамъ. Долго шли онѣ молча, наконецъ, мужъ промолвилъ:

— Хорошая была сегодня проповѣдь! Не будь у насъ Господа, у насъ не было бы ничего!

— Да,—отвѣтила жена:—Онъ посылаетъ намъ радости, Онъ же посылаетъ и горе! И Онъ правъ всегда... А сегодня нашему мальчугану исполнилось бы пять лѣтъ, будь онъ живъ.

— Право, напрасно ты такъ горюешь!—сказалъ мужъ.— Онъ счастливо отдѣлался и находится теперь тамъ, куда и намъ надо проситься у Бога.

Больше они не говорили и направились къ дому. Вдругъ надъ одною изъ дюнъ, на которой песокъ не былъ укрѣпленъ никакою растительностью, поднялся какъ бы столбъ дыма: сильный вихрь взрылъ и закрутилъ мелкій песокъ. Затѣмъ пронесся новый порывъ вѣтра, и развѣшанная на веревкахъ для просушки рыба забарабанила въ стѣны дома; потомъ опять все стихло; солнце такъ и пекло.

Мужъ съ женой вошли въ свою избушку и, живо поснимавъ съ себя праздничныя платья, поспѣшили опять на дюны, возвышавшіяся на берегу, словно чудовищныя, внезапно остановившіяся на пути, песочныя волны. Нѣкоторое разнообразіе красокъ вносили ростіе на бѣломъ пескѣ голубовато-зеленые острые стебельки песочнаго овса и песчанки. На берегъ собралось и еще нѣсколько сосѣдей, и мужчины соединенными силами втащили лодки повыше на песокъ. Вѣтеръ все крѣпчалъ, становился все рѣзче и холоднѣе, и, когда мужъ съ женою повернули обратно домой, песокъ и острые камешки такъ и полетѣли имъ прямо въ лицо. Сильные порывы вѣтра срѣзывали бѣлые гребешки волнъ и разсыпали ихъ мелкою пылью.

Свечерѣло; въ воздухѣ какъ будто вылъ, свистѣлъ и стоналъ цѣлый легіонъ проклятыхъ духовъ; мужъ съ женою не слышали даже грохота моря, а избушка ихъ стояла чуть не на самомъ берегу. Песокъ такъ и летѣлъ въ оконныя стекла, порывы вѣтра грозили иногда повалить самую избушку. Стемнѣло, но около полуночи должна была проглянуть луна.

Небо прояснилось, но буря бушевала на морѣ съ прежнею силой. Мужъ и жена давнымъ давно улеглись въ постели, но нечего было и думать заснуть въ такую непогоду; вдругъ въ окно къ нимъ постучали, дверь пріотворилась и кто-то сказалъ:

— На крайнемъ рифѣ стоитъ большой корабль!

Въ одну минуту мужъ и жена вскочили и одѣлись.

— Луна свѣтила довольно ярко, но бушующій песочный вихрь слѣпилъ глаза. Вѣтеръ дулъ такой, что хоть ложись на него; только съ большимъ трудомъ, чуть не ползкомъ, пользуясь паузами между порывами урагана, можно было перебраться черезъ дюны. На берегъ, словно лебяжій пухъ, летѣла съ моря соленая пѣна; море съ шумомъ и ревомъ катило кипящія волны. Надо было имѣть опытный глазъ, чтобы сразу различить въ морѣ судно. Это былъ великолѣпный двухмачтовый корабль; его несло къ берегу черезъ рифы, но на послѣднемъ онъ сѣлъ.

Подать помощь кораблю или экипажу нечего было и думать, — море слишкомъ разбушевалось; волны нещадно хлестали корпусъ судна и перекатывались черезъ него... Рыбакамъ чудились крики и вопли отчаянія; видно было, какъ люди на кораблѣ безпомощно, растерянно суетились... Вотъ всталъ огромный валъ и обрушился на бугшпритъ. Мигъ — и бугшприта какъ не бывало; корма высоко поднялась надъ водою, и съ нея спрыгнули въ этотъ моментъ двѣ обнявшіяся человѣческія фигуры, спрыгнули и исчезли въ волнахъ... Мигъ еще, и — огромная волна выкинула на дюны тѣло... молодой женщины, повидимому, бездыханное. Нѣсколько рыбачекъ окружили ее, и имъ показалось, что она еще подаетъ признаки жизни. Сейчасъ перенесли ее въ ближайшую избушку. Какъ хороша и нѣжна была бѣдняжка! Вѣрно, знатная дама!

Ее уложили на убогую кровать, безъ всякаго бѣлья, прикрытую однимъ шерстянымъ одѣяломъ, но въ него-то и слѣдовало укутать незнакомку, — чего ужъ теплѣе!

Ее удалось вернуть къ жизни, но она оказалась въ жару и не сознавала ничего: ни того, что случилось, ни того, куда попала. Да и слава Богу: все, что было ей дорого въ жизни, лежало теперь на днѣ морскомъ. Все случилось, какъ въ пѣснѣ „объ англійскомъ королевичѣ“:

Ужаснѣе вида и быть не могло:
Разбилося судно о рифъ, какъ стекло.

Море выбросило на берегъ обломки корабля, изъ людей же уцѣлѣла одна молодая женщина. Вѣтеръ все еще вылъ, но въ избушкѣ на нѣсколько мгновеній воцарилась тишина: молодая женщина забылась; потомъ начались боли и крики, она раскрыла свои дивные глаза и сказала что-то, но никто не понялъ ни единаго слова.

И вотъ, въ награду за всѣ перенесенныя ею страданія, въ объятіяхъ ея очутилось новорожденное дитя. Его ожидала великолѣпная колыбель съ шелковымъ пологомъ, роскошное жилище, ликованіе, восторги и жизнь, богатая всѣми благами земными, но Господь судилъ иначе: ему довелось родиться въ бѣдной избушкѣ, и даже поцѣлуя матери не суждено было ему принять.

Жена рыбака приложила ребенка къ груди матери, и оно очутилось возлѣ сердца, которое уже перестало биться, — мать умерла. Дитя, которое должно было встрѣтить въ жизни одно

богатство, одно счастье, было выброшено моремъ на дюны, чтобы испытать нужду и долю бѣдняка.

Испанскій корабль разбился немного южнѣе Ниссумфіорда. Жестокія, безчеловѣчныя времена, когда береговые жители промышляли грабежомъ потерпѣвшихъ кораблекрушеніе, давнымъ давно миновали. Теперь несчастные встрѣчали тутъ любовное, сердечное отношеніе, широкую готовность прійти на помощь. Наше время можетъ гордиться истинно благородными чертами характера! Умирающая мать и несчастный ребенокъ нашли бы пріютъ и уходъ въ любомъ домикѣ на берегу, но нигдѣ не отнеслись бы къ нимъ участливѣе, сердечнѣе, чѣмъ въ томъ именно, куда онѣ попали, у бѣдной рыбачки, такъ грустно стоявшей вчера возлѣ могилы своего ребенка, которому въ этотъ день должно было бы исполниться пять лѣтъ.

Никто не зналъ, кто такая была умершая женщина или откуда. Корабельные обломки были нѣмы.

Въ Испаніи, въ домѣ богатаго купца, такъ никогда и не дождались ни письма, ни вѣсточки о дочери или зятѣ. Узнали только, что они не достигли мѣста назначенія и что въ послѣднія недѣли на морѣ бушевали страшныя бури. Ждали мѣсяцы, наконецъ пришла вѣсть: „Полное крушеніе; всѣ погибли“.

А въ рыбачьей избушкѣ на дюнахъ появился новый жилецъ.

Тамъ, гдѣ Господь посылаетъ пищу для двоихъ, хватитъ и на третьяго; на берегу моря хватитъ рыбы на голодный желудокъ. Мальчика назвали Юргеномъ.

— Это, вѣрно, еврейское дитя!—говорили про него.—Ишь, какой черномазый!

— А, можетъ быть, онъ испанецъ или итальянецъ!—сказалъ священникъ. Но всѣ эти три народности были въ глазахъ жены рыбака однимъ и тѣмъ же, и она утѣшалась, что дитя крещено. Ребенокъ подросталъ; благородная кровь питалась бѣдною пищей; отпрыскъ благороднаго рода выросталъ въ бѣдной избушкѣ. Датскій языкъ, западно-ютландское нарѣчіе, стало для него роднымъ языкомъ. Гранатное зернышко съ испанской почвы выросло на западномъ берегу Ютландіи песчанкой. Вотъ какъ можетъ приспособляться человѣкъ! Онъ сросся съ новою родиной всѣми своими жизненными корнями. Ему суждено было извѣдать и голодъ, и холодъ, и другія невзгоды, но также и радости, выпадающія на долю бѣдняка.

Дѣтство каждаго человѣка имѣетъ свои радости, которыя

бросаютъ свѣтлый отблескъ на всю его жизнь. Въ играхъ и забавахъ у Юргена недостатка не было. На морскомъ берегу было чистое раздолье для игръ: весь берегъ былъ усѣянъ игрушками, выложенъ, словно мозаикою, разноцвѣтными камешками. Тутъ попадались и красные, какъ кораллы, и желтые, какъ янтари, и бѣлые, кругленькіе, какъ птичьи яички, словомъ, всевозможные, мелкіе обточенные и отшлифованные моремъ камешки. Высохшіе остовы рыбъ, сухія водоросли и другія морскія растенія, бѣлѣвшія на берегу и опутывавшія камни точно тесемками, тоже служили игрушками, забавой для глазъ, пищей для ума. Юргенъ былъ мальчуганъ способный, богато одаренный. Какъ онъ запоминалъ разныя исторіи и пѣсни! А ужъ что за руки у него были— просто золотыя! Изъ камней и ракушекъ мастерилъ онъ кораблики и картинки для украшенія стѣнъ. Мальчикъ могъ, по словамъ его пріемной матери, выразить свои мысли рѣзьбой на кусочкѣ дерева, а онъ былъ еще невеликъ. Какъ чудесно звенѣлъ его голосокъ; мелодіи такъ сами собой и лились изъ его горлышка. Да, много струнъ было натянуто въ его душѣ; онѣ могли бы зазвучать на весь міръ, сложись его судьба иначе, не забрось она его въ эту глухую рыбачью деревушку.

Однажды по близости разбился корабль и на берегъ выбросило волнами ящикъ съ рѣдкими цвѣточными луковицами. Нѣкоторыя изъ нихъ были искрошены въ похлебку, —рыбаки сочли ихъ за съѣдобныя—другія остались гнить на пескѣ. Имъ не суждено было выполнить свое назначеніе—развернуть взорамъ всю скрытую въ нихъ роскошь красокъ. Будетъ-ли Юргенъ счастливѣе? Луковицы скоро погибли, его же ожидали долгіе годы испытанія.

Ни ему, ни кому другому изъ окружающихъ никогда и въ голову не приходило, что дни тянутся здѣсь скучно и однообразно: здѣсь было вдоволь работы и рукамъ, и глазамъ, и ушамъ. Море являлось огромнымъ учебникомъ и каждый день развертывало новую страницу, знакомило береговыхъ жителей то со штилемъ, то съ легкимъ волненіемъ, то съ вѣтромъ и штормомъ. Кораблекрушенія были крупными событіями, а посѣщенія церкви являлись настоящими праздниками. Изъ посѣщеній же родныхъ и знакомыхъ особенную радость доставлялъ семейству рыбака пріѣздъ дяди, продавца угрей изъ Фьяльтринга, что близъ Бовбьерга. Онъ пріѣзжалъ сюда два раза въ годъ на крашеной телѣжкѣ, полной угрей; телѣжка представ-

ляла ящикъ съ крышкой и была расписана по красному фону голубыми и бѣлыми тюльпанами; тащила ее пара чалыхъ воловъ. Юргену позволялось покататься на нихъ.

Торговецъ угрями былъ острякъ, весельчакъ и всегда привозилъ съ собою боченокъ водки. Всякому доставался полный стаканчикъ или кофейная чашечка, если не хватало стакановъ; даже Юргену, какъ ни малъ онъ былъ, давалась порція съ добрый наперстокъ. Надо же выпить, чтобы удержать въ желудкѣ жирнаго угря—говорилъ торговецъ и при этомъ всякій разъ разсказывалъ одну и ту же исторію, а если слушатели смѣялись, разсказывалъ ее еще разъ сначала. Такая ужъ слабость у словоохотливыхъ людей! И такъ какъ Юргенъ самъ зачастую руководился этой исторіей и въ отрочествѣ, и даже въ зрѣломъ возрастѣ, то надо и намъ познакомиться съ нею.

„Въ рѣкѣ плавали угри; дочки все просились у матери погулять на свободѣ, подняться вверхъ по рѣкѣ, а мать говорила имъ: „Не заходите далеко! Не то придетъ гадкій рыбакъ и всѣхъ васъ заколетъ!" Но онѣ всетаки зашли слишкомъ далеко, и изъ восьми дочерей вернулись къ матери только три. Онѣ принялись жаловаться: „Мы только чуть-чуть вышли изъ дома, какъ явился гадкій рыбакъ и закололъ сестрицъ своимъ трезубцемъ до смерти!"—„Ну, онѣ еще вернутся къ намъ!" —сказала мать. — „Нѣтъ!" —отвѣтили дочери:—онъ, вѣдь, содралъ съ нихъ кожу, разрѣзалъ ихъ на куски и зажарилъ!" — „Вернутся!" —повторила мать. — „Да, вѣдь, онъ съѣлъ ихъ!"—„Вернутся!"—Онъ запилъ ихъ водкой!"—сказали дочери.—„Ай! Ай! Такъ онѣ никогда не вернутся!"—завыла мать:—„Водка хоронитъ угрей!"

— Вотъ и слѣдуетъ всегда запивать это блюдо водочкою!—прибавлялъ торговецъ.

Исторія эта прошла черезъ всю жизнь Юргена красною нитью, давая обширный матеріалъ для забавныхъ остротъ, поговорокъ и сравненій. И Юргену по временамъ страсть какъ хотѣлось „выглянуть изъ дома", погулять по бѣлу-свѣту, а мать его, какъ и угриная матка, говорила: „На свѣтѣ много злыхъ людей—рыбаковъ!" Ну, а недалеко отъ дюнъ, въ степи, побывать было можно, и онъ побывалъ. Четыре веселыхъ дня освѣтили собой все его дѣтство; въ нихъ отразилась для него вся красота Ютландіи, вся радость и счастье родного края. Родителей Юргена пригласили на пиръ—правда, на похоронный.

Умеръ одинъ изъ ихъ состоятельныхъ родственниковъ. Жилъ онъ въ степи, къ сѣверо-востоку отъ рыбачьей слободки. Родители взяли Юргена съ собою. Миновавъ дюны, степь и болото, дорога пошла по зеленому лугу, гдѣ прорѣзываетъ себѣ путь рѣка Скэрумъ, изобилующая угрями. Въ ней-то и жила угриная матка со своими дочками, которыхъ злые люди убили, ободрали и разрѣзали на куски. Но часто люди поступали не лучше и съ себѣ подобными. Вотъ и рыцарь Бугге, о которомъ говорится въ старинной пѣснѣ, былъ убитъ злыми людьми, да и самъ онъ, какъ ни былъ добръ, собирался убить строителя, что воздвигнулъ ему толстостѣнный замокъ съ башнями. Замокъ этотъ стоялъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ пріостановился теперь Юргенъ со своими родителями, при впаденіи рѣки Скэрумъ въ Ниссумфіордъ. Валы еще виднѣлись и на нихъ остатки кирпичныхъ стѣнъ. Рыцарь Бугге, посылая своего слугу въ погоню за ушедшимъ строителемъ, сказалъ: „Догони его и скажи: „Мастеръ, башня падаетъ!“ Если онъ обернется, сруби ему голову и возьми деньги, что онъ получилъ отъ меня, а если не обернется, оставь его идти съ миромъ“.

Слуга догналъ строителя и сказалъ, что было велѣно, но тотъ, не оборачиваясь, отвѣтилъ: „Башня еще не падаетъ, но нѣкогда придетъ съ запада человѣкъ въ синемъ плащѣ и заставитъ ее упасть“. Такъ оно и случилось сто лѣтъ спустя: море затопило страну, и башня упала, но владѣлецъ замка Предбьёрнъ Гюльденстьерне выстроилъ себѣ новую, еще выше прежней; она стоитъ и по сейчасъ въ Сѣверномъ Восборгѣ.

Мимо послѣдняго имъ тоже пришлось проходить. Всѣ эти мѣста давно были знакомы Юргену по разсказамъ, услаждавшимъ для него долгіе зимніе вечера, и вотъ, теперь онъ самъ увидѣлъ и дворъ, окруженный двойными рвами, деревьями и кустами, и валъ, поросшій папоротникомъ. Но лучше всего были здѣсь высокія липы, достававшія вершинами до крыши и наполнявшія воздухъ сладкимъ ароматомъ. Въ сѣверо-западномъ углу сада росъ большой кустъ, осыпанный цвѣтами, что снѣгомъ. Это была бузина, первая цвѣтущая бузина, которую видѣлъ Юргенъ. И она, да цвѣтущія липы запечатлѣлись въ его памяти на всю жизнь; ребенокъ „запасся на старость“ воспоминаніями о красотѣ и ароматѣ родины.

Остальную часть пути совершили гораздо скорѣе и удоб-

нѣе: какъ-разъ у Сѣвернаго Восборга, гдѣ цвѣла бузина, Юргена съ родителями нагнали другіе приглашенные на пиръ, ѣхавшіе въ тѣлежкѣ, и предложили подвезти ихъ. Конечно, всѣмъ троимъ пришлось помѣститься позади, на деревянномъ сундукѣ, окованномъ желѣзомъ, но для нихъ это было все-таки лучше, чѣмъ идти пѣшкомъ. Дорога шла по кочковатой степи; волы, тащившіе телѣжку, время отъ времени останавливались, встрѣтивъ среди вереска клочекъ земли, поросшій свѣжею травкой; солнышко припекало, и надъ степью курился диковинный дымокъ. Онъ вился клубами и въ то же время былъ прозрачнѣе самаго воздуха; казалось, солнечные лучи клубились и плясали надъ степью.

— Это „Локеманъ“ гонитъ свое овечье стадо!—сказали Юргену, и ему было довольно,—онъ сразу перенесся въ сказочную страну, но не терялъ изъ виду и окружающей дѣйствительности. Какая тишина стояла въ степи!

Во всѣ стороны разбѣгалась необозримая степь, похожая на драгоцѣнный коверъ; верескъ цвѣлъ; кипарисово-зеленый можжевельникъ и свѣжіе отпрыски дубковъ выглядывали изъ него букетами. Такъ и хотѣлось броситься на этотъ коверъ поваляться—не будь только тутъ множества ядовитыхъ гадюкъ!.. Объ нихъ-то, да о волкахъ и пошла рѣчь; послѣднихъ водилось тутъ прежде столько, что всю мѣстность звали „Волчьею“. Старикъ-возница разсказывалъ, что въ старину, когда еще живъ былъ его покойный отецъ, лошадямъ часто приходилось жестоко отбиваться отъ кровожадныхъ звѣрей, а разъ утромъ и ему самому случилось набрести на лошадь, попиравшую ногами убитаго ею волка, но ноги ея были всѣ изгрызены.

Слишкомъ скоро для мальчика проѣхали они кочковатую степь и глубокіе пески, и прибыли въ домъ, гдѣ было полнымъ-полно гостей. Повозки жались другъ къ другу; лошади и волы пощипывали тощую травку. За дворомъ возвышались песчаныя дюны, такія же высокія и огромныя, какъ и въ родной слободкѣ Юргена. Какъ же онѣ попали сюда съ берега, вѣдь оттуда три мили? Вѣтеръ поднялъ и перенесъ ихъ; у нихъ своя исторія.

Пропѣли псалмы, двое-трое старичковъ и старушекъ прослезились, а то было очень весело, по мнѣнію Юргена: ѣшь и пей вволю,—угощали жирными угрями, а ихъ надо было запивать водочкой. „Она удерживаетъ угрей!“—говаривалъ старикъ-торговецъ, и тутъ крѣпко держались его словъ.

Юргенъ шнырялъ повсюду и на третій день чувствовалъ себя тутъ совсѣмъ какъ дома. Но здѣсь, въ степи, было совсѣмъ не то, что у нихъ въ рыбачьей слободкѣ, на дюнахъ: степь такъ и кишѣла цвѣточками и голубицей; крупныя, сладкія ягоды прямо топтались ногами, и верескъ орошался краснымъ сокомъ.

Тамъ и сямъ возвышались курганы; въ тихомъ воздухѣ курился дымокъ; горитъ гдѣ-нибудь степь—говорили Юргену. Вечеромъ же надъ степью подымалось зарево, — вотъ было красиво!

На четвертый день поминки кончились, пора было и домой, на приморскія дюны.

— Наши-то настоящія,—сказалъ отецъ:—а въ этихъ никакой силы нѣтъ.

Зашелъ разговоръ о томъ, какъ онѣ попали сюда, внутрь страны. Очень просто. На берегу нашли мертвое тѣло; крестьяне схоронили его на кладбищѣ, и вслѣдъ затѣмъ началась страшная буря, песокъ погнало внутрь страны, море дико лѣзло на берегъ. Тогда одинъ умный человѣкъ посовѣтовалъ разрыть могилу и поглядѣть, не сосетъ-ли покойникъ свой большой палецъ. Если да, то это водяной, и море требуетъ его. Могилу разрыли: покойникъ сосалъ большой палецъ; сейчасъ же взвалили его на телѣгу, запрягли въ нее двухъ воловъ, и тѣ, какъ ужаленные, помчали ее черезъ степь и болото прямо въ море. Песочная мятель прекратилась, но дюны, какъ ихъ намело, такъ и остались стоять внутри страны. Юргенъ слушалъ и сохранялъ всѣ эти разсказы въ своей памяти вмѣстѣ съ воспоминаніями о счастливѣйшихъ дняхъ дѣтства, о поминкахъ.

Да, то-ли дѣло вырваться изъ дома, увидать новыя мѣста и новыхъ людей! И Юргену предстояло таки вырваться опять. Ему еще не минуло четырнадцати лѣтъ, а онъ уже нанялся на корабль и отправился по бѣлу-свѣту. Узналъ онъ и погоду, и море, и злыхъ, жестокихъ людей! Недаромъ онъ былъ юнгой! Скудная пища, холодныя ночи, плеть и кулаки—всего пришлось ему отвѣдать. Было отъ чего иногда вскипѣть его благородной испанской крови; горячія слова просились на языкъ; но умнѣе было прикусить его, а для Юргена это было то же, что для угря позволить себя ободрать и положить на сковороду.

— Ну, да я возьму свое!—говорилъ онъ самъ себѣ. Довелось ему увидать и испанскій берегъ, родину его родителей, даже

тотъ самый городъ, гдѣ они жили въ счастьѣ и довольствѣ, но онъ, вѣдь, ничего не зналъ ни о своей родинѣ, ни о семьѣ, а семья о немъ—и того меньше.

Парнишкѣ не позволяли даже бывать на берегу, и онъ ступилъ на него въ первый разъ только въ послѣдній день стоянки; надо было закупить кое-какіе припасы, и его взяли съ собою на подмогу.

И вотъ Юргенъ, одѣтый въ жалкое платьишко, словно выстиранное въ канавѣ и высушенное въ трубѣ, очутился въ городѣ. Онъ, уроженецъ дюнъ, впервые увидѣлъ большой городъ. Какіе высоченные дома, узенькія улицы, сколько народа! Толпы сновали туда и сюда; по улицамъ какъ будто неслась живая рѣка: горожане, крестьяне, монахи, солдаты... Крикъ, шумъ, гамъ, звонъ бубенчиковъ на ослахъ и мулахъ, звонъ церковныхъ колоколовъ, пѣніе и щелканье, стукотня и грохотня: ремесленники работали на порогахъ домовъ, а то такъ и прямо на тротуарахъ. Солнце такъ и пекло, воздухъ былъ тяжелъ и удушливъ; Юргену казалось, что онъ въ раскаленной печкѣ, биткомъ набитой жужжащими и гудящими навозными и майскими жуками, пчелами и мухами; голова шла кругомъ. Вдругъ онъ увидалъ передъ собою величественный порталъ собора; въ полутьмѣ подъ сводами мерцали свѣчи, курился фиміамъ. Даже самый оборванный нищій имѣлъ право войти въ церковь; матросъ, съ которымъ послали Юргена, и направился туда; Юргенъ за нимъ. Яркіе образа сіяли на золотомъ фонѣ. На алтарѣ, среди цвѣтовъ и зажженныхъ свѣчей, красовалась Божья Матерь съ Младенцемъ Іисусомъ. Священники въ роскошныхъ облаченіяхъ пѣли, а хорошенькіе, нарядные мальчики кадили. Вся эта красота и великолѣпіе произвели на Юргена глубокое впечатлѣніе; вѣра и религія его родителей затронули самыя сокровенныя струны его души; на глазахъ у него выступили слезы.

Изъ церкви они направились на рынокъ, закупили нужные припасы, и Юргену пришлось тащить часть ихъ. Идти было далеко, онъ усталъ и пріостановился отдохнуть передъ большимъ великолѣпнымъ домомъ съ мраморными колоннами, статуями и широкими лѣстницами. Юргенъ прислонилъ свою ношу къ стѣнѣ, но явился раззолоченный швейцаръ въ ливреѣ и, поднявъ на него палку съ серебрянымъ набалдашникомъ, прогналъ прочь — его, внука хозяина! Но никто, вѣдь, не зналъ этого; самъ Юргенъ—меньше всѣхъ.

Корабль отплылъ; опять потянулась та же жизнь, толчки, ругань, недосыпанье, тяжелая работа... Что-жъ, не мѣшаетъ отвѣдать всего! Это, вѣдь, говорятъ, хорошо пройти суровую школу въ юности. Хорошо-то, хорошо—если потомъ ждетъ тебя счастливая старость!

Рейсъ кончился, корабль опять сталъ на якорь въ Рингкьёбингсфіордѣ, и Юргенъ вернулся домой, въ рыбачью слободку, но, пока онъ гулялъ по свѣту, пріемная мать его умерла.

Настала суровая зима. На морѣ и сушѣ бушевали снѣжныя бури; просто бѣда была пробираться по степи. Какъ, въ самомъ дѣлѣ, разнятся между собою разныя страны: здѣсь леденящій холодъ и мятель, а въ Испаніи страшная жара! И все же, увидавъ въ ясный, морозный день большую стаю лебедей, летѣвшихъ со стороны моря къ Сѣверному Восборгу, Юргенъ почувствовалъ, что тутъ всетаки дышится легче, что тутъ, по крайней мѣрѣ, можно насладиться прелестями лѣта. И онъ мысленно представилъ себѣ степь, всю въ цвѣтахъ, усѣянную спѣлыми, сочными ягодами, и цвѣтущія липы у Сѣвернаго Восборга... Ахъ, надо опять побывать тамъ!

Подошла весна, началась ловля рыбы, Юргенъ помогалъ отцу. Онъ сильно выросъ за послѣдній годъ, и дѣло у него спорилось. Жизнь такъ и била въ немъ ключомъ; онъ умѣлъ плавать и сидя, и стоя, даже кувыркаться въ водѣ, и ему часто совѣтовали остерегаться макрелей,—онѣ плаваютъ стадами и нападаютъ на лучшихъ пловцовъ, увлекаютъ ихъ подъ воду и пожираютъ. Вотъ и конецъ! Но Юргену судьба готовила иное.

У сосѣдей былъ сынъ Мортенъ; Юргенъ подружился съ нимъ, и они вмѣстѣ нанялись на одно судно, которое отплывало въ Норвегію, потомъ въ Голландію. Серьезно ссориться между собою имъ вообще было не изъ-за чего, но мало-ли что случается! У горячихъ натуръ руки, вѣдь, такъ и чешутся; случилось это разъ и съ Юргеномъ, когда онъ повздорилъ съ Мортеномъ изъ-за какихъ-то пустяковъ. Они сидѣли въ углу за капитанскою рубкой и ѣли изъ одной глиняной миски; у Юргена былъ въ рукахъ ножъ, и онъ замахнулся имъ на товарища, причемъ весь поблѣднѣлъ и дико сверкнулъ глазами. А Мортенъ только промолвилъ:

— Такъ ты изъ тѣхъ, что готовы пустить въ дѣло ножъ!

Въ ту же минуту рука Юргена опустилась; молча доѣлъ онъ обѣдъ и взялся за свое дѣло. По окончаніи же работъ онъ

подошелъ къ Мортену и сказалъ: „Ударь меня въ лицо,—я стóю! Во мнѣ, право, вѣчно бурлитъ черезъ край, точно въ горшкѣ съ кипяткомъ!“

— Ну, ладно, забудемъ это!—отвѣчалъ Мортенъ, и съ тѣхъ поръ дружба ихъ стала чуть не вдвое крѣпче. Вернувшись домой, въ Ютландію, на дюны, они разсказывали о житьѣ-бытьѣ на морѣ, разсказали и объ этомъ происшествіи. Да, кровь въ Юргенѣ бурлила черезъ край, но все же онъ былъ славный, надежный горшокъ.

— Только не „ютландскій“ *),—ютландцемъ его назвать нельзя!—сострилъ Мортенъ.

Оба были молоды и здоровы; оба — парни рослые, крѣпкаго сложенія, но Юргенъ отличался большею ловкостью.

На сѣверѣ, въ Норвегіи, крестьяне пасутъ свои стада на горахъ, гдѣ и имѣются особыя пастушьи шалаши, а на западномъ берегу Ютландіи, на дюнахъ понастроены хижины для рыбаковъ; онѣ сколочены изъ корабельныхъ обломковъ и крыты торфомъ и верескомъ; по стѣнамъ внутри идутъ нары для спанья. У каждаго рыбака есть своя дѣвушка-помощница; обязанности ея—насаживать на крючки приманки, встрѣчать хозяина, возвращающагося съ лова, теплымъ пивомъ, готовить ему кушанье, вытаскивать изъ лодокъ пойманную рыбу, потрошить ее и проч.

Юргенъ, отецъ его и еще нѣсколько рыбаковъ съ ихъ работницами помѣщались въ одной хижинѣ. Мортенъ жилъ въ ближайшей.

Между дѣвушками была одна, по имени Эльза, которую Юргенъ зналъ съ дѣтства. Оба были очень дружны между собою; въ ихъ нравахъ было много общаго, но наружностью они рѣзко отличались: онъ былъ смуглый брюнетъ, а она бѣленькая; волосы у нея были желтые, какъ ленъ, а глаза свѣтло-голубые, какъ освѣщенное солнцемъ море.

Разъ они шли рядомъ; Юргенъ держалъ ея руку въ своей и крѣпко пожималъ ее. Вдругъ Эльза сказала ему:

— Юргенъ, у меня есть что-то на сердцѣ! Лучше бы мнѣ работать у тебя,—ты мнѣ все равно, что братъ, а Мортенъ, къ которому я нанялась, мой женихъ. Не надо только болтать объ этомъ другимъ!

*) Такъ называемая „ютландская посуда“ изготовляется изъ темной глины и отличается огнеупорностью и прочностью. *Примѣч. перев.*

Песокъ словно заколыхался подъ ногами Юргена, но онъ не проронилъ ни слова, только кивнулъ головой,—согласенъ молъ. Бо́льшаго отъ него и не требовалось. Но онъ-то въ ту же минуту почувствовалъ, что всѣмъ сердцемъ ненавидитъ Мортена. Чѣмъ больше онъ думалъ о случившемся,—а раньше онъ никогда такъ много не думалъ объ Эльзѣ — тѣмъ яснѣе становилось ему, что Мортенъ укралъ у него любовь единственной дѣвушки, которая ему нравилась, то-есть, Эльзы; вотъ оно какъ теперь выходило!

Сто́итъ посмотрѣть, какъ рыбаки переносятся, въ свѣжую погоду, по волнамъ черезъ рифы. Одинъ изъ рыбаковъ стоитъ на носу, а гребцы не спускаютъ съ него глазъ, выжидая знака положить весла и отдаться надвигающейся волнѣ, которая должна перенести лодку черезъ рифъ. Сначала волна подымаетъ лодку такъ высоко, что съ берега виденъ киль ея; минуту спустя она исчезаетъ въ волнахъ; не видно ни самой лодки, ни людей, ни мачты; море какъ будто поглотило все... Но еще минута, и лодка вновь показывается на поверхности по другую сторону рифа, словно вынырнувшее изъ воды морское чудовище; весла быстро шевелятся—ни-дать, ни-взять ноги животнаго. Передъ вторымъ, передъ третьимъ рифомъ повторяется то же самое; затѣмъ рыбаки спрыгиваютъ въ воду и подводятъ лодку къ берегу; удары волны помогаютъ имъ, подталкивая ее сзади.

Не подать во время знака, ошибиться минутой, и—лодка разобьется о рифъ.

„Тогда бы конецъ и мнѣ, и Мортену!“ Эта мысль мелькнула у Юргена, когда они были на морѣ. Отецъ его вдругъ серьезно занемогъ, лихорадка такъ и трепала его; между тѣмъ лодка приближалась къ послѣднему рифу; Юргенъ вскочилъ и крикнулъ:— Отецъ, пусти лучше меня!—и взглядъ его скользнулъ съ лица Мортена на волны. Вотъ приближается огромная волна... Юргенъ взглянулъ на блѣдное лицо отца и—не могъ исполнить злого намѣренія. Лодка счастливо миновала рифъ и достигла берега, но злая мысль крѣпко засѣла въ головѣ Юргена; кровь въ немъ такъ и кипѣла; со дна души всплывали разныя соринки и волокна, запавшія туда за время дружбы его съ Мортеномъ, но онъ не могъ выпрясть изъ нихъ цѣльную нить, за которую бы могъ ухватиться, и онъ пока не приступалъ къ дѣлу. Да, Мортенъ испортилъ ему жизнь, онъ чувствовалъ это! Такъ какъ же ему было не возненавидѣть его? Нѣкоторые изъ

рыбаковъ замѣтили эту ненависть, но самъ Мортенъ не замѣчалъ ничего и оставался тѣмъ же добрымъ товарищемъ и словоохотливымъ — пожалуй даже черезчуръ словоохотливымъ — парнемъ.

А отцу Юргена пришлось слечь; болѣзнь оказалась смертельною, и онъ черезъ недѣлю умеръ. Юргенъ получилъ въ наслѣдство домъ на дюнахъ, правда маленькій, но и то хорошо, у Мортена не было и этого.

— Ну, теперь не будешь больше наниматься въ матросы! Останешься съ нами навсегда! — сказалъ Юргену одинъ изъ старыхъ рыбаковъ.

Но у Юргена какъ-разъ было въ мысляхъ другое, — ему именно и хотѣлось погулять по бѣлу-свѣту. У торговца угрями былъ дядя, который жилъ въ „Старомъ Скагенѣ"; онъ тоже занимался рыболовствомъ, но былъ уже зажиточнымъ купцомъ и владѣлъ собственнымъ судномъ. Слылъ онъ милымъ старикомъ; у такого стоило послужить. Старый Скагенъ лежитъ на крайнемъ сѣверѣ Ютландіи, далеко отъ рыбачьей слободки и дюнъ, но это-то обстоятельство особенно и было по душѣ Юргену; онъ не хотѣлъ пировать на свадьбѣ Эльзы и Мортена, а ее готовились сыграть недѣли черезъ двѣ.

Старый рыбакъ не одобрялъ намѣренія Юргена, — теперь у него былъ собственный домъ, и Эльза, навѣрно, склонится скорѣе на его сторону.

Юргенъ отвѣтилъ на это такъ отрывисто, что не легко было добраться до смысла его рѣчи, но старикъ взялъ да и привелъ къ нему Эльзу. Немного сказала она, но всетаки сказала кое-что:

— У тебя домъ... Да, тутъ задумаешься!..

И Юргенъ сильно задумался.

По морю ходятъ сердитыя волны, но сердце человѣческое волнуется иногда еще сильнѣе; его обуреваютъ страсти. Много мыслей пронеслось въ головѣ Юргена; наконецъ, онъ спросилъ Эльзу:

— Если бы у Мортена былъ такой же домъ, кого изъ насъ двоихъ выбрала бы ты?

— Да, вѣдь, у Мортена нѣтъ и не будетъ дома!

— Ну, представь себѣ, что онъ у него будетъ?

— Ну, тогда я, вѣрно, выбрала бы Мортена, — любъ онъ мнѣ! Но этимъ сытъ не будешь!

Юргенъ раздумывалъ объ этомъ всю ночь. Что такое толкало его, онъ и самъ не могъ дать себѣ отчета, но безотчетное влеченіе оказалось сильнѣе его любви къ Эльзѣ, и онъ повиновался ему — пошелъ утромъ къ Мортену. То, что Юргенъ сказалъ Мортену при свиданіи, было строго обдумано имъ въ теченіе ночи. Онъ уступилъ товарищу свой домъ на самыхъ выгодныхъ для того условіяхъ, говоря, что самъ предпочитаетъ наняться на корабль и уѣхать. Эльза, узнавъ обо всемъ, расцѣловала Юргена прямо въ губы,—ей, вѣдь, былъ любъ Мортенъ.

Юргенъ собирался отправиться въ путь на другой же день рано утромъ. Но вечеромъ, хотя и было уже поздно, ему вздумалось еще разъ навѣстить Мортена. Онъ пошелъ и на пути, на дюнахъ, встрѣтилъ стараго рыбака, который не одобрялъ его намѣренія уѣхать. „У Мортена, вѣрно, зашитъ въ штанахъ утиный клювъ, что дѣвушки такъ льнутъ къ нему!“—сказалъ старикъ. Но Юргенъ прервалъ разговоръ, простился и пошелъ къ Мортену. Подойдя поближе, онъ услыхалъ въ домѣ громкіе голоса; у Мортена кто-то былъ. Юргенъ остановился въ нерѣшимости; съ Эльзой ему вовсе не хотѣлось встрѣчаться. Подумавъ хорошенько, онъ не захотѣлъ и выслушивать лишній разъ изъявленій благодарности Мортена и повернулъ назадъ.

Утромъ, еще до восхода солнца, онъ связалъ свой узелокъ, взялъ съ собой корзинку со съѣстными припасами и сошелъ съ дюнъ на самый берегъ; тамъ идти было легче, чѣмъ по глубокому песку, да и ближе: онъ хотѣлъ пройти сначала въ Фьяльтрингъ къ торговцу угрями, благо обѣщалъ навѣстить его.

Ярко синѣла блестящая поверхность моря; берегъ былъ усѣянъ ракушками и раковинками; игрушки, забавлявшія его въ дѣтствѣ, такъ и хрустѣли подъ его ногами. Вдругъ изъ носу у него брызнула кровь,—пустячное обстоятельство, но и оно, случается, пріобрѣтаетъ важное значеніе. Двѣ, три крупныя капли упали на рукавъ его рубашки. Онъ затеръ ихъ, остановилъ кровь и почувствовалъ, что отъ кровотеченія ему стало какъ-то легче и въ головѣ, и на сердцѣ. Въ пескѣ выросъ кустикъ морской капусты; онъ отломилъ вѣточку и воткнулъ ее въ свою шляпу. „Смѣло, весело впередъ! Бѣлый свѣтъ посмотрѣть, выглянуть изъ дома—какъ говорили угри. Берегитесь людей! Они злые, убьютъ васъ, разрѣжутъ и зажарятъ на сковородѣ!“ повторилъ онъ про себя и разсмѣялся:

„Ну я-то сумѣю сберечь свою шкуру! Смѣлость города беретъ!“

Солнце стояло уже высоко, когда онъ подошелъ къ узкому проливу, соединявшему западное море съ Ниссумфіордомъ. Оглянувшись назадъ, онъ увидалъ вдали двухъ верховыхъ, а на нѣкоторомъ разстояніи за ними еще нѣсколькихъ пѣшихъ людей; всѣ они, видимо, спѣшили. Ну да ему-то что за дѣло?

Лодка была у другого берега; Юргенъ кликнулъ перевозчика; отчалили, но не успѣли выѣхать на середину пролива, какъ мчавшіеся во весь опоръ верховые доскакали до берега и принялись кричать, приказывая Юргену именемъ закона вернуться обратно. Юргенъ въ толкъ не могъ взять, что имъ отъ него надо, но разсудилъ, что лучше всего вернуться, самъ взялся за одно весло и принялся грести обратно къ берегу. Едва лодка причалила, люди, толпившіеся на берегу, вскочили въ нее и скрутили Юргену руки веревкою; онъ и опомниться не успѣлъ.

— Погоди! Поплатишься головой за свое злодѣйство!— сказали они.—Хорошо, что мы поймали тебя!

Обвиняли его ни больше, ни меньше, какъ въ убійствѣ: Мортена нашли съ перерѣзаннымъ горломъ. Одинъ изъ рыбаковъ встрѣтилъ вчера Юргена поздно вечеромъ на пути къ жилищу Мортена, Юргенъ уже не разъ угрожалъ послѣднему ножомъ—значитъ, онъ и убійца! Слѣдовало крѣпко стеречь его; въ Рингкьёпингѣ—самое вѣрное мѣсто, да не скоро туда доберешься. Дулъ какъ разъ западный вѣтеръ; въ какіе-нибудь полчаса, а то и меньше, можно было переправиться черезъ заливъ и выѣхать на рѣку Скэрумъ, а оттуда ужъ всего четверть мили до Сѣвернаго Восборга, гдѣ тоже есть крѣпкій замокъ съ валами и рвами. Въ лодкѣ былъ вмѣстѣ съ другими братъ старосты, и онъ полагалъ, что имъ разрѣшатъ посадить Юргена въ яму, гдѣ сидѣла вплоть до самой своей казни „Долговязая Маргарита“.

Оправданій Юргена не слушали: капли крови на рубашкѣ уличали его. Самъ-то онъ зналъ, что невиненъ, но другіе этому не вѣрили, и онъ рѣшилъ покориться судьбѣ.

Лодка пристала какъ разъ у того вала, гдѣ возвышался нѣкогда замокъ рыцаря Бугге, и гдѣ останавливались отдохнуть Юргенъ и его родители, на пути на пиръ, на поминки. Ахъ, эти четыре счастливыхъ, свѣтлыхъ дня дѣтства!.. Теперь его вели по той же самой дорогѣ, по тѣмъ же лугамъ, къ Сѣ-

верному Восборгу, гдѣ по прежнему стояла осыпанная цвѣтами бузина и цвѣтущія, душистыя липы. Онъ словно только вчера проходилъ тутъ.

Въ лѣвомъ надворномъ крылѣ замка, подъ одною изъ высокихъ лѣстницъ, открывался спускъ въ низкій сводчатый подвалъ. Оттуда выведена была на казнь „Долговязая Маргарита". Она съѣла пять дѣтскихъ сердецъ и думала, что, если съѣстъ еще два, пріобрѣтетъ умѣнье летать и дѣлаться невидимкою. Въ стѣнѣ была пробита крошечная отдушина, но освѣжающій ароматъ душистыхъ липъ не могъ черезъ нее пробраться. Сырость, плѣсень, голыя доски вмѣсто постели—вотъ что нашелъ Юргенъ въ подвалѣ. Но чистая совѣсть, говорятъ, мягкая подушка, значитъ—Юргену спалось хорошо.

Толстая дверь была заложена тяжелымъ желѣзнымъ болтомъ, но призраки суевѣрія проникаютъ и черезъ замочную скважину, проникаютъ и въ барскія хоромы, и въ рыбачьи хижины, а сюда, къ Юргену, пробирались и подавно. Онъ сидѣлъ и думалъ о „Долговязой Маргаритѣ", о ея злодѣяніи... Въ воздухѣ какъ будто витали еще ея послѣднія мысли, мысли, которымъ она предавалась въ ночь передъ казнью. Приходили Юргену на умъ и разсказы о чудесахъ, какія совершались тутъ при жизни помѣщика Сванведеля: собаку, сторожившую мостъ, каждое утро находили повѣшенною на цѣпи на перилахъ моста. Всѣ эти мрачныя мысли осаждали и пугали Юргена, и лишь одно воспоминаніе озаряло подвалъ солнечнымъ лучомъ—воспоминаніе о цвѣтущей бузинѣ и липахъ.

Впрочемъ, не долго сидѣлъ онъ тутъ; его перевели въ Рингкьёпингъ, въ такое же суровое заточеніе.

Въ тѣ времена было не то, что въ наши; плохо приходилось бѣдному человѣку. У всѣхъ еще въ памяти было, какъ крестьянскіе дворы и цѣлыя селенія обращались въ новыя господскія помѣстья, какъ любой кучеръ или лакей становился судьею и присуждалъ бѣдняка крестьянина за самый ничтожный проступокъ къ лишенію надѣла или къ плетямъ. Кое-что подобное и продолжало еще твориться въ Ютландіи: вдали отъ королевской резиденціи и просвѣщенныхъ блюстителей порядка и права, съ закономъ поступали довольно произвольно. Такъ это было еще спола́горя, что Юргену пришлось потомиться въ заключеніи!

Что за холодъ стоялъ въ помѣщеніи, куда его засадили!

Когда же будетъ конецъ всему этому? Онъ невиненъ, а его предали позору и бѣдствіямъ—вотъ его судьба! Да, тутъ онъ могъ поразмыслить о ней на досугѣ. За что она такъ преслѣдовала его?.. Все выяснится тамъ, въ будущей жизни, которая ждетъ насъ всѣхъ! Юргенъ выросъ съ этою вѣрою. То, чего не могъ уяснить себѣ отецъ, окруженный роскошною, залитою солнцемъ природою Испаніи, то свѣтило отраднымъ лучомъ сыну среди окружавшаго его мрака и холода. Юргенъ твердо уповалъ на милость Божію, а это упованіе никогда не бываетъ обмануто.

Весеннія бури опять давали себя знать. Грохотъ моря слышенъ былъ на много миль кругомъ, даже въ глубинѣ страны, но лишь послѣ того, какъ буря улеглась. Море грохотало, словно катились по твердому, взрытому грунту сотни тяжелыхъ телѣгъ. Юргенъ чутко прислушивался къ этому грохоту, который вносилъ въ его жизнь хоть какое-нибудь разнообразіе. Никакая старинная пѣсня не доходила такъ до его сердца, какъ музыка катящихся волнъ, голосъ бурнаго моря. Ахъ, море, дикое, вольное море! Ты, да вѣтеръ носите человѣка изъ страны въ страну, и всюду онъ носится вмѣстѣ съ домомъ своимъ, какъ улитка, всюду носитъ съ собою часть своей родины, клочокъ родной почвы!

Какъ прислушивался Юргенъ къ глухому ропоту волнъ, и какъ въ немъ самомъ волновались мысли и воспоминанія! „На волю! На волю!“ На волѣ—рай, блаженство, даже если на тебѣ башмаки безъ подошвъ и заплатанное грубое платье! Кровь вскипала въ немъ отъ гнѣва, и онъ ударялъ кулакомъ о стѣну.

Такъ проходили недѣли, мѣсяцы, прошелъ и цѣлый годъ. Вдругъ поймали вора Нильса, по прозванію „барышника“, и для Юргена настали лучшія времена: выяснилось, какъ несправедливо съ нимъ поступили.

Къ сѣверу отъ Рингкъёпинскаго залива была корчма; тамъ-то и встрѣтились вечеромъ, наканунѣ ухода Юргена изъ слободки, Нильсъ и Мортенъ. Выпили по стаканчику, выпили по другому, и Мортенъ не то что-бы опьянѣлъ, а такъ... разошелся больно, далъ волю языку,—разсказалъ, что купилъ домъ и собирается жениться. Нильсъ спросилъ, гдѣ онъ взялъ денегъ, и Мортенъ хвастливо ударилъ по карману:

— Тамъ, гдѣ имъ и слѣдуетъ быть!

Хвастовство стоило ему жизни. Онъ пошелъ домой, Нильсъ

прокрался за нимъ и всадилъ ему въ шею ножъ, чтобы обобрать деньги, которыхъ не было.

Всѣ эти обстоятельства были изложены въ дѣлѣ подробно, но съ насъ довольно знать, что Юргена выпустили на волю. Ну, а чѣмъ же вознаградили его за все, что онъ вытерпѣлъ: годовое заключеніе, холодъ и голодъ, отторженіе отъ людей? Да вотъ, ему сказали, что онъ, слава Богу, невиненъ и можетъ уходить. Бургомистръ далъ ему на дорогу десять марокъ, а нѣсколько горожанъ угостили пивомъ и хорошею закуской. Да, водились тамъ и добрые люди, не все одни такіе, что готовы „заколоть, ободрать, да на сковородку положить!“ Лучше же всего было то, что въ городъ пріѣхалъ въ это время по дѣламъ тотъ самый купецъ Брённе изъ Скагена, къ которому Юргену хотѣлось поступить годъ тому назадъ.

Купецъ узналъ всю исторію и захотѣлъ вознаградить Юргена за все, перенесенное имъ; сердце у старика было доброе, онъ понялъ, чего долженъ былъ натерпѣться бѣдняга и собирался показать ему, что есть на свѣтѣ и добрые люди.

Изъ темницы—на волю, на свѣтъ Божій, гдѣ его ожидали любовь и сердечное участіе! Да, пора ему было испытать и это. Чаша жизни никогда не бываетъ наполнена одною полынью,—такой не поднесетъ ближнему ни одинъ добрый человѣкъ, а ужъ тѣмъ меньше самъ Господь—Любовь Всеобъемлющая.

— Ну, поставь-ка ты надъ всѣмъ этимъ крестъ!—сказалъ купецъ Юргену.—Вычеркнемъ этотъ годъ, какъ будто его и не было, сожжемъ календарь и черезъ два дня—въ путь, въ нашъ мирный, богоспасаемый Скагенъ! Его зовутъ „медвѣжьимъ угломъ“, но это уголокъ уютный, благословенный, съ открытыми окнами на бѣлый свѣтъ!

Вотъ была поѣздка! Юргенъ вздохнулъ полною грудью. Изъ холодной темницы, изъ душнаго, спертаго воздуха, вновь очутиться на яркомъ солнышкѣ!

Верескъ цвѣлъ, вся степь была въ цвѣтахъ; на курганѣ сидѣлъ пастушенокъ и наигрывалъ на самодѣльной дудочкѣ изъ бараньей кости. Фата-Моргана, чудныя воздушныя видѣнія степи: висячіе сады и плавающіе въ воздухѣ лѣса, диковинное колебаніе воздушныхъ волнъ—явленіе, о которомъ крестьяне говорятъ: „Это Локеманъ гонитъ свое стадо“—все это увидѣлъ онъ вновь.

Путь ихъ лежалъ къ Лимфіорду, къ Скагену, откуда вышли

„длиннобородые люди“, Лонгобарды. Въ царствованіе короля Сніо здѣсь былъ голодъ, и порѣшили избить всѣхъ стариковъ и дѣтей, но благородная женщина Гамбарукъ, владѣтельница одного изъ сѣверныхъ помѣстій, предложила лучше выселить молодежь изъ предѣловъ страны. Юргенъ зналъ это преданіе—настолько-то онъ былъ ученъ—и если не зналъ вдобавокъ и самой страны Лонгобардовъ, лежащей за высокими Альпами, то зналъ, по крайней мѣрѣ, на что она приблизительно похожа. Онъ, вѣдь, еще мальчуганомъ побывалъ на югѣ, въ Испаніи и помнилъ сваленные грудами плоды, красныя гранаты, шумъ, гамъ и колокольный звонъ въ огромномъ городѣ, напоминавшемъ собою улей. Но самой лучшей страной остается всетаки родина, а родиной Юргена была Данія.

Наконецъ, они достигли и „Вендиль-Скага“, какъ называется Скагенъ въ старинныхъ норвежскихъ и исландскихъ рукописяхъ. Уже и въ тѣ времена тянулась здѣсь по отмели, вплоть до маяка, необозримая цѣпь дюнъ, прерываемая обработанными полями, и находились города: Старый Скагенъ, Вестербю и Эстербю. Дома и усадьбы и тогда были разсыпаны между наносными, подвижными песчаными холмами, и тогда взметалъ буйный вѣтеръ ничѣмъ неукрѣпленный песокъ, и тогда оглушительно кричали здѣсь чайки, морскія ласточки и дикіе лебеди. Старый Скагенъ, гдѣ жилъ кунецъ Брѣнне и долженъ былъ поселиться Юргенъ, лежитъ на милю юго-западнѣе мыса Скагена. Во дворѣ купца пахло дегтемъ; крышами на всѣхъ надворныхъ строеніяхъ служили перевернутыя кверху дномъ лодки; свиные хлѣва были сколочены изъ корабельныхъ обломковъ; дворъ не былъ огороженъ—не отъ кого и нечего было огораживать, хотя на длинныхъ веревкахъ, развѣшанныхъ одна надъ другою и сушилась распластанная рыба. Весь морской берегъ былъ покрытъ гнилыми сельдями: не успѣвали закинуть въ море неводъ, какъ онъ приходилъ биткомъ набитый сельдями; ихъ и дѣвать было некуда—приходилось бросать обратно въ море или оставлять гнить на берегу.

Жена и дочь купца, и всѣ домочадцы радостно встрѣтили отца и хозяина, пошло пожиманье рукъ, крикъ, говоръ. А что за славное личико и глазки были у дочки купца!

Въ самомъ домѣ было просторно и уютно. На столѣ появились рыбныя блюда,—такія камбалы, какими бы полакомился самъ король! А вина были изъ Скагенскихъ виноградниковъ—

изъ великаго моря: виноградный сокъ притекаетъ въ Скагенъ прямо въ бочкахъ и бутылкахъ.

Когда же мать и дочь узнали, кто такой Юргенъ, услышали, какъ жестоко и безвинно пришлось ему пострадать, онѣ стали глядѣть на него еще ласковѣе; особенно ласково смотрѣла дочка, милая Клара. Юргенъ нашелъ въ Старомъ Скагенѣ уютный, славный семейный очагъ; теперь сердце его могло успокоиться, а много таки этому бѣдному сердцу пришлось извѣдать, даже горечь несчастной любви, которая либо ожесточаетъ его, либо дѣлаетъ еще мягче, чувствительнѣе. Сердце Юргена не ожесточилось, оно было еще молодо, и теперь въ немъ оставалось незанятое мѣстечко. Кстати поэтому подоспѣла поѣздка Клары въ гости къ теткѣ, въ Христіанзандъ, въ Норвегію. Она собиралась отправиться туда на кораблѣ недѣли черезъ три и прогостить тамъ всю зиму.

Въ послѣднее воскресенье передъ отъѣздомъ Клары всѣ отправились въ церковь причащаться. Церковь была большая, богатая; построили ее нѣсколько столѣтій тому назадъ шотландцы и голландцы; недалеко отъ нея выстроился и самый городъ. Церковь уже нѣсколько обветшала, а дорога къ ней вела очень тяжелая, съ холма на холмъ, то вверхъ, то внизъ, по глубокому песку, но жители всетаки охотно шли въ Божій храмъ пропѣть псалмы и послушать проповѣдь. Песочные заносы достигали уже вершины кладбищенской ограды, но могилы постоянно очищались.

Это была самая большая церковь къ сѣверу отъ Лимфіорда. На алтарѣ словно живая стояла Божья Матерь съ Младенцемъ на рукахъ; на хорахъ помѣщались рѣзныя деревянныя изображенія апостоловъ, а на верху, по стѣнамъ, висѣли портреты старыхъ скагенскихъ бургомистровъ и судей; подъ каждымъ портретомъ красовалась условная подпись даннаго лица. Каѳедра тоже была вся рѣзная. Солнце весело играло на мѣдной люстрѣ и на маленькомъ корабликѣ, подвѣшенномъ къ потолку.

Юргена охватило то же чувство дѣтскаго благоговѣнія, которое онъ испыталъ еще мальчикомъ въ богатомъ соборѣ въ Испаніи, но здѣсь къ этому чувству присоединялось еще сознаніе, что и онъ принадлежитъ къ паствѣ.

Послѣ проповѣди началось причащеніе. Юргенъ тоже вкусилъ хлѣба и вина, и случилось такъ, что онъ преклонилъ колѣна какъ разъ рядомъ съ Кларою. Но мысли его были обращены къ Богу, онъ всецѣло былъ занятъ совершавшимся таин-

ствомъ и замѣтилъ кто была его сосѣдка только тогда, когда уже всталъ съ колѣнъ. Взглянувъ на нее, онъ увидалъ, что по щекамъ ея струились слезы.

Два дня спустя, она уѣхала въ Норвегію, а Юргенъ продолжалъ исправлять разныя работы по дому, участвовалъ и въ рыбной ловлѣ, а въ тѣ времена тамъ таки было что ловить, побольше, чѣмъ теперь. Стада макрелей оставляли за собою по ночамъ свѣтящійся слѣдъ, выдававшій ихъ движенія подъ водою; керцы *) хрипѣли, а крабы издавали жалобный вой, когда попадались ловцамъ; рыбы вовсе не такъ нѣмы, какъ о нихъ разсказываютъ. Вотъ Юргенъ, тотъ былъ помолчаливѣе ихъ, хранилъ свою тайну глубоко въ сердцѣ, но когда-нибудь и ей суждено было всплыть наружу.

Сидя по воскресеньямъ въ церкви, онъ набожно устремлялъ взоры на изображеніе Божьей Матери, красовавшееся на алтарѣ, но иногда переводилъ ихъ не надолго и на то мѣсто, гдѣ стояла рядомъ съ нимъ на колѣняхъ Клара. Она не выходила у него изъ головы... Какъ она была добра къ нему!

Вотъ и осень пришла; сырость, мгла, слякоть... Вода застаивалась на улицахъ города, песокъ не успѣвалъ ее всасывать, и жителямъ приходилось пускаться по улицамъ вбродъ, если не вплавь. Бури разбивали о смертоносные рифы корабль за кораблемъ. Начались снѣжныя и песочныя мятели; песокъ заносилъ дома, и обывателямъ приходилось зачастую вылѣзать изъ нихъ черезъ дымовыя трубы, но имъ это было не въ диковинку. Зато въ домѣ купца было тепло и уютно; весело трещалъ въ очагѣ торфъ и корабельные обломки, а самъ купецъ громко читалъ изъ старинной хроники сказаніе о датскомъ принцѣ Амлетѣ, вернувшемся изъ Англіи и давшемъ битву у Бовбьерга. Могила его находится близъ Раммэ, всего миляхъ въ двухъ отъ того мѣста, гдѣ жилъ старый торговецъ угрями; въ необозримой степи возвышались сотни кургановъ; степь являлась огромнымъ кладбищемъ. Купецъ Брённе самъ бывалъ на могилѣ Амлета. Наскучитъ читать, принимались за бесѣду; толковали о старинѣ, о сосѣдяхъ англичанахъ и шотландцахъ, и Юргенъ пѣлъ старинную пѣсню „объ англійскомъ королевичѣ“, о томъ, какъ былъ разубранъ корабль:

*) Рыба (cottus scorpius). *Примѣч. перев.*

„Борта золоченые ярко сіяютъ,
Написано слово Господне на нихъ;
А носъ корабля галліонъ украшаетъ:
Принцъ дѣвицу держитъ въ объятьяхъ своихъ“.

Эту пѣсню Юргенъ пѣлъ съ особеннымъ чувствомъ; глаза его такъ и блестѣли; они ужъ съ самаго рожденья были у него такіе черные, блестящіе.

Итакъ—пѣли, читали; въ домѣ царила тишь да гладь, да Божья благодать; всѣ чувствовали себя, какъ въ родной семьѣ, даже домашнія животныя. А ужъ что за порядокъ былъ въ домѣ, что за чистота! На полкахъ блестѣла ярко вычищенная оловянная посуда, къ потолку были подвѣшены колбасы и окорока—обильные зимніе запасы. Въ наши времена все это можно увидать на западномъ берегу Ютландіи у многихъ крестьянъ: такое же обиліе съѣстныхъ припасовъ, такое же убранство въ горницахъ, веселье и здравый смыслъ; вообще дѣла у нихъ поправились. И гостепріимство здѣсь царитъ такое же, какъ въ шатрахъ арабовъ.

Никогда еще не жилось Юргену такъ хорошо, такъ весело, если не считать тѣхъ веселыхъ четырехъ дней дѣтства, проведенныхъ въ гостяхъ на поминкахъ. А между тѣмъ здѣсь еще не было Клары; то-есть не было ея дома, а въ мысляхъ и разговорахъ она присутствовала постоянно.

Въ апрѣлѣ купецъ рѣшилъ послать въ Норвегію свое судно; на немъ отправлялся и Юргенъ. Вотъ-то повеселѣлъ онъ! Ну, да и въ тѣлѣ онъ за это время поправился, какъ говорила сама матушка Брённе; пріятно было взглянуть на него.

— И на тебя тоже!—сказалъ ей мужъ.—Юргенъ оживилъ наши зимніе вечера, да и тебя, старушка! Ты даже помолодѣла за этотъ годъ. Ишь, какая стала—любо посмотрѣть! Ну да, вѣдь, ты и была когда-то первою красавицей въ Виборгѣ, а это много значитъ: нигдѣ я не видалъ такихъ красивыхъ дѣвушекъ, какъ тамъ.

Юргенъ не проронилъ ни слова—да и не слѣдовало—а только подумалъ объ одной дѣвушкѣ изъ Скагена. Къ ней-то онъ и отправлялся теперь. Судно, подгоняемое свѣжимъ вѣтромъ, пробыло въ пути всего полдня.

Рано утромъ купецъ Брённе отправился на маякъ, что возвышается далеко въ морѣ, близъ самой крайней точки мыса

Скагена. Когда онъ поднялся на вышку, огонь былъ уже давно потушенъ, солнце стояло высоко. На цѣлую милю отъ берега тянулись въ морѣ песчаныя мели. На горизонтѣ показалось въ этотъ день много кораблей, и купецъ надѣялся съ помощью подзорной трубы отыскать между ними и свою „Каренъ Брённе“. Въ самомъ дѣлѣ, она приближалась; на ней были и Клара съ Юргеномъ. Вотъ они уже увидѣли вдали Скагенскій маякъ и церковную колокольню, казавшіеся издали цаплей и лебедемъ на голубой водѣ. Клара сидѣла у борта и смотрѣла, какъ на горизонтѣ вырисовывались одна за другою родныя дюны. Продолжай дуть попутный вѣтеръ, они бы меньше, чѣмъ черезъ часъ, были дома. Такъ близка была радость встрѣчи—такъ близокъ былъ и ужасный часъ смерти.

Въ одномъ изъ боковъ судна сдѣлалась пробоина, и вода хлынула въ трюмъ. Бросились выкачивать воду, затыкать отверстіе, подняли всѣ паруса, выкинули флагъ, означавшій, что судно въ опасности. До берега оставалось плыть всего какую-нибудь милю, вдали уже показались рыбачьи лодки, спѣшившія на помощь, вѣтеръ гналъ судно къ берегу, теченіе помогало, но судно погружалось въ воду съ ужасающею быстротою. Юргенъ обвилъ правою рукою станъ Клары.

Какъ она посмотрѣла ему въ глаза передъ тѣмъ, какъ онъ, призывая имя Божіе, бросился съ нею въ волны! Она вскрикнула, но ей нечего было бояться,—онъ не выпуститъ ея.

„Принцъ дѣвицу держитъ въ объятьяхъ своихъ!“

Юргенъ тоже рѣшился на это въ часъ страшной опасности. Умѣнье плавать пригодилось ему теперь; онъ то работалъ обѣими ногами и свободною рукой,—другою онъ крѣпко прижималъ къ себѣ дѣвушку—то отдавался теченію, лишь слегка шевеля ногами, словомъ, пользовался всѣми пріемами, какіе зналъ, чтобы сберечь силы и достигнуть берега. Вдругъ, онъ почувствовалъ, что Клара глубоко вздохнула и судорожно затрепетала... Онъ прижалъ ее къ себѣ еще крѣпче. Волны перекатывались черезъ ихъ головы; теченіе подымало ихъ; вода была такъ чиста и прозрачна. Одну минуту ему казалось, что онъ видитъ въ глубинѣ стадо блестящихъ макрелей или, можетъ быть, это было само морское чудовище, готовившееся поглотить ихъ?.. Облака, проплывая по небу, бросали на воду легкую тѣнь, потомъ на ней опять играли лучи солнца. Стаи птицъ съ

крикомъ носились надъ головой Юргена; сонливо покачивавшіяся на волнахъ дикія утки при его приближеніи испуганно взлетали кверху. А силы пловца все падали... Онъ чувствовалъ это; до берега оставалось плыть еще немало, но помощь была близка, лодка подходила. Вдругъ онъ ясно увидалъ подъ водою бѣлую, смотрѣвшую на него въ упоръ, фигуру... Волна подхватила его, фигура приблизилась... Онъ почувствовалъ ударъ... все померкло въ глазахъ!..

На рифѣ подъ водою засѣлъ обломокъ корабля съ галліономъ, изображавшимъ женщину, опиравшуюся на якорь. Объ его то остріе, торчавшее кверху, и ударился Юргенъ, подгоняемый теченіемъ. Безъ чувствъ погрузился онъ въ воду вмѣстѣ со своею ношей, но слѣдующая волна опять вскинула ихъ кверху.

Рыбаки втащили обоихъ въ лодку; лицо Юргена было все въ крови; онъ лежалъ, какъ мертвый, но дѣвушку держалъ такъ крѣпко, что ее едва высвободили у него изъ рукъ. Безжизненную, блѣдную положили ее на дно лодки, направлявшейся къ Скагену.

Были пущены въ ходъ всѣ средства, но вернуть Клару къ жизни не удалось. Давно уже плылъ Юргенъ съ трупомъ въ объятіяхъ, боролся и изнемогалъ, спасая мертвую.

А самъ Юргенъ еще дышалъ, и его отнесли въ ближайшій домъ за дюнами. Какой-то фельдшеръ, бывшій въ то же время и кузнецомъ и мелочнымъ торговцемъ, перевязалъ его рану въ ожиданіи лекаря, за которымъ послали въ Гьёррингъ.

У больного былъ затронутъ мозгъ; онъ лежалъ въ бреду, испуская дикіе крики, но на третій день впалъ въ забытье. Жизнь, казалось, висѣла въ немъ на волоскѣ и, по словамъ лекаря, лучше было бы если бы волосокъ этотъ порвался.

— Дай Богъ, чтобы онъ умеръ! Ему не бывать больше человѣкомъ!

Но онъ не умеръ, волосокъ не порвался; зато порвалась нить воспоминаній, были подрѣзаны въ корнѣ всѣ умственныя способности—вотъ что ужасно! Осталось одно тѣло, которое готовилось выздоровѣть и жить по своему.

Купецъ Брённе взялъ Юргена къ себѣ.

— Онъ пострадалъ, спасая наше дитя!—сказалъ старикъ.— Теперь онъ нашъ сынъ.

Юргена стали звать полоумнымъ. Но это было несовсѣмъ

вѣрно; онъ походилъ на инструментъ съ ослабѣвшими, переставшими звучать, струнами. Лишь на какое-нибудь мгновеніе, въ рѣдкія минуты, онѣ обрѣтали прежнюю упругость и звучали, да и то раздавалось всего нѣсколько отдѣльныхъ аккордовъ старыхъ мелодій. Картины прошлаго всплывали и опять исчезали, и Юргенъ снова сидѣлъ, безсмысленно впоривъ въ пространство неподвижный взоръ. Надо думать, что онъ, по крайней мѣрѣ, не страдалъ. Черные глаза утратили свой блескъ, смотрѣли безжизненными, тусклыми.

„Бѣдный, слабоумный Юргенъ!“ говорили про него.

Такъ вотъ до чего дожило дитя, которое мать носила подъ сердцемъ для жизни, столь богатой счастьемъ, что было бы „непростительной гордостью желать, не говоря уже—ожидать за предѣлами ея другой!“ Итакъ, всѣ богатыя способности души пошли прахомъ? Нужда, горе и бѣдствіе были его удѣломъ; онъ, какъ роскошная цвѣточная луковица, былъ выдернутъ изъ богатой почвы и брошенъ на песокъ—гнить! Развѣ не достойно было лучшей участи твореніе, созданное „по образу и подобію“ самого Бога? Развѣ все на свѣтѣ лишь игра пустыхъ случайностей? Нѣтъ! Милосердный Господь несомнѣнно готовилъ ему въ другой жизни награду за все, что онъ выстрадалъ въ этой. „Милосердіе Божіе превыше всѣхъ дѣлъ Его!“ Эти слова псалмопѣвца съ вѣрою повторяла благочестивая жена купца, и сердечною молитвой ея была молитва о скорѣйшемъ переселеніи Юргена въ царство Божьей милости, гдѣ царитъ вѣчная жизнь.

Клару похоронили на кладбищѣ, которое все больше и больше заносило пескомъ. Но Юргенъ, казалось, и не сознавалъ этого; это не входило въ узкую сферу его мыслей; онѣ ловили только обрывки прошлаго. Каждое воскресенье сопровождалъ онъ семейство купца въ церковь и сидѣлъ смирно, уставившись передъ собою безсмысленнымъ взоромъ. Но однажды, слушая пѣніе псалмовъ, онъ вздохнулъ, глаза его заблестѣли и остановились на томъ мѣстѣ близъ алтаря, гдѣ онъ годъ тому назадъ стоялъ на колѣняхъ рядомъ со своею умершею возлюбленною. Онъ назвалъ ея имя, поблѣднѣлъ, какъ полотно, и заплакалъ.

Ему помогли выйти изъ церкви, и онъ сказалъ, что ему совсѣмъ хорошо. Онъ уже не помнилъ, чтó съ нимъ случилось, не помнилъ ничего. Да, Господь тяжко испытывалъ его! Но можетъ-ли кто сомнѣваться въ мудрости и милосердіи Творца Нашего? Наше сердце, нашъ разумъ говорятъ намъ о Его муд-

рости и милосердіи, а Библія подтверждаетъ: „Милосердіе Его превыше всѣхъ дѣлъ Его!"

А въ Испаніи, гдѣ теплый вѣтерокъ ласкаетъ апельсинныя и лавровыя деревья, вѣетъ на мавританскіе золоченые куполы, гдѣ льются звуки пѣсенъ, щелкаютъ кастаньеты, гдѣ по улицамъ движутся процессіи дѣтей со свѣчами и развѣвающимися знаменами, сидѣлъ въ роскошномъ домѣ бездѣтный старикъ, богатѣйшій купецъ. Чего ни отдалъ бы онъ изъ своего богатства, чтобы только вернуть своихъ дѣтей, дочь или ея ребенка, которому, можетъ быть, и не суждено было увидѣть свѣта, а слѣдовательно и жизни вѣчной? „Бѣдное дитя!"

Да, бѣдное дитя! Именно дитя, хотя ему и шелъ уже тридцатый годъ; вотъ, до какого возраста дожилъ Юргенъ въ Скагенѣ.

Песочные заносы уже покрывали кладбище до самой стѣны церкви, но умирающіе все же хотѣли быть погребенными рядомъ съ ранѣе отошедшими въ вѣчность, родными и милыми ихъ сердцу. Купецъ Брённе и его жена тоже легли подъ бѣлый песокъ возлѣ своей дочери.

Пришла весна, время бурь; дюны курились, море высоко вздымало волны, птицы тучами летали надъ дюнами, испуская крики. О рифы разбивался корабль за кораблемъ.

Однажды вечеромъ, Юргенъ сидѣлъ въ комнатѣ одинъ, и въ его груди вдругъ вспыхнуло какое-то безпокойное влеченіе, стремленіе вдаль, которое такъ часто увлекало его еще въ дѣтствѣ изъ дома на дюны и въ степь.

— Домой, домой!—твердилъ онъ; никто не слышалъ его; онъ вышелъ изъ дома и направился на дюны; песокъ и мелкіе камешки летѣли ему въ лицо, крутились вокругъ него столбами. Вотъ, онъ дошелъ до церкви. Песокъ занесъ всю стѣну и даже окна до половины, но проходъ къ дверямъ былъ прочищенъ. Двери не были заперты и легко отворились; Юргенъ вошелъ.

Вѣтеръ вылъ надъ городомъ; разразился страшный ураганъ, какого не запомнили жители, но Юргенъ былъ уже въ домѣ Божіемъ. Вокругъ стояла темная ночь, а на душѣ у него было свѣтло, въ ней разгорался духовный огонь, который никогда не потухаетъ совсѣмъ. Онъ почувствовалъ, что тяжелая глыба, давившая его голову, вдругъ съ трескомъ свалилась. Ему чудились звуки органа, но это выла буря и стонало море. Юргенъ сѣлъ на свое мѣсто; церковь освѣтилась огнями; одна свѣча вспыхивала за другою; такой блескъ онъ видѣлъ только разъ

въ жизни, въ испанскомъ соборѣ. Старые портреты бургомистровъ и судей ожили, сошли со стѣнъ, гдѣ висѣли годы, и заняли мѣста на хорахъ. Церковныя ворота и двери растворились, и вошли всѣ умершіе прихожане въ праздничныхъ платьяхъ, какія носили въ ихъ время. Они шествовали подъ звуки чудной музыки и усаживались на свои мѣста. Хоръ запѣлъ псалмы; мощными волнами полились звуки. Старики, пріемные родители Юргена, купецъ Брённе съ женою, тоже были тутъ, а рядомъ съ Юргеномъ сидѣла и милая, любящая дочь ихъ Клара. Она протянула Юргену руку, и они пошли вмѣстѣ къ алтарю, преклонили колѣна, и священникъ соединилъ ихъ руки, благословилъ ихъ жить въ мирѣ и любви!.. Раздались звуки трубъ; полные звуки блаженно рыдали, словно сотни дѣтскихъ голосовъ, разростались въ мощные, возвышающіе душу, бурные аккорды органа, и снова переходили въ нѣжные, чарующіе, но вмѣстѣ съ тѣмъ способные потрясти могильные склепы!

Корабликъ, что висѣлъ подъ потолкомъ, спустился внизъ, сталъ вдругъ такимъ большимъ, великолѣпно разубраннымъ, съ шелковыми парусами, золочеными реями, золотыми якорями и шелковыми канатами, какъ тотъ корабль, о которомъ поется въ старинной пѣснѣ. Новобрачные взошли на корабль, всѣ остальные прихожане—за ними; всѣмъ нашлось мѣсто, всѣмъ было хорошо. Стѣны и своды церковные зацвѣли, какъ бузина и душистыя липы, и ласково протянули къ кораблю свои вѣтви и листья, сплелись надъ нимъ зеленою бесѣдкою. Корабль поднялся и поплылъ по воздуху. Всѣ свѣчи въ церкви превратились въ звѣздочки, вѣтеръ пѣлъ псалмы, пѣли и самыя небеса: „Любовь! Блаженство! Ни одна жизнь не погибнетъ, но спасется! Блаженство! Аллилуйя!..“ Слова эти и были послѣдними словами Юргена: порвалась нить, удерживавшая безсмертную душу... Въ темной церкви лежало только безжизненное тѣло, а вокругъ нея по прежнему бушевала буря, вихремъ крутился песокъ.

Слѣдующій день былъ воскресный; утромъ прихожане и священникъ отправились въ храмъ. Трудно было туда пробираться; дорога сдѣлалась почти непроходимою. Наконецъ, добрались, но... церковныя двери оказались заваленными пескомъ; передъ ними возвышался цѣлый холмъ. Священникъ прочелъ краткую молитву и сказалъ, что Господь закрылъ для нихъ дверь

этого Своего дома, и имъ надо воздвигнуть Ему въ другомъ мѣстѣ новый.

Пропѣли псаломъ и разошлись по домамъ.

Юргена не нашли ни въ городѣ, ни на дюнахъ, гдѣ ни искали, и рѣшили, что его смыло волнами.

А его тѣло почивало въ грандіозной гробницѣ—въ самомъ храмѣ. Господь повелѣлъ бурѣ забросать его гробъ землею, и онъ остается подъ тяжелымъ песчанымъ покровомъ и понынѣ.

Пески покрыли величественные своды храма, и надъ нимъ растутъ теперь тернъ и дикія розы. Изъ песковъ выглядываетъ лишь одна колокольня—величественный памятникъ надъ могилой Юргена, видный издали за нѣсколько миль. Ни одинъ король не удостаивался болѣе великолѣпнаго памятника! Никто не нарушитъ покоя умершаго; никто и не знаетъ, или по крайней мѣрѣ не зналъ до сихъ поръ, гдѣ онъ погребенъ. Мнѣ же разсказалъ обо всемъ вѣтеръ, разгуливающій надъ дюнами.

ДИРЕКТОРЪ КУКОЛЬНАГО ТЕАТРА.

Въ числѣ пассажировъ на пароходѣ находился пожилой господинъ; лицо у него было такое веселое, довольное, что—не лги оно только—обладателя его приходилось признать счастливѣйшимъ человѣкомъ на свѣтѣ. Да такъ оно и было,—онъ самъ сказалъ мнѣ это. Оказался онъ моимъ землякомъ, датчаниномъ и директоромъ странствующей труппы. Всю трупу онъ возилъ съ собою—въ большомъ сундукѣ: онъ былъ директоромъ кукольнаго театра. Природный веселый нравъ господина директора прошелъ черезъ горнило испытанія и закалился, благодаря эксперименту одного политехника. Послѣдній превратилъ директора въ истиннаго счастливца. Сразу я не смекнулъ, въ чемъ было дѣло; тогда онъ подробно разсказалъ мнѣ всю исторію. Вотъ она.

— Дѣло было въ городѣ Слагельсе,—разсказывалъ онъ.—Я давалъ представленіе въ залѣ на почтовой станціи; сборъ былъ полный, публика блестящая, но совсѣмъ зеленая, за исключеніемъ двухъ-трехъ пожилыхъ матронъ. Вдругъ, входитъ господинъ, въ черной парѣ, съ виду студентъ, садится и гдѣ слѣдуетъ смѣется, гдѣ слѣдуетъ аппплодируетъ!.. Зритель не изъ обыкновенныхъ! Я захотѣлъ узнать, кто онъ такой. Слышу—

кандидатъ политехническихъ наукъ, командированный въ провинцію просвѣщать народъ. Въ восемь часовъ вечера представленіе мое кончилось,—дѣтямъ надо, вѣдь, ложиться спать пораньше, а мое дѣло заботиться объ удобствахъ публики. Въ девять часовъ началъ читать лекцію и показывать свои опыты кандидатъ, и теперь я превратился въ слушателя. Да оно и стоило послушать и поглядѣть! Правда, большую часть лекціи впору было понять развѣ пастору—какъ это у насъ говорится—но все же я кое-что понялъ, а главное, усвоилъ себѣ мысль, что если мы, люди, способны додуматься до такихъ вещей, то должны годиться кое-на что и послѣ того, какъ насъ упрячутъ въ землю. Кандидатъ положительно дѣлалъ маленькія чудеса, но все выходило у него такъ просто, естественно! Во времена Моисея и пророковъ такой политехникъ прослылъ бы за одного изъ первыхъ мудрецовъ, а въ средніе вѣка его бы прямо сожгли! Всю ночь я не могъ заснуть; на другой день вечеромъ я опять давалъ представленіе; кандидатъ снова присутствовалъ, и я былъ, что называется, въ ударѣ. Я слышалъ отъ одного актера, что онъ, играя роли „первыхъ любовниковъ“, всегда имѣлъ въ виду одну изъ зрительницъ, для нея одной и игралъ, забывая всѣхъ остальныхъ. Такою „зрительницей“ сталъ для меня кандидатъ; для него я и игралъ. Представленіе кончилось, всю мою трупу вызвали, а меня кандидатъ пригласилъ къ себѣ роспить съ нимъ въ компаніи бутылочку вина. Онъ говорилъ о моемъ театрѣ, а я—о его наукѣ, и думаю, что оба мы были одинаково довольны другъ другомъ, но я въ своемъ дѣлѣ всетаки перещеголялъ его: онъ-то многихъ изъ своихъ фокусовъ и самъ объяснить не могъ. Почему, напримѣръ, желѣзная пластинка, пропущенная сквозь спираль, намагничивается? Она словно одухотворяется, но какъ, чѣмъ? Вотъ, и съ людьми тоже самое, думается мнѣ: Создатель пропускаетъ ихъ черезъ спираль времени, на нихъ нисходитъ духъ, и вотъ вамъ—Наполеонъ, Лютеръ или кто-нибудь другой въ этомъ родѣ. „Міръ—рядъ чудесъ“, сказалъ мой кандидатъ: „но мы такъ привыкли къ нимъ, что зовемъ ихъ обыденными явленіями“. И онъ пустился въ объясненія; подъ конецъ мнѣ стало казаться, что мнѣ какъ будто приподняли темя, и мозговое помѣщеніе мое расширилось! Я сознался, что, не уйди уже мое время, я бы сейчасъ же поступилъ въ политехническій институтъ, учиться разбирать міръ по косточкамъ, даромъ что я и безъ того одинъ изъ счастли-

вѣйшихъ людей на свѣтѣ! „Одинъ изъ счастливѣйшихъ людей!“ повторилъ кандидатъ, словно смакуя мои слова. „Такъ вы счастливы?“ — „Да!“ отвѣтилъ я: „я счастливъ; меня съ моей труппой принимаютъ отлично во всѣхъ городахъ. Правда, есть у меня одно желаніе, которое иногда дразнитъ меня, какъ бѣсенокъ, и смущаетъ мой веселый нравъ... Мнѣ бы хотѣлось стать директоромъ настоящей труппы!“ — „Вы хотѣли бы оживить своихъ маріонетокъ? Желали бы, чтобы онѣ сдѣлались настоящими актерами, а вы директоромъ настоящей труппы?“ спросилъ меня кандидатъ. „Вы думаете, что будете тогда вполнѣ счастливы?“

Самъ онъ этого не думалъ, а я думалъ, и мы долго спорили, но каждый остался при своемъ мнѣніи. Разговаривая, мы не переставали чокаться; вино было доброе, но не простое, что ни говори; иначе пришлось бы объяснить всю исторію тѣмъ, что я по просту наклюкался! Но пьянъ я не былъ, ни-ни!.. Вдругъ вижу, всю комнату точно озарило солнцемъ; лицо кандидата такъ и свѣтится. Мнѣ сейчасъ вспомнились сказанія о вѣчно юныхъ богахъ древности, разгуливавшихъ по свѣту. Я сказалъ ему объ этомъ, онъ улыбнулся, и я готовъ былъ поклясться, что передо мною сидитъ самъ переодѣтый богъ или одинъ изъ сродниковъ боговъ. Такъ оно и было, и вотъ, желанію моему суждено было исполниться, куклы должны были сдѣлаться живыми людьми, а я — настоящимъ директоромъ. По этому случаю мы выпили еще; потомъ кандидатъ запряталъ всѣхъ моихъ куколъ въ сундукъ, привязалъ его къ моей спинѣ и пропустилъ меня черезъ спираль. Я и теперь еще слышу, какъ я шлепнулся на полъ!

Въ самомъ дѣлѣ, я лежалъ на полу, а вся моя труппа выпрыгнула изъ ящика. Куклы превратились въ замѣчательныхъ артистовъ, — это онѣ сами мнѣ сказали — а я былъ ихъ директоромъ. Все было готово къ первому представленію, но вся труппа желала поговорить со мною, публика тоже. Первая танцовщица заявила, что, если она не будетъ стоять на одной ножкѣ, сборы падутъ; она являлась главнымъ лицомъ въ труппѣ и требовала соотвѣтственнаго обращенія съ собою. Кукла, игравшая королевъ, желала, чтобы съ нею и внѣ сцены обходились, какъ съ королевой, — иначе она отвыкнетъ отъ своего амплуа! Выходной актеръ, являвшійся съ письмами, воображалъ себя такою же артистическою величиною, какъ и первый любовникъ: нѣтъ ни ма-

лыхъ, ни великихъ актеровъ, всѣ одинаково важны въ смыслѣ сценическаго ансамбля! Трагикъ же требовалъ, чтобы вся его роль сплошь состояла изъ однихъ сильныхъ мѣстъ: за ними, вѣдь, слѣдуютъ аплодисменты и вызовы. Примадонна хотѣла играть только при красномъ бенгальскомъ освѣщеніи,—это ей шло, а голубое было не къ лицу. Словомъ, всѣ жужжали, точно мухи въ бутылкѣ, а въ серединѣ ея сидѣлъ я самъ—я былъ директоромъ! Дыханье спиралось у меня въ груди, голова кружилась, я очутился въ самомъ жалкомъ положеніи, въ какое только можетъ попасть человѣкъ: меня окружала совсѣмъ новая порода людей! Я отъ души желалъ упрятать ихъ всѣхъ опять въ сундукъ и во-вѣки не бывать настоящимъ директоромъ! Я и сказалъ имъ прямо, что всѣ они въ сущности только маріонетки, а они за это избили меня до полусмерти. Очнулся я на своей постели, въ своей комнатѣ. Какъ я попалъ туда отъ кандидата, знаетъ онъ, а не я. Мѣсяцъ свѣтилъ прямо на полъ, а на полу валялся опрокинутый сундукъ и вокругъ него всѣ мои куклы, малыя и большія—вся труппа! Я зѣвать не сталъ, спрыгнулъ съ постели, побросалъ ихъ всѣхъ въ сундукъ, которыхъ ногами внизъ, которыхъ головой, захлопнулъ крышку и самъ усѣлся на нее. Вотъ-то была картина! Можете вы себѣ представить ее? Я могу. „Ну-съ, теперь вы останетесь тамъ!“ сказалъ я кукламъ: „а я никогда больше не пожелаю оживить васъ!“ На душѣ у меня стало такъ легко, я опять былъ счастливѣйшимъ человѣкомъ. Кандидатъ политехническихъ наукъ просвѣтилъ меня. Я былъ до того счастливъ, что, какъ сидѣлъ на сундукѣ, такъ и заснулъ. Утромъ—скорѣе, впрочемъ, въ полдень, я непостижимо долго спалъ въ этотъ день!—я проснулся и увидалъ, что все еще сижу на сундукѣ. Теперь я былъ вполнѣ счастливъ: я убѣдился, что мое прежнее желаніе было просто глупостью. Я справился о кандидатѣ, но онъ исчезъ, какъ исчезали греческіе и римскіе боги. Съ тѣхъ поръ я и остаюсь счастливѣйшимъ человѣкомъ. Ну, не счастливый-ли я въ самомъ дѣлѣ директоръ? Труппа моя не разсуждаетъ, публика тоже, а забавляется себѣ отъ всей души. И я свободно могу самъ сочинять для себя пьесы. Изъ всѣхъ пьесъ я беру, что хочу, самое лучшее, и никто не въ претензіи. Есть такія пьесы, которыми теперь директора большихъ театровъ пренебрегаютъ, но которыя лѣтъ тридцать тому назадъ давали полные сборы, заставляли публику проливать слезы; я даю эти пьесы на своей сценѣ, и малыши

плачутъ, какъ бывало плакали ихъ папаши и мамаши. Я даю „Іоганну Монфоконъ“ и „Дювеке“—конечно, въ сокращенномъ видѣ: малыши не любятъ длинной любовной канители; имъ хоть несчастливо, да скоро. Такъ-то изъѣздилъ я всю Данію и вдоль и поперекъ, знаю всѣхъ, и меня знаютъ всѣ. Теперь вотъ направляюсь въ Швецію; посчастливится мнѣ тамъ, наживу деньжонокъ—сдѣлаюсь скандинавомъ *), а иначе—нѣтъ; говорю вамъ откровенно, какъ своему земляку!

А я, въ качествѣ таковаго, конечно, не замедлилъ разсказать о своей встрѣчѣ вамъ; такая ужъ у меня повадка—разсказывать.

ДВА БРАТА.

На одномъ изъ датскихъ острововъ, гдѣ среди хлѣбныхъ полей лежатъ полукругами камни, обозначающіе мѣста древнихъ „тинговъ“ **), а въ лѣсахъ зеленѣютъ мощные буки, есть городокъ; застроенъ онъ низенькими домишками, крытыми красною черепицей. Въ одномъ изъ домиковъ на очагѣ пылали уголья и стряпалось что-то диковинное: въ стеклянныхъ сосудахъ что-то варилось, что-то такое мѣшали, перегоняли, въ ступкѣ толклись коренья... Заправлялъ всѣмъ дѣломъ пожилой человѣкъ.

— Надо добиваться настоящаго!—говорилъ онъ.—Настоящаго, истиннаго, самой истины во всемъ и всюду! Добиваться и крѣпко держаться ея.

Въ горницѣ сидѣли возлѣ доброй хозяйки двое сыновей; они были еще малы, но развиты умственно не по лѣтамъ. Мать тоже постоянно твердила имъ о настоящемъ, истинномъ добрѣ, учила держаться истины,—въ ней, вѣдь, отражается на землѣ ликъ самого Господа.

Взоръ старшаго мальчугана блестѣлъ смышленностью и смѣлостью; больше всего любилъ онъ читать о силахъ природы, о солнцѣ, о звѣздахъ. Никакая сказка не занимала до такой степени его воображенія. Ахъ, какое счастье пуститься въ далекія странствованія по бѣлу-свѣту, совершать открытія, или изобрѣсти крылья, подобныя птичьимъ, на которыхъ бы можно

*) Т.-е. приверженцемъ идеи объединенія всѣхъ трехъ сѣверныхъ государствъ.
**) Тингъ—вѣче. *Примѣч. перев.*

было летать! Вотъ это значитъ „дойти до настоящаго"! Отецъ и мать правы: истиною держится міръ.

Младшій братъ былъ тише, замкнутѣе, весь зарывался въ книги. Читая объ Іаковѣ, надѣвшемъ козью шкуру, чтобы выманить у отца благословеніе на первородство, онъ сжималъ кулачки въ гнѣвѣ на обманщика. Читая о тираннахъ, о несправедливостяхъ и злыхъ дѣяніяхъ, что творятся на свѣтѣ, онъ готовъ былъ заплакать. Его всецѣло поглощала мысль, что торжествовать въ мірѣ должно одно „настоящее", сама истина.

Разъ вечеромъ мальчикъ улегся въ постель, но половинки полога были задернуты неплотно, къ нему проникалъ лучъ свѣта, и онъ могъ еще читать. Онъ и улегся въ постель съ книгой: ему непремѣнно надо было дочитать исторію о Солонѣ. И мысли унесли мальчугана далеко, далеко; кровать стала кораблемъ, который поплылъ на всѣхъ парусахъ. Во снѣ это все было, или..? Корабль скользилъ по волнамъ, по могучимъ волнамъ времени, и мальчикъ явственно услышалъ голосъ Солона; понятно, хотя и на чужомъ языкѣ, прозвучалъ девизъ Даніи: „Закономъ строится государство!"

Геній человѣчества виталъ въ эту минуту въ бѣдной комнаткѣ надъ постелью ребенка и цѣловалъ его въ лобъ: „Будь твердъ и честенъ, крѣпокъ въ борьбѣ съ жизнью! Будь хранителемъ истины на землѣ и стремись въ царство вѣчной истины!"

Старшій братъ еще не ложился, а стоялъ у окна и смотрѣлъ на туманъ, подымавшійся съ луговъ. Это не эльфы водили хороводы, хоть такъ и говорила ему старая честная служанка. Нѣтъ, мальчикъ зналъ, что это пары: они теплѣе и легче воздуха, оттого и подымаются вверхъ. Вдругъ съ неба скатилась свѣтлая звѣздочка, и мысли мальчика мгновенно перенеслись отъ земныхъ испареній къ блестящему метеору. Звѣзды небесныя сіяли; отъ нихъ какъ будто тянулась къ землѣ длинная золотая нить. „Летимъ со мною!" зазвучало въ сердцѣ мальчика, и могучій геній человѣчества унесъ его въ безконечное пространство, гдѣ вращаются связанныя между собою свѣтовыми лучами планеты. Они унеслись туда быстрѣе птицы, быстрѣе стрѣлы, быстрѣе всякаго земного существа. Наша земля двигалась, окруженная слоемъ тонкой атмосферы; города какъ будто жались одинъ къ другому. И вотъ, прозвучало: „Что значитъ „близко", что значитъ „далеко", если тебя поднимаетъ на своихъ крылахъ могучій геній духа!"

И ребенокъ опять очутился у окна, гдѣ стоялъ и смотрѣлъ на туманъ; младшій братъ лежалъ въ постели; мать окликнула обоихъ: „Андерсъ, Гансъ-Христіанъ!“

Данія знаетъ эти имена; знаетъ и весь свѣтъ двухъ братьевъ *Эрстедовъ*.

СТАРЫЙ ЦЕРКОВНЫЙ КОЛОКОЛЪ.

(НАПИСАНО ДЛЯ «ШИЛЛЕРОВСКАГО АЛЬБОМА»).

Въ нѣмецкой землѣ, въ Вюртембергѣ, гдѣ весною такъ чудесно цвѣтутъ придорожныя акаціи, а осенью яблоневыя и грушевыя деревья гнутся подъ изобиліемъ зрѣлыхъ плодовъ, есть городокъ Марбахъ. Онъ изъ числа маленькихъ, неважныхъ городковъ, но расположенъ очень живописно у рѣки Неккара, что стремглавъ бѣжитъ мимо городовъ, старыхъ рыцарскихъ замковъ и зеленыхъ виноградниковъ, торопясь слить свои воды съ гордымъ Рейномъ.

Стояла поздняя осень; виноградные листья окрасились въ красноватый цвѣтъ; лили дожди, дулъ холодный вѣтеръ; для бѣдняковъ наступило не особенно веселое время. Дни стояли сѣренькіе, мрачные, а еще мрачнѣе было внутри старыхъ городскихъ домишекъ. Одинъ изъ этихъ домишекъ былъ обращенъ къ улицѣ не лицевою, а боковою стѣной, съ низенькими окошечками; неказистъ, бѣденъ былъ онъ съ виду. Не богаче была и семья, обитавшая въ немъ, хотя честная, трудолюбивая и богобоязненная. Скоро Господь долженъ былъ подарить имъ еще ребенка. Насталъ часъ, мать лежала въ мукахъ, вдругъ на колокольнѣ ударили въ большой колоколъ,—былъ торжественный часъ богослуженія. Глубоко отдался этотъ звукъ въ сердцѣ матери и наполнилъ его благоговѣйною вѣрою. Мысли ея устремились къ Богу, и въ тотъ же моментъ Богъ послалъ ей радость—у нея родился сынъ. Церковный колоколъ, казалось, звонилъ о радости матери на весь городъ, на всю страну. На мать глядѣли ясные дѣтскіе глазки, кудри ребенка отливали золотомъ. Ребенокъ былъ встрѣченъ при своемъ вступленіи въ жизнь, въ темный ноябрскій день, колокольнымъ звономъ. Мать и отецъ поцѣловали сына и занесли въ свою библію: „Десятаго ноября 1759 г. Господь даровалъ намъ сына“; позднѣе было приписано, что при крещеніи онъ получилъ имя Іоганна-Христофа-Фридриха.

Что же вышло изъ маленькаго парнишки, изъ бѣднаго мальчугана, уроженца городка Марбаха? Да тогда-то еще никто не зналъ, что изъ него выйдетъ; не зналъ даже самъ старый колоколъ, какъ ни высоко онъ висѣлъ и какъ ни громко звонилъ, привѣтствуя появленіе того, кто впослѣдствіи самъ спѣлъ чудеснѣйшую „Пѣснь о колоколѣ“.

Мальчикъ подросталъ, выросталъ въ его глазахъ и весь міръ. Родители переѣхали въ другой городъ, но друзья ихъ остались въ Марбахѣ, поэтому мать съ сыномъ и пріѣхали туда однажды въ гости. Мальчику было тогда всего шесть лѣтъ, но онъ уже зналъ кое-что изъ библіи, зналъ псалмы и часто слушалъ, сидя на своемъ плетеномъ креслицѣ, какъ отецъ читалъ по вечерамъ басни Геллерта и Мессіаду. У мальчугана навертывались на глаза слезы; сестра его, двумя годами старше, тоже плакала, слушая о Томъ, Кто принялъ крестную смерть ради нашего спасенія.

Городъ, на взглядъ вернувшихся сюда въ гости, не особенно измѣнился; да и времени-то съ ихъ отъѣзда прошло не Богъ вѣсть сколько. Дома по-прежнему выставляли на показъ свои остроконечныя кровли, покрившіяся стѣны и низенькія окна, только на кладбищѣ прибавились новыя могилы, а у самой стѣны, въ густой травѣ, лежалъ старый колоколъ. Онъ упалъ съ колокольни, получилъ трещину и не годился больше къ службѣ; на его мѣстѣ висѣлъ уже новый.

Мать съ сыномъ прошли на кладбище, остановились передъ старымъ колоколомъ, и мать стала разсказывать мальчику, какъ колоколъ этотъ въ продолженіе столѣтій дѣлалъ свое дѣло, звонилъ и къ крестинамъ, и къ свадьбѣ, и къ погребенію, возвѣщалъ и о праздничной радости, и объ ужасахъ пожара, словомъ—сопровождалъ звономъ всѣ важнѣйшіе моменты человѣческой жизни! И ребенокъ запомнилъ разсказъ матери; онъ звучалъ въ дѣтскомъ сердцѣ, пока мальчикъ не выросъ и самъ не воспѣлъ колоколъ. Мать разсказала также, какъ этотъ колоколъ утѣшилъ, обрадовалъ ее своимъ звономъ въ часъ скорби и страха, привѣтствуя рожденіе ея маленькаго сынка. И мальчикъ посмотрѣлъ на огромный старый колоколъ съ чувствомъ, близкимъ къ благоговѣнію, потомъ наклонился и нѣжно поцѣловалъ его, даромъ что онъ былъ старъ, надтреснутъ и валялся брошенный въ крапивѣ.

Колоколъ запечатлѣлся въ памяти мальчика, росшаго въ

бѣдности. Худой онъ былъ, длинный, съ рыжими волосами, весь въ веснушкахъ; зато у него были чудесные, ясные, глубокіе, какъ море, глаза. Какъ же жилось ему? Хорошо, завидно хорошо! Онъ по особой высшей милости былъ принятъ въ военную школу, въ отдѣленіе, гдѣ воспитывались все дѣти знатныхъ особъ. Это была для него такая честь, такое счастье! Онъ носилъ штиблеты, высокій галстухъ и напудренный парикъ. И обучали его всему подъ звуки: „Маршъ! Стройся! Во фронтъ!“ Какъ не выйти проку изъ такого обученія?

Старому колоколу, конечно, суждено было попасть въ переливку; а что же изъ него должно было выйти? Ну, этого предсказать было невозможно, какъ нельзя было предсказать и того, что выйдетъ изъ колокола, звучавшаго въ груди юноши. Этотъ колоколъ былъ изъ чистаго металла, и звонъ его долженъ былъ разнестись по всему свѣту! И чѣмъ громче звучалъ онъ въ груди юноши, тѣмъ тѣснѣе становилось тому въ школьныхъ стѣнахъ, тѣмъ оглушительнѣе раздавались въ его ушахъ эти: „маршъ!“ „стройся!“ „во фронтъ!“ Онъ и воспѣлъ этотъ колоколъ въ кругу товарищей, но пѣсня унеслась далеко за предѣлы страны! Но не за это же давались юношѣ воспитаніе и образованіе, одежда и пища! Онъ былъ занумерованнымъ винтикомъ и долженъ былъ, какъ и всѣ мы, приносить осязаемую пользу въ огромномъ часовомъ механизмѣ. Что-жъ, если мы и сами-то зачастую не понимаемъ самихъ себя, какъ же требовать, чтобы понимали насъ другіе, хотя бы и лучшіе люди въ свѣтѣ! Но алмазъ образуется, вѣдь, именно высокимъ давленіемъ; недостатка въ давленіи здѣсь не было, только суждено-ли было свѣту узрѣть современемъ алмазъ?

Столица той страны праздновала большое торжество; горѣли тысячи лампочекъ, вспыхивали ракеты; весь этотъ блескъ вспоминается еще и понынѣ, благодаря юношѣ, который въ это время въ слезахъ и горѣ пытался незамѣтно перебраться въ чужую страну. Онъ долженъ былъ выбрать одно изъ двухъ: покинуть свое отечество, мать, всѣхъ близкихъ, или — захлебнуться въ общемъ теченіи.

Старому колоколу было хорошо: онъ стоялъ въ укромномъ мѣстѣ, защищенный церковною стѣною. Надъ нимъ гулялъ вѣтеръ и могъ разсказать ему о томъ мальчикѣ, чье рожденіе колоколъ привѣтствовалъ своимъ звономъ. Вѣтеръ могъ разсказать, какимъ холодомъ обдавалъ путника, устало опустившагося на землю въ

лѣсу сосѣдней страны, путника, все богатство котораго, всѣ надежды на будущее заключались въ исписанныхъ листахъ, повѣствовавшихъ о „Фіеско". Онъ могъ бы разсказать и о единственныхъ цѣнителяхъ — все, вѣдь, художникахъ — которые улизнули изъ комнаты во время чтенія этого произведенія и занялись игрою въ кегли! Онъ могъ бы разсказать о блѣдномъ бѣглецѣ, жившемъ недѣли, мѣсяцы на бѣдномъ постояломъ дворѣ, гдѣ самъ хозяинъ пилъ и бушевалъ, гдѣ царило буйное веселье въ то время, какъ юноша воспѣвалъ идеалы. Тяжелые, мрачные дни! Но сердце должно выстрадать все, о чемъ ему суждено пѣть.

Мрачные дни, холодныя ночи пронеслись и надъ старымъ колоколомъ, но онъ-то не чувствовалъ ихъ, какъ чувствуетъ тяжесть своего земного испытанія колоколъ въ человѣческой груди. Какъ же жилось молодому человѣку? Какъ жилось старому колоколу? Да колоколъ отправился въ далекій путь, куда дальше, чѣмъ разносился когда-то съ колокольни его звонъ, а звонъ колокола, звучавшаго въ груди молодаго человѣка, разнесся еще куда дальше; дальше, чѣмъ когда-либо ступала нога юноши, дальше, чѣмъ видѣлъ его глазъ; звонъ этотъ разносится по всему свѣту еще и до сихъ поръ. Но послушай сперва о церковномъ колоколѣ! Его увезли изъ Марбаха, продали, какъ старую мѣдь, въ баварскую землю. Какъ же онъ туда попалъ и когда? Объ этомъ пусть разскажетъ онъ самъ, коли можетъ; это не важно. Намъ довольно знать, что онъ попалъ въ столицу Баваріи. Много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ онъ упалъ съ колокольни; пора было его перелить, и вотъ, изъ него рѣшили отлить часть памятника великому сыну нѣмецкаго народа и страны. Послушай же, что вышло! Какія чудесныя совпаденія бываютъ на бѣломъ свѣтѣ! Въ Даніи, на одномъ изъ зеленыхъ острововъ, гдѣ шумятъ буковые лѣса, гдѣ такое множество кургановъ, жилъ-былъ бѣдный, бѣдный мальчикъ; онъ ходилъ въ деревянныхъ башмакахъ и носилъ въ старенькомъ платочкѣ обѣдъ своему отцу, рѣзчику, работавшему на верфи. Этотъ бѣдный мальчикъ сдѣлался гордостью своей родины,—онъ высѣкалъ изъ мрамора чудныя статуи, дивившія весь міръ. Ему-то именно и выпало на долю вылѣпить изъ глины прекрасный, величавый образъ, который потомъ отлили изъ металла, изображеніе того, чье имя отецъ занесъ въ свою библію, *Іоганна-Христофа-Фридриха*.

И металлъ раскаленною струею полился въ форму. Изъ стараго колокола—да, никто и не вспомнилъ о его происхожденіи и умолкнувшемъ звонѣ!—вышли голова и грудь статуи, которая теперь красуется въ Штутгартѣ, передъ старымъ замкомъ, на той самой площади, по которой ходилъ при жизни тотъ, кого изображаетъ статуя. Да, по ней ходилъ терпѣвшій тяжелый гнетъ нужды и борьбу со свѣтомъ мальчикъ изъ Марбаха, воспитанникъ военной школы, бѣглецъ, великій, безсмертный нѣмецкій поэтъ, воспѣвшій освободителя Швейцаріи и боговдохновенную французскую дѣвственницу.

Стоялъ чудный солнечный день; на башняхъ и крышахъ домовъ въ Штутгартѣ развѣвались флаги, всѣ колокола торжественно и радостно звонили. Только одинъ колоколъ безмолвствовалъ, блистая при свѣтѣ солнца съ лица и груди статуи. Въ этотъ день какъ разъ минуло сто лѣтъ съ того дня, какъ Марбахскій колоколъ зазвонилъ на радость и утѣшеніе страждущей матери, рождавшей ребенка. Ребенокъ родился въ бѣдномъ домѣ, въ бѣдной обстановкѣ, но сталъ впослѣдствіи великимъ обладателемъ сокровищъ, которыя благословляетъ весь міръ. Кто же онъ?

Поэтъ, воспѣвшій благородныя женскія сердца, пѣвецъ всего великаго и прекраснаго, *Іоганнъ-Христофъ-Фридрихъ Шиллеръ.*

ДВѢНАДЦАТЬ ПАССАЖИРОВЪ.

Морозъ такъ и трещалъ; вызвѣздило; воздухъ словно застылъ. „Бумсъ!“—о двери разбился горшокъ. „Пафъ!“—выстрѣлъ привѣтствовалъ Новый годъ. Это было въ ночь подъ Новый годъ, и часы какъ разъ пробили двѣнадцать.

„Тра-та-та-ра!“ Пришла почта. У городскихъ воротъ остановился почтовый дилижансъ, привезшій двѣнадцать пассажировъ; больше въ немъ и не умѣщалось; всѣ мѣста были заняты.

„Ура! Ура!“ раздалось въ домахъ, гдѣ люди собрались праздновать наступленіе Новаго года. Всѣ встали изъ-за стола съ полными бокалами въ рукахъ и принялись пить за здоровье Новаго года, приговаривая:

„Съ Новымъ годомъ, съ новымъ счастьемъ!—Вамъ славную женку!—Вамъ денегъ побольше!—Конецъ старымъ дрязгамъ!“

Вотъ какія раздавались пожеланія! Люди чокались, а ди-

лижансъ, привезшій гостей, двѣнадцать пассажировъ, остановился въ эту минуту у городскихъ воротъ.

Что это были за господа? У нихъ были съ собой и паспорты и багажъ, подарки для тебя, и для меня, для всѣхъ въ городѣ. Кто же такіе были эти гости? Что имъ надо было тутъ и что они привезли съ собою?

— Съ добрымъ утромъ!—сказали они часовому у воротъ.

— Съ добрымъ утромъ!—отвѣтилъ онъ,—часы, вѣдь, уже пробили двѣнадцать.

— Ваше имя? Званіе?—спросилъ часовой у перваго, вылѣзшаго изъ дилижанса.

— Взгляни на паспортъ!—отвѣтилъ тотъ.—Я—я!

Это былъ парень здоровый, въ медвѣжьей шубѣ и мѣховыхъ сапогахъ.

— Я тотъ самый, на кого уповаютъ столько людей. Приди ко мнѣ утромъ, я дамъ тебѣ на чай! Я такъ и швыряю деньгами, дарю подарки, задаю балы! Тридцать одинъ балъ! Больше ночей я тратить не могу. Корабли мои, правда, замерзли, но въ конторѣ у меня тепло. Я—коммерсантъ, зовутъ меня Январь. У меня съ собою только счета.

Затѣмъ вылѣзъ второй—„увеселительныхъ дѣлъ мастеръ“, театральный директоръ, распорядитель маскарадовъ и другихъ веселыхъ затѣй. Въ багажѣ у него была огромная бочка.

— Изъ нея мы на масляницѣ выколотимъ кое-что получше кошки! *)—сказалъ онъ.—Я люблю повеселить другихъ, да и себя самого кстати! Мнѣ, вѣдь, удѣленъ самый короткій срокъ! Мнѣ дано всего двадцать восемь дней; развѣ иногда прикинутъ лишній денекъ! Но все равно! Ура!

— Нельзя кричать!—заявилъ часовой.

— Мнѣ-то? Я—принцъ Карнавалъ, а путешествую подъ именемъ Февраля!

Вышелъ и третій; видъ у него былъ самый постный, но голову онъ задиралъ высоко: онъ, вѣдь, былъ въ родствѣ съ „сорока мучениками“ и числился пророкомъ погоды. Ну да это должность не изъ сытныхъ, вотъ онъ и выхвалялъ воздержа-

*) Старый обычай, долго державшійся въ Даніи: въ бочку сажаютъ кошку и начинаютъ изо всѣхъ силъ колотить по бочкѣ, пока, наконецъ, не вышибутъ изъ нея дно, и кошка, какъ угорѣлая, не выскочитъ оттуда.

Примѣч. перев.

ніе. Въ петлицѣ у него красовался букетъ фіалокъ, только крошечныхъ-прекрошечныхъ!

— Мартъ, маршъ! — закричалъ четвертый и толкнулъ третьяго.—Мартъ, маршъ! Маршъ въ караулку, тамъ пуншъ пьютъ! Я чую.—Однако это было неправда: Апрѣлю все бы только дурачиться—онъ съ этого и началъ. Смотрѣлъ онъ парнемъ разудалымъ, дѣлами много не занимался, а все больше праздновалъ. Съ расположеніемъ духа онъ вѣчно игралъ то на повышеніе, то на пониженіе, то на пониженіе, то на повышеніе. Дождь и солнце, переѣздъ изъ дома, переѣздъ въ домъ *).—Я, вѣдь, тоже состою квартирнымъ комиссаромъ, сзываю и на свадьбы, и на похороны, готовъ и посмѣяться и поплакать! Въ чемоданѣ у меня есть лѣтнее платье, но надѣть его было бы глупо! Да, вотъ я! Ради парада я щеголяю въ шелковыхъ чулкахъ и въ муфтѣ!

Затѣмъ, изъ дилижанса вышла барыня.

— Дѣвица Май!—отрекомендовалась она. На ней было легкое лѣтнее платье и калоши; платье шелковое, буково-зеленое, въ волосахъ анемоны; отъ нея такъ пахло дикимъ ясминникомъ, что часовой не выдержалъ, чихнулъ.

— Будьте здоровы!—сказала она въ видѣ привѣтствія. Какъ она была мила! И какая пѣвица! Не театральная, а вольная, лѣсная; да и не изъ тѣхъ, что поютъ въ увеселительныхъ палаткахъ; нѣтъ, она бродила себѣ по свѣжему зеленому лѣсу и пѣла для собственнаго удовольствія. Въ ридикюлѣ у нея лежали „Гравюры на деревѣ“ Христіана Винтера **),—онѣ поспорятъ свѣжестью съ буковымъ лѣсомъ—и „Стишки“ Рихарда ***),—эти благоухаютъ, что твой дикій ясминникъ!

— Теперь идетъ молодая дама!—закричали изъ дилижанса. И дама вышла. Молодая, изящная, гордая, прелестная! Она задавала пиръ въ самый длинный день года, чтобы гостямъ хватило времени покончить съ многочисленными блюдами. Средства позволяли ей ѣздить и въ собственной каретѣ, но она пріѣхала въ дилижансѣ вмѣстѣ со всѣми, желая показать, что совсѣмъ неспѣсива. Но, конечно, она ѣхала не одна; ее сопровождалъ младшій братъ Іюль.

*) См. примѣч. т. I стр. 196.

**) Христіанъ Винтеръ—одинъ изъ выдающихся датскихъ поэтовъ-лириковъ.

***) Христіанъ Рихардъ—тоже. *Примѣч. перев.*

Іюль—толстякъ; одѣтъ по-лѣтнему, въ шляпѣ „Панама". У него былъ съ собою очень небольшой запасъ дорожной одежды: въ такую жару да возиться еще! Онъ и взялъ съ собою только купальные панталоны, да шапочку.

За нимъ вылѣзла матушка Августъ, оптовая торговка фруктами, владѣтельница многочисленныхъ садковъ, земледѣлецъ въ кринолинѣ. Толстая она и горячая, до всего сама доходитъ, даже сама обноситъ пивомъ рабочихъ въ полѣ. „Въ потѣ лица своего ѣшь хлѣбъ свой" приговаривала она. „Такъ сказано въ Библіи! А вотъ осенью—милости просимъ! Устроимъ вечеринку на открытомъ воздухѣ, пирушку!" Она была молодецъ-баба, хозяйка хоть куда.

За нею слѣдовалъ опять мужчина, живописецъ по профессіи. Онъ собирался показать лѣсамъ, что листья могутъ и перемѣнить цвѣта, да еще на какіе чудесные, если ему вздумается! Стоитъ ему взяться за дѣло, и лѣса запестрѣютъ красными, желтыми и бурыми листьями. Художникъ насвистывалъ что твой черный скворецъ, и мастеръ былъ работать! Пивную кружку его украшала вѣтка хмѣля,—онъ вообще зналъ толкъ въ украшеніяхъ. Весь его багажъ заключался въ палитрѣ съ красками.

Вылѣзъ и десятый пассажиръ, помѣщикъ. У него только и думъ было, что о пашнѣ, о посѣвахъ, о жатвѣ, да еще объ охотничьихъ забавахъ. Онъ былъ съ ружьемъ и собакою, а въ сумкѣ у него гремѣли орѣхи. Щелкъ! Щелкъ! Багажа у него было пропасть, между прочимъ даже англійскій плугъ. Онъ что-то говорилъ о сельскомъ хозяйствѣ, но его почти и не слышно было изъ-за кашля и отдуванія слѣдующаго пассажира—Ноября.

Что за насморкъ у него былъ, ужасный насморкъ! Пришлось вмѣсто носового платка запастись цѣлою простынею! А ему, по его словамъ, приходилось еще сопровождать служанокъ, поступающихъ на мѣста! Ну, да простуда живо пройдетъ, когда онъ начнетъ рубить дрова. А онъ это непремѣнно сдѣлаетъ,—онъ, вѣдь, былъ старшиной цеха дровосѣковъ. Вечерами онъ вырѣзывалъ коньки, зная, что эта веселая обувь скоро понадобится.

Вышелъ и послѣдній пассажиръ—бабушка Декабрь съ грѣлкою въ рукахъ. Она дрожала отъ холода, но глаза ея такъ и сіяли, словно звѣзды. Она несла въ цвѣточномъ горшечкѣ маленькую елочку. „Я ее выхожу, выращу къ сочельнику! Она будетъ

хватать отъ полу до потолка, обростетъ зажжеными свѣчками, вызолоченными яблоками и разноцвѣтными сѣточками съ гостинцами. Грѣлка согрѣваетъ не хуже печки, я вытащу изъ кармана книжку со сказками и буду читать въ слухъ. Всѣ дѣтки въ комнатѣ притихнутъ, зато куколки на елкѣ оживутъ, восковой ангелочекъ на самой верхушкѣ ея затрепещетъ золочеными крылышками, слетитъ и расцѣлуетъ всѣхъ, кто въ комнатѣ—и малютокъ и взрослыхъ, и даже бѣдныхъ дѣтокъ, что стоятъ за дверями и славятъ Христа и звѣзду Виѳлеемскую.

— Теперь дилижансъ можетъ отъѣхать!—сказалъ часовой.—Вся дюжина тутъ! Пусть подъѣзжаетъ слѣдующій!

— Пусть сначала войдутъ эти двѣнадцать!—сказалъ дежурный капитанъ.—По одному заразъ! Паспорта остаются у меня. Каждому паспортъ выданъ на одинъ мѣсяцъ; по истеченіи срока я сдѣлаю помѣтку о поведеніи каждаго. Пожалуйте, господинъ Январь! Не угодно ли вамъ войти?

И тотъ вошелъ.

Когда годъ кончится, я скажу тебѣ, что эти двѣнадцать пассажировъ принесли тебѣ и мнѣ, и всѣмъ остальнымъ. Теперь я этого еще не знаю, да и сами они не знаютъ,—удивительные, вѣдь, времена у насъ настали!

НАВОЗНЫЙ ЖУКЪ.

Лошадь императора удостоилась золотыхъ подковъ, по одной на каждую ногу.

За что?

Она была чудо какъ красива, съ тонкими ногами, умными глазами и шелковистою гривою, ниспадавшей на ея шею длинною мантіей. Она носила своего господина въ пороховомъ дыму, подъ градомъ пуль, слышала ихъ свистъ и жужжаніе, и сама отбивалась отъ наступавшихъ непріятелей. Она защищалась отъ нихъ на жизнь и смерть, однимъ прыжкомъ перескочила со своимъ всадникомъ черезъ упавшую лошадь врага и тѣмъ спасла золотую корону императора и самую жизнь его, что̀ подороже золотой короны. Вотъ за что она и удостоилась золотыхъ подковъ, по одной на каждую ногу.

А навозный жукъ тутъ какъ тутъ.—Сперва великіе міра

сего, потомъ ужъ малые!—сказалъ онъ.—Хотя и не въ величинѣ собственно тутъ дѣло!—И онъ протянулъ свои тощія ножки.

— Что тебѣ?—спросилъ кузнецъ.

— Золотыя подковы!—отвѣтилъ жукъ.

— Ты, видно, не въ умѣ!—сказалъ кузнецъ.—И ты золотыхъ подковъ захотѣлъ?

— Да!—отвѣтилъ жукъ.—Чѣмъ я хуже этой огромной скотины, за которою еще надо ухаживать? Чисть ее, корми да пои! Развѣ я-то не изъ царской конюшни?

— Да за что лошади даютъ золотыя подковы?—спросилъ кузнецъ.—Въ домекъ-ли тебѣ?

— Въ домекъ? Мнѣ въ домекъ, что меня хотятъ оскорбить!—сказалъ навозный жукъ.—Это прямая обида мнѣ! Я не стерплю, уйду куда глаза глядятъ!

— Проваливай!—сказалъ кузнецъ.

— Невѣжа!—отвѣтилъ навозный жукъ, выползъ изъ конюшни, отлетѣлъ немножко и очутился въ красивомъ цвѣтникѣ, гдѣ благоухали розы и лаванды.

— Правда, вѣдь, здѣсь чудо, какъ хорошо?—спросила жука жесткокрылая Божья коровка, вся въ черныхъ крапинкахъ.— Какъ тутъ сладко пахнетъ, какъ все красиво!

— Ну, я привыкъ къ лучшему!—отвѣтилъ навозный жукъ.— По вашему, тутъ прекрасно!? Даже ни одной навозной кучи!..

И онъ отправился дальше, подъ сѣнь большого левкоя; по стеблю ползла гусеница.

— Какъ хорошъ Божій міръ! — сказала она. — Солнышко грѣетъ! Какъ весело, пріятно! А послѣ того, какъ я, наконецъ, засну или умру, какъ это говорится, я проснусь уже бабочкой!

— Да, да, воображай!—сказалъ навозный жукъ.—Такъ вотъ мы и полетимъ бабочками! Я изъ царской конюшни, но и тамъ никто, даже любимая лошадь императора, которая донашиваетъ теперь мои золотыя подковы, не воображаетъ себѣ ничего такого. Получить крылья, полетѣть!? Да, вотъ мы такъ сейчасъ улетимъ!—И онъ улетѣлъ.—Не хотѣлось бы сердиться, да поневолѣ разсердишься!

Тутъ онъ бухнулся на большую лужайку, полежалъ, полежалъ, да и заснулъ.

Батюшки мои, какой припустился лить дождь! Навозный

жукъ проснулся отъ этого шума и хотѣлъ было поскорѣе уползти въ землю, да не тутъ-то было. Онъ барахтался, барахтался, пробовалъ уплыть и на спинѣ и на брюшкѣ—улетѣть нечего было и думать—но все напрасно. Нѣтъ, право, онъ не выберется отсюда живымъ! Онъ и остался лежать, гдѣ лежалъ.

Дождь пріостановился немножко; жукъ отмигалъ воду съ глазъ и увидалъ невдалекѣ что-то бѣлое; это былъ холстъ, что разложили бабы бѣлить; жукъ добрался до него и заползъ въ складку мокраго холста. Конечно, это было не то, что зарыться въ теплый навозъ въ конюшнѣ, но лучшаго ничего здѣсь не представлялось, и онъ остался лежать тутъ весь день и всю ночь,—дождь все лилъ. Утромъ навозный жукъ выползъ; ужасно онъ сердитъ былъ на климатъ.

На холстѣ сидѣли двѣ лягушки; глаза ихъ такъ и блестѣли отъ удовольствія.

— Славная погода!—сказала одна.—Какая свѣжесть! Этотъ холстъ чудесно задерживаетъ воду! У меня даже заднія ноги зачесались: такъ бы вотъ и поплыла!

— Хотѣла бы я знать,—сказала другая:—нашла-ли гдѣ-нибудь ласточка, что летаетъ такъ далеко, лучшій климатъ, чѣмъ у насъ? Этакіе дожди, сырость—чудо! Право, словно сидишь въ сырой канавѣ! Кто не радуется такой погодѣ, тотъ не сынъ своего отечества!

— Вы, значитъ, не бывали въ царской конюшнѣ?—спросилъ ихъ навозный жукъ.—Тамъ и сыро и тепло, и пахнетъ чудесно! Вотъ къ чему я привыкъ! Тамъ климатъ по мнѣ, да его не возьмешь съ собою въ дорогу! Нѣтъ-ли здѣсь въ саду хоть парника, гдѣ бы знатныя особы, вродѣ меня, могли найти пріютъ и чувствовать себя какъ дома?

Но лягушки не поняли его, или не хотѣли понять.

— Я никогда не спрашиваю два раза!—заявилъ навозный жукъ, повторивъ свой вопросъ три раза и всетаки не добившись отвѣта.

Жукъ отправился дальше и наткнулся на черепокъ отъ горшка. Ему не слѣдовало бы лежать тутъ, но разъ онъ лежалъ, подъ нимъ можно было найти пріютъ. Подъ нимъ и жило нѣсколько семействъ клещей. Имъ простора не требовалось,—было-бы общество. Клещихи отличаются материнскою нѣжностью, и у нихъ поэтому каждый малютка былъ чудомъ ума и красоты.

— Нашъ сынокъ помолвленъ!—сказала одна мамаша:—Ми-

лая невинность! Его завѣтнѣйшая мечта—заползти въ ухо къ священнику. Онъ совсѣмъ еще дитя; помолвка удержитъ его отъ сумасбродствъ. Ахъ, какая это радость для матери!

— А нашъ сынъ,—сказала другая:—едва вылупился, а ужъ сейчасъ за шалости! Такой живчикъ! Ну, да надо же молодежи перебѣситься! Это большая радость для матери! Не правда-ли, господинъ навозный жукъ?—Онѣ узнали пришельца по фигурѣ.

— Вы обѣ правы!—сказалъ жукъ, и клещихи пригласили его проползти къ нимъ, насколько онъ могъ подлѣзть подъ черепокъ.

— Надо вамъ взглянуть и на моихъ малютокъ!—сказала третья, а потомъ и четвертая мамаша.—Ахъ, это милѣйшія малютки и такія забавныя! Онѣ всегда ведутъ себя хорошо, если только у нихъ не болитъ животикъ—а отъ этого въ ихъ возрастѣ не убережешься!

И каждая мамаша разсказывала о своихъ дѣткахъ; дѣтки тоже вмѣшивались въ разговоръ и пускали въ ходъ свои клещи на хвостикахъ—дергали ими навознаго жука за усы.

— Чего только ни выдумаютъ эти шалунишки!—сказали мамаши, потѣя отъ умиленія; но все это уже надоѣло навозному жуку, и онъ спросилъ, далеко-ли еще до парника.

— О, далеко, далеко! Онъ по ту сторону канавы!—сказали въ одинъ голосъ клещихи.—Надѣюсь, что ни одинъ изъ моихъ дѣтей не вздумаетъ отправится въ такую даль, а то я умру!

— Ну, а я попробую добраться туда!—сказалъ навозный жукъ и ушелъ, не прощаясь,—это самый высшій тонъ.

У канавы онъ встрѣтилъ своихъ сродниковъ, такихъ же навозныхъ жуковъ.

— А мы тутъ живемъ!—сказали они. У насъ преуютно! Милости просимъ въ наше сочное мѣстечко! Вы, вѣрно, утомились въ пути?

— Да!—отвѣтилъ жукъ.—Пока дождь лилъ, я все лежалъ на холстѣ, а такая чистоплотность хоть кого уходитъ, не то, что меня. Пришлось постоять и подъ глинянымъ черепкомъ на сквознякѣ, ну и схватилъ ревматизмъ въ предкрыльѣ! Хорошо, наконецъ, очутиться среди своихъ!

— Вы, можетъ быть, изъ парника?—спросилъ старшій изъ навозныхъ жуковъ.

— Подымай выше!—сказалъ жукъ.—Я изъ царской конюшни; тамъ я родился съ золотыми подковами на ногахъ. И

путешествую я по секретному порученію. Но вы не разспрашивайте меня, я все равно ничего не скажу.

И навозный жукъ уползъ вмѣстѣ съ ними въ жирную грязь. Тамъ сидѣли три молодыя барышни ихъ же породы и хихикали, не зная, что сказать.

— Онѣ еще не просватаны!—сказала мать, и тѣ опять захихикали, на этотъ разъ отъ смущенія.

— Прекраснѣе барышень я не встрѣчалъ даже въ царской конюшнѣ!—сказалъ жукъ-путешественникъ.

— Ахъ, не испортьте мнѣ моихъ дѣвочекъ! И не заговаривайте съ ними, если у васъ нѣтъ серьезныхъ намѣреній!.. Впрочемъ, они у васъ, конечно, есть, и я даю вамъ свое благословеніе!

— Ура!—закричали остальные, и жукъ сталъ женихомъ. За помолвкою послѣдовала и свадьба,—зачѣмъ откладывать?

Слѣдующій день прошелъ хорошо, второй—такъ себѣ, а на третій уже приходилось подумать о пропитаніи жены а, можетъ быть, и дѣтокъ.

„Вотъ-то поддѣли меня!“ сказалъ онъ себѣ. „Такъ и я-жъ ихъ поддѣну!“

Такъ и сдѣлалъ—ушелъ. День нѣтъ его, ночь нѣтъ его—жена осталась вдовою. Другіе навозные жуки объявили, что приняли въ семью настоящаго бродягу. Еще бы! Жена теперь осталась у нихъ на шеѣ!

— Такъ пусть она опять считается барышней!—сказала мамаша.—Пусть живетъ у меня попрежнему. Плюнемъ на этого негодяя, что бросилъ ее!

А онъ себѣ переплылъ канаву на капустномъ листкѣ. Утромъ явилось двое людей, увидали жука, взяли его и принялись вертѣть въ рукахъ. Оба были страсть какіе ученые, особенно мальчикъ.

— „Аллахъ видитъ чернаго жука на черномъ камнѣ черной скалы“ такъ, вѣдь, сказано въ Коранѣ?—спросилъ онъ и, назвавъ навознаго жука по латыни, сказалъ, къ какому классу насѣкомыхъ онъ принадлежитъ. Старшій ученый не совѣтовалъ мальчику брать жука съ собою домой,—не стоило, у нихъ уже имѣлись такіе же хорошіе экземпляры. Жуку такая рѣчь показалась невѣжливою, онъ взялъ да и вылетѣлъ изъ рукъ ученыхъ. Теперь крылья у него высохли, и онъ могъ отлетѣть довольно далеко, долетѣлъ до самой теплицы и очень удобно

проскользнулъ въ нее,—одно окно стояло открытымъ. Забравшись туда, жукъ поспѣшилъ зарыться въ свѣжій навозъ.

— Ахъ, какъ славно!—сказалъ онъ.

Скоро онъ заснулъ и видѣлъ во снѣ, что царская лошадь пала, а самъ господинъ навозный жукъ получилъ ея золотыя подковы, причемъ ему пообѣщали дать и еще двѣ. То-то было пріятно! Проснувшись, жукъ выползъ и оглядѣлся. Какая роскошь! Огромныя пальмы вѣерами раскинули въ вышинѣ свои листья, сквозь которыя просвѣчивало солнце; внизу же всюду зеленѣла травка, кишмя кишѣли цвѣты, огненно-красные, янтарно-желтые и бѣлые, какъ свѣже-выпавшій снѣгъ.

— Вотъ-то безподобная растительность! То-то будетъ вкусно, когда все это сгніетъ! — сказалъ навозный жукъ. — Знатная кладовая! Здѣсь, вѣрно, живетъ кто-нибудь изъ моихъ родственниковъ. Надо отправиться на поиски, найти кого-нибудь, съ кѣмъ можно свести знакомство. Я, вѣдь, гордъ и горжусь этимъ!— И жукъ поползъ, думая о своемъ снѣ, о павшей лошади и о золотыхъ подковахъ.

Вдругъ его схватила чья-то рука, стиснула, принялась вертѣть и поворачивать...

Въ теплицу пришелъ сынишка садовника съ товарищемъ; они увидали навознаго жука и вздумали позабавиться съ нимъ. Жука завернули въ виноградный листокъ и положили въ теплый карманъ панталонъ. Онъ было принялся тамъ вертѣться, карабкаться, но мальчикъ притиснулъ его рукой и побѣжалъ вмѣстѣ съ товарищемъ въ конецъ сада, къ большому озеру. Тамъ они посадили жука въ старый сломанный деревянный башмакъ, укрѣпили въ серединѣ его щепочку, вмѣсто мачты, привязали къ ней жука шерстинкой и спустили башмакъ на воду. Теперь жукъ попалъ въ шкипера и долженъ былъ отправиться въ плаваніе.

Озеро было большое-пребольшое; навозному жуку казалось, что онъ плыветъ по океану, и это до того его поразило, что онъ упалъ навзничь и задрыгалъ ножками.

Башмакъ относило отъ берега теченіемъ, но какъ только онъ отплывалъ чуть подальше, одинъ изъ мальчугановъ засучивалъ штанишки, шлепалъ по водѣ и притягивалъ его обратно. Но вотъ башмакъ отплылъ опять, и какъ разъ въ эту минуту мальчугановъ такъ настойчиво позвали домой, что они въ попыхахъ забыли и думать о башмакѣ. Башмакъ же уносило все

дальше и дальше. Какой ужасъ! Улетѣть жукъ не могъ,—онъ былъ привязанъ къ мачтѣ.

Въ гости къ нему прилетѣла муха.

— Какая славная погода! — сказала она. — У васъ тутъ можно отдохнуть, погрѣться на солнышкѣ! Вамъ тутъ очень хорошо.

— Болтаете, сами не знаете, что! Не видите что-ли—я привязанъ?

— А я нѣтъ!—сказала муха и улетѣла.

— Вотъ когда я узналъ свѣтъ!—сказалъ навозный жукъ.— Какъ онъ низокъ! Я одинъ только порядочный! Сначала меня обходятъ золотыми подковами, потомъ мнѣ приходится лежать на мокромъ холстѣ, стоять на сквознякѣ, и, наконецъ, мнѣ навязываютъ жену! Едва же я дѣлаю смѣлый шагъ въ свѣтъ, осматриваюсь и приглядываюсь, является мальчишка и пускаетъ меня связаннаго въ дикое море! А царская лошадь щеголяетъ себѣ въ золотыхъ подковахъ! Вотъ, что меня больше всего мучитъ! Но на этомъ свѣтѣ справедливости не жди! Исторія моя очень интересна, а что толку, если ея никто не знаетъ! Да свѣтъ и не достоинъ знать ее, иначе онъ далъ бы золотыя подковы мнѣ, когда царская лошадь протянула за ними ноги. Получи я золотыя подковы, я бы сталъ украшеніемъ конюшни, а теперь я погибъ для нихъ, свѣтъ лишился меня, и всему конецъ!

Но конецъ всему, видно, еще не наступилъ: на озерѣ появилась лодка, а въ ней сидѣло нѣсколько молодыхъ дѣвушекъ.

— Вонъ плыветъ деревянный башмакъ!—сказала одна.

— И бѣдное насѣкомое привязано крѣпко-накрѣпко!—сказала другая.

Онѣ поровнялись съ башмакомъ, поймали его, одна изъ дѣвушекъ достала ножницы и осторожно обрѣзала шерстинку, не причинивъ жуку ни малѣйшаго вреда. Выйдя же на берегъ, она посадила его на траву.

— Ползи, ползи, лети, лети, коли можешь!—сказала она ему.—Свобода—славное дѣло!

И навозный жукъ полетѣлъ прямо въ открытое окно какого-то большого строенія, а тамъ устало опустился на тонкую, мягкую, длинную гриву любимой царской лошади, стоявшей въ конюшнѣ, родной конюшнѣ жука. Жукъ крѣпко вцѣпился въ гриву лошади, стараясь отдышаться и придти въ себя отъ усталости.

— Ну вотъ я и сижу на любимой царской лошади, какъ

всадникъ! Что я говорю?! Теперь мнѣ все ясно! Вотъ это мысль! И вѣрная! „За что лошадь удостоилась золотыхъ подковъ?“ спросилъ меня тогда кузнецъ. Теперь-то я понимаю! Она удостоилась ихъ изъ за меня!

И жукъ опять повеселѣлъ.

— Путешествіе проясняетъ мысли! —сказалъ онъ. Солнышко свѣтило прямо на него и свѣтило такъ красиво! —Свѣтъ въ сущности не такъ-то ужъ дуренъ! —продолжалъ разсуждать навозный жукъ. —Надо только умѣть за него взяться!

Да и какъ не быть свѣту хорошимъ, если любимая лошадь императора удостоилась золотыхъ подковъ ради того только, что на ней ѣздилъ верхомъ навозный жукъ?

— Теперь я поползу къ другимъ жукамъ и разскажу, чтó для меня сдѣлали! Разскажу и обо всѣхъ прелестяхъ заграничнаго путешествія и скажу, что отнынѣ буду сидѣть дома, пока лошадь не износитъ своихъ золотыхъ подковъ.

УЖЪ ЧТО МУЖЕНЕКЪ СДѢЛАЕТЪ, ТО И ЛАДНО.

Разскажу я тебѣ исторію, которую самъ слышалъ въ дѣтствѣ. Всякій разъ, какъ она мнѣ вспоминалась потомъ, она казалась мнѣ все лучше и лучше: и съ исторіями, вѣдь, бываетъ то же, что съ многими людьми, и онѣ становятся съ годами все лучше и лучше, а это куда какъ хорошо!

Тебѣ, вѣдь, случалось бывать за городомъ, гдѣ ютятся старыя-престарыя избушки съ соломенными кровлями? Крыши у нихъ поросли мхомъ, на конькѣ непремѣнно гнѣздо аиста, стѣны покосились, окошки низенькія, и открывается всего только одно. Хлѣбныя печи выпячиваютъ на улицу свои толстенькія брюшки, а черезъ изгородь перевѣшивается бузина. Если же гдѣ случится лужица воды, по которой плаваетъ утка или утята, тамъ ужъ, глядишь, приткнулась и корявая ива. Возлѣ избушки есть, конечно, и цѣпная собака, что лаетъ на всѣхъ и каждаго.

Вотъ точь-въ-точь такая-то избушка и стояла у насъ за городомъ, а въ ней жили старички, мужъ съ женой. Какъ ни скромно было ихъ хозяйство, имъ всетаки было чѣмъ одолжить другихъ, —была у нихъ лошадь, кормившаяся травой, что росла у придорожной канавы. Мужъ ѣздилъ на лошадкѣ въ городъ, одолжалъ ее сосѣдямъ, ну, а ужъ извѣстно, за услугу отпла-

чиваютъ услугой! Но всетаки выгоднѣе было бы продать эту лошадь или промѣнять на что-нибудь болѣе подходящее и полезное. Только на что бы такое?"

— Ну, ужъ тебѣ это лучше знать муженекъ!—сказала жена.—Теперь какъ разъ ярмарка въ городѣ, поѣзжай туда да и продай лошадку или промѣняй съ выгодой! Ужъ что ты сдѣлаешь, то всегда ладно! Поѣзжай съ Богомъ!

И она повязала ему на шею платокъ,—это-то она всетаки умѣла дѣлать лучше мужа—завязала его двойнымъ узломъ; очень шикарно вышло! Потомъ она пригладила шляпу старика ладонью и поцѣловала его прямо въ губы. И вотъ, онъ поѣхалъ на лошади, которую надо было или продать или промѣнять въ городѣ. Ужъ онъ-то зналъ свое дѣло!

Солнце такъ и пекло, на небѣ не было ни облачка! Пыль по дорогѣ стояла столбомъ, столько ѣхало и шло народу—кто въ тележкѣ, кто верхомъ, а кто и просто пѣшкомъ. Жара была страшная; солнопекъ и—ни малѣйшей тѣни по всей дорогѣ.

Шелъ тутъ и какой-то человѣкъ съ коровой; вотъ ужъ была корова, такъ корова, чудесная! „Вѣрно и молоко даетъ чудесное!" подумалъ нашъ крестьянинъ. „То-то была бы мѣна, если бы смѣнять на нее лошадь!"—Эй, ты тамъ, съ коровой!—крикнулъ онъ.—Поговоримъ-ка! Видишь мою лошадь? Я думаю, она стоитъ подороже твоей коровы! Но такъ и быть: мнѣ корова сподручнѣе! Помѣняемся?

— Ладно!—отвѣтилъ тотъ, и они помѣнялись.

Дѣло было слажено, и крестьянинъ могъ повернуть восвояси,—онъ, вѣдь, сдѣлалъ, что было нужно; но разъ ужъ онъ вздумалъ побывать на ярмаркѣ, такъ и надо было—хотя бы для того только, чтобъ поглядѣть на нее. Вотъ онъ и пошелъ съ коровой дальше. Шагалъ онъ быстро, корова не отставала, и они скоро нагнали человѣка, который велъ овцу. Овца была добрая, въ тѣлѣ, съ густою шерстью.

„Вотъ отъ такой бы я не прочь!" подумалъ крестьянинъ. „Этой бы хватило травы на нашемъ краю канавы, а зимою ее можно держать въ избѣ. По правдѣ-то, намъ сподручнѣе держать овцу, чѣмъ корову. Помѣняться развѣ?"

Владѣлецъ овцы охотно согласился, мѣна состоялась, и крестьянинъ зашагалъ по дорогѣ съ овцой. Вдругъ, у придорожнаго плетня онъ увидалъ человѣка съ большимъ гусемъ подъ мышкой.

— Ишь, гусище-то у тебя какой!—сказалъ крестьянинъ.— У него и жира и пера вдоволь! А, вѣдь, любо было бы поглядѣть, стой онъ на привязи у нашей канавки! И старухѣ моей было бы для кого собирать объѣдки да обрѣзки овощей! Она часто говоритъ: „Ахъ, кабы у насъ былъ гусь!“ Ну вотъ, теперь есть случай добыть его... и она его получитъ! Хочешь мѣняться? Я дамъ тебѣ за гуся овцу, да спасибо въ придачу!

Тотъ не отказался, и они помѣнялись; крестьянинъ получилъ гуся. Между тѣмъ онъ дошелъ до городской заставы; тутъ была толкотня, люди и животныя такъ и кишѣли по всей дорогѣ вдоль канавы, вплоть до картофельнаго поля сторожа. Въ полѣ бродила курица сторожа, но ее привязали къ изгороди веревочкою, чтобы она не испугалась народа и не отбилась отъ дома. Она была короткохвостая, подмигивала однимъ глазомъ и вообще на видъ была курица хоть куда. „Кокъ, кокъ!“ бормотала она; что хотѣла она этимъ сказать, я не знаю, но крестьянинъ, слушая ее, думалъ: „Лучше этой курицы я и не видывалъ. Она красивѣе насѣдки священника; ее бы я взялъ! Курица вездѣ сыщетъ себѣ зернышко, почитай что сама себя прокормитъ! Право хорошо было бы смѣнять на нее гуся.“—Хочешь мѣняться?—спросилъ онъ у сторожа.

— Мѣняться! Отчего-жъ!—отвѣтилъ тотъ, и они помѣнялись. Сторожъ взялъ себѣ гуся, а крестьянинъ курицу.

Не мало таки дѣлъ сдѣлалъ онъ на пути въ городъ, а жара стояла ужасная, и онъ сильно умаялся. Не худо было бы теперь и перекусить да выпить! А постоялый дворъ тутъ какъ тутъ. Къ нему онъ и направился, оттуда же выходилъ въ эту минуту работникъ съ большимъ, туго набитымъ мѣшкомъ, и они встрѣтились въ дверяхъ.

— Что у тебя тамъ?—спросилъ крестьянинъ.

— Гнилые яблоки!—отвѣтилъ работникъ.—Несу полный мѣшокъ свиньямъ!

— Такую-то уйму?! Вотъ бы поглядѣла моя старуха! У насъ въ прошломъ году уродилось на старой яблонѣ всего одно яблочко, такъ мы берегли въ сундукѣ, пока оно не сгнило! „Все же это показываетъ достатокъ въ домѣ!“—говорила старуха. Вотъ бы посмотрѣла она на такой достатокъ! Да, надо будетъ порадовать ее!

— А что вы дадите за мѣшокъ?—спросилъ парень.

— Что дамъ? Да вотъ курицу!—И онъ отдалъ курицу,

взялъ мѣшокъ съ яблоками, вошелъ въ горницу и—прямо къ прилавку, а мѣшокъ свой прислонилъ къ печкѣ. Она топилась, но онъ и не подумалъ о томъ. Въ горницѣ было пропасть гостей: барышники, торговцы волами и два англичанина. Эти были такіе богатые, что карманы у нихъ чуть не лопались отъ золота, и большіе охотники до пари. Теперь слушайте!

„Зу-сссъ! Зу-сссъ!“ Что это за звуки раздались у печки? А это яблоки начали печься.

— Что это такое?—спросили гости и сейчасъ же узнали всю исторію о мѣнѣ лошади на корову, коровы на овцу и такъ далѣе до мѣшка съ гнилыми яблоками.

— Ну, и попадетъ тебѣ отъ старухи, когда вернешься!—сказали они.—То-то гвалтъ поднимется!

— Поцѣлуетъ она меня, вотъ и все!—сказалъ крестьянинъ.—Старуха моя скажетъ: „Ужъ что муженекъ сдѣлаетъ, то и ладно!“

— А вотъ посмотримъ!—сказали англичане.—Бочку золота на пари! Въ мѣрѣ сто фунтовъ!

— И полной мѣрки золота довольно!—сказалъ крестьянинъ.—А я могу поставить только полную мѣрку яблокъ да насъ со старухою въ придачу! Такъ мѣрка-то выйдетъ ужъ съ верхомъ!

— Ну-ну!—сказали тѣ, и ударили по рукамъ.

Подъѣхала телѣжка хозяина, англичане влѣзли, крестьянинъ тоже, взвалили и яблоки, и—маршъ къ избушкѣ крестьянина.

— Здравствуй старуха!

— Здравствуй муженекъ!

— Ну, я промѣнялъ!

— Да, вѣдь, ты ужъ знаешь свое дѣло!—сказала жена, обняла его и забыла и о мѣшкѣ и объ англичанахъ.

— Я промѣнялъ лошадь на корову!

— Слава Богу! Съ молокомъ будемъ!—сказала жена.—Будемъ кушать и масло и сыръ. Вотъ, это такъ мѣна!

— Такъ то такъ, да я корову-то смѣнялъ на овцу!

— Да оно и лучше!—отвѣтила жена.—Ты обо всемъ подумаешь! У насъ и травы-то какъ разъ на овцу! Теперь у насъ будутъ овечье молоко и сыръ, да еще шерстяные чулки и даже фуфайки! А корова-то этого не дастъ! Она линяетъ! Вотъ, какой ты, право, умный!

— Я и овцу промѣнялъ—на гуся!

— Какъ, неужели у насъ въ этомъ году будетъ къ Мартинову

дню жареный гусь, муженекъ?! Все-то ты думаешь, чѣмъ-бы порадовать меня! Какъ ты это славно придумалъ! Гуся можно будетъ держать на привязи, чтобы онъ еще больше разжирѣлъ къ Мартинову дню!

— Я и гуся промѣнялъ на курицу!—сказалъ мужъ.

— На курицу! Вотъ это мѣна! Курица нанесетъ яицъ, высидитъ цыплятъ, у насъ заведется цѣлый птичникъ! Вотъ чего мнѣ давно хотѣлось!

— А курицу-то я промѣнялъ на мѣшокъ гнилыхъ яблокъ!

— Ну, такъ дай же мнѣ расцѣловать тебя!—сказала жена.— Спасибо тебѣ, муженекъ! Вотъ, ты послушай, что я разскажу тебѣ. Ты уѣхалъ, а я и подумала: „дай-ка приготовлю ему къ вечеру что нибудь повкуснѣе—яичницу съ лукомъ! Яйца-то у меня были, а луку не было. Я и пойди къ женѣ школьнаго учителя. Я знаю, что у нихъ есть лукъ, но она вѣдь скупая-прескупая! Я попросила ее одолжить мнѣ луку, а она: „Одолжить? Ничего у насъ въ саду не растетъ, даже гнилого яблока не отыщешь!“ Ну, а я теперь могу одолжить ей хоть десятокъ, хоть цѣлый мѣшокъ! То-то смѣхъ, муженекъ!—И она опять поцѣловала его прямо въ губы.

— Вотъ, это намъ нравится!—вскричали англичане.—Все хуже, да хуже, и все ни почемъ! За это и деньги отдать не жаль!—И они отсыпали крестьянину за то, что ему достались поцѣлуи, а не трепка, цѣлую мѣрку червонцевъ.

Да, ужъ если жена считаетъ мужа умнѣе всѣхъ на свѣтѣ, и все, что онъ ни дѣлаетъ находитъ хорошимъ—это безъ награды не останется!

Такъ вотъ, какая исторія! Я слышалъ ее въ дѣтствѣ, а теперь разсказалъ ее тебѣ, и ты теперь знаешь, что „ужъ что муженекъ сдѣлаетъ, то и ладно!“

СНѢГУРЪ.

— Такъ и хруститъ во мнѣ! Славный морозище!—сказалъ снѣгуръ.—Вѣтеръ-то, вѣтеръ-то такъ и кусаетъ! Просто любо! А эта что глазѣетъ, пучеглазая?—Это онъ про солнце говорилъ, которое какъ разъ заходило.—Нечего, нечего! Я и не смигну! Устоимъ!

Вмѣсто глазъ у него торчали два осколка кровельной че-

репицы, вмѣсто рта—обломокъ старой грабли; значитъ онъ былъ и съ зубами.

На свѣтъ онъ появился при радостныхъ „ура“ мальчишекъ, подъ звонъ бубенчиковъ, скрипъ полозьевъ и щелканье извозчичьихъ кнутовъ.

Солнце зашло, и на голубое небо выплыла луна, полная, ясная!

— Ишь, съ другой стороны ползетъ!—сказалъ снѣгуръ. Онъ думалъ, что это опять солнце показалось.—Я всетаки отучилъ ее пялить на меня глаза! Пусть себѣ виситъ и свѣтитъ потихоньку, чтобы мнѣ видно было себя!.. Ахъ, кабы мнѣ ухитриться какъ-нибудь сдвинуться! Такъ бы и побѣжалъ туда на ледъ покататься, какъ давеча мальчишки! Бѣда—не могу двинуться съ мѣста!

— Вонъ! Вонъ!—залаяла старая цѣпная собака; она немножко охрипла — съ тѣхъ поръ еще, какъ была комнатною собачкой и лежала у печки.—Солнце выучитъ тебя двигаться! Я видѣла, что было въ прошломъ году съ такимъ, какъ ты, и въ позапрошломъ тоже! Вонъ! Вонъ! Всѣ убрались вонъ!

— Что ты толкуешь, дружище?—сказалъ снѣгуръ.—Вонъ та пучеглазая выучитъ меня двигаться?—Снѣгуръ говорилъ про луну.—Она сама-то удрала отъ меня давеча: я такъ пристально посмотрѣлъ на нее въ упоръ! А теперь вонъ опять выползла съ другой стороны!

— Много ты смыслишь!—сказала цѣпная собака.—Ну да, вѣдь, тебя только что вылѣпили! Та, что глядитъ теперь, луна, а то, что ушло, солнце; оно опять вернется завтра. Ужо оно подвинетъ тебя—прямо въ канаву! Погода перемѣнится! Я чую,—лѣвая нога заныла! Перемѣнится, перемѣнится!

— Не пойму я ее что-то!—сказалъ снѣгуръ.—А сдается, она сулитъ мнѣ недоброе! Та пучеглазая, что зовутъ солнцемъ, тоже не другъ мнѣ, я ужъ чую!

— Вонъ! Вонъ!—пролаяла цѣпная собака, три раза повернулась вокругъ самой себя и улеглась въ своей конурѣ спать.

Погода и въ самомъ дѣлѣ перемѣнилась. Къ утру вся окрестность была окутана густымъ, тягучимъ туманомъ; потомъ подулъ рѣзкій, леденящій вѣтеръ, и затрещалъ морозъ. А что за красота была, когда взошло солнышко!

Деревья и кусты въ саду стояли всѣ осыпанныя инеемъ,—точно лѣсъ изъ бѣлыхъ кралловъ! Всѣ вѣтви словно покры-

лись блестящими бѣлыми цвѣточками! Мельчайшія развѣтвленія вѣтвей, которыхъ лѣтомъ и не видно изъ за густой листвы, теперь ясно вырисовывались тончайшимъ кружевнымъ узоромъ ослѣпительной бѣлизны; отъ каждой вѣтки какъ будто лилось сіянье! Плакучая береза, колеблемая вѣтромъ, казалось, ожила; длинныя вѣтви ея съ пушистою бахрамой тихо шевелились—точь въ точь, какъ лѣтомъ! Вотъ было великолѣпіе! Встало солнышко... Ахъ! какъ все вдругъ засверкало и загорѣлось крошечными, ослѣпительно-бѣлыми огоньками! Все было точно осыпано алмазною пылью, а на снѣгу переливались крупные брилліанты!

— Что за прелесть!—сказала молодая дѣвушка, вышедшая въ садъ подъ руку съ молодымъ человѣкомъ. Они остановились какъ разъ возлѣ снѣгура и смотрѣли на сверкающія деревья.

— Лѣтомъ такого великолѣпія не увидишь!—сказала она, вся сіяя отъ удовольствія.

— И такого молодца—тоже!—сказалъ молодой человѣкъ, указывая на снѣгура.—Онъ безподобенъ!

Молодая дѣвушка засмѣялась, кивнула головкой снѣгуру и пустилась съ молодымъ человѣкомъ по снѣгу въ припрыжку; такъ и захрустѣло у нихъ подъ ногами, точно они бѣжали по крахмалу.

— Кто такіе приходили эти двое?—спросилъ снѣгуръ цѣпную собаку.—Ты, вѣдь, живешь тутъ подольше меня; знаешь ты ихъ?

— Знаю!—сказала собака.—Она гладила меня, а онъ бросалъ косточки,—такихъ я не кусаю.

— А что же они изъ себя изображаютъ?—спросилъ снѣгуръ.

— Парррочку!—сказала цѣпная собака.—Вотъ они поселятся въ конурѣ и будутъ вмѣстѣ глодать кости! Вонъ! Вонъ!

— Ну а значатъ они что-нибудь, какъ вотъ я да ты?

— Да, вѣдь, они господа!—сказала цѣпная собака.—Куда какъ мало смыслитъ тотъ, кто только вчера вылѣзъ на свѣтъ Божій! Это я по тебѣ вижу! Вотъ, я такъ богата и годами и знаніемъ! Я всѣхъ, всѣхъ знаю здѣсь! Да, я знавала времена получше!.. Не мерзла тутъ въ холодъ на цѣпи! Вонъ! Вонъ!

— Славный морозецъ!—сказалъ снѣгуръ.—Ну, ну, разсказывай, разсказывай! Только не греми цѣпью, а то меня просто коробитъ!

— Вонъ! Вонъ!—залаяла цѣпная собака.—Я была щен-

комъ, крошечнымъ, хорошенькимъ щенкомъ и лежала на бархатныхъ креслахъ, тамъ въ домѣ, лежала на колѣняхъ у знатныхъ господъ! Меня цѣловали въ мордочку и вытирали лапки вышитыми платками! Звали меня „Милкой", „Крошкой"!.. Потомъ я подросла, велика для нихъ стала, и меня подарили ключницѣ; я попала въ подвальный этажъ. Ты можешь заглянуть туда; съ твоего мѣста отлично видно. Такъ вонъ въ той коморкѣ я и зажила барыней, да, барыней! Тамъ хоть и пониже было, да зато спокойнѣе, чѣмъ на верху: меня не таскали и не тискали дѣти. Ѣла я тоже не хуже, если еще не лучше! У меня была своя подушка и еще... тамъ была печка, самая чудеснѣйшая вещь въ свѣтѣ въ такія холода! Я совсѣмъ уползала подъ нее!.. О, я и теперь еще мечтаю объ этой печкѣ! Вонъ! Вонъ!

— Развѣ ужъ она такъ хороша, печка-то? — спросилъ снѣгуръ.—Похожа она на меня?

— Ничуть! Вотъ сказалъ тоже! Печка черна, какъ уголь; у нея длинная шея и мѣдное пузо! Она такъ и пожираетъ дрова, огонь пышетъ у нея изо рта! Рядомъ съ нею, подъ нею—настоящее блаженство! Ее видно въ окно, погляди!

Снѣгуръ посмотрѣлъ и въ самомъ дѣлѣ увидалъ черную блестящую штуку съ мѣднымъ животомъ; изъ него свѣтился огонь. Снѣгура вдругъ охватило какое-то странное желаніе,—въ немъ какъ будто зашевелилось что-то... Что такое нашло на него, онъ и самъ не зналъ и не понималъ, хотя это понялъ бы всякій человѣкъ, если, разумѣется, онъ не снѣгуръ.

— Зачѣмъ же ты ушла отъ нея?—спросилъ снѣгуръ собаку.—Какъ ты могла уйти оттуда?

— Пришлось поневолѣ! — сказала цѣпная собака.—Они вышвырнули меня и посадили на цѣпь. Я укусила за ногу младшаго барчука,—онъ хотѣлъ отнять у меня кость! „Кость за кость!" думаю себѣ... А они осердились, и вотъ — я на цѣпи! Потеряла голосъ... Слышишь, какъ я хриплю? Вонъ! Вонъ! Вотъ тебѣ и вся недолга!

Снѣгуръ ужъ не слушалъ; онъ не сводилъ глазъ съ подвальнаго этажа, съ коморки ключницы, гдѣ стояла на четырехъ ножкахъ желѣзная печка, величиной съ самаго снѣгура.

— Во мнѣ что-то такъ странно шевелится!—сказалъ онъ.— Неужели я никогда не попаду туда? Это, вѣдь, такое невинное желаніе, отчего жъ бы ему и не сбыться? Это мое самое

завѣтное, мое единственное желаніе! Гдѣ же справедливость, если оно не сбудется? Мнѣ надо туда, туда, къ ней... прижаться къ ней во что бы то ни стало, хоть бы пришлось разбить окно!

— Туда тебѣ не попасть!—сказала цѣпная собака.—А если бы ты и добрался до печки, то тебѣ конецъ! Вонъ! Вонъ!

— Мнѣ ужъ и такъ конецъ подходитъ, того и гляди свалюсь!

Цѣлый день снѣгуръ стоялъ и смотрѣлъ въ окно; въ сумерки коморка выглядѣла еще привѣтливѣе: печка свѣтила такъ мягко, какъ не свѣтить ни солнцу, ни лунѣ! Куда имъ! Такъ свѣтитъ только печка, если брюшко у нея набито. Когда его открыли—изъ него такъ и метнулось пламя и заиграло яркимъ отблескомъ на бѣломъ лицѣ и груди снѣгура.

— Не выдержу!—сказалъ онъ.—Какъ мило она высовываетъ языкъ! Какъ это идетъ къ ней!

Ночь была длинная, длинная, только не для снѣгура; онъ весь погрузился въ чудныя мечты,—онѣ такъ и трещали въ немъ отъ мороза.

Къ утру всѣ окна подвальнаго этажа покрылись чудеснымъ ледянымъ узоромъ, цвѣтами; лучшихъ снѣгуру нечего было и требовать, но они скрывали печку! Стекла не оттаявали, и онъ не могъ видѣть печку! Морозъ такъ и трещалъ, снѣгъ хрустѣлъ, снѣгуру радоваться бы да радоваться, такъ нѣтъ! Онъ тосковалъ о печкѣ! Онъ былъ положительно боленъ.

— Ну, это опасная болѣзнь для снѣгура!—сказала цѣпная собака.—Я тоже страдала этимъ, но поправилась. Вонъ! Вонъ! Будетъ перемѣна погоды!

И погода перемѣнилась, сдѣлалась оттепель.

Оттепель усиливалась, и снѣгуръ поубавился, но онъ не говорилъ ничего, не жаловался, а это плохой признакъ.

Въ одно прекрасное утро онъ рухнулъ. На мѣстѣ его торчало только что-то вродѣ желѣзной согнутой палки; на ней-то мальчишки и укрѣпили его.

— Ну, теперь я понимаю его тоску!—сказала цѣпная собака.—У него внутри была кочерга! Вотъ, что шевелилось въ немъ! Теперь все прошло! Вонъ! Вонъ!

Скоро прошла и зима.

— Вонъ! Вонъ!—лаяла цѣпная собака, а дѣвочки на улицѣ пѣли:

Цвѣточекъ лѣсной, поскорѣй распускайся!
Ты, вербочка, мягкимъ пушкомъ одѣвайся!
Кукушки, скворцы прилетайте,
Весну намъ красну воспѣвайте!
И мы вамъ подтянемъ: ай люли-люли,
Деньки наши красные снова пришли!

О снѣгурѣ же и думать забыли!

НА УТИНОМЪ ДВОРѢ.

Изъ Португаліи—а кто говоритъ изъ Испаніи, но это все едино—вывезли утку; прозвали ее Португалкою; она несла яйца, потомъ ее зарѣзали, зажарили и подали на столъ,—вотъ и вся ея исторія. Выводковъ изъ ея яицъ тоже звали Португалками, и это кое-что значило. Наконецъ, изъ всего потомства первой Португалки осталась на утиномъ дворѣ только одна. На этотъ утиный дворъ допускались и куры съ пѣтухомъ, неимовѣрно задиравшимъ носъ.

— Онъ просто оскорбляетъ меня своимъ неистовымъ крикомъ!—говорила Португалка.—Но онъ красивъ,—этого нельзя у него отнять—хоть и не сравнится съ селезнемъ. Ему бы слѣдовало быть посдержаннѣе, но, вѣдь, сдержанность—это цѣлое искусство, требующее высшаго образованія. Этимъ отличаются пѣвчія птички, что гнѣздятся вонъ тамъ въ сосѣдскомъ саду на липахъ! Какъ мило онѣ поютъ! Въ ихъ пѣніи есть что-то такое трогательное, „португальское"—какъ я это называю! Будь у меня такая пѣвчая птичка, я бы замѣнила ей мать, была бы съ нею ласкова, добра! Это ужъ у меня въ крови, въ моемъ португальствѣ.

И какъ разъ въ эту минуту къ ней и свалилась съ крыши пѣвчая птичка. Она шарахнулась оттуда, спасаясь отъ кошки, и отдѣлалась сломаннымъ крыломъ.

— Какъ это похоже на кошку, на эту кровопійцу!—сказала Португалка.—Я знаю ее еще съ той поры, какъ у меня самой были утята! И подумать, что такому созданью позволяютъ жить и бѣгать тутъ по крышамъ! Нѣтъ, ужъ въ Португаліи, я думаю, этого не увидишь!

И она принялась соболѣзновать о бѣдной пѣвчей птичкѣ. Соболѣзновали и простыя утки, не португальскія.

— Бѣдная крошка!—говорили онѣ, подходя къ ней одна за другой.—Сами мы не изъ пѣвчихъ, но въ насъ есть внутренній резонансъ или, какъ это назвать иначе? Мы чувствуемъ, хоть и не говоримъ о томъ!

— Такъ я поговорю!—сказала Португалка.—И сдѣлаю для нея кое-что! Это прямой долгъ каждаго!—Съ этими словами она подошла къ корыту и зашлепала во водѣ крыльями, такъ что чуть не потопила птичку подъ дождемъ брызгъ, но—отъ добраго сердца.—Вотъ это доброе дѣло!—сказала Португалка.—Пусть смотрятъ и берутъ примѣръ.

— Пипъ!—пискнула птичка; сломанное крылышко не давало ей встряхнуться хорошенько; но она всетаки понимала, что ее выкупали отъ добраго сердца.—Вы очень добры, сударыня!—прибавила она, но о повтореніи душа не просила.

— Я никогда не думала о своей добротѣ!—отвѣтила Португалка.—Но я знаю, что люблю всѣхъ моихъ ближнихъ, кромѣ кошки! А этого ужъ отъ меня и требовать не вправѣ. Она съѣла у меня двухъ утятъ!.. Ну, будьте же теперь здѣсь какъ дома! Это можно! Сама я тоже не здѣшняя, что вы, конечно, видите по моей осанкѣ и оперенію. А селезень мой здѣшній, не моей крови, но я не спѣсива!.. Если васъ вообще кто-нибудь пойметъ здѣсь во дворѣ, то, смѣю думать, это я!

— У нея Портулакія въ зобу!—сострилъ одинъ маленькій простой утенокъ; остальныя простыя утки нашли это безподобнымъ: Портулакія звучитъ, вѣдь, совсѣмъ какъ Португалія! И онѣ подталкивали другъ друга, крякая: Рапъ! Вотъ острякъ!—Потомъ онѣ опять заговаривали съ пѣвчею птичкой.

— Португалка—мастерица поговорить!—сказали онѣ.—У насъ нѣтъ такихъ громкихъ словъ въ клювѣ, но и мы принимаемъ въ васъ не меньшее участіе! И если мы ничего не дѣлаемъ для васъ, то не кричимъ объ этомъ! По нашему такъ благороднѣе.

— У васъ прелестный голосъ!—сказала одна изъ пожилыхъ утокъ.—То-то, должно быть, пріятно сознавать, что радуешь многихъ, какъ вы! Я, впрочемъ, мало смыслю въ пѣніи! Оттого и держу языкъ въ клювѣ. Это лучше, чѣмъ болтать глупости, какихъ вамъ столько приходится выслушивать.

— Не надоѣдайте ей!—вмѣшалась Португалка.—Ей нуженъ отдыхъ и уходъ. Хотите, я опять васъ выкупаю, маленькая пѣвунья?

— Ахъ, нѣтъ, нѣтъ! Позвольте мнѣ остаться сухою!—попросила та.

— А мнѣ только водяное лѣченье и помогаетъ!—продолжала Португалка.—Развлеченіе тоже очень полезно! Вотъ скоро придутъ въ гости сосѣдки куры; между ними есть двѣ китаянки; онѣ ходятъ въ панталончикахъ и очень образованы. Онѣ тоже не здѣшнія, и это очень подымаетъ ихъ въ моихъ глазахъ.

Куры явились; явился и пѣтухъ. На этотъ разъ онъ былъ настолько вѣжливъ, что не грубіянилъ.

— Вы настоящая пѣвчая птица!—сказалъ онъ птичкѣ.— И дѣлаете изъ своего крохотнаго голоска, что можете. Но надо имѣть свистокъ посильнѣе, чтобы слышно было, что ты—мужчина!

Обѣ китаянки пришли отъ птички въ восторгъ: она послѣ купанья была вся взъерошенная и напомнила имъ китайскаго цыпленка.—Какъ она мила!—сказали онѣ и вступили съ нею въ бесѣду. Говорили онѣ шопотомъ и все на „пе“, какъ породистыя китаянки.

— Мы, вѣдь, вашей породы! Утки, даже сама Португалка, принадлежатъ къ водянымъ птицамъ, какъ вы, вѣроятно, замѣтили. Вы насъ еще не знаете, но и многіе-ли насъ здѣсь знаютъ, или даютъ себѣ трудъ узнать? Никто, даже изъ куръ никто, хотя мы и рождены для болѣе высокой нашести, нежели большинство! Ну да пусть! Мы смирно идемъ своею дорогой среди другихъ, хотя у насъ и другіе принципы: мы смотримъ только на одно хорошее, говоримъ только о хорошемъ, хотя и трудно найти его тамъ, гдѣ нѣтъ ничего! Кромѣ насъ двухъ, да пѣтуха, во всемъ курятникѣ нѣтъ даровитыхъ и въ то же время честныхъ натуръ. Объ утиномъ дворѣ и говорить нечего. Мы предостерегаемъ васъ, милая пѣвунья! Не вѣрьте вонъ той короткохвостой уткѣ,—она хитрая! А вотъ та пестрая, съ кривымъ узоромъ на перьяхъ, страшная спорщица, никому не даетъ сказать послѣдняго слова, и сама всегда неправа! Та жирная утка обо всѣхъ отзывается дурно, а это противно нашей природѣ: ужъ если нельзя сказать хорошаго, лучше молчать! Португалка одна отличается хоть нѣкоторымъ образованіемъ, и съ нею еще можно водиться, но она тоже пристрастна и слишкомъ много говоритъ о своей Португаліи.

— И что эти китаянки расшептались!—удивлялась пара простыхъ утокъ.—На меня онѣ наводятъ скуку; я никогда съ ними не разговариваю.

Вотъ, явился и селезень. Онъ принялъ пѣвчую птичку за воробья.

— Ну да, я много не разбираю!—сказалъ онъ.—Все едино! Она изъ породы шарманокъ; есть онѣ—ну и ладно.

— Пусть себѣ говоритъ, а вы не обращайте вниманія!— шепнула птичкѣ Португалка.—Онъ зато весьма дѣловитый селезень, а дѣла, вѣдь, главное!.. Ну, а теперь, я прилягу отдохнуть. Это прямой долгъ по отношенію къ самой себѣ, если хочешь разжирѣть и быть набальзамированною яблоками и черносливомъ.

И она улеглась на солнышкѣ, помигивая однимъ глазомъ. Улеглась она хорошо, сама была хороша, и заснула хорошо. Пѣвчая птичка почесала сломанное крылышко и прилегла къ своей покровительницѣ. Солнышко такъ славно пригрѣвало, тутъ было чудесное мѣстечко.

Сосѣдскія куры принялись рыться въ землѣ; онѣ въ сущности и приходили сюда только за кормомъ. Потомъ онѣ стали расходиться; первыя ушли китаянки, за ними и остальныя. Остроумный утенокъ сказалъ про Португалку, что она скоро впадетъ въ „утиное дѣтство". Другія утки закрякали отъ смѣха. „Утиное дѣтство!" Ахъ, онъ безподобенъ! Вотъ острякъ!" И онѣ повторяли и прежнюю его остроту: „Портулакія". Ужасно забавно было! Затѣмъ улеглись и онѣ.

Прошелъ часъ, вдругъ на дворъ выплеснули помои и всякіе кухонные отброски. Отъ этого всплеска вся спящая компанія проснулась и забила крыльями. Проснулась и Португалка, перевалилась на другой бокъ и пребольно придавила пѣвчую птичку.

— Пипъ!—пискнула та.—Вы наступили на меня, сударыня!

— Не попадайтесь подъ ноги!—отвѣтила Португалка.— Да не будьте такою нѣженкой! У меня тоже есть нервы, а я никогда не пищу!

— Не сердитесь!—сказала птичка.—Это у меня такъ вырвалось!

Но Португалка не слушала, бросилась на поживу и отлично пообѣдала. Покончивъ съ ѣдой, она опять улеглась. Птичка снова подошла къ ней и хотѣла было доставить ей удовольствіе своимъ пѣніемъ:

Чу-чу-чу-чу!
Ужъ я не промолчу,
Я васъ воспѣть хочу!
Чу-чу-чу-чу!

— Теперь мнѣ надо отдохнуть послѣ обѣда!—сказала утка.—Пора вамъ привыкать къ здѣшнимъ порядкамъ! Я спать хочу!

Бѣдная птичка совсѣмъ растерялась: она, вѣдь, хотѣла услужить! Когда же госпожа Португалка проснулась, птичка ужъ опять стояла передъ нею и поднесла ей найденное зернышко. Но утка не выспалась, какъ слѣдуетъ, и, разумѣется, была не въ духѣ.

— Отдайте это цыпленку!—крикнула она.—Да не стойте у меня надъ душой!

— Да вы сердиты на меня?—спросила птичка.—Что же я сдѣлала?

— Сдѣлала!—повторила Португалка.—Выраженіе не изъ изящныхъ, позвольте вамъ замѣтить!

— Вчера свѣтило солнышко,—сказала птичка:—а сегодня такъ сѣро, темно! Мнѣ такъ грустно!

— Вы не сильны во времеисчисленіи!—сказала Португалка.—День еще не кончился! Да не смотрите же такъ глупо!

— Теперь у васъ точь въ точь такіе же злые глаза, какъ тѣ, отъ которыхъ я спаслась сюда!..

— Ахъ, безстыдница!—сказала Португалка.—Вы меня приравниваете къ кошкѣ, этой хищницѣ? Въ моей крови нѣтъ ни единой злой капельки! Я приняла въ васъ участіе и научу васъ приличному обхожденію!

И она откусила птичкѣ голову; птичка упала мертвая.

— Это еще что?!—сказала Португалка.—И этого перенести не могла? Ну, такъ она и не жилица была на этомъ свѣтѣ! А я была для нея матерью, это я знаю! Сердце у меня есть!

Сосѣдскій пѣтухъ просунулъ голову на дворъ и закукурекалъ, что твой паровозъ.

— Вы изводите меня своимъ крикомъ!— сказала утка. — Это все вы виноваты! Она потеряла голову, да и я свою скоро потеряю!

— Не много-то мѣста она теперь занимаетъ! — сказалъ пѣтухъ.

— Говорите о ней почтительнѣе!—сказала Португалка.— У нея былъ голосъ, она умѣла пѣть, была образована! Она была нѣжная и любящая, а это также приличествуетъ животнымъ, какъ и такъ называемымъ людямъ!

Вокругъ мертвой птички собрались всѣ утки; утки вообще

сильно чувствуютъ и выражаютъ свои чувства: и зависть и жалость. Тутъ завидовать было нечему, такъ онѣ жалѣли. Пришли и куры-китаянки.

— Такой пѣвчей птички намъ ужъ не нажить! Она была почти что китаянка!—И онѣ всхлипывали; другія куры тоже, а утки ходили съ красными глазами.

— Сердце-то у насъ есть!—говорили онѣ.—Этого ужъ у насъ не отнимутъ!

— Сердце!—повторила Португалка.—Да, этого-то добра у насъ здѣсь почти столько же, сколько и въ Португаліи!

— Подумаемъ-ка лучше, чѣмъ бы набить зобы!—замѣтилъ селезень.—Это важнѣе всего! А если и разбилась одна шарманка, что-жъ? Ихъ еще довольно осталось на свѣтѣ!

МУЗА НОВАГО ВѢКА.

Когда же проявитъ свое существованіе Муза новаго вѣка, которую узрятъ наши правнуки, а, можетъ быть, и еще болѣе позднія поколѣнія? Какова будетъ она? О чемъ споетъ? Какихъ душевныхъ струнъ коснется? На какую высоту подыметъ свой вѣкъ?

Да можно-ли задавать столько вопросовъ въ наше суетливое время, когда поэзія является чуть-ли не помѣхой, когда ясно сознаютъ, что отъ большинства „безсмертныхъ“ произведеній современныхъ поэтовъ останется въ будущемъ много-много что-то вродѣ углевыхъ надписей, встрѣчающихся на тюремныхъ стѣнахъ и привлекающихъ вниманіе развѣ нѣкоторыхъ случайныхъ любопытныхъ?

При такомъ положеніи дѣлъ, поэзіи поневолѣ приходится принимать извѣстное участіе въ жизни, играть хоть роль пыжа въ борьбѣ партіи, когда люди проливаютъ кровь или чернила.

Это односторонній взглядъ, скажутъ многіе; поэзія не забыта и въ наше время.

Нѣтъ. Находятся еще люди, у которыхъ въ „лѣнивые понедѣльники“ просыпается потребность въ поэзіи; испытывая отъ голода духовное урчаніе въ соотвѣтствующихъ благородныхъ частяхъ своего организма, они посылаютъ слугу въ книжный магазинъ купить поэзіи—особенно рекомендуемой, на цѣлыхъ че-

тыре скиллинга! Нѣкоторые же довольствуются и тою поэзіей, которую могутъ получить въ придачу къ покупкамъ, или удовлетворяются чтеніемъ печатныхъ клочковъ, въ которые лавочники завертываютъ имъ покупки. Такъ выходитъ дешевле, а въ наше суетливое время нельзя не обращать вниманіе на дешевизну. Итакъ, существующія потребности удовлетворяются,—чего же еще? Поэзія же будущаго, какъ и музыка будущаго—только донкихотство, и говорить о нихъ все равно, что говорить о путешествіи съ научною цѣлью на Уранъ!

Время слишкомъ дорого, чтобы тратить его на фантазированіе, а, вѣдь, что такое въ сущности—если разсуждать, какъ слѣдуетъ—что такое поэзія? Эти звучныя изліянія чувствъ и мыслей—только движеніе и колебаніе нервовъ. Восторгъ, радость, боль, даже матеріальныя стремленія—все это, по словамъ ученыхъ, только колебаніе нервовъ. Каждый изъ насъ въ сущности нѣчто вродѣ арфы или другого струннаго инструмента.

Но кто же затрогиваетъ эти струны? Кто заставляетъ ихъ колебаться и дрожать? Духъ, незримый, божественный духъ; *его* голосъ приводитъ ихъ въ колебаніе; онѣ колеблются, звучатъ, и мелодія ихъ или сливается съ основнымъ звукомъ въ одинъ гармоническій аккордъ, или образуетъ могучій диссонансъ. Такъ оно было, такъ и будетъ всегда въ великомъ прогрессѣ человѣчества на пути свободнаго сознанія.

Каждый вѣкъ, можно даже сказать—каждое тысячелѣтіе находитъ свое высшее выраженіе въ поэзіи. Рожденная въ извѣстную эпоху, Муза вѣка выступаетъ и царствуетъ только въ слѣдующую.

Муза новаго вѣка родилась въ наше суетливое время подъ грохотъ и стукъ машинъ. Привѣтъ ей! Она услышитъ или, можетъ быть, прочтетъ его когда нибудь между только что упомянутыми углевыми надписями.

Колыбель ея раскачивалась въ пространствѣ, ограниченномъ съ одной стороны крайнею точкой, которой касалась нога человѣка въ его изысканіяхъ на сѣверѣ, а съ другой—крайними предѣлами видимаго человѣку темнаго полярнаго горизонта. Мы не слышали скрипа ея колыбели изъ-за шума стучащихъ машинъ, свиста паровозовъ, взрывовъ скалъ матеріализма и грохота сбрасываемыхъ умственныхъ оковъ.

Она родилась въ великой фабрикѣ, представляемой нынѣ

нашею землею, въ эпоху господства пара, неустанной работы господина „Безкровнаго“ и его подручныхъ.

У нея великое любвеобильное сердце женщины; въ ея душѣ горитъ священное пламя весталки и огонь страсти. Одарена она быстрымъ, яркимъ, какъ молнія, умомъ, проникающимъ черезъ тьму тысячелѣтій; въ немъ, какъ въ призмѣ, отражаются всѣ оттѣнки господствовавшихъ когда-либо людскихъ мнѣній, смѣнявшихся согласно модѣ. Силу и сокровище новой Музы составляетъ лебединое опереніе фантазіи, вытканное наукой и оживленное первобытными силами природы.

Она дитя народа по отцу; здравомыслящая, съ здоровою душою, серьезными глазами и улыбкой на устахъ. По матери же она ведетъ родъ отъ знатныхъ, академически-образованныхъ эмигрантовъ, хранящихъ память о золотой эпохѣ „рококо“. Муза новаго вѣка уродилась душой и тѣломъ въ обоихъ.

„На зубокъ“ ей положили въ колыбель великолѣпные дары. Въ изобиліи были насыпаны туда, словно лакомства, загадки природы съ разгадками; изъ водолазнаго колокола высыпали ей разныя бездѣлушки и диковинки морского дна. На пологѣ была отпечатана карта неба, напоминающаго океанъ съ миріадами островов-міровъ. Солнце рисовало ей картинки; фотографія должна была доставлять игрушки.

Кормилица пѣла ей пѣсни сѣвернаго скальда Эйвинда и восточнаго пѣвца Фирдуси, пѣсни миннезингеровъ и пѣсни, что выливались изъ глубины истинно-поэтической души шаловливаго Гейне. Много, даже слишкомъ много, разсказывала ей кормилица. Муза знаетъ и наводящія ужасъ преданія пра-прабабушки Эдды, преданія, въ которыхъ какъ бы слышится свистъ кровавыхъ крылъ проклятій. Она прослушала въ четверть часа и всю восточную фантазію — „Тысячу и одну ночь“.

Муза новаго вѣка еще дитя, но она уже выпрыгнула изъ колыбели; она полна стремленія, но еще и сама не знаетъ, къ чему ей стремиться.

Она еще играетъ въ своей просторной дѣтской, наполненной сокровищами искусствъ и бездѣлушками стиля рококо. Тутъ же и чудныя мраморныя изваянія греческой трагедіи и римской комедіи; по стѣнамъ развѣшаны, словно сухія травы, народныя пѣсни; стоитъ ей поцѣловать ихъ, и онѣ пышно распустятся, свѣжія, благоухающія! Вокругъ нея раздаются безсмертныя созвучія Бетховена, Глюка, Моцарта и другихъ ве-

12*

ликихъ мастеровъ. На книжной полкѣ стоятъ произведенія авторовъ, считавшихся въ свое время безсмертными, но на ней хватило бы мѣста и для трудовъ всѣхъ тѣхъ, чьи имена передаются намъ по телеграфной проволокѣ безсмертія, но замираютъ вмѣстѣ съ передачей телеграммы.

Много, слишкомъ много она читала; она, вѣдь, родилась въ наше время, многое придется ей забыть, и она сумѣетъ позабыть.

Она еще не думаетъ о своей пѣснѣ, которая будетъ жить въ новомъ вѣкѣ, какъ живутъ теперь вдохновенныя творенія Моисея и другія. Она еще не думаетъ о своей миссіи, о своемъ будущемъ, она играетъ подъ шумъ борьбы націй, потрясающій воздухъ и образующій разныя звуковыя фигуры изъ гусиныхъ перьевъ или изъ ядеръ—руны, которыя трудно разгадать.

Она носитъ гарибальдійскую шапочку, читаетъ Шекспира, и у нея мелькаетъ мысль: „А вѣдь, его еще можно будетъ ставить, когда я выросту!“ Кальдеронъ покоится въ саркофагѣ своихъ произведеній; надпись на немъ говоритъ о его славѣ. Гольберга же—да, Муза, вѣдь, космополитка—она переплела въ одинъ томъ съ Мольеромъ, Плавтомъ и Аристофаномъ; но охотнѣе всего она читаетъ всетаки Мольера.

Ей незнакомо то безпокойство, которое гонитъ горную серну, но и ея душа жаждетъ соли жизни, какъ горная серна—раздолья горъ. Въ сердцѣ ея разлитъ такой же покой, какимъ дышутъ сказанія древнихъ евреевъ, этихъ номадовъ, кочевавшихъ въ тихія звѣздныя ночи по зеленымъ равнинамъ, и все же, когда она поетъ ихъ, сердце ея бьется сильнѣе, чѣмъ билось оно у вдохновеннаго древняго воина съ Ѳессалійскихъ горъ.

Ну, а насчетъ ея религіи какъ?—Она изучила всѣ философскія таблицы, сломала себѣ на „происхожденіи первоначальныхъ силъ“ одинъ изъ молочныхъ зубовъ, но получила взамѣнъ новый, вкусила плода познанія еще въ колыбели и стала такъ умна, что „безсмертіе“ кажется ей геніальнѣйшею мыслью человѣчества.

Когда же настанетъ новый вѣкъ поэзіи? Когда выступитъ его Муза? Когда мы услышимъ ее?

Въ одно прекрасное весеннее утро она примчится на паровомъ драконѣ, съ шумомъ пронесется по тунелямъ, по мостамъ надъ пропастями, или пронесется по бурному морю на пыхтящемъ дельфинѣ, или по воздуху на птицѣ Рокъ Монгольфіера

и спустится на землю, откуда и раздастся впервые ея привѣтствіе человѣчеству. Откуда же? Не изъ земли-ли Колумба, страны свободы, гдѣ туземцы стали гонимыми звѣрями, а африканцы—вьючными животными, страны, откуда прозвучала пѣснь о „Гіаватѣ?“ Или изъ земли нашихъ антиподовъ, золотого острова въ южномъ морѣ, страны контрастовъ, гдѣ наша ночь является днемъ, гдѣ въ мимозовыхъ лѣсахъ поютъ черные лебеди? Или изъ той страны, гдѣ звенитъ и поетъ намъ колоссъ Мемнона, хотя мы и не понимаемъ пѣнія сфинкса пустыни? Съ каменноугольнаго-ли острова, гдѣ со временъ Елизаветы господствуетъ Шекспиръ? Изъ отчизны-ли Тихо-де-Браге, гдѣ его не оцѣнили, или изъ страны сказочныхъ приключеній, Калифорніи, гдѣ возноситъ къ небу свою главу царь лѣсовъ—Веллингтоново дерево?

Когда же заблеститъ звѣзда съ чела Музы? Когда распустится цвѣтокъ, на лепесткахъ котораго будетъ начертанъ символъ красоты вѣка, красоты формъ, красокъ и благоуханія?

„А какова будетъ программа новой Музы?“ спросятъ свѣдующіе „депутаты“ отъ нашего времени. „Чего она хочетъ?“

Спросите лучше, чего она *не* хочетъ. Она не хочетъ выступить тѣнью истекшаго времени! Не хочетъ мастерить новыхъ драмъ изъ сданныхъ въ архивъ сценическихъ эффектовъ, или прикрывать убожество драматической архитектуры ослѣпительными лирическими драпировками! Она на нашихъ же глазахъ шагнетъ въ этой области такъ же далеко, какъ далеко шагнулъ мраморный амфитеатръ отъ колесницы Ѳесписа. Она не хочетъ разбивать въ куски естественную человѣческую рѣчь и потомъ лѣпить изъ нихъ затѣйливые колокольчики съ вкрадчивыми звуками временъ состязаній трубадуровъ. Она не захочетъ признать поэзію дворянкой, а прозу мѣщанкой,—она сдѣлаетъ и стихи и прозу равными по звуку, полнотѣ и силѣ. Не захочетъ она и вновь ваять старыхъ боговъ изъ могучихъ, какъ скалы, исландскихъ сагъ! Тѣ боги умерли, и у новаго вѣка нѣтъ къ нимъ сочувствія; они чужды ему! Не захочетъ она и приглашать своихъ современниковъ отдыхать мыслью въ вертепахъ французскихъ романовъ. Не захочетъ и усыплять ихъ „обыкновенными исторіями“! Она хочетъ поднести современникамъ жизненный элексиръ! Пѣснь ея и въ стихахъ и въ прозѣ будетъ сжата, ясна и богата содержаніемъ! Біенье сердца каждой національности явится для нея лишь буквою въ великой азбукѣ мірового развитія, и она возьметъ каждую букву съ одинаковою любовью,

составитъ изъ нихъ слова, и они ритмично польются въ гимнѣ, который она воспоетъ своему вѣку!

Когда же наступитъ это время?

Для насъ, еще живущихъ здѣсь на землѣ, не скоро, а для улетѣвшихъ впередъ—очень скоро.

Скоро рушится китайская стѣна; желѣзныя дороги Европы достигнутъ закрытыхъ культурныхъ архивовъ Азіи, и два потока культуры сольются! Они зашумятъ, можетъ быть, такъ грозно, что мы, престарѣлые представители современности, затрепещемъ, какъ передъ наступленіемъ Рагнарока, когда должны пасть старые боги. Но намъ не слѣдовало бы забывать, что эпохи и поколѣнія человѣческія должны смѣнятьсяи и счезать, что отъ нихъ остаются лишь миніатюрныя отраженія, заключенныя въ рамки слова, которыя и плывутъ по потоку вѣчности, словно цвѣты лотоса, говоря намъ, что всѣ эти поколѣнія такихъ же людей, какъ и мы, только одѣтыхъ иначе—дѣйствительно жили. Картина жизни древнихъ евреевъ свѣтитъ намъ со страницъ библіи, грековъ—изъ Илліады и Одиссеи, а нашей жизни? Спроси у Музы новаго вѣка, спроси у нея во время Рагнарока, когда возникнетъ новая, преображенная Гимле *).

Вся сила пара, всякое давленіе современности послужатъ для Музы рычагами! Мастеръ „Безкровный“ и его юркіе подручные, которые казались могучими господами нашего времени, явятся лишь слугами, черными рабами, украшающими залы, подносящими сокровища и накрывающими столы для великаго празднества, на которомъ Муза, невинная, какъ дитя, восторженная, какъ молодая дѣвушка, и спокойная, опытная, какъ матрона, зажжетъ дивный свѣточъ поэзіи, являющійся богатымъ, переполненнымъ человѣческимъ сердцемъ, въ которомъ горитъ божественный огонь.

Привѣтъ тебѣ, Муза поэзіи новаго вѣка! Привѣтъ нашъ вознесется и будетъ услышанъ, какъ безсловесный гимнъ червя, перерѣзаннаго плугомъ. Когда настанетъ новая весна, плугъ опять пойдетъ взрѣзывать землю и перерѣзывать насъ червей ради удобренія почвы для новой богатой жатвы, нужной грядущимъ поколѣніямъ.

Привѣтъ тебѣ, Муза новаго вѣка!

*) По сѣв. миѳ.—одна изъ небесныхъ обителей, самая прекрасная и свѣтлая, избѣгающая разрушенія во время Рагнарока и предназначенная для душъ добрыхъ и правдивыхъ людей. *Примѣч. перев.*

ДѢВА ЛЬДОВЪ.

I.

Руди.

Заглянемъ-ка въ Швейцарію, въ эту дивную горную страну, гдѣ по отвѣснымъ, какъ стѣны, скаламъ растутъ темные сосновые лѣса. Взберемся на ослѣпительные снѣжные склоны, опять спустимся въ зеленыя равнины, по которымъ торопливо пробѣгаютъ шумныя рѣчки и ручьи, словно боясь опоздать слиться съ моремъ и исчезнуть. Солнце палитъ и внизу, въ глубокой долинѣ, и въ вышинѣ, гдѣ нагромождены тяжелыя снѣжныя массы; съ годами онѣ подтаиваютъ и сплавляются въ блестящія ледяныя скалы, или катящіяся лавины и громоздкіе глетчеры. Два такихъ глетчера возвышаются въ широкомъ ущельѣ подъ „Шрекгорномъ“ и „Веттергорномъ“, близъ горнаго городка Гриндельвальда. На нихъ стоитъ посмотрѣть; поэтому въ лѣтнее время сюда наѣзжаетъ масса иностранцевъ со всѣхъ концовъ свѣта. Они переходятъ высокія покрытыя снѣгомъ горы, или являются снизу изъ глубокихъ долинъ, и тогда имъ приходится взбираться ввысь впродолженіи нѣсколькихъ часовъ. По мѣрѣ того, какъ они восходятъ, долина опускается все глубже и глубже, и они смотрятъ на нее сверху, точно изъ корзины воздушнаго шара. Въ вышинѣ надъ ними, на горныхъ выступахъ виснутъ тяжелыми, плотными, дымчатыми занавѣсями облака, а внизу въ долинѣ, гдѣ разбросаны безчисленные темные деревянные домики, еще свѣтитъ солнце, и залитый его лучами зеленый клочекъ земли выдѣляется такъ ярко, что кажется почти прозрачнымъ. Внизу воды шумятъ, бурлятъ и ревутъ, въ вышинѣ же мелодично журчатъ и булькаютъ; ручейки вьются здѣсь надъ скалами точно серебряныя ленты.

По обѣимъ сторонамъ дороги, ведущей вверхъ, расположены бревенчатые дома; при каждомъ—картофельный огородикъ; тутъ это необходимо: въ каждомъ домикѣ масса ртовъ, цѣлая куча ребятъ, а они-то ѣсть мастера. И ребятишки ежедневно высыпаютъ на дорогу и обступаютъ туристовъ, и пѣшихъ, и пріѣхавшихъ въ экипажахъ. Вся эта толпа малышей торгуетъ изящно вырѣзанными изъ дерева домиками, моделями настоящихъ здѣшнихъ домовъ, и другими бездѣлушками. Малыши не

смотрятъ на погоду,—и въ дождь, и въ солнце они одинаково на своихъ мѣстахъ.

Лѣтъ двадцать тому съ небольшимъ, стаивалъ тутъ иногда, но всегда въ сторонкѣ отъ другихъ дѣтей, одинъ маленькій мальчуганъ. Онъ тоже выходилъ торговать, но стоялъ всегда съ такимъ серьезнымъ личикомъ и такъ крѣпко сжималъ въ рукахъ корзинку съ товарами, какъ будто ни за что не желалъ разставаться съ ними. Именно эта серьезность крохотнаго мальчугана и привлекала на него общее вниманіе. Его подзывали, и онъ почти всегда торговалъ счастливѣе всѣхъ своихъ товарищей, самъ не зная почему. Повыше, на горѣ, жилъ его дѣдушка, который и вырѣзывалъ всѣ эти изящные, прелестные домики. Въ хижинѣ у нихъ стоялъ старый шкафъ, биткомъ набитый разными рѣзными вещицами; тамъ были и орѣшные щелкуны, и ножи, и вилки, и ящики, украшенные затѣйливою рѣзьбой: завитушками, гирляндами и скачущими сернами. У любого ребенка разбѣжались бы глаза, но Руди—такъ звали мальчика—больше заглядывался на старое ружье, подвѣшенное къ потолку. Дѣдушка сказалъ мальчику, что ружье будетъ современемъ его, но не раньше, чѣмъ онъ подрастетъ и окрѣпнетъ настолько, что сумѣетъ справляться съ такой вещью.

Какъ ни малъ былъ Руди, ему уже приходилось пасти козъ, и, если умѣть лазать, какъ козы, значитъ быть хорошимъ пастухомъ, то Руди былъ отличнымъ. Онъ лазалъ даже повыше козъ, взлѣзалъ за птичьими гнѣздами на самыя высокія деревья. Большой смѣльчакъ былъ Руди, но улыбку на его лицѣ видали лишь въ тѣ минуты, когда онъ прислушивался къ шуму водопада или грохоту лавины. Никогда не игралъ онъ съ другими дѣтьми и сходился съ ними лишь когда дѣдушка высылалъ его продавать разныя бездѣлушки, что́ Руди не особенно-то было по вкусу. Онъ больше любилъ карабкаться одинъ по горамъ, или сидѣть подлѣ дѣда и слушать его разсказы о старинѣ и о народѣ, живущемъ вблизи, въ Мейрингѣ, откуда онъ самъ былъ родомъ. Народъ этотъ не жилъ тутъ съ сотворенія міра—разсказывалъ дѣдушка—но пришелъ сюда съ сѣвера, оставивъ тамъ своихъ родичей, шведовъ. Такія свѣдѣнія обогащали умъ Руди, но онъ получалъ свѣдѣнія и инымъ путемъ—отъ домашнихъ животныхъ. У нихъ была большая собака, по имени Айола, принадлежавшая еще покойному отцу Руди, и

котъ. Послѣдній-то и игралъ въ жизни Руди особенно важную роль—онъ выучилъ мальчика лазать.

„Пойдемъ со мной на крышу!“—говаривалъ котъ самымъ яснымъ, понятнымъ языкомъ. Дитя, еще не умѣющее говорить, отлично, вѣдь, понимаетъ и куръ, и утокъ, и кошекъ, и собакъ; они говорятъ такъ же понятно, какъ и папаша съ мамашей, но чтобы понимать ихъ, надо быть очень, очень маленькимъ! Тогда и дѣдушкина палка можетъ заржать, стать лошадью, настоящею лошадью съ головой, ногами и хвостомъ! Иныя дѣти утрачиваютъ такую понятливость позже, чѣмъ другія, и слывутъ поэтому неразвитыми, отставшими; о нихъ говорятъ, что они черезчуръ долго остаются дѣтьми. Мало-ли вѣдь, что говорятъ!

„Пойдемъ со мной на крышу, Руди!“—вотъ первое, что сказалъ котъ, а Руди понялъ. „Говорятъ, что можно упасть,—вздоръ! Не упадешь, если не будешь бояться! Иди! Одну лапку сюда, другую сюда! Упирайся передними лапками! Гляди въ оба! И будь половчѣе! Встрѣтится расщелина—перепрыгни, да держись крѣпко, какъ я!“

Руди такъ и дѣлалъ; оттого онъ часто и сиживалъ рядомъ съ котомъ на крышѣ, но сиживалъ и на верхушкахъ деревьевъ и высоко на уступѣ скалы, куда даже котъ не забирался.

„Выше! Выше!“ твердили деревья и кусты. „Видишь, какъ мы лѣземъ вверхъ, какъ крѣпко держимся, даже на самомъ крайнемъ, остромъ выступѣ!“

И Руди часто взбирался на гору еще до восхода солнца и пилъ тамъ свое утреннее питье — свѣжій, крѣпительный горный воздухъ, питье, которое можетъ изготовлять лишь самъ Господь Богъ, а люди только могутъ прочесть его рецептъ: „свѣжій ароматъ горныхъ травъ да запахъ мяты и тмина, растущихъ въ долинахъ“. Всѣ тяжелыя частицы воздуха впиваются облаками, которыя вѣтеръ расчесываетъ потомъ гребнемъ сосновыхъ лѣсовъ, и вотъ, воздухъ становится все легче, все свѣжѣе! Такъ вотъ какое питье пилъ Руди по утрамъ.

Солнечные лучи, благодатныя дѣти солнца, цѣловали Руди въ щечки, а Головокруженіе стояло на сторожѣ, но не смѣло приблизиться. Ласточки же, жившія подъ крышей дѣдушкинаго дома—тамъ лѣпилось по крайней мѣрѣ семь гнѣздъ—вились надъ Руди и его стадомъ и щебетали: „Вы и мы! Мы и вы!“ Онѣ приносили Руди поклоны изъ дому, между прочимъ даже

отъ двухъ куръ, единственныхъ птицъ въ домѣ, съ которыми Руди, однако, не водился.

Какъ ни малъ онъ былъ, ему уже доводилось путешествовать на своемъ вѣку, и не близко для такого малыша. Родился онъ въ кантонѣ Валлисъ, по ту сторону горъ, и былъ перенесенъ сюда еще годовалымъ ребенкомъ. А недавно онъ ходилъ пѣшкомъ къ водопаду „Штаубаху“, который развѣвается въ воздухѣ серебряною вуалью передъ лицомъ вѣчно снѣжной, ослѣпительно-бѣлой Юнгфрау. Побывалъ Руди и на большомъ Гриндельвальдскомъ глетчерѣ, но съ этимъ связана грустная исторія! Мать его нашла тамъ себѣ могилу; тамъ же, по словамъ дѣда, маленькій Руди потерялъ свою дѣтскую веселость. Когда мальчику не было еще года, онъ больше смѣялся, чѣмъ плакалъ — писала о немъ дѣду мать, — но съ тѣхъ поръ, какъ ребенокъ полежалъ въ ледяномъ ущельѣ, онъ словно переродился душевно. Дѣдъ не любилъ много говорить объ этомъ происшествіи, но всѣ сосѣди знали о немъ.

Отецъ Руди былъ почтальономъ; большая собака Айола постоянно сопровождала его въ переходахъ черезъ Симплонъ къ Женевскому озеру. Въ долинѣ Роны, въ Валлійскомъ кантонѣ и теперь еще жили родственники Руди по отцу. Дядя его былъ отважнымъ охотникомъ за сернами и извѣстнымъ проводникомъ. Руди былъ всего годъ, когда отецъ его умеръ, и матери захотѣлось переселиться съ ребенкомъ къ своимъ роднымъ въ Бернскій Оберландъ. Недалеко отъ Гриндельвальда жилъ ея отецъ, занимавшійся рѣзьбой по дереву и съ избыткомъ зарабатывавшій себѣ на прожитокъ. Пустилась она съ ребенкомъ въ путь въ Іюнѣ, вмѣстѣ съ двумя охотниками за сернами. Путники уже прошли наибольшую часть дороги, перебрались черезъ гребень горы на снѣжную равнину, и молодая женщина уже видѣла передъ собою родную долину съ разбросанными по ней знакомыми домиками; оставалось только одолѣть еще одну трудность — перейти большой глетчеръ. Недавно выпавшій снѣгъ прикрылъ расщелину, хоть и не проникавшую до самаго дна пропасти, гдѣ шумѣла вода, но все же довольно глубокую. Молодая женщина, несшая на рукахъ ребенка, поскользнулась, провалилась въ снѣгъ и исчезла. Спутники не слышали даже крика, услышали только плачъ малютки. Прошло больше часа, пока имъ удалось принести изъ ближайшей хижины веревки и шесты, съ помощію которыхъ съ большими усиліями и извлекли изъ рас-

щелины—два трупа, какъ имъ показалось сначала. Были пущены въ ходъ всѣ средства, и ребенка удалось вернуть къ жизни, но мать умерла. Старый дѣдушка принялъ въ домъ вмѣсто дочери только внука, ребенка, который прежде больше смѣялся, чѣмъ плакалъ, а теперь, казалось, совсѣмъ разучился смѣяться. Перемѣна эта произошла въ немъ вѣрно отъ того, что онъ побывалъ въ расщелинѣ глетчера, въ холодномъ ледяномъ царствѣ, гдѣ — по повѣрью швейцарскихъ крестьянъ — осуждены томиться души грѣшниковъ до дня Страшнаго суда.

Словно быстрый водопадъ, застывшій въ воздухѣ неровными зеленоватыми стеклянными глыбами, блещетъ глетчеръ; одна ледяная скала громоздится на другую. А въ глубинѣ пропастей ревутъ бурные потоки, образовавшіеся изъ растаявшаго снѣга и льда. Глубокія ледяныя пещеры и огромныя ущелья образуютъ тамъ диковинный хрустальнный дворецъ—обиталище Дѣвы Льдовъ, королевы глетчеровъ. Губительная, уничтожающая дѣва—наполовину дитя воздуха, наполовину могущественная повелительница водъ. Она перелетаетъ съ одного остраго ледяного уступа горныхъ вершинъ на другой съ быстротой серны, тогда какъ смѣлѣйшіе горные проводники должны вырубать себѣ здѣсь во льду ступеньки. Она переплываетъ ревущіе потоки на тонкой сосновой вѣточкѣ, перепрыгиваетъ со скалы на скалу, причемъ ея длинные, бѣлые, какъ снѣгъ, волосы и зеленовато-голубое, блестящее, какъ воды альпійскихъ озеръ, платье развѣваются по вѣтру.

— Раздавлю, уничтожу! Здѣсь мое царство! — говоритъ она.—У меня украли прелестнаго мальчика; я уже отмѣтила его своимъ поцѣлуемъ, но не успѣла зацѣловать до смерти. Теперь онъ опять между людьми, пасетъ козъ на горахъ, карабкается вверхъ, все вверхъ, хочетъ уйти отъ другихъ, но отъ меня ему не уйти! Онъ мой, я доберусь до него!

И она просила Головокруженіе помочь ей,—самой ей становилось лѣтомъ слишкомъ душно среди горной растительности, гдѣ благоухаетъ мята. Головокруженія же носятся тутъ цѣлою стаей,—ихъ, вѣдь, много сестеръ—Дѣва Льдовъ и выбрала изъ нихъ самую сильную, властную и въ домахъ и на вольномъ воздухѣ. Головокруженія сидятъ по периламъ лѣстницъ и по периламъ башень, бѣгаютъ бѣлками по краю скалъ, спрыгиваютъ, плывутъ по воздуху, какъ пловцы по водѣ, и заманиваютъ своихъ жертвъ въ пропасть. И Головокруженіе и Дѣва

Льдовъ хватаютъ людей, какъ полипы хватаютъ все, что мимо нихъ проплываетъ. Такъ вотъ Головокруженію-то Дѣва Льдовъ и поручила поймать Руди.

— Да, поди-ка, поймай его!—сказало Головокруженіе.— Я не могу! Дрянной котъ обучилъ его всѣмъ своимъ штукамъ! Ребенка этого охраняетъ какая-то сила, что отталкиваетъ меня. Я не могу схватить этого мальчишку, даже когда онъ виситъ, зацѣпившись за вѣтку, надъ пропастью, а ужъ какъ бы мнѣ хотѣлось пощекотать его подъ подошвами, или спустить кувыркомъ въ воздухъ! Да нѣтъ, не могу!

— Вдвоемъ-то мы сможемъ!—говорила Дѣва Льдовъ.—Ты или я! Я, я!

— Нѣтъ! Нѣтъ!—зазвучало имъ въ отвѣтъ, словно въ горахъ раздалось эхо колокольнаго звона. Это пѣли хоромъ другіе духи природы, кроткіе, любящіе, добрые дѣти солнца. Они какъ вѣнкомъ окружаютъ вечернею порой горныя вершины, паря на своихъ распростертыхъ розовыхъ крыльяхъ, пламенѣющихъ по мѣрѣ того, какъ солнце садится, все ярче и ярче. Люди называютъ это сіяніе горъ „альпійскимъ заревомъ". Когда же солнце сядетъ, они взлетаютъ на самую вершину и ложатся на снѣгъ спать до восхода солнца. Они больше всего любятъ цвѣты, бабочекъ и людей. Изъ послѣднихъ же они избрали и особенно полюбили Руди.

— Не поймать вамъ его! Не поймать!—говорили они.

— Ловила я людей и постарше и посильнѣе!—отвѣчала Дѣва Льдовъ.

Тогда дѣти солнца затягивали пѣснь о путникѣ, съ котораго вихрь сорвалъ плащъ. Оболочку только унесъ вѣтеръ, а не самого человѣка! Вы, дѣти грубой силы, можете схватить его, но не удержать! Онъ сильнѣе духовъ, даже сильнѣе насъ! Онъ взбирается на горы выше солнца, нашей матери! Онъ знаетъ „слово", которое связываетъ вѣтеръ и воды, такъ что они должны служить и повиноваться ему!

Голоса ихъ звенѣли въ воздухѣ, словно колокольчики. И каждое утро свѣтили солнечные лучи въ единственное окошечко дѣдушкинаго домика на тихаго ребенка. Дѣти солнца цѣловали его; они хотѣли оттаять, согрѣть его щечки, стереть съ нихъ ледяные поцѣлуи владычицы глетчеровъ, которые она запечатлѣла на нихъ въ то время, какъ ребенокъ лежалъ, въ объятіяхъ умершей матери, въ глубокой ледяной расщелинѣ, откуда спасся какъ бы чудомъ.

II.

Въ новую семью.

Руди исполнилось восемь лѣтъ. Дядя его по отцу, жившій по ту сторону горъ, въ долинѣ Роны, предложилъ взять мальчика къ себѣ,—у него ребенокъ могъ лучше подготовиться зарабатывать себѣ средства къ жизни. Дѣдъ понялъ это и согласился разстаться съ внукомъ.

И Руди собрался въ путь. Со многими приходилось ему прощаться, не считая дѣдушки; прежде всего со старушкою Айолою.

— Отецъ твой былъ почтальономъ, а я почтовою собакой!—сказала она Руди.—Мы то и дѣло подымались въ гору да спускались внизъ; я знаю и собакъ и людей по ту сторону горъ. Я не болтлива по природѣ, но теперь намъ ужъ немного времени остается бесѣдовать другъ съ другомъ, такъ я на этотъ разъ дамъ волю языку. Разскажу я тебѣ исторію, которая все бродитъ у меня въ головѣ. Я ее никакъ не пойму, не поймешь и ты, да и не надо! Вывела же я изъ нея вотъ что: не всѣмъ собакамъ и не всѣмъ людямъ живется одинаково! Не всѣмъ суждено нѣжиться у господъ на колѣняхъ, да лакать молоко! Я къ этакому житью не привыкла, но видѣла разъ такую собачку. Она ѣхала въ почтовомъ дилижансѣ, занимала пассажирское мѣсто! Дама, госпожа ея—или вѣрнѣе та дама, чьею госпожею была сама собаченка—везла съ собою бутылку молока и поила имъ собачку, кормила ее сладкими сухарями, а собаченка даже не изволила жрать, только нюхала, и госпожа съѣдала ихъ сама. А я бѣжала по грязи рядомъ съ почтовою каретою, голодная, какъ настоящая собака, и думала свою думу. „Не порядокъ!“ думала я, да мало-ли о чемъ приходится сказать то же, если приглядѣться ко всему хорошенько! Дай тебѣ Богъ нѣжиться на колѣняхъ, да ѣздить въ каретѣ, но зависитъ-то это не отъ насъ самихъ! Мнѣ вотъ, сколько я ни лаяла, не удалось этого добиться!

Вотъ что сказала Руди Айола, и мальчикъ обнялъ собаку за шею и поцѣловалъ прямо въ морду. Потомъ онъ взялъ на руки кота, но этотъ ощетинился.

— Теперь мы съ тобой больше не товарищи, а царапать тебя я всетаки не хочу! Карабкайся себѣ по горамъ, какъ я тебя училъ! Только не бойся, что упадешь, и—не упадешь ни-

когда!—И котъ убѣжалъ,—ему не хотѣлось, чтобы Руди замѣтилъ, какъ онъ огорченъ, а это такъ и свѣтилось въ его глазахъ.

Куры бѣгали по полу; одна была безхвостая; какой-то путешественникъ, мнившій себя охотникомъ, принялъ ее за хищную птицу, да и отстрѣлилъ ей хвостъ.

— Руди-то собирается за горы!—сказала одна курица.

— У него вѣчно спѣшка!—сказала другая.—А я страсть не люблю прощаться!—И обѣ засѣменили дальше.

Съ козами онъ тоже простился, и онѣ жалобно заблеяли: „И мы-ы! И мы-ы!“—Очень это грустно было!

Случилось какъ разъ, что двумъ извѣстнымъ проводникамъ изъ окрестности понадобилось побывать по ту сторону горъ; съ ними-то и отправился Руди пѣшкомъ. Это былъ большой переходъ для такого малыша, но силы у него были, смѣлости тоже не занимать было стать!

Ласточки проводили ихъ недалеко, распѣвая: „Вы и мы! Мы и вы!“

Дорога шла надъ быстрою Лючиною, которая разбивается здѣсь на множество мелкихъ потоковъ и быстро несется внизъ изъ чернаго ущелья Гриндельвальдскаго глетчера. Вмѣсто мостовъ служатъ тутъ перекинутыя съ одного берега на другой деревья и каменныя глыбы. Вотъ путники достигли Эллернвальда и стали подыматься вверхъ, какъ разъ неподалеку отъ того мѣста, гдѣ глетчеръ уже отдѣлился отъ каменистой почвы горы. Дальше пошли по самому глетчеру, то шагая прямо по ледянымъ глыбамъ, то обходя ихъ. Но Руди и ходокъ былъ хорошій и карабкаться мастеръ. Глаза его такъ и блестѣли отъ удовольствія, и онъ такъ твердо ступалъ своими крѣпкими ногами, обутыми въ подкованные башмаки, точно хотѣлъ отпечатать по дорогѣ свои слѣды. Черный землистый осадокъ, оставленный горными потоками, придавалъ глетчеру видъ покрытаго штукатуркою, изъ подъ которой проглядывалъ мѣстами зеленовато-голубой, хрустальный ледъ. То и дѣло приходилось обходить маленькіе пруды, образовавшіеся между нагроможденными одна на другую ледяными глыбами. Встрѣтился имъ также по пути огромный камень, качавшійся на краю расщелины; вдругъ онъ потерялъ равновѣсіе и съ грохотомъ покатился внизъ; эхо гулко прокатилось по глубокимъ горнымъ ущельямъ.

Путники все подымались да подымались. Самый глетчеръ напоминалъ бурно разлившуюся и внезапно застывшую безпоря-

дочно нагроможденными одна на другую ледяными массами рѣку, сжатую между отвѣсными скалами. Руди вспомнилось на минуту, какъ онъ, по разсказамъ, лежалъ вмѣстѣ съ матерью въ глубинѣ одной изъ этихъ дышущихъ холодомъ расщелинъ. Но затѣмъ мысли его приняли другой оборотъ,—исторія эта была для него не диковиннѣе всѣхъ остальныхъ, слышанныхъ имъ въ такомъ изобиліи. Въ иныхъ мѣстахъ, гдѣ, по мнѣнію спутниковъ Руди, такому мальчугану трудно было карабкаться вверхъ, они протягивали ему руки, но онъ отказывался отъ помощи, говоря, что не усталъ, и держался на скользкой ледяной поверхности какъ серна. Путники шли то по обнаженымъ скаламъ, то пробирались между огромными голыми камнями, то по низенькому сосновому кустарнику, то опять шли по зеленой травѣ; природа вокругъ нихъ все мѣнялась, рисуя имъ все новые и новые виды. Кругомъ подымались снѣжныя горы, которыя знаетъ тутъ каждый ребенокъ: „Юнгфрау", „Мёнхъ" и „Эйгеръ". Никогда еще не случалось Руди взбираться на такую высоту, гдѣ разстилалось безбрежное снѣжное море. Въ самомъ дѣлѣ, куда ни взглянешь—всюду неподвижныя снѣжныя волны, съ которыхъ вѣтеръ какъ будто срѣзалъ верхушки и разбросалъ ихъ по сторонамъ отдѣльными пѣнистыми клочьями. Глетчеры стояли тутъ такою тѣсною толпой, словно хороводы водить собриались—если можно такъ выразиться. И каждый глетчеръ являлся хрустальнымъ дворцомъ Дѣвы Льдовъ; здѣсь ея царство; ея воля здѣсь законъ! А воля ея—губить людей. Солнце свѣтило ярко, снѣгъ сверкалъ ослѣпительною бѣлизной и казался усѣяннымъ голубоватыми блестящими брильянтиками. Мертвыя насѣкомыя, преимущественно бабочки и пчелы, валялись на снѣгу массами; онѣ отважились подняться слишкомъ высоко—а можетъ быть, ихъ занесло въ это безжизненное царство холода вѣтромъ—и погибли. На Веттергорнѣ висѣло что-то вродѣ тонко расчесаннаго чернаго хлопка шерсти—грозное облако. Оно опускалось все ниже и ниже; что оно предвѣщало? Ураганъ, „фёнъ", какъ называютъ здѣсь ужасный южный вѣтеръ. Впечатлѣнія этого путешествія навсегда врѣзались въ память Руди: и ночлегъ въ горахъ, и подъемъ, и глубокія ущелья, въ которыхъ вода точила каменныя глыбы съ незапамятныхъ временъ.

Покинутая каменная постройка, по ту сторону снѣжнаго моря, дала путникамъ пріютъ на ночь. Они нашли тутъ древесный уголь и сосновыя вѣтви. Запылалъ костеръ, путники устрои-

лись на ночь, какъ могли удобнѣе. Оба проводника усѣлись возлѣ огня, курили трубки и потягивали изъ кружекъ теплое, прянное питье, которое сами приготовили. Руди тоже получилъ свою порцію и сидѣлъ, прислушиваясь къ разсказамъ о таинственныхъ существахъ, населяющихъ Альпы, о диковинныхъ, гигантскихъ змѣяхъ, живущихъ въ глубокихъ озерахъ, о ночныхъ привидѣніяхъ, переносящихъ сонныхъ людей по воздуху въ дивный пловучій городъ Венецію, о дикомъ пастухѣ, пасущемъ своихъ черныхъ овецъ на горныхъ пастбищахъ. Если никому никогда и не удавалось увидать ихъ, то, по крайней мѣрѣ, часто слышали звонъ колокольчиковъ и отдаленное дикое блеяніе стада. Руди съ любопытствомъ, но безъ всякаго страха—его онъ не знавалъ—сталъ прислушиваться, и вдругъ ему почудилось, что онъ дѣйствительно слышитъ это таинственное, глухое блеяніе... Да, оно слышалось все явственнѣе и явственнѣе! Мужчины тоже услышали его, смолкли, прислушались и сказали Руди, чтобы онъ постарался не засыпать.

Это начался „фёнъ", дикій ураганъ, который несется съ горъ въ долины и въ своемъ неистовствѣ ломаетъ деревья, какъ тростинки, переноситъ съ одного берега рѣкъ на другой цѣлыя хижины, словно шахматныя фигурки.

Прошелъ часъ, проводники сказали Руди, что теперь все кончилось и онъ можетъ уснуть. Усталый мальчуганъ заснулъ, какъ по приказу.

Рано утромъ опять пустились въ путь. Въ этотъ день солнце освѣтило для Руди новые, незнакомые ему горы, глетчеры и снѣжныя равнины. Они уже вступили въ кантонъ Валлисъ, переваливъ черезъ горный хребетъ, который виднѣлся изъ Гриндельвальда, но до новаго жилища Руди было еще далеко. Иныя ущелья, иныя горныя лужайки, лѣса и горныя тропинки развертывались передъ взоромъ мальчика; показались иные дома, иные люди. И какіе люди! Уроды, съ жирными, желтыми лицами, съ зобастыми шеями! Это были кретины. Они еле таскали ноги и глупо посматривали на пришлецовъ. Особеннымъ безобразіемъ отличались женщины. Такіе-ли люди ждутъ Руди на его новой родинѣ?

III.

Дядя.

Слава Богу! Въ домѣ своего дяди Руди увидалъ такихъ же

людей, къ какимъ привыкъ на родинѣ. Тутъ былъ всего на всего одинъ кретинъ, слабоумный бѣдняга Саперли. Бѣдныя созданія эти распредѣлены въ кантонѣ Валлисъ по домамъ жителей и проводятъ въ каждомъ по очереди мѣсяца по два. Когда явился Руди, Саперли жилъ какъ разъ у его дяди.

Дядя былъ еще сильный, ловкій охотникъ, и кромѣ того бондарь по ремеслу. Жена его была маленькаго роста, но очень живая, подвижная женщина съ какимъ-то птичьимъ лицомъ: глаза какъ у орлицы, шея длинная, покрытая пушкомъ.

Все было тутъ ново для Руди—и одежда, и нравы, и обычаи, даже самый языкъ. Но ухо ребенка скоро освоилось съ нимъ, и мальчикъ сталъ понимать окружающихъ. Все здѣсь показывало достатокъ и благосостояніе, куда большіе, нежели знавалъ Руди въ домѣ дѣда: горница, въ которой помѣщалась семья, была гораздо просторнѣе, стѣны изукрашены рогами сернъ и отполированными ружьями, а надъ дверями висѣло изображеніе Божьей Матери, окруженное вѣнкомъ изъ свѣжихъ альпійскихъ розъ и освѣщенное лампадой.

Дядя слылъ, какъ уже сказано, за отважнѣйшаго охотника и лучшаго проводника въ окрестности. Руди скоро сдѣлался баловнемъ семьи, хотя здѣсь и до него былъ уже таковой—старый песъ. Онъ, не годился больше ни къ чему, но когда-то былъ прекрасною охотничьею собакой. Хозяева помнили это и смотрѣли на него чуть-ли не какъ на члена семьи, такъ что собакѣ жилось отлично. Руди первымъ долгомъ погладилъ ее, но она не такъ-то скоро подружилась съ „чужимъ“, какимъ явился для нея Руди. Мальчикъ, впрочемъ, скоро пустилъ прочные корни въ сердцахъ всѣхъ домашнихъ.

— Не такъ-то ужъ худо у насъ, въ кантонѣ Валлисъ!—говаривалъ дядя.—Серны у насъ еще водятся; онѣ вымираютъ медленнѣе, чѣмъ каменные бараны. И въ наши времена живется много лучше, чѣмъ въ старину. Какъ тамъ ни расхваливаютъ ее, наше время все же лучше. Въ нашемъ мѣшкѣ прорѣзали дырку, впустили въ нашу замкнутую долину свѣжаго воздуха! На смѣну старому, отжившему всегда является новое и лучшее!—Такъ говаривалъ дядя, а если ужъ очень разговорится, то разскажетъ, бывало, и о своихъ дѣтскихъ годахъ, и о той порѣ, когда еще былъ въ цвѣтѣ лѣтъ отецъ его. Вотъ въ тѣ-то времена, по его разсказамъ, Валлисъ и былъ „глухимъ мѣшкомъ“, набитымъ больными жалкими кретинами.

— Но вотъ, явились французскіе солдаты. То-то были заправскіе доктора! Живо уничтожили болѣзнь, да и людей вмѣстѣ. Да, они умѣли драться на разные лады! И дѣвушки ихъ умѣли не хуже!—И дядя, смѣясь, подмигивалъ своей женѣ, француженкѣ родомъ.—Французы такъ ударяли по камнямъ, что камни поддавались! Они пробили въ скалахъ Симплонскій проходъ, проложили такую дорогу, что я могу сказать теперь трехлѣтнему ребенку: ступай въ Италію, только держись проѣзжей дороги!—И дядя затягивалъ французскую пѣсню и провозглашалъ „ура“ Наполеону Бонапарте.

Тутъ Руди впервые услыхалъ о Франціи и о Ліонѣ, большомъ городѣ близъ долины Роны, въ которомъ дядѣ его случалось бывать.

Въ нѣсколько лѣтъ изъ Руди долженъ былъ выработаться искусный охотникъ за сернами,—задатки въ немъ для этого были, по словамъ дяди. И дядя принялся учить мальчика держать въ рукахъ ружье, прицѣливаться и стрѣлять, бралъ его съ собою на охоту и заставлялъ пить теплую кровь серны, чтобы не знавать головокруженія. Училъ онъ также племянника узнавать время, когда скатятся лавины въ различныхъ частяхъ горъ— въ полдень или вечеромъ, смотря по тому, какъ дѣйствовали на нихъ солнечные лучи; училъ наблюдать за сернами и учиться у нихъ прыгать: падать прямо на ноги и стоять твердо, а если на скалистомъ выступѣ не окажется опоры для ногъ, удерживаться локтями, пускать въ дѣло каждый мускулъ въ ляжкахъ и икрахъ, впиваться въ скалы, если понадобится, шейными позвонками! Серны умны и выставляютъ стражей, но охотникъ долженъ быть умнѣе ихъ и заходить съ подвѣтренной стороны. И дядя умѣлъ таки обманывать сернъ: вѣшалъ на свою альпійскую палку плащъ и шляпу, и серны принимали чучело за человѣка. Эту штуку дядя и примѣнилъ разъ на охотѣ, въ которой участвовалъ и Руди.

Горная тропинка была очень узка, можно даже сказать, что ея не было вовсе, а былъ лишь узкій карнизъ, лѣпившійся по краю скалы надъ пропастью. Снѣгъ, покрывавшій его, на половину растаялъ, камни осыпались подъ ногами; дядя растянулся во всю длину и поползъ впередъ на животѣ. Каждый камешекъ, отрывавшійся отъ скалы, падалъ, прыгалъ и катился внизъ, перепрыгивая съ уступа на уступъ, пока не успокаивался въ безднѣ. Руди остался стоять шагахъ во ста отъ дяди, на

послѣднемъ прочномъ выступѣ скалы. Вдругъ, онъ увидалъ, что въ воздухѣ паритъ надъ охотникомъ огромный ягнятникъ, видимо собиравшійся сбить ползущаго червяка ударами крыльевъ въ бездну и тамъ пожрать его. А дядя не видѣлъ ничего кромѣ серны да козленка, виднѣвшихся по ту сторону ущелья. Руди зорко слѣдилъ за птицей, онъ понялъ ея намѣреніе и держалъ ружье на готовѣ... Вдругъ, серна сдѣлала скачекъ—дядя выстрѣлилъ и животное было пронизано пулей; козленокъ же убѣжалъ, какъ будто всю жизнь свою только и дѣлалъ, что спасался отъ погони. Огромная птица, испуганная выстрѣломъ, улетѣла, и дядя только отъ Руди узналъ о грозившей ему бѣдѣ.

Веселые, довольные возвращались они домой; дядя насвистывалъ пѣсенку, знакомую ему еще съ дѣтскихъ лѣтъ; вдругъ, невдалекѣ послышался какой-то странный звукъ. Они оглянулись и увидѣли, что снѣжный покровъ отдѣляется отъ вершины горы, вздувается, точно широкій кусокъ холста отъ вѣтра, и несется внизъ по склону. Хребты снѣжныхъ волнъ трещали и ломались въ куски, словно мраморныя плиты, распускались въ пѣну и бѣшенно стремились внизъ съ грохотомъ, подобнымъ раскатамъ грома. Это была лавина, катившаяся хоть и не прямо на Руди и его дядю, но близко, близко.

— Держись крѣпче, Руди!—закричалъ дядя.—Изо всѣхъ силъ!

И Руди схватился за ближайшій древесный стволъ; дядя вскарабкался на одну изъ вѣтвей и тоже держался крѣпко. Лавина катилась въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ нихъ, но ураганъ, поднявшійся вокругъ, ломалъ въ щепки кусты и деревья, какъ тонкія тростинки, и разбрасывалъ ихъ во всѣ стороны. Руди былъ брошенъ на землю; стволъ, за который онъ держался, какъ будто перепилили, и вершину дерева отбросило далеко въ сторону. Между изломанными вѣтвями лежалъ дядя съ раздробленною головой; рука его была еще тепла, но лицо неузнаваемо. Руди стоялъ надъ нимъ блѣдный, дрожащій. Это былъ первый страшный испугъ въ его жизни; тутъ онъ впервые пережилъ часъ ужасной опасности.

Раннимъ вечеромъ принесъ онъ вѣсть о смерти дяди въ его домъ, который отнынѣ становился домомъ печали. Тетка стояла безъ слезъ, не говоря ни слова, и только когда трупъ принесли, горе ея вырвалось наружу. Бѣдный кретинъ заползъ въ свою постель, и цѣлый день его не было видно нигдѣ; только вечеромъ онъ подошелъ къ Руди.

— Напиши мнѣ письмо! Саперли не умѣетъ! Саперли отнесетъ его на почту!

— Письмо?—переспросилъ Руди.—Отъ тебя? Кому?

— Господу Христу!

— Кому?!

Идіотъ, какъ они звали кретина, посмотрѣлъ на Руди глазами, полными слезъ, сложилъ руки и набожно, торжественно произнесъ:

— Іисусу Христу! Саперли хочетъ послать Ему письмо, попросить Его, чтобы умеръ Саперли, а не хозяинъ!

Руди пожалъ ему руку.—Письмо не дойдетъ! Оно не вернетъ намъ дядю!

Но трудно было Руди объяснить кретину, почему это невозможно.

— Теперь ты опора дома!—сказала тетка, и Руди сталъ ею.

IV.

Бабетта.

Кто первый стрѣлокъ въ кантонѣ Валлисъ? Спроси у сернъ, онѣ знаютъ. „Берегись Руди!“ сказали бы онѣ. А кто первый красавецъ? „Руди!“ сказали бы дѣвушки, но онѣ не говорили: „Берегись Руди!“ Не говорили этого и степенныя матушки: онъ кланялся имъ такъ же привѣтливо, какъ и молоденькимъ дочкамъ. Да, красивый онъ былъ парень! Смѣлый, веселый, смуглый, съ бѣлыми, блестящими зубами и черными, какъ уголь, сверкающими глазами. И всего-то ему было двадцать лѣтъ! Онъ не боялся купаться въ холодной водѣ, плавалъ, какъ рыба, карабкался по горамъ, какъ никто, лѣпился къ отвѣснымъ скаламъ не хуже улитки,—мускулами и жилами онъ похвалиться могъ. Прыгать онъ тоже умѣлъ; первымъ его учителемъ былъ, вѣдь, котъ, а потомъ серны. Лучшимъ, надежнѣйшимъ проводникомъ тоже считался Руди, и этимъ занятіемъ онъ могъ бы составить себѣ цѣлое состояніе. Бондарнымъ же ремесломъ, которому также научилъ его дядя, онъ не занимался: его страстью была охота за сернами, но и это занятіе приносило доходы. Руди считался поэтому „хорошею партіей“ для любой дѣвушки; только бы онъ не занесся слишкомъ высоко! Отличался онъ и въ танцахъ, да такъ, что о красавцѣ-танцорѣ бредили и во снѣ, и на яву всѣ дѣвушки.

— А меня онъ поцѣловалъ во время танцевъ!—сказала дочка школьнаго учителя Аннета своей лучшей подругѣ. Такія вещи трудно, вѣдь, хранить про себя: онѣ такъ вотъ сами и бѣгутъ съ языка, какъ песокъ изъ дыряваго мѣшка! Скоро всѣ узнали, что скромникъ Руди цѣлуется въ танцахъ, а онъ хоть и поцѣловалъ, да не ту, которую ему больше всего хотѣлось.

— Ишь его!—сказалъ одинъ старый охотникъ.—Онъ поцѣловалъ Аннету! Началъ съ буквы *А* и вѣрно перецѣлуетъ всю азбуку!

Одинъ поцѣлуй въ танцахъ—вотъ и все; больше болтать о Руди было нечего. Но онъ хоть и поцѣловалъ Аннету, а сердце его было занято не ею.

Возлѣ города Бэ, въ тѣни орѣховыхъ деревьевъ, на берегу быстраго горнаго потока, жилъ богатый мельникъ. Занималъ онъ большой домъ, въ три этажа, съ маленькими башенками, обшитый тесомъ и крытый жестяными листами, такъ и горѣвшими при солнечномъ и лунномъ свѣтѣ. На самой большой башнѣ флюгеромъ служило яблоко, пронзенное блестящею стрѣлою—въ память о выстрѣлѣ Вильгельма Телля. Мельница тоже смотрѣла такою нарядною и красивою, что такъ и просилась на картинку или въ описаніе. Но дочку мельника нельзя было ни нарисовать, ни описать! Такъ по крайней мѣрѣ сказалъ бы Руди, и всетаки образъ ея былъ нарисованъ въ его сердцѣ. Глазки ея зажгли въ немъ цѣлое пламя, и вспыхнуло оно вдругъ, внезапно, какъ вспыхиваетъ и всякій пожаръ. Удивительнѣе же всего было то, что сама-то дочка мельника, красотка Бабетта, и не подозрѣвала о пожарѣ, который зажгла: дай Богъ, чтобы она обмѣнялась съ Руди парой словъ!

Мельникъ былъ богатъ, и потому Бабетта сидѣла очень высоко! Но нѣтъ такой высоты, на которую бы нельзя было взобраться—думалось Руди. Надо карабкаться, да не думать о томъ, что упадешь, и не упадешь! Этою мудростью онъ запасся еще въ домѣ у дѣдушки.

И вотъ Руди понадобилось побывать въ Бэ, а туда было не близко—цѣлое путешествіе! Желѣзной дороги въ то время еще не существовало. Отъ Ронскаго глетчера до подножія Симплонской горы, между многочисленными и разнообразными горными высотами, тянется широкая Валлійская долина; по ней несется могучая рѣка Рона, которая часто выходитъ изъ береговъ и катитъ свои волны по полямъ и дорогамъ, разрушая на своемъ

пути все. Между городами Сіономъ и С. Морисомъ, долина дѣлаетъ изгибъ и близъ самого С. Мориса становится до того узкою, что на ней только и остается мѣсто для русла рѣки, да для узкой проѣзжей дороги. Ветхая сторожевая башня кантона Валлисъ, который здѣсь оканчивается, стоитъ на горномъ склонѣ и смотритъ черезъ каменный мостъ на таможню, чтó на другомъ берегу. Тамъ уже начинается кантонъ Во, и ближайшій городъ тутъ—Бэ. Тутъ путникъ вступаетъ въ роскошную плодородную область; идешь точно по саду, усаженному каштанами и орѣховыми деревьями; тамъ и сямъ подымаются кипарисы и гранатовыя деверья; здѣсь совсѣмъ югъ, словно попалъ въ Италію.

Руди добрался до Бэ, уладилъ свои дѣла, потомъ сталъ разгуливать по городу, присматриваясь къ людямъ, но увы! ему не встрѣтился даже ни одинъ работникъ съ мельницы, не то что сама Бабетта. Не того онъ ожидалъ!

Свечерѣло, воздухъ былъ напоенъ благоуханіемъ тмина и липоваго цвѣта; на поросшія зелеными лѣсами горы была какъ будто наброшена сіяющая голубоватая дымка; стояла тишина, но не сонная или мертвая, нѣтъ! Вся природа какъ будто притаила дыханіе, притихла, словно позируя передъ голубымъ небеснымъ сводомъ, на которомъ должна была появиться ея фотографія. Тамъ и сямъ среди деревьевъ и по зеленому полю возвышались столбы, поддерживавшіе телеграфную проволоку, проведенную черезъ эту тихую долину. Къ одному изъ этихъ столбовъ прислонился какой-то предметъ, до того неподвижный, что его можно было принять за обрубокъ дерева, но это былъ Руди. Онъ стоялъ, не шевелясь, притаивъ дыханіе, какъ и все окружающее. Онъ не спалъ и подавно не умеръ, но, какъ по телеграфной проволокѣ часто пробѣгаютъ извѣстія о великихъ міровыхъ событіяхъ, или о жизненныхъ моментахъ, полныхъ значенія для какого-нибудь отдѣльнаго человѣка, а самая проволока не выдаетъ этого ни малѣйшимъ колебаніемъ, такъ и въ мозгу Руди проносились мысли, мощныя, всепоглощающія мысли о счастьѣ всей его жизни, ставшія отнынѣ его постоянными мыслями, самъ же онъ оставался неподвижнымъ. Глаза его были прикованы къ одной точкѣ, къ огоньку, мелькавшему между листвою деревьевъ; онъ горѣлъ въ свѣтелкѣ мельниковой дочки. Глядя на неподвижнаго Руди, можно было подумать, что онъ прицѣливается въ серну, но онъ самъ въ эту минуту былъ сер-

ною; серна тоже стоитъ иногда на одномъ мѣстѣ, будто изваянная изъ скалы, и вдругъ, внезапно, услыхавъ шумъ отъ скатившаго камня, дѣлаетъ прыжокъ и мчится прочь. То же было и съ Руди, но его заставила встрепенуться мысль.

„Никогда не надо падать духомъ!“ сказалъ онъ самому себѣ. „Надо прямо отправиться на мельницу! Поздороваться съ мельникомъ и Бабеттою! Не упадешь, если самъ о томъ не думаешь! Должна же Бабетта увидать меня, разъ я буду ея мужемъ!“

И Руди засмѣялся, ободрился и пошелъ на мельницу; онъ зналъ, чего хотѣлъ, а хотѣлъ онъ жениться на Бабеттѣ.

Желтоватая вода шумно бѣжала по своему руслу; къ ней свѣсились вѣтвями ивы и липы; Руди прошелъ по тропинкѣ, но какъ и тотъ добрый молодецъ, о которомъ поется въ дѣтской пѣсенкѣ:

„Къ дому мельника пришелъ,
Никого тамъ не нашелъ,
Кромѣ сѣраго кота!“

И тутъ тоже на лѣстницѣ стояла кошка, изгибала спинку и мяукала, но Руди не до нея было, и онъ постучалъ въ дверь. Никто не отозвался, никто не отперъ. „Мяу!“ сказала кошка. Будь Руди маленькимъ, онъ бы понялъ ея рѣчь: „никого нѣтъ дома!“, а вотъ теперь ему пришлось идти справляться о хозяевахъ на мельницу. Тамъ ему сказали, что хозяинъ уѣхалъ въ городъ Интерлакенъ,—„inter lacus“, Междуозерный, какъ объяснялъ школьный учитель, ученый отецъ Аннеты. Такъ вотъ туда-то и отправились мельникъ съ Бабеттою: сегодня тамъ начинается праздникъ, большое состязаніе стрѣлковъ, и будетъ длиться цѣлую недѣлю. На этотъ праздникъ стекаются люди изъ всѣхъ нѣмецкихъ кантоновъ.

Бѣднята Руди! Не во-время попалъ онъ въ Бэ. Приходилось ему повернуть обратно; такъ онъ и сдѣлалъ—направился мимо городковъ С. Морисъ и Сіонъ къ родной долинѣ, роднымъ горамъ, но духомъ не палъ. На слѣдующее утро солнце только еще встало, а ужъ расположеніе его духа давно было въ зенитѣ; оно, впрочемъ, никогда и не закатывалось. „Бабетта въ Интерлакенѣ, въ нѣсколькихъ дняхъ ходьбы отсюда!“ сказалъ онъ самъ себѣ. „Далеко, если идти по проторенной дорогѣ, но куда ближе, если пуститься напрямикъ черезъ горы,

а это и есть настоящая дорога для охотника за сернами. Да она и знакома мнѣ, я уже ходилъ по ней: тамъ за горами моя старая родина, тамъ я жилъ ребенкомъ у дѣдушки!.. Такъ въ Интерлакенѣ праздникъ стрѣлковъ! Ну, я хочу получить первый призъ, хочу быть тамъ первымъ, какъ и въ сердцѣ Бабетты, когда познакомлюсь съ нею!"

Съ легонькой котомкой за плечами, въ которой лежало его праздничное платье, съ ружьемъ и охотничьею сумкою, пустился Руди по горамъ, самою короткою дорогой. И все же путь ему предстоялъ не близкій! Но праздникъ, вѣдь, только что начался и продлится еще больше недѣли, а все это время, какъ сказали Руди рабочіе, мельникъ съ дочкой останутся у своихъ родственниковъ въ Интерлакенѣ. Руди и пошелъ черезъ Гемми, намѣреваясь спуститься въ Гриндельвальдскую долину.

Весело, бодро шагалъ онъ, впивая въ себя свѣжій, легкій, живительный горный воздухъ. Долина опускалась все глубже и глубже, горизонтъ все расширялся; вотъ уже стали попадаться снѣжныя вершины, и скоро онъ вступилъ въ область снѣговъ. Руди былъ знакомъ тутъ каждый уступъ, каждая вершина; онъ направился прямо къ Шрекгорну, высоко подымавшему къ небу свой словно обсыпанный мукой каменный перстъ.

Наконецъ, Руди перешелъ хребетъ. Зеленыя пастбища спускались къ его родимой долинѣ; воздухъ былъ легокъ, на душѣ у него тоже было легко; гора и долина были убраны цвѣтами и зеленью; сердце Руди билось отъ переполнявшаго его чувства юношеской радости. „Старость никогда не придетъ, смертъ тоже! Жить, царствовать, наслаждаться!" Руди чувствовалъ себя свободнымъ, легкимъ, какъ птица! Ласточки сновали надъ нимъ, щебеча, какъ и во времена его дѣтства: „Вы и мы! Мы и вы!" Все въ природѣ было полно жизни и радостнаго движенія.

Внизу разстилался бархатисто-зеленый лугъ, съ разбросанными по нему темными деревянными домиками; рѣка шумѣла и гудѣла. Руди смотрѣлъ на глетчеръ, на его зеленоватые хрустальные края, выдѣлявшіеся на грязномъ снѣгу, на глубокія трещины, смотрѣлъ на верхній и на нижній глетчеръ. До слуха его доносился звонъ церковныхъ колоколовъ, точно привѣтствовавшихъ его возвращеніе на старую родину. Сердце Руди забилось сильнѣе, расширилось и переполнилось воспоминаніями до того, что Бабетта на минуту совсѣмъ исчезла въ немъ.

Онъ опять шелъ тою же дорогою, на которой стаивалъ, бывало, мальчикомъ вмѣстѣ съ другими ребятишками и продавалъ рѣзные деревянные домики. Вонъ тамъ, за соснами виднѣется еще домикъ его дѣдушки; въ немъ живутъ теперь чужіе. Ребятишки сбѣжались на дорогу, желая продать ему что-нибудь; одинъ мальчуганъ протянулъ ему альпійскую розу, и Руди взялъ ее, какъ добрый знакъ, подумавъ при этомъ о Бабеттѣ. Скоро онъ перешелъ мостъ, переброшенный черезъ слившіеся вмѣстѣ два рукава Лючины; лиственныя деревья попадались все чаще, орѣховыя были уже такъ высоки и густы, что давали тѣнь. И вотъ, наконецъ, Руди увидалъ развѣвающійся флагъ: бѣлый крестъ на красномъ полѣ, флагъ швейцарцевъ и датчанъ. Передъ нимъ лежалъ Интерлакенъ.

Красивѣе городка и быть не могло, какъ казалось Руди. Въ самомъ дѣлѣ, Швейцарскій городокъ смотрѣлъ въ своемъ праздничномъ нарядѣ такъ привѣтливо, не то что другіе провинціальные города, съ кучей громоздкихъ каменныхъ домовъ, тяжелые, непривѣтливые, надменные! Нѣтъ, тутъ деревянные домики какъ будто сами сбѣжали съ горы въ зеленую долину, къ ясной, быстрой рѣкѣ, и расположились въ неправильный рядъ, чтобы наскоро образовать улицу, да какую еще! Лучшую, прекраснѣйшую улицу въ свѣтѣ! Какъ она выросла съ тѣхъ поръ, какъ Руди видѣлъ ее въ послѣдній разъ! Право, она какъ будто образовалась изъ всѣхъ тѣхъ хорошенькихъ деревянныхъ домиковъ, которые вырѣзывалъ когда-то его дѣдушка и которыми былъ набитъ старый шкафъ; только домики успѣли съ тѣхъ поръ подрости, какъ и старые каштаны. Каждый домикъ былъ „гостинницей“; окна и балконы были изукрашены рѣзьбой, крыши выдавались впередъ. Домики смотрѣли такими чистенькими, нарядными; передъ каждымъ красовался цвѣтникъ, обращенный къ широкой, вымощенной камнями проѣзжей дорогѣ. Дома шли вдоль всей дороги, но лишь по одной сторонѣ, а то бы закрылся видъ на зеленый лугъ, на которомъ паслись коровы съ колокольчиками на шеѣ, звучавшими какъ и на горныхъ альпійскихъ пастбищахъ. Лугъ былъ окаймленъ высокими горами, которыя въ самой серединѣ вдругъ разступались и открывали видъ на сіяющую снѣжную вершину Юнгфрау, первой красавицы Швейцаріи.

Какое сборище разодѣтыхъ иностранныхъ господъ и дамъ, какое смѣшеніе поселянъ изъ разныхъ кантоновъ! На украшенныхъ вѣнками шляпахъ стрѣлковъ красовались номера, чтобы каж-

дый зналъ свою очередь. Музыка, пѣніе, звуки шарманокъ и духовыхъ инструментовъ, крикъ и гамъ! Всѣ дома и мосты были убраны щитами съ стихотворными надписями и эмблемами; всюду развѣвались флаги и значки, раздавался выстрѣлъ за выстрѣломъ!.. Это было для Руди лучшею музыкою, и въ эту минуту онъ совсѣмъ забылъ про Бабетту, ради которой явился сюда.

Стрѣлки толпились около тира; Руди тоже былъ въ ихъ числѣ и оказался самымъ счастливымъ; онъ безъ промаху попадалъ въ самую середину мишени.

— Кто этотъ чужой молодецъ?—спрашивали всѣ.—Онъ говоритъ по-французски, какъ говорятъ въ кантонѣ Валлисъ, но хорошо объясняется и по нашему, по-нѣмецки!—говорили нѣкоторые.

— Онъ жилъ ребенкомъ въ окрестностяхъ Гриндельвальда!—сказалъ кто-то.

Да, жизнь била въ молодцѣ ключомъ; глаза его блестѣли, глазъ и рука были тверды, и онъ не давалъ промаха! Счастье придаетъ смѣлости, а Руди и безъ того былъ смѣлъ. Скоро вокругъ него образовался цѣлый кружокъ друзей, его чествовали, хвалили, и Бабетта почти совсѣмъ вылетѣла у него изъ головы. Вдругъ, на плечо его легла тяжелая рука, и грубый голосъ спросилъ по французски:

— Вы изъ кантона Валлисъ?

Руди обернулся и увидалъ передъ собою красное, довольное лицо толстаго богача мельника изъ Бэ. Онъ совсѣмъ закрывалъ своею широкою массивною фигурою тоненькую, миловидную Бабетту; скоро, однако, ея блестящіе, темные глазки выглянули изъ-за его спины. Толстый мельникъ былъ польщенъ, что лучшимъ стрѣлкомъ, героемъ праздника, оказывался его землякъ. Руди въ самомъ дѣлѣ былъ счастливцемъ: тѣ, ради кого онъ явился сюда, и кого въ эту минуту почти позабылъ, сами шли ему на встрѣчу.

Случись двумъ землякамъ встрѣтиться на чужбинѣ, они сейчасъ узнаютъ другъ друга, сейчасъ разговорятся. Руди былъ здѣсь на праздникѣ первымъ, благодаря своей мѣткой стрѣльбѣ, а мельникъ былъ первымъ у себя въ Бэ, благодаря своимъ денежкамъ и хорошей мельницѣ, и вотъ они теперь пожали другъ другу руки, чего никогда не дѣлали прежде. Бабетта тоже довѣрчиво протянула Руди ручку, и онъ такъ пожалъ ее, такъ поглядѣлъ на дѣвушку, что она вся вспыхнула.

Мельникъ принялся разсказывать о томъ, какой длинный путь имъ привелось сдѣлать, какіе большіе города они видѣли. Да, имъ таки пришлось попутешествовать! И на пароходѣ-то они плыли, и по желѣзной дорогѣ ѣхали, и въ почтовыхъ дилижансахъ!

— А я шелъ кратчайшею дорогою!—сказалъ Руди.—Я перешелъ черезъ горы; высоконько это, но всетаки взобраться можно!

— Да и сломать себѣ шею!—сказалъ мельникъ.—И вы таки сломите ее себѣ со своею отвагой!

— Не думай, что упадешь, и не упадешь никогда!—отвѣтилъ Руди.

Родственники мельника, у которыхъ гостили онъ и Бабетта въ Интерлакенѣ, пригласили Руди зайти къ нимъ,—онъ, вѣдь, былъ землякомъ ихъ родственниковъ. Приглашеніе это было для Руди какъ разъ кстати; счастье благопріятствовало ему, какъ и всегда тому, кто надѣется на самого себя, памятуя, что „Господь Богъ даетъ намъ орѣхи, да не раскалываетъ ихъ для насъ!“

И вотъ Руди сидѣлъ, въ семейномъ кружкѣ, у родственниковъ мельника; всѣ стали пить за здоровье перваго стрѣлка, и Бабетта тоже чокнулась съ Руди, а онъ горячо поблагодарилъ за тостъ.

Вечеромъ всѣ отправились гулять по красивой дорогѣ, окаймленной старыми орѣховыми деревьями, мимо разукрашенныхъ гостинницъ. Но тутъ была такая давка и толкотня, что Руди пришлось предложить Бабеттѣ руку. Онъ говорилъ ей, что ужасно радъ встрѣчѣ съ земляками изъ кантона Во; кантоны Во и Валлисъ, вѣдь, сосѣди! И онъ высказалъ свою радость такъ искренно, что Бабетта сочла долгомъ пожать ему за это руку. Такъ они шли рука объ руку и болтали, точно старые знакомые. А презанимательная была эта миленькая красоточка Бабетта! Она вышучивала смѣшныя и эксцентричныя одѣянія и манеры барынь-иностранокъ, и Руди находилъ, что все это выходило у нея премило! Она, вѣдь, только шутила, а вовсе не имѣла въ виду надсмѣхаться надъ людьми,—онѣ могли быть очень и очень почтенными и даже милыми и любезными барынями! Бабетта хорошо это знала, у нея самой была крестная мать, такая же знатная дама, англичанка. Восемнадцать лѣтъ тому назадъ, когда Бабетту крестили, дама эта жила въ Бэ; она-то и подарила крестницѣ дорогую булавку, которую теперь Бабетта носила на

груди. Крестная мать писала имъ два раза, а нынѣшній годъ они должны были опять свидѣться съ нею въ Интерлакенѣ, куда она собиралась пріѣхать съ двумя своими дочерьми, старыми дѣвами,—имъ, вѣдь, ужъ было подъ тридцать, а самой Бабеттѣ всего восемнадцать!

Хорошенькій ротикъ все время былъ въ движеніи, но все, что болтала Бабетта, казалось Руди необыкновенно важнымъ, и онъ въ свою очередь разсказалъ ей все, что было нужно: разсказалъ, какъ часто бывалъ въ Бэ, какъ знакома ему мельница, какъ часто онъ любовался на Бабетту—хотя она-то, вѣроятно, и не замѣчала его. Разсказалъ онъ и о своемъ послѣднемъ посѣщеніи мельницы, куда пришелъ съ такими намѣреніями, которыхъ не смѣлъ теперь и высказать, но не засталъ дома ни ея, ни отца ея и узналъ, что они уѣхали далеко, далеко! Не такъ однако же далеко, чтобы нельзя было перелѣзть черезъ стѣну, преграждавшую путь!

Да, онъ сказалъ ей все это и даже еще больше—сказалъ, что любитъ ее, и что явился сюда... только ради нея, а вовсе не ради состязанія!

Бабетта совсѣмъ притихла: ужъ очень много, пожалуй, даже слишкомъ много довѣрилъ онъ ей заразъ!

Пока они гуляли, солнце сѣло за высокія горы, но Юнгфрау еще сіяла въ огненномъ вѣнцѣ, окруженная темно-зеленою рамкою сосѣднихъ лѣсовъ. Толпы людей безмолвно любовались величавою картиною; Руди съ Бабеттой тоже засмотрѣлись.

— Нигдѣ въ свѣтѣ не можетъ быть лучше!—сказала Бабетта.

— Нигдѣ!—отозвался Руди и взглянулъ на Бабетту.—Завтра я долженъ отправиться домой!—прибавилъ онъ немного спустя.

— Навѣсти насъ въ Бэ!—прошептала Бабетта.—Отецъ будетъ очень доволенъ!

V.

По пути домой.

Нелегкую ношу пришлось тащить на себѣ Руди, возвращаясь на слѣдующій день домой: три серебряныхъ кубка, два великолѣпныхъ ружья и серебряный кофейникъ! Ну этотъ-то пригодится, когда Руди обзаведется домкомъ! Но не это было главное. Кое-что поважнѣе несъ онъ, вѣрнѣе—несло его самого

черезъ горы. А погода между тѣмъ была сырая, сѣрая, туманная, дождливая. Облака нависали надъ горами траурнымъ крепомъ и заволакивали сіяющія горныя вершины. Изъ глубины лѣса доносились удары топора, и по горнымъ склонамъ катились внизъ деревья; сверху они казались щепками, а вблизи оказывались мачтовыми деревьями. Лючина однообразно шумѣла, вѣтеръ свистѣлъ, облака неслись по небу. Вдругъ, возлѣ Руди очутилась молодая дѣвушка; онъ замѣтилъ ее только тогда, когда она поровнялась съ нимъ. Она тоже собиралась перейти черезъ горы. Въ глазахъ ея была какая-то притягательная сила, заставлявшая смотрѣть въ нихъ; они были удивительно прозрачные, ясные, какъ хрустальные, и глубокіе-глубокіе, какіе-то бездонные!..

— Есть у тебя милый?—спросилъ ее Руди; онъ теперь ни о чемъ другомъ и думать не могъ.

— Никого у меня нѣтъ!—отвѣтила она и разсмѣялась; но видно было, что она лукавитъ.—Зачѣмъ же дѣлать обходъ?—продолжала она.—Возьмемъ лѣвѣе, короче будетъ!

— Да, да, возьмемъ лѣвѣе, да и угодимъ въ расщелину!—сказалъ Руди.—Такъ-то ты знаешь дорогу? А еще въ проводники набиваешься!

— Я знаю настоящую дорогу!—сказала она.—И у меня голова на плечахъ, а твоя осталась тамъ внизу, въ долинѣ! Но здѣсь на высотѣ надо помнить о Дѣвѣ Льдовъ! Говорятъ, она не очень-то благоволитъ къ людямъ!

— Не боюсь я ея!—сказалъ Руди.—Ей пришлось выпустить меня изъ своихъ лапъ, когда еще я былъ ребенкомъ, а теперь-то я и подавно сумѣю уйти отъ нея!

Между тѣмъ стемнѣло, полилъ дождь, пошелъ снѣгъ, блестящій, ослѣпительно бѣлый.

— Дай сюда руку! Я помогу тебѣ взбираться!—сказала дѣвушка и дотронулась до его руки холодными, какъ ледъ, пальцами.

— Ты поможешь мнѣ?—отвѣтилъ Руди.—Я и безъ бабьей помощи давно умѣю лазить по горамъ!—И онъ ускорилъ шаги. Мятель укутывала его словно саваномъ; вѣтеръ свистѣлъ, а позади охотника раздавались смѣхъ и пѣніе дѣвушки. Какіе странные звуки! Должно быть, это было навожденіе Дѣвы Льдовъ. Руди много слышалъ объ ея продѣлкахъ въ ту ночевку на горахъ, когда онъ отправлялся изъ дѣдушкинаго дома къ дядѣ.

Снѣгъ порѣдѣлъ, облака остались внизу; онъ оглянулся назадъ—никого уже не было видно, но хохотъ и пѣніе раздавались попрежнему. Странно, не по-человѣчески звучали они!

Наконецъ, Руди достигъ высочайшей горной площадки, откуда уже начинался спускъ въ долину Роны; тутъ онъ увидалъ въ той сторонѣ, гдѣ лежитъ долина Шамуни, на узкой голубой полоскѣ неба, проглянувшей изъ облаковъ, двѣ ясныя звѣздочки. Руди вспомнилась Бабетта, онъ сталъ думать о ней, о себѣ самомъ, о своемъ счастьѣ, и—на сердцѣ у него стало такъ тепло!

VI.

Въ гостяхъ у мельника.

— Вотъ такъ барскія вещи принесъ ты съ собою, Руди!—сказала ему старая тетка, и ея странные орлиные глаза засверкали, а худая шея заворочалась еще быстрѣе.—Везетъ тебѣ, Руди! Дай я расцѣлую тебя, милый мой мальчикъ!

И Руди позволилъ себя цѣловать, хотя по лицу его видно было, что онъ только покоряется обстоятельствамъ, примиряется съ маленькими домашними непріятностями.

— Какой ты красавецъ, Руди!—прибавила старуха.

— Ну, ну, разсказывай сказки!—сказалъ Руди и засмѣялся; слова старухи, однако, польстили ему.

— А я всетаки повторю!—сказала она.—Везетъ тебѣ!

— Ну, насчетъ этого-то я согласенъ съ тобой!—отвѣтилъ онъ, и ему вспомнилась Бабетта.

Никогда еще онъ такъ не скучалъ по глубокой долинѣ.

„Теперь они, вѣрно, дома!“—сказалъ онъ самъ себѣ.—„Вѣдь, прошло уже два дня съ того срока, который они назначили! Надо пойти въ Бэ!“

И Руди пошелъ въ Бэ. Хозяева оказались дома. Приняли его очень радушно и передали поклоны отъ Интерлакенскихъ родственниковъ. Бабетта говорила не много; она стала вдругъ молчалива; зато говорили ея глаза, и Руди этого было довольно. Мельникъ вообще любилъ поговорить самъ,—онъ, вѣдь, привыкъ, что надъ его прибаутками и красными словцами всегда дружно смѣялись: еще бы! онъ былъ такой богачъ! Но теперь онъ, повидимому, предпочиталъ слушать разсказы Руди о его охотничьихъ приключеніяхъ. Руди разсказывалъ о трудностяхъ и опасностяхъ, которыя приходится испытывать охотнику за сер-

нами на высокихъ скалахъ, какъ приходится карабкаться по ненадежнымъ снѣжнымъ карнизамъ, которыя прилѣпляютъ къ краю скалъ вѣтеръ да погода, перебираться по опаснымъ мостамъ, переброшеннымъ черезъ пропасти снѣжною мятелью. И глаза Руди такъ и блестѣли, когда онъ разсказывалъ объ этихъ приключеніяхъ, о смышленности сернъ, объ ихъ смѣлыхъ прыжкахъ, о свирѣпомъ „фёнѣ“ и катящихся лавинахъ. Онъ отлично замѣчалъ, что разсказы его все больше и больше располагали къ нему мельника; особенно же понравились тому разсказы объ ягнятникахъ и отважныхъ королевскихъ орлахъ.

Неподалеку оттуда, въ кантонѣ Валлисъ, — разсказывалъ между прочимъ Руди — находилось орлиное гнѣздо, хитро устроенное подъ выступомъ скалы. Въ гнѣздѣ былъ одинъ птенецъ, но до него ужъ не добраться было! Еще на дняхъ одинъ англичанинъ предлагалъ Руди цѣлую горсть золота, если онъ достанетъ птенца живымъ. „Но всему есть границы!“—отвѣтилъ ему Руди. „Орленка достать нельзя; надо быть сумасшедшимъ, чтобы взяться за такое дѣло!“

Вино текло, текла и бесѣда, и вечеръ показался Руди черезчуръ короткимъ, а между тѣмъ онъ простился съ хозяевами только далеко за полночь.

Свѣтъ еще виднѣлся нѣсколько времени въ окнахъ дома и мелькалъ между вѣтвями деревьевъ. Изъ слухового окна вышла на крышу комнатная кошка, а по водосточной трубѣ поднялась туда кухонная.

— Знаешь новость на мельницѣ? — спросила комнатная кошка.—Въ домѣ тайная помолвка! Отецъ-то еще ничего не знаетъ! А Руди и Бабетта цѣлый вечеръ то и дѣло наступали другъ другу подъ столомъ на лапки! Они и на меня наступили два раза, но я и не мяукнула, чтобы не возбудить подозрѣній.

— А вотъ я такъ непремѣнно мяукнула бы!—сказала кухонная кошка.

— Ну, что можно въ кухнѣ, то не годится въ комнатѣ!— сказала комнатная. — А хотѣлось бы мнѣ знать, что скажетъ мельникъ, когда услышитъ о помолвкѣ!

Да, это-то хотѣлось знать и Руди, и ждать долго онъ не смогъ. Черезъ нѣсколько дней по мосту, перекинутому черезъ Рону и соединявшему кантоны Валлисъ и Во, катился дилижансъ, а въ немъ сидѣлъ Руди, бодрый и смѣлый, какъ всегда,

и предавался чуднымъ мечтамъ о согласіи, которое получитъ сегодня же вечеромъ.

Когда же вечеръ насталъ и дилижансъ покатился по той же дорогѣ обратно, въ немъ опять сидѣлъ Руди, а комнатная кошка опять явилась съ новостью.

— Эй, ты, изъ кухни! Знаешь что? Мельникъ-то, вѣдь, узналъ все. Нечего сказать, славный конецъ вышелъ! Руди явился сегодня подъ вечеръ и о чемъ-то долго шептался съ Бабеттою въ сѣняхъ, какъ разъ передъ комнатой мельника. Я лежала у самыхъ ихъ ногъ, но имъ не до меня было. „Я прямо пойду къ твоему отцу!“ сказалъ Руди:—„Что-жъ, это дѣло честное!“—„Не пойти-ли мнѣ съ тобою?“ спросила Бабетта:—„Я подбодрю тебя!“—„Я и безъ того бодръ!“ отвѣтилъ Руди:—„Но, пожалуй, пойдемъ вмѣстѣ; при тебя онъ волей-неволей будетъ сговорчивѣе!“ И они вошли въ комнату; по пути Руди пребольно наступилъ мнѣ на хвостъ! Онъ ужасно неуклюжъ! Я мяукнула, но ни онъ, ни Бабетта и ухомъ не повели. Они отворили дверь, вошли оба, а я прошмыгнула впередъ и вспрыгнула на спинку стула,—кто-жъ его зналъ, какъ Руди станетъ тутъ расшаркиваться! А вотъ мельникъ такъ шаркнулъ его! Любо! Вонъ изъ дома, въ горы, къ сернамъ! Пусть мѣтитъ въ нихъ, а не въ нашу Бабетточку!

— Ну, а что же Руди говорилъ?— спросила кухонная кошка.

— Говорилъ что? Да что всегда говорится при сватовствѣ: „Я люблю ее, а она меня! А разъ въ кринкѣ хватаетъ молока на одного, хватитъ и на двоихъ!“—„Но она сидитъ слишкомъ высоко! Тебѣ не достать ея!“ сказалъ мельникъ: „Она сидитъ на мѣшкѣ съ крупой, да еще съ золотою вдобавокъ! Вотъ что! Тебѣ не достать до нея!“—„До всего можно достать, была бы охота!“ отвѣтилъ Руди,—онъ, вѣдь, смѣлый такой.—„А вотъ орленка-то всетаки не можешь достать, самъ же сказалъ! Ну, а Бабетта сидитъ еще повыше!“—„Я достану обоихъ!“ сказалъ Руди.—„Такъ я подарю тебѣ Бабетту, когда ты подаришь мнѣ живого орленка!“ сказалъ мельникъ и захохоталъ такъ, что слезы покатились у него по щекамъ. „А теперь спасибо за посѣщеніе, Руди! Приходи опять завтра, насъ не будетъ дома! Прощай!“ Бабетта тоже мяукнула „прощай“, да такъ жалобно, словно котенокъ, потерявшій матку.—„Слово—слово, человѣкъ—человѣкъ!“ сказалъ Руди:—„Не плачь, Ба-

бетта! Я добуду орленка!“—„И надѣюсь, сломишь себѣ шею!“ сказалъ мельникъ: „А мы избавимся отъ твоей бѣготни!“ Да вотъ это я называю „шаркнуть“! Теперь Руди нѣтъ, Бабетта сидитъ и плачетъ, а мельникъ напѣваетъ нѣмецкую пѣсню; онъ выучился ей во время поѣздки! Ну, что до меня, то я горевать не стану,—толку изъ этого не будетъ!

— Ну, все же хоть для вида надо!—сказала кухонная кошка.

VII.

Орлиное гнѣздо.

Съ горной тропинки неслись въ долину веселые, громкіе „йодли“, дышавшіе удалью и бодростью духа. Это пѣлъ Руди; онъ шелъ къ другу своему Везинану.

— Ты долженъ помочь мнѣ! Мы прихватимъ еще Рагли,— мнѣ надо достать орленка изъ гнѣзда подъ выступомъ скалы!

— Не хочешь-ли сперва снять пятна съ луны, это такъ же легко!—сказалъ Везинанъ.—Ты, видно, весело настроенъ сегодня!

— Да! Я, вѣдь, собираюсь жениться!.. Ну, а теперь поговоримъ серьезно: тебѣ надо знать все!

И скоро и Везинанъ, и Рагли узнали, чего хотѣлъ Руди.

— Смѣлый ты парень!—сказали они.—Но это дѣло не выгоритъ! Сломаешь себѣ шею!

— Не упадешь, если не будешь думать объ этомъ!—отвѣтилъ Руди.

Около полуночи они пустились въ путь, запасшись шестами, лѣстницами и веревками. Дорога шла кустарникомъ, по скатывающимся камнямъ, все вверхъ. Было темно; воды шумѣли внизу, журчали въ вышинѣ; сѣрыя облака ползли надъ головами путниковъ. Наконецъ, они поднялись на верхнюю площадку; здѣсь стало еще темнѣе; отвѣсные утесы почти сходились вверху, и оттуда свѣтился лишь узенькій клочекъ голубого неба. Внизу же у самыхъ ногъ охотниковъ разверзалась бездна, гдѣ глухо шумѣла вода. Тихо сидѣли они всѣ трое, дожидаясь зари и вылета орлицы изъ гнѣзда. Надо было сначала застрѣлить ее, а потомъ ужъ думать о поимкѣ птенца. Руди сидѣлъ на низенькомъ камнѣ такъ неподвижно, какъ будто и самъ былъ изъ камня. Ружье онъ держалъ на готовѣ и не сводилъ глазъ съ верхняго уступа, подъ которымъ лѣпилось гнѣздо. Долго пришлось охотникамъ ждать.

Вдругъ, въ вышинѣ надъ ними послышался свистъ могучихъ крыльевъ, и какой-то огромный предметъ заслонилъ имъ свѣтъ. Два ружейныя дула направились на орлицу въ ту же минуту, какъ она вылетѣла изъ гнѣзда. Раздался выстрѣлъ... одно мгновеніе распростертыя крылья еще шевелились, затѣмъ птица стала медленно опускаться внизъ; казалось, эта огромная тяжелая масса съ широко-распростертыми крыльями наполнитъ собою все ущелье и увлечетъ въ бездну охотниковъ. Но вотъ, птица исчезла въ пропасти; послышался трескъ древесныхъ сучьевъ и вѣтвей кустарника, которые обламывало въ своемъ паденіи тѣло орла.

И вотъ, началась суетня; связали вмѣстѣ три самыя длинныя лѣстницы и укрѣпили ихъ на краю обрыва. Но оказалось, что онѣ не достигали до гнѣзда; надъ послѣднею ступенью возвышался еще порядочный уступъ отвѣсной, гладкой, какъ стѣна, скалы, подъ верхнимъ огромнымъ выступомъ которой и находилось гнѣздо. Послѣ краткаго совѣщанія остановились на томъ, что иного ничего сдѣлать нельзя, какъ взобраться на самую вершину скалы, и спустить оттуда внизъ еще пару связанныхъ вмѣстѣ лѣстницъ и прикрѣпить къ тремъ, стоявшимъ на нижней площадкѣ. Съ большимъ трудомъ втащили по тропинкѣ вверхъ двѣ лѣстницы и крѣпко связали ихъ тамъ веревками. Затѣмъ лѣстницы были спущены съ уступа и свободно повисли въ воздухѣ надъ пропастью. Руди живо очутился на самой нижней ступени колеблющихся лѣстницъ.

Утро было холодное, надъ чернымъ ущельемъ клубился густой туманъ. Руди сидѣлъ какъ муха на зыблемой вѣтромъ соломинкѣ, которую обронила на краю высокой фабричной трубы строющая тамъ гнѣздо птица. Но муха-то можетъ улетѣть, если соломинку сдунетъ вѣтромъ, а Руди могъ только сломать себѣ шею. Вѣтеръ свистѣлъ у него въ ушахъ; внизу съ шумомъ бѣжала вода, вытекавшая изъ таявшаго глетчера, дворца Дѣвы Льдовъ.

Вотъ Руди раскачалъ лѣстницу, какъ паукъ раскачиваетъ свою длинную, колеблющуюся паутинку, собираясь прикрѣпить ее къ чему-нибудь. Коснувшись въ четвертый разъ края лѣстницы, подымавшейся снизу, онъ поймалъ ее, и скоро лѣстницы были связаны вмѣстѣ вѣрною, крѣпкою рукою; тѣмъ не менѣе онѣ колебались и качались, точно скрѣпленныя истершимися петлями.

Всѣ пять лѣстницъ казались колеблющеюся тростинкой,

вертикально упиравшеюся въ стѣну скалы. Теперь предстояло самое трудное — вскарабкаться по ней, какъ кошка, но Руди умѣлъ и это; котъ выучилъ его. Головокруженія онъ не знавалъ, а оно плыло по воздуху позади иего, протягивая къ нему свои полипьи руки. Вотъ Руди остановился на верхней ступенькѣ лѣстницы, но и отсюда онъ еще не могъ заглянуть въ самое гнѣздо. Руди попробовалъ крѣпко-ли держатся нижнія, толстыя вѣтви, изъ которыхъ сплетено было дно гнѣзда, выбралъ самую надежную, уцѣпился за нее и приподнялся на рукѣ. Теперь голова и грудь его были выше гнѣзда; онъ заглянулъ туда, но его такъ и отшибло удушливымъ зловоніемъ падали: разложившихся овецъ, сернъ и птицъ; Головокруженіе, не смѣвшее схватить его, нарочно дунуло ему въ лицо эти ядовитыя испаренія, чтобы помутить его сознаніе. Внизу же, въ черной зіяющей глубинѣ, на хребтѣ снѣжныхъ волнъ, сидѣла сама Дѣва Льдовъ, съ распущенными длинными зеленоватыми волосами, и вперила въ охотника свои мертвящіе глаза, — ни дать-ни взять два ружейныхъ дула! „Теперь я поймаю тебя!“

Въ углу гнѣзда Руди увидалъ большого, сильнаго орленка, который еще не умѣлъ летать. Руди пристально вперилъ въ него взоръ, и, крѣпко держась за вѣтку одною рукой, другою набросилъ на орленка петлю... Орленокъ былъ пойманъ живымъ! Петля захлестнулась вокругъ его ноги; Руди вскинулъ петлю съ птицей на плечи, такъ что она висѣла ниже его ногъ, самъ же съ помощью спущенной ему со скалы веревки опять утвердился на верхней ступени лѣстницы.

„Держись крѣпко! Не думай, что упадешь, и не упадешь никогда!“ И онъ слѣдовалъ этому мудрому совѣту, держался крѣпко, карабкался, былъ увѣренъ, что не упадетъ и — не упалъ.

Раздался сильный, торжествующій „йодль“: Руди съ орленкомъ въ рукахъ стоялъ на твердой площадкѣ скалы.

VIII.

У комнатной кошки опять новости.

— Вотъ вамъ требуемое! — сказалъ Руди, войдя въ горницу мельника, поставилъ на полъ большую корзинку, снялъ съ нея холстъ, и оттуда выглянули два желтыхъ, окруженныхъ черными ободками, глаза. Какъ они дико сверкали! Точно хотѣли впиться въ тѣхъ, на кого смотрѣли, и испепелить ихъ; короткій,

сильный клювъ широко раскрывался, собираясь укусить; красная шея была покрыта пухомъ.

— Орлёнокъ!—закричалъ мельникъ. Бабетта вскрикнула и отскочила въ сторону, но не могла глазъ оторвать отъ Руди и отъ орленка.

— Ну, ты не даешь себя запугать!—сказалъ мельникъ.

— А вы всегда вѣрны своему слову! У всякаго своя особенность!—сказалъ Руди.

— Но отчего ты не сломалъ себѣ шеи?—спросилъ мельникъ.

— Оттого что держался крѣпко!—сказалъ Руди.—Такъ я и буду продолжать—крѣпко держаться за Бабетту!

— Получи ее сперва!—сказалъ мельникъ и засмѣялся; это было добрымъ знакомъ,—Бабетта ужъ знала.

— Ну, давай-ка вытащимъ его изъ корзины! Ишь ты! Страхъ просто, какъ онъ таращится! Какъ ты схватилъ его?

Руди пришлось разсказать обо всемъ; онъ говорилъ, а мельникъ все шире и шире раскрывалъ глаза.

— Съ твоею удалью да счастьемъ ты прокормишь трехъ женъ!—сказалъ онъ, наконецъ.

— Спасибо! Спасибо!—вскричалъ Руди.

— Ну, да Бабетты-то ты всетаки еще не получилъ!—сказалъ мельникъ и шутливо похлопалъ молодого охотника по плечу.

— Знаешь новости?—спросила комнатная кошка кухонную.—Руди принесъ намъ орленка и взамѣнъ беретъ Бабетту. Они ужъ цѣловались прямо на глазахъ у отца! Это, вѣдь, почти то же, что помолвка! Старикъ ужъ не порывался „шаркнуть“ Руди за дверь, припряталъ когти и прикурнулъ послѣ обѣда, а молодежь оставилъ миловаться! А ужъ сколько имъ надо пересказать другъ другу! Они не кончатъ и до Рождества.

Они и не кончили. Вѣтеръ крутилъ опавшую и побурѣвшую листву, снѣгъ шелъ и въ долинѣ, и на горахъ. Дѣва Льдовъ сидѣла въ своемъ гордомъ замкѣ, который выросталъ зимою. На скалахъ повисли толстыя хоботообразныя ледяныя сосульки; это застыли горные потоки, которые лѣтомъ извиваются тутъ, по скаламъ, словно серебристыя ленты. Напудренныя сосны сверкали ледяными кристаллами и фантастическими гирляндами... Дѣва Льдовъ со свистомъ носилась надъ глубокою долиною на крыльяхъ буйнаго вѣтра; снѣжный коверъ покрывалъ всю мѣстность вплоть до Бэ, такъ что она могла явиться и туда, и узнать, что Руди сдѣлался домосѣдомъ,—вѣчно сидѣлъ у Бабетты!

Свадьбу собирались сыграть лѣтомъ, и у жениха и невѣсты часто звенѣло въ ушахъ: друзья не переставали толковать о нихъ. Рѣзвая, веселая Бабетта сіяла, какъ солнышко, цвѣла какъ альпійская роза, была прелестна, какъ сама приближавшаяся весна, по мановенію которой всѣ птички должны были запѣть о лѣтѣ, и о свадьбѣ!

— И какъ только они могутъ вѣчно шушукаться, да нѣжничать? Мнѣ это вѣчное ихъ мяуканье просто надоѣло!—сказала комнатная кошка.

IX.

Дѣва Льдовъ.

Весна убралась въ зеленыя, сочныя гирлянды изъ вѣтвей орѣховыхъ и каштановыхъ деревъ. Пышнѣе же всего одѣлись зеленью деревья у моста близъ города Мориса, у береговъ Женевскаго озера и по берегамъ Роны, дико выбѣгающей изъ подъ зеленаго глетчера, хрустальнаго дворца Дѣвы Льдовъ. Тамъ ея царство; тамъ она переносится съ одной снѣжной равнины на другую на крыльяхъ буйнаго вѣтра, нѣжится на залитыхъ солнцемъ, мягкихъ снѣжныхъ пуховикахъ, сидитъ и смотритъ своими дальнозоркими глазами внизъ, въ глубокія долины, гдѣ, словно муравьи на освѣщенномъ солнцемъ камнѣ, копошатся люди.

— Вы, „избранники духа", какъ называютъ васъ дѣти солнца!—говорила она.—Козявки вы! Спустить на васъ комокъ снѣга, и вы будете сплюснуты, раздавлены со всѣми вашими домами и городами!—И она гордо вскидывала голову и озирала своимъ мертвящимъ взоромъ окружающее, потомъ опять смотрѣла внизъ. Снизу, изъ долины доносился грохотъ взрывовъ,—люди взрывали скалы, прокладывая туннели и мосты для желѣзныхъ дорогъ.

— Они играютъ въ кротовъ!—сказала Дѣва Льдовъ.—Копаютъ себѣ проходы, вотъ откуда эта ружейная трескотня. А вотъ двинь слегка мои дворцы *я*—раздастся грохотъ посильнѣе громовыхъ раскатовъ!

Изъ долины подымался дымокъ; онъ двигался впередъ, развѣваясь въ воздухѣ; это развѣвался султанъ локомотива, который мчалъ по вновь проложеннымъ рельсамъ извивающуюся змѣю—поѣздъ; каждое кольцо было вагономъ. Змѣя ползла впередъ съ быстротою стрѣлы.

— Они играютъ тамъ въ господъ, эти „избранники духа"!— сказала опять Дѣва Льдовъ.—Но силы природы все же могущественнѣе ихъ!—И она засмѣялась, запѣла; грохотомъ отдались эти звуки въ долинѣ.

„Вотъ лавина катится!" сказали люди. А дѣти солнца еще громче запѣли о человѣческомъ умѣ, который господствуетъ надъ міромъ, покоряетъ моря, двигаетъ горы, засыпаетъ пропасти. Умъ человѣческій господствуетъ надъ силами природы!

Въ ту же самую минуту на снѣжную равнину, гдѣ сидѣла Дѣва Льдовъ, взобралась компанія путешественниковъ. Они крѣпко связались всѣ вмѣстѣ веревкою, чтобы устойчивѣе двигаться по скользкой ледяной поверхности, у краевъ пропасти.

— Козявки!—сказала Дѣва Льдовъ.—Вамъ быть господами надъ силами природы?!—И, отвернувшись отъ нихъ, она вперила насмѣшливый взоръ въ глубокую долину, по которой, пыхтя, мчался поѣздъ.—Вонъ они сидятъ, эти „умы"! Я вижу каждаго! Вонъ одинъ возсѣдаетъ особнякомъ, словно король! А вонъ тамъ ихъ цѣлая куча! Половина изъ нихъ спитъ! Когда же паровой драконъ остановится, они вылѣзутъ и пойдутъ каждый своею дорогой. „Умы" разбредутся по свѣту! — И она разсмѣялась.

„Опять лавина катится!" говорили люди въ долинѣ.

— До насъ она не доберется!—сказали двое путниковъ, сидѣвшихъ на спинѣ дракона. Эти двое были, какъ говорится, „одной душою, одною мыслью". То ѣхали по желѣзной дорогѣ Руди и Бабетта; ѣхалъ съ ними и мельникъ.

— Въ видѣ багажа!—говорилъ онъ.—Меня взяли съ собою, какъ необходимое!

— Вонъ она сидитъ, эта парочка!—сказала Дѣва Льдовъ.— Сколько сернъ я раздавила, сколько милліоновъ розъ раздробила такъ, что не осталось и корешковъ. Сотру я и ихъ всѣхъ въ порошокъ! „Умы"! „Избранники духа"!—И она засмѣялась.

„Опять катится лавина!" сказали люди въ долинѣ.

X.

Крестная мать.

Въ Монтрэ, одномъ изъ ближайшихъ городковъ, образующемъ вмѣстѣ съ городами Клараномъ, Вевэ и Крэномъ гирлянду вокругъ сѣверо-восточной части Женевскаго озера, жила

крестная мать Бабетты, знатная барыня, англичанка, со своими дочерьми и молодымъ родственникомъ. Они только что прибыли туда, но мельникъ уже успѣлъ побывать у нихъ и сообщить имъ и о помолвкѣ Бабетты съ Руди, и объ орленкѣ, и о праздникѣ въ Интерлакенѣ, словомъ—обо всемъ. Все это очень понравилось дамамъ и сильно расположило ихъ въ пользу Руди, Бабетты и самого мельника. И вотъ, ихъ всѣхъ троихъ пригласили пріѣхать въ Монтрэ; они и пріѣхали: надо же было крестной матери повидать Бабетту, а Бабеттѣ—крестную мать.

На пароходъ садились какъ разъ у небольшого городка Вильнева, у конца Женевскаго озера, и черезъ полчаса пріѣзжали въ Вевэ, что лежитъ чуть пониже Монтрэ. Берегъ этотъ воспѣтъ поэтами; тутъ, въ тѣни орѣховыхъ деревьевъ, сиживалъ у глубокаго голубовато-зеленаго озера Байронъ и писалъ свою дивную поэму о Шильонскомъ узникѣ; тутъ, гдѣ отражаются въ водѣ плакучія ивы Кларана, ходилъ Руссо, обдумывая свою „Элоизу". Рона скользитъ у подножія высокихъ снѣжныхъ горъ Савойи; неподалеку отъ впаденія рѣки, на озерѣ лежитъ островокъ, такой маленькій, что съ берега кажется просто лодкой. Собственно говоря, это небольшая скала, которую лѣтъ сто тому назадъ одна дама велѣла обложить камнями, покрыть землей и засадить акаціями. Три акаціи покрывали теперь своею тѣнью весь островокъ. Бабетта пришла въ восторгъ отъ этого клочка земли, онъ показался ей милѣе всего, что они видѣли по пути, и ей непремѣнно захотѣлось побывать на немъ. Тамъ должно быть чудесно, восхитительно! Непремѣнно надо заѣхать туда! Но пароходъ проѣхалъ, какъ и слѣдовало, мимо—прямо въ Вевэ.

Оттуда маленькая компанія отправилась по дорогѣ въ Монтрэ; дорога шла въ гору между двумя рядами бѣлыхъ, освѣщенныхъ солнцемъ стѣнъ, которыми были обнесены виноградники; дома поселянъ ютились въ тѣни фиговыхъ деревьевъ, въ садахъ росли лавры и кипарисы. Пансіонъ, гдѣ жила крестная мать, лежалъ на полпути между Вевэ и Монтрэ.

Гостей ожидалъ самый радушный пріемъ. Крестная мать оказалась высокою, привѣтливою дамой, съ круглымъ улыбающимся лицомъ. Въ дѣтствѣ она, навѣрно, походила на одного изъ рафаэлевскихъ херувимовъ; теперь же херувимъ успѣлъ состариться; вьющіеся волосы, окружавшіе когда-то его личико золотымъ ореоломъ, были теперь сѣды. Дочери ея были нарядно одѣтыя,

изящныя, длинныя и стройныя особы. Молодой ихъ кузенъ, одѣтый съ ногъ до головы въ бѣлое, рыжеволосый, съ рыжими же и притомъ такими густыми бакенбардами, что ихъ хватило бы на трехъ джентльменовъ, выказалъ Бабеттѣ величайшее вниманіе.

На большомъ столѣ въ гостинной лежала масса книгъ въ богатыхъ переплетахъ, ноты и рисунки; дверь на балконъ была открыта, а съ балкона открывался чудный видъ на озеро, такое тихое и гладкое, что Савойскія горы съ разбросанными по нимъ городками, лѣсами и снѣгами на вершинахъ отражались въ немъ, какъ въ зеркалѣ.

Руди, всегда такой бодрый, жизнерадостный, живой, чувствовалъ себя тутъ не въ своей тарелкѣ и еле-еле двигался по блестящему, скользкому полу, точно по нему былъ разсыпанъ горохъ. Да и время-то тянулось безконечно! Попался Руди, словно бѣлка въ колесо, а тутъ еще вздумали отправиться на прогулку! Время потянулось еще медленнѣе. Руди положительно приходилось дѣлать одинъ шагъ впередъ да два назадъ, чтобы не забѣжать впередъ другихъ. Дойдя до стараго, мрачнаго Шильонскаго замка, они зашли посмотрѣть на позорный столбъ темницы, куда сажали приговоренныхъ къ смерти, на ржавыя цѣпи, ввинченныя въ скалистыя стѣны, на каменныя нары и на люки, въ которые проваливались несчастные, попадая прямо на желѣзные острые зубцы, и затѣмъ—въ водоворотъ. И смотрѣть на все это называлось удовольствіемъ! Байронъ воспѣлъ и опоэтизировалъ это ужасное мѣсто, но Руди видѣлъ въ немъ лишь то, чѣмъ оно было въ дѣйствительности—мѣсто истязаній. Онъ облокотился на каменный выступъ окна и смотрѣлъ на глубокую зеленовато-голубую воду и на уединенный островокъ съ тремя акаціями. Какъ ему хотѣлось туда, уйти отъ всей этой болтливой компаніи! Но Бабеттѣ, какъ она призналась потомъ, было страсть, какъ весело! Кузена она нашла настоящимъ джентльменомъ.

— Настоящій болванъ онъ, вотъ что!—сказалъ Руди. И Бабеттѣ въ первый разъ не понравилось то, что говорилъ Руди. Англичанинъ подарилъ ей на память о Шильонѣ книжечку; это была поэма Байрона „Шильонскій узникъ", во французскомъ переводѣ, такъ что Бабетта могла прочесть ее.

— Книга-то, можетъ статься, и хороша,—сказалъ Руди:—но этотъ лощенный молодчикъ, который подарилъ ее тебѣ, ничего, по-моему, не стоитъ.

— Онъ точно мучной мѣшокъ безъ муки!—сказалъ мельникъ и самъ захохоталъ надъ своей остроумною шуткою. Руди тоже разсмѣялся, вполнѣ соглашаясь съ мельникомъ.

XI.

Кузенъ.

Явившись черезъ нѣсколько дней въ гости на мельницу, Руди нашелъ тамъ молодого англичанина; Бабетта какъ разъ угощала его вареною форелью, которую, конечно собственноручно, украсила зеленью петрушки, чтобы блюдо смотрѣло аппетитнѣе. Это ужъ было совсѣмъ лишнее! И что нужно тутъ этому англичанину? Чего онъ хотѣлъ? Чтобы Бабетта угощала его, любезничала съ нимъ? Руди ревновалъ, и это тѣшило Бабетту. Ей весело было знакомиться со всѣми сторонами его характера—и сильными, и слабыми. Любовь была еще для нея игрою, вотъ она и играла съ сердцемъ Руди, несмотря на то, что онъ былъ „ея счастьемъ, мечтой ея жизни, самымъ дорогимъ для нея человѣкомъ въ свѣтѣ!“ И чѣмъ мрачнѣе глядѣлъ онъ, тѣмъ веселѣе смѣялись ея глазки; она готова была расцѣловать бѣлокураго англичанина съ золотистыми бакенбардами, только бы Руди взбѣсился и убѣжалъ прочь. Это бы показало ей, какъ сильно онъ ее любитъ! Не умно это было со стороны Бабетты! Ну и то сказать, ей, вѣдь, шелъ всего девятнадцатый годъ! Гдѣ ей было сообразить, что она поступаетъ нехорошо, что англичанинъ можетъ истолковать себѣ ея поведеніе совсѣмъ иначе, принять честную, только что просватанную дочку мельника за особу, болѣе веселую и легкомысленную, чѣмъ слѣдовало.

Мельница стояла у проѣзжей дороги, которая бѣжала отъ самаго Бэ подъ покрытыми снѣгомъ, скалистыми вершинами, носящими на мѣстномъ нарѣчіи названіе „Diablerets“; неподалеку отъ мельницы, клубясь и пѣнясь, струился быстрый горный ручей. Двигалъ мельницу, однако, не онъ, а другой ручей поменьше, который, низвергаясь съ утеса по другую сторону рѣки, пробѣгалъ сначала по каменной трубѣ подъ дорогою, потомъ съ силой выбивался на верхъ и протекалъ по закрытому, широкому деревянному жолобу, проведенному надъ водой съ одного берега рѣки на другой. Этотъ-то ручей и вертѣлъ мельнничныя колеса. Жолобъ всегда такъ переполнялся водой, что представлялъ мокрый, скользкій и очень ненадежный мостъ для того,

кому бы вздумалось ради сокращенія пути перебраться по нему на мельницу. А вотъ эта-то фантазія какъ разъ и пришла молодому англичанину. Одѣтый съ ногъ до головы въ бѣлое, какъ мельникъ, онъ перебирался вечеромъ по жолобу, руководимый свѣтомъ, мелькавшимъ въ окошкѣ Бабетты. Но онъ не учился лазать и карабкаться и чуть было не выкупался въ водѣ съ головою, да по счастью отдѣлался мокрыми рукавами и обрызганными панталонами. Мокрый, грязный явился онъ подъ окно Бабетты, вскарабкался на старую липу и давай кричать по-совиному,—другой птицѣ онъ подражать не умѣлъ. Бабетта услышала и поглядѣла сквозь тоненькія занавѣски, но увидя человѣка въ бѣломъ и догадавшись, кто это такой, она и испугалась и разсердилась, быстро потушила свѣчку и, убѣдившись что всѣ задвижки окна задвинуты плотно, предоставила англичанину пѣть и выть на здоровье.

Вотъ ужасъ былъ бы, если бы Руди находился на мельницѣ! Но Руди не было на мельницѣ. Нѣтъ, хуже—онъ былъ какъ разъ тутъ, внизу! Послышался громкій, крупный разговоръ... Ну—быть дракѣ, а, пожалуй, и до убійства дойдетъ!

Бабетта въ ужасѣ открыла окно, окликнула Руди и попросила его уйти: она не могла позволить ему остаться!

— Не можешь позволить мнѣ остаться!—произнесъ онъ.— Такъ у васъ уговоръ былъ! Ты поджидаешь дружка получше, чѣмъ я! Стыдно Бабетта!

— Гадкій! Противный!—сказала Бабетта.—Я ненавижу тебя!—И она заплакала.—Уходи! Уходи!

— Не заслужилъ я этого!—сказалъ онъ и ушелъ. Щеки его горѣли, какъ въ огнѣ, сердце тоже.

Бабетта кинулась на постель, заливаясь слезами.

— Я тебя такъ люблю, Руди, а ты считаешь меня такою гадкою!..

И она разсердилась, ужасно разсердилась на него. Но то и хорошо было, иначе бы она ужъ черезчуръ разогорчилась. Теперь же она заснула здоровымъ, подкрѣпляющимъ сномъ юности.

XII.

Злыя силы.

Руди, уйдя изъ Бэ, кинулся въ горы, въ этотъ свѣжій, холодный воздухъ, въ область снѣговъ, въ царство Дѣвы Льдовъ.

Внизу виднѣлись лиственныя деревья; они смотрѣли отсюда картофельною зеленью; сосны и кустарники становились все мельче, тамъ и сямъ попадались альпійскія розы, росшія прямо на снѣгу, который мѣстами напоминалъ разостланный для бѣленія холстъ. Руди попалась голубая горечавка; онъ смялъ ее ружейнымъ прикладомъ. Въ вышинѣ показались двѣ серны; глаза Руди заблестѣли, мысли приняли другой оборотъ. Но серны были еще слишкомъ далеко, чтобы расчитывать на вѣрный выстрѣлъ. Руди поднялся еще выше; здѣсь между каменными глыбами пробивалась уже одна жесткая трава. Серны спокойно расхаживали по снѣжной равнинѣ. Руди прибавилъ шагу, но туманъ вокругъ все сгущался, и онъ внезапно очутился передъ отвѣсной скалой; начался проливной дождь.

Руди чувствовалъ жгучую жажду, голова его горѣла, а во всемъ тѣлѣ ощущался ознобъ. Онъ схватился за свою охотничью фляжку, но она была пуста; онъ забылъ про нее, какъ и про все на свѣтѣ, кидаясь въ горы. Никогда еще не хворалъ онъ, а теперь чувствовалъ что-то похожее на болѣзнь; имъ овладѣла какая-то усталость... Такъ бы вотъ и бросился ничкомъ, да заснулъ! Но кругомъ было мокро, всюду струилась вода, и Руди старался овладѣть собою. Всѣ предметы какъ-то прыгали передъ его глазами, и вдругъ онъ увидалъ новую, только что построенную хижину, которую никогда не видывалъ здѣсь прежде. Хижина лѣпилась къ скалѣ; въ дверяхъ стояла молодая дѣвушка, похожая, какъ ему показалось, на Аннету, дочку школьнаго учителя, которую онъ разъ поцѣловалъ въ танцахъ. Нѣтъ, это была не Аннета! И всетаки лицо дѣвушки было ему какъ будто знакомо. Гдѣ же онъ видѣлъ ее раньше? Можетъ быть, въ Гриндельвальдѣ, въ тотъ вечеръ, когда возвращался съ состязанія стрѣлковъ, изъ Интерлакена?

— Какъ ты попала сюда?—спросилъ онъ.

— Я тутъ живу!—отвѣтила она.—Пасу свое стадо!

— Гдѣ же оно пасется? Тутъ одинъ снѣгъ да голыя скалы!

— Много ты знаешь!—разсмѣялась она.—Тутъ позади, немножко пониже, чудесное пастбище! Тамъ и ходятъ мои козы! Я стерегу ихъ крѣпко! У меня ужъ не пропадетъ ни одна; что мое, то моимъ и останется!

— Ишь, ты, какая храбрая!—сказалъ Руди.

— Ты тоже!—отвѣтила она.

— Если у тебя есть молоко, дай мнѣ! Смерть пить хочется!

— У меня есть для тебя кое-что получше!—молвила она.— Вчера тутъ были путешественники съ проводниками и позабыли полбутылки вина. Ты еще и не пробовалъ такого! Они за ней не пришлютъ, сама я не пью, такъ выпей ты!

И она вышла съ виномъ, налила его въ деревянную чашку и подала Руди.

— Славное вино!—сказалъ онъ.—Такого горячаго, жгучаго мнѣ еще не приходилось пробовать!—И глаза его заблестѣли, онъ ожилъ, огонь пробѣжалъ по его жиламъ; горе его словно рукой сняло. Онъ снова чувствовалъ себя свѣжимъ, бодрымъ, кипящимъ силой и молодостью.

— Да, вѣдь, это и впрямь Аннета!—произнесъ онъ.—Поцѣлуй меня!

— А ты отдай мнѣ твое хорошенькое колечко!

— Мое обручальное кольцо?!

— Вотъ, вотъ!—сказала дѣвушка, опять налила въ чашку вина и поднесла къ его губамъ; онъ выпилъ. Кровь въ немъ заиграла: весь свѣтъ—его, стоитъ-ли горевать, все манитъ къ радости, къ наслажденію!.. Рѣка жизни—рѣка наслажденія! Броситься въ нее, отдаться теченію—вотъ блаженство!.. Онъ взглянулъ на молодую дѣвушку; это была Аннета, и въ то же время какъ будто не Аннета, но никакъ и не злое навожденіе, какимъ она показалась ему на Гриндельвальдскомъ глетчерѣ. Свѣжая, какъ только что выпавшій снѣгъ, пышная, какъ альпійская роза, легкая, проворная, какъ серна, дѣвушка все же была создана изъ ребра Адама, была такимъ же человѣкомъ, какъ и Руди. И онъ обвилъ ее руками, заглянулъ ей въ удивительные, ясные глаза всего на одно мгновеніе, и—да, вотъ объясните, найдите для этого подходящее выраженіе!—исполнилась-ли его душа высшей духовной жизни, или почувствовала холодъ смерти? Взлетѣлъ онъ въ высь или глубоко-глубоко опустился въ ледяную пучину?.. Вокругъ него вздымались зеленовато-голубыя хрустальныя ледяныя стѣны, зіяли ущелья, мелодично журчали струйки воды, звеня, словно колокольчики, и сіяя свѣтлымъ голубоватымъ пламенемъ... Дѣва Льдовъ поцѣловала Руди, смертельный холодъ пробѣжалъ по его спинѣ въ мозгъ, онъ вскрикнулъ, рванулся, зашатался и упалъ. Въ глазахъ у него померкло, но скоро онъ открылъ ихъ опять. Злыя силы сыграли таки съ нимъ штуку!

Дѣвушка исчезла, хижина тоже, съ голой скалы стекала

вода, кругомъ лежалъ снѣгъ. Руди дрожалъ отъ холода,—онъ промокъ до костей! Обручальное кольцо, кольцо, данное ему Бабеттою, тоже исчезло! Ружье валялось на снѣгу возлѣ него; онъ взялъ его, хотѣлъ выстрѣлить—осѣчка. Въ ущельяхъ лежали густыя облака, точно исполинскіе, снѣжные сугробы. На скалѣ сидѣло Головокруженіе и стерегло обезсилѣвшую жертву. Внизу, въ глубинѣ ущелья, раздался гулъ, словно рушилась цѣлая скала, раздробляя и увлекая за собою въ бездну все, что попадалось ей на пути.

А Бабетта сидѣла на мельницѣ и плакала: Руди не показывался вотъ уже цѣлыхъ шесть дней! А, вѣдь, виноватымъ-то былъ онъ, онъ долженъ былъ просить у нея прощенья,—она, вѣдь, любила его всѣмъ сердцемъ.

XIII.

Въ домѣ мельника.

— Ну и безтолковщина же идетъ у этихъ людей! — сказала комнатная кошка кухонной.—Теперь у Бабетты съ Руди опять все врозь пошло! Она плачетъ, а онъ и знать ея не хочетъ больше!

— Не люблю я этого!—сказала кухонная кошка.

— И я тоже!—сказала первая.—Но горевать ужъ я не стану! Пусть Бабетта возьметъ себѣ другого жениха—того, съ рыжими бакенбардами! Впрочемъ, и онъ не бывалъ здѣсь съ тѣхъ поръ, какъ собирался взлѣзть на крышу.

Злыя силы творятъ свое и внѣ, и внутри насъ; это Руди испыталъ на себѣ и крѣпко задумался надъ этимъ. Что случилось съ нимъ, что творилось въ немъ самомъ тамъ, на горахъ? Было-ли то злое навожденіе или горячешный бредъ? Но до сихъ поръ онъ, вѣдь, не знавалъ ни лихорадки, ни другихъ недуговъ! Осуждая Бабетту, онъ заглянулъ на минуту и вглубь собственной души, и ему вспомнилась бушевавшая въ ней дикая буря, жгучій „фёнъ“, который вырвался изъ нея наружу. Могъ-ли онъ самъ открыть Бабеттѣ *каждую* свою мысль, которая въ часъ искушенія могла перейти въ дѣло? Онъ потерялъ ея кольцо, и, именно благодаря этой потерѣ, Бабетта вновь обрѣла Руди. А она, могла-ли она открыть ему всю свою душу? Сердце его какъ будто рвали на части, когда онъ думалъ о ней; въ немъ просыпалось столько воспоминаній!

Онъ видѣлъ ее передъ собой какъ живую—веселую, смѣющуюся, дѣтски-шаловливую! Ласковыя слова, которыхъ онъ столько слышалъ отъ нея въ минуты сердечнаго упоенія, прокрались въ его душу солнечными лучами, и скоро она вся была залита ими—Бабетта опять могла воцариться въ ней! „Да, она навѣрно могла открыть ему всю свою душу и—откроетъ!“

И вотъ онъ пришелъ на мельницу. Приступили къ исповѣди; началась она поцѣлуемъ, а кончилась тѣмъ, что виновнымъ былъ признанъ Руди. Онъ былъ страшно виноватъ, позволивъ себѣ усумниться въ вѣрности Бабетты! Онъ поступилъ просто непозволительно, гадко! Такое недовѣріе, такая горячность могли погубить ихъ обоихъ. Конечно! И вотъ, Бабетта прочитала ему маленькое нравоученіе; это очень шло къ ней и доставило ей большое удовольствіе. Но въ одномъ всетаки Руди былъ правъ: родственникъ крестной мамаши былъ просто шалопай! Она даже хотѣла сжечь книгу, которую онъ подарилъ ей, чтобы ничто больше не напоминало ей о немъ.

— Ну, опять все уладилось!—сказала комнатная кошка!—Руди опять тутъ, они столковались и говорятъ, что это величайшее счастье!

— А я слышала сегодня ночью отъ крысъ, что величайшее счастье—пожирать сальныя свѣчи и всегда имѣть въ запасѣ протухшее сало! Кому же теперь вѣрить: крысамъ или людямъ?

— Ни тѣмъ, ни другимъ!—сказала комнатная кошка.—Это вѣрнѣе всего!

Но величайшее счастье для Руди и Бабетты было еще впереди; ихъ ожидалъ прекраснѣйшій день ихъ жизни — день свадьбы.

Свадьбу собирались праздновать не въ мѣстной церкви, и не въ домѣ мельника; крестная пожелала, чтобы свадьбу сыграли у нея, а обрядъ былъ совершенъ въ красивой маленькой церкви въ Монтрэ. И мельникъ рѣшилъ уважить требованіе крестной матери: онъ одинъ зналъ, что̀ собиралась она подарить молодымъ, и нашелъ, что такой свадебный подарокъ стоилъ маленькой уступки. День былъ назначенъ. Вечеромъ наканунѣ, мельникъ, женихъ и невѣста должны были выѣхать въ Вильневъ, а съ утреннимъ пароходомъ заблаговременно прибыть въ Монтрэ, чтобы дочери крестной матери успѣли одѣть невѣсту къ вѣнцу.

— Полагаю всетаки, что они справятъ свадьбу и здѣсь, хоть на другой день!—сказала комнатная кошка.—Иначе я не дамъ и „мяу“ за всю эту исторію!

— Попируемъ и здѣсь!—отвѣтила кухонная кошка.—Недаромъ зарѣзали столько утокъ и голубей, а на стѣнѣ виситъ цѣлая коза! У меня ужъ зубы чешутся, какъ погляжу! Завтра они уѣдутъ!

Да, завтра! Сегодня же вечеромъ Руди и Бабетта въ послѣдній разъ сидѣли на мельницѣ женихомъ и невѣстою.

„Альпійское зарево“ пылало, вечерніе колокола звонили, дѣти воздуха пѣли: „Да свершится все къ лучшему!“

XIV.

Ночныя видѣнія.

Солнце зашло, облака спустились въ долину Роны, окруженную высокими горами, вѣтеръ дулъ съ юга, изъ Африки. Онъ бурно проносился надъ высокими Альпами и рвалъ облака въ клочья. Минутами „фёнъ“ утихалъ, и тогда воцарялась тишина. Разорванныя облака нависали надъ поросшими лѣсомъ горами и быстрою Роною какими-то фантастическими образами: тутъ вырисовывалось допотопное морское чудовище, тамъ—парящій орелъ; здѣсь—какія-то скачущія лягушки. Они спускались къ ревущему потоку, какъ будто плыли по нему, и всетаки плыли по воздуху. Потокъ несъ вырванную съ корнями сосну; по водѣ передъ ней ходили круги: это волновали воду Головокруженія, кружившіяся на бурлящемъ потокѣ. Луна освѣщала снѣжныя вершины горъ, темные лѣса, бѣлыя причудливыя облака и видѣнія ночи, духовъ природы. Горные жители часто видятъ ихъ сквозь стекла оконъ. Теперь они толпами проплывали передъ Дѣвой Льдовъ, которая вышла изъ своего хрустальнаго дворца и плыла по быстрому потоку на хрупкомъ кораблѣ—вырванной изъ земли соснѣ—прямо въ широкое озеро.

„Свадебный поѣздъ мчится!“ шумѣло и шелестѣло въ воздухѣ и на водѣ.

Видѣнія и тутъ и тамъ.

Бабеттѣ приснился удивительный сонъ.

Она какъ будто уже была много лѣтъ замужемъ за Руди. Онъ ушелъ на охоту, а она осталась дома, и у нея сидѣлъ въ гостяхъ молодой англичанинъ съ золотистыми бакенбардами.

Глаза его смотрѣли такъ ласково, изъ устъ лились такія чарующія слова, онъ протягивалъ ей руку, и она невольно пошла за нимъ! Они ушли изъ ея роднаго дома, стали спускаться все ниже и ниже... На сердцѣ у Бабетты было такъ тяжело, и съ каждой минутой становилосъ все тяжелѣе. Она знала, что совершаетъ грѣхъ, грѣхъ противъ Руди, грѣхъ противъ Бога!... Вдругъ она очутилась одна, покинутая! Платье ея было все изорвано о клочки терна, волоса посѣдѣли. Тоскливо взглянула она вверхъ и на скалистомъ уступѣ увидѣла Руди. Она протянула къ нему руки, но не смѣла окликнуть его или обратиться къ нему съ мольбой о прощеніи. Да это и не повело бы ни къ чему: она скоро замѣтила, что это былъ вовсе не Руди, а лишь его охотничья куртка и шляпа, повѣшенныя на альпійскую палку, чучело, часто устраиваемое охотниками, чтобы обмануть сернъ. Въ приливѣ безграничной скорби Бабетта простонала: „О, лучше бы умереть мнѣ въ день моей свадьбы, счастливѣйшій день моей жизни! Боже милосердный, это было бы для меня высшею милостью, величайшимъ счастьемъ и для меня, и для Руди! Никто не знаетъ своего будущаго!“ И полная скорби и отчаянія она бросилась въ пропасть. Порвалась струна, прозвучалъ печальный аккордъ!...

Бабетта проснулась; сонъ кончился и улетучился изъ ея памяти, но она помнила, что ей снилось что-то страшное, снился молодой англичанинъ, котораго она не видѣла на яву вотъ уже нѣсколько мѣсяцевъ и о которомъ даже не вспоминала. Пожалуй, онъ теперь въ Монтрэ? Неужели онъ будетъ на ея свадьбѣ?

Легкая гримаса тронула изящный ротикъ, брови сдвинулись, но скоро въ глазахъ засіяла улыбка,—солнышко свѣтило такъ ярко, и завтра ея свадьба!

Сойдя внизъ, Бабетта уже нашла тамъ Руди; скоро всѣ трое отправились въ Вильневъ. Женихъ и невѣста были безконечно счастливы, мельникъ просто сіялъ весь, — онъ былъ добрый отецъ, честная душа!

— Теперь мы господа въ домѣ!—сказала комнатная кошка.

XV.

Конецъ.

Трое счастливцевъ прибыли въ Вильневъ еще до наступленія вечера. Послѣ обѣда мельникъ усѣлся въ кресло, закурилъ

трубку и задремалъ, а молодая парочка вышла рука объ руку изъ города и направилась по проѣзжей дорогѣ, проходившей подъ обросшими кустарникомъ скалами, вдоль голубовато-зеленаго озера. Сѣрыя стѣны и громоздкія башни угрюмаго Шильонскаго замка отражались въ чистой, прозрачной водѣ. Маленькій островокъ съ тремя акаціями лежалъ совсѣмъ близко и смотрѣлъ настоящимъ букетомъ, плавающимъ по озеру.

— Тамъ должно быть чудесно!—сказала Бабетта. Ей опять страшно захотѣлось туда, и желаніе это могло быть удовлетворено сейчасъ же. У берега качалась лодка; ничего не стоило отвязать ее. Позволенія просить было не у кого: вблизи не виднѣлось ни души живой. Руди съ Бабеттой, не долго думая, усѣлись въ лодку; грести Руди умѣлъ.

Весла, точно рыбьи плавники, забирали послушную, легко поддающуюся воду. Послушную!—Да, она послушна, гибка и въ то же время крѣпка; чего только ни носитъ она на своемъ хребтѣ, чего ни поглощаетъ ея пасть! Она любовно улыбается, на видъ—сама мягкость, сама нѣжность и все же внушаетъ людямъ страхъ своею мощною, всесокрушающею силой. Лодка оставляла за собой пѣнящійся слѣдъ; чрезъ нѣсколько минутъ она пристала къ острову, и молодые люди вышли на берегъ. Тутъ можно было даже устроить танцы, но не больше, какъ для одной парочки.

Руди сдѣлалъ съ Бабеттой два, три тура; потомъ оба усѣлись на скамеечку подъ тѣнь развѣсистыхъ акацій, взялись за руки и долго сидѣли молча, любовно глядя другъ на друга. Все кругомъ было залито сіяніемъ заходящаго солнца. Горные сосновые лѣса приняли лиловатые оттѣнки цвѣтущаго вереска, голые же выступы скалъ сіяли словно освѣщенные извнутри. Облака горѣли яркимъ пламенемъ, озеро алѣло, какъ свѣжій розовый лепестокъ. Но вотъ мало-по-малу на снѣжныя вершины Савойскихъ скалъ стали ложиться темно-синія тѣни; только самые верхніе зубцы еще горѣли точно раскаленная лава, воскрешая въ памяти наблюдателя моментъ образованія самыхъ горъ, когда эти раскаленныя массы поднялись изъ нѣдръ земли и еще не успѣли остыть. Руди и Бабеттѣ сдавалось, что они никогда не видали подобнаго „альпійскаго зарева". Покрытая снѣгами Dent du Midi блестѣла, словно только что выплывшій на небосклонъ полный мѣсяцъ.

„Какое великолѣпіе! Какое счастіе!" повторяли влюбленные.

— Земля не въ состоянiи дать мнѣ бо́льшаго! — сказалъ Руди.—Такой вечеръ, какъ сегодня, сто́итъ, вѣдь, цѣлой жизни! И какъ часто я ощущалъ такой же приливъ счастья, какъ теперь, и думалъ, что, еслибы даже съ этимъ днемъ кончилась вся моя жизнь, мнѣ нечего было-бы жалѣть о томъ, столько я уже испыталъ счастья! Но дивно хорошъ Божiй мiръ! День тотъ проходилъ, наступалъ новый и казался мнѣ еще лучше предыдущаго! Господь безконечно благъ, Бабетта!

— Я такъ счастлива!—сказала она.

— Земля не въ состоянiи дать мнѣ бо́льшаго!—повторилъ Руди.

Съ горъ Савойи, съ горъ Швейцарiи доносился звонъ вечернихъ колоколовъ; на западѣ стояла въ золотомъ вѣнцѣ темно-синяя Юра.

— Да устроитъ для тебя Господь все къ лучшему!—воскликнула Бабетта.

— Устроитъ!—сказалъ Руди.—И это будетъ завтра! Завтра ты всецѣло будешь моею! Моею собственною милою женкой!

— Лодка!—вскрикнула вдругъ Бабетта.

Лодка, на которой они должны были переправиться обратно, отвязалась и отплыла отъ острова.

— Я поймаю ее!—сказалъ Руди, сбросилъ куртку и сапоги, кинулся въ воду и быстрыми взмахами поплылъ къ лодкѣ.

Прозрачная голубовато-зеленая вода, вытекавшая изъ горнаго глетчера, была холодна какъ ледъ и глубока. Руди бросилъ въ глубину быстрый взглядъ, и передъ глазами его какъ будто замелькало, закружилось, засiяло золотое колечко, то самое, которое онъ потерялъ! Кольцо стало расти, расширилось въ сiяющiй кругъ, а въ серединѣ его заблестѣлъ глетчеръ. Вокругъ зiяли бездонныя пропасти, вода журчала, звеня, словно колокольчики и сiяя голубоватымъ пламенемъ. Все, что мы должны описать столькими словами, Руди увидалъ въ одно мгновенiе ока. Молодые охотники, дѣвушки, женщины и мужчины, нѣкогда провалившiеся въ расщелины скалъ, стояли передъ нимъ, какъ живые, широко раскрывъ глаза и улыбаясь, а изъ глубины, изъ погребенныхъ подъ лавинами городовъ, доносился колокольный звонъ; молящiеся преклонили колѣна подъ сводами церкви; льдины образовали органъ, горные потоки загудѣли... На ясномъ, прозрачномъ днѣ сидѣла сама Дѣва Льдовъ; вотъ она поднялась къ Руди, поцѣловала его въ ноги, и по тѣлу его

пробѣжалъ смертельный холодъ, электрическій токъ... Огонь и ледъ!.. При мимолетномъ прикосновеніи къ нимъ ихъ, вѣдь, не различишь!

„Мой! Мой!“ зазвучало вокругъ него и въ немъ самомъ. „Я цѣловала тебя еще маленькаго! Цѣловала тебя въ губы, теперь-же цѣлую твои подошвы и пятки,—ты весь мой!“

И Руди исчезъ въ ясной синеватой глубинѣ.

Въ воздухѣ стояла тишина; послѣдніе звуки колоколовъ замирали въ воздухѣ, а вмѣстѣ съ ними исчезалъ и послѣдній отблескъ вечерней зари на облакахъ.

„Мой!“ звучало въ глубинѣ. „Мой!“ звучало въ безконечной вышинѣ небесъ.

Блаженъ вознесшійся отъ любви къ любви, отъ любви земной—къ любви небесной! Порвалась струна, прозвучалъ печальный аккордъ, смерть запечатлѣла на бренной оболочкѣ свой ледяной поцѣлуй; прологъ жизненной драмы кончился; диссонансъ разрѣшился гармоническимъ аккордомъ.

Что-жъ, развѣ это печальная исторія?

Бѣдняжка Бабетта! Для нея это былъ часъ ужаса и скорби! Лодку относило все дальше и дальше. Никто на берегу не зналъ, что женихъ съ невѣстой отправились на островокъ. Сумерки все сгущались, облака садились ниже, наступила тьма. Одна, покинутая, несчастная стояла Бабетта на островѣ. Надъ Юрой, Швейцаріей и Савойей разразилась гроза; молніи блистали, удары грома слѣдовали одинъ за другимъ, раскаты продолжались по нѣскольку минутъ. Молніи сверкали, какъ солнечные лучи; на мгновеніе становилось свѣтло, какъ днемъ, и можно было явственно различить каждую тычинку, но затѣмъ опять все погружалось въ мракъ. Молніи бороздили небо, извиваясь по нему хвостами, зигзагами, лентами, ударяли прямо въ озеро, и оно вспыхивало то тутъ, то тамъ; раскаты грома раздавались еще громче, благодаря гулкому эху. На противоположномъ берегу торопливо вытаскивали на землю лодки; все живое спѣшило куда-нибудь укрыться!.. И вотъ полилъ дождь.

— Гдѣ же, однако, Руди и Бабетта въ такую непогоду!— сказалъ мельникъ.

Бабетта сидѣла, скрестивъ руки, опустивъ голову на грудь, онѣмѣвъ отъ скорби, обезсилѣвъ отъ криковъ и жалобъ.

„Тамъ, на днѣ!“ сказала она самой себѣ. „Глубоко, глубоко подъ водою, словно погребенъ въ пропасти глетчера!“

И ей вспомнились разсказы Руди о смерти его матери, о томъ, какъ его вытащили изъ ледяного ущелья безжизненнымъ. „Дѣва Льдовъ таки поймала его!“

Блеснула ослѣпительная молнія. Бабетта вскочила; озеро на мгновеніе приподнялось, точно сверкающій глетчеръ; на немъ стояла Дѣва Льдовъ, величественная, вся озаренная голубымъ сіяніемъ, и у ногъ ея лежало тѣло Руди!.. „Мой!“ сказала она, и все опять потонуло во мракѣ. Дождь все лилъ.

— Ужасно! — стонала Бабетта. — Зачѣмъ, зачѣмъ было ему умирать какъ разъ на зарѣ нашего счастливѣйшаго дня! Господи, просвѣти мой умъ! Просвѣти мое сердце! Пути Твои темны для меня! Я не могу уразумѣть Твоего всемогущества и мудрости!

И Господь просвѣтилъ ее: какъ лучъ божественнаго милосердія мелькнуло въ ея мозгу воспоминаніе — ея послѣдній сонъ! Онъ возсталъ передъ нею, какъ на яву; она вспомнила каждое свое слово, вспомнила, чего просила у Бога: „лучшаго для себя и для Руди“.

— Горе мнѣ! Неужели зародышъ грѣха таился въ моемъ сердцѣ? Неужели мой сонъ предвѣщалъ наше будущее, и нить его жизни должна была порваться ради моего спасенія! О, я несчастная!

Такъ просидѣла она въ слезахъ всю ночь. Среди глубокой тишины, казалось, звучали еще послѣднія слова Руди: „Бо́льшаго, высшаго счастья земля не можетъ дать мнѣ!“ Они были сказаны въ минуту блаженства, и теперь она повторяла ихъ въ часъ безысходной скорби.

Прошло два года. Озеро улыбается, берега тоже; въ виноградникахъ висятъ пышныя гроздья; разукрашенные флагами пароходы проплываютъ мимо; лодочки съ распущенными парусами проносятся по зеркальной поверхности, словно бабочки. Желѣзная дорога къ Шильонскому замку открыта; она ведетъ далеко вглубь долины Роны. На каждой станціи выходятъ туристы-иностранцы и сейчасъ же справляются о мѣстныхъ достопримѣчательностяхъ въ книжкѣ съ краснымъ переплетомъ. Они посѣщаютъ Шильонъ, смотрятъ изъ его оконъ на островокъ съ тремя акаціями и читаютъ въ „Путеводителѣ“ о женихѣ и невѣстѣ, отправившихся туда на лодкѣ однажды вечеромъ, 1856 г.,

о смерти жениха и о томъ, что „лишь на слѣдующее утро услышали съ берега отчаянные вопли невѣсты“.

Но „Путеводитель“ ничего не говоритъ о замкнутой, тихой жизни Бабетты у своего отца—не на мельницѣ,—тамъ живутъ теперь чужіе, но въ хорошенькомъ домикѣ близъ вокзала. Часто стоитъ она вечерами у окошка и смотритъ черезъ верхушки каштановыхъ деревьевъ на снѣжныя горы, по которымъ карабкался когда-то Руди, смотритъ на альпійское зарево—сіяніе распростертыхъ крылъ дѣтей солнца, поющихъ о путникѣ, съ котораго вѣтеръ сорвалъ плащъ; оболочку унесъ онъ, а не самого человѣка.

На снѣгахъ горитъ розовый отблескъ зари; ясная заря горитъ и въ каждомъ человѣческомъ сердцѣ, которое вѣритъ, что „Богъ все устраиваетъ къ лучшему для насъ!“ Но не всегда это бываетъ намъ открыто, какъ было открыто во снѣ Бабеттѣ.

МОТЫЛЕКЪ.

Мотылекъ вздумалъ жениться. Конечно, ему хотѣлось взять за себя хорошенькій цвѣточекъ.

Онъ посмотрѣлъ кругомъ: цвѣточки сидѣли на своихъ стебелькахъ тихо, скромно, какъ и подобаетъ еще непросватаннымъ барышнямъ, но выбрать было ужасно трудно—такъ много ихъ было.

Мотыльку скоро надоѣло раздумывать, и онъ порхнулъ къ полевой ромашкѣ. Французы зовутъ ее маргариткой и увѣряютъ, что она умѣетъ ворожить. По крайней мѣрѣ, влюбленные всегда прибѣгаютъ къ ней, обрываютъ лепестокъ за лепесткомъ и приговариваютъ: „Любитъ всѣмъ сердцемъ? всею душою? очень? чуть-чуть? ни капли?“, или нѣчто въ этомъ родѣ; всякій, вѣдь, спрашиваетъ по-своему. И мотылекъ тоже обратился къ ромашкѣ, но не сталъ обрывать лепестковъ, а перецѣловалъ ихъ, думая, что всегда лучше дѣйствовать добромъ.

— Матушка-маргаритка, полевая ромашка, мудрѣйшая изъ цвѣтовъ!—сказалъ онъ.—Вы умѣете ворожить! Укажите же мнѣ мою суженую! Тогда, по крайней мѣрѣ, я сразу могу посвататься.

Но ромашка молчала,—она обидѣлась; она была дѣвицей, а ее вдругъ назвали матушкой—какъ вамъ это нравится?

Мотылекъ спросилъ еще разъ, потомъ еще, отвѣта все не было, онъ соскучился и прямо полетѣлъ свататься.

Это было раннею весной; всюду цвѣли подснѣжники и крокусы.

— Недурны!—сказалъ мотылекъ.—Миленькія подросточки! Только... зеленоваты больно!

Мотылекъ, какъ и всѣ юноши, искалъ дѣвицъ постарше.

Потомъ онъ оглядѣлъ другихъ и нашелъ, что анемоны горьковаты, фіалки немножко сантиментальны, тюльпаны—щеголихи, бѣлыя лиліи простоваты, липовые цвѣты и малы, да и родни у нихъ пропасть, яблочные цвѣты, конечно, чуть-чуть не розы, но ужъ черезчуръ недолговѣчны: вѣтромъ пахнуло, и нѣтъ ихъ, стоитъ-ли тутъ жениться? Горошекъ понравился ему больше всѣхъ: бѣлорозовый, просто кровь съ молокомъ, нѣжный, изящный, да и на кухнѣ не ударитъ лицомъ въ грязь, словомъ, дѣвица хоть куда! Мотылекъ совсѣмъ было ужъ собрался посвататься, да вдругъ увидалъ рядомъ стручекъ съ увядшимъ цвѣткомъ.

— Это... кто же?—спросилъ онъ.

— Сестрица моя!—отвѣчалъ горошекъ.

— Такъ потомъ и вы такая же будете?

Мотылекъ испугался и поскорѣе улетѣлъ прочь.

Черезъ изгородь перевѣшивалась цѣлая масса каприфолій; но эти барышни съ вытянутыми желтыми физіономіями были ему совсѣмъ не по вкусу. Да, но что же было ему по вкусу? Подите, узнайте!

Весна прошла, прошло и лѣто, настала осень, а мотылекъ не подвинулся съ своимъ сватовствомъ ни на шагъ. Появились новые цвѣты въ роскошныхъ нарядахъ, но что толку? Съ годами сердце все больше и больше начинаетъ тосковать о весенней свѣжести, объ оживляющемъ ароматѣ юности, а не искать же ихъ у осеннихъ георгинъ и штокъ-розъ! И мотылекъ полетѣлъ къ кудрявой мятѣ.

— На ней нѣтъ никакихъ особыхъ цвѣтовъ, но она вся одинъ сплошной благоухающій цвѣтъ, ее я и возьму!

И онъ посватался.

Но мята не шелохнула листочкомъ и, наконецъ, сказала:

— Дружба и—больше ничего! Мы оба стары; друзьями мы еще можемъ быть, но пожениться?.. Нѣтъ, что за дурачество на старости лѣтъ!

Такъ мотылекъ и остался ни съ чѣмъ. Онъ ужъ черезчуръ

много выбиралъ, а это не годится,—вотъ и остался старымъ холостякомъ.

Скоро налетѣла непогода съ дождемъ и изморозью; поднялся холодный вѣтеръ; дрожь пробирала старыя скрипучія ивы. Не сладко было разгуливать по такому холоду въ лѣтнемъ платьѣ. Но мотылекъ и не разгуливалъ,—ему какъ-то удалось залетѣть въ комнату; тамъ топилась печка, и стояло чисто лѣтнее тепло. Жить бы да поживать здѣсь мотыльку.—Но что это за жизнь? Мнѣ нужны солнце, свобода и хоть маленькій цвѣточекъ!—сказалъ мотылекъ, полетѣлъ и прямо ударился въ оконное стекло.

Тутъ его увидали, пришли отъ него въ восторгъ и посадили на булавку въ ящичекъ съ прочими рѣдкостями. Бóльшаго для него ужъ не могли сдѣлать.

— Теперь и я сижу на стебелькѣ, какъ цвѣтокъ!—сказалъ мотылекъ.—Не особенно-то это сладко! Ну да зато это нѣчто вродѣ женитьбы: тоже сидишь крѣпко.

И онъ утѣшался этимъ.

— Плохое утѣшеніе!—сказали комнатные цвѣты.

„Ну, комнатнымъ цвѣтамъ не очень-то вѣрь!“ думалъ мотылекъ. „Они ужъ черезчуръ близко знаются съ людьми“.

ПСИХЕЯ.

На зарѣ, въ румяномъ утреннемъ небѣ горитъ крупная, яркая звѣзда. Лучъ ея дрожитъ на бѣлой стѣнѣ, словно хочетъ начертить на ней разсказы о всемъ, видѣнномъ ею тамъ и сямъ на нашей вращающейся землѣ.

Послушай же одинъ изъ ея разсказовъ!

— Недавно (недавнее для звѣзды для насъ людей означаетъ событіе, совершившееся нѣсколько столѣтій тому назадъ), лучи мои слѣдили за однимъ молодымъ художникомъ; жилъ онъ въ папской столицѣ, во всемірномъ городѣ Римѣ. Многое измѣнилось тамъ съ теченіемъ времени, хотя такія перемѣны и совершаются далеко не такъ быстро, какъ человѣкъ становится изъ ребенка старикомъ. Императорскій дворецъ и тогда уже былъ въ развалинахъ; между поверженными во прахъ мраморными колоннами и надъ расписанными золотомъ стѣнами полуразрушенныхъ термъ возвышались фиговыя и лавровыя деревья. Колизей тоже пред-

ставлялъ однѣ руины. Но церковные колокола звонили; ладанъ курился; по улицамъ проходили процессіи со свѣчами и сіяющими балдахинами. Римъ былъ городомъ церковной пышности; но здѣсь также процвѣтало и высоко почиталось искусство. Въ Римѣ жили величайшій художникъ міра Рафаэль и величайшій ваятель среднихъ вѣковъ Микель Анджело. Самъ папа отдавалъ честь обоимъ, удостаивалъ ихъ своими посѣщеніями. Искусство признавали, чтили и награждали. Но, конечно, не все достойное замѣчалось и удостаивалось награды.

Въ маленькой, узенькой улицѣ стоялъ старый домъ, бывшій нѣкогда храмомъ. Въ домѣ этомъ жилъ молодой ваятель, бѣдный, безызвѣстный. Но у него, конечно, были друзья, тоже молодые художники, юные душою, богатые надеждами и мыслями. Они говорили ему, что у него большой талантъ, и что онъ просто глупъ, если самъ этому никакъ повѣрить не можетъ. А онъ и въ самомъ дѣлѣ постоянно разбивалъ въ дребезги созданное имъ наканунѣ, никогда не бывалъ доволенъ своею работою и не доводилъ ея до конца, а это необходимо: иначе кто же ее увидитъ, признаетъ и заплатитъ за нее деньги?

— Ты мечтатель!—говорили ему друзья.—И въ этомъ твое несчастье! Происходитъ же все это оттого, что ты еще не жилъ, какъ надо, не вкусилъ жизни, не пилъ жадными глотками жизненнаго нектара. А, вѣдь, въ молодости-то именно и надо слиться съ жизнью во едино! Вотъ тебѣ примѣръ—величайшій художникъ міра Рафаэль; его чтитъ самъ папа, ему дивится весь свѣтъ, а онъ и ѣстъ и пьетъ, какъ всѣ, ни отъ чего не отказывается!

— Даже отъ самой булочницы, прекрасной Форнарины!—сказалъ Анджело, одинъ изъ первыхъ весельчаковъ молодой компаніи.

И многое еще чего наговорили они! Они говорили, что̀ подсказывали имъ ихъ молодость, разумъ и желаніе увлечь молодого художника въ круговоротъ веселья, шалостей—пожалуй, даже сумасбродствъ. Временами и онъ самъ былъ не прочь отъ этого: кровь въ немъ была горячая, душа пылкая, и онъ могъ участвовать въ веселыхъ бесѣдахъ, смѣяться отъ души, не хуже другихъ! И всетаки такъ называемая „веселая жизнь Рафаэля“ казалась ему какимъ-то чадомъ, туманомъ въ сравненіи съ божественнымъ блескомъ, которымъ сіяли картины великаго мастера. А какъ волновалась его грудь, когда онъ стоялъ въ Ватиканѣ передъ образами нетлѣнной красоты, изваянными изъ мрамора худож-

никами древнихъ временъ! Какой ощущалъ онъ тогда подъемъ духа, какую силу, какой священный огонь жегъ его сердце! Въ немъ загоралось желаніе создать изъ мрамора подобные же образы. Онъ хотѣлъ воплотить въ мраморѣ то чувство, которое стремилось изъ глубины его души вознестись къ Вѣчному и Безконечному. Но какъ возсоздать его, въ какомъ образѣ? Мягкая глина послушно принимала подъ его пальцами прекрасныя формы, но на другой день онъ, какъ и всегда, уничтожалъ созданное имъ наканунѣ.

Однажды онъ проходилъ мимо одного изъ многочисленныхъ роскошныхъ римскихъ палаццо, остановился передъ большими открытыми воротами и увидалъ внутри двора, за расписанными аркадами, садикъ, полный душистыхъ розъ. Сочныя, зеленыя листья змѣиной травы купались въ мраморномъ бассейнѣ, наполненномъ прозрачною водой. Тутъ же передъ нимъ промелькнуло видѣніе—молодая дѣвушка, дочь хозяина дома. Какъ она была нѣжна, воздушна, прелестна! Никогда въ жизни не видывалъ онъ такой женщины! Ахъ, нѣтъ, видѣлъ въ одномъ изъ римскихъ палаццо на картинѣ Рафаэля, въ образѣ Психеи. Тамъ она была написана красками, здѣсь явилась ему живая.

Она ярко запечатлѣлась въ его сердцѣ и мысляхъ; вернувшись въ свою бѣдную мастерскую, онъ принялся лѣпить изъ глины Психею—знатную молодую римлянку, и впервые остался доволенъ своею работою. Она имѣла въ его глазахъ значеніе,—это было, вѣдь, *ея* изображеніе!

Друзья, увидавъ статую, громко возликовали: въ этой работѣ художественный талантъ его выразился необычайно ярко; до сихъ поръ его признавали только одни они, теперь его признаетъ весь свѣтъ!

Глина прекрасно передаетъ жизненность тѣла, но не обладаетъ бѣлизной и прочностью мрамора; Психея должна была ожить въ мраморѣ, и у художника даже имѣлся этотъ драгоцѣнный матеріалъ: во дворѣ съ давнихъ лѣтъ лежала мраморная глыба, принадлежавшая еще его родителямъ. На ней валялся разный мусоръ, осколки стекла, обрѣзки овощей; все это грязнило, пачкало ее снаружи, но внутри мраморъ сіялъ снѣжною бѣлизною; изъ него-то и должна была возстать Психея.

Въ одинъ прекрасный день—звѣзда объ этомъ ничего не разсказываетъ,—она не видала этого, но мы-то знаемъ, что оно было такъ—узенькую, бѣдную улицу посѣтило знатное общество;

посѣтители оставили карету неподалеку отъ дома и пѣшкомъ прошли къ жилищу художника. Явились они посмотрѣть на его работу, о которой случайно услышали. Кто же такіе они были? Бѣдный юноша! Или лучше: слишкомъ счастливый юноша! Въ его студіи стояла она, сама молодая красавица! И какъ улыбнулась она, когда отецъ ея сказалъ: „Да, вѣдь, это ты, живая!“ Эту улыбку нельзя было передать, этого взора удивленія нельзя было изобразить! Онъ поднималъ, облагораживалъ и—повергалъ во прахъ!

— Психею нужно изваять изъ мрамора!—сказалъ знатный посѣтитель. И слова эти вызвали къ жизни мертвую глину и тяжелую мраморную глыбу, равно какъ и самого взволнованнаго художника.—Когда работа будетъ окончена, я покупаю ее!—прибавилъ знатный римлянинъ.

Словно новая эра настала въ бѣдной мастерской; въ ней закипѣли жизнь, веселье, работа. Сіяющая утренняя звѣзда созерцала, какъ работа подвигалась впередъ. Самая глина, казалось, ожила, съ тѣхъ поръ, какъ побывала здѣсь *она*, и послушно принимала подъ рукою художника желаемыя формы, передавала знакомыя черты. Скоро онѣ засіяли высшею, совершеннѣйшею красотою.

— Теперь я знаю, что такое „жить“!—ликовалъ художникъ.—Это значитъ—любить, увлекаться возвышеннымъ, восхищаться прекраснымъ! То же, что называютъ жизнью мои товарищи—обманъ, пузыри, вскакивающіе на бродящей гущѣ, а не чистый, небесный напитокъ, пріобщающій человѣка къ истинной жизни!

Мраморная глыба была поднята на подставку, и отъ нея начали откалывать кусокъ за кускомъ. Художникъ мѣрилъ, ставилъ черточки и точки, и мало-по-малу грубая работа была выполнена, камень сталъ принимать формы живого тѣла, очертанія божественно-прекраснаго образа молодой дѣвушки. Тяжелый камень превратился въ воздушную, порхающую, прелестную Психею, улыбающуюся небесною улыбкою, навѣки запечатлѣвшеюся въ сердцѣ молодого ваятеля.

Звѣзда, сіявшая на румяномъ утреннемъ небѣ, видѣла все это и, право, поняла, что̀ творилось въ душѣ молодого человѣка, поняла и краску, вспыхивавшую на его щекахъ, и блескъ его глазъ въ то время, какъ онъ воплощалъ въ мраморѣ созданіе Божіе.

— Ты мастеръ, какіе жили во времена древнихъ грековъ!— говорили ему восхищенные друзья.—Скоро весь свѣтъ будетъ дивиться твоей Психеѣ!

— *Моей* Психеѣ! — повторилъ онъ. — *Моей!* Да, она и должна быть моею! И я такой же художникъ, какъ мои великіе предшественники. Милосердый Господь даровалъ мнѣ талантъ, превознесъ меня, какъ своего избранника! Я не ниже кровныхъ аристократовъ!

И онъ упалъ на колѣни, и со слезами благодарилъ Бога, потомъ опять забывалъ Его ради *нея*, ради ея мраморнаго изображенія, ради Психеи, словно вылѣпленной изъ снѣга и разрумяненной утреннимъ солнцемъ.

Но ему предстояло увидѣть ее живую, прекрасную, воздушную, предстояло опять услышать ея музыкальный голосъ! Онъ долженъ былъ явиться въ роскошное палаццо съ извѣстіемъ о томъ, что мраморная Психея исполнена. Онъ и явился туда; прошелъ по двору, мимо мраморнаго бассейна, куда бѣжала вода изъ пасти дельфиновъ, и гдѣ въ изобиліи росли змѣиная трава и свѣжія, пышныя розы, а затѣмъ вступилъ въ обширную, высокую переднюю. Стѣны и потолокъ ея были расписаны картинами и гербами; разодѣтые слуги, гордые, увѣшанные погремушками, какъ лошади во время карнавала, ходили внизъ и вверхъ по лѣстницамъ; нѣкоторые лѣниво развалились на рѣзныхъ скамьяхъ; сдавалось, что господа въ домѣ—они! Молодой человѣкъ сказалъ, зачѣмъ пришелъ, и его повели по гладкой мраморной лѣстницѣ, устланной мягкими коврами; по обѣимъ сторонамъ ея стояли статуи; затѣмъ молодой человѣкъ прошелъ черезъ амфиладу роскошныхъ, изукрашенныхъ картинами покоевъ, съ блестящими мозаичными полами. При видѣ всей этой роскоши, ему стало какъ-то не по себѣ, у него захватило духъ, но скоро онъ преодолѣлъ это чувство, и ему опять стало легко. Старый, знатный господинъ принялъ его очень ласково, почти дружески и, поговоривъ съ нимъ, предложилъ ему пройти къ молодой синьорѣ,—она тоже желала видѣть художника. Слуги опять повели его по роскошнымъ покоямъ и заламъ, и вотъ, онъ очутился въ комнатѣ синьоры, лучшимъ украшеніемъ которой была она сама.

Она заговорила съ нимъ; никакое Miserere, никакой церковный гимнъ не могли бы такъ потрясти сердце, такъ взволновать душу! Онъ схватилъ ея руку и прижалъ къ своимъ губамъ; рука

была мягче, нѣжнѣе лепестка розы, но отъ этого лепестка исходилъ огонь! Онъ прожогъ молодого человѣка насквозь, поднялъ его высоко, высоко!.. И изъ устъ его полились слова, въ которыхъ онъ и самъ не отдавалъ себѣ отчета. Развѣ знаетъ кратеръ, что выбрасываетъ раскаленную лаву? Онъ высказалъ ей свою любовь. Она стояла пораженная, негодующая, гордая, съ такимъ выраженіемъ гадливаго презрѣнія на лицѣ, какъ будто внезапно дотронулась до мокрой лягушки. Щеки ея горѣли огнемъ; губы совсѣмъ побѣлѣли; черные, какъ ночь, глаза метали молніи.

— Безумецъ!—сказала она.—Прочь! Прочь!—и повернулась къ нему спиною. Прекрасное лицо приняло выраженіе знаменитой окаменѣлой головы, съ змѣями вмѣсто волосъ.

Упавшій духомъ, осунувшійся, безпомощный побрелъ онъ по улицамъ, какъ лунатикъ. Очнулся онъ только у себя дома, и тутъ, въ приливѣ бѣшенства и отчаянія, схватилъ молотокъ, замахнулся и хотѣлъ раздробить прекрасную мраморную статую. Онъ и не замѣтилъ, что другъ его Анджело стоялъ позади него. Анджело съ силою схватилъ его за руку.

— Съ ума ты сошелъ?! Что съ тобою?

Началась борьба; Анджело былъ сильнѣе, и молодой ваятель, тяжело дыша, бросился на стулъ.

— Что случилось?—продолжалъ Анджело.—Приди въ себя! Говори!

Но что онъ могъ сказать? Что могъ разсказать? Анджело не добился отъ него ничего и махнулъ рукой.

— У тебя просто кровь сгустилась отъ твоихъ вѣчныхъ мечтаній! Будь же человѣкомъ, какъ мы всѣ, не живи одними идеалами,—не выдержишь! Хлебни вина, увидишь, какъ чудесно заснешь! Возьми докторомъ красивую дѣвушку. Дѣвушки Кампаньи прелестны, не хуже принцессъ изъ мраморныхъ палаццо: и тѣ, и другія, вѣдь, дочери Евы, и въ раю ихъ не различишь! Пойдемъ со мною! Я буду твоимъ ангеломъ-хранителемъ! А придетъ время—состаришься, тѣло одряхлѣетъ, и въ одинъ прекрасный день, когда все кругомъ будетъ веселиться на солнцѣ и ликовать, ты будешь валяться, какъ высохшая былинка, которой больше ужъ не расти! Я не вѣрю тому, что говорятъ патеры—будто за могилою насъ ждетъ другая жизнь; это прекрасная мечта, дѣтская сказка, довольно утѣшительная, если вѣрить въ нее. Но я не предаюсь мечтамъ, а живу дѣйствительностью. Пойдемъ со мною! Будь человѣкомъ!

И онъ увлекъ его съ собою; ему удалось это въ данную минуту: въ крови молодого ваятеля горѣлъ огонь, въ душѣ произошелъ переворотъ, пробудилось непреодолимое желаніе порвать со всѣмъ старымъ, привычнымъ, отрѣшиться отъ своего прежняго „я". Вотъ почему онъ и послѣдовалъ за Анджело.

На одной изъ окраинъ Рима находился излюбленный трактирчикъ художниковъ; устроенъ онъ былъ въ уцѣлѣвшей части древнихъ термъ; старыя желто-красныя стѣны скрывались за темною, блестящею зеленью лимонныхъ деревьевъ, сквозь которую сверкали золотистые крупные плоды. Трактиръ помѣщался подъ глубокимъ сводомъ, такъ что напоминалъ пещеру. Внутри, передъ образомъ Богоматери горѣла лампада; въ очагѣ пылалъ огонь; тутъ жарили, варили и пекли; въ саду подъ тѣнью лимонныхъ и лавровыхъ деревьевъ стояло нѣсколько накрытыхъ столиковъ.

Друзья встрѣтили вновь пришедшихъ съ распростертыми объятіями, и закипѣло веселье. Закусили немножко, порядочно выпили—это веселитъ и подбадриваетъ—и принялись пѣть и играть на гитарахъ. Зазвучала сальтарелла, и начались танцы. Двѣ молодыхъ римлянки, натурщицы художниковъ, закружились въ пляскѣ. Двѣ прелестныя вакханки! Да, онѣ не были похожи на Психею, не были нѣжными, прекрасными розами, но свѣжими, сочными, пышными гвоздиками.

Какая жара стояла въ этотъ день! Она продолжалась даже послѣ заката солнца! Огонь въ крови, огонь въ воздухѣ, огонь во взглядахъ! Воздухъ отливалъ золотомъ и розами, казалось, и вся жизнь полна золота и розъ!

— Ну, наконецъ-то, и ты съ нами! Отдайся же теченію жизни!

— Никогда еще не чувствовалъ я себя такимъ здоровымъ и веселымъ!—сказалъ молодой художникъ.—Ты правъ, вы всѣ правы, я былъ глупцомъ, мечтателемъ! Человѣкъ принадлежитъ дѣйствительной жизни, а не фантазіи!

Съ пѣніемъ подъ акомпаниментъ гитаръ, вышли молодые люди изъ трактира и направились по переулкамъ города; вечеръ былъ ясный, звѣздный. Обѣ роскошныя гвоздики, дочери Кампаньи, сопровождали ихъ.

Въ комнаткѣ Анджело, заваленной разбросанными повсюду эскизами, листками и картинами, изображавшими сцены, полныя красоты и страсти, голоса зазвучали глуше, но такъ же

весело и страстно. По полу валялись рисунки, изображавшіе дочерей Кампаньи во всевозможныхъ видахъ; рисунки дышали жизнью и красотой, но сами дѣвушки были еще куда красивѣе. Канделябръ о шести свѣчахъ пылалъ всѣми огнями, и при ихъ свѣтѣ красота дѣвушекъ выступала еще ярче; изъ тѣлеснаго образа просвѣчивалъ образъ божества.

„Аполлонъ! Юпитеръ! Я возношусь къ вамъ, на небо! Въ моемъ сердцѣ какъ будто распускается цвѣтокъ жизни!“

Да, онъ распустился... поблекъ и опалъ, распространяя одуряющія испаренія. Лицо поблѣднѣло, мысли спутались... Фейерверкъ страстей погасъ, и наступила тьма.

Онъ добрался до своего дома бросился на постель и тогда только немного собрался съ мыслями. „Тьфу!“ вырвалось изъ его устъ, изъ глубины его сердца. „Несчастный! Прочь! Прочь!“ И онъ горько, глубоко вздохнулъ.

„Прочь! Прочь!“ эти слова живой Психеи не переставали раздаваться въ его сердцѣ, срываться съ его устъ. Онъ уронилъ голову на подушку, мысли его спутались, и онъ заснулъ.

На зарѣ онъ проснулся и сталъ припоминать вчерашнее. Что такое случилось наканунѣ? Не во снѣ-ли все это было? И ея жестокія слова, и пирушка въ трактирѣ, и вечеръ, проведенный въ обществѣ пунцовыхъ гвоздикъ Кампаньи?.. Нѣтъ, все это было на яву, было дѣйствительностью, новою для него дѣйствительностью!

На алѣющемъ небѣ свѣтилась яркая звѣзда; лучи ея упали на ваятеля и на мраморную Психею. И онъ задрожалъ, взглянувъ на этотъ нетлѣнный образъ: ему казалось, что его нечистый взглядъ не смѣлъ больше смотрѣть на нее. Онъ торопливо набросилъ на статую покровъ; потомъ опять было хотѣлъ снять его и раскрыть Психею, но нѣтъ! Онъ былъ не въ силахъ больше смотрѣть на свое созданіе!

Тихій, угрюмый, весь уйдя въ самого себя, просидѣлъ онъ весь этотъ длинный день, не зная, не сознавая, что̀ творилось вокругъ, и никто не зналъ, что̀ творилось въ немъ самомъ.

Дни шли за днями, недѣли за недѣлями; особенно долго тянулись ночи. Однажды утромъ яркая звѣзда увидала, какъ онъ, смертельно блѣдный, дрожащій, словно въ лихорадкѣ, вскочилъ съ постели, подбѣжалъ къ мраморной статуѣ, сдернулъ съ нея покровъ, посмотрѣлъ на свое твореніе долгимъ, скорбнымъ взглядомъ и затѣмъ, почти изнемогая подъ ея тяжестью,

стащилъ ее въ садъ. Тамъ былъ глубокій, высохшій колодезь, скорѣе яма; въ нее-то онъ и опустилъ свою Психею, забросалъ ее землею, а свѣжую могилу прикрылъ хворостомъ и крапивою.

„Прочь! Прочь!“ Коротка была надгробная рѣчь.

Звѣзда видѣла все это съ румянаго небосклона, и лучи ея задрожали въ двухъ крупныхъ слезахъ, скатившихся по блѣднымъ щекамъ молодого человѣка, заболѣвшаго лихорадкою—заболѣвшаго смертельно,—говорили о немъ, когда онъ лежалъ въ постели.

Монахъ, братъ Игнатій, явился для него другомъ и врачомъ. Онъ явился къ одру больного со словами религіознаго утѣшенія, заговорилъ о мирѣ, о счастьѣ, даруемыхъ церковью, о грѣховности человѣческой, о милосердіи Бога и спасеніи черезъ Него.

Слова его были солнечными лучами, падавшими на мокрую, вспаханную почву, и изъ нея стали подыматься испаренія, превращавшіяся въ облака—въ мысленные образы, бывшіе въ то же время и дѣйствительными. Съ этихъ-то воздушныхъ, скользящихъ въ пространствѣ островов молодой человѣкъ и сталъ смотрѣть внизъ на жизнь человѣческую; вся она была обманъ, разочарованіе, по крайней мѣрѣ для него! Самое искусство было волшебницею, вовлекающею насъ въ грѣхъ суетнаго земнаго тщеславія! Мы лжемъ и самимъ себѣ, и друзьямъ, и Богу. Змѣя, скрывающаяся въ насъ, твердитъ намъ: „Вкуси и станешь подобнымъ Богу!“

Теперь только — казалось ему — онъ понялъ самого себя, уразумѣлъ путь истины и мира. Въ церкви былъ свѣтъ Божій и ясный миръ, въ монашеской кельѣ—покой; тамъ только древо человѣческой жизни могло возрасти для вѣчности!

Братъ Игнатій укрѣпилъ въ немъ эти мысли, и онъ рѣшился: дитя свѣта стало слугою церкви, молодой ваятель отрекся отъ міра, ушелъ въ монастырь.

Какъ сердечно, любовно привѣтствовала его братія! Какъ торжественно было посвященіе! Самъ Господь, казалось ему, присутствовалъ въ церкви, въ озарявшихъ ее солнечныхъ лучахъ, въ сіяніи, окружавшемъ лики святыхъ и кресты. И, стоя вечеромъ, на закатѣ солнца, у открытаго окна въ своей маленькой кельѣ, онъ окинулъ взоромъ старый Римъ, разрушенные храмы, величественный, но мертвый Колизей, узрѣлъ все это въ весеннемъ уборѣ цвѣтущихъ акацій, свѣжей зелени плюща, пышныхъ

розъ, золотистыхъ апельсиновъ и роскошныхъ вѣерныхъ пальмъ, и ощутилъ въ своей груди такую полноту блаженства, какой никогда еще не знавалъ прежде! Открытая тихая долина Кампаньи убѣгала къ блестящимъ, покрытымъ снѣгомъ горамъ, точно нарисованнымъ на небѣ. Все сливалось, дышало миромъ и красотою, все какъ будто грезило, расплывалось въ мечтахъ, весь міръ былъ мечтою!

Да, міръ былъ мечтою, а мечта можетъ покорить человѣка на часъ, много на два, затѣмъ опять вернуться на нѣкоторое время, жизнь же въ монастырѣ должна была длиться годы, многіе, долгіе годы!

И ему пришлось сознаться, что извнутри человѣка выходитъ многое, оскверняющее его! Что это за огонь жегъ его временами? Что это былъ въ немъ за источникъ зла, которое вырывалось наружу, несмотря на его сопротивленіе? И онъ бичевалъ свою плоть, но источникъ зла не изсякалъ. Что такое заставляло его умъ обвиваться змѣею вокругъ его совѣсти и заползать вмѣстѣ съ нею подъ плащъ Божественной любви? Чей это голосъ шепталъ ему: „Святые, вѣдь, молятся за насъ, Божья Матерь тоже, а самъ Іисусъ Христосъ отдалъ за насъ свою плоть и кровь!“ Въ силу-ли ребячества или легкомыслія онъ отдавался подъ покровительство Высшей Милости и чувствовалъ себя превознесеннымъ надъ прочими людьми? Какъ же! Онъ, вѣдь, оттолкнулъ отъ себя мірскую суету, сталъ сыномъ церкви!

Однажды, спустя много лѣтъ, онъ встрѣтился съ Анджело; тотъ узналъ его.

— Ну вотъ! — сказалъ Анджело. — Такъ это ты! Что-жъ, счастливъ ты теперь? Ты согрѣшилъ противъ Бога, отбросилъ Его даръ, загубилъ свой талантъ! Прочти притчу о довѣренныхъ талантахъ! Учитель, разсказавшій ее, принесъ въ міръ истину! Ну чего же ты добился, чего достигъ? Не создалъ-ли ты себѣ жизнь празднаго мечтателя? Не создалъ-ли себѣ собственную религію, какъ и всѣ монахи? А что, если все это лишь мечта, фантазія, прекрасные вымыслы?

— Отойди отъ меня, сатана!—сказалъ монахъ и отошелъ прочь отъ Анджело.

— Это самъ дьяволъ! Я видѣлъ его сегодня воочію!—шепталъ монахъ.—Я протянулъ ему однажды палецъ, а онъ схватилъ всю мою руку!.. Нѣтъ!—вздыхалъ онъ потомъ:—Зло во

мнѣ самомъ! Въ этомъ человѣкѣ тоже есть зло, но онъ не падаетъ подъ его бременемъ, носитъ голову высоко, счастливъ! А я ищу счастья въ утѣшеніяхъ религіи... А что, если это и впрямь только утѣшеніе?.. Что, если и это, какъ все то, отъ чего я отказался въ мірѣ, лишь красивый вымыселъ, обманъ, какъ красота розовыхъ вечернихъ облаковъ, какъ голубая волнующаяся даль за горами?! Вѣдь, вблизи все оказывается инымъ! О, вѣчность! Ты, какъ великій, безграничный, безмятежный океанъ, манишь, зовешь къ себѣ, наполняешь нашу душу предчувствіями, а дойдешь до тебя и, можетъ быть, погрузишься въ бездну, исчезнешь, умрешь... перестанешь существовать! Обманъ! Прочь! Прочь!

Безъ слезъ, углубившись въ самого себя, стоялъ онъ на своемъ жесткомъ ложѣ, преклонивъ колѣни—передъ кѣмъ? Передъ каменнымъ распятіемъ, вдѣланнымъ въ стѣну? Одна привычка заставила его преклонить колѣни!

Чѣмъ глубже заглядывалъ онъ въ свою душу, тѣмъ она казалась ему темнѣе; пустота внутри, пустота внѣ! „Даромъ загубилъ свою жизнь!“ И мысли катились и росли, словно комъ снѣга, росли, давили, стирали его съ лица земли.

„И никому не смѣю я открыть этого червяка, гложущаго мою душу! Моя тайна—мой плѣнникъ; выпущу я его—я стану его плѣнникомъ!“

И частица божественнаго духа въ немъ продолжала страдать и бороться.

— Господи, Господи!—молился онъ въ отчаяніи.—Сжалься надо мною, пошли мнѣ вѣру!.. Я зарылъ въ землю Твой даръ—свой талантъ! У меня не хватило силъ, Ты не далъ ихъ мнѣ! Безсмертная Психея въ моей груди... Прочь, Прочь!.. И ее предадутъ землѣ, какъ ту, лучшій проблескъ моей жизни!.. Никогда не возстанетъ она изъ своей могилы!

Звѣзда сіяла на румяномъ небѣ. И она когда-нибудь потухнетъ, исчезнетъ, а души все будутъ вѣчно жить и сіять! Дрожащій лучъ ея упалъ на бѣлую стѣну, но не начертилъ на ней ничего о величіи Бога, о Его милости и любви, отголоски которыхъ звучатъ въ душѣ каждаго вѣрующаго.

— Нѣтъ, Психея тутъ, во мнѣ, никогда не умретъ!.. Жить сознательно?.. Можетъ-ли сбыться непостижимое?.. Да, да! Непостижимо—мое *я*! Непостижимъ и Ты, Господи! Весь Твой міръ непостижимъ! Онъ чудо Твоей силы, великолѣпія и... любви!..

Глаза его засіяли и потухли на вѣки. Звуки колокола проводили его въ могилу. Онъ былъ зарытъ въ землю, привезенную изъ Іерусалима и смѣшанную съ прахомъ благочестивыхъ умершихъ.

По истеченіи нѣсколькихъ лѣтъ, остовъ вынули, какъ и остовы всѣхъ умершихъ до него монаховъ, закутали его въ темную рясу, надѣли на руку четки и поставили его въ нишу, сложенную изъ человѣческихъ костей, найденныхъ на монастырскомъ кладбищѣ. Туда свѣтило солнце, доносился благоуханный дымъ ладона, звуки молитвъ.

Прошло много лѣтъ.

Кости скелетовъ разсыпались; черепа собрали и сложили въ ряды, такъ что они образовали цѣлую ограду вокругъ церкви. Въ числѣ прочихъ лежалъ тутъ подъ жгучими лучами солнца и черепъ ваятеля; много, много было ихъ тутъ, но никто не зналъ, кому они принадлежали, не знали и его имени. И вотъ, однажды при свѣтѣ солнца въ глазныхъ впадинахъ черепа мелькнуло что-то живое. Что это было? Въ пустой черепъ пробралась пестрая ящерица и шмыгала взадъ и впередъ черезъ открытыя, глазныя впадины. Итакъ, въ головѣ опять была жизнь, въ той самой головѣ, гдѣ нѣкогда бродили великія мысли, сіяли мечты, любовь къ искусству, ко всему прекрасному, откуда катились жгучія слезы, гдѣ жила надежда на безсмертіе! Ящерица выпрыгнула и пропала; черепъ истлѣлъ; сталъ прахомъ во прахѣ.

Прошли столѣтія. Яркая звѣзда свѣтила попрежнему, все такая же свѣтлая, крупная, какою была тысячелѣтія; небо отливало пурпуромъ, нѣжнымъ, какъ пурпуръ розъ, алымъ, какъ кровь.

Тамъ, гдѣ нѣкогда проходила узенькая улица, на которой находились развалины храма, была теперь площадь, а на ней возвышался женскій монастырь. Въ саду рыли могилу; умерла молодая монахиня, и въ это утро ее хотѣли похоронить. Вдругъ заступъ наткнулся на камень, сверкавшій ослѣпительною бѣлизною. Показался бѣлый мраморъ; онъ округлился въ плечо, потомъ обнажилась и вся рука. Стали дѣйствовать заступомъ осторожнѣе, и изъ земли показалась женская голова, потомъ крылья бабочки... Изъ могилы, куда хотѣли зарыть тѣло молодой монахини, извлекли при свѣтѣ розовой утренней зари чудную статую Психеи, изваянную изъ бѣлаго мрамора. „Какъ она прелестна! Какое совершенство! Памятникъ искусства луч-

шихъ временъ!“ говорили люди. „Кто создалъ ее?“ Никто не зналъ этого, никто, кромѣ сіяющей тысячелѣтія утренней звѣзды. Она одна знала земную жизнь творца Психеи, его испытанія, его вѣру въ человѣческое достоинство и слабость. Бренная оболочка его перестала жить, распалась въ прахъ, какъ и должно, но результатъ его стремленій, воплощеніе таившейся въ немъ искры Божіей—Психея осталась!.. И она никогда не умретъ, она переживетъ самую память о своемъ творцѣ, будетъ служить здѣсь на землѣ проблескомъ его безсмертной души! И вотъ, ее нашли, оцѣнили и полюбили! Ясная утренняя звѣзда, горѣвшая на румяномъ небѣ, обливала своимъ дрожащимъ свѣтомъ Психею и освѣщала блаженно улыбавшіяся уста и глаза зрителей, созерцавшихъ въ нѣмомъ восторгѣ душу, изваянную изъ мрамора.

Все земное истлѣваетъ, разсыпается въ прахъ, забывается; помнитъ о немъ лишь звѣзда, свидѣтельница безконечныхъ временъ; все же небесное само сіяетъ и живетъ въ памяти. Но и эта память можетъ угаснуть, тогда какъ Психея живетъ вѣчно!

УЛИТКА И РОЗОВЫЙ КУСТЪ.

Вокругъ сада шла живая изгородь изъ орѣшника; за нею начинались поля и луга, гдѣ паслись коровы и овцы. Посреди сада цвѣлъ розовый кустъ; подъ нимъ сидѣла улитка. Она была богата внутреннимъ содержаніемъ—она содержала самое себя.

— Постойте, придетъ и мое время!—сказала она—Я дамъ міру кое-что поважнѣе этихъ розъ, орѣховъ или молока, что́ даютъ коровы и овцы!

— Я многаго ожидаю отъ васъ!—сказалъ розовый кустъ.— Позвольте же узнать, когда это будетъ?

— Время терпитъ! Это вотъ вы все спѣшите! А спѣхъ ослабляетъ впечатлѣніе!

На другой годъ улитка лежала чуть-ли не на томъ же мѣстѣ, на солнышкѣ, подъ розовымъ кустомъ, снова покрытымъ бутонами; бутоны распускались, розы цвѣли, отцвѣтали, а кустъ выпускалъ все новыя и новыя.

Улитка наполовину выползла изъ раковины, вытянула рожки и опять подобрала ихъ.

— Все то-же да то-же! Ни шагу впередъ! Розовый кустъ

остается при своихъ розахъ; ни на волосъ не подвинулся впередъ!

Лѣто прошло, настала осень, розовый кустъ цвѣлъ и благоухалъ, пока не выпалъ снѣгъ. Стало сыро, холодно, розовый кустъ пригнулся къ землѣ, улитка уползла въ землю.

Опять настала весна, снова зацвѣли розы, и выползла улитка.

— Теперь вы ужъ стары!—сказала она розовому кусту.— Пора бы вамъ и честь знать! Вы дали міру все, что могли дать; многое-ли—это вопросъ, которымъ мнѣ некогда заниматься. А что вы ровно ничего не сдѣлали для своего внутренняго развитія—это ясно! Иначе изъ васъ вышло бы кое-что другое. Что вы скажете въ свое оправданіе? Вы скоро, вѣдь, обратитесь въ палку! Понимаете вы, чтó я говорю?

— Вы меня пугаете!—сказалъ розовый кустъ.—Я никогда объ этомъ не думалъ!

— Да, да, вы, кажется, мало затрудняли себя думаньемъ! А вы пробовали когда-нибудь заняться этимъ вопросомъ, дать себѣ отчетъ—*почему* собственно вы цвѣтете и *какъ* это происходитъ, почему *такъ*, а не *иначе?*

— Нѣтъ!—сказалъ розовый кустъ.—Я радовался жизни и цвѣлъ,—я не могъ иначе! Солнце такъ грѣло, воздухъ такъ освѣжалъ меня, я пилъ живую росу и обильный дождь, я дышалъ, я жилъ! Силы подымались въ меня изъ земли, вливались изъ воздуха, я жилъ полною жизнью, счастье охватывало меня, и я цвѣлъ,—въ этомъ была моя жизнь, мое счастье, я не могъ иначе!

— Да, вы таки жили—не тужили, нечего сказать!

— Да! Мнѣ было дано такъ много!—сказалъ розовый кустъ.— Но вамъ дано еще больше! Вы одна изъ глубокомыслящихъ, высокоодаренныхъ натуръ!.. Вы должны удивить міръ!

— Была охота!—сказала улитка.—Я знать не знаю вашего міра! Какое мнѣ до него дѣло? Мнѣ довольно самой себя!

— Да, но мнѣ кажется, что всѣ мы обязаны дѣлиться съ міромъ лучшимъ, что есть въ насъ!.. Я могъ дать міру только розы!.. Но вы? Вамъ дано такъ много! А что вы дали міру? Что вы дадите ему?

— Что я дала? Что дамъ?! Плюю я на него! Никуда онъ не годится! И дѣла мнѣ нѣтъ до него! Снабжайте его розами— васъ только на это и хватитъ! Пусть себѣ орѣшникъ даетъ ему орѣхи, коровы и овцы—молоко,—у нихъ своя публика!

Моя же—во мнѣ самой! Я замкнусь въ себѣ самой и—баста! Мнѣ нѣтъ дѣла до міра!

И улитка заползла въ свою раковину и залѣпилась тамъ.

— Какъ это грустно!—сказалъ розовый кустъ.—А я такъ вотъ и хотѣлъ бы, да не могу замкнуться въ самомъ себѣ; у меня все просится наружу, я долженъ цвѣсти! Розы мои опадаютъ и разносятся по вѣтру, но я видѣлъ, какъ одну изъ нихъ положила въ молитвенникъ мать семейства, другую пріютила у себя на груди прелестная молодая дѣвушка, третью цѣловали улыбающіяся губки ребенка!.. И я былъ такъ счастливъ! Вотъ мои воспоминанія; въ нихъ—моя жизнь!

И розовый кустъ цвѣлъ и благоухалъ, полный невинной радости и счастія, а улитка тупо дремала въ своей раковинѣ,—ей не было дѣла до міра.

Года шли за годами.

Улитка стала землей въ землѣ, розовый кустъ сталъ землей въ землѣ, роза воспоминанія истлѣла въ молитвенникѣ... Но въ саду цвѣли новые розовые кусты, подъ ними ползали новыя улитки; онѣ заползали въ свои домики и плевались,—имъ не было дѣла до міра!

Не разсказать-ли эту исторію сначала?—Она не мѣняется!

„БЛУЖДАЮЩІЕ ОГОНЬКИ ВЪ ГОРОДѢ!“

Жилъ-былъ человѣкъ; онъ когда-то зналъ много-много новыхъ сказокъ, но теперь запасъ ихъ—по словамъ его—истощился. Сказка, которая является сама собою, не приходила больше и не стучалась къ нему въ двери. Почему? По правдѣ-то сказать, онъ самъ нѣсколько лѣтъ не вспоминалъ о ней и не поджидалъ ее къ себѣ въ гости. Да она, конечно, и не приходила: была война, и въ странѣ нѣсколько лѣтъ стояли плачъ и стонъ, какъ и всегда во время войны.

Аисты и ласточки вернулись изъ дальняго странствованія,—они не думали ни о какой опасности; но явиться-то они явились, а гнѣздъ ихъ не оказалось больше: они сгорѣли вмѣстѣ съ домами. Границы страны были почти стерты, непріятельскіе кони топтали древнія могилы. Тяжелые, печальные то были времена! Но и имъ пришелъ конецъ.

Да, имъ пришелъ конецъ, а сказка и не думала стучаться въ двери къ сказочнику; и слуха о ней не было!

„Пожалуй, и сказкамъ пришелъ конецъ, какъ многому другому!“ вздыхалъ сказочникъ. „Но нѣтъ, сказка, вѣдь, безсмертна!“

Прошелъ годъ съ чѣмъ-то, и онъ сталъ тосковать.

„Неужели же сказка такъ и не придетъ, никогда больше не постучится ко мнѣ?“ И она воскресла въ его памяти, какъ живая. Въ какихъ только образахъ она ему не являлась! То въ образѣ прелестной молодой дѣвушки, олицетворенной весны, съ сіяющими, какъ глубокія лѣсныя озера, очами, увѣнчанной дикимъ ясминникомъ, съ буковою вѣтвью въ рукѣ. То въ образѣ коробейника, который, открывъ свой коробъ съ товарами, развѣвалъ передъ нимъ ленты, испещренныя стихами и преданіями старины. Милѣе же всего было ему ея появленіе въ образѣ старой, убѣленной сѣдинами бабушки, съ большими, умными, свѣтлыми глазами. Вотъ у нея такъ былъ запасъ разсказовъ о самыхъ древнѣйшихъ временахъ, куда древнѣе тѣхъ, когда принцессы еще пряли на золотыхъ прялкахъ, а ихъ сторожили драконы и змѣи! И она передавала ихъ такъ живо, что у слушателя темнѣло въ глазахъ, а на полу рисовались кровяныя пятна. Жутко было слушать, и всетаки куда какъ занятно! Все это было, вѣдь, такъ давно-давно!

„Неужели же она такъ-таки и не постучится больше?“ спрашивалъ себя сказочникъ, не сводя взгляда съ двери; подъ конецъ у него потемнѣло въ глазахъ, а на полу замелькали черныя пятна; онъ и самъ не зналъ, что это—кровь или траурный крепъ, въ который облеклась страна послѣ тяжелыхъ, мрачныхъ дней скорби.

Сидѣлъ онъ, сидѣлъ, и вдругъ ему пришла мысль: а что, если сказка скрывается, какъ принцесса добрыхъ старинныхъ сказокъ, и ждетъ, чтобы ее розыскали? Найдутъ ее, и она засіяетъ новою красою, лучше прежняго!

„Кто знаетъ! Можетъ быть, она скрывается въ брошенной соломинкѣ, колеблющейся вонъ тамъ, на краю колодца? Тише! Тише! Можетъ быть, она спряталась въ высохшій цвѣтокъ, что лежитъ въ одной изъ этихъ большихъ книгъ на полкѣ?“

Сказочникъ подошелъ къ полкѣ и открылъ одну изъ новѣйшихъ, просвѣтительныхъ книгъ. Не тутъ-ли сказка? Но тамъ не было даже ни единаго цвѣтка, а только изслѣдованіе о Гольгерѣ Данске. Сказочникъ сталъ читать и прочелъ, что исторія эта — плодъ фантазіи одного французскаго монаха,

романъ, который потомъ взяли да перевели и „тиснули на датскомъ языкѣ“, что Гольгера Данске вовсе и не существовало никогда, а, слѣдовательно, онъ никогда и не появится опять, о чемъ мы поемъ и чему такъ охотно вѣримъ. Итакъ, Гольгеръ Данске, какъ и Вильгельмъ Телль, оказывался однимъ вымысломъ! Все это было изложено въ книгѣ съ подобающею ученостью.

— Ну, а я во что вѣрю, въ то и вѣрю!—сказалъ сказочникъ.—Безъ огня и дыма не бываетъ!

И онъ закрылъ книгу, поставилъ ее на полку и подошелъ къ живымъ цвѣтамъ, стоявшимъ на подоконникѣ. Не тутъ-ли спряталась сказка? Не въ красномъ-ли тюльпанѣ съ желтыми краешками, или, можетъ быть, въ свѣжей розѣ, или въ яркой камеліи? Но между цвѣтами прятались только солнечные лучи, а не сказка.

„Цвѣты, росшіе тутъ въ тяжелое скорбное время, были куда красивѣе, но ихъ срѣзали всѣ до единаго, сплели изъ нихъ вѣнокъ и положили въ гробъ, который накрыли распущеннымъ знаменемъ. Можетъ быть, съ тѣми цвѣтами схоронили и сказку? Но цвѣты знали бы о томъ, самый гробъ, самая земля почувствовали бы это! Объ этомъ разсказала бы каждая пробившаяся изъ-подъ земли былинка! Нѣтъ, сказка умереть не можетъ! Она безсмертна!.. А можетъ быть, она и приходила сюда, стучалась въ дверь, но кому было услыхать ея стукъ, кому было дѣло до нея? Въ то мрачное время и на весеннее солнышко-то смотрѣли чуть-ли не съ озлобленіемъ, сердились, кажется, даже на щебетаніе пташекъ, на жизнерадостную зелень! Языкъ не поворачивался тогда пропѣть хоть одну изъ старыхъ, неувядающихъ народныхъ пѣсенъ; ихъ схоронили вмѣстѣ со многимъ, что было такъ дорого сердцу! Да, сказка отлично могла стучаться въ двери, но никто не слыхалъ этого стука, никто не пригласилъ ее войти, она и ушла!

Пойти, поискать ее!

За городъ! Въ лѣсъ, на берегъ моря!“

За городомъ стоитъ старый замокъ; стѣны сложены изъ краснаго кирпича, на башнѣ развѣвается флагъ. Въ тонко-вырѣзной листвѣ буковыхъ деревьевъ поетъ соловей, любуясь на цвѣты яблони и думая, что передъ нимъ розы. Лѣтомъ здѣсь суетятся пчелы, носясь гудящимъ роемъ вокругъ своей царицы, а осенью бури разсказываютъ о дикой охотѣ, объ увядаю-

щихъ и опадающихъ человѣческихъ поколѣніяхъ и листьяхъ. На Рождествѣ сюда доносится съ моря пѣніе дикихъ лебедей, а въ самомъ старомъ домѣ, у печки, въ это время такъ уютно, такъ пріятно сидѣть и слушать сказки и преданія!

Въ нижней, старой части сада находилась каштановая аллея, такъ и манившая своимъ полумракомъ. Туда-то и направился сказочникъ. Здѣсь нѣкогда прогудѣлъ ему вѣтеръ о *Вальдемарѣ До и его дочеряхъ*, а Дріада, обитавшая въ деревѣ—это и была сама бабушка-сказка — разсказала *послѣдній сонъ стараго дуба*. Во времена прабабушки здѣсь росли подстриженные кусты, теперь же—только папоротникъ да крапива. Они разрослись надъ валявшимися тутъ обломками старыхъ каменныхъ статуй. Глаза статуй заросли мхомъ, но видѣли они не хуже прежняго, а вотъ сказочникъ такъ и здѣсь не увидѣлъ сказки.

Куда же, однако, она дѣвалась?

Высоко надъ головой его и старыми деревьями носились стаи воронъ и каркали: Кра-кра! Прочь! Прочь!

Онъ и ушелъ изъ сада на валъ, окружавшій домъ, а оттуда—въ ольховую рощу. Здѣсь стоялъ шестиугольный домикъ, при которомъ былъ птичій дворъ. Въ горницѣ сидѣла старуха, смотрѣвшая за птицею; у нея было на счету каждое снесенное яйцо, каждый вылупившійся цыпленокъ, но всетаки она не была сказкой, которую розыскивалъ нашъ сказочникъ,—на это у нея имѣлись доказательства: метрическое свидѣтельство и свидѣтельство о привитіи оспы; оба хранились въ ея сундукѣ.

Неподалеку отъ домика возвышался холмъ, поросшій терномъ и желтою акаціей. Тутъ же лежалъ старый могильный памятникъ, привезенный сюда, много лѣтъ тому назадъ, со стараго кладбища, какъ память объ одномъ изъ честныхъ „отцовъ города". Памятникъ изображалъ его самого, а вокругъ него были высѣчены изъ камня его супруга и пять дочерей, всѣ со сложенными руками и въ высокихъ стоячихъ воротничкахъ. Долгое, пристальное созерцаніе памятника дѣйствовало на мысли, а мысли, въ свою очередь, дѣйствовали на камень, и этотъ начиналъ разсказывать о старинѣ; такъ по крайней мѣрѣ бывало съ человѣкомъ, розыскивавшимъ сказку. Придя сюда, онъ увидалъ на лбу каменнаго „отца города" живую бабочку; вотъ она взмахнула крылышками, полетала-полетала и усѣлась на травку неподалеку отъ памятника, какъ бы же-

лая обратить вниманіе сказочника на то, что тамъ росло. А росъ тамъ четырехлистный клеверъ; да не одна такая былинка, а цѣлыхъ семь, одна подлѣ другой. Да, счастье коли привалитъ, такъ ужъ привалитъ разомъ! Сказочникъ сорвалъ ихъ всѣ и сунулъ себѣ въ карманъ. Счастье, вѣдь, не хуже чистыхъ денегъ, но новая хорошая сказка была бы, однако, еще лучше—думалось сказочнику. Сказки-то онъ, однако, такъ и не нашелъ.

Солнце садилось, большое, красное; луга дымились, Болотница варила пиво.

Свечерѣло; сказочникъ стоялъ одинъ въ своей комнатѣ и смотрѣлъ черезъ садъ и лугъ на болото и морской берегъ. Ярко свѣтилъ мѣсяцъ; надъ лугами стоялъ такой туманъ, что лугъ казался огромнымъ озеромъ. Онъ и былъ имъ когда-то, гласили преданія; теперь же, благодаря лунному свѣту, преданіе превратилось въ дѣйствительность. Сказочнику вспомнилось то, что онъ прочелъ сегодня въ книгѣ о Вильгельмѣ Теллѣ и Гольгерѣ Данске—будто они никогда не существовали; они, однако, жили въ народномъ повѣрьѣ, какъ вотъ и это озеро, вновь ставшее вдругъ дѣйствительностью! Значитъ, и Гольгеръ Данске можетъ воскреснуть!

Въ эту минуту что-то сильно стукнуло въ окно. Что это? Птица, летучая мышь, сова? Ну, такимъ гостьямъ не отворяютъ! Но вотъ, окно распахнулось само-собою, и въ него просунулась старушечья голова.

— Это еще что?—спросилъ сказочникъ.—Кто это? И какъ она можетъ заглянуть въ окно второго этажа? Что она, на лѣстницѣ стоитъ?

— У васъ въ карманѣ четырехлистный клеверъ!—отозвалась старуха.—У васъ даже цѣлыхъ семь такихъ былинокъ, и одна изъ нихъ шестилистная!

— Кто ты?—спросилъ ее сказочникъ.

— Болотница! — отвѣтила она. — Болотница, что варитъ пиво. Я и возилась съ пивомъ, да одинъ изъ болотныхъ чертенятъ расшалился, выдернулъ изъ бочки втулку и бросилъ ее сюда во дворъ, прямо въ окно. Теперь пиво такъ и бѣжитъ изъ бочки, а это невыгодно.

— А скажите...—началъ было сказочникъ.

— Постойте маленько!—прервала его Болотница.—Теперь у меня есть дѣло поважнѣе!— И она исчезла.

Сказочникъ только что собрался затворить окно, какъ старуха показалась опять.

— Ну вотъ, дѣло и сдѣлано!—сказала она. Остальную половину пива я доварю завтра, коли погода будетъ хороша. О чемъ же вы хотѣли спросить меня? Я вернулась потому, что всегда держу слово, да къ тому же у васъ въ карманѣ семь былинокъ четырехлистнаго клевера, изъ которыхъ одна даже шестилистная,—это внушаетъ уваженіе! Такой четырехлистникъ—что твой орденъ; правда, онъ растетъ прямо у дороги, но находитъ-то его не всякій! Такъ что же вы хотѣли спросить? Ну, не мямлите же, я тороплюсь!

Сказочникъ и спросилъ о сказкѣ, спросилъ, не встрѣчала-ли ее Болотница.

— Охъ, ты, пиво мое, пиво!—сказала старуха.—Вы все еще не сыты сказками? А я такъ думаю, что онѣ всѣмъ ужъ набили оскомину. Теперь у людей есть чѣмъ заняться другимъ! Даже дѣти-то, и тѣ переросли сказки. Теперь подавайте мальчикамъ сигары, а дѣвочкамъ кринолины; вотъ что имъ по вкусу! А то сказки?! Нѣтъ, теперь есть чѣмъ заняться поважнѣе!

— Что вы хотите сказать?—спросилъ сказочникъ.—И что вы знаете о людяхъ? Вы, вѣдь, имѣете дѣло только съ лягушками да блуждающими огоньками!

— Да, берегитесь-ка этихъ огоньковъ!—сказала старуха.—Они теперь на волѣ! Вырвались! Объ нихъ-то мы и поговоримъ съ вами! Только приходите ко мнѣ въ болото, а то меня тамъ дѣло ждетъ. Тамъ я и разскажу вамъ обо всемъ. Но торопитесь, пока ваши четырехлистныя да одна шестилистная былинки клевера не завяли, и мѣсяцъ не зашелъ.

И Болотница исчезла.

Башенные часы пробили двѣнадцать, и не успѣли еще они пробить четверть перваго, какъ сказочникъ, выйдя изъ дома и миновавъ садъ, стоялъ на лугу. Туманъ улегся; Болотница кончила варку пива.

— Долгонько же вы собирались!—сказала ему она.—Нечистая сила куда проворнѣе людей; я рада, что родилась Болотницею!

— Ну, что же вы мнѣ скажете?—спросилъ сказочникъ.—Что нибудь о сказкѣ?

— Вы ни о чемъ другомъ и говорить не можете?—отвѣтила старуха.

— Такъ рѣчь пойдетъ о поэзіи будущаго?

— Только не залетайте слишкомъ высоко!—сказала Болотница.—Тогда я и буду съ вами разговаривать. Вы только и бредите поэзіей, говорите только о сказкѣ, точно она всему міру голова! А она хоть и постарше всѣхъ, да считается-то самою младшею, вѣчно юною! Я хорошо знаю ее! И я когда-то была молода, а молодость, вѣдь, не то, что дѣтская болѣзнь. И я когда-то была хорошенькою лѣсною дѣвой, плясала вмѣстѣ съ подругами при лунномъ свѣтѣ, заслушивалась соловья, бродила по лѣсу и не разъ встрѣчала дѣвицу-сказку,—она вѣчно шатается по свѣту. То она ночуетъ въ полураспустившемся тюльпанѣ, то въ желудѣ, то шмыгнетъ въ церковь и закутается тамъ въ крепъ, ниспадающій съ подсвѣчниковъ въ алтарѣ!

— Да вы очень свѣдущи!—замѣтилъ сказочникъ.

— Должна же я знать по крайней мѣрѣ съ ваше!—отозвалась Болотница.—Поэзія и сказка обѣ одного поля ягоды, и пора имъ обѣимъ убираться по добру по здорову! Ихъ теперь можно отлично поддѣлать; и дешево и сердито выходитъ! Хотите, я дамъ вамъ ихъ сколько вамъ угодно задаромъ! У меня полный шкафъ поэзіи въ бутылкахъ. Въ нихъ налита эссенція, самый экстрактъ поэзіи, извлеченный изъ разныхъ корней—и горькихъ, и сладкихъ. У меня имѣются всѣ сорта поэзіи, въ которой нуждаются люди. По праздникамъ я употребляю эти эссенціи вмѣсто духовъ,—лью нѣсколько капель на носовой платокъ.

— Удивительныя вещи вы разсказываете!—проговорилъ сказочникъ.—Такъ у васъ поэзія разлита по бутылкамъ?

— И у меня ея столько, что вамъ и не переварить!—отвѣтила старуха.—Вы, вѣдь, знаете исторію о *дѣвочкѣ, наступившей на хлѣбъ, чтобы не запачкать новыхъ башмачковъ*? Она и написана и напечатана.

— Я самъ разсказалъ ее!—сказалъ сказочникъ.

— Ну такъ вы знаете ее и знаете, что дѣвочка провалилась сквозь землю, ко мнѣ въ пивоварню, какъ разъ въ то время, когда у меня была въ гостяхъ чортова прабабушка; она пришла посмотрѣть, какъ варятъ пиво, увидала дѣвочку и выпросила ее себѣ въ истуканы, на память о посѣщеніи пивоварни. Чортова прабабушка получила, что желала, меня же отдарила такою вещью, которая мнѣ совсѣмъ не ко двору! Она изволила подарить мнѣ дорожную аптечку, шкафъ, полнехонькій бутылокъ съ поэзіей!

Прабабушка сказала, гдѣ надо поставить шкафъ, тамъ онъ и стоитъ до сихъ поръ. Взгляните! У васъ въ карманѣ семь четырехлистныхъ былинокъ клевера, изъ которыхъ одна даже шестилистная, такъ вамъ можно взглянуть!

И въ самомъ дѣлѣ, посреди болота лежало что-то вродѣ большого ольховаго пня, но оказалось, что это-то и есть прабабушкинъ шкафъ. Онъ былъ открытъ для самой Болотницы и для всякаго, кто только зналъ, гдѣ долженъ стоять шкафъ*),— сказала Болотница.

Шкафъ открывался и спереди, и сзади, со всѣхъ сторонъ и угловъ. Прехитрая штука! И все же на видъ онъ былъ ни дать ни взять старый ольховый пень! Тутъ имѣлись въ искусныхъ поддѣлкахъ всевозможные поэты, но преобладали всетаки туземные. Изъ твореній каждаго былъ извлеченъ самый ихъ духъ, квинтъ-эссенція ихъ содержанія; затѣмъ, добытое было раскритиковано, обновлено, сконцентрировано и закупорено въ бутылку. Руководимая высокимъ инстинктомъ,—какъ принято говорить въ тѣхъ случаяхъ, когда нежелательно назвать это геніальностью— чортова прабабушка отыскивала въ природѣ то, что отзывалось тѣмъ или другимъ поэтомъ, прибавляла къ этому немножко чертовщины и такимъ образомъ запасалась поэзіею даннаго рода.

— Ну покажите же мнѣ эту поэзію!—попросилъ сказочникъ.

— Сперва вамъ надо послушать кое о чемъ поважнѣе!— возразила Болотница.

— Да, вѣдь, мы какъ разъ у шкафа!—сказалъ сказочникъ и заглянулъ въ шкафъ.—Э, да тутъ бутылки всѣхъ величинъ! Что въ этой? Или въ этой?

— Въ этой такъ называемые „майскіе духи". Я еще не нюхала ихъ, но знаю, что стóитъ чуть плеснуть изъ этой бутылки на полъ, и сейчасъ передъ тобой будетъ чудное лѣсное озеро, поросшее кувшинками. Если же капнуть всего капельки двѣ на тетрадку ученика, хотя бы изъ самаго низшаго класса— въ тетрадкѣ окажется такая душистая комедія, что хоть сейчасъ ставь ее на сцену да засыпай подъ нее—такъ сильно отъ нея пахнетъ! На бутылкѣ написано: „Варки Болотницы"—вѣроятно, изъ вѣжливости ко мнѣ!

А вотъ бутылка со скандальною поэзіею. Съ виду въ ней налита одна грязная вода; такъ оно и есть, но къ этой водѣ

*) „Онъ знаетъ, гдѣ долженъ стоять шкафъ",—говорятъ у датчанъ о человѣкѣ, который твердо знаетъ, чего онъ хочетъ. *Примѣч. перев.*

подмѣшанъ шипучій порошокъ изъ городскихъ сплетенъ, три лота лжи и два грана истины; все это перемѣшано березовымъ прутомъ, не изъ розогъ, помоченныхъ въ разсолѣ и обрызганныхъ кровью преступника, даже не изъ пучка школьныхъ розогъ, нѣтъ, просто изъ метлы, которою прочищали уличную канаву.

Вотъ бутылка съ минорно-набожною поэзіей. Каждая капля издаетъ визгъ, напоминающій скрипѣніе ржавыхъ петель въ воротахъ ада; извлечена же эта эссенція изъ пота и крови самобичующихся. Поговариваютъ, правда, что это только голубиная желчь, но другіе спорятъ, что голубь—птица благочестивая, и въ ней даже желчи нѣтъ; видно, что эти мудрецы не учились естественной исторіи!

Потомъ сказочникъ увидалъ еще бутылку. Вотъ такъ была бутылка! Изъ бутылокъ бутылка! Она занимала чуть не половину шкафа; это была бутылка съ „обыкновенными исторіями". Горлышко ея было обвязано свиною кожею и обтянуто пузыремъ, чтобы эссенція не выдохлась. Каждый народъ могъ добыть изъ нея свой національный супъ,—все зависѣло отъ того, какъ повернуть и тряхнуть бутылку. Тутъ былъ и старинный нѣмецкій кровяной супъ съ разбойничьими клецками, и жиденькій домашній супецъ, сваренный изъ настоящихъ надворныхъ совѣтниковъ вмѣсто кореньевъ; на поверхности его плавали философскія жирныя точки. Былъ тутъ также и англійскій гувернантскій супъ, и французскій „potage à la Kock", сваренный изъ пѣтушьей ноги и воробьинаго яйца, и на датскомъ языкѣ носящій названіе „канканнаго супа". Лучшимъ же изъ всѣхъ суповъ былъ копенгагенскій. Такъ по крайней мѣрѣ говорили свои люди.

Въ бутылкѣ изъ подъ шампанскаго содержалась *трагедія*; она могла и должна была вышибать пробку и хлопать; *комедія* же была похожа на мелкій-мелкій песокъ, пыль, которую можно было бы пустить людямъ въ глаза; это была, конечно, высокая комедія. Низкая комедія, впрочемъ, тоже имѣлась въ особой бутылкѣ, но она состояла изъ однихъ *афишъ будущаго*, въ которыхъ названіе пьесы играло главную роль. И тутъ попадались замѣчательныя названія; напримѣръ: „А ну, плюнь-ка въ нутро!" *) „Въ морду!" „Душка-скотина!" „Пьяна, какъ стелька!"

*) Всѣ выраженія взяты изъ уличнаго жаргона; первое нуждается въ объясненіи: когда мальчишка получаетъ въ подарокъ первые часы, онъ, конечно, сейчасъ бѣжитъ на улицу похвастаться ими передъ товарищами, а тѣ требуютъ отъ него доказательства, что часы дѣйствительно его: „А ну, плюнь-ка въ нутро!"
Примѣч. перев.

Сказочникъ слушалъ, слушалъ и совсѣмъ задумался, но мысли болотницы забѣгали впередъ, и ей хотѣлось поскорѣе положить этому думанью конецъ.

— Ну, теперь насмотрѣлись на это сокровище! Знаете теперь, въ чемъ тутъ дѣло! Но есть кое-что поважнѣе, чего вы еще не знаете: блуждающіе огоньки въ городѣ! Это поважнѣе всякой поэзіи и сказки. Мнѣ бы слѣдовало, конечно, держать языкъ за зубами, но судьба сильнѣе меня, на меня точно нашло что-то, языкъ такъ вотъ и чешется! Блуждающіе огоньки въ городѣ! Вырвались на волю! Берегитесь ихъ, люди!

— Ни слова не понимаю!—сказалъ сказочникъ.

— Присядьте, пожалуйста, на шкафъ!—сказала старуха.— Только не провалитесь въ него, да не перебейте бутылокъ! Вы, вѣдь, знаете, что́ въ нихъ. Я разскажу вамъ сейчасъ о великомъ событіи; случилось оно не далѣе, какъ вчера, но случалось и прежде. Длиться же ему еще триста шестьдесятъ четыре дня. Вы, вѣдь, знаете, сколько дней въ году?

И она повела разсказъ.

— Вчера въ болотѣ была такая суетня! Праздновали рожденіе малютокъ! Родилось двѣнадцать блуждающихъ огоньковъ изъ того сорта, что могутъ по желанію вселяться въ людей и дѣйствовать между ними, какъ настоящіе люди. Это великое событіе въ болотѣ, вотъ почему по болоту и лугу и началась пляска. Плясали всѣ блуждающіе огоньки—и мужского и женскаго пола. Среди нихъ есть и женскій полъ, но о немъ не принято упоминать. Я сидѣла на шкафу, держа на колѣняхъ двѣнадцать новорожденныхъ огоньковъ. Они свѣтились, какъ Ивановы червячки, начинали уже попрыгивать и съ каждою минутою становились все больше и больше. Не прошло и четверти часа, какъ всѣ они стали величиной со своихъ папашъ или дядюшекъ. По древнему закону блуждающіе огоньки, родившіеся въ такой-то часъ и минуту, при такомъ именно положеніи мѣсяца, какое было вчера, и при такомъ вѣтрѣ, какой дулъ вчера, пользуются особымъ преимуществомъ, принимать человѣческій образъ и дѣйствовать, какъ человѣкъ—но, конечно, сообразно съ своею натурой—цѣлый годъ. Такой блуждающій огонекъ можетъ обѣжать всю страну, даже весь свѣтъ, если только не боится упасть въ море или погаснуть отъ сильнаго вѣтра. Онъ можетъ прямехонько вселиться въ человѣка, говорить за него, двигаться и дѣйствовать по своему усмотрѣнію.

Онъ можетъ избрать для себя любой образъ, вселиться въ мужчину или женщину, дѣйствовать въ ихъ духѣ, но сообразно своей натурѣ. Зато впродолженіи года онъ долженъ совратить съ прямого пути триста шестьдесятъ пять человѣкъ, да совратить основательно. Тогда блуждающій огонекъ удостаивается у насъ высшей награды: его жалуютъ въ скороходы, что бѣгутъ передъ парадною колесницей чорта, одѣваютъ въ огненно-красную ливрею и даруютъ ему способность изрыгать пламя прямо изо рта! А простые-то блуждающіе огоньки глядятъ на это великолѣпіе да только облизываются! Но честолюбивому огоньку предстоитъ тоже не мало хлопотъ и заботъ и даже опасностей. Если человѣкъ разгадаетъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло, и сможетъ задуть огонекъ—тогда этотъ пропалъ: полѣзай назадъ въ болото! Если же самъ огонекъ не выдержитъ срока испытанія, соскучится по семьѣ, онъ тоже пропалъ, не можетъ уже горѣть такъ ярко, скоро потухаетъ, и—навсегда. Если же годъ пройдетъ, а онъ не успѣетъ за это время совратить съ пути истины трехсотъ шестидесяти пяти человѣкъ, его наказываютъ заключеніемъ въ гнилушку: лежи себѣ тамъ, да свѣти, не шевелясь! А это для шустраго блуждающаго огонька хуже всякого наказанія. Все это я знала и разсказала двѣнадцати молодымъ огонькамъ, которыхъ держала на колѣняхъ, а они такъ и бѣсились отъ радости. Я сказала имъ, что вѣрнѣе, удобнѣе всего отказаться отъ чести и ничего не дѣлать. Но огоньки не захотѣли этого: всѣ они уже видѣли себя въ огненной ливреѣ и съ пламенемъ изо рта! „Оставайтесь-ка дома!“ совѣтовали имъ нѣкоторые изъ старшихъ. „Подурачьте людей!“ говорили другіе. „Люди осушаютъ наши луга! Что будетъ съ нашими потомками?“

— Мы хотимъ горѣть, пламя насъ возьми!—сказали новорожденные огоньки, и слово ихъ было твердо.

Сейчасъ же устроился минутный балъ,—короче балы ужъ не бываютъ! Лѣсныя дѣвы сдѣлали по три тура со всѣми гостями, чтобы не показаться спѣсивыми; вообще же онѣ охотнѣе танцуютъ однѣ. Потомъ начали дарить новорожденнымъ „на зубокъ“, какъ это называется. Подарки летѣли со всѣхъ сторонъ, словно въ болото швыряли камушки. Каждая изъ лѣсныхъ дѣвъ дала огонькамъ по клочку отъ своего воздушнаго шарфа. „Возьмите ихъ“, сказали онѣ: „и вы сейчасъ же выучитесь труднѣйшимъ танцамъ и изворотамъ, которые могутъ понадобиться въ минуту трудную, а также пріобрѣтете надле-

жащую осанку, такъ что не ударите лицомъ въ грязь въ самомъ чопорномъ обществѣ!“ Ночной воронъ выучилъ всѣхъ новорожденныхъ огоньковъ говорить: „Браво! Браво!“ и говорить всегда кстати, а это, вѣдь, ужъ такое искусство, которое никогда не остается безъ награды. Сова и аистъ тоже кое-что обронили въ болото, но „о такой малости не стоитъ и говорить“—заявили они сами, мы и не будемъ говорить. Въ это же время мимо проносилась „дикая охота короля Вальдемара“; господа узнали, чтó за пиръ у насъ идетъ, и прислали въ подарокъ двухъ лучшихъ собакъ; онѣ носились съ быстротою вѣтра и могли снести на спинѣ хоть трехъ блуждающихъ огоньковъ. Двѣ старыя бабы-кошмарихи, которыя промышляютъ ѣздою, тоже присутствовали на пиру и научили огоньковъ искусству пролѣзать въ замочную скважину,—такимъ образомъ передъ ними были открыты всѣ двери. Онѣ предложили также отвезти молоденькихъ огоньковъ въ городъ, гдѣ знали всѣ ходы и выходы. Обыкновенно кошмарихи ѣздятъ, сидя верхомъ на собственныхъ косахъ,—онѣ связываютъ ихъ на кончикѣ въ узелокъ, чтобы сидѣть тверже. Теперь же онѣ усѣлись верхомъ на дикихъ охотничьихъ собакъ, взяли на руки молоденькихъ огоньковъ, которые отправлялись въ свѣтъ соблазнять людей, и—маршъ! Все это было вчера ночью. Теперь блуждающіе огоньки въ городѣ и взялись за дѣло, но какъ, гдѣ? Да, вотъ скажите-ка мнѣ! Впрочемъ, у меня большой палецъ на ногѣ—что твой барометръ, и кое о чемъ да даетъ мнѣ знать.

— Да это цѣлая сказка!—воскликнулъ сказочникъ.

— Нѣтъ, только присказка, а сказка-то еще впереди!—отвѣтила Болотница.—Вотъ вы и разскажите мнѣ, какъ ведутъ себя огоньки, какія личины на себя надѣваютъ, чтобы совращать людей?

— Я думаю, что объ огонькахъ можно написать цѣлый романъ въ двѣнадцати частяхъ, по одной о каждомъ, или еще лучше—народную комедію!—сказалъ сказочникъ.

— Ну и напишите!—сказала старуха.—Или лучше отложите попеченіе!

— Да, оно, пожалуй, и удобнѣе и пріятнѣе!—отозвался сказочникъ.—По крайней мѣрѣ тебя не будутъ трепать въ газетахъ, а отъ этого, вѣдь, приходится иной разъ такъ же тяжко, какъ блуждающему огоньку отъ сидѣнья въ гнилушкѣ!

— Мнѣ-то это все едино!—сказала старуха.—А лучше

всетаки предоставьте писать объ этомъ другимъ—и тѣмъ, кто можетъ и тѣмъ, кто не можетъ! Я же дамъ имъ старую втулку отъ моей бочки; ею они могутъ открыть себѣ шкафъ съ поэзiей, разлитою по бутылкамъ, и почерпнуть оттуда все, чего у нихъ самихъ не хватаетъ. Ну, а вы, милый человѣкъ, по-моему, довольно попачкали себѣ пальцы чернилами, да и въ такихъ уже годахъ, что пора вамъ перестать круглый годъ гоняться за сказкой! Теперь есть чѣмъ заняться поважнѣе. Вы, вѣдь, слышали, что случилось?

— Блуждающiе огоньки въ городѣ!—отвѣтилъ сказочникъ.— Слышать-то я слышалъ и понялъ! Но что же мнѣ, по вашему, дѣлать? Меня забросаютъ грязью, если я скажу людямъ: „Берегитесь, вонъ идетъ блуждающiй огонекъ въ почетномъ мундирѣ!"

— Они ходятъ и въ юбкахъ!—сказала болотница.—Блуждающiе огоньки могутъ принимать на себя всякiя личины и являться во всѣхъ мѣстахъ. Они ходятъ и въ церковь—не ради молитвы, конечно! Пожалуй, кто нибудь изъ нихъ вселится въ самого пастора! Они произносятъ рѣчи и на выборахъ, но не на пользу страны и государства, а на свою собственную. Они вмѣшиваются и въ области искусства, но удастся имъ утвердить тамъ свою власть—прощай искусство! Однако, я все болтаю да болтаю, языкъ у меня такъ и чешется, и я говорю во вредъ своей же семьѣ! Но мнѣ, видно, на роду написано быть спасительницею рода человѣческаго! Конечно, я дѣйствую не по доброй волѣ и не ради медали! Что ни говори, однако, я творю глупости: разсказываю все поэту,—скоро объ этомъ узнаетъ и весь городъ!

— Очень ему нужно знать это!—сказалъ сказочникъ.—Да ни одинъ человѣкъ и не повѣритъ этому! Скажи я людямъ: „Берегитесь! Блуждающiе огоньки въ городѣ!" они подумаютъ, что я опять сказки разсказывать принялся!

ВѢТРЯНАЯ МЕЛЬНИЦА.

На холмѣ горделиво возвышалась мельница; она таки и была горденька.

— И вовсе я не горда!—говорила она.—Но я очень просвѣщена и снаружи и внутри. Солнце и мѣсяцъ къ моимъ услугамъ и для внутренняго и для наружнаго употребленiя; кромѣ того

у меня есть въ запасѣ стеариновыя свѣчи, лампы съ ворванью, и сальныя свѣчки. Смѣю сказать, что я просвѣщена! Я—существо мыслящее и такъ хорошо устроена, что просто любо. Въ груди у меня отличный жерновъ, а на головѣ, прямо подъ шляпой, четыре крыла. У птицъ же всего по два крыла, и онѣ таскаютъ ихъ на спинѣ! Я голландка родомъ—это видно по моей фигурѣ—„летучая голландка"! „Летучій голландецъ", я знаю, явленіе сверхъестественное, но во мнѣ нѣтъ ничего неестественнаго! Вокругъ живота у меня идетъ цѣлая галлерея, а въ нижней части—жилое помѣщеніе. Тамъ живутъ мои мысли. Главная, которая всѣмъ заправляетъ, зовется остальными мыслями „хозяиномъ". Онъ знаетъ, чего хочетъ, стоитъ куда выше крупы и муки, но и у него есть ровня; зовутъ ее „хозяйкою". Она—душа всего дѣла; у нея губа вообще не дура, она тоже знаетъ, чего хочетъ, и знаетъ, что́ ей по силамъ; нѣжна она, какъ дуновеніе вѣтерка, сильна, какъ буря, и умѣетъ добиваться своего исподволь. Она моя чувствительная сторона, хозяинъ же—положительная; но оба они составляютъ въ сущности одно и зовутъ другъ друга „своею половиной". Есть у нихъ и малютки, маленькія мысли, которыя могутъ современемъ выроcти. Малыши эти поднимаютъ порою такую возню! На дняхъ, когда я умно и разсудительно позволила хозяину и его подручному разслѣдовать въ моей груди жернова и колеса,—я чувствовала, что тамъ что-то не ладно, а, вѣдь, нужно же знать, что происходитъ въ тебѣ самой! Такъ вотъ, малыши подняли тогда такую возню! А это не кстати, если стоишь такъ высоко, какъ я! Надо же помнить, что стоишь на виду и въ полномъ освѣщеніи; судъ людской то же освѣщеніе! Да, что, бишь, я хотѣла сказать? Ахъ, да—ужасная возня малышей! Самый младшій добрался до моей шляпы и принялся трещать языкомъ такъ, что у меня защекотало внутри. Но маленькія мысли могутъ выроcти, я это испытала; да и извнѣ могутъ придти мысли, и не совсѣмъ моей породы: я, какъ далеко ни смотрю кругомъ, нигдѣ не вижу себѣ подобной, никого, кромѣ себя! Но и въ безкрылыхъ домахъ, гдѣ мелютъ безъ жерновов, одними языками, тоже водятся мысли. Эти мысли приходятъ къ моимъ и выходятъ за нихъ замужъ,—какъ онѣ это называютъ. Удивительно! Да, много есть на свѣтѣ удивительнаго. Вотъ, напримѣръ: со мной или во мнѣ что-то совершилось; что-то какъ будто измѣнилось въ механизмѣ. Мельникъ какъ будто перемѣнилъ свою „половину"

на болѣе нѣжную, молодую, благочестивую и самъ сталъ оттого мягче душою; „половина“ его какъ будто измѣнилась, а въ сущности осталась тою же самою, только смягчилась съ годами. И вотъ, все горькое улетучилось, и дѣло пошло еще лучше. Дни идутъ за днями, все впередъ да впередъ, на радость и счастье, и вотъ, наконецъ—да, объ этомъ и сказано и написано въ книгахъ—придетъ день, когда меня не станетъ, и всетаки я останусь! Я разрушусь, чтобы возстать вновь въ еще лучшемъ видѣ; я перестану существовать и всетаки буду продолжать существовать. Стану другою и въ то же время останусь сама собою! Мнѣ трудно понять это, какъ ни просвѣщена я солнцемъ, луною, стеариномъ, ворванью и саломъ! Но я твердо знаю, что мои старые бревна и кирпичи возстанутъ изъ мусора. Надѣюсь, что я сохраню и свои старыя мысли: хозяина, хозяйку, всѣхъ большихъ и малыхъ, всю семью, какъ я называю ихъ, всю мыслящую компанію,—безъ нихъ я не могу обойтись! Надѣюсь тоже, что я останусь самою-собою, такою, какова я есть, съ жерновомъ въ груди, крыльями на головѣ и галлереею вокругъ живота, а не то и я не узнаю самое себя, да и другіе не узнаютъ меня и не скажутъ больше: „вотъ у насъ на холмѣ гордо возвышается мельница, но сама-то она вовсе не горда!“

Такъ вотъ что говорила мельница; говорила она и еще много чего, но это главное.

И дни шли за днями, и послѣдній изъ нихъ былъ для нея послѣднимъ.

Мельница загорѣлась; пламя вспыхнуло, бросилось наружу, внутрь, лизнуло бревна и доски, а потомъ и пожрало ихъ всѣ. Мельница обрушилась, и отъ нея осталась одна зола; пожарище еще дымилось, но скоро вѣтеръ развѣялъ дымъ.

Съ живыми обитателями мельницы ничего не случилось при этой оказіи; они только выиграли. Семья мельника—одна душа, много головъ, составлявшихъ одно цѣлое, пріобрѣла новую, чудесную мельницу, которою могла быть вполнѣ довольна. Мельница была съ виду точь въ точь такая же, какъ старая, и о ней тоже говорили: „вонъ на холмѣ гордо возвышается мельница!“ Но эта была устроена лучше, болѣе современно,—все, вѣдь, идетъ впередъ. Старыя же бревна, источенныя червями, истлѣли, превратились въ прахъ, въ золу, и тѣло мельницы не возстало изъ праха, какъ думала она. Она понимала все сказанное въ буквальномъ смыслѣ, а нельзя же все понимать буквально!

СЕРЕБРЯНАЯ МОНЕТКА.

Жила-была монетка; она только что вышла изъ чеканки, чистенькая, свѣтленькая, покатилась и зазвенѣла: „Ура! Теперь пойду гулять по бѣлу-свѣту!“ И пошла.

Ребенокъ крѣпко сжималъ ее въ своемъ тепленькомъ кулачкѣ, скряга тискалъ холодными, липкими пальцами, люди, постарше, вертѣли и поворачивали въ рукахъ много разъ, а молодежь живо ставила ребромъ и катила дальше. Монетка была серебряная, мѣди въ ней было очень мало, и вотъ она уже цѣлый годъ гуляла по бѣлу-свѣту, то-есть по той странѣ, гдѣ была отчеканена. Потомъ она отправилась путешествовать за-границу и оказалась послѣднею туземною монеткою въ кошелькѣ путешественника. Но онъ и не подозрѣвалъ о ея существованіи, пока она сама не попалась ему подъ руку.

— Вотъ какъ! У меня еще осталась одна наша родная монетка!—сказалъ онъ.—Ну, пусть ѣдетъ со мною путешествовать!—И монетка отъ радости подпрыгнула, и зазвенѣла, когда онъ сунулъ ее обратно въ кошелекъ. Тутъ ей пришлось лежать съ иностранными товарками, которыя все смѣнялись; одна уступала мѣсто другой, а наша монетка все оставалась на своемъ; это ужъ было нѣкотораго рода отличіемъ!

Прошло нѣсколько недѣль; монетка заѣхала далеко-далеко отъ родины, но куда—не знала. Она только слышала отъ сосѣдокъ, что онѣ француженки или итальянки, что онѣ теперь въ такомъ-то или такомъ-то городѣ, но сама не имѣла о томъ никакого представленія: не много увидишь, сидя въ мѣшкѣ, какъ она! Но вотъ однажды монетка замѣтила, что кошелекъ не закрытъ; ей вздумалось выглянуть на свѣтъ Божій, и она проскользнула въ щелочку. Не слѣдовало бы ей этого дѣлать, да она была любопытна, ну и это не прошло ей даромъ! Она упала въ карманъ брюкъ; вечеромъ кошелекъ изъ кармана вынули, а монетка осталась, гдѣ лежала. Брюки вынесли въ корридоръ чистить, и тутъ монетка вывалилась изъ кармана на полъ; никто не слыхалъ, никто не видалъ этого.

Утромъ платье опять снесли въ комнату; путешественникъ одѣлся и уѣхалъ, а монетка осталась. Вскорѣ ее нашли на полу, и ей предстояло опять поступить на службу; она очутилась вмѣстѣ съ тремя другими монетками.

„Вотъ славно-то! Опять пойду гулять по свѣту; увижу новыхъ людей, новые обычаи!“ подумала монетка.

— Это что за монетка?—послышалось въ ту же минуту.— Это не ходячая монета. Фальшивая! Никуда не годится!

Тутъ-то и начались для монетки мытарства, о которыхъ она потомъ разсказывала.

— „Фальшивая! Никуда не годится!“ Меня такъ и пронизало насквозь! разсказывала она.—Я же знала, что я чисто серебряная, хорошаго звона и настоящей чеканки! Вѣрно люди ошиблись,—не могли они такъ отзываться обо мнѣ! Однако, они говорили именно про меня! Это меня называли фальшивою, я никуда не годилась! „Ну, я сбуду ее съ рукъ въ сумеркахъ!“ сказалъ мой хозяинъ и сбылъ таки. Но при дневномъ свѣтѣ меня опять принялись бранить: „Фальшивая!“ „Никуда не годится!“ „Надо ее поскорѣе сбыть съ рукъ!“

И монетка дрожала отъ стыда и страха всякій разъ, какъ ее подсовывали кому-нибудь вмѣсто ходячей туземной монеты.

— Ахъ, несчастная я монетка! Что толку въ моемъ серебрѣ, въ моемъ достоинствѣ, чеканкѣ, когда все это ни къ чему! Въ глазахъ свѣта останешься тѣмъ, за кого онъ тебя приметъ! Какъ же должно быть ужасно имѣть нечистую совѣсть, пробиваться впередъ нечистыми путями, если мнѣ, ни въ чемъ неповинной, такъ тяжело потому только, что я кажусь виновною!.. Переходя въ новыя руки, я всякій разъ трепещу того взгляда, который бросятъ на меня сейчасъ: я, вѣдь, знаю, что меня сейчасъ же отшвырнутъ въ сторону, бросятъ, точно я обманщица!

Разъ я попала къ одной бѣдной женщинѣ; она получила меня въ уплату за тяжелую поденную работу. Но ей-то ужъ никакъ не удавалось сбыть меня съ рукъ,—никто не хотѣлъ брать меня; я была для бѣдняги сущимъ несчастіемъ.

„Право, поневолѣ придется обмануть кого-нибудь!“ сказала женщина. „Гдѣ мнѣ, при моей бѣдности, беречь фальшивыя деньги! Отдамъ-ка ее богатому булочнику; онъ-то не разорится отъ этого! Но всетаки не хорошо это! Сама знаю, что не хорошо!“

„Ну, вотъ теперь я буду лежать на совѣсти у бѣдной женщины!“ вздохнула я. „Неужели же я, въ самомъ дѣлѣ, такъ измѣнилась отъ времени?“

И женщина отправилась къ богатому булочнику; но онъ слишкомъ хорошо зналъ всѣ ходячія монеты, и мнѣ не пришлось долго лежать тамъ, куда меня положили,—онъ швырнулъ

меня бѣдной женщинѣ въ лицо. Ей не дали за меня хлѣба, и мнѣ было такъ грустно, такъ грустно сознавать, что я отчеканена на горе другимъ! Это я-то, я, когда-то такая смѣлая, увѣренная въ себѣ, въ своей чеканкѣ, въ хорошемъ звонѣ! И я такъ пала духомъ, какъ только можетъ пасть монетка, которую никто не хочетъ брать. Женщина же принесла меня обратно домой, добродушно-ласково поглядѣла на меня и сказала: „Не хочу я никого обманывать тобою! Я пробью въ тебѣ дырку, пусть каждый знаетъ, что ты фальшивая... А впрочемъ... Постой, мнѣ пришло на умъ—можетъ быть, ты счастливая монетка? Право, такъ! Я пробью въ тебѣ дырочку, продерну шнурокъ и повѣшу на шейку сосѣдкиной дѣвочкѣ—пусть носитъ на счастье!“

И она пробила во мнѣ дырочку. Не особенно-то пріятно быть пробитою, но ради доброй цѣли можно перенести многое. Черезъ дырочку продернули шнурокъ, и я стала похожа на медаль. Меня повѣсили на шейку малютки; малютка улыбалась мнѣ, цѣловала меня, и я всю ночь провела на тепленькой невинной дѣтской груди.

Утромъ мать дѣвочки взяла меня въ руки, поглядѣла на меня и что-то задумала,—я сейчасъ же догадалась! Потомъ она взяла ножницы и перерѣзала шнурокъ.

„Счастливая монетка!“ сказала она. „Посмотримъ!“ И она положила меня въ кислоту, такъ что я вся позеленѣла, потомъ затерла дырку, немножко почистила меня и въ сумеркахъ пошла къ продавцу лотерейныхъ билетовъ, купить на счастье билетикъ.

Ахъ, какъ мнѣ было тяжело! Меня точно въ тискахъ сжимали, ломали пополамъ! Я, вѣдь, знала, что меня обзовутъ фальшивою, осрамятъ передъ всѣми другими монетами, что лежатъ и гордятся своими надписями и чеканкою. Но, нѣтъ! Я проскользнула! Въ лавкѣ была такая толпа, продавецъ былъ такъ занятъ, что не глядя бросилъ меня въ выручку къ другимъ монетамъ. Выигралъ-ли купленный за меня билетъ—не знаю, но знаю, что на другой же день меня признали фальшивою, отложили въ сторону и опять отправили обманывать—все обманывать! А, вѣдь, это просто невыносимо при честномъ характерѣ,—его-то ужъ у меня не отнимутъ! Такъ переходила я изъ рукъ въ руки, изъ дома въ домъ, больше года, и всюду-то меня бранили, всюду-то на меня сердились. Никто не вѣрилъ въ

меня, и я сама больше не вѣрила ни въ себя, ни въ свѣтъ. Тяжелое выдалось для меня времячко!

Но вотъ, однажды явился путешественникъ; ему, конечно, сейчасъ же подсунули меня, и онъ былъ такъ простъ, что взялъ меня за ходячую монету. Но когда онъ въ свою очередь хотѣлъ расплатиться мною, я опять услышала крикъ: „Она фальшивая! Не годится!“

„Мнѣ дали ее за настоящую!“ сказалъ путешественникъ и вглядѣлся въ меня пристальнѣе. Вдругъ на лицѣ его появилась улыбка; этого еще не случалось при видѣ меня ни съ однимъ лицомъ. „Нѣтъ, что же это!“ сказалъ онъ. „Вѣдь, это наша родная монетка, хорошая, честная монетка съ моей родины, а въ ней пробили дырку и зовутъ ее фальшивою! Вотъ забавно! Надо будетъ сберечь тебя и взять съ собою домой!“

То-то я обрадовалась! Меня опять называютъ хорошею, настоящею монеткою, хотятъ взять домой, гдѣ всѣ и каждый узнаютъ меня, будутъ знать, что я чисто серебряная, настоящей чеканки! Я бы засверкала отъ радости искрами, да это не въ моей натурѣ; искры испускаетъ сталь, а не серебро.

Меня завернули въ тонкую бѣлую бумажку, чтобы не смѣшать съ другими монетами и не затерять; вынимали меня только въ торжественныхъ случаяхъ, при встрѣчахъ съ земляками, и тогда обо мнѣ отзывались необыкновенно хорошо. Всѣ говорили, что я очень интересна. Забавно, что можно быть интересною, не говоря ни слова!

И вотъ, я попала домой! Миновали мои мытарства, потекла счастливая жизнь; я, вѣдь, была чисто серебряная, настоящей чеканки, и мнѣ совсѣмъ не вредило, что во мнѣ была пробита дырка, какъ въ фальшивой: что за бѣда, если на самомъ дѣлѣ ты не фальшивая! Да, надо имѣть терпѣніе: перемелется—все мука будетъ! Въ это я теперь твердо вѣрю!—заключила свой разсказъ монетка.

ЕПИСКОПЪ БЁРГЛУМСКІЙ И ЕГО РОДИЧЪ.

Вотъ мы и на сѣверѣ Ютландіи, сѣвернѣе „Дикаго болота“. Тутъ уже слышится вой моря. Море, вѣдь, отсюда близехонько, но его загораживаетъ отъ насъ песчаный холмъ. Холмъ этотъ давно у насъ передъ глазами, но мы все еще не доѣхали до

него, медленно подвигаясь впередъ по глубокому песку. На холмѣ возвышается большое, старинное зданіе; это бывшій Бёрглумскій монастырь; въ самомъ большомъ флигелѣ его до сихъ поръ—церковь. Мы доберемся до вершины холма лишь поздно вечеромъ, но погода стоитъ ясная, ночи свѣтлыя, такъ что можно ясно видѣть на много-много миль кругомъ; съ холма открывается видъ на поля и болота вплоть до Ольборгскаго фіорда, на степи и луга, вплоть до темно-синяго моря.

Ну вотъ мы и на холмѣ, съ грохотомъ катимся между гумномъ и овиномъ и заворачиваемъ въ ворота стараго замка; вдоль стѣнъ его—ряды липъ; тутъ онѣ защищены отъ вѣтра и непогоды и разрослись такъ, что почти закрыли всѣ окна.

Мы поднимаемся по каменной витой лѣстницѣ, проходимъ по длиннымъ корридорамъ подъ бревенчатыми потолками. Какъ странно гудитъ здѣсь вѣтеръ: снаружи или внутри—не разберешь. Жутко... А тутъ еще эти разсказы... Ну, да мало-ли что разсказываютъ, мало-ли что видятъ, когда боятся сами или хотятъ напугать другихъ! Разсказываютъ, что давно умершіе монахи скользятъ по корридорамъ въ церковь, гдѣ идетъ обѣдня; звуки молитвъ прорываются сквозь вой вѣтра. Наслушаешься такихъ разсказовъ, и душою овладѣваетъ странное настроеніе: начинаешь думать о старинѣ и такъ задумаешься, что невольно перенесешься въ тѣ времена.

О берегъ разбился корабль; слуги епископа уже на берегу; они не щадятъ тѣхъ, кого пощадило море; море смываетъ съ берега красную кровь, струящуюся изъ проломленныхъ череповъ. Выброшенный моремъ грузъ становится добычею епископа, а его тутъ не мало. Море выкатываетъ на берегъ бочки и боченки съ дорогимъ виномъ; все идетъ въ погреба епископа, и безъ того биткомъ набитые бочками съ медомъ и пивомъ. Кухня его полнымъ-полна битою дичью, колбасами и окороками; въ прудахъ плаваютъ жирные лещи и караси. Богатъ и могущественъ епископъ Бёрглумскій! Много у него земли и помѣстій, но ему все не довольно! Все должно преклоняться передъ Олуфомъ Глобомъ!

Въ Тю умеръ его богатый родичъ. „Родичъ родичу хуже врага“—справедливость этой пословицы пришлось испытать на себѣ вдовѣ умершаго. Мужъ ея владѣлъ всѣми землями въ краѣ, кромѣ монастырскихъ. Единственный сынъ находился въ чужихъ

краяхъ,—онъ былъ отосланъ туда еще мальчикомъ познакомиться съ чужими нравами и обычаями, къ чему такъ лежала его душа, но вотъ уже нѣсколько лѣтъ о немъ не было ни слуха, ни духа. Можетъ быть, онъ давно лежитъ въ могилѣ и никогда не вернется больше на родину, хозяйничать тамъ, гдѣ хозяйничаетъ его мать.

„Что смыслитъ въ хозяйствѣ баба?“ сказалъ епископъ и послалъ ей вызовъ на народный судъ—тингъ. Но что изъ того толку? Вдова никогда не преступала законовъ, и сила пра́ва на ея сторонѣ.

Епископъ Олуфъ Бёрглумскій, что замышляешь ты? Что пишешь на гладкомъ пергаментѣ? Что запечатываешь восковою печатью и перевязываешь шнуркомъ? Что за грамоту отсылаешь съ рыцаремъ и оруженосцемъ далеко-далеко, въ папскую столицу?

Начался листопадъ, завыли бури, пошли кораблекрушенія, а вотъ и зима на дворѣ.

Два раза приходила она; въ концѣ второй вернулись жданные посланцы. Они вернулись изъ Рима съ буллой отъ папы, предававшею проклятію вдову, оскорбительницу благочестиваго епископа. „Пусть ляжетъ проклятіе на нее и на все, ей принадлежащее! Она отлучается отъ церкви и отъ людей! Да не протянетъ ей никто руки помощи, родные и друзья да бѣгутъ отъ нея, какъ отъ чумы и проказы!“

— „Не гнется дерево, такъ его ломаютъ!“—сказалъ епископъ Бёрглумскій.

Всѣ отвернулись отъ вдовы; но она не отвернулась отъ Бога; Онъ сталъ ея единственнымъ Покровителемъ и Защитникомъ.

Только одна служанка, старая дѣва, осталась ей вѣрна, и госпожа сама ходила вмѣстѣ съ нею за плугомъ. И хлѣбъ уродился, даромъ что земля была проклята папою и епископомъ.

„Ахъ, ты исчадіе ада! Постой! Будетъ же по-моему!“ говоритъ епископъ. „Рукою папы я достану тебя и привлеку на судъ!“

Тогда вдова впрягаетъ въ телѣгу двухъ послѣднихъ воловъ, садится на нее вмѣстѣ со служанкою и ѣдетъ по степи прочь изъ датской земли, въ чужую страну, гдѣ всѣ и все ей чуждо: и люди, и языкъ, и нравы, и обычаи. Далеко-далеко заѣхала она, туда, гдѣ тянутся высокіе, зеленые горные склоны, растетъ виноградъ. Купцы, ѣдущіе съ товарами, боязливо озираются съ своихъ нагруженныхъ возовъ, опасаясь нападенія разбой-

ничьихъ рыцарскихъ шаекъ. Двѣ же бѣдныя женщины на жалкой телегѣ, запряженной двумя черными волами, ѣдутъ по опасной дорогѣ и по густымъ лѣсамъ совершенно спокойно. Онѣ теперь во Франціи. Тутъ встрѣчается имъ богато одѣтый рыцарь въ сопровожденіи двѣнадцати оруженосцевъ. Онъ останавливается и смотритъ на странную повозку, затѣмъ спрашиваетъ женщинъ откуда, куда, и зачѣмъ онѣ ѣдутъ. Младшая изъ нихъ называетъ датскій городъ Тю, разсказываетъ про свое горе и обиду. Но тутъ и конецъ ея невзгодамъ! Такъ было угодно Богу! Чужестранный рыцарь—сынъ ея! Онъ протягиваетъ ей руки, обнимаетъ ее, и мать плачетъ отъ радости, а она не плакала вотъ уже много лѣтъ—только кусала себѣ губы до крови.

Начался листопадъ, завыли бури, пошли кораблекрушенія; море катитъ въ погреба епископа бочки съ виномъ. На вертелахъ въ кухнѣ жарится дичь. Уютно, тепло въ замкѣ, а на дворѣ морозъ такъ и кусаетъ. И вотъ разносится вѣсть: Іенсъ Глобъ изъ Тю вернулся домой вмѣстѣ съ матерью; Іенсъ Глобъ вызываетъ епископа на судъ Божій и людской!

„Много онъ возьметъ этимъ!“ говоритъ епископъ. „Оставь-ка лучше попеченіе, рыцарь Іенсъ Глобъ!“

Опять начался листопадъ, снова завыли бури, пошли кораблекрушенія; вотъ и зима на дворѣ. Въ воздухѣ порхаютъ бѣлыя пчелы и жалятъ въ лицо пока не растаютъ.

„Холодно сегодня!“ говорятъ люди, побывавъ на дворѣ. Іенсъ Глобъ стоитъ у огня, думаетъ думу и прожигаетъ на платьѣ большую дыру.

„Ну, епископъ Бёрглумскій! Я таки осилю тебя! Законъ не можетъ достать тебя подъ плащомъ папы, но Іенсъ Глобъ достанетъ!“

И онъ пишетъ своему зятю Олуфу Газе Саллингскому письмо, назначаетъ ему въ сочельникъ свиданіе въ Видбергской церкви, у заутрени. Епископъ самъ будетъ служить ее, для чего и отправляется изъ Бёрглума въ Тю. Іенсъ Глобъ знаетъ это.

Луга и болота покрыты льдомъ и снѣгомъ; ледъ и снѣгъ окрѣпли настолько, что могутъ сдержать лошадей со всадниками, цѣлый поѣздъ; то ѣдетъ епископъ съ канониками и слугами. Они ѣдутъ кратчайшею дорогою между хрупкимъ тростникомъ; печально шелеститъ въ немъ вѣтеръ.

Труби въ свой мѣдный рогъ, трубачъ въ лисьей шубѣ!

Звуки гулко разнесутся въ морозномъ, ясномъ воздухѣ. Поѣздъ подвигается впередъ по степямъ и болотамъ, гдѣ лѣтомъ разстилаются луга Фаты-Морганы; направляется онъ къ югу, къ Видбергской церкви.

А вѣтеръ трубитъ въ свой рогъ сильнѣе трубача; вотъ завыла буря, разыгралась непогода. Путь епископа лежитъ къ Божьему дому. Домъ Божій стоитъ крѣпко, какъ ни свирѣпствуетъ вокругъ него надъ полями, надъ болотами, надъ фіордомъ и моремъ страшная буря. Епископъ Бёрглумскій доѣхалъ до церкви вовремя, а вотъ Олуфу Газе врядъ-ли это удастся, хоть онъ и гонитъ лошадь изо всѣхъ силъ. Онъ спѣшитъ на помощь Іенсу Глобу, вызвавшему епископа на судъ Всевышняго. И вотъ, Олуфъ Газе подъѣзжаетъ къ фіорду... Скоро домъ Божій станетъ судилищемъ, Престолъ—судейскимъ столомъ; въ тяжелыхъ мѣдныхъ подсвѣчникахъ затеплятся свѣчи; буря прочтетъ жалобу и приговоръ. Отголоски ихъ разнесутся по воздуху, надъ болотами, степью и бурнымъ моремъ. Но черезъ фіордъ въ такую погоду нѣтъ переправы!

Олуфъ Газе останавливается у Оттезунда, отпускаетъ своихъ людей, даритъ имъ лошадей и вооруженіе, даетъ отпускные листы и велитъ свезти поклонъ своей супругѣ. Одинъ хочетъ онъ довѣриться бушующимъ волнамъ, а слуги пусть засвидѣтельствуютъ, что не его вина, если Іенсъ Глобъ останется въ Видбергской церкви безъ подкрѣпленія. Но вѣрные слуги не хотятъ отстать отъ своего господина и бросаются вслѣдъ за нимъ въ глубокія волны. Десятеро изъ нихъ тонутъ, но самъ Олуфъ Газе и еще двое отроковъ выплываютъ на противоположный берегъ. Имъ остается еще четыре мили пути.

За полночь; канунъ Рождества. Вѣтеръ улегся; церковь освѣщена. Яркій свѣтъ льется сквозь окна на луга и степь. Заутреня давно отошла; въ Божьемъ домѣ тишина; слышно, какъ каплетъ воскъ со свѣчей на каменный полъ. Является Олуфъ Газе.

Въ притворѣ встрѣчаетъ его Іенсъ Глобъ:—Здравствуй! Я помирился съ епископомъ!

— Вотъ какъ!—отвѣчаетъ Олуфъ.—Такъ ни ты, ни епископъ не выйдете живыми изъ церкви!

И мечъ Олуфа Газе сверкаетъ изъ ноженъ, вонзается и расщепляетъ дверь, которую успѣлъ захлопнуть между собой и зятемъ Іенсъ Глобъ.

— Повремени, дорогой зять! Погляди сперва, каково примиреніе! Я убилъ епископа со всѣми его людьми! Не придется имъ больше распространяться объ этой исторіи, да и я не стану больше говорить о той обидѣ, что понесла моя мать!

Фитили восковыхъ свѣчей горятъ красными языками; еще краснѣе свѣтъ разливается по полу. Тутъ плаваетъ въ крови епископъ съ раздробленнымъ черепомъ; убиты и всѣ его спутники. Тихо, безмолвно въ Видбергской церкви въ ночь подъ Рождество.

На третій день праздника въ Бёрглумскомъ монастырѣ зазвонили въ колокола. Убитый епископъ и его слуги выставлены напоказъ въ церкви; тѣла покоятся подъ балдахиномъ, кругомъ стоятъ обвернутые крепомъ подсвѣчники. Въ парчевой ризѣ, съ посохомъ въ безжизненной рукѣ, лежитъ епископъ, нѣкогда могущественный повелитель края. Курится ладонъ, монахи поютъ. Въ пѣніи ихъ звучитъ жалоба, злоба и осужденіе. Вѣтеръ подтягиваетъ имъ и разноситъ эти звуки по всей странѣ. Вѣтеръ утихаетъ, успокаивается на время, но не навѣки. Время отъ времени онъ просыпается и опять принимается за свои пѣсни. Онъ распѣваетъ ихъ и въ наше время, поетъ здѣсь, на сѣверѣ Ютландіи, о епископѣ Бёрглумскомъ и его родичѣ. Пѣсни его слышатся темною ночью; испуганно внемлетъ имъ крестьянинъ, проѣзжающій по тяжелой песчаной дорогѣ мимо Бёрглумскаго монастыря; внемлетъ имъ и безсонный обитатель толстостѣнныхъ покоевъ Бёрглума. Вотъ почему такъ странно и шелеститъ по длиннымъ, гулкимъ корридорамъ, ведущимъ къ церкви. Входъ въ нее давно заложенъ, закрытъ, но не для суевѣрныхъ очей. Имъ мерещатся открытыя двери: ярко горятъ свѣчи въ паникадилахъ, курится ладонъ, церковь блещетъ прежнимъ великолѣпіемъ, монахи отпѣваютъ умершаго епископа, что лежитъ въ парчевой ризѣ, съ посохомъ въ безсильной рукѣ. На блѣдномъ, гордомъ челѣ зіяетъ кровавая рана; она горитъ, какъ огонь; такимъ огнемъ выжигаются дурныя страсти дѣтей свѣта.

Прочь! Скройтесь въ землю, покройтесь мракомъ забвенія ужасныя воспоминанія старины!

Прислушайся къ порывамъ вѣтра; они заглушаютъ шумъ катящихся волнъ морскихъ. Разыгралась буря; многимъ людямъ будетъ она стоить жизни! Нравъ моря не измѣнился съ годами. Въ эту ночь оно является всепоглощающею пастью, утромъ же,

можетъ быть, опять станетъ яснымъ окомъ, въ которомъ можно видѣть себя, какъ въ зеркалѣ. Такъ же бывало и въ старину, которую мы только что схоронили. Спи же спокойно, если можешь!

Вотъ и утро.

Новыя времена свѣтятъ въ нашу комнату вмѣстѣ съ лучами солнца. Вѣтеръ все еще бушуетъ. Приносятъ вѣсть о кораблекрушеніи,—то же бывало и въ старину.

Ночью, у Лёкке, маленькой рыбачьей слободки, застроенной домиками съ красными черепичными крышами—ее видно отсюда изъ оконъ—разбился корабль. Онъ сѣлъ на мель далеко отъ берега, но спасительная ракета перебросила мостъ между тонущимъ судномъ и твердою землею. Всѣ спаслись, вышли на берегъ и нашли себѣ пріютъ и ночлегъ у рыбаковъ. Сегодня же ихъ перевели въ Бёрглумскій монастырь. Въ уютныхъ покояхъ ихъ встрѣчаетъ радушный пріемъ и привѣтъ на родномъ языкѣ. Съ клавишъ льются звуки родныхъ мелодій, и не успѣютъ еще они замереть, какъ зазвучитъ иная струна, безмолвная и въ то же время полная звуковъ: вѣстникъ мысли сообщитъ семьямъ потерпѣвшихъ крушеніе въ чужой землѣ о ихъ спасеніи. Родные успокоены; съ души спасенныхъ сваливается бремя, и въ замкѣ Бёрглумъ поднимается плясъ и веселье. Протанцуемъ же старинный вальсъ, споемъ пѣсни о Даніи и о „храбромъ ополченцѣ“ новаго времени!

Благословенно будь ты, новое время! Вступай въ страну, какъ новое лѣто! Свѣти своими лучами въ сердца людей! Быстро промелькнутъ на твоемъ свѣтломъ фонѣ воспоминанія о старыхъ, суровыхъ, жестокихъ временахъ!

ВЪ ДѢТСКОЙ.

Папаша съ мамашей и всѣ братья и сестры уѣхали въ театръ; дома остались Аня да ея крестный.

— Мы тоже устроимъ себѣ театръ!—сказалъ онъ.—Сейчасъ же начнемъ представленіе.

— Да, вѣдь, у насъ нѣтъ театра!—возразила Аня.—Нѣтъ и актеровъ! Моя старая кукла не годится, она стала такая гадкая, а новую нельзя взять,—платьице изомнешь!

— Актеры найдутся, если только не брезговать тѣмъ, что есть подъ рукой!—сказалъ крестный.—Ну, построимъ сначала

театръ. Вотъ сюда одну книжку, сюда другую, сюда третью; всѣ три поставимъ вкось. Теперь по другую сторону еще три; вотъ и кулисы готовы. А этотъ старый ящикъ будетъ заднею стѣною,—мы повернемъ его сюда дномъ. Сцена, какъ всякій видитъ, представляетъ комнату. Теперь дѣло за актерами! Посмотримъ-ка, не найдется-ли чего подходящаго въ ящикѣ съ игрушками. Сначала надо отыскать дѣйствующихъ лицъ, а потомъ ужъ сочинять пьесу; одно ведетъ за собою другое и выходитъ чудесно! Вотъ трубка отъ чубука, а вотъ перчатка безъ пары; пусть это будетъ папаша и дочка!

— Такъ это всего только два лица!—сказала Аня.—Вонъ лежитъ старый мундирчикъ брата. Нельзя-ли и его взять въ актеры?

— Отчего же нѣтъ? Ростомъ-то онъ для этого вышелъ. Онъ будетъ у насъ женихомъ. Въ карманахъ у него пусто,—вотъ ужъ и интересная завязка: тутъ пахнетъ несчастною любовью!.. А вотъ еще орѣшный щелкунъ—сапогъ со шпорою! Топъ, топъ! То-то лихой мазуристъ! Онъ топаетъ и прищелкиваетъ! Онъ будетъ у насъ немилымъ женихомъ. Ну, какую же пьесу ты хочешь? Драму или комедію изъ семейнаго быта?

— Комедію!—сказала Аня.—Всѣ такъ любятъ комедіи. А ты знаешь какую-нибудь?

— Цѣлую сотню!—отвѣтилъ крестный.—Самый большой успѣхъ имѣютъ французскія, но онѣ неподходящи для дѣвочекъ. Мы возьмемъ лучше какую-нибудь изъ своихъ; онѣ всѣ, вѣдь, на одинъ ладъ. Ну, я встряхиваю мѣшокъ! „Ку-ка-ре-ку! Обновись!“ Вотъ теперь всѣ комедіи обновились! Слушай же афишу.— И крестный взялъ газету и сталъ читать, какъ будто по афишѣ:

«Трубка и умный малый».

Комедія въ одномъ дѣйствіи.

Дѣйствующія лица:

Господинъ Трубка—отецъ.
Госпожа Перчатка—дочь.
Господинъ Мундиръ—милый.
Фонъ-Сапогъ—немилый.

— Теперь начнемъ! Занавѣсъ поднятъ,—у насъ его нѣтъ, ну, значитъ,онъ поднятъ. Всѣ лица на лицо. Я поведу рѣчь за папашу. Онъ сегодня сердитъ,—видишь, потемнѣлъ весь отъ куренья!

„Вздоръ, вздоръ, ерунда! Я хозяинъ въ домѣ! Я отецъ своей дочери! Извольте слушаться меня! Фонъ-Сапогъ такая персона, что хоть глядись въ него, какъ въ зеркало! Онъ изъ сафьяна, да еще со шпорою! Тринь-бринь! Тринь-бринь! Онъ и женится на моей дочери!"

— Теперь слѣди за мундиромъ, Аня!—продолжалъ крестный.—Теперь онъ начнетъ. Онъ носитъ отложной воротничокъ, очень скроменъ, но сознаетъ собственное достоинство и имѣетъ право говорить такъ:

„На мнѣ нѣтъ ни одного пятна! Добрыя качества тоже надо принимать въ расчетъ. А я, вѣдь, изъ самой добротной матеріи, да еще съ галунами!"

„Ну, они только до свадьбы и продержатся! Въ стиркѣ полиняютъ!"—Это говоритъ опять господинъ Трубка.—„Фонъ-Сапогъ, тотъ непромокаемъ, изъ крѣпкой и въ то же время тонкой кожи, можетъ скрипѣть, щелкать шпорою, и похожъ на Италію!"

— Но они должны говорить стихами!—замѣтила Аня.—Говорятъ, это выходитъ такъ красиво!

— Можно и такъ!—отвѣтилъ крестный.—Захочетъ публика, актеры заговорятъ и стихами. Ну, гляди же на барышню-Перчатку; гляди, какъ она ломаетъ пальчики:

„Лучше вѣкъ мнѣ быть безъ пары,
Только бы избѣгнуть кары—
Жизнь съ постылымъ проводить!
Мнѣ того не пережить!
Охъ, охъ, охъ,
Лопну, лопну, вотъ вамъ Богъ!"

„Вздоръ!" —Это ужъ отвѣчаетъ папаша-Трубка. А вотъ теперь говоритъ господинъ Мундиръ:

„Перчатка-душа,
Ты такъ хороша!
Ты мнѣ суждена,
Моей быть должна!"

— Тутъ Фонъ-Сапогъ шаркаетъ, топаетъ, щелкаетъ шпорою и опрокидываетъ три кулисы разомъ.

— Чудо, какъ хорошо!—воскликнула Аня.

— Тсъ!—сказалъ крестный.—Молчаливое одобреніе гово-

ритъ о высокой степени воспитанности зрителей первыхъ рядовъ. Теперь барышня-Перчатка поетъ свою большую арію съ руладами:

„Я такъ убита,
Такъ сердита,
Что вамъ клянусь,
Я разреву-у-усь!..“

— Теперь самый интересный моментъ, Аня! Видишь, господинъ Мундиръ разстегивается и обращаетъ свою рѣчь прямо къ тебѣ, чтобы ты похлопала ему! Но ты не хлопай! Такъ бонтоннѣе! Послушай, какъ онъ шуршитъ: „Чаша терпѣнія моего переполнилась! Берегитесь! Я подведу интригу! Вы—Трубка, а я—малый съ головой! Фьють! и—нѣтъ васъ!“—Гляди, Аня! Это самая интересная сцена во всей комедіи! Мундиръ схватываетъ Трубку и засовываетъ къ себѣ въ карманъ,—лежи тутъ!—а затѣмъ говоритъ: „Вы теперь у меня въ карманѣ и не выйдете оттуда, пока не обѣщаете соединить меня узами брака съ вашей дочерью, Перчаткой съ лѣвой руки! Я протяну ей свою правую.“

— Ужасно хорошо!—опять воскликнула Аня.

— А старая Трубка отвѣчаетъ:

„Что дѣлать мнѣ?
Горю, какъ въ огнѣ!
Ахъ, гдѣ-жъ мой чубукъ?
Вѣдь, я—какъ безъ рукъ!
О, сжальтесь, простите,
Меня отпустите!
Я дочь вамъ отдамъ,
Вѣнчаю васъ самъ!“

— И конецъ?—спросила Аня.

— Что ты!—отвѣтилъ крестный.—Конецъ только для Фонъ-Сапога. Женихъ и невѣста опускаются на колѣни; первая поетъ:

„Отецъ, оживаю!“

Второй:

„Я васъ отпускаю!“

Господинъ Трубка благословляетъ ихъ, а вся мебель поетъ хоромъ:

„То-то любящій отецъ!
Онъ повелъ ихъ подъ вѣнецъ!
Тутъ и пьесѣ всей конецъ!“

— Вотъ теперь похлопаемъ!—прибавилъ крестный.—И вызовемъ ихъ всѣхъ, вмѣстѣ съ мебелью; она, вѣдь, изъ краснаго дерева!

— А что, наша комедія такъ же хороша, какъ та, что идетъ въ настоящемъ театрѣ?—спросила Аня.

— Она еще лучше!—отвѣтилъ крестный.—Она короче, даромъ доставлена намъ прямо на домъ, и помогла скоротать время до чаю!

ЗОЛОТОЙ МАЛЬЧИКЪ.

Жена барабанщика была въ церкви и смотрѣла на новый алтарь, уставленный образами и украшенный рѣзными херувимчиками. Какіе они были хорошенькіе! И тѣ, съ золотымъ сіяніемъ вокругъ головокъ, что были нарисованы на холстѣ, и тѣ, что были вырѣзаны изъ дерева, а потомъ раскрашены и вызолочены. Волоски у нихъ отливали золотомъ; чудо, какъ было красиво! Но солнечные лучи были еще красивѣе! Какъ они сіяли между темными деревьями, когда солнышко садилось! Какое блаженство было глядѣть въ этотъ ликъ Божій! И жена барабанщика заглядѣлась на красное солнышко, думая при этомъ о малюткѣ, котораго скоро принесетъ ей аистъ. Она ждала его съ радостью и, глядя на красное солнышко, желала одного: чтобы блескъ его отразился на ея малюткѣ; по крайней мѣрѣ, чтобы ребенокъ походилъ на одного изъ сіяющихъ херувимовъ алтаря!

И вотъ, когда она, наконецъ, дѣйствительно держала въ объятіяхъ новорожденнаго малютку и подняла его показать отцу, оказалось, что ребенокъ въ самомъ дѣлѣ былъ похожъ на херувима: волосы у него отливали золотомъ; на нихъ какъ будто легло сіяніе закатившагося солнышка.

— Золотой мой мальчикъ, сокровище, солнышко мое!—воскликнула мать и поцѣловала сіяющіе кудри. Въ комнаткѣ барабанщика словно гремѣла музыка, раздавалось пѣніе, воцарились радость, веселье, жизнь, шумъ! Барабанщикъ принялся выбивать на своемъ барабанѣ такую дробь, что держись! Барабанъ—большой пожарный барабанъ—такъ и гремѣлъ: „Рыжій!

У мальчишки рыжіе волосы! Слушай, что говоритъ барабанная кожа, а не мать! Трамъ-тамъ-тамъ!“

И весь городъ говорилъ то же, что барабанъ.

Мальчика снесли въ церковь и окрестили. Ну, противъ имени сказать было нечего: ребенка назвали Петромъ. Весь городъ и барабанъ звали его „рыжій барабанщиковъ Петръ“, но мать цѣловала золотистые волосы сына и звала его „золотымъ мальчикомъ“.

На глинистомъ откосѣ у дороги было выцарапано много именъ.

— Слава! Она что-нибудь да значитъ!—сказалъ барабанщикъ и выцарапалъ тамъ свое имя и имя сынка.

Прилетѣли ласточки; онѣ видѣли въ своихъ странствіяхъ надписи попрочнѣе, вырѣзанныя на скалахъ и на стѣнахъ храмовъ въ Индостанѣ, надписи, вѣщавшія о могучихъ, славныхъ владыкахъ; но онѣ были такія древнія, что никто уже не могъ прочесть ихъ, никто не могъ выговорить этихъ безсмертныхъ именъ.

Слава! Знаменитое имя!

Ласточки устраивали себѣ на откосѣ гнѣзда, выкапывая въ мягкой глинѣ ямки; дождь и непогода тоже помогали стирать выцарапанныя тамъ имена. Скоро исчезли и имена барабанщика и Петра.

— Петрово имя всетаки продержалось полтора года!—сказалъ отецъ.

„Дуракъ!“ подумалъ пожарный барабанъ, но сказалъ только: „Дур-дур-дур-думъ-думъ-домъ!“

Рыжій барабанщиковъ Петръ былъ мальчикъ живой, веселый. Голосъ у него былъ чудесный; онъ могъ пѣть и пѣлъ, какъ птица въ лѣсу, не зная никакихъ мелодій, и всетаки выходила мелодія.

— Онъ будетъ пѣвчимъ!—говорила мать.—Будетъ пѣть въ церкви, стоять подъ тѣми прелестными вызолоченными херувимчиками, на которыхъ такъ похожъ!

„Рыжій котъ!“ говорили городскіе остряки. Барабанъ часто слышалъ это отъ сосѣдокъ.

— Не ходи домой, Петръ!—кричали уличные мальчишки.— А то ляжешь спать на чердакѣ, а въ верхнемъ этажѣ загорится! Вашему пожарному барабану будетъ дѣло!

— Берегитесь-ка вы барабанныхъ палокъ!—сказалъ Петръ и, какъ ни былъ малъ, храбро пошелъ прямо на мальчишекъ и

ткнулъ кулакомъ въ брюхо ближайшаго. Тотъ полетѣлъ кверху ногами; остальные—давай Богъ ноги!

Городской музыкантъ, такой важный, знатный,—онъ былъ сыномъ придворнаго буфетчика—очень полюбилъ Петра, часто призывалъ его къ себѣ, давалъ въ руки скрипку и училъ его играть. У мальчика оказался талантъ; изъ него должно было выйти кое-что получше простого барабанщика—городской музыкантъ!

— Солдатомъ я буду!—говорилъ самъ Петръ. Онъ былъ еще маленькимъ мальчуганомъ, и ему казалось, что лучше всего на свѣтѣ, это—носить мундиръ и саблю, да маршировать подъ команду: разъ-два, разъ-два!

— Выучишься ходить подъ барабанъ! Трамъ-тамъ-тамъ!—сказалъ барабанъ.

— Хорошо, кабы онъ дошелъ до генерала!—сказалъ отецъ.— Но тогда надо войну!

— Боже упаси!—сказала мать.

— Намъ-то нечего терять!—замѣтилъ отецъ.

— А мальчугана нашего?—возразила мать.

— Ну, а подумай, если онъ вернется съ войны генераломъ!

— Безъ руки или ноги! Нѣтъ, пусть лучше мой золотой мальчикъ останется цѣлымъ!

„Трамъ-тамъ-тамъ!“ загремѣлъ пожарный барабанъ, загремѣли и всѣ барабаны. Началась война. Солдаты выступили въ походъ, съ ними ушелъ и барабанщиковъ Петръ, „рыжая макушка“, „золотой мальчикъ“! Мать плакала, а отецъ уже видѣлъ сына знаменитымъ; городской же музыкантъ находилъ, что Петру не слѣдовало ходить на войну, а служить искусству дома.

„Рыжая макушка!“ говорили солдаты, и Петръ смѣялся, но если кто-нибудь говорилъ: „Лисья шкура!“, онъ закусывалъ губы и смотрѣлъ въ сторону, пропуская эти слова мимо ушей.

Мальчикъ былъ шустрый, прямой и веселый, а „веселый нравъ—лучшая походная фляжка“,—говорили его старые товарищи.

Часто приходилось ему проводить ночи подъ открытымъ небомъ, мокнуть въ дождь и непогоду до костей, но веселость не покидала его, барабанныя палки весело выбивали: „Трамъ-тамъ-тамъ! Въ походъ!“ Да, онъ прямо рожденъ былъ барабанщикомъ!

Насталъ день битвы; солнце еще не вставало, но заря уже

занялась; въ воздухѣ было холодно, а бой шелъ жаркій. Стоялъ густой туманъ, но пороховой дымъ былъ еще гуще. Пули и гранаты летали надъ головами и въ головы, въ тѣла, въ руки и ноги, но солдаты все шли впередъ. То тотъ, то другой изъ нихъ падалъ, пораженный въ високъ, побѣлѣвъ, какъ мѣлъ. Но маленькій барабанщикъ не блѣднѣлъ; ему еще не пришлось потерпѣть вреда, и онъ весело посматривалъ на полковую собаку, прыгавшую впереди такъ беззаботно, какъ будто кругомъ шла игра, какъ будто ядра были только мячиками!

„Маршъ! Впередъ!“ Эта команда была переложена на барабанъ, и такой команды не берутъ назадъ, но тутъ ее пришлось взять назадъ,—разумъ приказывалъ! Вотъ и велѣно было бить отбой, но маленькій барабанщикъ не понялъ и продолжалъ выбивать: „маршъ! впередъ!“ И солдаты повиновались барабанной кожѣ. Славная-то была барабанная дробь! Она выиграла сраженіе готовымъ отступить.

Битва многимъ стоила жизни; гранаты рвали мясо въ клочья, поджигали вороха соломы, въ которые заползали раненые, чтобы лежать тамъ брошенными много часовъ, можетъ быть—всю жизнь! Но что пользы думать о такихъ ужасахъ! И все же о нихъ думается—даже далеко отъ поля битвы, въ мирномъ городкѣ. Барабанщикъ съ женою тоже не переставали о нихъ думать: Петръ былъ, вѣдь, на войнѣ!

— И надоѣло же мнѣ это хныканіе!—сказалъ пожарный барабанъ.

Дѣло было въ самый день битвы; солнце еще не вставало, но было уже свѣтло; барабанщикъ съ женою спали,—они долго не засыпали наканунѣ, разговаривая о сынѣ: онъ былъ, вѣдь, тамъ, „въ рукахъ Божіихъ“. И вотъ, отецъ увидалъ во снѣ, что война кончена, солдаты вернулись, и у Петра на груди серебряный крестъ. Матери же приснилось, будто она стоитъ въ церкви, смотритъ на рѣзныхъ и нарисованныхъ на образахъ херувимовъ съ золотыми кудрями и видитъ среди нихъ своего милаго „золотого мальчика“. Онъ стоитъ въ бѣлой одеждѣ и поетъ такъ чудесно, какъ поютъ развѣ только ангелы! Потомъ онъ сталъ возноситься вмѣстѣ съ ними на небо, ласково кивая матери головою...

— Золотой мой мальчикъ!—вскрикнула она и проснулась.— Ну, значитъ, Господь отозвалъ его къ Себѣ!—И она прислонилась головой къ пологу, сложила руки и заплакала.—Гдѣ-то

онъ покоится теперь? Въ огромной общей могилѣ? Можетъ быть, въ глубокомъ болотѣ? Никто не знаетъ его могилы! Никто не прочтетъ надъ нею молитвы!—И изъ устъ ея вырвалось беззвучное „Отче Нашъ"... Потомъ голова ея склонилась на подушку, и усталая мать задремала.

Дни проходили; жизнь текла, думы росли!

День клонился къ вечеру; надъ полемъ сраженія перекинулась радуга, упираясь однимъ концомъ въ лѣсъ, другимъ въ глубокое болото. Народъ вѣритъ, что тамъ, куда упирается конецъ радуги, зарытъ кладъ, золото. Тутъ и дѣйствительно лежало золото, „золотой мальчикъ". Никто не думалъ о маленькомъ барабанщикѣ, кромѣ его матери, вотъ почему ей и приснилось это.

Дни проходили; жизнь текла, думы росли!

Но съ его головы не упало ни единаго волоска, ни единаго золотого волоска!

„Трамъ-тамъ-тамъ, и онъ къ вамъ!" могъ бы сказать барабанъ, могла бы пропѣть мать, еслибы она ожидала сына, или увидала во снѣ, что онъ возвращается.

Съ пѣснями, съ криками „ура", увѣнчанные свѣжею зеленью возвращались солдаты домой. Война кончилась, миръ былъ заключенъ. Полковая собака бѣжала впереди, описывая большіе круги, словно ей хотѣлось удлиннить себѣ дорогу втрое.

Дни и недѣли проходили, и вотъ, Петръ вступилъ въ комнатку родителей. Онъ загорѣлъ, какъ дикарь, но глаза и лицо его такъ и сіяли. Мать обнимала, цѣловала его въ губы, въ глаза, въ рыжіе волосы. Мальчикъ ея опять былъ съ нею! Онъ, правда, вернулся безъ серебрянаго креста на груди, какъ снилось отцу, но зато цѣлымъ и невредимымъ, чего и не снилось матери. То-то было радости! И смѣялись и плакали вмѣстѣ. Петръ даже обнялъ старый барабанъ.

— Ты все еще тутъ, старина!—сказалъ онъ, а отецъ выбилъ на барабанѣ громкую, веселую дробь.

— Подумаешь, право, въ домѣ пожаръ!—сказалъ пожарный барабанъ.—Макушка вся въ огнѣ, сердце въ огнѣ, „золотой мальчикъ" вернулся! Трамъ-тамъ-тамъ!

А потомъ? Потомъ что? Спроси-ка городского музыканта!

— Петръ переросъ барабанъ! Петръ переростетъ и меня!—говорилъ онъ, даромъ что былъ сыномъ придворнаго буфет-

чика! Но все, чему онъ выучился за цѣлую жизнь, Петръ прошелъ въ полгода.

Въ сынѣ барабанщика было что-то такое открытое, сердечное. А глаза и волосы у него такъ и сіяли,—этого ужъ никто не могъ отрицать.

— Ему бы слѣдовало красить свои волосы!—говорила сосѣдка.—Вотъ дочери полицмейстера это отлично удалось, и она сдѣлалась невѣстою!

— Да, но, вѣдь, волосы у нея сразу позеленѣли, какъ тина, и ей вѣчно придется краситься!

— Такъ что-жъ! Средствъ у нея на это хватитъ!—отвѣчала сосѣдка.—И у Петра они есть! Онъ вхожъ въ самыя знатныя семейства, даже къ самому бургомистру, обучаетъ игрѣ на фортопьяно барышню Лотту!

Да, играть-то онъ умѣлъ! Онъ вкладывалъ въ игру всю свою душу, и изъ подъ его пальцевъ выливались чудныя мелодіи, которыхъ не было ни на одной нотной бумагѣ. Онъ игралъ напролетъ всѣ ночи—и свѣтлыя и темныя. Это было просто невыносимо, по словамъ сосѣдей и барабана.

Онъ игралъ, а мысли уносили его высоко-высоко, чудные планы роились въ головѣ... Слава!..

Дочка бургомистра Лотта сидѣла за фортепьяно; изящные пальчики бѣгали по клавишамъ и ударяли прямо по струнамъ Петрова сердца. Оно какъ будто расширялось въ груди, становилось такимъ большимъ-большимъ! И это было не разъ, не два, а много разъ, и вотъ, однажды, Петръ схватилъ эти тонкіе пальчики, эту прекрасную руку, поцѣловалъ ее и заглянулъ въ большіе черные глаза дѣвушки. Богъ знаетъ, что онъ сказалъ ей при этомъ! Мы можемъ только догадываться. Лотта покраснѣла до ушей, но не отвѣтила ни слова: какъ разъ въ эту минуту въ комнату вошелъ посторонній, сынъ статскаго совѣтника; у него былъ большой, гладкій лобъ, доходившій до самого затылка. Петръ долго сидѣлъ съ ними, и Лотта такъ умильно улыбалась ему.

Вечеромъ, придя домой, онъ заговорилъ о чужихъ краяхъ и о томъ кладѣ, который лежалъ для него въ скрипкѣ.

Слава!

— Трамъ-тамъ-тамъ! — сказалъ барабанъ. — Онъ совсѣмъ спятилъ! Право, въ домѣ какъ будто пожаръ!

На другой день мать отправилась на рынокъ.

— Знаешь новость, Петръ?—спросила она, вернувшись оттуда.—Славная новость! Дочка бургомистра Лотта помолвлена вчера вечеромъ съ сыномъ статскаго совѣтника!

— Не можетъ быть!—воскликнулъ Петръ, вскакивая со стула. Но мать сказала „да“,—она узнала эту новость отъ жены цирульника, а мужъ той слышалъ о помолвкѣ отъ самого бургомистра.

Петръ поблѣднѣлъ, какъ мертвецъ, и упалъ на стулъ.

— Господи Боже! Что съ тобой?—воскликнула мать.

— Ничего, ничего! Только оставь меня!—отвѣтилъ онъ, а слезы такъ и побѣжали у него по щекамъ ручьемъ.

— Дитятко мое милое! Золотой мой!—сказала мать и тоже заплакала. А барабанъ напѣвалъ—конечно, про себя: „Lotte ist todt! Lotte ist todt! *) Вотъ и пѣсенкѣ конецъ!“

Но пѣснѣ еще не былъ конецъ; въ ней оказалось еще много строфъ, чудныхъ, золотыхъ строфъ!

— Ишь, ломается, изъ себя выходитъ!—оговаривала сосѣдка мать Петра.—Весь свѣтъ долженъ читать письма ея „золотого мальчика“ и газеты, гдѣ говорится о немъ и о его скрипкѣ. Онъ и денегъ ей высылаетъ не мало, а это ей кстати теперь—овдовѣла!

— Онъ играетъ передъ королями и государями!—говорилъ городской музыкантъ.—Мнѣ этого не выпало на долю, но онъ—мой ученикъ и не забываетъ своего стараго учителя.

— Отцу снилось, что Петръ вернулся съ войны съ серебрянымъ крестомъ на груди, но тамъ трудно заслужить его! Зато теперь у него командорскій крестъ! Вотъ бы отецъ дожилъ!—разсказывала мать.

— Онъ—знаменитость!—гремѣлъ пожарный барабанъ, и весь родной городъ повторялъ: сынъ барабанщика, рыжій Петръ, бѣгавшій мальчикомъ въ деревянныхъ башмакахъ, бывшій барабанщикъ, музыкантъ, игравшій на вечеринкахъ танцы—*знаменитость*!

— Онъ игралъ у насъ раньше, чѣмъ въ королевскихъ дворцахъ!—говорила жена бургомистра.—Въ тѣ времена онъ безъ ума былъ отъ нашей Лотты. Онъ всегда мѣтилъ высоко! Но тогда это было съ его стороны просто дерзостью! Мужъ мой

*) Т.-е. „Лотта умерла“.—Строфа изъ уличной пѣсни. *Примѣч. перев.*

такъ смѣялся, узнавъ объ этой глупости. Теперь наша Лотта — статская совѣтница!

Золотые были сердце и душа у бѣднаго мальчугана, бывшаго барабанщика, который заставилъ идти впередъ и побѣдить готовыхъ отступить.

Въ груди у него былъ золотой кладъ, неисчерпаемый источникъ звуковъ. Они лились со скрипки, словно она была цѣлымъ органомъ, словно по струнамъ ея танцовали эльфы лѣтней ночи. Въ этихъ звукахъ отдавались и пѣніе дрозда, и полнозвучный человѣческій голосъ. Вотъ почему были такъ очарованы его слушатели, вотъ почему слава его прогремѣла далеко за предѣлами его родины. Онъ зажигалъ въ сердцахъ святой огонь, пламя, цѣлый пожаръ восторга.

— И какъ онъ хорошъ собою! — восторгались и молодыя и старыя дамы и дѣвицы. Самая пожилая изъ нихъ даже завела себѣ альбомъ для локоновъ знаменитостей ради того только, чтобы имѣть предлогъ выпросить прядь роскошныхъ волосъ молодого скрипача.

И вотъ, онъ вернулся въ бѣдную комнатку барабанщика разодѣтый, изящный, какъ принцъ, счастливый, какъ король! Глаза и лицо его такъ и сіяли. Мать цѣловала его въ губы и плакала отъ радости, а онъ обнималъ ее и ласково кивалъ головою всей знакомой мебели — и сундуку, на которомъ стояли чайныя чашки и цвѣты въ стаканахъ, и деревянной скамьѣ, на которой спалъ мальчикомъ. Старый же барабанъ онъ вытащилъ, поставилъ посреди пола и сказалъ:

— Отецъ непремѣнно выбилъ бы теперь на немъ дробь! Такъ я сдѣлаю это за него! — И онъ выбилъ на барабанѣ такую дробь, что твой градъ! А барабанъ былъ такъ польщенъ этимъ, что кожа на немъ взяла да и лопнула.

— Кулакъ-то у него здоровый! — замѣтилъ барабанъ. — Теперь у меня на всю жизнь останется воспоминаніе о немъ! Да и мать-то, того и гляди, лопнетъ отъ радости, глядя на своего „золотого мальчика!“

Вотъ и вся исторія о „золотомъ мальчикѣ“.

БУРЯ ПЕРЕМѢЩАЕТЪ ВЫВѢСКИ.

Въ старину, когда дѣдушка, отецъ моей матери, былъ еще совсѣмъ маленькимъ мальчуганомъ, щеголялъ въ красныхъ шта-

нишкахъ, въ красной курточкѣ съ кушачкомъ, и въ шапочкѣ съ перышкомъ,—вотъ какъ тогда наряжали маленькихъ мальчиковъ—такъ въ то время и все было иначе, чѣмъ теперь. Тогда часто устраивались такія уличныя торжества, какихъ намъ ужъ не видать: мода на нихъ прошла, устарѣли они. Но куда какъ занятно послушать о нихъ!

Что было за торжество, когда сапожники мѣняли свое главное цеховое помѣщеніе и переносили цеховую вывѣску на новое мѣсто! Они шли цѣлою процессіей; впереди несли шолковое цеховое знамя, на которомъ красовался большой сапогъ и двухглавый орелъ; затѣмъ, шли младшіе подмастерья съ „заздравнымъ кубкомъ“ и „цеховымъ ларцомъ“; на рукавахъ у нихъ развѣвались красныя и бѣлыя ленты; старшіе же несли шпаги съ воткнутыми на остріѣ лимонами. Музыка гремѣла во всю, и лучшимъ изъ инструментовъ была „птица“, какъ называлъ дѣдушка большой шестъ съ полумѣсяцемъ на верхушкѣ; на шестѣ были навѣшаны всевозможные бубенчики и позвонки,—настоящая турецкая музыка! Шестъ подымали кверху и потряхивали имъ: дингъ-дангъ! Въ глазахъ рябило отъ сіяющихъ на солнцѣ золотыхъ, серебряныхъ и мѣдныхъ погремушекъ и украшеній!

Передъ шествіемъ бѣжалъ арлекинъ въ платьѣ, сшитомъ изъ разноцвѣтныхъ лоскутковъ; лицо его было вымазано сажей, на головѣ колпакъ съ бубенчиками — ну, словно лошадь во время карнавала! Онъ раздавалъ своею складною палкой удары направо и налѣво; треску было много, а совсѣмъ не больно. Въ толпѣ же просто давили другъ друга! Мальчишки и дѣвчонки шныряли повсюду и шлепались прямо въ канавы; пожилыя кумушки проталкивали себѣ дорогу локтями, хмурились и бранились. Повсюду говоръ и смѣхъ; на всѣхъ лѣстницахъ, во всѣхъ окнахъ, даже на крышахъ виднѣлись люди. Солнышко такъ и сіяло; случалось, что процессію вспрыскивалъ и дождичекъ, но дождикъ—благодать для земледѣльца, такъ не бѣда, если даже горожане промокнутъ насквозь!

Ахъ, какъ дѣдушка разсказывалъ! Онъ, вѣдь, самъ видѣлъ всѣ эти торжества, во всемъ ихъ блескѣ. Цеховой старшина взбирался на помостъ подъ повѣшенною на новое мѣсто вывѣской и держалъ рѣчь въ стихахъ, будто самъ былъ стихотворцемъ. Да оно такъ и было: онъ сочинялъ эти стихи вмѣстѣ съ двумя другими товарищами, а чтобы дѣло шло на ладъ, они предварительно осушали цѣлую миску пунша. Народъ кричалъ ему

въ отвѣтъ „ура“, но еще громче раздавалось ура въ честь арлекина, когда тотъ выходилъ и передразнивалъ оратора.

Шутъ презабавно острилъ, попивая медъ изъ водочныхъ рюмокъ, которыя потомъ бросалъ въ толпу, а люди ловили ихъ; у дѣдушки даже хранилась такая рюмочка; ее поймалъ одинъ каменщикъ и подарилъ ему. То-то было веселье! И вотъ вывѣска висѣла на новомъ домѣ вся въ зелени и цвѣтахъ.

„Такого торжества не забудешь никогда, до какой бы глубокой старости не дожилъ!“—говаривалъ дѣдушка; и онъ таки не забылъ, хотя и много хорошаго видѣлъ на своемъ вѣку. Много о чемъ могъ онъ поразсказать, но забавнѣе всего разсказывалъ о томъ, какъ распорядилась вывѣсками въ большомъ городѣ буря.

Дѣдушкѣ еще мальчикомъ довелось побывать въ этомъ городѣ вмѣстѣ со своими родителями, и это было въ первый разъ въ его жизни. Увидя на улицѣ толпы народа, онъ вообразилъ, что здѣсь тоже готовится торжество перемѣщенія вывѣсокъ, а сколько ихъ тутъ было! Если бы собрать да развѣсить ихъ по стѣнамъ, понадобилась бы сотня комнатъ! На вывѣскѣ портного были нарисованы всевозможные костюмы; онъ могъ перекроить любого человѣка изъ грубаго въ изящнаго. На вывѣскѣ табачнаго торговца красовались прелестные мальчуганы съ сигарами во рту,—ну, совсѣмъ, какъ живые! На нѣкоторыхъ вывѣскахъ было намалевано масло, на другихъ — селедки, на третьихъ пасторскіе воротнички, гробы и всевозможныя надписи. Можно было съ утра до вечера ходить взадъ и впередъ по улицамъ и до-сыта налюбоваться этими картинками да кстати и разузнать, гдѣ какіе живутъ люди,—они, вѣдь, сами вывѣшивали свои вывѣски. А это очень хорошо въ такомъ большомъ городѣ—говорилъ дѣдушка: очень полезно знать, что дѣлается за стѣнами домовъ!

И надо же было случиться съ вывѣсками такой оказіи, какая случилась съ ними какъ разъ къ прибытію въ городъ дѣдушки. Онъ самъ разсказывалъ объ этомъ, и безъ всякихъ плутовскихъ ужимокъ, означавшихъ,—какъ увѣряла мама—что онъ собирался подурачить меня. Нѣтъ, тутъ онъ смотрѣлъ совсѣмъ серьезно.

Въ первую же ночь по прибытіи его въ городъ, разыгралась такая буря, о какой и въ газетахъ никогда не читали, какой не запомнили и старожилы. Кровельныя черепицы летали въ воздухѣ, старые заборы ложились плашмя, а одна тачка такъ прямо

покатилась по улицѣ, чтобы спастись отъ бури. Въ воздухѣ шумѣло, гудѣло, выло, буря свирѣпствовала. Вода выступала изъ каналовъ,—она просто не знала, куда ей дѣваться въ такой вѣтеръ. Буря проносилась надъ городомъ и срывала съ крышъ дымовыя трубы. Сколько покривилось въ ту ночь церковныхъ шпицовъ! И они не выпрямилось уже никогда!

Противъ дома стараго, почтеннаго и вѣчно опаздывавшаго брандмайора стояла караульная будка; буря не захотѣла оставить ему этотъ знакъ почета, сорвала будку со шкворня, покатила по улицѣ и—что всего удивительнѣе—оставила ее передъ домомъ, гдѣ жилъ бѣднякъ-плотникъ, спасшій на послѣднемъ пожарѣ изъ огня трехъ человѣкъ. Конечно, сама-то будка не имѣла при этомъ никакого злого умысла!

Вывѣску цирульника, большой мѣдный тазъ, сорвало и занесло въ оконное углубленіе дома совѣтника. Это ужъ смахивало на злой умыселъ,—говорили сосѣди—всѣ, вѣдь, даже ближайшія пріятельницы, называли госпожу совѣтницу „бритвою". Она была такъ умна и знала о людяхъ куда больше, чѣмъ они сами о себѣ!

Вывѣска съ нарисованною на ней сушеною треской перелетѣла на дверь сотрудника одной изъ газетъ. Со стороны бури это было плоской шуткой; буря, видно, забыла, что съ сотрудникомъ газетъ шутки плохія,—онъ царь въ своей газетѣ и въ собственныхъ глазахъ.

Флюгерный же пѣтухъ перелетѣлъ на крышу сосѣдняго дома, да тамъ и остался—въ видѣ злѣйшей насмѣшки,—говорили сосѣди.

Бочка бочара перенеслась къ мастерской дамскихъ нарядовъ.

Меню кухмистера, висѣвшее въ тяжелой рамкѣ надъ его дверью, буря помѣстила надъ входомъ въ театръ, мало посѣщаемый публикою. Забавная вышла афиша: „Супъ изъ хрѣна и фаршированная капуста". Но тутъ-то публика и повалила въ театръ.

Лисья шкурка, вывѣска честнаго скорняка, повисла на ручкѣ колокольчика у дверей одного молодого человѣка, который не пропускалъ ни одной церковной службы, смотрѣлъ „сложеннымъ дождевымъ зонтикомъ", стремился къ истинѣ и былъ „примѣрнымъ молодымъ человѣкомъ", по отзыву своей тетки.

Вывѣска съ надписью „Высшее учебное заведеніе" перенеслась на билліардный клубъ, а самое учебное заведеніе получило

вывѣску съ надписью: „Здѣсь вскармливаютъ дѣтей на рожкѣ“. И остроумнаго въ томъ ничего не было,—одна неучтивость, но съ бурей, вѣдь, ничего не подѣлаешь—вздумала и сдѣлала!

Ужасная выдалась ночка! Къ утру—подумайте только!—всѣ вывѣски въ городѣ были перемѣщены, причемъ въ иныхъ мѣстахъ вышла такая злая насмѣшка, что дѣдушка даже и говорить о томъ не хотѣлъ, а только посмѣивался про себя,—я это отлично замѣтилъ—значитъ, у него было что-то на умѣ!

Бѣдные городскіе жители, особенно же пріѣзжіе, совсѣмъ сбились съ толку, попадали совсѣмъ не туда, куда хотѣли, и что мудренаго, если они руководились только вывѣсками! Инымъ хотѣлось, напримѣръ, попасть въ серьезное собраніе пожилыхъ людей, занимающихся обсужденіемъ дѣльныхъ вопросовъ, и вдругъ они попадали въ школу къ мальчишкамъ-крикунамъ, готовымъ прыгать по столамъ!

Многіе ошибались церковью и театромъ, а это, вѣдь, ужасно!

Подобной бури въ наши дни ужъ не было; это только дѣдушкѣ довелось пережить такую, да и то мальчуганомъ. Подобной бури, можетъ быть, и вовсе не случится въ наше время, а развѣ при нашихъ внукахъ. Но ужъ надѣемся и пожелаемъ, чтобы они благоразумно оставались по домамъ, пока буря будетъ перемѣщать вывѣски!

ЧАЙНИКЪ.

Чайникъ былъ таки горденекъ; онъ гордился и фарфоромъ своимъ, и длиннымъ носикомъ, и широкой ручкою—всѣмъ. У него была приставка и спереди, и сзади; спереди—носикъ, сзади—ручка; объ этомъ-то онъ и говорилъ. О томъ же, что крышка у него была разбита и склеена—молчалъ. Это, вѣдь, недостатокъ, а кто же любитъ говорить о своихъ недостаткахъ,—это и другіе сдѣлаютъ. Чашки, сливочникъ, сахарница, словомъ, весь чайный приборъ, конечно, больше помнилъ и охотнѣе говорилъ о недостаткѣ чайника, нежели о его прекрасной ручкѣ и о великолѣпномъ носикѣ. Чайникъ зналъ это.

„Знаю я ихъ!“ разсуждалъ онъ самъ съ собою. „Знаю и сознаю и свой недостатокъ,—я скроменъ, смирененъ! Недостатки у всѣхъ у насъ есть, но у каждаго есть зато и свои преимущества. У чашекъ есть ручка, у сахарницы—крышка, а у меня и то и другое, да еще кое-что сверхъ того, чего у нихъ ни-

когда не будетъ—носикъ! Благодаря ему, я—король всего чайнаго стола. Сахарницѣ и сливочнику тоже выпало на долю услаждать вкусъ, но я—главный; я утоляю жажду людей; во мнѣ кипящая безвкусная вода перерабатывается въ китайскій ароматный напитокъ!“

Все это говорилъ чайникъ въ пору безпечальной юности. Тогда онъ стоялъ на накрытомъ столѣ; чай разливала тонкая изящная ручка, но не ловка она была, чайникъ выскользнулъ изъ нея, упалъ и—носика какъ не бывало, ручки тоже, о крышкѣ же и говорить нечего,—о ней сказано уже довольно. Калѣка-чайникъ безъ чувствъ лежалъ на полу, горячая вода бѣжала изъ него ручьемъ. Ему былъ нанесенъ тяжелый ударъ, и тяжелѣе всего было то, что смѣялись-то не надъ неловкою рукою, а надъ нимъ.

„Этого мнѣ никогда не забыть!“ говорилъ чайникъ, разсказывая впослѣдствіи свою біографію самому себѣ. „Меня прозвали калѣкою, ткнули куда-то въ уголъ, а на другой день подарили женщинѣ, получавшей обыкновенно остатки со стола. Пришлось мнѣ попасть въ бѣдную обстановку, стоять безъ пользы, безъ всякой цѣли—и внутренней и внѣшней. Но вотъ стоялъ я, стоялъ, и вдругъ—для меня началась новая, лучшая жизнь. Да, бываешь тѣмъ, а становишься совсѣмъ инымъ. Меня набили землею,—для чайника это то же, что быть зарытымъ въ землю, но въ эту землю посадили цвѣточную луковицу. Кто посадилъ, кто подарилъ ее мнѣ, не знаю, но она была дана мнѣ взамѣнъ китайской травки, взамѣнъ кипятка, взамѣнъ отбитой ручки и носика. Луковица лежала въ землѣ, лежала во мнѣ, стала моимъ сердцемъ, моимъ живымъ сердцемъ, какого прежде во мнѣ никогда не бывало. И во мнѣ зародилась жизнь, закипѣли силы, забился пульсъ; луковица пустила ростки; она готова была лопнуть отъ избытка мыслей и чувствъ. Они и вылились въ цвѣткѣ! Я любовался на него, я держалъ его въ своихъ объятіяхъ, я забывалъ себя самого ради его красоты. Какое блаженство забывать себя самого ради другихъ! А цвѣтокъ даже не сказалъ мнѣ за то спасибо, онъ и не думалъ обо мнѣ,—ему всѣ удивлялись, имъ всѣ восхищались, и если я былъ такъ радъ этому, то какъ же долженъ былъ радоваться онъ самъ? Но вотъ, однажды, я услышалъ слова: „такой цвѣтокъ достоинъ лучшаго горшка!“ Меня разбили... Ужасно было больно! Зато цвѣтокъ пересадили въ лучшій горшокъ! Меня же выбросили

на дворъ, и я теперь валяюсь тамъ, какъ старый черепокъ, но воспоминаній моихъ у меня никто не отниметъ!

ПТИЦА НАРОДНОЙ ПѢСНИ.

Зимняя пора; земля покрыта снѣжною корою, словно пластомъ мрамора, высѣченнаго изъ скалы; небо ясное, чистое; вѣтеръ колетъ, какъ остріе выкованнаго гномами меча; деревья похожи на бѣлые кораллы, на цвѣтущія миндальныя дерева; свѣжо здѣсь, какъ на вершинахъ Альпъ. Чудная ночь озаряется сѣвернымъ сіяніемъ и мерцаніемъ безчисленныхъ звѣздочекъ.

Завыли бури, облака собираются на небѣ стаями и отряхаютъ свое лебединое опереніе; снѣжные хлопья порхаютъ въ воздухѣ и усыпаютъ дорогу, домъ, открытое поле и глухіе переулки. А мы-то сидимъ у себя въ уютной комнатѣ, у пылающей печки и слушаемъ разсказы о старинѣ—сагу.

„У открытаго моря возвышается могильный курганъ; на немъ появляется въ полночный часъ призракъ погребеннаго тамъ героя, конунга. Золотой обручъ блеститъ на его челѣ, волоса развѣваются по вѣтру, грудь закована въ латы. Онъ печально поникъ головою и глубоко, горько вздыхаетъ, словно духъ обреченный на муки.

Мимо плыветъ корабль. Мореплаватели бросаютъ якорь и пристаютъ къ берегу. Между ними скальдъ; онъ подступаетъ къ призраку и вопрошаетъ его: „О чемъ ты скорбишь и страждешь?“

Мертвецъ отвѣчаетъ: „Никто не воспѣлъ моихъ подвиговъ; они забыты, умерли вмѣстѣ со мною. Пѣснь не разноситъ мою славу по свѣту, не говоритъ о ней сердцамъ людей—вотъ отчего я не знаю покоя въ могилѣ!“

И онъ повѣдалъ о своихъ славныхъ дѣлахъ и подвигахъ, оставшихся невоспѣтыми въ его время,—не было скальда.

Старый скальдъ схватываетъ свою арфу, ударяетъ по струнамъ ея... и льется пѣснь о мужествѣ героя въ юности, о силѣ его въ годахъ зрѣлости, о всѣхъ его великихъ и добрыхъ дѣяніяхъ! Лицо умершаго проясняется, словно край облака освѣщенный луною. Яркое сіяніе озаряетъ призракъ... Мгновеніе—и оно погасаетъ, словно снопъ сѣвернаго сіянія, а вмѣстѣ съ нимъ исчезаетъ и самый призракъ“.

На томъ мѣстѣ остался только зеленый холмъ, да голые камни, безъ надписей. Но надъ ними взвилась, одновременно съ послѣднимъ ударомъ скальда по струнамъ, прелестная птичка. Она какъ будто вылетѣла изъ самой арфы. Это пѣвчая птичка; она разсыпаетъ трели, какъ звонкій дроздъ, поетъ и задушевнымъ человѣческимъ голосомъ; въ ея пѣніи слышатся родные отголоски. Птичка понеслась надъ скалами, надъ долинами, надъ полями и лѣсами; то была безсмертная птица народной пѣсни!

Мы слушаемъ ея пѣніе, слушаемъ его сейчасъ, сидя вечернею порою въ теплой комнатѣ; на дворѣ же въ это время летаютъ бѣлые пчелы и воетъ буря. Птичка поетъ намъ не только суровыя богатырскія пѣсни, но и нѣжныя любовныя мелодіи о любви сѣверянъ; она знаетъ ихъ безъ конца, безъ счета. Знаетъ она и сказки, и пословицы, и поговорки въ стихахъ; она истолковываетъ намъ на нашемъ родномъ языкѣ руны—языкъ мертвецовъ, заставляетъ говорить умершія поколѣнія, и мы узнаемъ ихъ житье-бытье; оно воскресаетъ передъ нами.

Въ древнія языческія времена, во времена викинговъ, гнѣздо птицы качалось на струнахъ арфы скальда. А въ рыцарскую эпоху, когда кулакъ склонялъ чашки вѣсовъ правосудія, когда сила была правомъ, когда крестьянъ мѣняли на собакъ—тогда гдѣ находила себѣ пріютъ птица народной пѣсни? Невѣжеству и мелочности не до нея было, но въ оконной нишѣ сидѣла за пергаментомъ благородная владѣтельница замка и записывала старыя преданія въ пѣсняхъ, которыя сказывала ей старушка изъ крестьянской хижины или странствующій коробейникъ, и вотъ тутъ-то вилась и щебетала безсмертная птичка! Птица народной пѣсни, вѣдь, не умретъ, пока на землѣ останется для ея ногъ хоть единая точка опоры!

Теперь она поетъ намъ въ теплой, уютной комнатѣ, а на дворѣ бушуетъ снѣжная мятель, царитъ мракъ. Птица переводитъ на нашъ языкъ древнія руны, и, благодаря ей, мы познаемъ свою родину. Самъ Богъ говоритъ намъ на нашемъ родномъ языкѣ устами птички. Старыя преданія возстаютъ изъ могилъ, потускнѣвшія краски освѣжаются. Пѣсня и сказаніе—благодатный напитокъ, возвышающій душу и мысль. Простой зимній вечеръ становится рождественскимъ сочельникомъ! Вьюга крутится, ледъ трещитъ, буря бушуетъ; она сильна, она господствуетъ, но надъ нею есть еще Господинъ.

Зимняя пора; вѣтеръ колетъ, какъ остріе меча, выкованнаго гномами; вьюга крутится; сдается, что она крутится уже цѣлые дни, недѣли, что весь городъ погребенъ подъ снѣжными сугробами и погруженъ въ тяжелый зимній сонъ. Все занесено снѣгомъ; надъ бѣлою насыпью возвышается только золотой крестъ церкви, символъ вѣры въ Распятаго, и сіяетъ подъ лучами солнца.

И вотъ надъ погребеннымъ городомъ пролетаютъ птички небесныя, большія, и малыя. Онѣ щебечутъ, поютъ, каждая по своему.

Прежде всѣхъ являются воробьи. Они чирикаютъ о малыхъ міра сего, обитающихъ въ улицахъ и переулкахъ, гнѣздахъ и домахъ. Они знаютъ, что творится и въ большихъ домахъ, и въ надворныхъ флигеляхъ. „Знаемъ мы этотъ погребенный городъ!" говорятъ они. „Все живое въ немъ чирикаетъ по-своему! Пипъ! Пипъ!"

Надъ бѣлою снѣжною пеленой пролетаютъ и черные вóроны и ворóны. „Каръ! Каръ!" кричатъ они. „Городъ похороненъ! Но тамъ всетаки найдется еще чѣмъ набить зобы! А это, вѣдь, первое дѣло! Такъ думаетъ большинство, а оно всегда пра-пра-право!"

Пролетаютъ, шумя крылами, и дикіе лебеди и поютъ о всемъ великомъ и прекрасномъ, что еще пробивается изъ сердецъ и мыслей людей, обитающихъ въ этомъ занесенномъ снѣгомъ городѣ.

Но не смерть тамъ царитъ; тамъ кипитъ жизнь. Мы внемлемъ ей; она выливается въ звукахъ, мощныхъ, какъ звуки церковного органа, хватающихъ за сердце, какъ мелодіи изъ „Лѣсного холма", какъ пѣснь Оссіана, какъ бурный полетъ валькирій! Какія созвучія! Они говорятъ нашему сердцу, возвышаютъ мысли,—мы внемлемъ имъ въ пѣніи птицы народной пѣсни! Мы внемлемъ ея пѣнію, и—съ неба вѣетъ теплымъ дыханіемъ Божіимъ, ледяная кора даетъ трещины, въ нихъ проникаютъ лучи солнца, вѣстники шествующей весны, прилетаютъ птицы—новыя птицы все съ тѣми же старыми, родными пѣснями! Слушай-же, слушай эпосъ года! Неистовство снѣжной бури, тяжелый сонъ зимней ночи—все исчезаетъ, все забывается при звукахъ чуднаго пѣнія безсмертной птицы народной пѣсни!

ЗЕЛЕНЫЯ КРОШКИ.

На окнѣ стоялъ розанъ; недавно еще онъ былъ такъ свѣжъ, а теперь что-то началъ чахнуть, хирѣть.

У него завелись постояльцы, которые стали пожирать его, постояльцы, впрочемъ, очень почтенные, носившіе зеленый мундиръ.

Я имѣлъ разговоръ съ однимъ изъ нихъ; ему было всего три дня отъ роду, а онъ уже имѣлъ правнуковъ. И знаете, что онъ сказалъ мнѣ? Онъ говорилъ о самомъ себѣ и о прочихъ постояльцахъ и говорилъ одну правду.

„Мы замѣчательнѣйшее войско въ свѣтѣ. Въ теплое время года мы производимъ живыхъ малютокъ; погода въ это время хороша, и они сейчасъ же сватаются и играютъ свадьбы. Въ холодное же время года мы кладемъ яички,—малюткамъ тепло въ нихъ. Мудрѣйшія созданія, муравьи—мы питаемъ къ нимъ глубочайшее уваженіе—изучаютъ насъ, цѣнятъ насъ. Они не пожираютъ насъ тотчасъ же, а берутъ наши яички, уносятъ ихъ въ свою семейную кучу, въ самый нижній этажъ, и укладываютъ тамъ очень толково по нумерамъ, рядышкомъ, слоями, такъ, чтобы каждый день имѣть новорожденнаго малютку. Потомъ муравьи ставятъ насъ въ хлѣвъ и щекочатъ, т.-е. доятъ. Послѣ того мы ужъ умираемъ. То-то хорошо! Муравьи называютъ насъ прелестнѣйшимъ именемъ, „сладкими дойными коровками"! Всѣ животныя, одаренныя муравьинымъ разумомъ, зовутъ насъ такъ, всѣ, кромѣ людей! И это такая обида для насъ. Просто впору лишиться всей своей сладости! Не можете-ли вы написать что-нибудь противъ этого, не можете-ли какъ-нибудь усовѣстить этихъ людей! Они смотрятъ на насъ такъ глупо, злятся, что мы поѣдаемъ листья розана, а сами пожираютъ на землѣ все живое, все, что только растетъ и зеленѣетъ! Они даютъ намъ самое презрѣнное, самое отвратительнѣйшее имя! Я не произнесу его! У! Какъ подумаю только, у меня внутри все переворачивается! Я не могу выговорить его, по крайней мѣрѣ—въ мундирѣ, а я всегда въ мундирѣ.

Я родился на листкѣ розана; я и весь нашъ полкъ живемъ имъ, но онъ въ свою очередь оживаетъ въ насъ, а мы, вѣдь, принадлежимъ къ высшему разряду твореній. Люди насъ не терпятъ, приходятъ и смываютъ насъ мыльною водою. Прескверный напитокъ! Право, мнѣ все кажется—гдѣ-то пахнетъ имъ?! И каково перенести такое мытье, если природа твоя совсѣмъ не терпитъ мытья!

Человѣкъ! Ты смотришь на меня такими сердитыми мыльными глазами, но вспомни наше мѣсто въ природѣ, наше искусное устройство: мы кладемъ яйца и производимъ живыхъ

малютокъ! Вспомни, что и намъ данъ завѣтъ „плодиться и размножаться“! Мы родимся на розахъ и умираемъ на розахъ; вся наша жизнь—чистѣйшая поэзія. Не клейми же насъ позорнымъ, гнуснымъ именемъ, котораго я не произнесу ни за что! Зови насъ „дойными коровками муравьевъ“, „гвардіей розана“, „зелеными крошками“!

А я, „человѣкъ“, стоялъ и смотрѣлъ на розанъ и на „зеленыхъ крошекъ“, которыхъ не назову по имени, чтобы не оскорбить гражданъ розана, большое семейство, кладущее яйца и производящее живыхъ малютокъ. Мыльную же воду, которою я хотѣлъ смыть ихъ—я явился именно съ этимъ злымъ намѣреніемъ—я рѣшилъ вспѣнить: буду пускать мыльные пузыри и любоваться роскошью ихъ красокъ! Какъ знать, можетъ быть, въ каждомъ пузырѣ сидитъ сказка?

И вотъ, я выдулъ пузырь, большой, блестящій, отливающій всѣми цвѣтами радуги; на днѣ его какъ будто лежала бѣлая серебристая жемчужина. Пузырь колебался нѣсколько мгновеній на концѣ трубочки, потомъ вспорхнулъ, полетѣлъ къ двери и—лопнулъ. Въ ту же минуту дверь распахнулась, и на порогѣ показалась сама бабушка-сказка!

Ну, она лучше меня разскажетъ вамъ сказку о—нѣтъ я не назову ихъ—о зеленыхъ крошкахъ!

О „травяныхъ вшахъ“!—сказала бабушка-сказка.—Каждую вещь слѣдуетъ называть настоящимъ именемъ, и если ужъ боятся это дѣлать въ дѣйствительной жизни, то пусть не боятся хоть въ сказкѣ!

ДОМОВОЙ И ХОЗЯЙКА.

Ты знаешь домового, а хозяйку знаешь? Жену садовника? Она была начитана, знала наизусть много стиховъ и даже бойко сочиняла ихъ сама. Вотъ только риѳмы, „спайки“—какъ она ихъ называла—давались ей не безъ труда. Да, у нея былъ и писательскій талантъ и ораторскій; она могла бы быть хоть пасторомъ, по крайней мѣрѣ—пасторшею!

— Какъ хороша земля въ воскресномъ уборѣ!—сказала она и поспѣшила облечь эту мысль въ стихи со „спайками“, очень красивые и длинные.

Семинаристъ, господинъ Киссерупъ,—имя тутъ, впрочемъ, ни при чемъ—сынъ сестры садовника, гостившій у нихъ, услы-

шалъ стихи хозяйки и заявилъ, что они очень, очень хороши!

— Да, на васъ лежитъ печать генія, сударыня!—прибавилъ онъ.

— Экій вздоръ!—сказалъ садовникъ.—Не вбивайте ей ничего такого въ голову! Женщина прежде всего должна обладать наружностью, приличною наружностью, и дѣло ея—смотрѣть за тѣмъ, чтобы каша въ горшкѣ не прикипѣла, да не подгорѣла!

— Пригаръ я очищу древеснымъ углемъ!—отвѣтила жена:—А накипь на душѣ у тебя сниму поцѣлуемъ! Подумаешь, право, что у тебя на умѣ одна капуста, да картофель, а ты, вѣдь, любишь и цвѣты!—И она поцѣловала его.—Цвѣты, это и есть поэзія!—прибавила она.

— Смотри за кашей!—повторилъ онъ и ушелъ въ садъ,—у него была своя каша, за которою слѣдовало смотрѣть.

А семинаристъ остался сидѣть съ хозяйкой. Ея слова: „Какъ хороша земля!“ онъ развилъ въ цѣлую проповѣдь—въ своемъ духѣ.

— Земля прекрасна; „наслѣдуйте землю“, было сказано людямъ, и они стали господами на землѣ. Одинъ добился этого, благодаря своимъ духовнымъ дарованіямъ, другой—физическимъ; одинъ былъ пущенъ въ свѣтъ вопросительно-восклицательнымъ знакомъ, другой многоточіемъ, такъ что невольно спрашиваешь: зачѣмъ онъ въ сущности явился? Одинъ становится епископомъ, другой остается бѣднымъ семинаристомъ, но все на свѣтѣ устроено одинаково премудро. Земля прекрасна и всегда въ праздничномъ уборѣ! Это стихотвореніе пробуждаетъ столько думъ, сударыня! Оно полно чувства и знанія географіи.

— На васъ тоже лежитъ печать генія!—замѣтила хозяйка.—Увѣряю васъ! Бесѣдуя съ вами, начинаешь ясно понимать себя!

И они продолжали бесѣду въ томъ же прекрасномъ, возвышенномъ духѣ. А въ кухнѣ тоже кто-то велъ бесѣду—домовой! Домовой въ сѣромъ балахонѣ и красненькой шапочкѣ. Ты знаешь его! Онъ былъ въ кухнѣ, обозрѣвалъ тамъ горшки. Онъ тоже говорилъ, но его никто не слушалъ, кромѣ большого чернаго кота, „сливкокрада“, какъ величала его хозяйка.

А на нее домовой былъ очень сердитъ,—онъ зналъ, что она не вѣритъ въ его существованіе. Правда, она и не видала его никогда, но все же была, кажется, достаточно просвѣщена, чтобы знать о его существованіи и оказывать ему хоть нѣкоторое вниманіе. Ей вотъ, небось, не приходило на умъ уго-

стить его въ сочельникъ хоть ложкой каши! А ее получали всѣ его предки, даромъ что хозяйки ихъ были совсѣмъ неученыя! И какую кашу! Она такъ и плавала въ маслѣ и въ сливкахъ!

У кота даже слюнки потекли при одномъ упоминаніи о ней.

— Она называетъ меня „понятіемъ“!—говорилъ домовой.— Ну, это выше всѣхъ моихъ понятій. Она прямо таки отрицаетъ мое существованіе. Я ужъ разъ подслушалъ ея рѣчи и теперь опять хочу пойти подслушивать. Ишь, сидитъ и шушукается тамъ съ этимъ „сѣкуторомъ“, семинаристомъ! А я повторю за хозяиномъ: „Смотри лучше за кашей!“ Но она и не думаетъ объ этомъ. Постой же, я заставлю кашу кипѣть черезъ край!— И домовой раздулъ огонь. У! какъ зашипѣло, загорѣлось! Каша такъ и побѣжала изъ горшка.—А теперь пойду и понадѣлаю дыръ въ чулкахъ хозяина!—продолжалъ онъ.—Большихъ дыръ и въ пяткахъ, и въноскахъ. Будетъ ей тогда чѣмъ заняться, если останется досугъ отъ риѳмоплетства! Штопай-ка лучше мужнины чулки, сударыня-поэтесса!

Котъ въ отвѣтъ на это чихнулъ; онъ простудился, хоть и ходилъ въ шубѣ.

— Я открылъ дверь въ кладовую!—сказалъ домовой.—Тамъ стоятъ кипяченыя сливки, густыя, что твой кисель! Хочешь вылакать? Не то я самъ вылакаю!

— Нѣтъ, ужъ коли терпѣть побои, такъ было бы за что! Я вылакаю!—отвѣтилъ котъ.

— Потѣшь язычокъ, а потомъ тебѣ почешутъ спинку!— сказалъ домовой.—Теперь я пойду въ комнату семинариста, повѣшу его подтяжки на зеркало, а носки суну въ умывальный тазъ съ водою,—пусть думаетъ, что пуншъ былъ черезчуръ крѣпокъ, и что у него въ головѣ шумѣло. Сегодня ночью я сидѣлъ на дровахъ возлѣ собачьей конуры. Мнѣ ужасно нравится дразнить цѣпную собаку, я и давай болтать ногами. Собака, какъ ни прыгала, не могла достать до нихъ, злилась и лаяла. А я-то себѣ болтаю да болтаю ногами! То-то потѣха была! Семинаристъ проснулся отъ шума, три раза вставалъ съ постели и смотрѣлъ въ окно, но меня-то ужъ ему не увидать, даромъ что онъ въ очкахъ. Онъ и спитъ въ нихъ!

— Ты мяукни, когда хозяйка придетъ!—сказалъ котъ.— А то я не услышу,—я сегодня боленъ.

— Язычкомъ ты боленъ, вотъ что! Ну, лакай—выздорав-

ливай скорѣе! Только оботри рыльце, а то сливки съ усовъ каплютъ. Ну, а теперь я пойду подслушивать.

И домовой подкрался къ двери, а дверь-то стояла полуотворенною. Въ комнатѣ не было никого, кромѣ хозяйки и семинариста. Они говорили о томъ, что̀ семинаристъ такъ прекрасно называлъ „печатью генія“ и ставилъ выше всякихъ горшковъ и кашъ въ любомъ хозяйствѣ.

— Господинъ Киссерупъ!—начала хозяйка.—Я хочу воспользоваться случаемъ, показать вамъ что-то, чего еще не показывала ни единой живой душѣ, особенно мужчинѣ,—мои маленькіе стишки. Нѣкоторые изъ нихъ, впрочемъ, нѣсколько длинноваты! Я назвала ихъ „спайки дщери Даніи“; я, знаете, люблю больше старинныя слова.

— Такъ и подобаетъ!—сказалъ семинаристъ.—Нѣмецкія же слова слѣдуетъ совсѣмъ изгнать изъ языка.

— Вотъ, я такъ и дѣлаю! Я никогда не говорю „Kleiner“ или „Butterdeig“, а всегда „лепешки“ и „сдобное тѣсто“.

И она вынула изъ ящика стола тетрадь въ свѣтло-зеленой обложкѣ, на которой красовались два клякса.

— Въ этой тетрадкѣ очень много серьезнаго!—сказала она.—Меня все больше тянетъ къ печальному. Вотъ „Ночные вздохи“, „Моя вечерняя заря“, вотъ „Наконецъ, я твоя, мой Клеменъ!“ Это стихотвореніе посвящено моему мужу, но его можно пропустить, хотя оно и очень прочувствовано и продумано. Вотъ „Обязанности хозяйки“—это лучшая вещь! Но всѣ стихи грустны,—въ этомъ моя сила. Тутъ есть только одна вещь въ шутливомъ духѣ. Я излила въ ней свои веселыя мысли—находятъ на человѣка и такія—мысли о... Да вы не смѣйтесь надо мною! Мысли о положеніи поэтессы! До сихъ поръ объ этомъ знала только я, да мой ящикъ, а теперь узнаете вотъ вы. Я люблю поэзію, и на меня часто находитъ поэтическое настроеніе. Въ такія минуты я сама не своя. Все это я и высказала въ „Крошкѣ Домовомъ!“ Вы, вѣдь, знаете старинное народное повѣрье о домашнемъ духѣ, который вѣчно проказитъ въ домѣ? И вотъ, я изобразила себя домомъ, а поэзію, волнующее меня поэтическое настроеніе—домовымъ. Я воспѣла могущество и величіе „Крошки Домового!“ Но вы должны дать мнѣ слово никогда не проговориться объ этомъ моему мужу или кому бы то ни было. Читайте вслухъ,—я хочу видѣть, разбираете-ли вы мой почеркъ!

И семинаристъ читалъ, а хозяйка слушала; слушалъ и до-

мовой. Онъ, вѣдь, какъ ты знаешь, собирался подслушивать и подошелъ какъ разъ въ ту минуту, когда прочли заглавіе „Крошка-Домовой".

— Э, да дѣло-то идетъ обо мнѣ!—сказалъ онъ.—Что она могла написать обо мнѣ? Постой же, дойму я тебя! Буду воровать у тебя яйца, цыплятъ, выгонять жиръ изъ теленка! Вотъ-что, сударыня-хозяюшка! Скажите пожалуйста!

И онъ навострилъ уши. Но вотъ онъ слышитъ о величіи и могуществѣ домового, о его власти надъ хозяйкой,—она, вѣдь, подразумѣвала подъ домовымъ поэтическое настроеніе, но домовой понялъ все это буквально—и лицо его стало расплываться въ улыбку, глазки заблестѣли отъ удовольствія, губы сложились въ важную мину; онъ даже невольно привсталъ на цыпочки и выросъ на цѣлый вершокъ! Ахъ, онъ былъ въ такомъ восторгѣ отъ всего сказаннаго о „Крошкѣ Домовомъ"!

— А въ хозяйкѣ-то и впрямь сидитъ геній! И какъ она образована! Я былъ ужасно несправедливъ къ ней! Она помѣстила меня въ свои „спайки"; ихъ напечатаютъ и прочтутъ!.. Ну, ужъ полно теперь коту лакать хозяйкины сливки,—я самъ буду лакать ихъ! Одинъ все же выпьетъ меньше, чѣмъ двое, вотъ и экономія! Я и буду теперь соблюдать ее, буду почитать и уважать хозяйку!

„Сколько, однако, въ немъ человѣческаго!" подумалъ старый котъ. „Стоило хозяйкѣ польстивѣе мяукнуть ему, и онъ сейчасъ запѣлъ на иной ладъ! Хитра она, хозяйка-то!"

Но она вовсе не была хитра; хитеръ-то былъ домовой,—въ немъ было много человѣческаго!

Если ты не понимаешь этой исторіи, то попроси объясненія—только не у домового, да и не у хозяйки.

ПЕЙТЕРЪ, ПЕТРЪ И ПЕЙРЪ.

Ужасно много знаютъ нынѣшнія дѣти! И не придумаешь, кажется, чего бы они не знали. Разсказъ о томъ, что аистъ принесъ ихъ папашѣ съ мамашей изъ пруда или изъ колодца, считается теперь такою старою исторіею, что они ей и вѣрить не хотятъ больше. А, вѣдь, нѣтъ ничего достовѣрнѣе ея!

Но какъ же попадаютъ малютки въ прудъ или колодезь? Да, это знаетъ не всякій, но кое-кто всетаки знаетъ. Вы вгляды-

вались когда-нибудь, какъ слѣдуетъ, въ небо ясною, звѣздною ночью? Видѣли падающія звѣздочки? Блестящая звѣздочка вдругъ скатывается съ неба и исчезаетъ! Первые ученые въ свѣтѣ и тѣ не въ состояніи объяснить, чего сами не знаютъ, но если знаешь, въ чемъ тутъ дѣло—объяснить не трудно. Съ неба какъ будто падаетъ и гаснетъ елочная свѣчка; но это не свѣчка, а душевная искорка, посылаемая Господомъ Богомъ на землю. Попавъ въ густую, тяжелую земную атмосферу, она вспыхиваетъ послѣднимъ блескомъ и дѣлается уже невидимою для нашего глаза,—она, вѣдь, куда тоньше, эфирнѣе нашего воздуха. Это дитя неба, ангелочекъ, только безъ крылышекъ: онъ долженъ стать человѣкомъ. Тихо скользитъ онъ по воздуху, вѣтерокъ подхватываетъ его и переноситъ на цвѣтокъ—въ чашечку ночной фіалки, одуванчика, розы, или гвоздики; тамъ дитя приходитъ въ себя. Легко и воздушно крошечное существо, муха могла бы унести его, а пчела и подавно. И тѣ, и другія и являются пить изъ цвѣтка сладкій сокъ; если дитя мѣшаетъ имъ, онѣ не выбрасываютъ его,—имъ жалко малютку—а выносятъ его на солнышко и кладутъ на широкій листъ кувшинки. Дитя начинаетъ ползать по листу, сваливается въ воду, спитъ и растетъ тамъ, пока аистъ не увидитъ его и не отнесетъ въ семью, которой хотѣлось имѣть такого миленькаго крошку. Милъ онъ бываетъ или не милъ—зависитъ, впрочемъ, отъ того, чтó пилъ малютка: чистую-ли влагу источника, или наглотался тины и грязи; тина и грязь дѣлаетъ изъ малютки такое земное, низменное существо! Аистъ же не выбираетъ, а беретъ перваго попавшагося малютку. И вотъ, одинъ попадаетъ въ хорошую семью, къ прекраснымъ родителямъ, другой къ такимъ грубымъ, суровымъ людямъ, въ такую безысходную нужду, что лучше бы ему оставаться въ пруду.

Малютки совсѣмъ не помнятъ, что снилось имъ въ тѣни листка кувшинки, подъ пѣсни лягушекъ, баюкавшихъ ихъ своимъ кваканьемъ: „Ква-ква-ква!“ На нашемъ языкѣ это значитъ: „Ну, смотрите же, спите хорошенько!“

Не помнятъ они и того, въ какомъ цвѣткѣ лежали, или какой у него былъ запахъ, но у нихъ остается какое-то смутное влеченіе къ тому или къ другому цвѣтку, и, выросши, они говорятъ: „Вотъ это мой любимый цвѣтокъ!“ Это-то и есть тотъ самый, въ которомъ они лежали воздушными созданіями.

Аистъ доживаетъ до глубокой старости, но не перестаетъ

слѣдить за тѣмъ, какъ живется малюткамъ, которыхъ онъ принесъ, и какъ они сами ведутъ себя на свѣтѣ. Конечно, онъ не можетъ ничего сдѣлать для нихъ, не можетъ измѣнить условій ихъ жизни,—ему врядъ управиться съ заботами о своей семьѣ—но все же никогда не забываетъ о нихъ.

Я знаю одного стараго, весьма почтеннаго и свѣдущаго аиста, который доставилъ людямъ множество малютокъ и знаетъ исторію каждаго, а эти исторіи иногда ухъ какъ отзываются тиною и грязью! Я упросилъ его какъ-то разсказать мнѣ вкратцѣ біографію хоть одного малютки, а онъ отвѣтилъ, что я сейчасъ услышу біографіи цѣлыхъ трехъ. Дѣло пойдетъ о семьѣ Пейтерсенъ.

Это была очень милая семья; мужъ состоялъ въ числѣ тридцати двухъ „отцовъ города", а это ужъ было отличіемъ. Онъ весь отдавался дѣлу этихъ тридцати двухъ и отъ роду ему было тридцать два. Въ эту-то пору аистъ и принесъ къ нему въ домъ малютку Пейтера. На другой годъ аистъ принесъ другого, котораго назвали Петромъ, и на третій годъ—третьяго; этотъ получилъ имя Пейръ: всѣ эти имена, вѣдь, такъ подходятъ къ фамиліи Пейтерсенъ!

Итакъ, это были три родныхъ братца, три упавшія звѣздочки, лежавшія каждая въ своемъ цвѣткѣ, а потомъ попавшія въ прудъ подъ листокъ кувшинки. Оттуда же ихъ вынулъ аистъ и принесъ въ семью Пейтерсенъ, что живетъ въ угловомъ домѣ, какъ вамъ извѣстно.

Мальчики подростали, развивались и физически, и умственно, и вотъ, у нихъ уже возникли желанія быть кое-чѣмъ побольше, нежели ихъ отецъ—одинъ изъ „тридцати двухъ".

Пейтеръ говорилъ, что хочетъ быть разбойникомъ. Онъ видѣлъ въ театрѣ „Фра-Дьяволо" и рѣшилъ, что лучше ремесла разбойника и быть не можетъ.

Петръ хотѣлъ быть „мусорщикомъ", что разъѣзжаетъ съ мусорнымъ ящикомъ и трещоткой *), а Пейръ, мальчикъ милый, послушный, толстенькій, сдобный, страдавшій лишь однимъ недостаткомъ—привычкой обкусывать свои ногти—хотѣлъ быть „папашей". Такъ каждый и объявлялъ, когда ихъ спрашивали, чѣмъ они хотятъ быть.

*) Копенгагенскіе мусорщики, разъѣзжая по улицамъ, даютъ о себѣ знать громкою трескотнею на особой деревянной трещоткѣ. *Примѣч. перев.*

Вотъ они начали ходить въ школу. Одинъ сталъ первымъ ученикомъ, другой послѣднимъ и третій среднимъ, но это не мѣшало имъ быть одинаково добрыми и умными—по словамъ ихъ весьма опытныхъ родителей.

Они посѣщали дѣтскіе балы, курили тайкомъ сигары и преуспѣвали въ познаніяхъ и наукахъ.

Пейтеръ съ раннихъ лѣтъ былъ упрямъ, какъ и подобаетъ разбойнику. Онъ былъ очень непослушный мальчикъ, но это все оттого,—говорила мамаша—что онъ страдалъ глистами; непослушные дѣти всегда страдаютъ глистами—отъ тины въ желудкѣ. Его строптивость и настойчивость отозвались разъ на новомъ шелковомъ платьѣ мамаши.

— Не толкай стола, мой ягненочекъ!—сказала она.—Ты опрокинешь сливочникъ и забрызгаешь мое новое шелковое платье.

И „ягненочекъ“ твердою рукою взялъ сливочникъ и вылилъ сливки прямо на колѣни мамашѣ, а та только ахнула: „Ахъ, какъ нехорошо, ягненочекъ!“ Нельзя было, однако, не сознаться, что у ребенка твердая воля, твердая же воля показываетъ и твердость характера,—какъ тутъ не радоваться мамашѣ.

Изъ него и могъ бы выйти заправскій разбойникъ, но всетаки не вышелъ. Онъ только наружностью напоминалъ разбойника: ходилъ въ мягкой широкополой шляпѣ, съ голою шеей, носилъ длинные волосы. Ему хотѣлось быть художникомъ, но пока удалось лишь усвоить себѣ одежду и манеры художниковъ. Вдобавокъ ко всему этому не только онъ самъ сильно напоминалъ собою штокъ-розу, но и всѣ люди, которыхъ онъ рисовалъ, смотрѣли штокъ-розами,—такіе же длинные, худые! Пейтеръ очень любилъ этотъ цвѣтокъ; онъ, вѣдь, и лежалъ когда-то въ штокъ-розѣ,—объяснилъ аистъ.

Петръ лежалъ въ подсолнечникѣ. И улыбка у него была такая масляная, а цвѣтъ лица такой желтый, что право, кажется, поскобли его по щекѣ—изъ нея закапало бы подсолнечное масло! Ему какъ будто на роду было написано торговать масломъ,—даже вывѣска была на лицо—но въ душѣ онъ былъ и остался „мусорщикомъ съ трещоткою“. Онъ одинъ изъ всѣхъ (и „за всѣхъ“,—говорили сосѣди) членовъ семьи обладалъ музыкальнымъ талантомъ. Въ одну недѣлю онъ сочинилъ семнадцать новыхъ полекъ, а затѣмъ составилъ изъ нихъ оперу; въ оркестрѣ принимали участіе и дудка, и трещотка. Фу, ты, какъ вышло хорошо!

Пейръ былъ мальчикъ бѣлый, розовый, маленькій и заурядный; онъ лежалъ въ ромашкѣ. Его частенько колотили, но онъ никогда не давалъ сдачи, говоря, что онъ умнѣе всѣхъ, а умные всегда уступаютъ! Сначала онъ занимался собираніемъ грифелей, потомъ печатей, а потомъ завелъ себѣ маленькую зоологическую коллекцію; въ ней находился скелетъ колюшки, три слѣпыхъ крысенка въ спиртѣ и чучело крота. Пейръ чувствовалъ влеченіе къ наукѣ и къ изученію природы, что было очень пріятно и родителямъ и ему самому. Онъ, впрочемъ, охотнѣе ходилъ въ лѣсъ, чѣмъ въ школу, охотнѣе слѣдовалъ указаніямъ природы, нежели воспитанія. Братья его давно уже обзавелись невѣстами, а онъ все еще хлопоталъ надъ пополненіемъ своей коллекціи яицъ водяныхъ птицъ. Скоро онъ пріобрѣлъ куда болѣе обстоятельныя свѣдѣнія о животныхъ, нежели о людяхъ, и даже полагалъ, что мы, люди, далеко уступаемъ животнымъ въ томъ, что сами же ставимъ выше всего—въ любви. Онъ видѣлъ, напримѣръ, что самка соловья сидитъ на яицахъ, а самецъ всю ночь развлекаетъ ее своимъ пѣніемъ: „Клюкъ-клюкъ-клюкъ! Ци-ци! Лю-ли-лю-ли!“ Этого Пейръ никогда бы не могъ взять на себя! Аистъ же, когда самка его сидитъ съ птенцами въ гнѣздѣ, всю ночь стоитъ на конькѣ крыши на караулѣ, да еще на одной ногѣ! Пейру не простоять бы такъ и одного часа. Когда же Пейръ разсмотрѣлъ однажды тенета паука, то окончательно махнулъ рукою на бракъ. Господинъ паукъ всю жизнь ткалъ свои тенета, чтобы ловить легкомысленныхъ мухъ—и молодыхъ, и старыхъ, и полнокровныхъ, и тощихъ—и высасывать изъ нихъ кровь, словомъ, жилъ исключительно для того, чтобы ткать и кормить свою семью. Госпожа же паучиха жила исключительно своимъ супругомъ, и вотъ, взяла да и съѣла его отъ пущей любви! Съѣла его сердце, голову, желудокъ, оставила въ тенетахъ, гдѣ онъ сидѣлъ, промышляя для своей семьи, одни его тонкія, длинныя ножки. Вотъ истинная правда, прямо изъ естественной исторіи! Пейръ увидалъ это и разсудилъ: „Вызвать къ себѣ со стороны жены такую необузданную любовь, что она пожретъ тебя?! Нѣтъ, до этого не рѣшится дойти ни одинъ человѣкъ, да и желательно-ли это?“

И Пейръ рѣшился остаться холостякомъ, рѣшился никогда не цѣловаться и не позволять цѣловать себя, чтобы не навлечь подозрѣнія въ желаніи вступить въ бракъ. Но поцѣлуя-то онъ всетаки не избѣгнулъ, сочнаго поцѣлуя смерти! Отъ него не

отвертѣться никому. Прожилъ человѣкъ свой вѣкъ, и смерть получаетъ приказъ зацѣловать его до смерти. Ну, тутъ и конецъ человѣку! Его поражаетъ солнечный лучъ свыше, и въ глазахъ у него темнѣетъ. Человѣческая душа, упавшая на землю звѣздочкою, снова возносится на небо звѣздочкою, но уже не для того, чтобы отдыхать въ цвѣткѣ или спать подъ листомъ кувшинки. Теперь ей предстоитъ нѣчто болѣе важное—вознестись въ великую страну вѣчности. Каково же тамъ—никто сказать не можетъ. Никто не заглядывалъ туда, даже аистъ, какъ онъ ни дальнозорокъ, какъ ни свѣдущъ. Онъ и не зналъ ничего больше о Пейрѣ, о Пейтерѣ же и Петрѣ могъ бы поразсказать еще многое, но о нихъ я уже наслушался довольно, да и вы, вѣроятно, тоже. Поэтому я поблагодарилъ аиста за его любезность. Но, что-жъ вы думаете? Онъ потребовалъ съ меня за этотъ простой разсказецъ три лягушки и змѣеныша,—онъ беретъ плату натурою! Хотите вы заплатить? Я не хочу! У меня нѣтъ ни лягушекъ, ни змѣенышей.

СКРЫТО—НЕ ЗАБЫТО!

Стоялъ старый замокъ, окруженный тинистыми рвами; велъ къ нему подъемный мостъ, который чаще бывалъ поднятъ, чѣмъ опущенъ,—не всякій гость пріятенъ! Въ стѣнахъ подъ крышей были бойницы; изъ нихъ стрѣляли, лили кипятокъ и даже растопленный свинецъ на головы враговъ, если тѣ подступали черезчуръ близко. Потолки въ замковыхъ покояхъ были высокіе, и хорошо, что такъ,—по крайней мѣрѣ было куда дѣваться дыму, выходившему изъ камина, гдѣ шипѣли огромныя сырыя коряги. По стѣнамъ висѣли портреты закованныхъ въ латы мужчинъ и гордыхъ дамъ въ платьяхъ изъ тяжелой матеріи. Самою же стройною, величественною изъ нихъ была сама нынѣшняя владѣтельница замка, Метта Могенсъ.

Разъ вечеромъ на замокъ напали разбойники, убили трехъ слугъ и цѣпную собаку, а вмѣсто нея посадили на цѣпь госпожу. Сами же разсѣлись въ залѣ и начали бражничать, попивая доброе вино и пиво изъ погребовъ замка.

И вотъ, госпожа Метта сидѣла на цѣпи и даже лаять не могла.

Вдругъ явился слуга разбойниковъ; онъ подкрался къ ней потихоньку, чтобы не замѣтили разбойники,—они бы убили его.

— Госпожа Метта Могенсъ!—сказалъ онъ.—Помнишь-ли ты, какъ твой мужъ посадилъ на кобылку моего отца? Ты просила за него, но просьбы не помогли, онъ долженъ былъ сидѣть, пока не искалѣчится; тогда ты подкралась къ нему, какъ я теперь къ тебѣ, и сама подложила ему камешекъ, сперва подъ одну, потомъ подъ другую ногу, чтобы дать ему отдохнуть. Никто не замѣтилъ этого, или всѣ сдѣлали видъ, что не замѣтили,—ты была, вѣдь, молодою доброю госпожей ихъ! Вотъ что разсказывалъ мнѣ мой отецъ, и я скрылъ это въ моемъ сердцѣ, скрылъ, но не забылъ! Теперь я освобожу тебя, госпожа Метта Могенсъ.

Они вывели изъ конюшни лошадей и помчались въ дождь и вѣтеръ прочь отъ замка, за помощью.

— Ты щедро платишь за мою маленькую услугу старику!— сказала Метта Могенсъ.

— Скрыто—не забыто!—повторилъ слуга.

Разбойниковъ повѣсили.

Стоялъ старый замокъ; стоитъ онъ и посейчасъ; но владѣетъ имъ не Метта Могенсъ, а другой дворянскій родъ.

Было это уже въ наше время. Золоченые шпицы башенъ сіяли на солнцѣ, маленькіе лѣсные островки выглядывали изъ воды словно букеты, а вокругъ нихъ плавали бѣлые лебеди. Въ саду цвѣли розы, но сама владѣтельница замка была свѣжѣе, прекраснѣе лепестка розы. Она вся сіяла отъ радости, отъ сознанія сдѣланнаго ею добраго дѣла. Добрыя дѣла ея не кричатъ о себѣ по свѣту, но находятъ себѣ пріютъ въ сердцахъ людей; тамъ они скрыты, но не забыты.

Вотъ она идетъ изъ замка къ одинокой лачужкѣ въ полѣ. Въ ней живетъ бѣдная параличная дѣвушка. Единственное окошечко ея коморки было обращено на сѣверъ, и солнце не заглядывало къ ней никогда. Она видѣла въ окно только краешекъ поля, ограниченнаго высокою насыпью. Но сегодня въ комнаткѣ сіяетъ солнышко, теплое Господне солнышко! Оно свѣтитъ съ юга въ новое окошко, прорубленное въ прежде глухой стѣнѣ.

Параличная сидитъ и грѣется на солнышкѣ, любуется лѣсомъ и берегомъ морскимъ; свѣтъ вдругъ такъ расширился для нея, пріобрѣлъ новую красоту, и все это—по одному слову ласковой владѣтельницы замка.

— Мнѣ ничего не стоило сказать его и сдѣлать это ма-

ленькое доброе дѣло!—говоритъ она.—А оно доставило мнѣ такую огромную, безконечную радость!

Вотъ почему она и продолжаетъ творить добро, думать обо всѣхъ нуждающихся въ утѣшеніи и въ бѣдныхъ хижинахъ, и въ богатыхъ домахъ—и тамъ находятся такіе. Добрыя дѣла ея остаются скрытыми, но не забытыми Господомъ Богомъ.

Въ большомъ, шумномъ городѣ стоялъ старый домъ. Въ немъ было много комнатъ и залъ, но мы туда не пойдемъ, а останемся въ кухнѣ. Тутъ тоже свѣтло, уютно, чисто и мило. Мѣдная посуда такъ и блеститъ, столъ чисто выскобленъ, лоханка тоже. Все это дѣло рукъ служанки; она одна служанка въ домѣ и всетаки находитъ еще время, убравшись по дому, пріодѣться, словно собирается въ церковь. На головѣ у нея чепчикъ съ чернымъ бантикомъ; это означаетъ трауръ, скорбь. Но у нея нѣтъ никого, о комъ бы ей печалиться—ни отца, ни матери, ни родственниковъ, ни милаго; она бѣдная, одинокая дѣвушка. Когда-то, впрочемъ, у нея былъ женихъ, такой же бѣднякъ, какъ и она сама; они горячо любили другъ друга, но вотъ однажды онъ сказалъ ей:

— У насъ съ тобой нѣтъ ничего! А богатая вдова-погребщица давно нашептываетъ мнѣ ласковыя слова. Она хочетъ мнѣ добра! Но мое сердце полно тобою! Что ты присовѣтуешь мнѣ!

— Дѣлай такъ, какъ по-твоему будетъ для тебя лучше!—сказала она.—Будь добръ и ласковъ съ нею, но помни, что разъ мы разстанемся—больше ужъ не увидимся!

Прошло нѣсколько лѣтъ; и вотъ она встрѣтила на улицѣ своего прежняго жениха. Онъ смотрѣлъ такъ плохо, что она не могла пройти мимо него, не спросивъ:

— Что съ тобою? Какъ тебѣ живется?

— Хорошо и богато! отвѣтилъ онъ.—Жена моя добрая, славная женщина, но въ моемъ сердцѣ одна ты. Я отстрадалъ свое, скоро конецъ! Мы свидимся теперь только на томъ свѣтѣ!

Прошла недѣля, и сегодня утромъ въ газетѣ появилось извѣщеніе о его смерти; вотъ почему у дѣвушки черный бантикъ на чепчикѣ. Женихъ ея умеръ, „потерянъ для жены и трехъ пасынковъ“,—какъ сказано въ извѣщеніи. Звучитъ-то оно какъ-то фальшиво, но самый колоколъ изъ чистаго металла.

Черный бантикъ говоритъ о горѣ; лицо дѣвушки говоритъ

о немъ еще сильнѣе. Въ сердцѣ ея *онъ* скрытъ и никогда не будетъ забытъ!

Вотъ и всѣ три исторіи, три листка, выросшіе на одномъ стебелькѣ. Хочешь еще такихъ трилистниковъ? Ихъ много хранится въ памятной книжкѣ сердца.

Многое тамъ скрыто, но не забыто!

СЫНЪ ПРИВРАТНИКА.

Генеральская семья проживала въ бель-этажѣ, семья привратника въ подвалѣ. Ихъ раздѣляло большое разстояніе—весь первый этажъ, да табель о рангахъ. Но все же обѣ семьи жили подъ одною крышею, и изъ обоихъ жилищъ открывался видъ на улицу и во дворъ. На дворѣ была лужайка, а на ней росла цвѣтущая акація—цвѣтущая въ пору цвѣтенія. Подъ нею часто сиживала въ лѣтнее время разряженная мамка съ еще болѣе разряженною генеральскою дочкой, „малюткой Эмиліей". А передъ ними выплясывалъ босоногій, черноглазый, темноволосый сынишка привратника. Малютка улыбалась ему и протягивала ручонки; случалось увидать въ окно такую картинку самому генералу, онъ кивалъ головой и говорилъ: „Charmant!" Молодая же генеральша—она была такъ молода, что могла бы быть дочкой своего мужа отъ ранняго брака—никогда не смотрѣла изъ окна во дворъ, но разъ навсегда отдала мамкѣ приказаніе, чтобы она позволяла мальчику изъ подвала забавлять малютку, но отнюдь не дотрогиваться до нея. И мамка строго соблюдала приказъ.

А солнышко одинаково свѣтило и въ бель-этажъ, и въ подвалъ; акація цвѣла, потомъ цвѣты опадали, но на слѣдующій годъ появлялись новые. Дерево цвѣло изъ года въ годъ, цвѣлъ и привратниковъ сынишка,—ни дать, ни взять свѣжій тюльпанъ!

Генеральская же дочка была блѣдненькая, нѣжненькая, какъ блѣдно-розовый лепестокъ акаціи. Теперь она рѣдко появлялась во дворѣ подъ деревомъ,—она дышала свѣжимъ воздухомъ въ каретѣ, катаясь вмѣстѣ съ maman. Увидя изъ окна кареты привратникова Георга, она всегда кивала ему головкою и даже посылала воздушные поцѣлуи, пока мать не объявила ей, что она уже слишкомъ велика для этого.

Разъ утромъ Георгу пришлось подняться къ генералу съ

газетами и письмами. Проходя мимо чуланчика подъ лѣстницей, онъ услышалъ тамъ какой-то пискъ и подумалъ было, что туда забился цыпленокъ. Но оказалась, что тамъ всхлипываетъ генеральская дочка въ кисеѣ и кружевахъ.

— Только не говори папѣ и мамѣ, — они разсердятся! — сказала она.

— О чемъ барышня?—спросилъ Георгъ.

— Все сгоритъ!—отвѣтила она.—Тамъ горитъ!

Георгъ отворилъ дверь въ дѣтскую; оконныя занавѣски почти всѣ обгорѣли, карнизъ пылалъ. Георгъ подпрыгнулъ, сорвалъ занавѣски, созвалъ людей. Не будь его, вспыхнулъ бы настоящій пожаръ.

Генералъ и генеральша подвергли Эмилію допросу.

— Я только взяла одну спичку, чиркнула, она сейчасъ загорѣлась и занавѣска тоже! Я стала плевать на нее, чтобы потушить, плевала, плевала, но у меня не хватило слюней... Тогда я убѣжала и спряталась, —я боялась, что papa и maman разсердятся!

— Плевала, плевала!—замѣтилъ генералъ.—Это еще что за слово? Ты его слышала когда-нибудь отъ papa или отъ maman? Это все оттуда, изъ подвала!

Маленькому Георгу всетаки дали цѣлыхъ четыре скиллинга. Онъ спустилъ ихъ не въ булочной, а въ копилку, и скоро тамъ набралось ихъ столько, что онъ могъ купить себѣ ящичекъ съ красками—раскрашивать свои рисунки, а рисовалъ онъ много. Картинки какъ будто сами собой сыпались на бумагу съ кончика его карандаша. Первые же раскрашенные рисунки пошли въ подарокъ Эмиліи.

— Charmant!—изрекъ генералъ, и даже генеральша была принуждена сознаться, что можно догадаться, что́ именно хотѣлъ изобразить мальчуганъ. „Въ немъ есть талантъ!“ Вотъ съ какимъ извѣстіемъ вернулась въ подвалъ жена привратника.

Генералъ и генеральша были люди знатные; на каретѣ ихъ красовалось цѣлыхъ два герба,—у каждаго изъ супруговъ былъ свой. Генеральшинъ гербъ красовался и на всемъ ея бѣльѣ, даже на ночномъ чепчикѣ и туалетномъ мѣшкѣ. Ея гербъ былъ такой драгоцѣнный! Онъ стоилъ ея папашѣ много блестящихъ червонцевъ,—ни папаша, ни даже дочка не родились съ гербомъ; она появилась на свѣтъ за семь лѣтъ до пріобрѣтенія его папашею. Это отлично помнили всѣ, кромѣ ихъ самихъ.

Гербъ же генерала былъ древній и крупный. И одинъ-то гербъ довольно тяжело носить на себѣ, а тутъ ихъ было цѣлыхъ два,— поневолѣ затрещишь по всѣмъ швамъ! И немудрено, что разряженная, гордая генеральша выѣзжала на придворные балы съ такимъ шумомъ и трескомъ.

Генералъ былъ старъ и сѣдъ, но хорошо держался на сѣдлѣ. Онъ это зналъ и ежедневно выѣзжалъ верхомъ въ сопровожденіи слуги—на почтительномъ разстояніи. Являясь въ общество, онъ тоже держалъ себя такъ, какъ будто смотрѣлъ на всѣхъ съ высоты сѣдла. Орденовъ у него было столько, что просто уму непостижимо; самъ онъ, впрочемъ, былъ тутъ ни при чемъ. Онъ вступилъ на военное поприще еще очень молодымъ человѣкомъ и участвовалъ во всѣхъ большихъ осеннихъ маневрахъ за мирное время. Отъ этой эпохи у него сохранялось еще воспоминаніе, анекдотъ, единственный, который онъ зналъ и разсказывалъ. Его унтеръ-офицеръ отрѣзалъ и взялъ въ плѣнъ одного изъ принцевъ, и этому пришлось со своимъ маленькимъ отрядомъ въѣхать въ городъ позади генерала въ качествѣ его военноплѣннаго. Объ этомъ-то незабвенномъ происшествіи генералъ и разсказывалъ вотъ уже многіе годы, никогда не забывая привести памятныя слова, которыя были при этомъ сказаны. Генералъ, возвращая принцу шпагу, сказалъ: „Только мой унтеръофицеръ могъ взять въ плѣнъ Ваше Высочество; я—никогда!“ А принцъ отвѣтилъ: „Вы несравненны!“ На настоящей же войнѣ генералъ никогда не бывалъ; когда шла война, онъ шелъ дипломатическою дорогой и прошелъ три иностранныхъ двора. По-французски онъ говорилъ такъ хорошо, что почти забылъ свой родной языкъ, отлично танцовалъ, ѣздилъ верхомъ, и ордена выростали у него на груди, точно грибы. Солдаты отдавали ему честь, и одна изъ первыхъ красавицъ отдала ему честь— сдѣлалась генеральшею. Скоро у нихъ появилась прелестная дочка, словно упавшая съ неба—такъ она была прелестна! Едва она начала понимать, сынишка привратника сталъ выплясывать передъ нею во дворѣ, а потомъ, когда она подросла, дарить ей всѣ свои раскрашенныя картинки. Она принимала ихъ, играла ими и рвала въ клочки. Она была такая миленькая, нѣжненькая!

— Мой розовый лепестокъ!—говорила генеральша.—Ты рождена для принца!

А принцъ-то ужъ стоялъ за дверями, только никто не зналъ этого. Люди не видятъ дальше порога.

— А намедни нашъ мальчуганъ подѣлился съ нею буттербродомъ!—сказала жена привратника.—Онъ былъ безъ сыра, безъ мяса, но понравился ей, что твой бифштексъ! То-то бы Содомъ поднялся, узнай объ этомъ генералъ съ генеральшею! Но они не узнали!

Да, Георгъ подѣлился съ Эмиліей буттербродомъ; онъ бы подѣлился съ ней и своимъ сердцемъ, знай только, что это доставитъ ей удовольствіе. Онъ былъ мальчикъ добрый, развитой, умный, и уже посѣщалъ вечерніе рисовальные классы, чтобы хорошенько научиться рисовать. Эмилія тоже преуспѣвала въ наукахъ: она говорила по-французски съ своею бонной и брала уроки у танцмейстера.

— Къ Пасхѣ Георгъ нашъ будетъ конфирмованъ!—сказала жена привратника. Вотъ какъ успѣлъ выросто Георгъ.

— Хорошо бы потомъ отдать его въ ученье!—замѣтилъ отецъ.—Надо только выбрать ремесло почище. Ну, и тогда—съ хлѣба долой!

— Но онъ все же будетъ, вѣдь, приходить домой ночевать!—возразила мать.—Не легко-то найти мастера, который бы взялъ его къ себѣ совсѣмъ. Одѣвать его намъ, значитъ, тоже придется. Такъ ужъ найдется у насъ для него и кусокъ хлѣба: пара печеныхъ картошекъ—онъ и доволенъ! Учится же онъ и теперь задаромъ. Пусть его идетъ своею дорогою; увидишь, какъ онъ порадуетъ насъ! Это, вѣдь, и профессоръ говоритъ!

Платье для конфирмаціи было готово; мать сама сшила его, кроилъ же портной, а онъ хорошо кроилъ, даромъ что долженъ былъ по бѣдности своей пробиваться починкой старой одежды. Поставь онъ себя иначе, да будь въ состояніи держать мастерскую и подмастерьевъ—говорила жена привратника—онъ могъ бы стать придворнымъ портнымъ!

Итакъ, платье сшили, и Георгъ конфирмовался. Въ день конфирмаціи онъ получилъ отъ самаго богатаго изъ своихъ крестныхъ отцовъ, стараго прикащика, большіе томпаковые часы. Старинные они были, испытанные, и имѣли привычку забѣгать впередъ, но это лучше, чѣмъ отставать. Это былъ дорогой подарокъ! Отъ генеральской семьи тоже явился подарокъ—псалтирь въ сафьяновомъ переплетѣ. Прислана она была отъ имени барышни, которой Георгъ дарилъ картинки. На первой, чистой страничкѣ книги было написано его имя и ея имя съ прибав-

ленiемъ „благосклонная“. „*Георгу на память благосклонная Эмилiя*“. Написано это было подъ диктовку генеральши. Генералъ прочелъ и сказалъ: „Charmant“.

— Въ самомъ дѣлѣ, это большое вниманiе со стороны такихъ важныхъ господъ!—сказала жена привратника, и Георга, какъ онъ былъ,—въ новомъ нарядѣ и съ псалтирью въ рукахъ—послали благодарить господъ.

Генеральша сидѣла вся закутанная,—она страдала своею обычною „ужасною мигренью“, какъ и всегда, когда ей было скучно. Но всетаки она взглянула на Георга очень ласково и пожелала ему всего хорошаго, а также—никогда не страдать такою головною болью, какъ она.

Генералъ расхаживалъ въ халатѣ, въ ермолкѣ и въ русскихъ сапогахъ съ красными отворотами на голенищахъ. Онъ прошелся по комнатѣ раза три, предаваясь собственнымъ мыслямъ и воспоминанiямъ, потомъ остановился и сказалъ:

— Итакъ, Георгъ сталъ теперь членомъ христiанскаго общества! Будь же честенъ и уважай начальство! Состаришься, можешь сказать, что этому училъ тебя генералъ!

Длиннѣе этой рѣчи генералу никогда не приходилось держать. Проговоривъ ее, онъ опять углубился въ себя и принялъ важный видъ.

Изъ всего видѣннаго на верху, сильнѣе всего запечатлѣлась въ памяти Георга барышня Эмилiя. Какъ она была мила, нѣжна, воздушна, изящна! Если срисовать ее, такъ ужъ развѣ на мыльномъ пузырѣ. Отъ ея платья, отъ золотистыхъ локоновъ пахло духами, ни дать-ни взять какъ отъ только что распустившейся розочки! И съ нею-то онъ когда-то дѣлился буттербродомъ! Она уничтожила свою порцiю съ жадностью, не переставая благодарно кивать ему головкой,—говорить съ набитымъ ртомъ было неудобно. Помнитъ-ли еще она объ этомъ? Конечно! Красивая книжка была, вѣдь, подарена ему „на память“. И вотъ, въ первое же новолунiе послѣ Новаго Года онъ вышелъ на дворъ съ хлѣбомъ, мѣднымъ скиллингомъ и псалтирью и раскрылъ книгу наугадъ,—что-то ему выйдетъ? Книга раскрылась на благодарственномъ псалмѣ. Онъ опять закрылъ псалтирь, чтобы загадать на Эмилiю, но постарался при этомъ не открыть книги въ томъ мѣстѣ, гдѣ были похоронные псалмы. И всетаки она открылась какъ разъ тамъ! Конечно, вѣрить этому было нечего, но онъ всетаки струсилъ порядкомъ, когда вслѣдъ

затѣмъ Эмилія слегла, и къ воротамъ сталъ каждый день подъѣзжать экипажъ доктора.

— Не вылечить имъ ее!—говорила жена привратника.— Господь Богъ знаетъ, кого Ему прибрать къ себѣ!

Но ее удалось вылечить! И вотъ, Георгъ опять принялся рисовать и отсылать ей картинки. Между прочимъ онъ нарисовалъ царскій дворецъ, древній Московскій Кремль съ башенками и куполами, похожими на гигантскіе зеленые и вызолоченые огурцы,—такъ по крайней мѣрѣ выходило по рисунку Георга. Эмилію эти картинки очень развлекали, и черезъ недѣлю Георгъ прислалъ ей еще нѣсколько. На всѣхъ были нарисованы разныя зданія: глядя на нихъ, она могла дать волю фантазіи—сама рисовать себѣ, что происходитъ тамъ за стѣнами и окнами.

Въ числѣ рисунковъ былъ и китайскій домикъ въ шестнадцать этажей, весь увѣшанный колокольчиками, и два греческихъ храма, окруженныхъ стройными мраморными колоннами и террасами, и норвежская церковь, причудливой постройки, вся изъ бревенъ; лучше же всего былъ „Эмиліинъ замокъ". Въ немъ она должна была жить сама. Георгъ придумалъ для него особый стиль—смѣсь всего красиваго изъ всѣхъ другихъ стилей. Отъ норвежской церкви онъ взялъ покрытыя рѣзьбою бревна, отъ греческаго храма—мраморныя колонны, отъ китайскаго домика—колокольчики, а отъ царскаго Кремля—зеленые и золотые куполы.

То-то былъ дѣтскій замокъ! И подъ каждымъ окошкомъ было подписано: „тутъ Эмилія спитъ", „тутъ танцуетъ", „тутъ играетъ въ гости" и т. д. Вотъ-то весело было разглядывать все это! И рисунокъ таки разглядывали.

— Charmant!—сказалъ генералъ.

Но старикъ графъ (былъ еще старый графъ, куда важнѣе самого генерала, владѣвшій замкомъ и помѣстьемъ) не сказалъ ничего, хотя при немъ и говорили, что рисунокъ придуманъ и нарисованъ маленькимъ сынишкой привратника. Не очень-то онъ, впрочемъ, былъ малъ,—онъ, вѣдь, уже конфирмовался. Старикъ графъ только посмотрѣлъ на рисунки и намоталъ себѣ все слышанное на усъ.

И вотъ, одинъ сѣренькій, ненастный день оказался самымъ радостнымъ, свѣтлымъ днемъ въ жизни Георга. Профессоръ Академіи Художествъ призвалъ его къ себѣ.

— Послушай дружокъ!—сказалъ онъ.—Поговоримъ-ка! Гос-

подь одарилъ тебя способностями, онъ же посылаетъ тебѣ и добрыхъ покровителей. Старикъ графъ, что живетъ на углу, говорилъ мнѣ сегодня о тебѣ. Я тоже видѣлъ твои рисунки... Ну, на нихъ-то мы поставимъ крестъ,—въ нихъ много найдется погрѣшностей! А вотъ теперь ты можешь два раза въ недѣлю приходить въ мою рисовальную школу и скоро выучишься рисовать получше. Я думаю, однако, что въ тебѣ больше задатковъ для архитектора, чѣмъ для художника. Ну, да современемъ самъ увидишь! Но смотри, сегодня же сходи въ угловой домъ къ графу поблагодарить его, да поблагодари и Бога за такого покровителя!

На углу стоялъ огромный домъ; надъ окнами красовались лѣпные слоны и дромадеры; все носило отпечатокъ старины. Но старый графъ предпочиталъ наше время со всѣмъ, что въ немъ было хорошаго, не разбирая, откуда оно идетъ—изъ бель-этажа, изъ подвала, или съ чердака.

— Право, кажется, чѣмъ кто знатнѣе, тѣмъ тотъ и проще!— сказала жена привратника.—Какъ просто держитъ себя старый графъ! Говоритъ, ну, вотъ, какъ ты да я! Генералъ съ генеральшею такъ не могутъ! Георгъ вчера въ себя придти не могъ отъ восторга, такъ мило графъ съ нимъ обошелся! Да и я сегодня, послѣ милостиваго пріема его сіятельства, тоже сама не своя! Ну, не хорошо-ли, что мы не отдали Георга въ ученье! У него такія способности!

— Да, но имъ нужна помощь со стороны!—замѣтилъ отецъ.

— Помощь у него будетъ!—отвѣтила мать.—Графъ насчетъ этого такъ ясно и милостиво выразился!

— А всетаки вышло-то все, благодаря генеральской семьѣ!— замѣтилъ отецъ.—Ее тоже надо поблагодарить.

— Отчего же не поблагодарить!—отвѣтила мать.—Только по-моему не за что особенно! А вотъ Господа Бога такъ я поблагодарю отъ всего сердца! Поблагодарю Его и за то, что барышня Эмилія поправляется!

Да, генеральская дочка быстрыми шагами шла впередъ по пути выздоровленія; шелъ быстрыми шагами впередъ и Георгъ. Въ тотъ же годъ онъ удостоился малой серебряной медали, а затѣмъ попозже и большой.

— Охъ, лучше бы мы отдали его въ ученье!—со слезами причитала жена привратника.—Тогда бы по крайней мѣрѣ онъ

остался при насъ! И что ему дѣлать въ Римѣ? Никогда-то намъ больше не свидѣться съ нимъ, хоть бы онъ и вернулся!.. Да онъ и не вернется, мое дитятко!

— Да, вѣдь, все это для его же счастья и славы! —уговаривалъ ее мужъ.

— Спасибо тебѣ, дружокъ!—отвѣчала жена.—Ты только говоришь такъ, а и самъ тому не вѣришь! И тебѣ такъ же горько, какъ мнѣ!

Такъ оно и было. Отцу и матери горько было разстаться съ сыномъ, а всѣ только и твердили: „Какое счастье выпало молодому человѣку!“

И вотъ, Георгъ простился со всѣми; отправился прощаться и на верхъ къ генералу. Генеральша не показалась,—у нея опять была мигрень. Генералъ же на прощанье разсказалъ молодому человѣку единственный свой анекдотъ о томъ, что́ онъ сказалъ принцу и что́ принцъ ему, а затѣмъ протянулъ Георгу два пальца.

Эмилія тоже подала Георгу ручку и смотрѣла какъ будто печальною, но самъ Георгъ былъ печальнѣе всѣхъ.

Время идетъ и въ дѣлѣ, и въ бездѣльѣ; время проходитъ одинаково, только не съ одинаковою пользой. Для Георга оно проходило съ пользою и совсѣмъ не казалось долгимъ, исключая тѣхъ минутъ, когда онъ вспоминалъ о своихъ. Какъ-то они тамъ поживаютъ всѣ—и нижніе, и верхніе? Положимъ, онъ получалъ изъ дома письма, а въ письма можно вложить многое, изъ нихъ льются въ сердце солнечные лучи, отъ нихъ же на сердце ложится тяжелая мгла. Такая мгла легла на сердце молодого человѣка, когда онъ получилъ письмо, извѣщавшее о смерти его отца. Мать осталась вдовой. Эмилія была для нея ангеломъ утѣшителемъ, спускалась къ ней въ подвалъ—писала мать—и сама устроила такъ, что должность привратницы осталась за вдовою покойнаго.

Генеральша вела дневникъ. Туда записывался каждый пріемъ, каждый балъ, на которыхъ она была, а также всѣ визиты знакомыхъ къ ней. Иллюстраціями къ дневнику служили карточки дипломатовъ и другихъ высокопоставленныхъ особъ. Генеральша гордилась своимъ дневникомъ, и онъ все росъ да росъ въ объемѣ съ теченіемъ времени—въ теченіе многихъ, многихъ дней, ми-

греней и безсонныхъ ночей, то-есть придворныхъ баловъ. Наконецъ, и Эмилію повезли на придворный балъ. Мамаша была въ розовомъ съ черными кружевами—въ испанскомъ вкусѣ! Дочка—вся въ бѣломъ, такая прозрачная, изящная! Въ золотыхъ локонахъ вилась, словно водоросль, зеленая шелковая лента, на головкѣ красовался вѣнокъ изъ бѣлыхъ кувшинокъ. Глазки у дѣвушки были такіе голубые, ясные, ротикъ нѣжный, пунцовый—ну, ни дать-ни взять морская царевна; прелесть что такое! Три принца танцовали съ нею; конечно, не всѣ заразъ, а по очереди. У генеральши цѣлую недѣлю не было мигрени.

Но первый балъ былъ не послѣдній, а Эмиліи это оказалось не по силамъ. Хорошо, что подоспѣло лѣто, и можно было отдохнуть на лонѣ природы.

Вся генеральская семья была приглашена погостить въ графскій замокъ.

Графскій садъ стоило посмотрѣть. Одна часть его была разбита въ старинномъ вкусѣ: всюду шли, точно зеленыя ширмы, прямыя подстриженныя живыя изгороди, а въ нихъ были понадѣланы круглыя отверстія, вродѣ слуховыхъ окошечекъ; буксбаумъ и тисовыя деревца были подстрижены въ видѣ звѣздъ и пирамидъ; тамъ и сямъ виднѣлись обложенные раковинами гроты, а въ глубинѣ ихъ били фонтаны; всюду красовались статуи изъ массивнаго гранита,—это видно было и по драпировкамъ, и по лицамъ. Каждая цвѣточная клумба также имѣла свою форму—рыбы, герба, иниціала. Эта часть сада была во французскомъ вкусѣ. Изъ нея же попадали въ свѣжій, роскошный паркъ, гдѣ деревья росли, какъ хотѣли, и потому разрослись на славу, густыя, огромныя! Трава тутъ такъ и зеленѣла, и по ней можно было ходить, даромъ что и за нею всячески ухаживали. Это было ужъ въ англійскомъ вкусѣ.

— Старина и современность!—говорилъ графъ.—Тутъ онѣ отлично гармонируютъ другъ съ другомъ! А вотъ года черезъ два и вся усадьба приметъ иной видъ; будетъ предпринято столько разныхъ перемѣнъ и улучшеній! Я покажу вамъ чертежи и рисунки, да и самого архитектора кстати. Онъ сегодня обѣдаетъ у меня!

— Charmant!—сказалъ генералъ.

— Тутъ просто рай земной!—сказала генеральша.—А вотъ и древній замокъ!

— Это птичникъ!—сказалъ графъ.—Въ башнѣ помѣщаются

голуби, во второмъ этажѣ индѣйки, а въ первомъ живетъ сама повелительница этого птичьяго царства, старуха Эльза. Изъ ея помѣщенія во всѣ стороны идутъ двери въ помѣщенія ея постояльцевъ. Насѣдки на яйцахъ помѣщаются особо, насѣдки съ цыплятами особо, а для утокъ сдѣланъ даже особый ходъ къ водѣ!

— Charmant!—сказалъ генералъ.

И всѣ отправились любоваться на эту прелесть.

Старуха Эльза стояла посреди горницы, а рядомъ съ нею архитекторъ Георгъ. Вотъ гдѣ довелось ему встрѣтиться съ Эмиліей послѣ столькихъ лѣтъ разлуки—въ птичникѣ.

Да, онъ стоялъ тутъ, и на него можно было залюбоваться—такой красивый! Открытое, энергичное лицо, черные, блестящіе волосы и плутовская усмѣшка на губахъ, такъ и говорившая: „знаю я васъ всѣхъ вдоль и поперекъ!“ Старуха Эльза заблаговременно сняла свои деревянные башмаки и осталась въ однихъ чулкахъ изъ почтенія къ знатнымъ гостямъ. Куры кудахтали, пѣтухи кричали, утки крякали: рапъ! рапъ! Изящная молодая дѣвушка, подруга дѣтства, генеральская дочка, стояла тутъ же, и на ея обыкновенно блѣдныхъ щечкахъ цвѣли розы, глазки такъ и сіяли, уста говорили безъ словъ, и она поклонилась молодому архитектору такъ мило, какъ только можетъ этого пожелать молодой человѣкъ, если онъ не въ родствѣ съ молодою дѣвушкой или не танцовалъ съ нею очень часто на балахъ. А Георгъ, вѣдь, ни разу не танцовалъ съ Эмиліей.

Графъ же пожалъ ему руку и представилъ гостямъ:

— Нашъ молодой другъ, господинъ Георгъ, не совсѣмъ чужой вамъ!

Генеральша поклонилась, дочка чуть было не протянула ему руку.

— Такъ это нашъ господинъ Георгъ!—сказалъ генералъ.—Какъ же, мы старые знакомые, сосѣдями были! Charmant!

— Вы совсѣмъ превратились въ итальянца!—замѣтила генеральша.—И вѣрно говорите по-итальянски, какъ уроженецъ Италіи?

Сама генеральша — замѣтилъ генералъ — только пѣла по-итальянски, а не говорила.

За столомъ Георгъ сидѣлъ по правую руку Эмиліи. Велъ же ее къ столу самъ генералъ, а графъ велъ генеральшу.

Господинъ Георгъ велъ бесѣду, разсказывалъ, и прекрасно разсказывалъ. Онъ былъ душой всего общества, хотя графъ

тоже могъ бы постоять за себя въ этомъ отношеніи. Эмилія молчала, вся превратившись въ слухъ, а глаза ея такъ и блестѣли.

Послѣ обѣда она и Георгъ очутились на терассѣ; высокіе кусты розъ скрывали ихъ отъ взоровъ остальнаго общества. Георгъ заговорилъ первый.

— Позвольте поблагодарить васъ за ваше дружеское отношеніе къ моей матери! — началъ онъ. — Я знаю, что въ ночь смерти моего отца вы не оставляли ея, пока онъ не закрылъ глаза. Благодарю васъ!

И онъ взялъ ручку Эмиліи и поцѣловалъ. Что-жъ, это было вполнѣ кстати. Дѣвушка вся вспыхнула, но всетаки пожала въ отвѣтъ его руку и взглянула на него своими славными голубыми глазами.

— Ваша матушка была такая милая! Какъ она любила васъ! Она давала мнѣ читать всѣ ваши письма, такъ что я, пожалуй, немножко знаю васъ!.. Какъ вы были добры ко мнѣ въ дѣтствѣ, дарили мнѣ картинки!..

— А вы ихъ рвали!—подхватилъ Георгъ.

— Нѣтъ, „мой замокъ“ еще цѣлъ!—отвѣтила она.

— Теперь я могу построить вамъ настоящій!—сказалъ Георгъ съ увлеченіемъ.

Генералъ и генеральша разговаривали въ своей комнатѣ о сынѣ привратника. Какъ онъ умѣлъ держать себя, какъ говорилъ, какія пріобрѣлъ познанія!

— Онъ могъ бы быть „информаторомъ“!—сказалъ генералъ.

— Геній!—сказала генеральша и больше не прибавила ни слова.

Хорошее выдалось лѣто! Господинъ Георгъ былъ въ графскомъ замкѣ частымъ и желаннымъ гостемъ. О немъ скучали, если онъ не являлся.

— Какъ щедро одарилъ васъ Господь въ сравненіи съ нами, бѣдными!—говорила ему Эмилія.—А цѣните-ли вы это, какъ слѣдуетъ?

Георгу очень льстилъ такой взглядъ, и онъ самъ считалъ прелестную молодую дѣвушку необыкновенно даровитою натурою.

А генералъ все больше и больше убѣждался въ томъ, что Георгъ не могъ быть такого низкаго происхожденія.

— Но, конечно, мать его была женщина вполнѣ почтенная!—прибавлялъ онъ.—Надо отдать справедливость ея могилѣ!

Лѣто прошло, наступила зима, и господинъ Георгъ опять заставилъ о себѣ говорить. Онъ былъ принятъ въ лучшихъ домахъ, у самыхъ знатныхъ особъ. Генералъ встрѣтилъ его даже на придворномъ балу. Для Эмиліи тоже предполагали сдѣлать балъ. Пригласить-ли на него Георга?

— Кого приглашаетъ король, можетъ пригласить и генералъ! — сказалъ генералъ и выпрямился такъ, что выросъ на цѣлый вершокъ.

Георга пригласили, и онъ былъ на балу. Были тамъ и принцы, и графы. Одинъ танцовалъ лучше другого, но Эмиліи удалось протанцовать только первый танецъ: она какъ-то неловко ступила на ногу и, хотя повредила ее не опасно, должна была всетаки поберечься и не танцовать больше. Пришлось сидѣть да любоваться на другихъ. Она и сидѣла и любовалась, а господинъ архитекторъ стоялъ возлѣ.

— Вы, пожалуй, роспишите ей весь соборъ Св. Петра! — сказалъ генералъ, проходя мимо и благосклонно улыбаясь.

Съ тою же благосклонною улыбкою принялъ онъ господина Георга и нѣсколько дней спустя. Молодой человѣкъ явился, разумѣется, поблагодарить за приглашеніе на балъ, а то зачѣмъ же? Но... о, ужасъ, о, безуміе! Генералъ не вѣрилъ своимъ ушамъ. Господинъ Георгъ ударился въ „высшую декламацію", просьба его была неслыханная! Онъ просилъ руки Эмиліи!

— Молодой человѣкъ! — сказалъ генералъ, покраснѣвъ, какъ ракъ. — Я васъ не понимаю!.. Что вы говорите?.. Чего вы хотите?.. Я васъ не знаю!.. Господинъ!.. Молодой человѣкъ!.. Вы врываетесь въ мой домъ!.. Я здѣсь хозяинъ или вы?.. Куда мнѣ дѣться?..

И онъ, пятясь, дошелъ до дверей своей спальни, переступилъ порогъ и заперъ за собою дверь на ключъ, оставивъ Георга одного. Молодой человѣкъ постоялъ съ минуту, потомъ повернулся и ушелъ. Въ коридорѣ его встрѣтила Эмилія.

— Что онъ сказалъ? — спросила она дрожащимъ голосомъ.

Георгъ пожалъ ей руку:

— Онъ убѣжалъ отъ меня! Но будемъ надѣяться на лучшія времена!

У Эмиліи выступили на глазахъ слезы; въ глазахъ же молодого человѣка свѣтились увѣренность и мужество. А солнышко озаряло обоихъ, словно благословляя ихъ.

Генералъ сидѣлъ въ своей комнатѣ, точно ошпаренный. Въ

груди у него такъ и клокотало еще. „Безуміе! Привратницкое сумасшествіе!..“

Не прошло и часа, какъ генеральша узнала отъ супруга обо всемъ, позвала Эмилію и усадила ее возлѣ себя.

— Бѣдное дитя! Такъ оскорбить тебя! Оскорбить насъ! Ты тоже плачешь!.. Слезы такъ идутъ къ тебѣ! Ты прелестна въ слезахъ! Ты похожа на меня въ день моей свадьбы! Плачь, плачь, моя дорогая!

— И буду плакать, — отвѣтила Эмилія: — если вы съ папой не дадите своего согласія!

— Дитя! — воскликнула генеральша. — Ты нездорова! Ты бредишь! Ахъ, у меня опять разболится голова! Этотъ ударъ!.. Не заставь свою мать умереть съ горя, Эмилія! Тогда у тебя не будетъ матери!

И у генеральши навернулись слезы, — она совсѣмъ не выносила мысли о своей смерти.

Въ газетахъ было опубликовано о разныхъ назначеніяхъ, между прочимъ и о назначеніи профессоромъ и возведеніи въ чинъ пятаго класса архитектора Георга.

— Жалко, что родители его ужъ въ могилѣ и не могутъ прочесть этого! — сказали новые привратникъ и привратница, жившіе въ подвалѣ подъ генераломъ. Они знали, что профессоръ увидѣлъ свѣтъ въ ихъ коморкѣ.

— Теперь его занесутъ въ табель о рангахъ, и ему придется платить налогъ! — продолжала жена. — Да, это много значитъ для сына такихъ бѣдняковъ!

— Восемнадцать талеровъ въ годъ! — сказалъ мужъ. — Конечно, деньги не малыя.

— Нѣтъ, я не о томъ, я насчетъ почета! — возразила жена. — Что ему эти деньги! Онъ ихъ заработаетъ много разъ въ годъ! И ужъ, конечно, возьметъ богатую невѣсту. Будь у насъ дѣти, муженекъ, нашъ сынъ тоже бы могъ стать архитекторомъ и профессоромъ!

Хорошо отзывались о Георгѣ въ подвалѣ; хорошо отзывались о немъ и въ бель-этажѣ; тамъ это позволилъ себѣ старый графъ.

Поводомъ послужили дѣтскіе рисунки архитектора. Почему же о нихъ зашелъ разговоръ? Да вотъ, заговорили о Россіи, о Москвѣ, ну, дошли и до Кремля, который когда-то нарисовалъ и пода-

рилъ Эмиліи Георгъ. Онъ дарилъ ей много картинокъ, но изъ нихъ особенно запечатлѣлась въ памяти у графа одна: „Эмиліинъ замокъ", съ комнатами, гдѣ „она спала", „танцовала" и „играла въ гости". И вотъ, графъ высказалъ, что профессоръ одаренъ большимъ талантомъ и навѣрно умретъ въ высокомъ чинѣ. Въ этомъ нѣтъ ничего невозможнаго! Такъ почему-жъ бы ему и въ самомъ дѣлѣ не построить замка для молодой дѣвицы?

— Графъ былъ сегодня необыкновенно шутливо настроенъ!— замѣтила генеральша по уходѣ графа. Генералъ покачалъ головой, выѣхалъ на прогулку верхомъ въ сопровожденіи лакея— на почтительномъ разстояніи—и посадка его была еще величественнѣе обыкновеннаго.

Настaлъ день рожденія Эмиліи; посыпались цвѣты, книги, письма, визитныя карточки. Генеральша поцѣловала дочь въ губки, генералъ въ лобъ; они были нѣжные родители. Семью осчастливили въ этотъ день посѣщеніемъ высокіе гости — двое изъ принцевъ. Говорили о балахъ, о театрѣ, о дипломатическихъ назначеніяхъ, о политикѣ. Говорили и о выдающихся дѣятеляхъ—и чужихъ, и своихъ; тутъ ужъ и молодой профессоръ самъ собой подвернулся подъ языкъ. „Онъ вступитъ въ храмъ безсмертія! Вступитъ, вѣроятно, и въ одну изъ лучшихъ нашихъ фамилій!" Вотъ что было между прочимъ сказано о немъ.

— Въ одну изъ лучшихъ фамилій!—повторилъ генералъ, когда остался одинъ съ генеральшею.—Въ какую же бы это?

— Я знаю, на какую намекали!—отвѣтила генеральша.— Но не скажу! И думать не хочу! Конечно, одинъ Богъ знаетъ... Но я буду очень удивлена!

— И я тоже! Я даже и представить себѣ ничего не могу!..— сказалъ генералъ и сталъ выжидать минуту просвѣтлѣнія.

А, вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, невыразимая сила кроется въ милости свыше, въ благоволеніи двора, знаменующемъ и Божье бла-благоволеніе! И благоволеніе это выпало на долю Георга въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Но мы забыли день рожденія!..

Комната Эмиліи утопала въ цвѣтахъ, присланныхъ отъ друзей и подругъ; на столѣ лежали прекрасные подарки, свидѣтельствовавшіе о памяти и дружбѣ. Но отъ Георга не было и не могло быть ничего; да и зачѣмъ? Домъ и безъ того былъ полонъ воспоминаніями о немъ. Цвѣтокъ воспоминанія выглядывалъ даже изъ чуланчика подъ лѣстницей, гдѣ плакала Эмилія, когда въ

дѣтской загорѣлись занавѣски, а Георгъ явился первымъ пожарнымъ. Изъ окна была видна акація, тоже воскрешавшая воспоминанія дѣтства. На ней не было теперь ни цвѣтовъ, ни листьевъ, только бахрома изъ инея, такъ что дерево напоминало гигантскую коралловую вѣтвь. Мѣсяцъ просвѣчивалъ между вѣтвями, все такой же большой, яркій! Онъ, несмотря на всю свою измѣнчивость, ничуть не измѣнился съ того времени, когда Георгъ дѣлился съ Эмиліей буттербродомъ.

Молодая дѣвушка вынула изъ ящика рисунки „Кремль" и „Эмиліинъ замокъ". Они тоже говорили о Георгѣ, и она заглядѣлась на нихъ. Много думъ пробудили въ ней они! Ей припомнилось, какъ она тайкомъ отъ родителей спустилась внизъ къ женѣ привратника, лежавшей на смерномъ одрѣ, какъ сѣла возлѣ нея, взяла ее за руку и приняла ея послѣдній вздохъ, ея послѣднюю молитву: „Георгъ... благословляю!"... Мать думала только о сынѣ, но Эмилія вложила въ ея слова особенный смыслъ. Да, Георгъ провелъ таки съ Эмиліей день ея рожденія!

На другой день тоже случилось рожденіе—рожденіе самого генерала. Онъ родился днемъ позже своей дочери — конечно, многими годами раньше. Опять посыпались подарки. Въ числѣ ихъ было превосходное, необыкновенно удобное и дорогое сѣдло; такое имѣлось пока только у одного изъ принцевъ. Кто бы это могъ прислать его? Генералъ былъ отъ него въ полномъ восхищеніи. Къ сѣдлу была приложена записка. Гласи она: „Merçi за вчерашнее!" всѣ догадались бы отъ кого оно было, но она гласила: „Отъ лица, котораго господинъ генералъ не знаетъ!"

— Кого же я не знаю въ свѣтѣ?—сказалъ генералъ.—Всѣхъ знаю!—И мысли его отправились гулять по большому свѣту. Нѣтъ, тамъ онъ зналъ всѣхъ.—Это отъ жены!—рѣшилъ онъ, наконецъ.—Она вздумала интриговать меня! Charmant!

Но она и не думала интриговать его,—миновала эта пора.

Опять готовилось празднество, но ужъ не у генерала, а у одного изъ принцевъ. Назначенъ былъ костюмированный балъ; разрѣшалось быть и въ маскахъ.

Генералъ явился Рубенсомъ, въ испанскомъ костюмѣ, съ небольшимъ стоячимъ воротникомъ, при шпагѣ, щеголяя своею осанкой. Генеральша изображала супругу Рубенса и задыхалась отъ жары въ закрытомъ черномъ бархатномъ платьѣ, съ жерновомъ на шеѣ—т. е., съ большимъ плоеннымъ воротникомъ. Ко-

стюмъ былъ скопированъ съ картины фламандскаго художника, принадлежавшей генералу; на картинѣ особенно хороши были руки, а руки генеральши были точь-въ-точь такія же.

Эмилія, вся въ тюлѣ и кружевахъ, изображала Психею. Она напоминала порхающую лебяжью пушинку и совсѣмъ не нуждалась въ крылышкахъ, составлявшихъ принадлежность костюма Психеи.

Что это былъ за балъ! Что за блескъ, что за великолѣпіе! Какіе цвѣты, сколько вкуса! Глаза разбѣгались,—гдѣ ужъ тутъ было смотрѣть на руки прекрасной супруги Рубенса!

Черное домино, съ вѣткой акаціи на капюшонѣ, танцовало съ Психеей.

— Кто это?—спросила генеральша.

— Его королевское высочество!—отвѣтилъ генералъ.—Я увѣренъ въ этомъ; я сразу узналъ его по рукопожатію!

Генеральша сомнѣвалась. Генералъ Рубенсъ ничуть, подошелъ къ черному домино и начертилъ на его ладони иниціалы принца. Тотъ отрицательно покачалъ головой, но далъ намекъ:

— Записка при сѣдлѣ! Лицо, котораго генералъ не знаетъ!

— Но тогда я васъ знаю!—сказалъ генералъ.—Это вы прислали мнѣ сѣдло!

Домино подняло правую руку и исчезло въ толпѣ.

— Кто это черное домино, Эмилія?—спросила генеральша.— Ты сейчасъ съ нимъ танцовала!

— А я не спросила его имени!—отвѣтила дочь.

— Потому что знала его! Это профессоръ!.. Ваше протеже, графъ, здѣсь!—продолжала генеральша, обращаясь къ графу, стоявшему возлѣ.—Черное домино съ вѣткой акаціи!

— Очень возможно!—отвѣтилъ онъ.—Впрочемъ, одинъ изъ принцевъ одѣтъ точно такъ же!

— Я узналъ его по рукопожатію!—настаивалъ генералъ.— Отъ принца же я получилъ и сѣдло. Я такъ увѣренъ въ этомъ, что приглашу его къ намъ обѣдать!

— Что жъ, сдѣлайте такъ! Если это принцъ—онъ придетъ!—отвѣтилъ графъ.

— А если, это тотъ... другой, онъ не придетъ!—сказалъ генералъ и приблизился къ черному домино, которое только что кончило бесѣдовать съ королемъ. Генералъ обратился къ домино съ почтительнымъ приглашеніемъ, выражая желаніе познакомиться съ нимъ поближе. Генералъ говорилъ такъ громко,

отчетливо, такъ самоувѣренно улыбался при этомъ,—онъ зналъ, вѣдь, кого приглашалъ!

Домино сняло маску; это былъ Георгъ.

— Повторитъ-ли генералъ свое приглашеніе?—спросилъ онъ.

Генералъ словно выросъ на цѣлый вершокъ, осанка его стала еще величественнѣе; онъ отступилъ на два шага назадъ, потомъ сдѣлалъ шагъ впередъ, точно въ менуэтѣ, и на лицѣ его появилось самое знаменательное выраженіе, какое только онъ вообще могъ придать своимъ благороднымъ генеральскимъ чертамъ.

— Я никогда не беру своихъ словъ назадъ! Профессоръ приглашенъ!

И онъ удалился, косясь на короля, который навѣрное слышалъ весь разговоръ.

Обѣдъ у генерала состоялся; приглашены были только старикъ графъ, да его протеже.

„Теперь ледъ проломанъ!“ думалъ Георгъ. И ледъ дѣйствительно былъ проломанъ при самой торжественной обстановкѣ.

Да, молодой человѣкъ снова появился въ домѣ генерала и говорилъ и держалъ себя, совсѣмъ какъ человѣкъ изъ лучшаго общества,—генералъ не могъ этого не видѣть. Кромѣ того, онъ оказался въ высшей степени интереснымъ собесѣдникомъ, такъ что генералу нѣсколько разъ пришлось прибѣгнуть къ своему восклицанію: „charmant!“ Генеральша не преминула разсказать объ этомъ обѣдѣ въ обществѣ, и одна изъ самыхъ умныхъ и уважаемыхъ придворныхъ дамъ выразила генеральшѣ желаніе обѣдать у нея въ слѣдующій же разъ, какъ будетъ приглашенъ молодой профессоръ. Пришлось снова пригласить его. Онъ принялъ приглашеніе и былъ опять въ высшей степени милъ; оказалось даже, что онъ играетъ въ шахматы!

— Положительно онъ не подвальнаго происхожденія!—сказалъ генералъ.—Навѣрное онъ сынъ знатной особы! Такихъ сыновей много, и молодой человѣкъ тутъ не при чемъ.

Профессоръ, бывавшій при дворѣ у короля, могъ, конечно, бывать и у генерала; но предполагать, что онъ пуститъ въ семьѣ корни?!.. Объ этомъ не могло быть и рѣчи—въ домѣ, въ городѣ же только о томъ и говорили.

Онъ и пустилъ таки корни!

Милость свыше пролилась на него, и когда онъ сдѣлался

статскимъ совѣтникомъ, Эмилія сдѣлалась статскою совѣтницею, что никого не удивило.

— Жизнь либо трагедія, либо комедія! — сказалъ генералъ. — Въ трагедіи влюбленные умираютъ, въ комедіи сочетаются бракомъ.

Георгъ съ Эмиліей сочетались, и у нихъ родилось трое славныхъ мальчугановъ — не заразъ, конечно.

Милые дѣтки, бывая въ гостяхъ у дѣдушки и бабушки, ѣздили по всѣмъ комнатамъ и заламъ верхомъ на палочкахъ, а за ними гарцовалъ на палочкѣ и самъ генералъ — „въ качествѣ жокея маленькихъ статскихъ совѣтниковъ!"

Генеральша же сидѣла на диванѣ и улыбалась, глядя на внуковъ, даже въ тѣ дни, когда страдала своею „ужасною мигренью".

Такъ вотъ какъ далеко пошелъ Георгъ. Да онъ пошелъ и еще дальше, иначе не стоило бы и разговоръ заводить о сынѣ привратника!

„ДЕНЬ ПЕРЕѢЗДА".

Ты, вѣдь, помнишь колокольнаго сторожа Оле! Я разсказывалъ тебѣ о двухъ своихъ посѣщеніяхъ Оле, теперь разскажу и о третьемъ, но еще не послѣднемъ.

Обыкновенно я навѣщалъ его около Новаго Года, но на этотъ разъ взобрался на колокольню въ самый „день переѣзда". Внизу, на улицахъ, въ этотъ день пренепріятно: всюду соръ, осколки, черепки, обломки, не говоря уже о ворохахъ соломы, выкинутой изъ негодныхъ матрацовъ!.. Шагаешь, шагаешь по нимъ!.. Да! пришлось таки мнѣ пошагать! И вотъ, вижу въ опрокинутой мусорной бочкѣ играютъ двое ребятишекъ. Они затѣяли игру „въ спанье", — бочка такъ и манила улечься въ нее. Они и влѣзли туда, зарылись въ гнилую солому и накрылись вмѣсто одѣяла кускомъ старыхъ ободранныхъ обоевъ — то-то любо! Но съ меня было уже довольно, и я поспѣшилъ на верхъ, къ Оле.

— Сегодня „день переѣзда"! — сказалъ онъ. — Улицы и переулки превращаются въ гигантскія мусорныя бочки, а мнѣ довольно бываетъ и одного ящика: я и изъ него могу выловить кое-что и выловилъ таки однажды, вскорѣ послѣ сочельника. Я

спустился на улицу; было сыро, грязно, сѣро и холодно. Мусорщикъ остановился со своимъ возомъ у одного дома. Ящикъ его былъ полнехонекъ и могъ бы послужить примѣрнымъ образцомъ того, во что превращаются копенгагенскія улицы въ день переѣзда. Сзади на возу торчала елка, совсѣмъ еще зеленая, на вѣтвяхъ уцѣлѣла мишура; она покрасовалась въ сочельникъ, а затѣмъ ее выбросили на улицу, и вотъ, мусорщикъ водрузилъ ее на свой возъ. Смѣяться было или плакать, глядя на эту картину? Это, зависитъ, конечно, отъ того, что думать при этомъ. Я смотрѣлъ на нее и думалъ; думали, вѣроятно, и кое-какіе изъ сваленныхъ въ кучу предметовъ, или по крайней мѣрѣ могли думать, а это, вѣдь, почти одно и то же. Лежала тамъ, между прочимъ, разорванная дамская перчатка. О чемъ она думала? Сказать-ли вамъ? Она лежала, указывая мизинчикомъ прямо на елку, и думала: „Мнѣ жаль это деревцо! И я тоже была создана блистать при свѣтѣ огней! И моя жизнь продолжалась одну бальную ночь! Пожатіе руки—и я лопнула! Тутъ обрывается нить моихъ воспоминаній; больше мнѣ не для чего было жить!“ Вотъ что думала или могла думать перчатка!

„Глупая исторія съ этой елкой!“ думалъ черепокъ отъ горшка. Черепки всегда и все находятъ глупымъ. „Ужъ разъ попала въ мусорную кучу, нечего носъ задирать и чваниться своею мишурой! Я-то вотъ знаю, что приносилъ пользу на свѣтѣ, не то, что эта зеленая розга!“

Что-жъ, и такое мнѣніе имѣетъ много сторонниковъ, но елка всетаки смотрѣла очень красиво, вносила хоть немножко поэзіи въ эту мусорную кучу, а сколько такихъ кучъ на улицахъ въ день переѣзда!.. Мнѣ стало тяжело бродить по улицамъ, и меня потянуло къ себѣ наверхъ. Тутъ я сижу себѣ да благодушно посматриваю внизъ.

Вотъ теперь добрые люди играютъ тамъ „въ перемѣну квартиръ“! Они возятся, перетаскиваютъ свое добро, а домовой сидитъ на возу и переѣзжаетъ вмѣстѣ съ ними: домашнія дрязги, семейныя неурядицы, печали и заботы—все перебирается изъ стараго жилища въ новое. Такъ какой же смыслъ во всей этой кутерьмѣ? Въ „Справочной газетѣ“ давнымъ-давно какъ-то было напечатано старое доброе изреченіе: *„Помни о великомъ переѣздѣ въ страну вѣчности!“*

Вотъ серьезная мысль, и, надѣюсь, вамъ не будетъ непріятно послушать кое-что на эту тему? Смерть, несмотря на кучу дѣлъ,

была и останется самымъ исправнымъ чиновникомъ. Вы когда-нибудь думали объ этомъ?

Смерть — кондукторъ, паспортистъ, выдающій намъ аттестаты, и директоръ великой сберегательной кассы человѣчества. Понимаете вы меня? Всѣ наши земныя дѣянія—и большія, и малыя, составляютъ нашъ вкладъ въ эту кассу, и вотъ, когда смерть подъѣдетъ къ намъ со своимъ дилижансомъ, въ которомъ мы должны отправиться въ страну вѣчности, она выдастъ намъ на границѣ вмѣсто паспорта нашъ аттестатъ! Вмѣсто же суточныхъ кормовыхъ денегъ мы получимъ изъ сберегательной кассы то или другое наиболѣе характерное дѣяніе наше. Для иного это очень пріятно, для иного же ужасно!

Никто еще не избѣгнулъ этого переѣзда въ дилижансѣ смерти. Правда, разсказываютъ, что былъ одинъ такой—іерусалимскій башмачникъ, которому не позволили сѣсть въ него. Ему пришлось бѣжать позади дилижанса. Но случись ему попасть туда, онъ бы ускользнулъ отъ поэтовъ! Загляните же когда-нибудь мысленно въ дилижансъ смерти! Въ немъ самое смѣшанное общество! Тутъ сидятъ рядомъ король и нищій, геній и идіотъ. Всѣмъ приходится пуститься въ дальній путь налегкѣ, безъ всякаго багажа, безъ денегъ, съ однимъ аттестатомъ, да съ тѣмъ, что выдастъ имъ изъ сберегательной кассы смерть. Какое же изъ всѣхъ дѣяній человѣка вынимаетъ она изъ сберегательной кассы и даетъ ему въ дорогу? Можетъ быть, самое маленькое, незамѣтное, какъ горошинка; но, вѣдь, изъ горошинки выростаетъ длинный цвѣтущій стебель!

Жалкій бѣднякъ, сидѣвшій у порога и получавшій толчки да пинки, получитъ, можетъ быть, въ дорогу этотъ самый порогъ. Но онъ сейчасъ же превратится въ паланкинъ, въ золотой тронъ или въ цвѣтущую бесѣдку, въ которой бѣдняка и отнесутъ въ страну безсмертія.

Тотъ же, кто постоянно пилъ изъ роскошной чаши наслажденія, чтобы забывать содѣянное имъ зло, получитъ въ дорогу простую плошку съ чистымъ, прозрачнымъ питьемъ, проясняющимъ мысли. Человѣкъ пьетъ его и видитъ то, чего прежде не хотѣлъ или не могъ видѣть. Наказаніе его въ томъ гложущемъ червѣ совѣсти, который никогда не умираетъ. Если на чашѣ земныхъ наслажденій была надпись *забвеніе*, то на этой плошкѣ будетъ написано *воспоминаніе*.

Когда я читаю хорошую книгу, историческое сочиненіе, я

всегда задумываюсь надъ тѣмъ, какое дѣяніе вынула смерть изъ сберегательной кассы и дала въ дорогу такому-то или такому-то лицу, о которомъ я читаю. Вотъ, напримѣръ, жилъ одинъ французскій король; имя его я позабылъ,—имена добрыхъ всегда забываются, но дѣла ихъ нѣтъ-нѣтъ да и всплывутъ въ памяти. Этотъ король явился въ голодный годъ благодѣтелемъ своего народа, и народъ воздвигъ ему памятникъ изъ снѣга съ надписью: „Помощь твоя являлась быстрѣе, чѣмъ таетъ этотъ памятникъ!“ Я думаю, что смерть дала этому королю одну снѣжинку изъ его памятника, которая никогда не можетъ растаять, и она проводила короля, порхая надъ его головой бѣлою бабочкою, въ страну вѣчности. А вотъ еще жилъ другой король, Людовикъ XI; его имя я помню,—люди не забываютъ зла. Мнѣ особенно памятно одно его дѣяніе, и всякій разъ, какъ я вспоминаю о немъ, мнѣ такъ и хочется назвать исторію ложью. Онъ велѣлъ казнить своего коннетабля; ну, это онъ могъ, справедливо или несправедливо—его дѣло; но у коннетабля были невинные дѣти, одинъ восьми, другой семи лѣтъ; такъ король велѣлъ и ихъ привести на эшафотъ и обрызгать теплою кровью отца! Затѣмъ онъ приказалъ посадить дѣтей въ Бастилію, въ желѣзную клѣтку; бѣдняжкамъ не дали даже одѣяла, чтобы покрываться ночью. А король присылалъ къ нимъ каждую недѣлю палача, которому было приказано вырывать у дѣтей по зубу, чтобы имъ жилось „не слишкомъ вольготно“. И старшій мальчикъ сказалъ однажды палачу: „Матушка умерла бы съ горя, если бы знала, что мой маленькій братъ такъ страдаетъ! Выдерни же лучше два зуба у меня и оставь его въ покоѣ!“ У палача выступили на глазахъ слезы, но воля короля была сильнѣе слезъ, и королю еженедѣльно продолжали подавать на серебряномъ блюдѣ по два дѣтскихъ зуба. Онъ требовалъ ихъ и получалъ. Такъ вотъ, я думаю, что эти-то два зуба смерть и вынула изъ сберегательной кассы человѣчества и вручила ихъ королю Людовику XI въ дорогу, когда онъ отправился въ страну вѣчности. И зубы невинныхъ дѣтей летѣли надъ нимъ двумя огненными пчелами, жгли, жалили его всю дорогу!

Да, серьезный путь предстоитъ намъ въ день великаго переѣзда въ дилижансѣ смерти! Когда-то онъ пріѣдетъ за нами?

Вспомнишь, что мы можемъ ожидать его каждый день, каждый часъ, каждую минуту, и невольно призадумаешься. Которое-то изъ нашихъ дѣяній вынетъ тогда смерть изъ сберега-

тельной кассы и дастъ намъ въ дорогу? Да, поразмыслимъ-ка объ этомъ! День *этого* переѣзда не обозначенъ, вѣдь, въ календарѣ!

ПОДСНѢЖНИКЪ.

Зима; холодно; вѣтеръ такъ и рѣжетъ, но въ землѣ хорошо, уютно; тамъ и лежитъ цвѣточекъ въ своей луковицѣ, прикрытой землею и снѣгомъ.

Но вотъ выпалъ дождь; капли проникли сквозь снѣжный покровъ въ землю къ цвѣточной луковицѣ и сообщили ей о бѣломъ свѣтѣ, чтó надъ нею. Скоро пробрался туда и солнечный лучъ, такой тонкій, сверлящій; онъ пробуравилъ снѣгъ и землю и слегка постучался въ луковицу.

— Войдите!—сказалъ цвѣтокъ.

— Не могу!—отвѣтилъ лучъ.—Я еще слабъ теперь, и мнѣ не раскрыть луковицы! А вотъ къ лѣту я соберусь съ силами!

— А когда будетъ лѣто?—спросилъ цвѣтокъ и спрашивалъ то же самое у каждаго новаго гостя—солнечнаго луча. Но до лѣта было еще долго; снѣгъ еще не весь сталъ, и лужицы каждую ночь затягивало льдомъ.

— Какъ это долго тянется!—говорилъ цвѣтокъ.—А мнѣ просто не сидится на мѣстѣ! Хочется потянуться, вытянуться, раскрыться, выйти на волю, повидаться съ лѣтомъ! То-то блаженное времечко!

И цвѣтокъ потянулся въ своей тонкой скорлупкѣ, размягченной водою, согрѣтой снѣгомъ и землею, пронизанной солнечными лучами. Скоро изъ земли, подъ снѣгомъ, пробился зеленый стебелекъ съ свѣтло-зеленымъ бутономъ, окруженнымъ, словно ширмочкой, узенькими, толстенькими листками. Снѣгъ былъ еще холодный, но весь залитъ лучами солнца,—онъ былъ уже настолько рыхлъ, что имъ легко было пробиться сквозь него, да и сами они стали теперь сильнѣе.

— Добро пожаловать! Добро пожаловать!—запѣли они, и цвѣтокъ выглянулъ изъ-подъ снѣга. Солнечные лучи ласкали и цѣловали малютку, такъ что бѣлоснѣжная съ зелеными жилками чашечка его совсѣмъ раскрылась. Радостно и скромно склонилъ онъ головку.

— Милый цвѣточекъ!—пѣли солнечные лучи.—Какъ ты свѣжъ и нѣженъ! Ты первый, единственный! Ты наше возлюб-

ленное дитя! Ты возвѣщаешь лѣто, чудное лѣто! Скоро весь снѣгъ растаетъ, холодные вѣтры унесутся прочь! Царствовать будемъ мы! Все зазеленѣетъ! И у тебя появятся подружки: зацвѣтутъ сирень и желтая акація, а потомъ розы, но ты все-таки первый, такой нѣжный, прозрачный!

Вотъ была радость! Казалось, самый воздухъ пѣлъ и звучалъ, солнечные лучи проникали въ самые лепестки и стебелекъ цвѣтка. И онъ стоялъ, такой нѣжный, хрупкій и въ то же время полный силъ, въ пышномъ расцвѣтѣ юной красоты, такой нарядный въ своемъ бѣломъ платьицѣ, съ зелеными ленточками, и славилъ лѣто. Но до лѣта было еще долго; облака закрыли солнышко, подули холодные, рѣзкіе вѣтры.

— Рановато ты появился!—сказали они цвѣтку.—Сила еще на нашей сторонѣ! Постой, мы зададимъ тебѣ! Сидѣть бы тебѣ да сидѣть въ теплѣ, а не торопиться франтить на солнышкѣ,— не пришло еще время!

Холодъ такъ и щипалъ. Дни шли за днями, а не показывалось ни единаго солнечнаго луча. Нѣжному цвѣточку хоть замерзнуть было впору. Но онъ былъ сильнѣе, чѣмъ подозрѣвалъ самъ; его укрѣпляла радостная вѣра въ обѣщанное лѣто. Оно должно было скоро придти! Недаромъ же о немъ возвѣстили солнечные лучи. Цвѣтокъ твердо вѣрилъ ихъ обѣщанію и терпѣливо стоялъ на бѣломъ снѣгу въ своемъ бѣломъ нарядѣ, склоняя головку подъ тяжелыми, густыми хлопьями снѣга; вокругъ него бушевали холодные вѣтры.

— Ты сломишься!—говорили они.—Завянешь, замерзнешь! Что тебѣ надо было тутъ? Зачѣмъ ты далъ себя выманить? Солнечный лучъ обманулъ тебя! Вотъ и подѣломъ тебѣ теперь! Эхъ, ты, подснѣжникъ!

— Подснѣжникъ!—прозвучало въ холодномъ утреннемъ воздухѣ.

— Подснѣжникъ!—ликовали дѣти, выбѣжавшіе въ садъ.— Вотъ тутъ растетъ одинъ, такой миленькій, прелестный, первый, единственный!

И слова эти пригрѣли цвѣтокъ словно солнечные лучи. Отъ радости онъ даже не почувствовалъ, что его сорвали. Онъ очутился въ дѣтской ручонкѣ, дѣтскія губки цѣловали его. Потомъ его принесли въ теплую комнату, полюбовались на него и поставили въ воду. Цвѣтокъ ожилъ, возродился къ жизни, подумалъ, что вдругъ наступило лѣто.

У старшей дочки, прелестной молодой дѣвушки,—она уже была конфирмована—былъ другъ сердца; онъ тоже былъ конфирмованъ и теперь проходилъ курсъ наукъ.

— Вотъ пошучу съ нимъ! Онъ подумаетъ, что у насъ уже лѣто!—сказала дѣвушка, взяла нѣжный цвѣточекъ и положила его въ душистый листокъ бумаги, на которомъ были написаны стихи о подснѣжникѣ. Они начинались словомъ подснѣжникъ, а кончались словами: „Теперь, дружокъ мой, ты на всю зиму останешься дурачкомъ!“ Да, вотъ что говорилось въ стихахъ, которые она послала другу вмѣсто письма. Цвѣтокъ очутился въ конвертѣ; какъ тамъ было темно! Онъ точно опять попалъ въ луковицу! И вотъ, онъ отправился въ путь, побывалъ въ почтовой сумкѣ, его тискали, комкали; пріятнаго тутъ было мало, но и этому пришелъ конецъ.

Письмо дошло по назначенію; его распечатали и прочли. Другъ сердца былъ такъ доволенъ, что расцѣловалъ цвѣтокъ и спряталъ его вмѣстѣ со стихами въ ящикъ. Тамъ лежало много такихъ же дорогихъ писемъ, но всѣ они были безъ цвѣтовъ; этотъ явился первымъ, единственнымъ, какъ назвали его солнечные лучи, и цвѣтокъ не нарадовался этому!

А времени радоваться было у него довольно: прошло лѣто, прошла и длинная зима, снова настало лѣто, и тогда только его опять вынули. Но на этотъ разъ молодой человѣкъ не былъ веселъ и такъ сердито принялся рыться въ письмахъ и бумагахъ, что листокъ со стихами полетѣлъ на полъ, и подснѣжникъ выпалъ изъ него. Правда, онъ высохъ и сплюснулся, но изъ-за этого не слѣдовало всетаки швырять его на полъ! И все же лежать на полу было лучше, чѣмъ сгорѣть въ печкѣ, куда угодили всѣ письма и стихи. Что же случилось? То, что часто случается. Подснѣжникъ обманулъ молодого человѣка — это была шутка; дѣвушка обманула его — это ужъ была не шутка. Она избрала себѣ лѣтомъ новаго друга сердца.

Утромъ солнышко освѣтило маленькій сплюснутый подснѣжникъ, смотрѣвшій словно нарисованнымъ на полу. Дѣвушка, подметавшая полъ, подняла его и вложила въ одну изъ книгъ на столѣ; она думала, что нечаянно выронила оттуда цвѣтокъ, приводя столъ въ порядокъ. И вотъ, цвѣтокъ снова очутился между стихами, но на этотъ разъ напечатанными, а они, вѣдь, важнѣе написанныхъ, по крайней мѣрѣ обходятся дороже.

Прошли годы; книга все стояла на полкѣ; но вотъ ее взяли,

открыли и стали читать. Книга была хорошая: стихи и пѣсни датскаго поэта Амвросія Стуба; съ ними стоитъ познакомиться. Человѣкъ, читавшій книгу, перевернулъ страницу.

— Подснѣжникъ! Недаромъ его положили сюда. Бѣдняга Амвросій Стубъ! Ты тоже былъ подснѣжникомъ среди своихъ собратьевъ! Ты явился слишкомъ рано, опередилъ свое время, и тебя встрѣтили буйные вѣтры и непогода. Пришлось тебѣ скитаться изъ дома въ домъ, отъ одного фіонскаго помѣщика къ другому, разыгрывая роль цвѣтка въ стаканѣ съ водою, или вложеннаго въ риѳмованное письмо! Да, и ты былъ подснѣжникомъ, обманчиво возвѣстившимъ лѣто, недоразумѣніемъ, шуткой, но все же ты былъ первымъ, единственнымъ, дышащимъ юношескою свѣжестью, датскимъ поэтомъ. Оставайся же тутъ, подснѣжникъ! Ты положенъ сюда недаромъ.

И подснѣжникъ опять положили въ книгу; онъ былъ и польщенъ и обрадованъ, узнавъ, что положенъ въ это прекрасное собраніе пѣсенъ не даромъ, и что самъ пѣвецъ былъ такимъ же подснѣжникомъ, надъ которымъ подшутила зима. Подснѣжникъ понялъ все по-своему, какъ и мы всякую вещь понимаемъ посвоему.

Вотъ и вся сказка о подснѣжникѣ.

ТЕТУШКА.

Знали бы вы тетушку—прелесть что такое! То-есть прелесть не въ обыкновенномъ смыслѣ слова, не красавица, а милая, славная и, по-своему, презабавная. Вотъ надъ кѣмъ можно было пошутить, посмѣяться! Хоть сейчасъ сажай ее въ комедію! И все это потому только, что она жила лишь театромъ и всѣмъ, что къ нему относится. Вообще же тетушка была особа почтенная, даромъ что агентъ Болманъ, или „болванъ“, какъ звала его тетушка, величалъ ее „театральною маньячкой“.

— Театръ—моя школа,—говаривала она:—источникъ моихъ познаній. Благодаря театру, я освѣжила свое знаніе священной исторіи: „Моисей“, „Іосифъ и его братья“—это все, вѣдь, оперы! Благодаря театру, я познакомилась и со всемірною исторіей, и съ географіей, и съ психологіей! Изъ французскихъ пьесъ я узнала парижскую жизнь; легкомысленна она, но въ высшей степени интересна! Какъ я плакала надъ „Семействомъ Рике-

буръ“! Подумать только—герой допивается до смерти, чтобы героиня могла выйти замужъ за любимаго человѣка! Да, много слезъ я пролила за тѣ пятьдесятъ лѣтъ, что абонируюсь!

Тетушка знала каждую пьесу, каждую кулису, каждаго актера, который выступалъ на сценѣ теперь или прежде. Она жила, собственно говоря, только девять мѣсяцевъ въ году; лѣтніе три мѣсяца, театральные каникулы, прямо таки старили ее, тогда какъ одинъ вечеръ въ театрѣ, затягивавшійся за полночь, просто молодилъ. Она не говорила, какъ другіе люди: „Вотъ скоро придетъ весна!“ „Аистъ прилетѣлъ!“ „Въ газетахъ уже пишутъ, что появилась свѣжая земляника!“ Она, напротивъ, привѣтствовала осень: „Видѣли, абонементъ уже открытъ?.. Скоро начнутся представленія!“

Достоинство и удобство квартиры она измѣряла близостью ея къ театру. Какъ горько было ей оставить маленькій переулокъ, проходившій позади театра, и переѣхать въ большую улицу немного подальше, да вдобавокъ поселиться въ домѣ безъ визави.

— Я и дома хочу имѣть свою ложу—окошко! Нельзя же все съ самою собою разсуждать, надо и на людей поглядѣть! А вотъ теперь мнѣ приходится жить, точно въ деревнѣ, въ захолустьи! Если мнѣ вздумается посмотрѣть на людей, приходится взлѣзать на кухонный столъ—только оттуда я и вижу сосѣдей. То-ли дѣло было въ переулкѣ! Тамъ изъ моего окошка открывался видъ прямо въ квартиру торговца льномъ, да и до театра было всего три шага, а теперь цѣлыхъ три тысячи и какихъ еще—гвардейскихъ!

Случалось тетушкѣ и захворать, но какъ бы плохо она себя ни чувствовала, пропустить представленія всетаки не могла. Разъ докторъ предписалъ ей поставить себѣ вечеромъ къ ногамъ кислое тѣсто. Она поставила, но въ театръ всетаки поѣхала и высидѣла все представленіе съ тѣстомъ на ногахъ. Умри она въ этотъ вечеръ, она была бы даже довольна. Вѣдь, умеръ же въ театрѣ Торвальдсенъ, и такую смерть она называла „блаженною“.

Тетушка и рая не могла себѣ представить безъ театра. Конечно, намъ этого не обѣщано, но, вѣдь, довольно же правдоподобно, что для прекрасныхъ актеровъ и актрисъ, которые отправились туда до насъ, найдется и тамъ арена дѣятельности!

Въ комнатку тетушки была проведена изъ театра своего рода

электрическая проволока; телеграмма являлась каждое воскресенье къ кофе. Проволокою служилъ господинъ Сивертсенъ, театральный машинистъ, подававшій сигналы къ поднятію занавѣса, перемѣнѣ декорацій и проч.

Отъ него-то тетушка и получала краткія, но вразумительныя свѣдѣнія о репертуарѣ. „Бурю“ Шекспира онъ звалъ „чертовщиной“: столько хлопотъ съ ней! Въ первомъ же дѣйствіи—„море вплоть до первой кулисы!“ Это онъ хотѣлъ объяснить, какъ далеко должны были заходить волны морскія. Если же сцена во всѣхъ пяти дѣйствіяхъ изображала все одну и ту же комнату, онъ называлъ такую пьесу разумною, толково написанною, на которой можно отдохнуть. Она, дескать, играется сама собой, безъ всякихъ фокусовъ.

Въ прежнія времена—то-есть лѣтъ тридцать тому назадъ—когда и сама тетушка и вышепоименованный господинъ Сивертсенъ, уже и тогда служившій машинистомъ, были помоложе, онъ—по словамъ тетушки—былъ настоящимъ благодѣтелемъ для нея. Въ тѣ времена въ единственномъ большомъ городскомъ театрѣ существовалъ обычай допускать зрителей на особыя мѣста, находившіяся подъ потолкомъ, по обѣимъ сторонамъ сцены. Каждый машинистъ располагалъ тамъ мѣстомъ или двумя. И мѣста эти зачастую бывали биткомъ набиты самою избранною публикою; говорили даже, что туда жаловали генеральши и коммерціи совѣтницы. Вѣдь, такъ интересно было заглянуть за кулисы, увидать, какъ держатъ себя герои сцены послѣ того, какъ занавѣсъ опустится!

Тетушка частенько бывала тамъ, когда шли трагедіи и балеты; въ этихъ пьесахъ участвовала наибольшая часть труппы, и на нихъ-то особенно интересно было смотрѣть сверху. Зрители сидѣли тамъ въ потемкахъ, но очень удобно; почти всѣ запасались закуской на ужинъ, и однажды въ темницу Уголино, гдѣ онъ долженъ былъ умереть съ голода, упала колбаса и три яблока! Въ публикѣ, конечно, надорвали животики со смѣху. Вотъ эта-то колбаса и была одною изъ главнѣйшихъ причинъ, по которымъ дирекція закрыла для зрителей мѣста наверху.

— Но я всетаки успѣла побывать тамъ тридцать семь разъ!—говорила тетушка.—И никогда я не забуду этого господину Сивертсену!

Въ послѣдній вечеръ, когда мѣста подъ потолкомъ еще были

открыты для публики, давался „Судъ Соломона“; тетушка отлично помнила это. Въ этотъ разъ она, благодаря любезности господина Сивертсена, достала входной билетъ для агента Болмана, хоть онъ и не заслуживалъ этого за свое зубоскальство и вѣчныя насмѣшки надъ театромъ. Но ему очень хотѣлось видѣть „театральную канитель съ изнанки“. Онъ именно такъ и выразился, и это было куда какъ похоже на него—говорила тетушка.

И вотъ, онъ увидѣлъ „Судъ Соломона“ сверху, да и заснулъ тамъ. Право, точно онъ пришелъ въ театръ съ большого обѣда, за которымъ было провозглашено пропасть тостовъ! Итакъ, онъ заснулъ, проспалъ конецъ представленія, и его заперли въ темномъ, пустомъ театрѣ.

— Когда я проснулся,—разсказывалъ онъ потомъ (тетушка, впрочемъ, не вѣрила ни единому его слову)—„Судъ Соломона“ былъ конченъ, всѣ лампы и свѣчи потушены, весь народъ разошелся, но тогда-то и началось настоящее представленіе—эпилогъ. И это было всего интереснѣе! Все ожило, пошелъ уже не „Судъ Соломона“, а „Страшный судъ въ театрѣ“.

И подобной ерундой агентъ Болманъ думалъ морочить тетушку—въ благодарность за то, что она устроила его подъ потолкомъ!

Все, что разсказывалъ агентъ, могло со стороны показаться довольно забавнымъ, но въ сущности-то за всѣмъ этимъ скрывалась одна злая насмѣшка.

— Темно тамъ было на верху!—разсказывалъ онъ.—Но вотъ началось волшебное представленіе „Страшный судъ въ театрѣ“. У дверей стояли контролеры и требовали у каждаго изъ зрителей аттестатъ, чтобы удостовѣриться, имѣетъ-ли онъ право входить въ театръ не связанный по рукамъ и безъ намордника. Господа, являющіеся въ театръ слишкомъ поздно,—трудно, вѣдь, сообразоваться съ временемъ!—привязывались у входа и подковывались войлочными подошвами, чтобы могли безъ шума войти въ театръ въ началѣ слѣдующаго дѣйствія. Кромѣ того, на нихъ надѣвались намордники. Затѣмъ, начался „Страшный судъ“.

— Все только ехидничанье и злость, неугодныя Господу Богу!—ворчала тетушка.

Агентъ же продолжалъ:

— Декораторъ, желавшій попасть на небо, долженъ былъ

взбираться на него по имъ самимъ нарисованной лѣстницѣ, а лѣстница-то эта являлась сплошнымъ отрицаніемъ всякихъ законовъ перспективы! Завѣдующій же монтировочной частью, прежде чѣмъ попасть на небо, долженъ былъ перенести въ подобающія мѣста всѣ зданія и растенія, водворенныя имъ въ несоотвѣтствующія страны,—и все это раньше, чѣмъ пропоетъ пѣтухъ!

— Господину Болману слѣдовало бы лучше заботиться о томъ, какъ бы самому-то попасть на небо!

Вообще все, что онъ разсказывалъ объ актерахъ—и комическихъ, и драматическихъ, о пѣвцахъ и балетныхъ танцорахъ было—по словамъ тетушки – со стороны Болмана (болвана!) черною неблагодарностью! Онъ не заслуживалъ счастья попасть „наверхъ"! Тетушка не желала даже повторять его сквернословія. А онъ увѣрялъ, что все это записано и попадетъ въ печать послѣ его смерти—не раньше! Не то тетушка, пожалуй, загрызетъ его!

Только одинъ разъ довелось тетушкѣ набраться страха въ своемъ храмѣ блаженства—театрѣ. Дѣло было зимою, въ одинъ изъ короткихъ „двухчасовыхъ" сѣрыхъ дней. На дворѣ стоялъ холодъ, шелъ снѣгъ, но тетушкѣ непремѣнно надо было попасть въ театръ. Давали „Германа фонъ-Унна", небольшую оперу и большой балетъ, да еще прологъ и эпилогъ вдобавокъ. Спектакль долженъ былъ затянуться до поздней ночи. Какъ же пропустить такое представленіе? Къ тому же квартирантъ тетушки снабдилъ ее парой высокихъ мѣховыхъ сапогъ, заходившихъ ей за колѣна.

Тетушка явилась въ театръ, усѣлась въ ложу, но сапоговъ не сняла, хоть ей и жарко было въ нихъ. Вдругъ закричали: „Пожаръ!" Изъ-за одной кулисы и подъ потолкомъ показался дымъ. Поднялся переполохъ. Тетушка осталась послѣдней въ своей ложѣ—второго яруса съ лѣвой стороны; оттуда декораціи смотрятъ красивѣе—говорила тетушка—ихъ, вѣдь, ставятъ такъ, чтобы онѣ выглядѣли лучше изъ королевской ложи! Наконецъ, и тетушка добралась до двери, но оказалось, что зрители, выскочившіе раньше, заперли ее за собою впопыхахъ. Тетушка очутилась въ западнѣ. Прямо въ корридоръ выйти было нельзя, черезъ сосѣднюю ложу тоже,—перегородка была слишкомъ высока. Тетушка закричала, никто не услышалъ. Она заглянула внизъ, въ слѣдующій ярусъ, тамъ тоже было пусто, но до него было близко, просто рукой подать. Тетушка отъ

страха вдругъ помолодѣла, почувствовала себя такою легонькою, проворною и совсѣмъ ужъ собралась было перелѣзть черезъ барьеръ внизъ, даже перекинула черезъ него одну ногу, а другую поставила на скамейку. Такъ она и сидѣла словно верхомъ на лошади, такая нарядная, въ платьѣ съ цвѣточками, свѣсивъ внизъ ногу въ необъятномъ мѣховомъ сапожищѣ! То-то была картина! Когда на нее обратили вниманіе, услышали и крики тетушки, и она была спасена отъ опасности сгорѣть—со стыда, такъ какъ театръ и не думалъ горѣть.

По ея словамъ это былъ самый памятный вечеръ въ ея жизни. И хорошо, что она тогда не могла видѣть самое себя,—она бы умерла со стыда.

Благодѣтель ея, машинистъ Сивертсенъ, приходилъ къ ней каждое воскресенье, но отъ воскресенья до воскресенья долго было ждать, и вотъ, тетушка стала въ послѣднее время приглашать къ себѣ по средамъ „кормиться" (т. е. пользоваться остатками отъ стола) маленькую дѣвочку. Дѣвочка участвовала въ балетахъ и тоже нуждалась въ пищѣ. Выступала она въ роляхъ эльфовъ и пажей; труднѣйшею же ролью ея была роль „заднихъ лапъ льва" въ „Волшебной флейтѣ". Потомъ она доросла и до переднихъ лапъ, но за нихъ ей платили уже только три марки разовыхъ, тогда какъ заднія лапы оплачивались цѣлымъ риксдалеромъ *). Зато, исполняя ихъ, ей приходилось сгибаться въ три погибели и задыхаться! Все это тетушку живо интересовало.

Она бы заслуживала прожить до самаго закрытія стараго театра, но нѣтъ, не выдержала! Не пришлось ей и умереть тамъ! Умерла она чинно и благородно въ собственной постели. Послѣднія слова ея были, впрочемъ, довольно таки характерны. Она спросила: „А что идетъ завтра?"

Послѣ тетушки осталось что-то около пятисотъ риксдалеровъ. Такъ мы заключаемъ изъ процентовъ на капиталъ, составлявшихъ двадцать риксдалеровъ. Ихъ завѣщала тетушка въ видѣ пожизненной пенсіи достойной, старой безродной дѣвицѣ съ тѣмъ, чтобы она абонировалась на одно мѣсто въ ложѣ второго яруса съ лѣвой стороны, и непремѣнно на субботнія представленія,—тогда даются лучшія пьесы. На пенсіонерку налагалось лишь одно обязательство—поминать по субботамъ въ театрѣ покойную тетушку.

*) Риксдалеръ равнялся шести маркамъ. *Примѣч. перев.*

Такъ вотъ чему поклонялась и служила тетушка всю свою жизнь!

ЖАБА.

Колодезь былъ глубокій, поэтому и веревка была длинная; она медленно навертывалась на воротъ, когда вытаскивали полное ведро. Какъ ни прозрачна была вода въ колодцѣ, въ ней никогда не играли солнечные лучи,—они не достигали до ея поверхности. По стѣнкамъ же колодца и между камнями, куда они проникали, росла зелень.

Здѣсь ютилась цѣлая семья жабъ; она была не туземнаго происхожденія, а, такъ сказать, слетѣла сюда кувыркомъ въ лицѣ старой жабы, которая была еще жива и посейчасъ. Давнишнія обитательницы колодца, зеленыя лягушки, плававшія въ водѣ, признали жабъ родственницами и обошлись съ ними, какъ съ гостьями, прибывшими на воды. А гостьи-то взяли, да и поселились здѣсь совсѣмъ: жилось имъ тутъ очень вольготно, онѣ чувствовали подъ собою твердую почву!

Старой бабушкѣ-лягушкѣ довелось разъ совершить путешествіе въ ведрѣ; она поднялась въ немъ наверхъ, но тамъ ей показалось черезчуръ свѣтло, у нея даже въ глазахъ зарябило! Къ счастью, ей удалось выпрыгнуть изъ ведра. Шлепсъ! Она такъ бухнулась въ воду, что три дня спины у себя не чувствовала. Многаго о бѣломъ свѣтѣ она разсказать не могла, но знала, да это и всѣ знали, что колодезь—еще не весь свѣтъ. Вотъ старая жаба, та бы могла поразсказать о немъ кое-что побольше, но она никогда не отвѣчала на вопросы, ну, ее и не спрашивали.

— Безобразная, жирная толстуха!—говорили про нее зеленыя лягушки.—И дѣтки ея всѣ въ нее будутъ!

— Можетъ статься!—отвѣчала жаба.—Но у одной изъ нихъ, или у меня самой, сидитъ въ головѣ драгоцѣнный камень!

Зеленыя лягушки слушали ее, вытаращивъ глаза, но слова ея имъ не понравились—они передразнили ее и шлепнулись на дно. Зато молодыя жабы даже заднія ножки вытянули отъ пущей важности. Каждая мнила себя обладательницей драгоцѣннаго камня и сидѣла возлѣ старой жабы смирно-смирно, боясь шевельнуть головой. Но вдругъ всѣ заразъ зашевелились

и спросили у старухи, чѣмъ собственно имъ гордиться, что это за камень?

— А это нѣчто такое великолѣпное и дорогое, что и описать нельзя!—отвѣтила старая жаба.—Носятъ же это ради собственнаго удовольствія и другимъ на зло. Но не спрашивайте больше! Я не стану отвѣчать!

— Ну, ужъ во мнѣ-то нѣтъ драгоцѣннаго камня!—сказала самая младшая изъ жабъ. Она была безобразная-пребезобразная!—Да и съ какой стати завелась бы во мнѣ такая драгоцѣнность? А если она къ тому же будетъ сердить другихъ, то какая мнѣ отъ нея радость? Нѣтъ, мнѣ бы хотѣлось только одного—взобраться когда-нибудь на край колодца и посмотрѣть оттуда на бѣлый свѣтъ! То-то тамъ, должно быть, чудесно!

— Оставайся-ка лучше на своемъ мѣстѣ!—сказала старуха.—По крайней мѣрѣ знаешь, гдѣ ты! Берегись ведра, оно раздавитъ тебя! А попадешь въ него—еще вывалишься, и не всѣмъ, вѣдь, удается упасть такъ счастливо, цѣло и невредимо, какъ мнѣ!

— Квакъ!—вздохнула молодая жаба; по-нашему, по-человѣчьи, это означало „ахъ".

Ужъ какъ ей хотѣлось взобраться на край колодца, поглядѣть на бѣлый свѣтъ! Ее такъ и тянуло кверху! И вотъ, на слѣдующее утро, ведро съ водой случайно пріостановилось передъ камнемъ, на которомъ сидѣла жаба... Сердечко у нея такъ и ёкнуло, мигъ—и она прыгнула въ ведро и погрузилась на дно.

Ведро вытянули, и воду выплеснули.

— Ахъ, что-бъ тебѣ!—вскрикнулъ парень, увидавъ жабу.—Такой гадины я еще не видывалъ!—И онъ ткнулъ ее ногой въ деревянномъ башмакѣ, такъ что чуть не изувѣчилъ бѣдняжку. Жаба едва спаслась въ высокую крапиву. Тутъ она стала оглядываться: стебли стояли рядышкомъ одинъ возлѣ другого, а вверху, сквозь листья, просвѣчивало солнышко, такъ что листья казались совсѣмъ прозрачными. Для жабы разгуливать въ крапивѣ было то же, что для насъ гулять въ густомъ лѣсу, гдѣ сквозь листву просвѣчиваетъ солнышко.

— Здѣсь куда лучше, чѣмъ у насъ въ колодцѣ! Право, такъ бы и осталась тутъ навсегда!—сказала жаба. Прошелъ часъ, прошелъ другой, а она все лежала въ крапивѣ.—А что же тамъ, дальше? Если ужъ я зашла такъ далеко, надо идти и дальше!

И она поползла, какъ могла скорѣе, и выползла на до-

рогу. Солнышко пригрѣвало ее, пыль пудрила, а она себѣ ползла да ползла черезъ дорогу.

— Вотъ тутъ такъ сушь да гладь!—сказала она.—Право, тутъ ужъ больно хорошо! Мнѣ просто щекотно отъ удовольствія!

Вотъ она доплелась до канавы, обросшей по краямъ незабудками и таволгою. Повыше же шла живая изгородь изъ бузины, бѣлаго терна и вьюнка. Да, много тутъ было цвѣтовъ! Просто заглядѣнье! Вотъ вспорхнула бабочка, и жаба приняла ее за цвѣтокъ, который сорвался со стебелька, чтобы лучше познакомиться съ бѣлымъ свѣтомъ. Что-жъ, жаба отлично это понимала! — Вотъ бы полетѣть, какъ онъ! — сказала она. — Квакъ! Ахъ! Что за красота!

Цѣлую недѣлю прожила она у канавы; недостатка въ пищѣ тутъ не было. Но на девятый день жаба подумала: „Пора дальше! Впередъ! Поищу еще чего-нибудь получше!“ Но что же могла она найти? Можетъ быть, подружку-жабу или зеленыхъ лягушекъ! Ночью вѣтеръ доносилъ до нея кваканье; должно быть, по близости жила родня.

„Какъ хорошо жить на свѣтѣ, выбраться изъ колодца, лежать въ крапивѣ, ползать по пыльной дорогѣ и нѣжиться въ сырой канавѣ! Но дальше, дальше! Надо отыскать лягушекъ или подружку-жабу! Безъ этого обойтись нельзя, одной природы мало!“ И она опять пустилась въ путь.

Вотъ она доползла до большого пруда, поросшаго тростникомъ. Туда она и забралась.

— Тутъ, пожалуй, черезчуръ сыро для васъ!—сказали лягушки.—Но милости просимъ! Вы дама или кавалеръ? Впрочемъ, все равно! Милости просимъ!

И ее пригласили на вечерній семейный концертъ. Восторгъ былъ полный, голоса тоненькіе,—дѣло извѣстное! Угощенія не было никакого, только даровое питье—цѣлый прудъ, если угодно.

— Теперь мнѣ надо дальше!—сказала жаба. Она все рвалась къ лучшему.

Видѣла она надъ собою звѣзды, такія большія, ясныя, видѣла и новорожденную луну, видѣла и солнце, которое подымалось все выше и выше.

„Я, значитъ, всетаки еще въ колодцѣ, только въ большомъ. Надо взобраться еще выше! Ахъ, меня такъ и тянетъ все дальше и дальше, все выше и выше!“

Вотъ настало полнолуніе, и бѣдняжка подумала: „Не ведро-

ли это спускается? Вотъ бы прыгнуть въ него да подняться кверху! Или, можетъ быть, солнце—большое ведро? Какое оно огромное, яркое! Въ немъ бы хватило мѣста для всѣхъ насъ! Надо будетъ ловить случай! Ахъ, какъ оно засвѣтилось у меня въ головѣ! Драгоцѣнный камень врядъ-ли свѣтитъ ярче. Ну, его-то во мнѣ нѣтъ, да мнѣ и горя мало! Нѣтъ, вотъ подняться еще выше, къ еще большому блеску и радости—это дѣло другое! Я твердо рѣшилась на этотъ шагъ, но всетаки и побаиваюсь слегка... Шагъ, вѣдь, серьезный! Сдѣлать его, однако, надо! Впередъ! Все прямо, прямо! Знай—шагай!

И она зашагала, т. е. поползла. Вотъ она выбралась на проѣзжую дорогу; тутъ жили люди, попадались сады и огороды.

— Сколько, однако, на свѣтѣ разныхъ тварей! Я ихъ и не знавала прежде! И какъ великъ, прекрасенъ самый свѣтъ! Но надо осматривать его, а не сидѣть на одномъ мѣстѣ.—И она прыгнула въ огородъ.—Какая зелень! Какъ тутъ хорошо!

— Знаю, что хорошо!—сказала гусеница, сидѣвшая на капустномъ листѣ. —Мой листокъ больше всѣхъ здѣсь! Онъ закрываетъ отъ меня полсвѣта, но я въ немъ и не нуждаюсь!

— Кокъ-кокъ-кудакъ!—раздалось возлѣ нихъ.

Это явились куры. Онѣ такъ и засѣменили по огороду. Самая первая курица была дальнозоркая, увидала гусеницу на капустномъ листѣ и клюнула его. Гусеница свалилась на землю и принялась изгибаться и вывертываться. Курица покосилась на нее сначала однимъ глазомъ, потомъ другимъ,—она еще не знала, что выйдетъ изъ этихъ вывертовъ.

„Ну, онъ вертится этакъ не по доброй волѣ!“ рѣшила она, наконецъ, и хотѣла было склевать гусеницу. Жаба такъ перепугалась, что подползла къ курицѣ вплотную.

— Э, да онъ выдвигаетъ резервы!—сказала курица.—Ишь, ползучка какая нашлась!—И она повернула прочь.—Нуженъ мнѣ очень этакій зеленый червячокъ! Только въ горлѣ отъ него запершитъ!

Остальныя куры были того же мнѣнія и тоже ушли.

— Ну, я таки отвертѣлась отъ нея!—сказала гусеница.— Вотъ что значитъ не терять присутствія духа! Но самое трудное еще впереди! Какъ мнѣ опять взобраться на мой капустный листъ? Гдѣ онъ?

Жаба подошла къ гусеницѣ и выразила свое сочувствіе, а также радость, что ея безобразіе обратило курицу въ бѣгство.

— Что вы хотите сказать?—спросила гусеница.—Я сама отвертѣлась отъ нея. Фу, на васъ смотрѣть тошно! Оставьте меня, пожалуйста, въ покоѣ! Я, кажется, у себя дома! А, вотъ и мой листокъ! То-ли дѣло у себя дома! Но надо взобраться повыше!

— Да, повыше!—сказала жаба.—Выше! У насъ съ ней симпатія! Но она не въ духѣ теперь—отъ страха. Всѣ мы хотимъ взобраться повыше!

И она подняла голову какъ только могла.

На крышѣ крестьянской хижины сидѣлъ аистъ; онъ трещалъ языкомъ и аистиха трещала.

„Какъ они высоко живутъ!“ подумала жаба. „Вотъ бы забраться туда!“

Хижину нанимали двое студентовъ. Одинъ былъ поэтъ, другой натуралистъ. Одинъ радостно воспѣвалъ все сотворенное Богомъ такъ, какъ оно отражалось въ его сердцѣ, воспѣвалъ въ краткихъ, ясныхъ и звучныхъ стихахъ. Другой вникалъ въ самую суть вещей, готовъ былъ даже распотрошить ихъ, если на то пошло. На весь міръ Божій онъ смотрѣлъ, какъ на огромную ариѳметическую задачу, производилъ вычисленія, хотѣлъ выяснить себѣ все, понимать все, говорить обо всемъ разумно,—все въ мірѣ было, вѣдь, такъ разумно. Онъ и говорилъ обо всемъ разумно и съ увлеченіемъ. Оба были добрые, веселые малые.

— Вотъ славный экземпляръ жабы!—сказалъ натуралистъ.— Надо ее въ спиртъ посадить!

— Да у тебя ужъ двѣ сидятъ!—сказалъ поэтъ.—Оставь ее въ покоѣ! Пусть наслаждается жизнью!

— Да ужъ больно она безобразна! Прелесть просто!—сказалъ первый.

— Вотъ если бы можно было найти въ ея головѣ драгоцѣнный камень, я бы самъ помогъ тебѣ распотрошить ее!— сказалъ поэтъ.

— Драгоцѣнный камень!—повторилъ натуралистъ.—Силенъ же ты въ естественной исторіи!

— А развѣ не прекрасно это народное повѣрье—будто жаба, эта безобразнѣйшая тварь, часто скрываетъ въ своей головѣ драгоцѣнный камень? Развѣ съ людьми не бываетъ того же? Какой драгоцѣнный камень скрывался въ головѣ Эзопа, а въ головѣ Сократа..?

Дальше жаба ничего не слыхала, да и изъ того, что слы-

шала, не поняла половины. Друзья прошли, и бѣда на этотъ разъ миновала ее.

— И они говорили о драгоцѣнномъ камнѣ!—сказала жаба.— Хорошо, что во мнѣ его нѣтъ, не то не избыть бы мнѣ непріятности!

На крышѣ опять затрещало. Аистъ-отецъ держалъ семейную рѣчь, а семья его косилась на двухъ студентовъ, гулявшихъ по огороду.

— Человѣкъ—самое чванное созданіе!—говорилъ аистъ.— Слышите, какую трескотню завели! А настоящаго-то все не выходитъ! Они чванятся своею рѣчью, своимъ языкомъ! Хорошъ языкъ, который, чѣмъ дальше ѣдешь, тѣмъ меньше понимаешь! Вотъ у нихъ какъ! Одинъ не понимаетъ другого. А нашъ-то языкъ годится всюду—и въ Даніи, и въ Египтѣ. И летать они не умѣютъ! Правда, они мчатся съ мѣста на мѣсто, благодаря своему изобрѣтенію—желѣзной дорогѣ, да часто ломаютъ себѣ шеи! У! морозъ по клюву пробираетъ, какъ подумаю объ этомъ! Свѣтъ простоялъ бы и безъ людей! Мы безъ нихъ отлично бы обошлись! Оставили бы намъ только лягушекъ, да дождевыхъ червей!

„Вотъ такъ рѣчь!“ подумала жаба. „Какой онъ важный и какъ высоко сидитъ! Никого еще я не видала на такой высотѣ!.. А какъ онъ умѣетъ плавать!“—вырвалось у нея, когда аистъ широко взмахнулъ крыльями и полетѣлъ.

Аистиха же продолжала разсказывать дѣтямъ объ Египтѣ, о Нилѣ, о безподобной тамошней тинѣ. Все это было такъ ново для жабы.

— Мнѣ надо въ Египетъ!—сказала она.—Только бы аистъ взялъ меня съ собою! Или хоть одинъ изъ птенцовъ! Я бы ужъ отплатила ему чѣмъ-нибудь! Да я таки и попаду въ Египетъ: счастье мнѣ везетъ! Право, это стремленіе, эта тоска, что во мнѣ, лучше всякаго драгоцѣннаго камня въ головѣ!

А въ ней какъ разъ и сидѣлъ этотъ камень—эта вѣчная тоска, стремленіе къ лучшему, стремленіе впередъ, впередъ! Она вся свѣтилась ими.

Въ эту минуту явился аистъ. Онъ увидалъ въ травѣ жабу, слетѣлъ и сцапалъ ее не особенно-то деликатно. Клювъ сжался, въ ушахъ у жабы засвистѣлъ вѣтеръ... Непріятно это было, но зато она летѣла вверхъ, въ Египетъ!.. Она знала это, и глаза ея засіяли; изъ нихъ какъ будто вылетѣла яркая искра.

— Квакъ! Ахъ!

Жаба умерла, тѣло ея раздавили. Но куда же дѣвалась искра изъ ея глазъ?

Ее подхватилъ солнечный лучъ и унесъ—куда?

Не спрашивай объ этомъ натуралиста, спроси лучше поэта. Онъ отвѣтитъ тебѣ сказкой; въ ней будутъ упомянуты и гусеница, и семья аиста. Подумай! Гусеница превращается въ прелестную бабочку, аистъ летитъ надъ горами и садами въ далекую Африку и все же находитъ кратчайшую дорогу назадъ, въ Данію, на то же мѣсто, на ту же крышу. Да, это что-то сказочное, и всетаки это правда. Спроси хоть у натуралиста, и онъ скажетъ то же самое. Да, ты и самъ знаешь, самъ видѣлъ все это!

Ну, а драгоцѣнный-то камень изъ головы жабы куда дѣвался?

Поищи его на солнцѣ! Взгляни на него, коли можешь! Но блескъ солнца нестерпимъ. У насъ нѣтъ еще такихъ глазъ, которыми бы мы могли зрѣть всю красоту, созданную Богомъ, но когда-нибудь мы обрѣтемъ ихъ. То-то будетъ чудесная сказка: мы сами будемъ въ ней дѣйствующими лицами!

АЛЬБОМЪ КРЕСТНАГО.

Мастеръ былъ крестный разсказывать. Сколько онъ зналъ разныхъ исторій—длинныхъ, интересныхъ! Умѣлъ онъ также вырѣзывать картинки и даже самъ отлично рисовалъ ихъ. Передъ Рождествомъ онъ обыкновенно доставалъ чистую тетрадку и начиналъ наклеивать въ нее картинки, вырѣзанныя изъ книжекъ и газетъ; если же ихъ не хватало для полной иллюстраціи задуманнаго разсказа, онъ самъ пририсовывалъ новыя. Много дарилъ онъ мнѣ въ дѣтствѣ такихъ тетрадокъ, но самую лучшую получилъ я въ тотъ „достопамятный годъ, когда Копенгагенъ освѣтился новыми газовыми фонарями вмѣсто прежнихъ ворванныхъ“. Это событіе и было отмѣчено на первой же страницѣ.

— Этотъ альбомъ надо беречь! — говорили мнѣ отецъ и мать.—Его и вынимать-то слѣдуетъ только въ особыхъ случаяхъ.

Но крестный надписалъ на обложкѣ:

Коль книжку разорвешь—бѣды еще нѣтъ!
Другіе похуже творили, мой свѣтъ!

Лучше всего было, когда крестный самъ показывалъ альбомъ,

читалъ стишки и прочее, что въ немъ попадалось, а къ этому еще многое добавлялъ отъ себя. Вотъ тогда-то исторія становилась настоящею исторіей!

На первой страницѣ красовалась картинка, вырѣзанная изъ „Летучей почты“ *); на ней виднѣлась „Круглая Башня“ и церковь Богоматери; лѣвѣе этой картинки была наклеена другая, изображавшая старый фонарь съ надписью: „Ворвань“, а правѣе — третья, изображавшая новый фонарь съ газовыми рожками и надписью: „Газъ“.

— Это афишка! — говорилъ крестный. — Она служитъ введеніемъ къ исторіи, которую сейчасъ разскажу тебѣ. Изъ нея можно было бы выкроить хоть цѣлую комедію: „*Ворвань и газъ или жизнь и приключенія Копенгагена*“. Вотъ только сумѣютъ-ли поставить ее? А заглавіе хоть куда! Внизу страницы видна еще картинка. Ее не такъ-то скоро поймешь! Придется пояснить. Это — мертвая лошадь **); мѣсто ея на послѣдней страницѣ альбома, а она, вишь, забѣжала впередъ! И забѣжала съ цѣлью объявить, что ни начало, ни середина, ни конецъ альбома никуда не годятся! Она сумѣла бы сдѣлать куда лучше, еслибы вообще умѣла. Днемъ — скажу я тебѣ — она гуляетъ на привязи по газетнымъ столбцамъ, вечеромъ же вырывается на волю, подбѣгаетъ къ дверямъ поэта и ржетъ, что поэтъ вотъ-вотъ Богу душу отдастъ. Но поэтъ и не думаетъ умирать, если только въ немъ дѣйствительно живая душа. Мертвая лошадь почти всегда очень жалкое существо, которое не можетъ даже разобраться въ собственномъ „я“ и добываетъ себѣ хлѣбъ насущный только бѣганьемъ да ржаньемъ. Я увѣренъ, что ей нашъ альбомъ совсѣмъ не по вкусу, но изъ этого всетаки еще не слѣдуетъ, что онъ не стоитъ — ну, хоть бы бумаги, изъ которой сшитъ!

Такъ вотъ тебѣ первая страница альбома — афишка.

Дѣло было какъ-разъ въ тотъ послѣдній вечеръ, когда еще горѣли старые фонари. Городъ только что обзавелся новыми газовыми, и они сіяли такъ, что старыхъ почти и не видно было.

— Я какъ-разъ бродилъ въ этотъ вечеръ по улицамъ! —

*) „Kjöbenhavns Flyvende Post“ — весьма вліятельный въ свое время литературный органъ, основанный И. Л. Гейбергомъ 1827 г.

**) См. примѣч. т. I. стр. 274. *Примѣч. перев.*

разсказывалъ крестный.—Люди разгуливали взадъ и впередъ, сравнивая новое и старое освѣщеніе. Народу было много, и вдвое больше ногъ, чѣмъ головъ. Ночные сторожа ходили, повѣся головы, раздумывая о томъ, скоро-ли и ихъ упразднятъ, какъ старые фонари. А эти вспоминали далекое прошлое,—о будущемъ они думать не смѣли. И чего-чего только ни вспоминалось имъ, какіе тихіе вечера, темныя ночи!.. Я стоялъ, опершись о фонарный столбъ; фитиль въ фонарѣ трещалъ и шипѣлъ; я вслушался въ его рѣчь. Послушай и ты!

„Мы дѣлали, что могли! Мы отслужили своему времени, свѣтили людямъ на радость и на горе. Много важныхъ событій мы пережили. Мы служили, такъ сказать, ночными глазами Копенгагена. Пусть же теперь насъ смѣнятъ новые свѣтила. Но сколько лѣтъ имъ приведется свѣтить и что освѣщать—скажетъ лишь время. Правда, они свѣтятъ поярче насъ, стариковъ, но это и не мудрено! У газовыхъ фонарей столько связей, они сильны взаимною поддержкой! Отъ нихъ во всѣ стороны, во всѣ концы идутъ трубы, по которымъ къ нимъ притекаютъ силы изъ города и изъ-за города! А мы-то, старые фонари, обходимся собственными средствами, не прибѣгаемъ за помощью къ семейнымъ связямъ. Мы и наши предки свѣтили Копенгагену съ незапамятныхъ временъ. А вотъ теперь пришелъ нашему горѣнью послѣдній вечеръ, и мы стоимъ, такъ сказать, во второй шеренгѣ, вы заслоняете насъ собою, яркіе товарищи! Но мы не станемъ хмуриться или завидовать, нѣтъ! Мы весело и добродушно уступимъ вамъ свой постъ, какъ старые часовые молодымъ драбантамъ, одѣтымъ въ болѣе блестящій мундиръ, нежели ихъ. Хотите, мы раскажемъ вамъ, что пережилъ и перевидалъ нашъ родъ, начиная съ нашего пра-пра-прадѣдушки-фонаря? Разскажемъ вамъ всю исторію Копенгагена и пожелаемъ, чтобы вы и ваши потомки до послѣдняго газоваго фонаря пережили столько же, могли бы повѣдать о столькихъ же важныхъ событіяхъ, какъ мы, когда вы, въ свою очередь, будете отставлены отъ должности. А это рано или поздно случится! Вы должны къ этому готовиться. Люди додумаются до еще болѣе яркаго освѣщенія. Я даже слышалъ отъ одного прохожаго студента, что уже поговариваютъ о томъ, какъ бы заставить горѣть воду морскую!“

И фитиль въ фонарѣ зашипѣлъ, словно въ ворвань и въ самомъ дѣлѣ влили воды.

Крестный подумалъ, подумалъ, и нашелъ, что старый фонарь блеснулъ прекрасною идеей—разсказать въ этотъ послѣдній вечеръ, когда Копенгагенъ перешелъ отъ ворвани къ газу, исторію города.

— А хорошими идеями надо пользоваться!—сказалъ крестный.—Я живо отправился домой и сдѣлалъ для тебя этотъ альбомъ, но зашелъ въ немъ куда дальше, чѣмъ могли фонари. Вотъ тебѣ альбомъ, вотъ и исторія:

„*Жизнь и приключенія Копенгагена*“.

Начинается она непрогляднымъ мракомъ—черною страницею; это времена до-историческія.

— Теперь перевернемъ страницу! Видишь картинку? Дикая морская пучина; надъ ней проносится сѣверо-восточный вѣтеръ. Онъ гонитъ тяжелыя льдины; на нихъ плывутъ только огромныя каменныя глыбы, оторвавшіяся отъ скалъ Норвегіи. Вѣтеръ гонитъ льдины; онъ хочетъ показать германскимъ горамъ образщики сѣверныхъ скалъ. Ледяная флотилія уже въ Зундѣ, у береговъ Зеландіи, гдѣ нынѣ расположенъ Копенгагенъ, но тогда о немъ еще и помину не было. Подъ водой шли обширныя мели; на одну-то изъ нихъ и сѣли нѣсколько льдинъ съ каменными глыбами. Застряла и вся ледяная флотилія; вѣтеръ никакъ не могъ двинуть ее дальше, разсвирѣпѣлъ до послѣдней степени и принялся проклинать эту „воровскую мель“. Онъ клялся, что если только она когда-либо подымется надъ поверхностью морской, на ней поселятся воры и разбойники, воздвигнутся висѣлицы, колеса и дыбы.

Но въ то время, какъ онъ клялся и бранился, выглянуло солнышко, а на его лучахъ качались свѣтлые, кроткіе духи, дѣти свѣта. Они закружились надъ льдинами воздушнымъ хороводомъ, тѣ растаяли, и каменныя глыбы погрузились на дно.

„Ахъ, вы солнечныя козявки!“ зашумѣлъ вѣтеръ. „Такъ-то вы! Это по-товарищески, по-родственному? Припомню же я вамъ это и отплачу! Проклинаю васъ!“

„А мы благословляемъ!“ запѣли дѣти свѣта. „Благословляемъ эту мель! Она будетъ рости, мы станемъ охранять ее. На ней воцарятся истина, добро и красота!“

„Фью! Мелите чепуху!“ просвисталъ вѣтеръ.

— Вотъ объ этомъ-то фонари не могли разсказать тебѣ!—

замѣтилъ крестный.—А я могу, для исторіи же Копенгагена эти обстоятельства имѣютъ важное значеніе.

— Теперь перевернемъ страницу!—продолжалъ крестный.— Прошли годы; мель высунулась изъ воды. Взгляни на картинку. На первый же показавшійся изъ воды камень усѣлась морская ласточка. Прошли еще годы. Море выбрасывало на мель мертвую рыбу и сухія водоросли; все это гнило, разлагалось и удобряло почву. Скоро на ней появились разные сорта травъ и злаковъ, и мель превратилась въ зеленый островъ. На него стали высаживаться для единоборствъ викинги,—проливъ между островомъ и Зеландіею представлялъ удобную стоянку для кораблей.

Вотъ зажгли первую плошку съ ворванью; надъ нею, пожалуй, рыбаки жарили рыбу, а ея здѣсь было вдоволь. Сельди шли черезъ Зундъ такими стаями, что сквозь нихъ не пробиться было лодкѣ. Подъ водой, казалось, вспыхивали зарницы, зажигались снопы сѣвернаго сіянія! Обиленъ былъ рыбою Зундъ, и по берегамъ Зеландіи быстро выростали рыбачьи поселки. Стѣны домовъ были бревенчатыя, а кровли крыты древесною корою; въ лѣсѣ для построекъ недостатка тутъ не было. Въ гавань заходили корабли. На колеблющихся снастяхъ покачивался фонарь съ ворванью. А сѣверо-восточный вѣтеръ шумѣлъ и гудѣлъ: „У-у-у!" Если же мерцалъ огонекъ на островѣ, то это былъ воровской огонекъ. При свѣтѣ его обдѣлывали свои дѣла воры и контрабандисты.

„Сбудется, сбудется по моему!" шумѣлъ вѣтеръ. „Скоро тутъ выростетъ дерево, съ котораго я буду отряхать плоды!"

— Вотъ оно, это дерево!—прибавилъ крестный.—Видишь висѣлицы на Воровскомъ островѣ? На ней висятъ разбойники и грабители, точь-въ-точь какъ висѣли тогда. Вѣтеръ постукивалъ остовы мертвецовъ одинъ о другой, а мѣсяцъ освѣщалъ ихъ съ такою же довольною миной, съ какою освѣщаетъ теперь какую-нибудь пирушку въ лѣсу. Солнце тоже самодовольно свѣтило на нихъ и высушивало качающіеся остовы. Дѣти же свѣта пѣли: „Знаемъ, знаемъ все! Здѣсь всетаки настанутъ лучшія времена! Пышно расцвѣтутъ здѣсь истина, добро и красота!.."

„Чешите, чешите языки попусту!" ревѣлъ вѣтеръ.

— Теперь опять перевернемъ страницу.

Въ Роскильде звонятъ въ колокола; тамъ живетъ епископъ Абсалонъ. Онъ и въ библіи начитанъ и мечомъ владѣетъ. Сильна его властъ, силенъ онъ и волею. И вотъ, онъ хочетъ защитить отъ разбойничьихъ набѣговъ и грабежей тружениковъ-рыбаковъ, возведшихъ городъ, основавшихъ на Зеландскомъ берегу торговый рынокъ. Сначала онъ освящаетъ „Воровской островъ“, кропитъ его святою водой, затѣмъ тамъ воздвигается по его приказу крѣпость. Каменьщики и плотники работали въ потѣ лица, а солнечные лучи цѣловали воздвигавшіяся красныя кирпичныя стѣны.

Наконецъ „Акселевъ *) домъ“ готовъ.

Съ башнями высокими,
Крыльцами широкими
Замокъ стоитъ!
Вѣтеръ шумитъ,
Мечетъ и рветъ,
Грозно реветъ!
Силы лишь тратитъ,
Съ замкомъ не сладитъ!

А противъ замка гавань, купеческая гавань—

Теремъ царевны морской
Въ рощѣ зеленой, прохладной.

Изъ чужихъ земель являлись покупщики рыбы; на берегу начали строиться лавки и дома съ окнами, затянутыми пузыремъ вмѣсто стекла,—стекло было дорого. Вотъ ужъ выстроился и складъ для товаровъ, большое зданіе съ кровлею „щипцомъ“, а близъ него подъемный вòротъ. Видишь, по лавкамъ сидятъ старые приказчики? Они не смѣютъ жениться! Торгуютъ же они инбиремъ и перцемъ,—вотъ тебѣ и „перечные молодцы!“ **)

Сѣверо-восточный вѣтеръ проносится надъ улицами и переулками, подымаетъ пыль, срываетъ соломенныя крыши. По улицамъ расхаживаютъ коровы и поросята.

„Разрушу, уничтожу!“ реветъ вѣтеръ. „Буду свистать вокругъ домовъ и Акселева дома! Я не ошибся! Люди уже зовутъ этотъ домъ „Замкомъ пытокъ“ на Воровскомъ островѣ!“

*) Датское имя епископа Абсалона.

**) См. прим. т. I, стр. 502. *Примѣч. перев.*

И крестный показалъ мнѣ картинку, которую самъ нарисовалъ. Замокъ былъ обнесенъ высокою стѣною, а эта частоколомъ, и на каждомъ колѣ скалила зубы голова казненнаго пирата.

— Все это такъ и было на самомъ дѣлѣ!—сказалъ крестный.—И объ этомъ стоитъ знать да поразмыслить!

Сидитъ разъ епископъ Абсалонъ въ купальнѣ и слышитъ сквозь тонкую перегородку, что въ гавань вошелъ воровской корабль. Живо выскочилъ онъ изъ купальни, кинулся въ свою лодку, затрубилъ въ рогъ... Люди сбѣжались, вслѣдъ разбойникамъ полетѣли стрѣлы... Тѣ гребли изо всѣхъ силъ, стрѣлы впивались имъ въ руки, но вынимать ихъ было некогда. Епископъ Абсалонъ переловилъ всѣхъ, со всѣхъ велѣлъ снять головы и воткнуть ихъ на колья вокругъ замка. Сѣверо-восточный вѣтеръ надулъ щеки и продолжалъ ревѣть:

„Тутъ я растянусь на отдыхъ, буду любоваться на это зрѣлище!“

Но отдыхалъ-то онъ часы, ревѣлъ же по суткамъ, и—годы шли.

— На башню замка восходитъ сторожъ и озирается во всѣ стороны: на сѣверъ, на югъ, на востокъ и западъ. Вотъ видишь картинку!—сказалъ крестный.—Ты видишь сторожа, а чтò видитъ, онъ я разскажу тебѣ.

Отъ самыхъ стѣнъ „Замка пытокъ“ вплоть до Кьёгской бухты разстилается открытое море. Широкій путь кораблямъ, плывущимъ мимо береговъ Зеландіи! Напротивъ равнинъ Серритслевской, и Сольбьергской, гдѣ расположены большіе поселки, выростаетъ новый городъ съ домами наполовину изъ дерева, наполовину изъ камня. Образуются особые кварталы башмачниковъ, кожевниковъ, торговцевъ пряностями, пивомъ. Въ городѣ есть и рынокъ и цеховое управленіе, а на самомъ берегу, гдѣ прежде былъ островъ, возвышается великолѣпная церковь св. Николая, съ башнями и вызолоченнымъ шпицемъ. Какъ она отражается въ прозрачной водѣ! Неподалеку же отъ нея возвышается церковь Богоматери, гдѣ идутъ обѣдни, курится ладонъ, теплятся восковыя свѣчи. Купеческая гавань стала резиденціей Роскильдскаго епископа.

Въ Акселевомъ домѣ живетъ епископъ Эрландсенъ. Въ кухнѣ шипитъ, въ горницахъ льется медъ и кларетъ, раздаются звуки скрипокъ и барабановъ, пылаютъ свѣчи и лампы; замокъ весь залитъ огнями, свѣтится словно фонарь для всей страны и го-

сударства. Вѣтеръ дуетъ на башни и стѣны, но ихъ не сорвешь,—стоятъ крѣпко. Дуетъ онъ и на восточное укрѣпленіе города—старый деревянный заборъ. Но и онъ постоитъ за себя!

По ту сторону забора стоитъ король Даніи Христофоръ I. Бунтовщики разбили его у Скельскёра, и онъ ищетъ теперь убѣжища въ епископскомъ городѣ.

А вѣтеръ свиститъ, повторяя отвѣтъ епископа: „Оставайся-ка тамъ! Городъ закрытъ для тебя!"

Безпокойныя настали времена, тяжелые выпали дни. Каждый хочетъ быть самъ себѣ господиномъ. На башнѣ замка развѣвается голштинское знамя. Жалобы, стенанія, мракъ ужаса окуталъ страну; междоусобица, черная смерть царятъ въ ней, но вотъ надъ нею опять занялась заря — на престолъ взошелъ Вальдемаръ Аттердагъ *).

Епископскій городъ сталъ королевскою резиденціей. Есть въ немъ и дома съ кровлями „щипцомъ", и узкія улицы, и сторожа, и ратуша, и даже каменная висѣлица у западныхъ воротъ. На ней вѣшаютъ только городскихъ жителей, пришельцы не удостаиваются такой чести. Только граждане Копенгагенскіе могутъ болтаться такъ высоко въ воздухѣ и любоваться городомъ Кьёге и Кьёгскими курами! **)

„Вотъ такъ висѣлица!" шумитъ сѣверо-восточный вѣтеръ. „Красота и впрямь здѣсь процвѣтаетъ!" И онъ принялся свистѣть и шумѣть еще пуще.

Изъ Германіи повѣяло обидой и горемъ.

— Ганзейцы поднялись на Данію!—разсказывалъ крестный.— Они покинули свои склады и прилавки! Богатые купцы изъ Ростока, Любека и Бремена и, стащивъ золотого гуся ***) съ Вальдемаровой башни, всетаки не угомонились! Имъ хочется распоряжаться всѣмъ. А они и такъ ужъ распоряжались въ городѣ датскаго короля больше самого короля! И вотъ, они явились на вооруженныхъ корабляхъ; датчане были захвачены врасплохъ. Да король Эрикъ и не намѣревался драться съ нѣмецкими родичами,—ихъ было такъ много, они были такъ сильны—а взялъ да бѣжалъ со всѣмъ своимъ дворомъ черезъ западныя ворота го-

*) „Аттердагъ" означаетъ собственно „снова день".

**) См. примѣч. т. I, стр. 317.

***) Флюгеръ съ „Вальдемаровой башни" (близъ города Вординборга)—золотой гусь—былъ, по преданію, украденъ ганзейцами, видѣвшими въ немъ насмѣшку надъ ними: „Gans—Hanse". *Примѣч. перев.*

рода въ Сорё, въ густую зелень лѣсовъ, къ тихимъ озерамъ. Громко зазвучали тамъ любовныя пѣсни, зазвенѣли кубки!..

Но въ Копенгагенѣ билось еще одно царственное сердце, осталась еще одна царственная душа. Видишь на картинкѣ нѣжную, изящную, молодую женщину съ голубыми очами и золотистольняными волосами? Это королева Даніи Филиппа, англійская принцесса. Она осталась въ смятенномъ городѣ, гдѣ въ узкихъ улицахъ и переулкахъ, возлѣ сараевъ и заколоченныхъ лавочекъ, на приставныхъ лѣстницахъ, безъ толку суетились люди. Королева была мужчиной и сердцемъ и душою. Она созвала гражданъ и крестьянъ, ободрила ихъ, организовала защиту города. Корабли вооружились, въ крѣпостцахъ засѣли воины, загремѣли орудія, клубы дыма повисли въ воздухѣ... Люди воспрянули духомъ. И Господь не покинулъ Даніи! Солнышко свѣтитъ во всѣхъ сердцахъ, всѣ очи свѣтятся радостью: побѣда, побѣда!

Благословенна будь ты, королева Филиппа!

Ее благословляютъ и въ хижинахъ, благословляютъ и въ хоромахъ, и въ королевскомъ дворцѣ, гдѣ она заботится о раненыхъ и больныхъ. Я вырѣзалъ вѣнокъ и окружилъ имъ эту картинку!—прибавилъ крестный.—Благословенна будь королева Филиппа!

Теперь мы перескочимъ черезъ многіе годы!—продолжалъ крестный.—Перескочитъ съ нами и Копенгагенъ. Король Христіанъ I побывалъ въ Римѣ, получилъ благословеніе папы, и на всемъ протяженіи долгаго пути народъ встрѣчалъ его ликованіемъ и почестями. Вернувшись на родину, онъ возводитъ зданіе изъ обожженнаго кирпича—питомникъ науки на латинскомъ языкѣ. Теперь и дѣти бѣдняковъ-земледѣльцевъ и ремесленниковъ могутъ выйти въ люди, одѣться въ длинный, черный студенческій плащъ и пробиваться подачками гражданъ, распѣвая передъ ихъ дверями.

А возлѣ дома науки, гдѣ все идетъ по-латыни, стоитъ маленькій домикъ; въ немъ господствуетъ датскій языкъ, датскіе обычаи.

Къ завтраку тамъ подаютъ хлѣбъ, сваренный въ пивѣ, обѣдаютъ въ десять часовъ утра. Солнышко свѣтитъ черезъ маленькія окошечки на буфетъ и книжный шкафъ. Въ шкафу лежатъ драгоцѣнныя рукописи: „Розовый вѣнокъ“ и „Божествен-

ныя комедіи“ Миккельса, „Лечебникъ“ Генрика Гарпестренга, и „Риѳмованная хроника Даніи“ отца Нильса изъ Сорё. Эти рукописи долженъ знать каждый датчанинъ,—говоритъ хозяинъ дома, и, благодаря ему, ихъ узнаютъ. Онъ первый датскій типографщикъ, голландецъ Готфредъ ванъ-Гименъ. Онъ „чернокнижникъ“, печатаетъ черною краскою книги, занимается благословеннымъ искусствомъ книгопечатанія.

Книги расходятся, попадаютъ и во дворецъ короля и въ дома гражданъ. Старинныя поговорки и пѣсни возрождаются къ вѣчной жизни. Птица народной пѣсни поетъ о томъ, чего не смѣетъ высказать въ горѣ или радости человѣкъ, поетъ хоть и иносказательно, но всетаки понятно для всѣхъ. Она летаетъ гдѣ хочетъ, залетаетъ и въ комнату простого горожанина и въ рыцарскій замокъ, сидитъ и клекочетъ соколомъ на рукѣ благородной дѣвицы, проскальзываетъ и писклявою мышкою въ щелочку къ закованному въ цѣпи крестьянину.

„Все чепуха!“ реветъ свирѣпый сѣверо-восточный вѣтеръ.

„Весна настала!“ поютъ солнечные лучи. „Вонъ какъ всходятъ зеленые ростки!“

— Перевернемъ еще страницу!—сказалъ крестный.—Какъ сіяетъ Копенгагенъ! Какое готовится торжество! Взгляни на благородныхъ рыцарей въ доспѣхахъ, на знатныхъ дамъ въ шелку и золотѣ! Король Гансъ выдаетъ свою дочь Елисавету за курфюрста Бранденбургскаго. Какъ она молода, какъ сіяетъ радостью! Она ступаетъ по бархату, будущее ей улыбается, ее ждетъ семейное счастье! Рядомъ съ нею братъ ея, принцъ Христіернъ, смуглый, горячій юноша, съ мрачнымъ взглядомъ. Но онъ дорогъ народу; онъ знаетъ, какъ подавленъ народъ, и будущее бѣдняковъ заполонило всѣ его мысли.

Одинъ Богъ управляетъ счастьемъ!

— Опять перевернемъ страницу!—продолжалъ крестный.— Рѣзкій вѣтеръ поетъ объ острыхъ мечахъ, о мрачныхъ тяжелыхъ временахъ.

Холодный апрѣльскій день. Зачѣмъ собираются толпы народа передъ дворцомъ, возлѣ старой таможни? У берега стоитъ подъ парусами и съ поднятымъ флагомъ королевское судно. Въ окнахъ, на крышахъ—всюду народъ. На лицахъ у всѣхъ печаль, горе, боязливое ожиданіе. Всѣ взоры обращены на дворецъ, гдѣ прежде

въ раззолоченныхъ покояхъ шли танцы съ факелами; теперь тамъ тихо, пусто. Всѣ смотрятъ на выступъ съ окномъ, изъ котораго часто и подолгу смотрѣлъ король Христіернъ черезъ дворцовый мостъ въ маленькій переулокъ, гдѣ жила его „Голубка", голландская дѣвушка, вывезенная имъ изъ Бергена. Теперь ставни заперты наглухо. И вотъ, ворота отворяются, подъемный мостъ опускаютъ, изъ дворца выходитъ король Христіернъ въ сопровожденіи вѣрной супруги; она не захотѣла покинуть въ жестокой нуждѣ своего царственнаго мужа и повелителя.

Огонь кипѣлъ въ его жилахъ, горѣлъ въ его мозгу. Онъ хотѣлъ порвать со стариной, разбить оковы крестьянина, оказать покровительство горожанину и подрѣзать крылья „хищнымъ ястребамъ", но ихъ было слишкомъ много! И вотъ, онъ покидаетъ свою родину, свое государство, отправляется за помощью къ друзьямъ и родичамъ. Супруга его и вѣрные слуги слѣдуютъ за нимъ на чужбину. Тяжелый часъ разлуки выжалъ у всѣхъ изъ глазъ слезы.

Время сложило о немъ пѣснь; въ ней сливаются три хора. Слушай, что поютъ дворяне; ихъ слова и записаны и напечатаны:

„Горе тебѣ, Христіернъ Лютый! Кровь, пролитая тобою въ Стокгольмѣ, вопіетъ противъ тебя! Горе тебѣ! Будь проклятъ!"

Хоръ монаховъ тоже осуждаетъ его: „Отринутъ ты Богомъ и нами! Ты призвалъ сюда ересь Лютера, отдалъ ей во власть церкви и каѳедры, предоставилъ слово дьяволу!.. Горе тебѣ, Христіернъ Лютый!"

Но крестьяне и горожане горько плачутъ: „Христіернъ, любезный народу! „*Нельзя продавать крестьянъ какъ скотъ или обмѣнивать на охотничьихъ собакъ!*" Законъ этотъ послужитъ тебѣ хвалебнымъ гимномъ!" Но слова бѣдняковъ разносятся по вѣтру, что мякина.

Корабль проплываетъ мимо замка, горожане бѣгутъ на валъ взглянуть еще разъ на уплывающее королевское судно.

Долго тянется время въ нуждѣ, и не ищи тогда опоры въ друзьяхъ и родичахъ!

Дядя короля, Фредерикъ Кильскій, не прочь стать королемъ Даніи.

И вотъ, онъ уже король и подступаетъ къ Копенгагену. Видишь эту картинку съ надписью: „вѣрный Копенгагенъ"? Надъ

нимъ сгустились черныя облака, образующія зловѣщія фигуры и картины. Разсмотри каждую! Онѣ говорятъ о тяжелыхъ горькихъ временахъ, память о которыхъ еще жива въ народныхъ пѣсняхъ и сказаніяхъ.

А гдѣ же скитается король Христіернъ, безпріютная птица? Объ этомъ поютъ птицы небесныя; онѣ летаютъ далеко за море, въ чужія страны. Раннею весною вернулся съ юга аистъ; онъ пролеталъ надъ нѣмецкою землей и видѣлъ тамъ вотъ что:

„По степи, поросшей верескомъ, ѣхалъ бѣглецъ, король Христіернъ; на пути встрѣтилась ему жалкая повозка въ одну лошадь. Въ повозкѣ сидѣла женщина, сестра короля, маркграфиня Бранденбургская. Мужъ прогналъ ее отъ себя за ея вѣрность ученію Лютера. Царственные изгнанники встрѣтились въ мрачной степи! Долго тянется время въ нуждѣ, и не ищи тогда опоры въ друзьяхъ или родичахъ!“...

Ласточка прилетѣла изъ Сёндерборгскаго замка и жалобно запѣла: „Короля Христіерна обманули! Онъ сидитъ теперь въ мрачной башнѣ. Тяжелые шаги его оставляютъ слѣды на каменномъ полу, пальцы проводятъ борозду въ твердомъ мраморѣ стола“.

„Языкъ такъ словами не выскажетъ горе,
Какъ высказалъ мраморъ нѣмою чертой!“ *)

Морской орелъ прилетѣлъ съ вольнаго моря; по морю гуляетъ корабль, на немъ носится отважный фіонецъ, Сёренъ Норбю **). Счастье покровительствуетъ ему, но счастье, что вѣтеръ да погода,—перемѣнчиво!

Въ Ютландіи и Фіоніи каркаютъ вóроны и ворóны: „Намъ везетъ! Славно! Всюду падаль и трупы людей!“

Безпокойныя, тяжелыя времена! Идетъ „графская распря“. Крестьянинъ хватается за дубину, купецъ за ножъ. „Перебьемъ всѣхъ волковъ, не оставимъ не единаго волчонка!“ — кричатъ они. Надъ пылающими городами подымаются облака дыма.

Король Христіернъ заточенъ въ Сёндерборгскомъ замкѣ. Никогда не выйти ему на волю, не увидать Копенгагена и его тяжкой бѣды. На „Сѣверномъ выгонѣ“ стоитъ сынъ Фредерика Христіанъ III. Въ городѣ—смятеніе, голодъ и чума.

*) Изъ стихотворенія Ф. Паллюдана Мюллера.
**) Одинъ изъ приверженцевъ Христіерна II. *Примѣч. перев.*

Прислонясь спиною къ церковной стѣнѣ, сидитъ исхудалая женщина въ лохмотьяхъ. Она уже умерла, но двое ребятишекъ на ея колѣняхъ еще живы и сосутъ кровь изъ груди мертвой.

Мужество истощилось, сопротивленіе сломлено. О, „вѣрный Копенгагенъ“!

Чу! Раздаются звуки фанфаръ и трубъ, грохотъ барабановъ! Въ роскошныхъ одеждахъ изъ шелка и бархата, съ развѣвающимися перьями на шляпахъ, верхомъ на коняхъ въ золотыхъ уборахъ, ѣдутъ благородные дворяне на „Старую площадь“. Ѣдутъ они на обычную карусель или турниръ? Горожане, также въ лучшихъ своихъ нарядахъ, стекаются туда же. Какое зрѣлище манитъ ихъ? Воздвигнутъ-ли на площади костеръ для сожженія папистскихъ образовъ, или опять стоитъ тамъ палачъ, какъ у того костра, на которомъ сожгли Слагхёка?*) Нѣтъ, король, господинъ страны, сталъ лютераниномъ и объ этомъ-то хотятъ оповѣстить датскій народъ.

Знатныя дамы и благородныя дѣвицы въ платьяхъ съ высокими воротниками, въ шапочкахъ, унизанныхъ жемчугомъ, сидятъ у открытыхъ оконъ и смотрятъ на торжество. Близъ королевскаго трона, на разостланномъ сукнѣ, подъ навѣсомъ изъ сукна, возсѣдаютъ, въ старинныхъ одѣяніяхъ, члены Государственнаго Совѣта. Король молчитъ. Воля его, утвержденная Совѣтомъ и выраженная на датскомъ языкѣ, читается вслухъ. Жестокіе упреки приходится выслушивать гражданамъ и крестьянамъ за ихъ сопротивленіе высшему сословію. Гражданъ унижаютъ, крестьянъ отдаютъ въ рабство. Затѣмъ произносится судъ и надъ епископами страны. Могуществу ихъ конецъ. Всѣ церковныя и монастырскія богатства и угодія отходятъ къ королю и дворянству.

Съ одной стороны высокомѣріе, съ другой ненависть, съ одной безумная роскошь, съ другой—стоны нищеты.

„Да, жалобно бѣдная птица пищитъ,
Богатая-жъ гордо крылами шумитъ!“

*) Дидрихъ Слагхёхъ, иноземецъ, врачъ и докторъ каноническаго права, сумѣвшій сдѣлаться любимцемъ Христіана II и участвовавшій во всѣхъ жестокостяхъ послѣдняго. Послѣ низверженіи Христіана II казненъ въ 1522 г.

Примѣч. перев.

Смутное, переходное время! Тучи чередуются съ яснымъ солнышкомъ. Лучи его свѣтятъ во Дворъ Науки, въ жилище студентовъ и озаряютъ имена, которыя продолжаютъ сіять и понынѣ. Гансъ Таусенъ, сынъ бѣднаго фіонскаго кузнеца, сталъ „датскимъ Лютеромъ, дѣйствовалъ словомъ, какъ мечомъ, и завоевалъ сердце датскаго народа". Сіяющими латинскими буквами написано на фонѣ временъ и имя Петра Палладіуса—по-датски же Петра Пладе—епископа Роскильдскаго, тоже сына бѣднаго ютландскаго кузнеца. Изъ дворянскихъ именъ яркимъ блескомъ свѣтится имя Ганса Фриса, государственнаго канцлера. Онъ сажаетъ бѣдняковъ-студентовъ за свой столъ, заботится и о нихъ, и о школьникахъ. Но громче всего раздается „ура" въ честь самого короля Христіана, покровителя наукъ и искусствъ, и оно не умолкнетъ, пока въ Копенгагенѣ останется хоть одинъ студентъ.

Да, сквозь темныя тучи прорывались въ это смутное время и лучи солнца!

— Перевернемъ страницу.

Что за пѣснь несется съ Большого Бельта, омывающаго берега острова Самсё? Изъ моря подымается морская царевна съ зелеными, какъ водоросли, волосами и предсказываетъ крестьянину рожденіе принца, который станетъ могучимъ, великимъ государемъ!

Родился онъ въ чистомъ полѣ подъ цвѣтущимъ терновымъ кустомъ. Теперь имя его цвѣтетъ въ пѣсняхъ и преданіяхъ, во всѣхъ усадьбахъ и замкахъ. При немъ выросла биржа съ башней и шпицемъ, воздвигся замокъ Розенборгъ и глянулъ вдаль черезъ городской валъ, у студентовъ завелся свой домъ, а противъ него вознесла къ небу свою главу „Круглая башня", колонна Ураніи. Она смотритъ на островъ Веенъ, гдѣ возвышается замокъ Ураніенборгъ, съ золочеными куполами. Какъ они блестятъ при свѣтѣ мѣсяца, когда морскія царевны поютъ о хозяинѣ замка, котораго посѣщали короли и величайшіе люди вѣка, объ избранникѣ духа, о высокорожденномъ Тихо-Брагѣ. Онъ поднялъ имя Даніи высоко-высоко, къ звѣздному небу, чтобы оно сіяло оттуда всѣмъ просвѣщеннымъ странамъ міра, а Данія за это оттолкнула его прочь. Онъ же утѣшалъ себя въ изгнаніи:

„Не то же-ли небо повсюду?
Чего же желать мнѣ еще?“ *).

И пѣсня его обрѣла безсмертіе народной пѣсни, какъ и пророчество морской царевны о Христіанѣ IV.

— А вотъ на эту страницу гляди въ оба!—сказалъ крестный. — Тутъ картинка идетъ за картинкой, какъ въ богатырской пѣснѣ строфа за строфою. Веселое начало у этой пѣсни да печальный конецъ.

Въ королевскомъ дворцѣ рѣзвится дѣвочка. Какъ она мила! Она часто сидитъ у короля на колѣняхъ. Это любимая дочка Христіана IV — Элеонора-Христина. Ее воспитываютъ въ правилахъ строгой нравственности и женской добродѣтели, и она уже обручена съ знатнѣйшимъ представителемъ дворянства Корфицемъ Ульфельдомъ **). Но она еще дитя, и строгая гофмейстерина наказываетъ ее розгами. Элеонора жалуется своему милому, и она права. Какъ она умна, воспитана, образована; она знаетъ языки латинскій и греческій, поетъ по-итальянски, играетъ на лютнѣ, здраво судитъ и о папѣ, и о Лютерѣ.

Король Христіанъ покоится въ усыпальницѣ Роскильдскаго собора. Королемъ братъ Элеоноры. Въ Копенгагенскомъ дворцѣ царятъ блескъ и роскошь, красота и остроуміе. Сама королева, Софія-Амалія Люнебургская, на первомъ планѣ. Кто искуснѣе ея правитъ лошадью? Кто поспоритъ съ ней въ величественной граціи, въ умѣ и краснорѣчіи?

„Элеонора-Христина Ульфельдъ!“ Это сказалъ французскій посланникъ да еще прибавилъ: „Она всѣхъ затмѣваетъ своею красотою и умомъ!“

По блестящему дворцовому паркету катятся репейныя шишки зависти; онѣ растутъ, цѣпляются, пробираются всюду, и къ нимъ пристаетъ оскорбительная насмѣшка: „Побочная дочь! Ея колесница должна останавливаться у дворцоваго моста; тамъ, гдѣ королева проѣзжаетъ въ экипажѣ, простая женщина можетъ пройти пѣшкомъ!“ Сплетни, выдумки и ложь крутятся въ воздухѣ, словно хлопья снѣга въ мятель.

Глухою ночью Ульфельдъ беретъ свою жену за руку и выводитъ изъ дворца; ключи отъ городскихъ воротъ хранятся у

*) Изъ стихотворенія И. Л. Гейберга.
**) См. примѣч. т. I, стр. 293. *Примѣч. перев.*

него; за воротами ждутъ ихъ осѣдланные кони. И вотъ они мчатся вдоль берега, а затѣмъ отплываютъ въ Швецію.

Перевернемъ страницу. Такъ же повернулось спиною къ бѣглецамъ счастье!

Осень; дни короткіе, ночи долгія, сѣро, сыро; вѣтеръ такъ и рѣжетъ, такъ и шумитъ въ вершинахъ деревьевъ, растущихъ на валу; листва засыпаетъ опустѣвшій дворъ Педера Оксе *), покинутый своими хозяевами. Шумитъ вѣтеръ и надъ Христіановой гаванью, и надъ домомъ Кая Люкке, обращеннымъ въ тюрьму. Самъ Кай Люкке лишенъ чести и изгнанъ изъ предѣловъ страны, гербъ его сломанъ, а изображеніе его повѣшено на высокой висѣлицѣ. Такъ наказанъ онъ за свой непочтительный отзывъ о чтимой страною королевѣ. Вѣтеръ воетъ въ вышинѣ и проносится надъ открытою площадью, гдѣ стоялъ домъ бывшаго государственнаго канцлера Ульфельда. Теперь отъ него остался лишь одинъ камень. „Я пригналъ его когда-то на льдинѣ!“ шумитъ вѣтеръ. „Камень сѣлъ на мель, ставшую впослѣдствіи Воровскимъ островомъ, проклятымъ мною. Потомъ камень попалъ во дворъ Ульфельда, гдѣ супруга его распѣвала и играла на лютнѣ, читала по-гречески да по-латыни и гордо задирала голову! Теперь тутъ задираетъ голову одинъ камень съ надписью:

„Измѣннику Корфицу Ульфельду
На вѣчный позоръ, поношеніе и посмѣяніе!“

Но гдѣ же сама высокорожденная госпожа? „У-у-у!“ гудитъ вѣтеръ.

Она въ Синей башнѣ, что позади дворца; волны морскія лижутъ осклизлыя стѣны башни, и въ ней уже много лѣтъ томится Элеонора-Христина. Печь въ ея коморкѣ даетъ больше дыма, нежели тепла; маленькое окошечко высоко, подъ самымъ потолкомъ!

Вотъ какъ плохо обставлена теперь любимица Христіана IV, изнѣженная дѣвушка и гордая супруга! Воспоминаніе убираетъ ей закоптѣлыя стѣны занавѣсями и коврами, уноситъ ее въ золотую пору дѣтства. Она видитъ передъ собою ласковые черты отца,

*) Извѣстный государственный дѣятель, министръ финансовъ въ царствованіе Христіана III; былъ изгнанъ и вернулся на родину лишь въ царствованіе Фредерика II. *Примѣч. перев.*

вспоминаетъ блестящій свадебный пиръ, дни своего величія и дни печали въ Голландіи, въ Англіи, и на островѣ Борнгольмѣ.

„Ничто не тяжело для любящей супруги!
Поддержкой служитъ совѣсть ей и долгъ“.

Да, тогда ей ничто не казалось тяжелымъ,—тогда съ нею былъ *онъ*, теперь же она одна, навѣки одна! Она даже не знаетъ, гдѣ его могила, да и никто этого не знаетъ.

„Ея же вся вина была въ любви къ супругу!“

И за эту вину ей пришлось сидѣть въ заточеніи годы, многіе, долгіе годы, въ то время, какъ за стѣнами тюрьмы кипѣла жизнь. Жизнь никогда не останавливается, но мы-то остановимся на этой картинѣ и вспомнимъ объ Элеонорѣ-Христинѣ словами пѣсни:

„Супругу данную она сдержала клятву
Во всѣхъ превратностяхъ судьбы!“

— А вотъ эту картинку видишь?—спросилъ крестный.— Зима; морозъ перебросилъ мостъ между Лоландомъ и Фіоніею, мостъ для короля Шведскаго Карла Густава, и онъ стремится по нему, не останавливаясь. Въ странѣ грабежъ, убійства, ужасъ и бѣдствія.

Шведы обложили Копенгагенъ. Морозъ такъ и щиплетъ, мятель, вьюга. Но народъ вѣренъ своему королю, вѣренъ самому себѣ, и мужчины и женщины храбро выходятъ на битву. Мастеровые, лавочники, приказчики, студенты и магистры—всѣ на валу, всѣ готовы защищать родной городъ. Никто не боится каленыхъ шведскихъ ядеръ. Король Фредерикъ клянется умереть въ родномъ гнѣздѣ. Вотъ онъ объѣзжаетъ валы; съ нимъ и королева. Въ рядахъ защитниковъ—полный порядокъ; ихъ воодушевляетъ мужество, любовь къ родинѣ! Пусть себѣ шведы облекаются въ саваны, чтобы незамѣтно подобраться по бѣлому снѣгу къ городу и взять его приступомъ! На головы имъ летятъ бревна, камни, а женщины льютъ на нихъ изъ котловъ кипящую смолу и деготь.

Въ эту ночь король и горожане образовали единую несокрушимую силу, и—побѣда за ними! Колокола звонятъ, раздаются

благодарственные гимны. Граждане копенгагенскіе, вы заслужили себѣ въ эту войну рыцарскія шпоры!

— А теперь что? Взгляни на картинку!

Супруга епископа Сване ѣдетъ въ закрытой колымагѣ; но такъ могутъ разъѣзжать лишь особы изъ высшаго дворянства, и гордые дворянчики ломаютъ колымагу. Жена епископа принуждена вернуться домой пѣшкомъ.

И все? Нѣтъ, скоро сломятъ кое-что поважнѣе—дворянское высокомѣріе!

Бургомистръ Гансъ Нансенъ и епископъ Сване, призывая имя Господне, протянули другъ другу руку, во имя общаго дѣла. Умныя и честныя рѣчи ихъ раздаются въ церквахъ и въ домахъ горожанъ. И вотъ все подготовлено: гавань заперта, городскія ворота тоже, бьютъ въ набатъ. Власть во всей ея полнотѣ передается королю, тому, кто не покинулъ своего гнѣзда въ часъ опасности! Да властвуетъ онъ одинъ, нераздѣльно, надъ всѣми— и большими, и малыми!

Наступаетъ эпоха самодержавія.

— Перевернемъ страницу.

Галло! Галлой! Галло! Плугъ въ сторону, пусть поля зарастаютъ верескомъ,—для охоты лучше. Галло! Галлой! Чу! раздаются звуки роговъ, лай собакъ. Вонъ мчатся охотники, между ними самъ король Христіанъ V. Какъ онъ молодъ, веселъ! Во дворцѣ и въ городѣ царитъ веселье. Покои освѣщены восковыми свѣчами, дворъ факелами, а городскія улицы фонарями. Все блеститъ новизною! Пошло въ ходъ все новое: новое дворянство, вызванное изъ Германіи, новые титулы: „графы“ да „бароны“, и—нѣмецкій языкъ.

И вдругъ раздался чисто датскій голосъ. Это голосъ епископа Кинго, сына ткача; онъ поетъ свои дивные псалмы.

А вотъ и еще сынъ простого горожанина, виноторговца, Гриффенфельдъ; мысли его засіяли въ законѣ; составленный имъ сводъ законовъ сталъ вѣчнымъ золотымъ фономъ для имени его государя! Сынъ горожанина становится первымъ человѣкомъ въ странѣ, возводится въ дворянство и... пріобрѣтаетъ враговъ. И вотъ, палачъ заноситъ мечъ надъ головою Гриффенфельда. Тогда раздается голосъ помилованія, и казнь замѣняется пожизненнымъ заточеніемъ. Канцлера ссылаютъ на скалистый островъ

Мункгольмъ близъ Троньема. „О, Мункгольмъ—Санктъ-Елена Даніи!“

А во дворцѣ попрежнему идутъ танцы, все блещетъ роскошью, играетъ музыка, носятся въ танцахъ благородные кавалеры и дамы.

— Вотъ правленіе Фредерика IV.

Взгляни на гордые корабли съ развѣвающимися флагами! Взгляни на взволнованное море! Оно можетъ повѣдать тебѣ о великихъ подвигахъ, о славѣ Даніи. Мы помнимъ славныя имена Сегестеда и Гюльденлѣве! Помнимъ и Витфельда, взорвавшаго, ради спасенія датскаго флота, себя и свой корабль съ Данеброгомъ на воздухъ. Мы помнимъ морскія сраженія и героя, бросившагося на защиту Даніи съ норвежскихъ скалъ—Петра Торденскіольда. Имя его гремитъ надъ бурнымъ моремъ отъ берега до берега.

„Блеснула молнія сквозь тучи пыли,
Вдымавшейся съ напудренныхъ головъ,
Раскаты грома слабыхъ оглушили.
Портнишка кинулъ свой убогій кровъ,
Иглу, верстакъ и въ море смѣло прянулъ.
Въ немъ викинговъ воскресъ могучій духъ,
И на враговъ, какъ Божій громъ, онъ грянулъ! *)“

А съ береговъ Гренландіи струится благоуханіе, какъ изъ страны Вифлеемской; тамъ распространяется свѣтъ евангельской истины миссіонеромъ Гансомъ Эгеде и его супругою.

Вотъ почему половина этой страницы золотая. Другая же половина ея траурная, пепельная съ черными крапинками, словно прожжена искрами. Эта означаетъ скорбь.

Въ Копенгагенѣ чума. Улицы пусты, двери домовъ заколочены; почти на всѣхъ бѣлые кресты,—значитъ, тамъ есть чумные больные; черный же крестъ означаетъ, что всѣ въ домѣ вымерли.

Безъ колокольнаго звона, ночью, выносятъ тѣла умершихъ. Вмѣстѣ съ трупами подбираютъ съ улицъ и полумертвыхъ. Съ грохотомъ разъѣзжаютъ тяжелыя телѣги, биткомъ набитыя тру-

*) Стихотв. Карла Плоуга.

пами. А изъ постоялыхъ дворовъ несутся пьяныя пѣсни и дикіе крики. Люди хотятъ забыться, въ забытьи встрѣтитъ свой конецъ. Всему на свѣтѣ есть конецъ—конецъ и этой страницѣ, но на ней изображено еще другое тяжкое испытаніе Копенгагена—пожаръ.

Король Фредерикъ IV еще царствуетъ; волосы его посѣдѣли съ годами. Онъ смотритъ изъ окна дворца; на дворѣ бушуетъ вѣтеръ; стоитъ поздняя осень.

Въ маленькомъ домикѣ около западныхъ воротъ играетъ мячикомъ мальчуганъ. Мячикъ застрялъ на чердакѣ. Мальчуганъ беретъ зажженную сальную свѣчку и отправляется на чердакъ искать свой мячикъ. Въ домикѣ вспыхиваетъ пожаръ, горитъ и вся улица. Зарево разливается по небу. Пламя все растетъ! Пищи для огня довольно: сѣно, солома, сало, деготь, полѣницы дровъ, заготовленныхъ на зиму. Все объято пламенемъ. Плачъ, стоны, смятеніе. Старый король объѣзжаетъ городъ, утѣшаетъ, успокаиваетъ, отдаетъ приказанія. Взрываютъ цѣлые кварталы, чтобы остановить шествіе пламени. Но вотъ загорается сѣверная часть города, горятъ церкви: Святого Петра, Богоматери! Органъ играетъ въ послѣдній разъ: „Смилуйся надъ нами, Боже!“

Уцѣлѣли только „Круглая Башня“ да дворецъ; кругомъ же однѣ дымящіяся развалины. Но король Фредерикъ IV добръ къ народу и не оставляетъ его въ бѣдѣ; онъ утѣшаетъ и кормитъ бѣдняковъ, онъ другъ бездомныхъ!

Да будетъ благословенъ Фредерикъ IV!

— Взгляни теперь на эту страничку!

Взгляни на золоченую колесницу, окруженную слугами; впереди и сзади конвой вооруженныхъ всадниковъ. Она выѣзжаетъ изъ дворцовыхъ воротъ. Вокругъ дворца протянута желѣзная цѣпь, чтобы народъ не подходилъ къ дворцу слишкомъ близко. Люди не дворянскаго происхожденія обязаны переходить дворцовую площадь съ непокрытыми головами. Поэтому на ней рѣдко увидишь кого-нибудь; всѣ избѣгаютъ это мѣсто. Но вотъ, проходитъ одинъ, потупивъ взоръ и держа шляпу въ рукѣ. Это какъ-разъ тотъ, чье имя мы провозгласимъ громко: Людвигъ Гольбергъ.

Въ немъ геній споритъ съ остроуміемъ; но датскій театръ, дворецъ его славы, закрытъ теперь, словно пріютъ соблазна.

Всякое веселье, радость похоронены; танцы, пѣніе, музыка строго воспрещены. Это время господства мрачнаго ханжества. *).

Но вотъ, въ управленіе страною вступилъ „датскій принцъ", какъ звала его въ дѣтствѣ мать. Опять проглянуло солнышко, запѣли птички! На престолѣ Фредерикъ V! Цѣпи съ дворцовой площади убираются прочь, датскій театръ снова открываетъ двери смѣху, веселью и здоровому юмору. Крестьяне вновь встрѣчаютъ лѣто веселыми играми. Унылый постъ смѣнился веселымъ ро́зговѣньемъ. Искусство цвѣтетъ и приноситъ плоды—звуки и краски. Послушай музыку Гретри, взгляни на игру Лондемана! И королева Даніи любитъ все датское. Да благословитъ тебя Богъ, прелестная, кроткая Луиза Англійская! Дѣти солнца воспѣваютъ хоромъ датскихъ королевъ: Филиппу, Елисавету, Луизу!

Бренные останки людей покоятся въ склепахъ, но души живутъ вѣчно, живутъ и имена. Снова шлетъ Англія невѣсту королю—юную принцессу Матильду, скоро покинутую всѣми! Но ее воспоютъ впослѣдствіи поэты! Воспоютъ ея юное сердце и горькія испытанія. А пѣсня могуча: смѣняются времена, народы, она же все остается властною. Взгляни на пожаръ Христіанборгскаго дворца! Стараются спасти, что получше. Вотъ рабочіе съ верфи тащатъ корзину съ серебромъ и дорогими вещами—цѣлое богатство. Но вдругъ они видятъ въ открытую дверь, гдѣ уже пышетъ пламя, бронзовый бюстъ короля Христіана IV, и—сокровище въ сторону! Этотъ бюстъ для нихъ дороже всѣхъ сокровицъ! Его надо спасти во что бы то ни стало. А знаютъ эти люди Христіана IV только по пѣснѣ Эвальда, да по чудной мелодіи Гартмана!

Да, въ словѣ и въ пѣснѣ удивительная сила, и когда-нибудь да оживетъ въ звучной пѣснѣ и бѣдная королева Матильда!

— Перевернемъ еще страницу.

На площади Ульфельда стоялъ позорный камень; гдѣ еще въ свѣтѣ возвышался подобный? У западныхъ воротъ воздвигли колонну; много-ли въ свѣтѣ такихъ?

Солнечные лучи цѣловали каменныя глыбы, послужившія основаніемъ „Колоннѣ Свободы". Колокольный звонъ, всюду флаги,

*) Царствованіе короля Христіана VI (1730—1746). *Примѣч. перев.*

народъ ликуетъ и славитъ кронпринца Фредерика *). У стараго и у малаго въ сердцахъ и на языкѣ имена Бернсторфа, Ревентлова, Кольбьёрнсена **). Сіяющіе взоры, благодарныя сердца останавливаются на благословенной надписи на колоннѣ:

„Король повелѣлъ разбить оковы крестьянина; издалъ новый законъ объ отношеніяхъ между помѣщикомъ и свободнымъ крестьяниномъ, дабы послѣдній могъ стать на ноги, сдѣлаться просвѣщеннымъ, трудолюбивымъ, добрымъ, честнымъ и счастливымъ гражданиномъ!“

Какой счастливый день! Какое „лѣто въ городѣ“!

Дѣти солнца поютъ: „Добро растетъ! Красота растетъ! Скоро уберутъ позорный камень съ площади Ульфельда, а „Колонна Свободы“ все будетъ стоять, вѣчно озаряемая солнцемъ, благословляемая Богомъ, королемъ и народомъ!“

„Дорога широкая къ намъ пролегаетъ,
И свѣта конца достигаетъ“.

Дорога эта—открытое море. Она открыта и для друга, и для недруга. Недругъ и явился. Подплываетъ могучій англійскій флотъ. Великая держава надвигается на маленькое государство. Жаркое вспыхнуло сраженіе, но датчане дрались мужественно, возбуждая удивленіе враговъ и вдохновляя скальдовъ. Этотъ день вспоминается и понынѣ; Данія до сихъ поръ чтитъ день славной битвы на рейдѣ—2-е апрѣля.

Прошли годы. На Зундѣ опять показывается англійскій флотъ. Идетъ-ли онъ на Россію или на Данію? Никто не знаетъ этого, не знаетъ никто даже на самыхъ корабляхъ.

Сохранилось преданіе, что въ то утро, когда на главномъ кораблѣ былъ вскрытъ секретный пакетъ, содержавшій приказъ напасть врасплохъ на Копенгагенъ и уничтожить весь датскій флотъ, одинъ молодой капитанъ, сынъ Альбіона, обратился къ своему начальнику съ достопамятными словами: „Я клялся до послѣдняго вздоха бороться за честь и знамя Англіи, но лишь въ честномъ бою, а не предательски!“

И сказавъ это, онъ бросился за бортъ!

*) Впослѣдствіи король Фредерикъ VI.
**) Выдающіеся государственные дѣятели Даніи. *Примѣч. перев.*

Врагъ подошелъ къ Копенгагену; яркимъ заревомъ загорѣлось небо, и мы лишились нашего флота, но не мужества и вѣры въ Бога. Онъ смиряетъ, онъ же и возноситъ! Раны заживаютъ, какъ раны Эйнгеріевъ*). Исторія Копенгагена богата утѣшительными примѣрами.

Скоро снова заблестѣло солнце въ возставшемъ изъ пепла городѣ, на богатыхъ жатвою поляхъ и на твореніяхъ ума человѣческаго. Насталъ благодатный лѣтній день мира, когда поэзія возродилась въ чудныхъ, яркихъ образахъ Эленшлегера!

И въ области науки сдѣлана находка, куда драгоцѣннѣе, нежели древній золотой рогъ: найденъ золотой „мостъ мысли". Гансъ Христіанъ Эрстедъ начертилъ на немъ свое имя.

А вотъ, взгляни сюда! Близъ дворца и собора воздвигается зданіе, на постройку котораго жертвуютъ свою лепту даже бѣдняки.

Ты помнишь старыя каменныя глыбы, изображенныя въ началѣ альбома? Ихъ пригналъ изъ Норвегіи на льдинахъ сѣверо-восточный вѣтеръ. Теперь онѣ поднялись съ песчанаго дна по повелѣнію Торвальдсена. Онѣ служатъ фундаментомъ зданія, въ которомъ красуются мраморныя изваянія великаго мастера.

Вспомни, что я показывалъ и разсказывалъ тебѣ! Песчаная мель поднялась съ морского дна, стала защитой для гавани, на ней воздвигся Акселевъ домъ, дворецъ епископа, потомъ дворецъ короля, а нынѣ на немъ воздвигся и храмъ красоты. Проклятіе вѣтра развѣяно по воздуху, а радостное пророчество дѣтей солнца сбылось.

Много бурь пронеслось надъ Копенгагеномъ, пронесется, можетъ быть, и еще. Но побѣда все же останется за добромъ, истиною и красотою.

Альбому тутъ конецъ, но исторія Копенгагена далеко не кончена. Кто знаетъ, до чего доживешь современемъ ты самъ?

Часто надъ городомъ скоплялись черныя тучи, бушевала буря, но свѣтъ солнца затмѣвался лишь на время. Богъ же еще сильнѣе солнышка! Господь правитъ кое-чѣмъ и побольше Копенгагена!

Вотъ что сказалъ крестный, вручая мнѣ альбомъ. Глаза его сіяли, онъ былъ такъ увѣренъ въ томъ, что говорилъ. А я

*) Любимые сыны Одина, развлекающіеся въ Валгаллѣ единоборствами, въ которыхъ ранятъ и даже убиваютъ другъ друга, но потомъ опять воскресаютъ.
Примѣч. перев.

взялъ книгу съ такою же радостью, гордостью и осторожностью, съ какими взялъ впервые на руки свою новорожденную сестрицу.

Крестный же прибавилъ:

— Ты можешь показывать свой альбомъ кому хочешь, можешь даже сказать, что я самъ сдѣлалъ, вырѣзалъ и нарисовалъ все. Но пусть также знаютъ всѣ, кто подалъ мнѣ мысль. Ты знаешь это и разскажи! Мысль принадлежитъ старымъ ворваннымъ фонарямъ. Они вздумали въ послѣдній вечеръ своей службы показать новымъ газовымъ фонарямъ, какъ въ туманныхъ картинахъ, все, что пережилъ Копенгагенъ съ того вечера, когда въ немъ зажегся первый ворванный фонарь, и до того, когда въ немъ вспыхнули бокъ-ô-бокъ ворванные и газовые фонари.

Можешь показывать книгу всѣмъ, кому хочешь, т.-е. всѣмъ ласковымъ и доброжелательнымъ людямъ; если же явится „мертвая лошадь“—сейчасъ закрой

альбомъ крестнаго!

ТРЯПЬЕ.

Передъ бумажною фабрикою были свалены вороха тряпокъ, собранныхъ отовсюду. У всякой тряпки была своя исторія, каждая держала свою рѣчь, но нельзя же слушать всѣхъ заразъ! Нѣкоторыя были здѣшнія, другія заграничныя. Одной датской тряпкѣ случилось лежать рядомъ съ норвежской; первая была мягкой датской, вторая суровой норвежской закваски. И вотъ, это-то и было самое забавное въ нихъ, съ чѣмъ, навѣрно, согласится всякій благоразумный норвежецъ и датчанинъ.

Онѣ узнали другъ друга по языку, хотя датскій и норвежскій языки—по словамъ норвежской тряпки—такъ же различны, какъ французскій и еврейскій.

— Мы беремъ свой языкъ изъ нѣдръ народа въ сыромъ, первобытномъ видѣ, а датчане создаютъ себѣ искусственно приторный, пошлый языкъ!—прибавила норвежская тряпка.

Разговоръ вели, вѣдь, тряпки, а тряпка такъ ужъ и есть тряпка, изъ какой бы страны ни была; значеніе онѣ пріобрѣтаютъ лишь въ ворохахъ, какъ тряпье.

— Я дочь Норвегіи!—продолжала первая.—И этимъ, я думаю, сказано довольно! Я крѣпка волокнами, какъ древнія скалы старой Норвегіи, страны свободной, конституціонной, которая не

уступитъ Америкѣ! У меня волокна такъ и чешутся при одной мысли о томъ, кто я! И мысли мои звонко выливаются въ гранитныхъ словахъ!

— Но мы имѣемъ литературу!—сказала датская тряпка.— Понимаете вы, что это значитъ?

— Понимаете?—повторила норвежская тряпка.—Ахъ, ты, дочь низменной страны! Поднять что-ли тебя на скалы и освѣтить сѣвернымъ сіяніемъ, тряпка ты этакая! Когда ледъ таетъ отъ лучей норвежскаго солнца, къ намъ приходятъ датскіе суденышки съ масломъ да сыромъ—благородные товары, нечего сказать!—а вмѣсто балласта привозятъ съ собою и датскую литературу! Мы же въ ней не нуждаемся! Не диво обойтись безъ выдохшагося пива тамъ, гдѣ бьетъ свѣжій ключъ! Наша литература, что твой родникъ, а не пробуравленный колодезь! И европейскою извѣстностью своею она обязана самой себѣ, а не широкимъ газетнымъ глоткамъ, не кумовству, не шлянью авторовъ за-границу! Въ насъ говоритъ „нутро“, и датчанамъ пора привыкать къ этому свободному голосу, да они и такъ ужъ цѣпляются въ своихъ скандинавскихъ симпатіяхъ за нашу гордую скалистую страну, древнѣйшую кочку вселенной!

— Такъ не позволитъ себѣ говорить ни одна датская тряпка!— сказала представительница Даніи.—Это не въ нашемъ характерѣ. Я хорошо знаю себя, а таковы, какъ я, и всѣ наши датскія тряпки. Всѣ мы добродушны, скромны, мало вѣримъ въ самихъ себя. Этимъ, конечно, много не возьмешь, но мнѣ лично это всетаки больше по сердцу! Могу, однако, увѣрить васъ, что я вполнѣ сознаю свою добротность, но только не говорю о ней. Въ самохвальствѣ меня ужъ никто не обвинитъ! Я мягка, податлива, вынослива, независтлива, обо всѣхъ отзываюсь хорошо, хотя и мало кто этого заслуживаетъ, но это ужъ ихъ дѣло, а не мое! Мнѣ-то что? Я только посмѣиваюсь себѣ, какъ натура богато одаренная!

— Ахъ, замолчите! Меня просто тошнитъ отъ вашего мягкаго, липкаго, клейстернаго языка!—сказала норвежка и перелетѣла по вѣтру въ другой ворохъ.

Обѣ стали бумагою, и случай распорядился такъ, что норвежская тряпка стала листкомъ бумаги, на которомъ одинъ норвежецъ написалъ любовное письмо датчанкѣ, а датская тряпка— бумагой, на которой датчанинъ написалъ оду въ честь величавой красавицы—Норвегіи.

И изъ тряпокъ можетъ выйти что-нибудь путное, разъ онѣ выберутся изъ общей кучи, да переродятся къ лучшему, просвѣтятся,—въ этомъ вся суть.

Вотъ и вся исторія. Она довольно забавна и никого не задѣваетъ, кромѣ—тряпья.

ВЭНЪ И ГЛЭНЪ.

Близъ Зеландскаго берега, напротивъ Гольстейнскаго замка, лежали когда-то два лѣсистыхъ островка: Вэнъ и Глэнъ съ селами и поселками. Они и отъ твердаго берега лежали недалеко, и другъ отъ друга тоже.

Но вотъ одинъ островокъ исчезъ. Ночью разразилась страшная буря, море поднялось такъ высоко, какъ и не запомнили старики; буря свирѣпѣла все больше и больше. Казалось, наступало свѣтопредставленіе, разверзалась земля; колокола на колокольняхъ раскачивались и звонили сами собою.

Въ эту-то ночь островъ Вэнъ и исчезъ въ морской глубинѣ, и слѣда отъ него не осталось. Но часто потомъ въ лѣтнія тихія ночи, когда море ясно и прозрачно, рыбаки, выслѣживавшіе угрей при свѣтѣ укрѣпленнаго на носу лодки фонаря, видѣли (особенно болѣе зоркіе) въ прозрачной глубинѣ островъ Вэнъ, бѣлую колокольню его церкви и высокія церковныя стѣны.

И вотъ, у жителей другого островка сложилось повѣрье, что „Вэнъ дожидается Глэна!“ Рыбаки разсказывали, что видѣли исчезнувшій островъ, слышали даже звонъ его колоколовъ; но это имъ только чудилось. Это, вѣрно, пѣли дикіе лебеди, которые часто нѣжатся тутъ на водяной поверхности, ихъ жалобное пѣніе напоминаетъ собой отдаленный колокольный звонъ.

Было время, когда многіе старики изъ жителей Глэна хорошо помнили ту бурную ночь, помнили еще и то время, когда они дѣтьми переѣзжали во время отлива узенькій проливъ, отдѣлявшій ихъ островъ отъ Вэна, какъ теперь переѣзжаютъ проливъ, отдѣляющій Зеландію отъ Глэна; вода, вѣдь, достигаетъ только оси телѣги.

„Вэнъ дожидается Глэна“ —сложилось повѣрье, и всѣ знали, что придетъ время, когда оно оправдается.

Немудрено, что многіе мальчики и дѣвочки часто думали въ бурныя ночи: „А вдругъ сегодня ночью Вэнъ придетъ за Глэномъ!“ Въ страхѣ принимались они читать: „Отче нашъ“,

потомъ сладко засыпали, а на утро—Глэнъ со своими лѣсами, хлѣбными полями, привѣтливыми крестьянскими домиками, увитыми хмѣлемъ, оказывался на своемъ мѣстѣ. Въ лѣсу распѣвали птички, рѣзвились лани, и кротъ, какъ ни остро у него обоняніе, не чуялъ еще запаха морской воды.

И всетаки дни острова сочтены; мы не можемъ сказать навѣрное, сколько именно времени осталось еще существовать ему, но тѣмъ не менѣе, дни его сочтены; въ одно прекрасное утро островъ исчезнетъ.

Можетъ быть, ты еще вчера только былъ на берегу и любовался на дикихъ лебедей, нѣжившихся на водѣ между Зеландіей и Глэномъ, смотрѣлъ, какъ скользила около лѣсистаго берега лодка съ распущенными парусами, самъ переѣзжалъ на островъ вбродъ,—другой дороги вѣдь не было—и лошади шлепали прямо по водѣ, которая плескалась о колеса.

Но вотъ ты уѣзжаешь оттуда, путешествуешь, быть можетъ, по бѣлу свѣту и возвращаешься на родину лишь черезъ нѣсколько лѣтъ. Глядишь—передъ тобою огромный зеленый лугъ, окруженный лѣсомъ; передъ нарядными крестьянскими домиками благоухаютъ стога сѣна. Куда же ты попалъ? Гольстейнскій замокъ попрежнему блещетъ своими золочеными шпицами, но онъ уже не на самомъ берегу а далеко отъ него! Ты идешь по лѣсу, по полю, на берегъ моря... Гдѣ же Глэнъ? Передъ тобой нѣтъ никакого острова, одно открытое море! Неужели Вэнъ пришелъ за Глэномъ, какъ говорило повѣрье? Когда же разыгралась эта ночная буря, когда случилось такое землетрясеніе, что древній Гольстейнскій замокъ передвинуло на много тысячъ пѣтушиныхъ шаговъ вглубь страны?

Такой бурной ночи и не было; случилось все при свѣтѣ солнца, днемъ. Человѣческій умъ устроилъ плотины, выкачалъ воду изъ пролива и соединилъ Глэнъ съ твердою почвою. Проливъ сталъ зеленымъ лугомъ, покрытымъ сочною травою, Глэнъ крѣпко приросъ къ Зеландіи. Старый замокъ стоитъ на прежнемъ мѣстѣ. Это не Вэнъ пришелъ за Гленомъ, а Зеландія притянула его къ себѣ своими руками-плотинами, выкачала воду, разлучавшую ее съ островомъ, и произнесла заклинаніе, соединившее ихъ брачными узами. И островъ принесъ съ собою приданое,—Зеландія обогатилась многими десятинами земли! Все это правда, объ этомъ даже опубликовано въ газетахъ. Такъ вотъ, повѣрье-то и оправдалось—островъ Гленъ исчезъ.

КТО ЖЕ СЧАСТЛИВѢЙШАЯ?

— Какія чудныя розы!—сказалъ солнечный лучъ.—И каждый бутонъ распустится и будетъ такою же чудною розою! Всѣ онѣ—мои дѣтки! Мои поцѣлуи вызвали ихъ къ жизни!

— Нѣтъ, это мои дѣтки!—сказала роса.—Я кропила ихъ своими слезами!

— А мнѣ такъ кажется, что онѣ мои родные дѣтки!—сказалъ розовый кустъ.—Вы же только крестные отецъ и мать, одарившіе моихъ дѣточекъ кто чѣмъ могъ.

— Мои прелестные дѣтки!—сказали всѣ трое въ одинъ голосъ и пожелали каждому цвѣтку всякаго счастья. Но только одинъ изъ нихъ могъ оказаться самымъ счастливымъ изъ всѣхъ и одинъ наименѣе счастливымъ.

Кто же именно?

— А вотъ я узнаю это!—сказалъ вѣтеръ.—Я летаю повсюду, проникаю въ самыя узкія щели, знаю, что дѣлается и внутри и снаружи домовъ.

Каждая роза слышала, каждый бутонъ понялъ сказанное.

Въ садъ пришла печальная мать въ траурѣ и сорвала одну свѣжую, полураспустившуюся розу, которая показалась ей прекраснѣйшею изъ всѣхъ. Мать принесла цвѣтокъ въ тихую безмолвную комнату, въ которой нѣсколько дней тому назадъ рѣзвилась ея веселая жизнерадостная дочка. Теперь же дѣвочка покоилась, словно спящее мраморное изваяніе, въ черномъ гробу. Мать поцѣловала умершую, поцѣловала и полураспустившуюся розу и положила ее на грудь дѣвочки, какъ бы надѣясь, что свѣжій цвѣтокъ, освященный поцѣлуемъ матери, заставитъ снова забиться ея сердечко.

И роза такъ и расцвѣла вся, пышно развернула свои лепестки, колебавшіеся отъ радостной мысли: „Какою любовью озарился путь моей жизни! Я какъ будто стала человѣческимъ ребенкомъ,—мать поцѣловала меня и благословила въ путь—въ невѣдомую страну! И я отправлюсь туда, покоясь на груди умершей! Конечно, я счастливѣйшая изъ всѣхъ моихъ сестеръ!“

Потомъ, пришла въ садъ старая полольщица грядъ; она тоже залюбовалась красотою куста и глазъ не могла оторвать отъ самой большой, вполнѣ распустившейся розы. Капля росы да одинъ жаркій день еще, и—лепестки опадутъ! Вотъ какъ разсуждала женщина и нашла, что роза покрасовалась довольно,—

пора было извлечь изъ нея и пользу. И вотъ, она сорвала цвѣтокъ, завернула его въ газетную бумагу и отнесла домой, чтобы набальзамировать солью вмѣстѣ съ другими розами и смѣшать съ засушенными голубыми лавандами, —выйдетъ чудесная душистая смѣсь! Такой чести, какъ бальзамированіе, удостаиваются только розы да короли!

— Мнѣ выпалъ на долю высшій почетъ!—сказала роза, которую сорвала полольщица.—Я—счастливѣйшая! Меня набальзамируютъ!

Затѣмъ явились двое молодыхъ людей; одинъ—художникъ, другой—поэтъ. Каждый сорвалъ себѣ по прекрасной розѣ.

Художникъ изобразилъ цвѣтущую розу на холстѣ, такъ что она увидала себя какъ въ зеркалѣ.

— Такимъ образомъ,— сказалъ художникъ:— она будетъ жить многіе годы, впродолженіе которыхъ успѣютъ завять и умереть милліоны и милліоны розъ!

— Мнѣ посчастливилось больше всѣхъ!—сказала роза.— Я достигла высшаго счастья!

Поэтъ полюбовался на свою розу и написалъ о ней стихи, цѣлую поэму, въ которой высказалъ все, что прочелъ на ея лепесткахъ. Вышла безсмертная поэма—„Альбомъ любви“.

— Онъ обезсмертилъ меня!—сказала роза.—Я счастливѣйшая!

Но среди этой массы прекрасныхъ розъ была одна, которая какъ-то заслонялась другими; по волѣ случая—можетъ быть и счастливаго—у нея былъ изъянъ: она криво сидѣла на стебелькѣ, лепестки ея были расположены не совсѣмъ симметрично, и изъ середины чашечки выглядывалъ маленькій свернутый зеленый листокъ. Случаются подобные изъяны и у розъ.

— Бѣдное дитя!—говорилъ вѣтеръ и цѣловалъ ее въ щечку, а роза думала, что онъ привѣтствуетъ, чествуетъ ее. Она сама чувствовала, что сложена какъ-то иначе, нежели другія розы, что изъ чашечки ея выглядываетъ зеленый листокъ, но смотрѣла на это не какъ на изъянъ, а какъ на отличіе. Вотъ на нее вспорхнулъ мотылекъ и поцѣловалъ ея лепестки; это былъ женихъ, но она не стала удерживать его. Потомъ явился огромнѣйшій кузнечикъ; онъ усѣлся на другую розу и принялся влюбленно потирать ножки,—это признакъ влюбленности у кузнечиковъ. Роза, на которой онъ сидѣлъ, не поняла этого; зато поняла роза съ изъяномъ—свернутымъ зеленымъ листкомъ; на

нее-то какъ разъ и уставился кузнечикъ, а глаза его такъ и говорили: „Съѣлъ бы я тебя отъ пущей любви!“ А ужъ, извѣстно, дальше этого никакая любовь не можетъ идти: одинъ исчезаетъ въ другомъ! Но роза не имѣла ни малѣйшаго желанія исчезнуть въ этомъ прыгунѣ.

Звѣздною ночью запѣлъ соловей.

— Это онъ для меня поетъ!—сказала роза съ изъяномъ или съ отличіемъ.—И за что это меня во всемъ постоянно отличаютъ отъ другихъ сестеръ! Почему именно мнѣ выпало на долю это отличіе, благодаря которому я стала счастливѣйшею?

Тутъ въ садъ зашли два господина; они курили сигары и вели разговоръ о розахъ и табакѣ: правда-ли, что розы не переносятъ табачнаго дыма—зеленѣютъ? Надо было произвести опытъ. Но они пожалѣли красивѣйшія розы и взяли для опыта розу съ изъяномъ.

— Вотъ новое отличіе!—сказала она.—Я ужъ черезчуръ счастлива! Я счастливѣйшая изъ счастливѣйшихъ!

И она вся позеленѣла отъ этого сознанія и табачнаго дыма.

Одна изъ розъ, едва начавшая распускаться и, можетъ быть, самая прекрасная на всемъ кустѣ, заняла почетное мѣсто въ искусно подобранномъ садовникомъ букетѣ. Букетъ отнесли важному молодому господину, владѣльцу дома и сада, и тотъ повезъ его съ собою въ каретѣ. Роза сидѣла между другими цвѣтами и зеленью словно царица красоты. И вотъ, она очутилась на блестящемъ праздникѣ. Повсюду сидѣли разряженные мужчины и дамы, залитые свѣтомъ тысячъ лампъ. Музыка гремѣла, театръ утопалъ въ морѣ свѣта. При восторженныхъ крикахъ зрителей на сцену выпорхнула юная танцовщица—любимица публики, и къ ногамъ ея посыпался цѣлый дождь цвѣтовъ. Упалъ къ ея ногамъ и букетъ съ розой, сіявшей въ его серединѣ какъ драгоцѣнный камень. Роза чувствовала всю честь, все безмѣрное счастье, выпавшія ей на долю, но вотъ букетъ коснулся пола, стебелекъ ея переломился, она выскочила изъ букета и покатилась по полу. Не пришлось ей попасть въ руки виновницы торжества,—она откатилась за кулисы. Тамъ увидалъ ее машинистъ и поднялъ. Она была такъ хороша, такъ чудно пахла, но стебелька у нея не было! Онъ взялъ и положилъ ее прямо въ карманъ, а потомъ отнесъ домой. Тамъ роза очутилась въ рюмкѣ съ водою и пролежала въ ней всю ночь. Рано утромъ ее поставили на столъ передъ старою бабушкою, безпомощно

сидѣвшею въ креслѣ. Какъ она любовалась прекрасною розою безъ стебелька, какъ наслаждалась ея запахомъ!

— Да, ты не попала на роскошный столъ важной барышни, попала къ бѣдной старухѣ! Зато здѣсь ты замѣняешь цѣлый розовый кустъ! Какъ ты хороша!

И старушка съ дѣтскою радостью смотрѣла на цвѣтокъ, вѣроятно вспоминая при этомъ свою давно минувшую юность.

— Въ оконномъ стеклѣ была дырочка!—разсказывалъ вѣтеръ.—Я легко пробрался черезъ нее и видѣлъ, какимъ юношескимъ блескомъ сіяли глаза старушки, любовавшейся на розу безъ стебелька въ рюмкѣ съ водою. Я знаю, которая изъ розъ была счастливѣе всѣхъ! Я могу разсказать это!

У каждой розы была такимъ образомъ своя исторія, каждая вѣрила, что она счастливѣйшая, а, вѣдь, блаженъ, кто вѣруетъ!.. Но послѣдняя изъ розъ на кустѣ всетаки считала себя самою счастливѣйшею.

— Я пережила всѣхъ! Я послѣднее, единственное, любимѣйшее дитя у отца!

— И я—отецъ имъ всѣмъ!—сказалъ розовый кустъ.

— Нѣтъ, я!—возразилъ солнечный свѣтъ.

— Нѣтъ, я!—сказали въ одинъ голосъ вѣтеръ и погода.

— Каждый имѣетъ на нихъ свои права!—сказалъ вѣтеръ.— И каждый получитъ свою долю!—И онъ развѣялъ лепестки, окропленные сіявшими въ лучахъ солнца капельками росы.— И мнѣ кое-что досталось!—прибавилъ онъ.—Я узналъ исторію каждой розы, и разнесу ихъ по всему свѣту!

Такъ вотъ, которая же изъ розъ счастливѣйшая? Да, скажите-ка это мнѣ вы, я уже сказалъ довольно!

ДРІАДА.

Отправляемся въ Парижъ, на выставку!

Вотъ мы и тамъ! То-то была поѣздка, настоящій полетъ, и безъ малѣйшей примѣси колдовства: паръ мчалъ насъ и по морю и по суху.

Мы живемъ въ сказочное время!

Теперь мы въ центрѣ Парижа, въ большомъ отелѣ. Лѣстница вся уставлена цвѣтами, устлана мягкими коврами. Нумеръ нашъ очень удобенъ, уютенъ; дверь на балконъ, выходящій на

большую площадь, отворена. На площади уже весна; она прибыла въ Парижъ, одновременно съ нами, въ лицѣ пышнаго, молодого каштановаго дерева съ только что распустившеюся нѣжною листвою. Оно опередило своимъ роскошнымъ весеннимъ нарядомъ всѣ остальныя деревья на площади! Одно изъ нихъ уже вычеркнуто изъ числа живыхъ и лежитъ на землѣ, вырванное съ корнями. На его-то мѣсто и хотятъ посадить свѣжее каштановое деревцо.

Пока же оно возвышается на телѣгѣ, привезшей его въ Парижъ изъ далекой окрестности. Тамъ оно росло годы рядомъ съ могучимъ дубомъ, подъ которымъ часто присаживался славный старый священникъ. Ребятишки обступали его толпою, и онъ велъ съ ними бесѣду. Прислушивалось къ его рѣчамъ и молодое каштановое деревцо; Дріада, обитавшая въ немъ, тоже, вѣдь, была еще ребенкомъ. Она еще живо помнила время, когда деревцо было совсѣмъ маленькимъ, такимъ маленькимъ, что чуть только выглядывало изъ высокой травы и папоротниковъ. Но тѣ-то ужъ выше стать не могли, деревцо же все росло да росло годъ отъ году, впивая въ себя воздухъ и солнечный свѣтъ, росу и дождь и получая, какъ водится, время отъ времени встрепки отъ буйнаго вѣтра,—это ужъ входило въ программу воспитанія.

Дріада жила и наслаждалась жизнью, солнышкомъ, пѣніемъ птичекъ, но больше всего человѣческимъ голосомъ; она понимала рѣчь человѣка такъ же хорошо, какъ и рѣчи животныхъ и птицъ.

Бабочки, стрекозы, мухи и вся остальная летучая компанія часто являлись къ ней съ визитомъ. Всѣ онѣ болтали безъ умолку, разсказывали о деревняхъ, о виноградникахъ, о лѣсахъ, о старомъ замкѣ и паркѣ, о его каналахъ и прудахъ. Въ этихъ прудахъ также жили разныя живыя созданія, которыя могли перелетать съ мѣсто на мѣсто—только по своему, подъ водою. Созданія эти были очень разумны, разсудительны и отъ большого ума даже не говорили ничего.

Морская же ласточка, нырявшая въ воду, разсказывала Дріадѣ о хорошенькихъ золотыхъ рыбкахъ, о жирныхъ лещахъ, толстыхъ линяхъ и старыхъ обросшихъ мхомъ карасяхъ. Ласточка отлично описывала, но видѣть все своими глазами все же куда лучше,—прибавляла она. Да какъ же устроить это?! Дріадѣ приходилось довольствоваться зрѣлищемъ разстилавшейся передъ

нею роскошной равнины, да прислушиваться къ суетѣ и шуму человѣческой жизни издали.

И Дріада наслаждалась и тѣмъ, и другимъ, но больше всего любила слушать разсказы стараго священника о Франціи, о славныхъ дѣяніяхъ героевъ и героинь, чьи имена благоговѣйно передаются изъ поколѣнія въ поколѣніе.

Дріада слушала о пастушкѣ Іоаннѣ Д'Аркъ, о Шарлотѣ Кордэ, о старинѣ, о Генрихѣ IV, о Наполеонѣ Первомъ и его времени, о быломъ и настоящемъ величіи родины. Она слышала всѣ эти славныя имена, говорившія сердцу народа: „Франція—міровая страна, родина пытливаго ума, очагъ свободы!“

Деревенскіе ребятишки благоговѣйно внимали этимъ разсказамъ, Дріада тоже. И она училась наравнѣ съ прочими дѣтьми. Плывущія по небу облака рисовали ей картину за картиной—иллюстраціи ко всѣму слышанному ею. Облачное небо было для нея любимою книжкою съ картинками.

Она чувствовала себя такою счастливой въ своей прекрасной Франціи, но чувствовала также, что любая птичка, любое крылатое существо куда счастливѣе ея! Даже мухѣ дано видѣть на бѣломъ свѣтѣ куда больше, чѣмъ ей!

Франція обширна и прекрасна, а Дріадѣ суждено видѣть лишь крошечную часть этой чудной страны, широко раскинувшей по лицу земли свои виноградники, лѣса и большіе города. Самымъ лучшимъ, великолѣпнѣйшимъ изъ нихъ былъ Парижъ, и птички могли въ немъ побывать, Дріада же—никогда!

Среди деревенскихъ ребятишекъ была одна маленькая, бѣдная, оборванная дѣвочка, красавица собою. Она вѣчно пѣла, вѣчно смѣялась и вплетала въ свои черные кудри красные цвѣточки.

— Смотри, не забирайся въ Парижъ!—говаривалъ ей старый священникъ.—Бѣдное дитя, ты пропадешь тамъ!

Но она всетаки отправилась въ Парижъ.

Дріада часто вспоминала о ней: и ее тоже тянуло, неудержимо влекло въ этотъ огромный городъ.

Прошла весна, лѣто, осень, зима; прошло два-три года.

Каштановое деревцо впервые надѣло уборъ изъ нѣжныхъ цвѣтовъ, и птички наперерывъ щебетали объ этомъ другъ другу; солнышко такъ и сіяло. Вдругъ на дорогѣ показалась великолѣпная коляска; въ ней сидѣла знатная дама, сама правившая красивыми быстроногими конями. Разодѣтый мальчикъ-жокей

сидѣлъ позади. Дріада сразу признала молодую даму, старый священникъ тоже и—печально покачалъ головою:

— Ты всетаки попала туда и погибла, бѣдняжка Марія!

„Бѣдняжка?“ недоумѣвала Дріада. „Такое превращеніе! Она одѣта, какъ герцогиня! Вотъ что случилось съ ней въ этомъ волшебномъ городѣ! Ахъ, если бы и мнѣ побывать тамъ, насладиться его роскошью и блескомъ! Блескъ его отражается даже на вечернихъ облакахъ! Я часто смотрю въ ту сторону, гдѣ, знаю, находится Парижъ, и вижу на небѣ свѣтлое сіяні..

Да, туда, въ ту сторону Дріада смотрѣла каждый вечеръ, каждую ночь,—на горизонтѣ разстилался какой-то свѣтящійся туманъ. Какъ она скучала о немъ въ свѣтлыя, безоблачныя, лунныя ночи! Какъ скучала она тогда и о бѣгущихъ облакахъ, показывавшихъ ей изъ жизни и исторіи города картину за картиною!

Дитя жадно хватается за свою книжку съ картинками, Дріад хваталась за облачное небо, гдѣ отражались ея мечты.

Чистое, безоблачное лѣтнее небо было для нея бѣлою страницею, и вотъ уже нѣсколько дней, какъ оно оставалось такимъ. Стояли жаркіе лѣтніе дни, безъ малѣйшей прохлады; листья и цвѣты охватила какая-то истома; людей тоже.

Но вотъ на небѣ собрались облака и какъ разъ въ той сторонѣ, гдѣ сіяющій туманъ говорилъ о Парижѣ. Облака поднялись, образуя какія-то причудливыя горныя цѣпи, загромоздили все небо, нависли надъ всѣмъ видимымъ Дріадѣ горизонтомъ. И вотъ, изъ этихъ гигантскихъ темно-синихъ облачныхъ скалъ вырвались лучи молніи, „тоже слуги Божіи“—какъ называлъ ихъ старый священникъ. Голубая, ослѣпительная, какъ солнце, молнія ударила въ старый могучій дубъ, проникла до самыхъ его корней и расколола его пополамъ. Вершина и стволъ дерева раздвоились и рухнули на землю, словно принимая посланницу свѣта въ свои объятія.

Громче, сильнѣе пушечнаго выстрѣла, привѣтствующаго рожденіе принца, потрясъ воздухъ и разнесся по всей окрестности ударъ грома, возвѣстившій кончину стараго дуба. Полилъ дождь, подулъ свѣжій вѣтеръ, буря пронеслась, и вся природа опять засіяла въ праздничномъ блескѣ. Деревенскіе жители окружили поверженный дубъ; старый священникъ почтилъ его словомъ, одинъ художникъ срисовалъ его на память для потомства.

— Все смѣняется, проносится, какъ облако, и никогда не возвращается назадъ!—сказала Дріада.

Не возвращался сюда и старый священникъ: школьной кровли и каѳедры его больше не существовало. Ребятишки тоже перестали приходить сюда, зато пришла осень, за нею зима, а тамъ и опять весна. Времена года смѣнялись, а Дріада все смотрѣла въ одну сторону—въ ту, гдѣ каждый вечеръ, каждую ночь стояло надъ Парижемъ сіяющее туманное облако. Изъ столицы и въ столицу мчались, свистя и пыхтя, паровозъ за паровозомъ, поѣздъ за поѣздомъ, мчались безпрерывно — и утромъ, и днемъ, и вечеромъ, день-деньской; въ одни входили, изъ другихъ выходили толпы людей, высланныхъ сюда всѣми странами міра; всѣхъ манило въ Парижъ новое чудо свѣта.

Какое же?

„На безплодномъ, песчаномъ Марсовомъ полѣ“ —говорили одни—„распустился роскошный цвѣтокъ искусства и промышленности, гигантскій подсолнечникъ, и по лепесткамъ его можно изучить географію, статистику и всякую механику, искусства и поэзію, познать величину и величіе всѣхъ странъ свѣта!“ „На Марсовомъ полѣ“ —говорили другіе—„выросъ сказочный цвѣтокъ, пестрый лотосъ, распустившій надъ пескомъ свои зеленые листья, словно бархатные ковры; распустился онъ раннею весною, лѣтомъ достигнетъ апогея своей красоты, а осенью вѣтеръ развѣетъ его лепестки, и отъ него не останется и слѣда!“

Передъ „Военнымъ Училищемъ“ разстилается боевая арена мирнаго времени, поле безъ травы, словно вырѣзанное изъ песчаной африканской пустыни, гдѣ Фата-Моргана показываетъ свои диковинные воздушные замки и висячіе сады. Такіе же замки и сады плѣняютъ нынѣ взоры и на Марсовомъ полѣ, только здѣсь они, пожалуй, еще богаче, еще диковиннѣе: благодаря генію человѣческой изобрѣтательности они стали дѣйствительностью!

„На Марсовомъ полѣ“ —шелъ говоръ—„воздвигнутъ современный дворецъ Алладина, и день ото дня, часъ отъ часу развертываетъ взорамъ все новыя и новыя красоты. Стѣны обширныхъ покоевъ выложены мраморомъ, пестрѣютъ красками. Въ огромной круглой залѣ работаетъ своими стальными и желѣзными мускулами мастеръ „Безкровный“. Чудеса искусствъ изъ металла, изъ камня, художественно выполненныя ткани, говорятъ о духовной жизни различныхъ странъ міра. Картинныя галлереи, роскошные цвѣтники, все, что только могутъ создать умъ и руки человѣческія,— все собрано и выставлено здѣсь напоказъ, не забыты даже памят-

ники сѣдой древности, извлеченные изъ старинныхъ замковъ, изъ древнихъ торфяныхъ болотъ.

Но, чтобы обнять взглядомъ, охватить эту пеструю подавляюще-грандіозную панораму въ цѣломъ и описать ее, нужно сжать, уменьшить ее до игрушечныхъ размѣровъ.

Да, на Марсовомъ полѣ, словно на гигантскомъ игрушечномъ столѣ, подъ елкою, красовался замокъ Алладина, воздвигнутый соединенными усиліями искусства и промышленности, а вокругъ замка были разставлены диковинныя и величественныя бездѣлушки изъ всѣхъ странъ міра; каждая національность могла унести отсюда воспоминаніе о своей родинѣ.

Тутъ возвышался египетскій дворецъ, тамъ караванъ-сарай пустыни, мимо котораго проносился на верблюдѣ житель знойной степи, бедуинъ, здѣсь шли русскія конюшни съ огненными, великолѣпными конями, тамъ ютилось крытое соломой жилище датскаго крестьянина съ развѣвающимся Данеброгомъ на крышѣ, а рядомъ великолѣпный, деревянный, изукрашенный рѣзьбою далекарлійскій домъ Густава Вазы. Американскія хижины, англійскіе коттеджи, французскіе павильоны, турецкіе кіоски, всевозможныя церкви и театры были прихотливо разбросаны по свѣжей, покрытой дерномъ площади, гдѣ журчала вода, росли цвѣтущіе кусты, рѣдкія породы деревъ, помѣщались оранжереи, сразу переносившія посѣтителей въ тропическіе лѣса, раскинулись подъ навѣсами цѣлые сады розъ, словно перенесенные сюда изъ Дамаска. Какое разнообразіе красокъ, какое благоуханіе!

Въ искусственныя сталактитовыя пещеры, были вдѣланы гигантскихъ размѣровъ аквариумы, одни съ прѣсною, другіе съ солёною водой. Тутъ зритель попадалъ въ царство рыбъ и полиповъ, какъ будто опускался на дно морское!

Такъ вотъ что представляло теперь, по разсказамъ, Марсово поле, и по этому-то празднично убранному пиршественному столу двигались, словно миріады муравьевъ, несмѣтныя толпы людей пѣшкомъ или въ ручныхъ креслахъ, — не всякія ноги могутъ, вѣдь, выдержать такое странствіе!

Люди наводняли выставку съ ранняго утра и до поздняго вечера. По Сенѣ скользили пароходъ за пароходомъ, переполненные пассажирами, вереницы экипажей на улицахъ все увеличивались, пѣшихъ и верховыхъ все прибывало; омнибусы и диллижансы были набиты биткомъ, унизаны людьми сплошь. И все это двигалось по одному направленію, къ одной цѣли, къ

„парижской выставкѣ"! Надъ всѣми входами развѣвались французскіе флаги, а надъ „всемірнымъ базаромъ"—флаги различныхъ націй. Свистъ и шумъ машинъ, мелодичный звонъ башенныхъ колоколовъ, гулъ церковныхъ органовъ, хриплое, гнусливое пѣніе, вырывавшееся изъ восточныхъ кофеенъ—все сливалось вмѣстѣ! Настоящее вавилонское смѣшеніе языковъ!

Вотъ что говорили, вотъ какъ описывали „новое чудо свѣта". Кто не слыхалъ о немъ? Дріада тоже слышала, знала все, что говорилось о новомъ чудѣ въ городѣ городовъ.

„О, летите же туда, птички, летите, а вернувшись назадъ—разскажите мнѣ обо всемъ!" молила Дріада.

Смутное влеченіе выросло въ безумное желаніе, въ завѣтную мечту: „въ Парижъ, въ Парижъ!" И вотъ, однажды, среди безмолвной тишины лунной ночи, изъ полнаго диска луны вылетѣла искра, скатилась по небу, словно падающая звѣздочка, и передъ деревомъ, вѣтви котораго заколыхались, словно отъ бурнаго порыва вѣтра, предстало свѣтлое величественное видѣніе. Раздались звуки, такіе нѣжные, ласкающіе и въ то же время мощные, какъ трубные звуки въ день Страшнаго Суда, пробуждающіе къ жизни и призывающіе на судъ мертвецовъ:

„Ты попадешь въ этотъ волшебный городъ, пустишь тамъ корни, познакомишься съ его воздухомъ и солнечнымъ свѣтомъ. Но жизнь твоя сократится, длинный рядъ годовъ, ожидавшихъ тебя здѣсь, на волѣ, сократятся въ дни. Бѣдная Дріада, ты пропадешь тамъ! Твоя тоска, твои желанія будутъ все рости! Самое дерево твое станетъ для тебя темницею, ты захочешь покинуть свою оболочку, отказаться отъ своей природы, вмѣшаться въ толпу людей, и тогда годы твоего существованія сократятся въ полжизни мухи-поденки, твоя жизнь продолжится всего лишь одну ночь! А затѣмъ ты угаснешь, листья твоего дерева завянутъ, развѣются по вѣтру и никогда уже не возродятся къ жизни!"

Звуки смолкли, видѣніе исчезло, но тоска и желаніе Дріады не исчезли; она вся трепетала отъ ожиданія, какъ въ лихорадкѣ.

— Я попаду туда, въ этотъ городъ городовъ!—ликовала она.—Для меня начнется новая жизнь! Она будетъ расти, нестись какъ облако—невѣдомо куда!

На зарѣ, когда мѣсяцъ поблѣднѣлъ, и облака заалѣли, пробилъ часъ исполненія ея желанія; обѣщанное сбылось.

Явились люди съ заступами и желѣзными ломами и принялись выкапывать дерево; затѣмъ подъѣхала телѣга, запряженная лошадьми; дерево, со всѣми его корнями и приставшей къ нимъ землею, подняли, закутали корни въ рогожи, словно въ теплый ножной мѣшокъ, затѣмъ взвалили деревцо на телѣгу и крѣпко привязали. Судьба назначила ему расти въ великой столицѣ Франціи, въ городѣ городовъ.

Телѣга двинулась, вѣтви и листья каштана задрожали, сама Дріада вся затрепетала отъ сладостнаго ожиданія.

„Въ путь! Въ путь!“ слышалось ей въ каждомъ біеньи пульса. „Въ путь! Въ путь!“ лепетала она дрожащимъ голосомъ и даже забыла проститься съ родиною, съ высокою колеблющеюся травой, съ невинными ромашками, смотрѣвшими на нее, какъ на важную особу въ саду Господнемъ, какъ на юную принцессу, которая разыгрывала тутъ на лонѣ природы простую пастушку.

Каштановое дерево кивало съ телѣги вѣтвями, какъ бы говоря: „прощайте, прощайте!“ или „въ путь, въ путь!“ — чтó именно, Дріада сама не знала. Она была полна одною мыслью, одною мечтой объ ожидавшихъ ее новыхъ чудесахъ—новыхъ и въ то же время столь знакомыхъ! Ни одинъ ребенокъ въ невинной радости сердца, ни одна пылкая человѣческая натура въ порывѣ чувственности не предавались такимъ радужнымъ мечтамъ, какъ Дріада на пути въ Парижъ.

И вмѣсто „прости“ губы ея шептали: „въ путь! въ путь!“

Колеса вертѣлись, телѣга подвигалась впередъ, даль приближалась, затѣмъ оставалась позади; окрестности мѣнялись, какъ мѣняются облака. Виноградники, лѣса, деревушки, виллы и сады выступали и пробѣгали мимо. Каштановое деревцо все подвигалось впередъ, а съ нимъ и Дріада. Поѣздъ за поѣздомъ пролетали мимо другъ друга, скрещивали свои пути; паровозы выпускали облака дыма, принимавшія причудливыя очертанія и рисовавшія Дріадѣ картины Парижа, откуда неслись поѣзда и куда стремилась она.

Все вокругъ какъ будто знало, должно было понимать, куда лежитъ ея путь, и ей казалось, что каждое встрѣчное деревцо протягиваетъ къ ней вѣтви съ мольбою: „Возьми и меня съ собой!“ Въ каждомъ деревцѣ, вѣдь, тоже жила Дріада, обуреваемая такою же страстною тоской!

Но какая быстрая смѣна картинъ! Какая пестрота! Дома словно выростали изъ-подъ земли, становились все многочислен-

нѣе, все тѣснѣе жались другъ къ другу. Дымовыя трубы вздымались на крышахъ одна возлѣ другой, одна надъ другою, какъ цвѣточные горшки; огромныя надписи, выведенныя аршинными буквами, покрывали стѣны домовъ отъ самого фундамента до крыши.

„Гдѣ же начинается Парижъ, когда же я попаду туда?“ спрашивала себя Дріада. А толпы народа все росли, движеніе и суета все увеличивались, экипажъ слѣдовалъ за экипажемъ, пѣшіе смѣняли всадниковъ, справа и слѣва тянулись ряды магазиновъ, со всѣхъ сторонъ слышались музыка, пѣніе, говоръ, крикъ!..

Тяжелая телѣга остановилась на маленькой площади, обсаженной деревьями, окруженной высокими домами, съ балкончиками у каждаго окна. На балкончикахъ стояли люди и любовались вновь привезеннымъ молодымъ свѣжимъ каштановымъ деревомъ, которое должно было замѣнить старое, засохшее, валявшееся на землѣ. Прохожіе останавливались и съ довольною улыбкой смотрѣли на весеннюю зелень деревца; старыя деревья, еще не успѣвшія развернуть почекъ, кивали ему вѣтвями и шумѣли: „Добро пожаловать! Добро пожаловать!“ А фонтанъ, выбрасывавшій въ воздухъ свои струи, ниспадавшія затѣмъ въ широкій бассейнъ, оросилъ новаго гостя брызгами, словно желая поднести ему на новосельѣ заздравный кубокъ.

Дріада чувствовала, какъ ея дерево подняли съ телѣги и посадили въ приготовленную яму. Корни дерева закопали въ землю, прикрыли сверху свѣжимъ дерномъ, кругомъ же разсадили цвѣтущіе кусты и цвѣты въ горшкахъ, такъ что по серединѣ площади образовалась цѣлая цвѣточная клумба. Мертвое выдернутое дерево, задушенное газовыми, кухонными и другими испареніями, насыщавшими губительный для растеній городской воздухъ, было взвалено на телѣгу и увезено. Толпа глазѣла на это зрѣлище; дѣти и старики, сидѣвшіе на скамеечкахъ въ тѣни, смотрѣли вверхъ на свѣжую листву новаго деревца. Мы же, стоя на балконѣ и любуясь на юную весну, прибывшую сюда изъ деревенскаго приволья, сказали, что сказалъ бы на нашемъ мѣстѣ и старый священникъ: „Бѣдная Дріада!“

— Я счастлива! Счастлива!—твердила между тѣмъ она.— Но я не могу хорошенько понять, не могу высказать того, что чувствую! Все здѣсь такъ, какъ я думала, и всетаки какъ-то не такъ!

Высокіе-высокіе дома какъ-то ужъ очень близко подступали къ ней; солнышко падало только на одну стѣну, и та была вся залѣплена разными объявленіями и афишами, собиравшими передъ собою толпы народа. Мимо проѣзжали экипажи всѣхъ сортовъ—и тяжелые, и легкіе. Омнибусы, эти переполненные людьми движущіеся дома, мчались по мостовой, верховые стремились обогнать ихъ, тележки и фіакры добивались того же.

— Ахъ, да скоро-ли,—волновалась Дріада—и эти высокіе дома, обступающіе площадь, догадаются сдвинуться съ мѣста, измѣнятъ очертанія, какъ облака, и дадутъ мнѣ заглянуть въ самое сердце Парижа, дадутъ мнѣ весь охватить его взоромъ! Пусть покажется мнѣ соборъ Богоматери, Вандомская колонна и то чудо свѣта, которое вызвало и вызываетъ сюда эти толпы иностранцевъ!

Но дома и не думали двигаться съ мѣста.

Вечеръ еще не насталъ, а на площади уже зажглись фонари, въ магазинахъ заблестѣли газовые рожки, бросая яркій отблескъ на вѣтви дерева,—словно опять взошло красное солнышко! На небѣ проглянули звѣздочки, тѣ самыя, которыя Дріада видѣла у себя на родинѣ; ей даже показалось, что на нее повѣяло воздухомъ оттуда—чистымъ, мягкимъ воздухомъ полей. И Дріада точно воспрянула духомъ, силы ея какъ будто удвоились, сила зрѣнія сообщилась каждому листочку дерева, каждый корешокъ какъ будто обрѣлъ чувствительность. Она чувствовала на себѣ ласковые взгляды, внимала говору, звукамъ, любовалась всѣмъ этимъ блескомъ и пестротою!..

Изъ боковой улицы доносились до нея звуки духовыхъ инструментовъ и плясовые мотивы шарманокъ, призывавшіе къ танцамъ, къ веселью, къ наслажденію жизнью!

Подъ эту музыку должны были бы, кажется, заплясать всѣ люди, лошади, кареты, деревья и дома! Опьяняющее чувство радости охватило Дріаду.

— Какъ хорошо здѣсь! Какъ я счастлива!—ликовала она.— Я въ Парижѣ!

Слѣдующій день, и слѣдующая ночь, и послѣдующіе затѣмъ день и ночь не принесли съ собою Дріадѣ ничего новаго: вокругъ то же зрѣлище, то же движеніе, та же пестрая, разнообразная и вмѣстѣ съ тѣмъ однообразная жизнь!

„Теперь я знаю тутъ, на площади, каждое дерево, каждый цвѣтокъ, каждый домъ, каждый балконъ и магазинъ! Меня за-

садили въ такой маленькій, тѣсный уголокъ, что я совсѣмъ не вижу исполинскаго Парижа. Гдѣ же тріумфальныя арки, бульвары, гдѣ чудо свѣта? Ничего этого я не вижу! Я сижу между этими огромными домами, словно въ клѣткѣ! Я знаю наизусть всѣ эти надписи, афиши и вывѣски, все это уже набило мнѣ оскомину! Гдѣ же то, о чемъ я слышала, знала, тосковала, къ чему рвалась? Что же я нашла тутъ, чего добилась? Я тоскую попрежнему! Я чувствую вокругъ себя какую-то иную жизнь, хочу схватиться за нее, слиться съ нею! Я хочу вмѣшаться въ толпу людей, порхать птичкою, видѣть, ощущать все, стать вполнѣ человѣкомъ! Я готова промѣнять на полжизни мухи-поденки годы такой тянущейся изо дня въ день, скучной, вялой жизни! Я изнываю, хирѣю, таю отъ нея, какъ туманъ! Я хочу сіять въ лучахъ солнца, глядѣть на все съ высоты, скользить, нестись невѣдомо куда—какъ облако!“

И вздохи Дріады перешли въ пламенную мольбу:

„О, возьмите годы моей жизни, дайте мнѣ полжизни мухи-поденки, но только откройте мою темницу! Дайте мнѣ пожить человѣческою жизнью, насладиться человѣческимъ счастьемъ хоть одинъ только мигъ, одну эту ночь, а тамъ карайте меня за мою смѣлость, за мою жажду жизни, сотрите меня съ лица земли! Пусть моя оболочка, мое свѣжее, зеленое деревцо завянетъ, пусть его срубятъ, превратятъ въ пепелъ, развѣютъ по вѣтру!“

И листва дерева зашелестѣла, затрепетала вся до послѣдняго листочка, какъ будто по дереву пробѣжала дрожь или огненная струя. Вершина его заколыхалась въ бурномъ порывѣ, раскрылась, и оттуда взвился въ воздухъ женскій образъ—сама Дріада. Мгновеніе—и она очутилась подъ освѣщенными газомъ густолиственными вѣтвями дерева, такая же юная, прекрасная, какъ бѣдняжка Марія, которой священникъ предрекалъ гибель въ Парижѣ.

Дріада сидѣла у подножія своего дерева, у дверей своего дома,—она сама заперла ихъ на ключъ, и ключъ этотъ забросила! Какъ она была молода, прелестна! Звѣзды мигали ей, газовые фонари блестѣли и манили ее въ даль! Она была нѣжна, гибка, воздушна и въ то же время полна силъ; дитя и въ то же время вполнѣ сложившаяся женщина. На ней было тонкое шелковое платье цвѣта нѣжныхъ, свѣжихъ свѣтло-зеленыхъ листьевъ каш-

тана; въ темно-каштановыхъ волосахъ красовался полураспустившійся цвѣтокъ родного деревца; она смотрѣла самою богиней весны!

Съ минуту она сидѣла неподвижно, затѣмъ вскочила и съ быстротой газели кинулась впередъ, завернула за уголъ, неслась, летѣла, перебѣгала съ мѣста на мѣсто, быстрая, неуловимая, какъ солнечный зайчикъ, наводимый зеркаломъ.

Если бы можно было прослѣдить, подмѣтить всѣ ея движенія! Какое открылось бы удивительное зрѣлище! Обликъ ея, все ея одѣяніе мѣнялись ежеминутно, принимали новыя очертанія и краски, сообразно мѣсту, на которомъ она пріостанавливалась хоть на мгновеніе, или падавшему на нее изъ оконъ домовъ свѣту.

Вотъ она на бульварѣ; отъ уличныхъ фонарей и отъ газовыхъ рожковъ въ магазинахъ и кофейняхъ лились потоки свѣта. Вдоль тротуаровъ тянулись ряды молодыхъ и стройныхъ деревьевъ; каждое скрывало отъ лучей искусственнаго свѣта свою Дріаду. Весь безконечно длинный тротуаръ представлялъ какъ будто одну сплошную залу, заставленную столами съ всевозможными прохладительными напитками — отъ шампанскаго и шартрёза и до кофе и пива. На окнахъ магазиновъ красовались настоящія выставки цвѣтовъ, картинъ, статуй, книгъ и пестрыхъ тканей.

Насмотрѣвшись на толпу, сновавшую около домовъ, Дріада устремила взоръ на ужасающій потокъ, струившійся между двумя рядами деревьевъ. Тамъ неслась какъ будто цѣлая рѣка каретъ, кабріолетовъ, колясокъ, омнибусовъ, фіакровъ, всадниковъ и марширующихъ солдатъ. Вздумать пробраться сквозь этотъ бѣшеный потокъ—значило бы рисковать жизнью. Вотъ замелькали какіе-то голубоватые огоньки, потомъ опять все утонуло въ морѣ газоваго свѣта, и вдругъ взвилась ракета!.. Откуда? Куда?

Такъ вотъ гдѣ разстилалась широкая столбовая дорога города городовъ!

Съ одной стороны звучала нѣжная итальянская мелодія, съ другой—испанскій мотивъ, сопровождаемый позвякиваньемъ кастаньетъ; но громче, оглушительнѣе всего раздавались модные шарманочные мотивы, звуки этой щекочущей нервы, канканной музыки, которой и не знавалъ Орфей, никогда и не слыхивала прекрасная Елена, но подъ которую впору было заплясать на своемъ единственномъ колесѣ даже старой тачкѣ, умѣй она только

плясать! И Дріада плясала, кружилась, порхала, мѣняя цвѣта и краски, какъ колибри подъ лучами солнца,—она, вѣдь, воспринимала отраженіе отъ каждаго дома и его внутренняго мірка. Она неслась впередъ, какъ сіяющій цвѣтокъ лотоса, оторванный отъ стебля и увлекаемый теченіемъ; стоило же ей пріостановиться—она принимала новый образъ. Кто могъ услѣдить за нею, разглядѣть ее?

Все проносилось мимо нея, какъ облачныя картины. Одно за другимъ мелькали передъ нею лица, но хоть бы одно знакомое, родное! А въ ея памяти ярко сіяла пара очей: она вспоминала Марію, бѣдняжку Марію, оборванную, веселую дѣвочку съ краснымъ цвѣткомъ въ черныхъ кудряхъ. Она, вѣдь, жила тутъ же, въ этомъ міровомъ городѣ, богатая, сіяющая, какъ тогда, когда проѣзжала мимо дома священника, мимо дерева Дріады и стараго дуба.

Она навѣрно здѣсь, среди этого оглушительнаго водоворота; можетъ быть, только что вышла вонъ изъ той роскошной коляски, остановившейся возлѣ ограды, передъ которою уже стоялъ цѣлый рядъ великолѣпныхъ экипажей съ кучерами въ галунахъ и лакеями въ шелковыхъ чулкахъ. Выходили изъ каретъ все однѣ разодѣтыя дамы, которыя затѣмъ проходили въ открытыя рѣшетчатыя ворота, подымались по высокой, широкой лѣстницѣ и вступали въ величественное зданіе съ бѣлыми, какъ мраморъ, колоннами. Не это-ли и есть чудо свѣта? Если да, то Марія навѣрно тамъ!

Извнутри зданія доносилось пѣніе: „Sancta Maria!“ *); изъ подъ высокихъ расписанныхъ и вызолоченныхъ сводовъ, подъ которыми царствовалъ полумракъ, струился благоуханный дымъ ладона.

Это была церковь св. Магдалины. По блестящему каменному полу скользили знатныя свѣтскія дамы въ дорогихъ черныхъ платьяхъ, сшитыхъ по послѣдней модѣ. На серебряныхъ застежкахъ переплетенныхъ въ бархатъ молитвенниковъ красовались гербы, на раздушенныхъ тонкихъ носовыхъ платкахъ, обшитыхъ драгоцѣнными брюссельскими кружевами—тоже. Нѣкоторыя изъ дамъ преклоняли въ тихой молитвѣ колѣни передъ алтарями, другія направлялись къ исповѣдальнямъ.

Дріаду охватило не то волненіе, не то страхъ, словно она

*) Пресвятая Дѣва Марія.

попала въ такое мѣсто, куда не смѣла входить. Здѣсь царствовала тишина, таинственный полумракъ, слышался лишь тихій шепотъ исповѣдавшихся.

Дріада увидѣла на себѣ такой же богатый нарядъ изъ шелка и кружевъ, такую же вуаль, въ какихъ были и всѣ другія дамы, представительницы роскоши и знати. Не были-ли и онѣ всѣ сестрами Дріады по охватывавшей ее страстной тоскѣ и жаждѣ наслажденій?

Послышался глубокій, скорбный вздохъ. Вырвался-ли онъ изъ укромнаго уголка исповѣдальни, или изъ груди самой Дріады? Она плотнѣе окутала лицо вуалью...

Нѣтъ, здѣсь ей приходится дышать кадильнымъ дымомъ, а не свѣжимъ воздухомъ,—не сюда влекли ее желанія! Дальше, дальше, впередъ, безъ конца, безъ отдыха! Муха-поденка не знаетъ отдыха, вся жизнь ея—одинъ полетъ, одно порханье!

Она опять очутилась на залитой газовыми лучами площади, у великолѣпнаго фонтана. „Но всѣ эти струи не въ силахъ смыть невинной крови, пролитой на этомъ мѣстѣ!"—произнесъ кто-то неподалеку отъ Дріады.

На площади собралась толпа иностранцевъ; шелъ громкій, живой разговоръ. Такъ не смѣли говорить тамъ, въ той таинственной полутемной обители, откуда только что вышла Дріада.

Вотъ приподняли и отвернули одну изъ огромныхъ плитъ тротуара. Дріада пришла въ недоумѣніе: она видѣла, что подъ плитою открывался спускъ въ какое-то подземелье. Но вотъ, иностранцы стали спускаться туда одинъ за другимъ, разставаясь съ звѣзднымъ небомъ, яркимъ, какъ солнце, пламенемъ газовыхъ рожковъ и кипящею вокругъ жизнью.

— Нѣтъ, я боюсь! — сказала одна изъ дамъ.— Я не рѣшаюсь спуститься туда! Да меня и не интересуютъ эти подземныя прелести! Оставайся и ты со мною!

— Какъ? Уѣхать домой, оставить Парижъ, не увидавъ самаго замѣчательнаго, настоящаго чуда нашего времени, созданнаго умомъ и волею одного человѣка?—сказалъ мужъ дамы.

— Ну, а я всетаки не спущусь!—повторила она.

„Чудо нашего времени!" Дріада слышала эти слова и поняла ихъ по-своему. Такъ цѣль ея страстныхъ желаній—передъ нею!

Собственно говоря, передъ нею открывался спускъ въ глу-

бину, въ подземный Парижъ; не такъ она представляла себѣ „чудо", но иностранцы отправились искать его въ подземельи, и она послѣдовала за ними.

Желѣзная витая лѣстница была широка и удобна. Спускъ озарялся лампой; внизу, въ глубинѣ свѣтилась другая. И вотъ, путники очутились въ лабиринтѣ безконечно-длинныхъ, перекрещивающихся сводчатыхъ корридоровъ. Здѣсь видны были, словно въ матовомъ зеркалѣ, всѣ парижскія улицы и переулки; на углахъ можно было прочесть ихъ названія; каждый домъ имѣлъ здѣсь свой нумеръ, основанія домовъ какъ будто вростали въ эти пустынныя мощенныя панели, сжимавшія, какъ въ тискахъ, широкій каналъ, въ которомъ быстро струилась жидкая грязь. Повыше, по трубамъ, протекала свѣжая вода, а въ самомъ верху шла сѣть газовыхъ трубъ и телеграфныхъ проводовъ. Лампы были разбросаны въ большихъ разстояніяхъ другъ отъ друга и смахивали скорѣе на отраженія фонарей верхняго города. Иногда оттуда доносился глухой грохотъ; это проѣзжали надъ подземными люками тяжелыя дроги.

Куда же попала Дріада?

Вы, конечно, слышали о римскихъ катакомбахъ? Парижскія катакомбы имѣли съ ними лишь слабое сходство, да и то исчезло съ преобразованіемъ этого подземнаго міра въ „чудо нашего времени"—въ „клоаки Парижа". Вотъ куда попала Дріада, а вовсе не на Марсово поле, не на всемірную выставку.

Вокругъ нея раздавались возгласы удивленія и глубокой признательности.

„Вотъ отчего"—услышала Дріада—„зависитъ жизнь и здоровье тысячъ и тысячъ живущихъ наверху! Да, наше время—время благодѣтельнаго прогресса!"

Вотъ какъ судили и рядили люди, но совсѣмъ иначе относились къ дѣлу искони обитавшія здѣсь твари--крысы. Эти пищали изъ щели старой стѣны такъ громко, ясно и понятно для Дріады.

Большая, старая крыса мужского пола, съ откушеннымъ хвостомъ, пронзительно излагала свои ощущенія, горькія впечатлѣнія и единственно-вѣрное мнѣніе, и всѣ члены ея семьи выражали одобреніе каждому ея слову.

— Меня просто тошнитъ отъ этого человѣческаго мяуканья, этихъ невѣжественныхъ рѣчей! Какъ же, отлично здѣсь стало: теперь тутъ и газъ, и керосинъ! Да я не ѣмъ ни того, ни дру-

гого! Здѣсь стало до того чисто и свѣтло, что просто самого себя стыдно, а почему—и самъ не знаешь! То-то опять зажили бы мы при сальныхъ свѣчкахъ! А, вѣдь, это время не такъ-то еще давно миновало! То была эпоха романтизма, какъ это говорится.

— Что ты толкуешь?—спросила Дріада.—Я тебя никогда не видала раньше. О чемъ ты говоришь?

— О добрыхъ старыхъ временахъ!—сказала крыса.—О тѣхъ блаженныхъ временахъ, когда еще здравствовали наши прадѣдушки и прабабушки—крысы! Въ тѣ времена спуститься сюда было не шуткой! Тутъ было настоящее крысиное царство, не то что верхній Парижъ! Здѣсь жила сама матушка-чума; она убивала людей, но крысъ не трогала. Ворамъ и контрабандистамъ была тутъ вольная дорога; здѣсь только они вздыхали свободно, и тутъ было убѣжище интереснѣйшихъ лицъ, какихъ теперь увидишь развѣ лишь въ мелодрамахъ. Да, эпоха романтизма миновала и для нашего крысинаго гнѣзда! И у насъ завелся свѣжій воздухъ и керосинъ!

Вотъ какъ пищала крыса, поносила наше время и восхваляла старое вмѣстѣ съ матушкой-чумой.

Подъѣхала каретка, вродѣ омнибуса, запряженная быстрыми маленькими лошадками. Путники усѣлись въ нее и поѣхали по Севастопольскому бульвару, т. е. по подземному корридору, тянувшемуся подъ многолюднымъ, извѣстнымъ всему міру, бульваромъ того же названія, что былъ наверху.

Каретка исчезла въ полумракѣ; Дріада тоже исчезла, поднялась на вольный воздухъ и свѣтъ. Тутъ, при блескѣ газовыхъ фонарей, а не внизу, подъ скрещивающимися, темными, душными сводами, найдетъ она чудо свѣта, которое такъ жадно искала въ эту короткую ночь своей жизни. Это чудо должно превосходить своимъ блескомъ всѣ газовые фонари наверху, даже выплывшій на небо полный мѣсяцъ!

Да, конечно, такъ! Она даже видитъ его передъ собою!.. Что за блескъ, какое сіяніе!.. Оно свѣтилось, вспыхивало, манило къ себѣ, какъ вечерняя звѣзда въ небесахъ, какъ сама Венера!

Дріада увидѣла открытый иллюминованный входъ въ маленькій садъ, тоже весь залитый огнями. Въ саду раздавались звуки плясовыхъ мотивовъ; вокругъ маленькихъ тихихъ озеръ и пру-

довъ блестѣли яркою каймой газовые огоньки, въ серединѣ же красовались искусственныя водяныя растенія изъ цвѣтной фольги, и изъ чашечекъ ихъ били въ воздухъ водяныя струи. Красивыя плакучія ивы—настоящія ивы, въ весеннемъ уборѣ—свѣшивали къ водѣ свои свѣжія, густыя вѣтви, словно прозрачное зеленое покрывало. Въ кустахъ зажженъ былъ костеръ, бросавшій красный отблескъ на маленькія, полутемныя, безмолвныя бесѣдки, въ которыя врывались звуки щекощучей нервы, одуряющей, распаляющей кровь музыки.

Дріада увидѣла здѣсь молодыхъ, красивыхъ, нарядныхъ, простодушно улыбавшихся, беззаботныхъ и легкомысленныхъ женщинъ, похожихъ на Марію, тоже съ розами въ волосахъ, но безъ колясокъ и жокеевъ. Какъ онѣ неслись, кружились, сплетались въ дикой пляскѣ! Гдѣ голова, гдѣ ноги? Онѣ кружились, словно укушенныя тарантуломъ, смѣялись, улыбались, готовы были въ радостномъ упоеніи обнять весь міръ.

Дріада почувствовала и себя увлеченною въ этотъ вихрь танцевъ. Маленькую, изящную ножку ея охватывалъ шелковый башмачокъ темно-каштановаго цвѣта, такая же лента спускалась съ ея локоновъ на обнаженныя плечи. Шелковое зеленое платье драпировалось на ней пышными складками, но не скрывало очертаній изящныхъ, стройныхъ ногъ съ прелестною ступнею, которая какъ будто описывала въ воздухѣ передъ молодымъ кавалеромъ магическіе круги.

Куда она попала? Въ волшебные сады Армиды? Какъ называлось это мѣсто?

Надъ входомъ огненными буквами красовалось:

„*Mabille*".

Звуки музыки, рукоплесканія, трескъ ракетъ, журчаніе фонтановъ и хлопанье пробокъ отъ бутылокъ шампанскаго—все сливалось въ одинъ общій гулъ. Пляска становилась все разнузданнѣе, и мѣсяцъ проплывалъ надъ пляшущими, слегка отвернувъ лицо въ сторону. На небѣ не было ни облачка; надъ Мабилемъ разстилалась прозрачная ясная синева,—можно было въ упоеніи пляски вообразить, что глядишь прямо въ небо!

Пламенная, пожирающая жажда жизни охватила Дріаду; она была въ какомъ-то чаду, словно приняла опіуму.

Глаза ея блестѣли, губы шептали, но слова заглушались звуками флейтъ и скрипокъ. Кавалеръ ея тоже шепталъ ей

что-то подъ звуки канканной музыки, но она не поняла его словъ; не поймемъ ихъ и мы. Но вотъ онъ протянулъ къ ней руки и заключилъ въ свои объятія лишь прозрачный, освѣщенный газомъ воздухъ.

Потокъ воздуха подхватилъ и унесъ Дріаду, какъ уноситъ лепестокъ розы. Въ вышинѣ передъ собой Дріада видѣла пламя, мерцающій огонекъ на высокой башнѣ. То сіялъ маякъ, указывавшій ей путь къ цѣли ея завѣтныхъ желаній, огонекъ на башнѣ Марсова поля; туда-то и понесъ ее весенній вѣтеръ. Она обогнула башню, и рабочіе подумали, что это спускается на землю черезчуръ ранняя весенняя гостья-бабочка, которая скоро и погибнетъ.

Мѣсяцъ сіялъ, сіяли и всѣ газовые рожки и фонари въ огромныхъ покояхъ и разсыпанныхъ по полю постройкахъ, собравшихся сюда изъ всѣхъ странъ свѣта. Яркимъ свѣтомъ были залиты и холмы, покрытые дерномъ, и искусственныя скалы, съ которыхъ низвергалась вода, приводимая въ движеніе силою „мастера Безкровнаго“. Взорамъ открывались глубины соленыхъ морей и прѣсныхъ водъ, царство рыбъ; зритель какъ будто опускался на дно глубокаго пруда, или въ море въ стеклянномъ водолазномъ колоколѣ. Вода напирала на толстыя стеклянныя стѣны со всѣхъ сторонъ. Саженные, скользкіе, похожіе на гигантскихъ угрей, на какія-то извивающіяся кишки полипы плотно присосались ко дну. Тутъ же преспокойно разлеглась большущая задумчивая камбала; черезъ нее переползалъ крабъ, похожій на огромнаго паука, а креветки быстро носились взадъ и впередъ, точно морская моль или бабочки.

Въ прѣсныхъ водахъ росли кувшинки, нарциссы и тростникъ. Золотыя рыбки располагались рядами, словно рыжія коровки по лугу, повернувъ головки въ одну сторону и разинувъ рты на встрѣчу теченію. Толстые, жирные лини глупо глазѣли сквозь стеклянныя стѣны. Они знали, что они на парижской выставкѣ, помнили, что совершили въ бочкахъ съ водою ужасно трудное путешествіе, ѣхали по желѣзной дорогѣ и страдали „сухопутною болѣзнью“, какъ люди страдаютъ на морѣ морскою. Они прибыли сюда, чтобы полюбоваться на выставку, и теперь любовались ею изъ своихъ собственныхъ прѣсноводныхъ или соленоводныхъ ложъ. Смотрѣли они оттуда и на толпы людей, двигавшихся мимо ихъ съ утра до вечера. Всѣ страны свѣта

выслали сюда своихъ представителей, чтобы старые лини и лещи, да юркіе окуни и обросшіе мхомъ карпы могли составить себѣ понятіе и высказать свое мнѣніе объ этой породѣ живыхъ созданій.

— Это чешуйчатыя твари!—сказала покрытая тиною килька.—Но они мѣняютъ чешую по нѣскольку разъ въ день и издаютъ ртомъ звуки, которые называютъ рѣчью. Мы не мѣняемъ чешую такъ часто и объясняемся другъ съ другомъ гораздо проще: движеніемъ губъ, да таращеніемъ глазъ. Мы во многомъ опередили людей!

— Плавать-то они всетаки выучились!—сказала маленькая прѣсноводная рыбка.—Я изъ большого внутренняго озера; такъ вотъ тамъ люди плаваютъ въ теплую погоду, но сначала снимаютъ съ себя чешуи! Плавать же ихъ выучили лягушки,—они тоже отталкиваются задними лапами и гребутъ передними, но не долго выдерживаютъ. Они хотятъ походить на насъ, да нѣтъ, шалишь! Бѣдные люди!

И рыбы таращили глаза, воображая, что толпа людей, которыхъ онѣ видѣли при яркомъ дневномъ свѣтѣ, все еще двигается мимо; да, онѣ были вполнѣ увѣрены, что все еще видятъ тѣхъ же самыхъ людей, которые—такъ сказать—впервые потрясли ихъ зрительные нервы.

Маленькій окунь, съ красивою тигровою чешуей и завидно горбатою спиной, увѣрялъ, что „человѣчья тина“ все еще тянется мимо,—онъ отлично видѣлъ ее!

— Я тоже вижу ее, ясно вижу!—подхватилъ золотистый линь.—Я еще вижу и эту красивую, хорошо сложенную человѣческую фигуру „длинноногую женщину“, или какъ тамъ ее зовутъ? У нея были такіе же движущіеся уголки губъ и горящіе глаза, какъ у насъ, два шара сзади и сложенный зонтикъ спереди, да еще бахрома изъ тины и разныя побрякушки! Ей бы слѣдовало поснимать съ себя все это, да ходить какъ мы, какъ создала природа, вотъ тогда бы и она походила на почтеннаго линя—насколько вообще люди способны походить на насъ!

— А куда дѣвался тотъ человѣкъ-самецъ, котораго тащили на удочкѣ? Онъ сидѣлъ въ тележкѣ, въ рукахъ у него была бумага, чернила и перо, и онъ все записывалъ, да отмѣчалъ что-то. Что онъ изображаетъ? Другіе называли его репортеромъ.

— Онъ все еще катается тутъ!—сказала обросшая мхомъ дѣвица изъ породы карасей, поперхнувшаяся житейскимъ опы-

томъ и потому нѣсколько охрипшая. Она проглотила когда-то крючекъ и терпѣливо носила его въ горлѣ до сихъ поръ.— Репортеръ!—продолжала она.—Выражаясь проще, понятнѣе, по-рыбьи, это своего рода „чернильная рыба“ между людьми.

Такъ-то судили, да рядили рыбы. А въ искусственномъ гротѣ раздавались удары молотка и пѣніе рабочихъ; имъ приходилось пользоваться и ночнымъ временемъ, чтобы поскорѣе довести дѣло до конца. Голоса ихъ убаюкивали Дріаду въ ея „снѣ въ лѣтнюю ночь“. Она стояла тутъ же, въ пещерѣ, готовая опять улетѣть, исчезнуть.

— Да, вѣдь, это золотыя рыбки!—сказала она, кивая имъ головою.—Такъ я всетаки увидала васъ! Да, да, я знаю васъ! Давно знаю! Мнѣ разсказывала о васъ на родинѣ ласточка. Какія вы хорошенькія, блестящія, милыя! Просто перецѣловала бы васъ всѣхъ до единой! Я и другихъ знаю! Вотъ этотъ, вѣрно, жирный карась, этотъ—вкусный лещъ, а вотъ и старые обросшіе мхомъ карпы! Я знаю васъ всѣхъ! Вы же меня нѣтъ!

Рыбы глазѣли на нее въ полумракѣ, не понимая ни слова.

Минута—и Дріады уже не было тамъ; она опять очутилась на вольномъ воздухѣ, гдѣ „чудо свѣта“—исполинскій цвѣтокъ распространялъ благоуханіе всевозможныхъ странъ земныхъ: страны чернаго хлѣба, побережья, гдѣ ловится треска, царства русской кожи, береговъ кельнской воды и дальняго Востока, страны розоваго масла.

Возвращаясь домой съ бала, мы еще ясно слышимъ въ полудремотѣ звуки бальныхъ мелодій; онѣ какъ бы запечатлѣлись въ нашемъ ухѣ, мы могли бы, кажется, спѣть каждую; въ зрачкахъ убитаго, тоже говорятъ, отпечатывается снимокъ того, что видѣли его глаза въ послѣдній моментъ, такъ вотъ, и выставка такъ же сохраняла еще отпечатки дневной суеты и шума; жизнь не замирала здѣсь окончательно; даже ночью Дріада угадывала ее и знала, что завтра все опять закипитъ, загремитъ здѣсь попрежнему.

Она стояла среди благоухающихъ розъ, въ которыхъ, казалось, узнала старыхъ знакомокъ со своей родины—розъ изъ дворцоваго парка и сада священника. Увидѣла она здѣсь и гранатовые цвѣты; такіе же носила въ своихъ черныхъ кудряхъ Марія!

Воспоминанія дѣтства, мысли о родинѣ мелькали въ головѣ Дріады одни за другими, взоръ же ея упивался въ это время

дивнымъ зрѣлищемъ выставки, лихорадочное безпокойство быстро гнало ее по диковиннымъ заламъ.

Наконецъ, она почувствовала усталость, и усталость эта усиливалась съ каждою минутою. Дріаду манило отдохнуть на мягкихъ, разбросанныхъ тутъ восточныхъ подушкахъ и коврахъ или спуститься вмѣстѣ съ плакучими ивами къ самой водѣ и погрузиться въ ея глубину.

Но муха-поденка не знаетъ покоя. Сутки кончались черезъ нѣсколько мгновеній.

Мысли ея путались, она вся дрожала и безсильно опустилась на траву у журчащаго источника.

— Ты вѣчно бьешь изъ земли живою струею!—сказала она водѣ.—Освѣжи же мой языкъ, утоли мою жажду!

— Я не живой родникъ!—отвѣтила вода.—Меня приводитъ въ движеніе машина.

— Подѣлись со мною своею свѣжестью, зеленая травка!—молила Дріада.—Дай мнѣ хоть одинъ изъ твоихъ душистыхъ цвѣтовъ!

— Мы умираемъ, если насъ срываютъ!—отвѣтили былинки и цвѣты.

— Поцѣлуй меня свѣжій вѣтеръ! Дай мнѣ хоть одинъ твой животворный поцѣлуй!

— Скоро солнце поцѣлуетъ облака, и они вспыхнутъ яркимъ румянцемъ!—сказалъ вѣтеръ.—И тогда—конецъ тебѣ, какъ придетъ въ свое время конецъ и всему этому великолѣпію! Да, не минетъ и года, какъ я опять буду играть здѣсь, на площади, мягкимъ, сыпучимъ пескомъ, вздымать и крутить по землѣ пыль, прахъ! Все становится пылью, прахомъ!

Дріаду охватилъ страхъ, какъ женщину, которая перерѣзала себѣ въ ваннѣ сонную артерію и уже истекаетъ кровью, но вдругъ вновь проникается жаждою жизни. Она поднялась, сдѣлала нѣсколько шаговъ впередъ и снова безпомощно опустилась на землю передъ маленькою церковью. Дверь была открыта, на алтарѣ горѣли свѣчи, раздавались звуки органа.

Что за музыка! Ничего такого Дріада еще не слыхивала, и все же въ этихъ звукахъ ей чудилось что-то родное, знакомое. Они выливались изъ глубины сердецъ всего сотвореннаго Богомъ. Дріада внимала въ нихъ и шелесту стараго дуба, и голосу стараго священника, который разсказывалъ о великихъ дѣяніяхъ,

называлъ великіе имена, говорилъ о томъ, что могло, что должно дать грядущимъ поколѣніямъ Божье созданье, чтобы стяжать себѣ жизнь вѣчную!

Звуки органа росли, гудѣли, пѣли:

„Твоя тоска, твои желанія вырвали тебя съ корнемъ изъ родной почвы! И вотъ, ты погибла, бѣдная Дріада!“

Мягкіе ласкающіе звуки, рыдая, замерли въ воздухѣ; занялась заря, вѣтеръ прошумѣлъ:

— Сгиньте, мертвые призраки! Солнце встаетъ!

Первый лучъ упалъ на Дріаду. Образъ ея загорѣлся радужнымъ блескомъ, какъ мыльный пузырь, готовый лопнуть, исчезнуть, превратиться въ каплю, слезу, упасть на землю и испариться!

Бѣдная Дріада! Она блеснула росинкою, скатилась слезою и исчезла!

Солнце освѣтило „Фату-Моргану“ Марсова поля, огромный Парижъ, маленькую площадь, обсаженную деревьями, фонтанъ, высокіе дома и каштановое деревцо—увы! увядшее, печально поникнувшее вѣтвями! А вчера еще оно было такъ свѣжо, полно жизни, какъ сама весна!

„Оно погибло“, говорили люди: „Дріада покинула его, исчезла какъ облако—невѣдомо куда!“

Сорванный, увядшій каштановый цвѣтокъ лежалъ на землѣ; его не вернула бы теперь къ жизни никакая живая вода! И люди скоро втоптали его въ прахъ.

Все это случилось въ дѣйствительности.

Мы сами были этому очевидцами во время всемірной парижской выставки 1867 г.

Да, наше время—сказочное, диковинное время!

ПРЕДКИ ПТИЧНИЦЫ ГРЕТЫ.

Птичница Грета была единственною представительницей рода человѣческаго въ новомъ, красивомъ домикѣ, выстроенномъ при усадьбѣ для куръ и утокъ. Стоялъ онъ какъ-разъ на томъ же самомъ мѣстѣ, гдѣ прежде возвышался старинный барскій домъ съ башнями, кровлею „щипцомъ“ и рвомъ, черезъ который былъ

перекинутъ подъемный мостъ. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ домика начиналась дикая чаща кустовъ и деревьевъ; прежде тутъ былъ садъ, спускавшійся къ большому озеру, которое теперь стало болотомъ. Надъ высокими старыми деревьями кружились и кричали грачи, вороны, галки—несмѣтныя стаи. Число ихъ не убавлялось, сколько ихъ ни стрѣляли, скорѣе прибавлялось. Крики ихъ слышны были даже въ птичникѣ, гдѣ сидѣла Грета, любуясь утятками, то и дѣло переползавшими черезъ ея ноги, обутыя въ деревянные башмаки. Старушка знала наперечетъ всѣхъ своихъ куръ и утокъ и блюла ихъ съ той самой минуты, какъ онѣ вылуплялись изъ яичекъ. Она гордилась ими, гордилась и великолѣпнымъ домикомъ, построеннымъ для нихъ. Въ маленькой комнаткѣ ея царствовалъ такой порядокъ, такая чистота,—этого требовала сама госпожа, владѣтельница птичника. Она часто приводила сюда своихъ знатныхъ гостей „полюбоваться утиными и куриными казармами“,—какъ она выражалась.

Въ комнаткѣ Греты былъ и платяной шкафъ, и кресло, и даже комодъ, а на немъ красовалась блестящая, полированная мѣдная дощечка, съ вырѣзанною надписью: „Груббе“. Такъ именно прозывался древній дворянскій родъ, владѣвшій когда-то старою, исчезнувшею усадьбой. Дощечку эту нашли въ землѣ, когда клали фундаментъ для новаго дома, но, по словамъ пономаря, она имѣла цѣну только, какъ памятникъ старины, не болѣе. Пономарь былъ вообще очень свѣдущъ, свѣдѣнія же свои почерпалъ изъ книгъ, да изъ старинныхъ рукописей,—ихъ у него въ ящикахъ лежало множество. Да, много зналъ онъ о старинѣ, но старѣйшая изъ воронъ знала, пожалуй, побольше его. Она и не таила этого, выкрикивала свои знанія во всеуслышаніе, но по-своему, по-вороньи, а по-вороньи-то пономарь, несмотря на всю свою ученость, не понималъ.

Вечерами, послѣ теплыхъ лѣтнихъ дней, надъ болотомъ подымался густой туманъ, и вся мѣстность казалась издали большимъ озеромъ, доходившимъ вплоть до старыхъ деревьевъ, надъ которыми летали грачи, вороны и галки. Такое-то вотъ озеро и разстилалось здѣсь въ старину, когда еще живъ былъ господинъ Груббе, владѣлецъ стараго барскаго дома съ красными кирпичными стѣнами. Дворовая собака ходила на такой длинной цѣпи, что могла бѣгать даже за воротами, а башня была соединена съ жилыми покоями безконечно длинною кир-

пичною галлереей. Окошечки въ домѣ были маленькіе, узенькіе даже въ главной залѣ, гдѣ происходили танцы. Впрочемъ, при послѣднемъ владѣльцѣ въ домѣ ужъ не танцовали, хотя въ залѣ все еще хранился старинный барабанъ, игравшій когда-то роль въ оркестрѣ. Тутъ же стоялъ шкафъ, весь покрытый искусною рѣзьбою; въ немъ хранились рѣдкія цвѣточныя луковицы,— госпожа Груббе занималась садоводствомъ. Супругъ же ея предпочиталъ стрѣлять волковъ да кабановъ, а за нимъ всюду слѣдовала и маленькая дочка его Марія. Лѣтъ пяти отъ роду она уже преважно сидѣла на конѣ и смѣло посматривала кругомъ своими большими черными глазами. Ее очень забавляло щелкать бичомъ надъ головами охотничьихъ собакъ, отецъ же предпочиталъ, чтобы она щелкала имъ по спинамъ крестьянскихъ мальчишекъ, которые сбѣгались глазѣть на господъ.

Возлѣ самой усадьбы стояла землянка одного крестьянина. У него былъ сынъ Сёренъ, однихъ лѣтъ съ дочерью господина. Сёренъ мастеръ былъ карабкаться по деревьямъ, и барышня постоянно заставляла его доставать ей птичьи гнѣзда. Птицы вопили, что было мочи, а одна изъ самыхъ большихъ взяла разъ, да и клюнула мальчишку прямо въ бровь. Кровь полилась ручьемъ, думали, что съ нею вытечетъ и глазъ, но нѣтъ, онъ уцѣлѣлъ. Марія Груббе звала мальчика: „мой Сёренъ"; это было знакомъ большого благоволенія, и оно таки пригодилось однажды самому отцу мальчика, бѣдняку Іону. Онъ какъ-то разъ провинился, и его посадили верхомъ на кобылку, т.-е. на узкую острую дощечку, укрѣпленную на четырехъ деревянныхъ подпоркахъ, а къ ногамъ привязали тяжелые камни, чтобы ему не сидѣлось черезчуръ удобно. Бѣднякъ корчилъ страдальческія гримасы, Сёренъ ревѣлъ и просилъ заступничества Маріи. Она сейчасъ же велѣла спустить крестьянина съ кобылки, но ее не послушались. Тогда она затопала ногами по каменной мостовой двора и такъ рванула своего отца за рукавъ, что рукавъ треснулъ. Ужъ она умѣла поставить на своемъ! Пришлось уступить ей и освободить отца Сёрена.

Госпожа Груббе, которая въ это время вышла на дворъ, погладила дочку по головкѣ и ласково поглядѣла на нее, но Марія не поняла причины.

Ее больше тянуло къ охотничьимъ собакамъ, чѣмъ къ матери, и мать одна отправилась въ садъ, къ озеру, поросшему тростникомъ, кувшинками и другими красивыми болотными цвѣ-

тами и растеніями. Госпожа Груббе залюбовалась этою мирною картиною. „Какъ хорошо здѣсь!“ шептали ея губы. Въ саду росло, между прочимъ, одно, въ тѣ времена очень рѣдкое, дерево, которое она сама посадила — „красный букъ“. Оно было своего рода мавромъ среди другихъ деревьевъ, такія темнокоричневыя на немъ росли листья. Дереву нуженъ былъ яркій солнечный свѣтъ: въ тѣни оно стало бы зеленымъ, какъ и всѣ прочія деревья, и лишилось бы своей достопримѣчательности. Въ вѣтвяхъ высокихъ каштановъ было пропасть гнѣздъ, въ кустахъ и въ травѣ тоже. Птицы какъ будто знали, что онѣ тутъ въ безопасности, что здѣсь никто не смѣетъ палить въ нихъ изъ ружей.

Но вотъ явилась маленькая Марія съ Сёреномъ, а онъ, вѣдь, какъ мы знаемъ, умѣлъ лазить на деревья за птичьими яйцами и покрытыми пушкомъ птенчиками. Птицы и большія, и малыя въ ужасѣ подняли крикъ, принялись летать и хлопать крыльями! Изъ травы взлетали пигалицы, съ деревьевъ грачи, вороны и галки, и все это каркало, кричало, вопило, какъ вопятъ эти породы и понынѣ.

— Что это вы дѣлаете, дѣти! — вскричала кроткая госпожа Груббе. — Вѣдь, это безбожно!

Сёренъ переконфузился, высокородная барышня тоже отвернула было личико въ сторону, но потомъ отрывисто выпалила:

— Отецъ позволяетъ!

— Прочь! Убраться, убраться отсюда! — кричали большія черныя птицы, улетая.

Но на другой же день онѣ вернулись опять, — тутъ, вѣдь, онѣ были у себя дома.

А вотъ тихая, кроткая госпожа Груббе такъ не долго оставалась тутъ; Господь Богъ отозвалъ ее къ Себѣ, — она больше была у себя дома на небѣ, нежели въ барской усадьбѣ. Тѣло вынесли въ церковь подъ торжественный звонъ колоколовъ, бѣдняки роняли слезы, — она была добра къ нимъ.

Послѣ нея некому было заботиться о ея растеніяхъ, и садъ заглохъ.

Господинъ Груббе былъ, какъ говорили, человѣкъ жесткій, суровый, но дочь, несмотря на всю свою молодость, умѣла вертѣть имъ по-своему; она смѣшила его и добивалась своего. Теперь ей минуло двѣнадцать лѣтъ, она была крѣпкаго сложенія, смѣло смотрѣла своими черными глазами въ лицо людямъ, ѣздила верхомъ, какъ мужчина, и стрѣляла, какъ опытный охотникъ.

Въ окрестность прибыли знатные-презнатные гости: самъ молодой король и его сводный братъ и товарищъ, господинъ Ульрикъ-Фредерикъ Гюльденлёве. Они вздумали поохотиться на дикихъ кабановъ и хотѣли провести денекъ въ усадьбѣ господина Груббе.

Гюльденлёве сидѣлъ за столомъ рядомъ съ Маріей, взялъ ее за подбородокъ и поцѣловалъ, словно они были въ родствѣ, но она закатила ему звонкую пощечину и сказала, что терпѣть его не можетъ. Онъ же, а за нимъ и всѣ остальные, принялись смѣяться, словно она ему и не вѣсть какую пріятную вещь сказала!

Да, должно быть, таки ея слова пришлись ему по вкусу: пять лѣтъ спустя, когда Маріи исполнилось семнадцать лѣтъ, на дворъ прискакалъ гонецъ съ письмомъ, въ которомъ господинъ Гюльденлёве просилъ руки благородной дѣвицы. Вотъ какъ!

— Онъ знатнѣйшій и любезнѣйшій кавалеръ въ королевствѣ!—сказалъ господинъ Груббе.—Такими женихами не брезгуютъ!

— Не очень-то онъ мнѣ нравится!—отвѣтила дочка, но всетаки не побрезговала знатнѣйшимъ человѣкомъ въ королевствѣ, столь близко стоявшимъ къ самому королю.

Приданое—серебро, мѣха и бѣлье—было отправлено въ Копенгагенъ на кораблѣ, сама невѣста отправилась туда сухимъ путемъ. Переѣздъ этотъ занялъ десять дней, корабль же съ приданымъ былъ задержанъ отчасти противными вѣтрами, отчасти безвѣтріемъ, и прибылъ на мѣсто лишь черезъ четыре мѣсяца, когда самой госпожи Гюльденлёве ужъ и слѣдъ простылъ.

— Лучше спать на соломѣ, чѣмъ на его шелковой постели!—сказала она.—Лучше буду ходить босикомъ, чѣмъ разъѣзжать съ нимъ въ каретѣ!

И вотъ, позднимъ ноябрьскимъ вечеромъ въ Оргусъ пріѣхали двѣ женщины: супруга Гюльденлёве—Марія Груббе и ея служанка. Онѣ прибыли туда изъ Вейле, куда приплыли на кораблѣ изъ Копенгагена. Скоро онѣ въѣхали и въ обнесенный каменною оградою дворъ замка господина Груббе. Не ласково встрѣтилъ отецъ дочку, но все же отвелъ ей комнату. Марія поселилась въ ней, получала по утрамъ хлѣбъ съ масломъ, но нельзя сказать, чтобы все остальное въ ея жизни шло, какъ по маслу. Крутой нравъ отца отзывался теперь и на ней, а она къ этому не привыкла, къ тому же сама была не изъ мяг-

кихъ натуръ и за словомъ въ карманъ не лазила: какъ аукнется, молъ, такъ и откликнется! О своемъ супругѣ она отзывалась со злобою и ненавистью и говорила, что ни за что не сойдется съ нимъ больше,—слишкомъ она честна и чиста душою и тѣломъ!

Такъ прошелъ годъ и нельзя сказать, чтобы пріятно. Отецъ и дочь обмѣнивались недобрыми словами, а это не годится: недоброе слово и плодъ приноситъ недобрый.

Богъ знаетъ чѣмъ бы все это кончилось!

— Нѣтъ, намъ съ тобой не ужиться подъ одною кровлею! сказалъ, наконецъ, старикъ.—Уѣзжай отсюда въ нашу старую усадьбу, да держи лучше свой языкъ на привязи, чѣмъ давать ходъ сплетнямъ!

Отецъ съ дочерью разстались; она переѣхала со своею служанкою въ старую усадьбу, гдѣ родилась и выросла, гдѣ жила и умерла ея кроткая, благочестивая мать, обрѣтшая покой въ склепѣ старой усадебной церкви. Въ усадьбѣ жилъ только старый пастухъ,—вотъ и вся дворня. Въ комнатахъ насѣла паутина, покрытая чернымъ слоемъ пыли, садъ совсѣмъ заглохъ; между деревьями и кустами повисли густыя сѣти хмѣля и вьюнка; бѣлена и крапива разрослись на славу. „Красный букъ“ росъ теперь въ тѣни, и листья его приняли обыкновенную зеленую окраску; миновала его краса! Но надъ высокими каштанами попрежнему летали безчисленныя стаи грачей, воронъ и галокъ. Онѣ кричали и вопили, словно передавая другъ другу великую новость: „Опять пріѣхала сюда та дѣвчонка, что приказывала таскать у насъ яица и птенцовъ! Самъ же воришка карабкается теперь по дереву безъ сучьевъ и листьевъ, взбирается на высокія мачты и частенько получаетъ здоровыя трепки, коли ведетъ себя не такъ, какъ надо“.

Обо всемъ этотъ разсказывалъ намъ пономарь; онъ добылъ всѣ эти свѣдѣнія изъ разныхъ книгъ и записокъ,—у него ихъ былъ полный шкафъ.

— На этомъ свѣтѣ все идетъ то въ гору, то подъ гору!—говаривалъ онъ.—Диковинно послушать!

Послушаемъ и мы о томъ, что сталось съ Маріей Груббе, но не забудемъ при этомъ и о птичницѣ Гретѣ, что сидитъ въ своемъ великолѣпномъ птичникѣ въ наше время, какъ Марія сидѣла въ усадьбѣ въ свое, только не то у нея было на душѣ, что у птичницы Греты!

Прошла зима, прошла весна и лѣто, опять завыли осенніе вѣтры, потянулись съ моря сырые, холодные морскіе туманы. Скучно, одиноко жилось въ усадьбѣ.

И вотъ, Марія Груббе взялась за свое ружье, стала ходить въ степь стрѣлять зайцевъ да лисицъ, а то и птицъ, если попадались. Въ полѣ она частенько встрѣчала благороднаго господина Палле Дюре изъ Нёрребэка. Онъ тоже разгуливалъ тамъ съ ружьемъ да собаками. Дородный онъ былъ, сильный мужчина и всегда хвастался этимъ въ бесѣдахъ съ Маріей. Онъ могъ даже помѣряться силою съ покойнымъ господиномъ Броккенгусомъ изъ Эгескова, что на Фіоніи, о силѣ котораго и до сихъ поръ ходили разсказы. По его-то примѣру и Палле Дюре повѣсилъ у себя въ воротахъ желѣзную цѣпь съ охотничьимъ рожкомъ и, возвращаясь домой, схватывался за эту цѣпь, приподымался на воздухъ вмѣстѣ съ лошадью и трубилъ въ рогъ.

— Пріѣзжайте сами посмотрѣть на это, сударыня!—говорилъ онъ.—У насъ въ Нёрребэкѣ можно подышать свѣжимъ воздухомъ!

Когда именно она пріѣхала къ нему, изъ старинныхъ записей не видно, но на подсвѣчникахъ въ Нёрребэкской церкви можно прочесть, что они принесены церкви въ даръ господиномъ Палле Дюре и Маріей Груббе, владѣльцами Нёрребэка.

Тѣломъ и силами Палле Дюре похвастаться могъ, вино онъ всасывалъ въ себя, какъ губка, какъ бездонная бочка, а храпѣлъ, какъ цѣлое стадо свиней. Красный онъ былъ, разбухшій!

— Ехидный, да и задира вдобавокъ!—говорила про него госпожа Палле Дюре, урожденная Груббе.

Скоро ей наскучило вести такую жизнь, но жизнь-то отъ этого лучше не становилась.

И вотъ, въ одинъ прекрасный день столъ былъ накрытъ, и кушанья остыли: Палле Дюре охотился за лисицами, а госпожи нигдѣ не могли отыскать. Палле Дюре вернулся домой около полуночи, а госпожа Дюре не вернулась ни ночью, ни на другой день утромъ. Она покинула Нёрребэкъ, ушла, не простившись ни съ кѣмъ.

Погода стояла сырая, сѣрая, дулъ холодный вѣтеръ, надъ головою Маріи съ крикомъ вились стаи черныхъ птицъ,—онѣ-то не были такими бездомными бѣглянками, какъ она.

Марія сначала направилась къ югу, въ Германію; тутъ золотые перстни съ драгоцѣнными камнями были обращены въ

деньги; потомъ она направилась на востокъ, потомъ опять повернула на западъ,—у нея не было передъ собою никакой цѣли, она сердилась на всѣхъ и на все, даже на Бога, такъ ожесточена была ея душа. Но вотъ, силы начали измѣнять ей, она едва передвигала ноги отъ усталости, наконецъ, запнулась о кочку и упала. Съ кочки взлетѣла пигалица и пискнула: „Чувъ-чувъ! Ахъ ты воровка!“ Марія никогда не посягала на добро ближняго, но птичьи яйца и птенцовъ приказывала красть для себя, когда была маленькая. Теперь она припомнила это.

Съ того мѣста, гдѣ она лежала, видны были береговыя дюны; тамъ жили рыбаки, но она не могла добраться до нихъ, такъ она была слаба. Большія бѣлыя чайки пролетали надъ нею и кричали такъ же пронзительно, какъ кричали, бывало, грачи, вороны и галки въ усадьбѣ; птицы подлетали къ Маріи все ближе и ближе, подъ конецъ изъ бѣлыхъ стали черными, какъ уголь, да и все потемнѣло въ ея глазахъ...

Когда она опять открыла ихъ, она увидала, что ее подняли и несутъ на рукахъ. Несъ ее высокій, сильный малый. Она взглянула въ его бородатое лицо,—надъ глазомъ у него былъ глубокій шрамъ, бровь какъ будто была перерѣзана пополамъ. Онъ отнесъ несчастную женщину на судно, гдѣ служилъ матросомъ, а шкиперъ разругалъ его за это на чемъ свѣтъ стоитъ.

На другой день корабль отплылъ. Марію Груббе не высадили, значитъ и она тоже отправилась въ плаваніе. Но она, конечно, вернулась обратно? Да, только когда и куда?

И объ этомъ пономарь могъ разсказать; при этомъ онъ ровно ничего не выдумывалъ отъ себя, а почерпалъ всѣ свои свѣдѣнія изъ достовѣрнаго источника—изъ одной старой книги, которую мы и сами можемъ взять да прочесть. Написалъ ее датскій историкъ Людвигъ Гольбергъ, авторъ многихъ прекрасныхъ книгъ и забавныхъ комедій, которыя такъ живо рисуютъ намъ его вѣкъ и современниковъ. Въ своихъ письмахъ Гольбергъ разсказываетъ о своей встрѣчѣ съ Маріей Груббе. Объ этомъ стоитъ послушать, но все же мы не забудемъ изъ-за этого птичницы Греты, что сидитъ теперь такая веселая и довольная въ своемъ великолѣпномъ птичникѣ.

Остановились мы на томъ, что Марія Груббе отплыла на кораблѣ.

Прошли годы.

Въ Копенгагенѣ въ 1711 г. свирѣпствовала чума. Королева Даніи отплыла на родину въ Германію, король тоже покинулъ столицу, да и всѣ, кто только могъ, бѣжалъ изъ нея. Старались выбраться изъ города и студенты, даже тѣ, что пользовались даровымъ помѣщеніемъ и столомъ. Въ такъ называемой „Борхсъ-Коллегіи" оставался всего одинъ студентъ, да и тотъ собирался уѣхать. Было два часа утра, когда онъ вышелъ оттуда съ ранцемъ на плечахъ; въ немъ больше было книгъ и рукописей, нежели платья и бѣлья. Надъ городомъ нависъ густой тягучій туманъ, на улицахъ не было видно ни души. Кругомъ почти на всѣхъ дверяхъ и воротахъ стояли кресты,—въ тѣхъ домахъ были больные чумою, или всѣ уже вымерли. Не было видно людей и въ болѣе широкой извилистой „Kjödmangergade", какъ называлась тогда улица отъ „Круглой Башни" до королевскаго дворца. Но вотъ мимо прокатила тяжелая телега. Кучеръ пощелкивалъ кнутомъ, лошади неслись вскачь; телѣга была биткомъ набита трупами. Молодой студентъ поднесъ руку къ носу и сталъ вдыхать крѣпкій спиртъ, въ который была омочена губка, уложенная въ мѣдную коробочку. Изъ кабачка въ одномъ изъ переулковъ раздавалось дикое пѣніе и хохотъ. Люди пьянствовали тамъ всю ночь, чтобы забыть о чумѣ, стоявшей за дверями и готовой уложить ихъ въ телѣгу къ другимъ мертвецамъ. Студентъ направился къ дворцовому мосту; у набережной стояла пара небольшихъ судовъ; одно уже готовилось отплыть изъ зараженнаго города.

— Коли Богъ дастъ, будемъ живы и дождемся попутнаго вѣтра, пойдемъ въ Грензундъ къ Фальстеру!—сказалъ шкиперъ и спросилъ студента, желавшаго сѣсть на судно, какъ его зовутъ.

— Людвигъ Гольбергъ!—отвѣтилъ тотъ, и имя это прозвучало тогда, какъ и всякое другое, теперь же оно принадлежитъ къ славнѣйшимъ датскимъ именамъ! А тогда-то онъ былъ простой, неизвѣстный никому, бѣдный студентъ.

Судно проплыло мимо дворца, и не успѣло разсвѣтать, какъ оно уже вышло въ открытое море. Поднялся легкій вѣтерокъ, паруса надулись, молодой студентъ сѣлъ лицомъ противъ свѣжаго вѣтра, да и заснулъ; нельзя сказать, чтобы это было съ его стороны особенно благоразумно!

Уже на третье утро судно встало на якорь у Фальстера.

— Не знаете-ли вы, у кого бы мнѣ найти здѣсь пристанище за небольшую плату?—спросилъ Гольбергъ у капитана.

— Думаю, что лучше всего вамъ обратиться къ перевозчицѣ!—отвѣтилъ тотъ.—Коли хотите быть съ нею полюбезнѣе, зовите ее матушкой Сёренъ Сёренсенъ Мёллеръ! Но смотрите, не слишкомъ-то ужъ любезничайте, не то она разсердится! Мужъ ея арестованъ за убійство, и она сама теперь правитъ перевозомъ,— лапищи у нея здоровыя!

Студентъ забралъ свою котомку и пошелъ въ домикъ перевозчицы. Дверь не была заперта; онъ приподнялъ щеколду и вошелъ въ комнату, выстланную кирпичомъ. Главною мебелью была длинная скамья, покрытая большимъ кожанымъ одѣяломъ. Къ скамьѣ была привязана бѣлая насѣдка съ цыплятами; она опрокинула блюдечко съ питьемъ и вода розлилась по полу. Ни въ этой, ни въ сосѣдней комнатѣ не было ни души, кромѣ грудного ребенка въ колыбелькѣ. Но вотъ показалась лодка, отплывшая отъ противоположнаго берега; въ ней кто-то сидѣлъ, но кто именно—мужчина или женщина—рѣшить было мудрено: сидѣвшій былъ закутанъ въ широкій плащъ съ капюшономъ, покрывавшимъ голову. Лодка пристала къ берегу.

Изъ нея вышла и вошла въ комнату женщина, еще очень видная собой—особенно когда выпрямляла спину. Изъ-подъ черныхъ бровей гордо смотрѣли черные глаза. Это и была сама матушка Сёренъ, перевозчица. Грачи, вороны и галки прокричали бы, впрочемъ, другое, болѣе знакомое намъ имя.

Сурово глядѣла она, скупа была на слова, но все же студенту удалось сговориться съ нею насчетъ платы за столъ и за помѣщеніе на то время, пока въ Копенгагенѣ будетъ обстоять неблагополучно.

Въ домикъ перевозчицы частенько заглядывали изъ ближайшаго городка нѣкоторые почтенные граждане, вродѣ Франца Ножевщика и Сиверта Обозрѣвателя мѣшковъ *). Они потягивали изъ кружекъ пивцо и бесѣдовали со студентомъ. Онъ былъ мастеръ своего дѣла,—какъ выражались они—читалъ полатыни и по-гречески и умѣлъ потолковать объ ученыхъ предметахъ.

— Чѣмъ меньше знаешь, тѣмъ легче живется!—замѣтила однажды матушка Сёренъ.

— Да, вотъ вамъ-то не легко приходится!—сказалъ Голь-

*) Дѣйствующія лица изъ комедіи Гольберга: „Мѣдникъ-Политикъ“.
Примѣч. перев.

бергъ, заставъ ее за стиркою бѣлья въ щелокѣ, причемъ ей самой приходилось раскалывать тяжелыя плахи на подтопку.

— Ну, про то я одна знаю!—отвѣтила она.

— Что-жъ вы съ малыхъ лѣтъ такъ колотитесь?

— Это видно по рукамъ; прочесть, чай, не трудно!—сказала она, показывая ему свои, правда, маленькія, но огрубѣлыя и сильныя руки съ обкусанными ногтями.—Вы, вѣдь, ученый!

Около Рождества начались сильныя мятели; морозъ крѣпчалъ, вѣтеръ какъ будто промывалъ людямъ лица крѣпкою водкою. Но матушка Сёренъ не боялась никакой погоды, завернувшись въ свой плащъ, да надвинувъ капюшонъ на голову.

Было не поздно, но въ комнаткѣ уже совсѣмъ стемнѣло; хозяйка подложила въ печку хвороста и вереска, сама усѣлась возлѣ и принялась штопать свои чулки,—другому некому было взяться за это дѣло. Подъ вечеръ она стала словоохотливѣе, чѣмъ это вообще было въ ея привычкахъ. Она заговорила о своемъ мужѣ.

— Онъ нечаянно убилъ одного драгёрскаго шкипера и долженъ за это три года пробыть на каторгѣ. Что-жъ, онъ, вѣдь, простой матросъ, такъ должно поступать съ нимъ по закону!

— Поступаютъ по закону и съ лицами высшаго сословія!—сказалъ Гольбергъ.

— Вы думаете?—сказала матушка Сёренъ и поглядѣла въ огонь, но затѣмъ начала снова.—А вы слышали о Каѣ Люкке? Онъ велѣлъ срыть одну изъ своихъ церквей, а когда священникъ Масъ сталъ громить его за это съ кафедры, приказалъ заковать духовнаго отца въ цѣпи, созвалъ судъ и самъ приговорилъ его къ казни. И священнику отрубили голову! Это ужъ не было нечаяннымъ убійствомъ, а Кая Люкке всетаки не тронули!

— Онъ дѣйствовалъ сообразно нравамъ своего времени!—сказалъ Гольбергъ.—Теперь эти времена миновали!

— Разсказывайте!—сказала матушка Сёренъ, встала и пошла въ другую коморку, гдѣ была „дѣвчурка“, прибрала и уложила ее, потомъ приготовила на скамьѣ постель студенту. Кожаное одѣяло было отдано ему,—онъ былъ куда чувствительнѣе къ холоду, чѣмъ она, даромъ что родился въ Норвегіи.

Утро въ день Новаго года было ясное, солнечное; морозъ, однако, стоялъ такой, что нанесенный мятелью снѣгъ превратился въ твердую кору, и по нему можно было ходить какъ

по полу. Колокола въ городѣ зазвонили къ обѣднѣ. Студентъ завернулся въ свой шерстяной плащъ и собрался пойти въ городъ.

Надъ домикомъ перевозчицы съ крикомъ и карканьемъ летали грачи, вороны и галки; изъ-за ихъ крика не слышно было даже колокольнаго звона. Матушка Сёренъ стояла за порогомъ и набирала въ котелокъ снѣгу, чтобы вскипятить воды. Она смотрѣла на стаи птицъ и думала свою думушку.

Студентъ пошелъ въ церковь; на пути туда и обратно ему пришлось проходить мимо дома Сиверта Обозрѣвателя мѣшковъ. Когда студентъ проходилъ во второй разъ, его зазвали выпить кружку теплаго пива съ сиропомъ и имбиремъ. Рѣчь зашла о матушкѣ Сёренъ, но хозяинъ не много могъ сообщить о ней, зналъ только, что она не здѣшняя, что у нея когда-то водились деньжонки, и что мужъ ея, простой матросъ, убилъ сгоряча одного драгёрскаго шкипера. „Онъ бивалъ и жену, но она стоитъ за него горой!“

— Я бы такого обращенія не потерпѣла!—сказала хозяйка.—Ну, да и то сказать, я лучшаго происхожденія! Мой отецъ, вѣдь, былъ королевскимъ ткачомъ чулокъ!

— Да и замужемъ-то вы за королевскимъ чиновникомъ!—сказалъ Гольбергъ и откланялся хозяевамъ.

Вотъ подошелъ и вечеръ, а въ вечеръ Новаго Года празднуется память трехъ восточныхъ царей, пришедшихъ на поклоненіе Младенцу Іисусу, и матушка Сёренъ зажгла для Гольберга въ честь трехъ царей особую „тройную“ сальную свѣчу собственнаго издѣлія.

— По одной свѣчкѣ для каждаго мужа!—сказалъ Гольбергъ.

— Для каждаго мужа?—спросила женщина и пристально посмотрѣла на него.

— Ну да, для каждаго изъ восточныхъ мужей!—сказалъ студентъ.

— Ахъ, вы вотъ о чемъ!—сказала она и долго сидѣла молча.

Но всетаки въ этотъ вечеръ студенту удалось вывѣдать отъ нея кое-что.

— Вы любите своего мужа?—началъ Гольбергъ.—А поговариваютъ, что онъ обходился съ вами жестоко.

— Это никого не касается, кромѣ меня!—отвѣтила она.—Такіе побои принесли бы мнѣ большую пользу въ дѣтствѣ, теперь же

они достаются мнѣ, вѣроятно, за мои грѣхи! О томъ же, сколько добра онъ мнѣ сдѣлалъ—знаю я одна!—И она выпрямилась.—Я валялась въ степи больная, и никому не было дѣла до меня, кромѣ развѣ грачей, да воронъ, которые готовы были заклевать меня! А онъ взялъ меня на руки и отнесъ на судно, не побоялся головомойки шкипера за такой грузъ! Я не изъ хворыхъ и скоро оправилась. Каждый живетъ по-своему, и Сѳренъ посвоему. Нельзя судить клячу по уздѣ! Съ нимъ мнѣ всетаки жилось куда лучше, нежели съ любезнѣйшимъ и знатнѣйшимъ изъ всѣхъ подданыхъ короля. Я, вѣдь, была замужемъ за намѣстникомъ Гюльденлёве, сводным братомъ короля. Потомъ я вышла за Палле Дюре. Оба—одного поля ягоды! У каждаго свой вкусъ, и у меня свой! Заболталась я, однако, съ вами, ну, да зато теперь вы знаете все!

И она ушла изъ комнаты.

Это была Марія Груббе! Вотъ какъ обернулось для нея колесо счастья! Немного еще Новогоднихъ вечеровъ довелось ей пережить. Гольбергъ пишетъ, что она умерла въ іюнѣ 1716 года, но онъ не пишетъ о томъ,—да онъ и не зналъ этого—что когда матушка Сѳренъ, какъ ее называли, лежала въ гробу, надъ домомъ, молча, носились стаи большихъ черныхъ птицъ,—онѣ какъ будто знали, что тамъ, гдѣ похороны, надо соблюдать тишину. Послѣ же того, какъ тѣло предали землѣ, черныя птицы улетѣли, и никто больше не видалъ ихъ въ той мѣстности. Зато въ тотъ же вечеръ надъ старою усадьбою въ Ютландіи виднѣлись цѣлыя стаи грачей, воронъ и галокъ, готовыхъ перекричать другъ друга. Онѣ словно торопились подѣлиться вѣстью, что таскавшій ихъ яйца и покрытыхъ пушкомъ птенцовъ крестьянскій мальчишка работаетъ теперь въ кандалахъ на каторгѣ, а благородная дѣвица окончила жизнь перевозчицей черезъ Грензундъ. „Кра! Кра! Бра! Бра! Браво!"—кричали птицы. То же кричали онѣ, когда срывали старую усадьбу.

— Онѣ и теперь кричатъ то же, а и кричать-то ужъ не о чемъ!—сказалъ пономарь.—Весь родъ Груббе вымеръ, усадьба срыта, и на мѣстѣ ея стоитъ теперь нарядный птичникъ съ вызолоченными флюгерами, а въ немъ сидитъ птичница Грета. Какъ она радуется своему прелестному жилищу! Не попади она сюда, ей, вѣдь, пришлось бы доживать вѣкъ въ богадѣльнѣ!

Надъ нею ворковали голубки, вокругъ клохтали индѣйки, крякали утки.

— Никто не знаетъ ея!—толковали онѣ.—Безродная она. Милость Божья, что она попала сюда. Нѣтъ у нея ни селезня-батюшки, ни курицы-матушки, ни дѣтокъ!

Но она всетаки не была безродной; предки-то у нея были, только она не знала ихъ. Не зналъ ихъ и пономарь, сколько ни валялось у него въ ящикѣ стола рукописей; знала и разсказывала объ этомъ лишь одна изъ старыхъ воронъ. Она еще отъ матери своей и бабушки слышала о матери и о бабушкѣ Греты. Послѣднюю-то и мы знаемъ, знаемъ еще съ тѣхъ поръ, какъ она дѣвочкой проѣзжала по подъемному мосту и гордо посматривала кругомъ, словно весь свѣтъ и всѣ птичьи гнѣзда принадлежали ей одной. Видѣли мы ее потомъ въ степи, около дюнъ, и, наконецъ, у перевоза черезъ Грензундъ.

Внучка ея, послѣдняя въ родѣ, опять попала туда, гдѣ стояла старая усадьба, и гдѣ кричали черныя дикія птицы, но она-то сидѣла въ кругу ручныхъ, домашнихъ птицъ. Онѣ знали ее, и она знала ихъ. Птичницѣ-Гретѣ нечего было больше желать, она бы рада была и умереть теперь—стара ужъ она стала.

„Гробъ! Гробъ!“ кричали вороны.

И птичницу-Грету положили въ гробъ и схоронили, но гдѣ—никто не знаетъ, кромѣ старой вороны, если только и та не околѣла.

Такъ вотъ, мы теперь узнали исторію старой усадьбы и древняго рода, узнали и о предкахъ птичницы Греты.

ДОЛЯ РЕПЕЙНИКА.

Передъ богатою усадьбой былъ разбитъ чудесный садъ съ рѣдкими деревьями и цвѣтами. Гости, наѣзжавшіе въ усадьбу, громко восхищались садомъ; горожане и окрестные деревенскіе жители нарочно пріѣзжали сюда по воскресеньямъ и праздникамъ просить позволенія осмотрѣть его; являлись сюда съ тою же цѣлью и ученики разныхъ школъ со своими учителями.

За рѣшеткой сада, отдѣлявшею его отъ поля, выросъ репейникъ; онъ былъ такой большой, густой и раскидистый, что по всей справедливости заслуживалъ названіе „репейнаго куста“. Но никто не любовался на него, кромѣ стараго осла, возившаго телѣжку молочницы. Онъ вытягивалъ свою длинную шею и говорилъ репейнику: „Какъ ты хорошъ! Такъ бы и съѣлъ

тебя!“ Но веревка была коротка, и ослу не удавалось дотянуться до репейника.

Въ саду собралось разъ большое общество; къ хозяевамъ пріѣхали знатные гости изъ столицы, молодые люди, прелестныя молодыя дѣвушки, и между ними одна барышня издалека, изъ Шотландіи, знатнаго рода и очень богатая. Завидная невѣста,—говорили холостые молодые люди и ихъ маменьки.

Молодежь рѣзвилась на лужайкѣ, играла въ крокетъ, затѣмъ всѣ отправились гулять по саду; каждая барышня сорвала по цвѣточку и воткнула его въ петлицу одного изъ молодыхъ людей. Молодая же шотландка долго озиралась кругомъ, выбирала, выбирала, но такъ ничего и не выбрала: ни одинъ изъ садовыхъ цвѣтковъ не пришелся ей по вкусу. Но вотъ она глянула за рѣшетку, гдѣ росъ репейникъ, увидала его изсиня-красные пышные цвѣты, улыбнулась и попросила сына хозяина дома сорвать ей одинъ изъ нихъ.

— Это цвѣтокъ Шотландіи!—сказала она.—Онъ красуется въ шотландскомъ гербѣ. Дайте мнѣ его!

И онъ сорвалъ самый красивый, уколовъ себѣ при этомъ пальцы, словно цвѣтокъ росъ на колючемъ шиповникѣ.

Барышня продѣла цвѣтокъ молодому человѣку въ петлицу, и онъ былъ очень польщенъ этимъ, да и каждый изъ остальныхъ молодыхъ людей охотно бы отдалъ свой роскошный садовый цвѣтокъ, чтобы только получить изъ ручекъ прекрасной шотландки хоть репейникъ. Но ужъ если былъ польщенъ хозяйскій сынъ, то что же почувствовалъ самъ репейникъ? Его какъ будто окропило росою, освѣтило солнышкомъ.

„Однако, я поважнѣе, чѣмъ думалъ!“ сказалъ онъ про себя. „Мѣсто-то мое, пожалуй, въ саду, а не за рѣшеткою. Вотъ, право, какъ странно играетъ нами судьба! Но теперь хоть одно изъ моихъ дѣтищъ перебралось за рѣшетку, да еще угодило въ петлицу!

И съ тѣхъ поръ репейникъ разсказывалъ объ этомъ событіи каждому вновь распускавшемуся бутону. Не прошло затѣмъ и недѣли, какъ репейникъ услышалъ новость—не отъ людей, не отъ щебетуній-пташекъ, а отъ самого воздуха, который воспринимаетъ и разноситъ повсюду малѣйшій звукъ, раздавшійся въ самыхъ глухихъ аллеяхъ сада, или во внутреннихъ покояхъ дома, гдѣ окна и двери отворены настежь. Вѣтеръ сообщилъ, что молодой человѣкъ, получившій изъ прекрасныхъ рукъ шотландки цвѣтокъ

репейника, удостоился, наконецъ, получить и руку и сердце красавицы. Славная вышла парочка, вполнѣ приличная партія.

„Это я ихъ сосваталъ!“ рѣшилъ репейникъ, вспоминая свой цвѣтокъ, попавшій въ петлицу. И каждый вновь распускавшійся цвѣтокъ долженъ былъ выслушивать эту исторію.

„Меня, конечно, пересадятъ въ садъ!“ разсуждалъ репейникъ. „Можетъ быть, даже посадятъ въ горшокъ; тѣсновато будетъ, ну да зато почетно!“

И репейникъ такъ увлекся этою мечтою, что уже съ полною увѣренностью говорилъ: „я попаду въ горшокъ!“ и обѣщалъ каждому своему цвѣточку, который появлялся вновь, что и онъ тоже попадетъ въ горшокъ, а, можетъ быть, даже и въ петлицу, — выше этого ужъ попасть было некуда! Но ни одинъ изъ цвѣтовъ не попалъ въ горшокъ, не говоря уже — въ петлицу. Они впивали въ себя воздухъ и свѣтъ, солнечные лучи днемъ и капельки росы ночью, цвѣли, принимали визиты жениховъ — пчелъ и осъ, которые искали приданаго, цвѣточнаго сока, получали его и покидали цвѣты. „Разбойники этакіе!“ говорилъ про нихъ репейникъ. „Такъ бы и прокололъ ихъ насквозь, да не могу!“

Цвѣты поникали головками, блекли и увядали, но на смѣну имъ распускались новые.

— Вы являетесь какъ разъ во-время! — говорилъ имъ репейникъ. — Я съ минуты на минуту жду пересадки туда, за рѣшетку.

Невинныя ромашки и мокричникъ стояли и слушали его съ глубокимъ изумленіемъ, искренно вѣря каждому его слову.

А старый оселъ, таскавшій телѣжку молочницы, стоялъ на привязи у дороги и любовно косился на цвѣтущій репейникъ, но веревка была коротка, и онъ никакъ не могъ добраться до кустарника.

А репейникъ такъ много думалъ о своемъ родичѣ, шотландскомъ репейникѣ, что подъ конецъ увѣровалъ въ свое происхожденіе изъ Шотландіи и въ то, что именно его-то родители и сидѣли въ гербѣ страны. Великая то была мысль, но отчего бы такому большому репейнику и не имѣть великихъ мыслей?

— Иной разъ происходишь изъ такой знатной семьи, что не смѣешь и догадываться о томъ! — сказала крапива, росшая возлѣ; у нея тоже было какое-то смутное сознаніе, что при надлежащемъ уходѣ и она могла бы превратиться въ кисею!

Лѣто прошло, прошла и осень, листья съ деревьевъ пооблетѣли, цвѣты пріобрѣли болѣе яркую окраску, но отчасти утратили свой запахъ. Ученикъ садовника распѣвалъ въ саду по ту сторону рѣшетки:

„Вверхъ на горку,
Внизъ подъ горку,
Времечко бѣжитъ!“

Молоденькія елочки въ лѣсу начали уже томиться предрождественскою тоской, но до Рождества было еще далеко.

— А я-то все еще здѣсь стою!—сказалъ репейникъ.—Никому какъ будто и дѣла до меня нѣтъ, а, вѣдь, я устроилъ свадьбу! Они обручились, да и поженились вотъ ужъ недѣлю тому назадъ! Что-жъ, самъ я шагу не сдѣлаю,—не могу!

Прошло еще нѣсколько недѣль. На репейникѣ красовался уже только одинъ цвѣтокъ, послѣдній, но большой и пышный. Выросъ онъ почти у самыхъ корней, вѣтеръ обдавалъ его холодомъ, краски его поблекли, и чашечка, такая большая, словно у цвѣтка артишока, напоминала теперь высеребренный подсолнечникъ.

Въ садъ вышла молодая парочка, мужъ съ женою. Они шли вдоль садовой рѣшетки, и молодая женщина взглянула черезъ нее.

— А вотъ онъ, большой репейникъ! Все еще стоитъ!—воскликнула она. Но на немъ нѣтъ больше цвѣтовъ!

— Нѣтъ, видишь вонъ блаженную тѣнь послѣдняго!—сказалъ мужъ, указывая на высеребренный остатокъ цвѣтка.

— А онъ всетаки красивъ!—сказала она.—Надо велѣть вырѣзать такой на рамкѣ вокругъ нашего портрета.

И молодому мужу опять пришлось перелѣзть черезъ рѣшетку и сорвать цвѣтокъ репейника. Цвѣтокъ укололъ ему пальцы,—молодой человѣкъ, вѣдь, обозвалъ его „блаженною тѣнью“. И вотъ, цвѣтокъ попалъ въ садъ, въ домъ и даже въ залу, гдѣ висѣлъ портретъ молодыхъ супруговъ, написанный масляными красками. Въ петлицѣ у молодого былъ изображенъ репейный цвѣтокъ. Поговорили и объ этомъ цвѣткѣ и о томъ, который только что принесли; его рѣшено было вырѣзать на рамкѣ.

Вѣтеръ подхватилъ эти рѣчи и разнесъ ихъ далеко-далеко по всей окрестности.

— Чего только не приходится пережить!—сказалъ репей-

никъ.—Мой первенецъ попалъ въ петлицу, мой послѣдышъ попадетъ въ рамку! Куда же попаду я?

А оселъ стоялъ у дороги и косился на него:

— Подойди же ко мнѣ, моя аппетитная!—Я не могу подойти къ тебѣ,—веревка коротка!

Но репейникъ не отвѣчалъ; онъ все больше и больше погружался въ думы. Такъ онъ продумалъ вплоть до Рождества и, наконецъ, расцвѣлъ мыслью:

„Коли дѣтки пристроены хорошо, родители могутъ постоять и за рѣшеткою!“

— Вотъ это благородная мысль!—сказалъ солнечный лучъ.— Но и вы займете почетное мѣсто!

— Въ горшкѣ или въ рамкѣ?—спросилъ репейникъ.

— Въ сказкѣ!—отвѣтилъ лучъ.

Вотъ она!

ЧТО МОЖНО ПРИДУМАТЬ.

Жилъ-былъ молодой человѣкъ; онъ усердно готовился въ поэты и хотѣлъ стать поэтомъ уже къ Пасхѣ, потомъ жениться и зажить творчествомъ. Это вовсе не трудно; все дѣло въ томъ, чтобы придумывать, да придумывать, но что именно? То-то вотъ и есть! Опоздалъ онъ родиться! Всѣ сюжеты уже были разобраны до его появленія на свѣтъ, все уже было описано, воспѣто въ поэзіи.

— То-то счастье было тѣмъ, что родились тысячу лѣтъ тому назадъ!—сказалъ онъ.—Имъ-то легко было обезсмертить себя! Да, счастливы были и тѣ, что явились на свѣтъ лѣтъ за сто до нашего времени,—и тогда еще оставалось кое-о-чемъ писать. Но теперь все на свѣтѣ давно воспѣто и перепѣто, о чемъ же пѣть мнѣ?

И онъ такъ усердно ломалъ себѣ голову, что, наконецъ, захворалъ бѣдняга. Никакой докторъ не могъ ему помочь, одна оставалась надежда на знахарку. Она жила въ маленькомъ домикѣ, у околицы, которую и должна была отворять для возовъ и проѣзжихъ. Но она годилась кое на что и поважнѣе— умомъ-то она, вѣдь, заткнула бы за поясъ любого доктора, что ѣздитъ въ собственномъ экипажѣ и платитъ государственный налогъ за чинъ!

— Надо пойти къ ней!—рѣшилъ молодой человѣкъ.

Жила знахарка въ маленькомъ, чистенькомъ, но какъ будто скучномъ на видъ домикѣ: ни деревца вокругъ, ни цвѣточка! Передъ дверями только улей—вещь полезная, да картофельное поле—тоже вещь очень полезная, да еще канава, обросшая кустами терновника. Терновникъ уже отцвѣлъ и былъ осыпанъ ягодами, которыя сводятъ ротъ, если вздумаешь ѣсть ихъ прежде, чѣмъ ихъ хватитъ морозомъ.

„Точная картина нашего времени, лишеннаго всякой поэзіи!" подумалъ молодой человѣкъ. Вотъ ужъ, значитъ, онъ и нашелъ у дверей знахарки жемчужное зернышко,—у него блеснула идея!

— Запиши ее!—сказала старуха.—И крошки, вѣдь, тотъ же хлѣбъ! Я знаю, зачѣмъ ты пришелъ! Ты не можешь ничего придумать, а всетаки хочешь выйти къ Пасхѣ въ поэты!

— Всѣ сюжеты уже разобраны!—сказалъ онъ.—Наше время—не доброе старое время!

— Нѣтъ!—отвѣтила старуха.—Въ то время знахарокъ сжигали, а поэты разгуливали съ пустымъ желудкомъ, да съ прорванными локтями. Наше время именно самое лучшее время! Но ты не умѣешь смотрѣть на вещи, какъ слѣдуетъ, ты не изощрялъ своего слуха и мало читалъ по вечерамъ: „Отче нашъ!" Есть о чемъ пѣть и разсказывать и въ наше время, умѣй только взяться за дѣло! Черпай мысли откуда хочешь — изъ травъ и злаковъ земныхъ, изъ стоячихъ и текучихъ водъ! Но для этого, конечно, нужно обладать даромъ разумѣнія, умѣть — какъ говорится—поймать солнечный лучъ! На вотъ, попробуй-ка надѣть мои очки, приставь къ уху мой слуховой рожокъ, призови на помощь Господа Бога, да перестань думать о самомъ себѣ!

Послѣднее-то ужъ было черезчуръ трудно; некстати бы такой умной женщинѣ и требовать этого!

Молодой человѣкъ вооружился очками, слуховымъ рожкомъ, и знахарка поставила его посреди картофельнаго поля, вручивъ ему предварительно большую картофелину. Картофелина издавала звуки. Онъ прислушался и услышалъ цѣлую пѣсню о житьѣ-бытьѣ картофелины, „обыкновенную исторію" въ десяти частяхъ. А и десяти строкъ было бы довольно!

Такъ о чемъ же пѣла картофелина?

Она пѣла о самой себѣ и своей семьѣ, о прибытіи первыхъ картофелинъ въ Европу и о тѣхъ испытаніяхъ и мытарствахъ,

черезъ которыя онѣ прошли, пока ихъ признали куда большею благодатью для края, нежели золотые самородки.

„Насъ разослали, согласно королевскому приказу, по всѣмъ городскимъ ратушамъ; всѣмъ было объявлено о нашемъ великомъ значенiи, но въ него не вѣрили, не знали даже, какъ обращаться съ нами. Кто выкапывалъ яму и бросалъ въ нее всю мѣру картофеля заразъ, кто разсаживалъ картофелины тамъ и сямъ по полю и ждалъ, что изъ нихъ выростутъ цѣлыя дерева, съ которыхъ можно будетъ отряхать картофелины! Ну, вотъ и выростала зелень, на ней распускались цвѣты, потомъ появлялись водянистые плоды, но затѣмъ все растенiе увядало, и никому въ голову не приходило, что настоящая-то благодать лежитъ въ землѣ—самыя-то картофелины. Да, много мы перетерпѣли, вынесли, то-есть не мы, а наши предки, но это все едино!

— Вотъ такъ исторiя!—сказалъ молодой человѣкъ.

— Ну, теперь довольно!—сказала старуха.—Посмотри на терновникъ!

— У насъ тоже есть близкая родня на родинѣ кортофеля,—заговорилъ терновникъ:—но нѣсколько сѣвернѣе, чѣмъ растетъ онъ. Туда явились норманы; они плыли навстрѣчу туманамъ и бурямъ и попали въ невѣдомую страну, гдѣ подъ снѣгомъ и льдомъ нашли разныя травы, растенiя и кусты съ темносиними ягодами, похожими на виноградъ, изъ которыхъ тоже можно дѣлать вино. То былъ терновникъ; его ягоды созрѣваютъ на морозѣ, какъ и мои. И вся страна получила имя „Винной страны“, „Зеленой страны“, „Гренландiи“!

— Да это цѣлая поэма!—сказалъ молодой человѣкъ.

— Да, а теперь иди-ка вотъ сюда!—сказала знахарка и подвела его къ улью. Онъ заглянулъ туда. Что за жизнь, какое движенiе! Во всѣхъ проходахъ сидѣли пчелы и махали крылышками, чтобы провѣтрить эту огромную фабрику,—это была ихъ обязанность. А въ улей все прибывали новыя и новыя пчелы, нагруженныя провизiею; онѣ приносили на щеточкахъ ножекъ цвѣточную пыль, отряхали ее, сортировали,—часть шла на медъ, часть на воскъ. Пчелы прилетали и улетали; царица тоже хотѣла было улетѣть, но за нею пришлось бы улетѣть и всѣмъ, а не время было, и вотъ онѣ взяли, да и откусили ея величеству крылышки,—пришлось ей остаться на мѣстѣ!

— Подымись теперь на насыпь, что возлѣ канавы!—сказала знахарка.—Погляди на дорогу и на добрыхъ людей!

— Да тамъ ихъ тьма тьмущая!—воскликнулъ молодой человѣкъ.—Шумъ, гамъ! Исторія на исторіи! Охъ, у меня въ глазахъ темнѣетъ! Я упаду навзничь!

— Нѣтъ, смѣло иди впередъ!—сказала старуха.—Иди прямо на встрѣчу жизни, въ самую густую толпу, да настороaccess и глаза, и уши, и сердце! Тогда живо придумаешь что-нибудь! Но сперва отдай мнѣ мои очки и слуховой рожокъ, а тамъ и ступай себѣ!

И она взяла у него и то, и другое.

— Теперь я ровно ничего не вижу!—сказалъ молодой человѣкъ.—И ничего не слышу!

— Ну, видно не сдѣлаться тебѣ поэтомъ къ Пасхѣ!—сказала знахарка.

— А когда же?—спросилъ онъ.

— Ни къ Пасхѣ, ни къ Троицѣ! Тебѣ никогда ничего не придумать!

— Такъ за что же мнѣ взяться, что дѣлать, если я хочу жить творчествомъ?

— Ну, этого-то ты можешь добиться и къ масляницѣ! Засади поэтовъ въ бочку, да и колоти по ней!*) Колоти по ихъ твореніямъ, это все одно, что колотить ихъ самихъ! Только не падай духомъ, колоти хорошенько и сколотишь себѣ деньжонки! Хватитъ на прокормъ и тебѣ, и женѣ!

— Вотъ что можно придумать!—сказалъ молодой человѣкъ и принялся колотить поэтовъ одного за другимъ,—самому-то ему не удалось сдѣлаться поэтомъ.

Мы узнали все это отъ знахарки; она-то ужъ знаетъ, что можно придумать!

И ВЪ ЩЕПКѢ ПОРОЮ СКРЫВАЕТСЯ СЧАСТЬЕ!

Теперь я разскажу вамъ исторію о счастьѣ. Всѣ знакомы съ счастьемъ, но инымъ оно улыбается изъ года въ годъ, инымъ только въ извѣстные годы, а бываютъ и такіе люди, которыхъ оно даритъ улыбкою лишь разъ въ ихъ жизни, но такихъ, которымъ бы оно не улыбнулось хоть разъ—нѣтъ.

Я не стану разсказывать о томъ, что маленькихъ дѣтей

*) Намекъ на старинный обычай сажать на масляницѣ въ бочку кошку. См. примѣч. т. II, стр. 153.

присылаетъ на землю Господь Богъ, что Онъ кладетъ ихъ прямо къ груди матери, что это можетъ случиться и въ богатомъ за́мкѣ, въ уютной комнатѣ, и въ чистомъ полѣ, на холодѣ и вѣтрѣ,— это знаетъ всякій. Но вотъ, что знаетъ не всякій, а между тѣмъ это вѣрнѣе вѣрнаго: Господь Богъ, ниспосылая на землю ребенка, ниспосылаетъ вмѣстѣ съ нимъ и его счастье. Только счастье это не кладется на виду, рядомъ съ ребенкомъ, а прячется обыкновенно въ какомъ-нибудь такомъ мѣстечкѣ, гдѣ меньше всего ожидаютъ найти его. Найтись же оно всегда рано или поздно найдется, и это лучше всего! Оно можетъ скрываться въ яблокѣ, какъ, напримѣръ, счастье одного великаго ученаго, по имени Ньютона. Яблоко шлепнулось передъ нимъ на землю, и онъ нашелъ въ немъ свое счастье. Если ты не знаешь этой исторіи, то попроси разсказать тебѣ ее того, кто знаетъ, я же хочу разсказать другую исторію—о грушѣ.

Жилъ-былъ бѣднякъ; онъ и родился, и выросъ въ нуждѣ, и въ приданое за женою взялъ нужду. По ремеслу же онъ былъ токарь и точилъ главнымъ образомъ ручки, да колечки для зонтиковъ, но работа эта только-только позволяла ему перебиваться съ семьей.

„Нѣтъ мнѣ счастья!“ говаривалъ онъ.

Исторія эта настоящая быль; я могъ бы даже назвать и страну и мѣстность, гдѣ жилъ нашъ токарь, но не все-ли равно?

Первымъ и главнымъ украшеніемъ его садика служила красная, кислая рябина, но росло въ саду и одно грушевое дерево, да только безъ плодовъ. И все же счастье токаря скрывалось какъ-разъ въ этомъ деревѣ, въ его невидимыхъ грушахъ!

Разъ ночью поднялась сильная буря; въ газетахъ писали даже, что вѣтеръ подхватилъ большой диллижансъ и швырнулъ его о́-земь, какъ щепку. Не мудрено, что такимъ вѣтромъ обломило и сукъ у грушеваго дерева.

Сукъ принесли въ мастерскую, и токарь, ради шутки, выточилъ изъ него большую грушу, потомъ поменьше, еще меньше и, наконецъ, нѣсколько совсѣмъ крохотныхъ.

— Пора было дереву принести груши!—сказалъ онъ, шутя, и роздалъ груши дѣтямъ,—пусть играютъ!

Къ числу вещей необходимыхъ въ сырыхъ, дождливыхъ странахъ относится, конечно, зонтикъ, но вся семья токаря обходилась однимъ зонтикомъ. Въ сильный вѣтеръ зонтикъ выворачивало на изнанку, иногда даже ломало, но токарь сей-

часъ же приводилъ его въ порядокъ. Одно было досадно—пуговка, на которую настегивалось колечко шнурка, охватывавшаго сложенный зонтикъ, часто выскакивала, или ломалось самое колечко.

Разъ пуговка отскочила, токарь сталъ искать ее на полу и нашелъ вмѣсто нея одну изъ маленькихъ точеныхъ грушъ, которыя отдалъ играть дѣтямъ.

— Пуговки теперь не найти!—сказалъ токарь.—Но можно воспользоваться вотъ этою штучкой!—И онъ просверлилъ въ грушѣ дырочку, продернулъ сквозь нее шнурокъ, и маленькая груша плотно вошла въ полуколечко. Такъ хорошо застежка еще никогда не держалась!

Посылая на слѣдующій годъ въ столицу ручки для зонтиковъ, токарь послалъ также вмѣсто застежекъ и нѣсколько выточенныхъ грушъ съ полуколечками къ нимъ и просилъ хозяина магазина испробовать новыя застежки. Послѣднія попали въ Америку; тамъ скоро смекнули, что маленькія груши лучше, удобнѣе всякихъ пуговокъ, и потребовали отъ поставщика, чтобы впредь и всѣ зонтики высылались съ такими застежками.

Вотъ когда закипѣла работа! Грушъ понадобились тысячи! Токарь принялся за дѣло, точилъ, точилъ, все грушевое дерево пошло на маленькія груши. А груши приносили скиллинги и далеры!

— Такъ счастье мое скрывалось въ грушевомъ деревѣ!—сказалъ токарь. У него теперь была уже большая мастерская, онъ держалъ подмастерьевъ и учениковъ, вѣчно былъ веселъ и приговаривалъ: „И въ щепкѣ порою скрывается счастье!“

Скажу то же самое и я.

Говорятъ же, вѣдь: „возьми въ ротъ бѣлую щепочку и станешь невидимкою!“ Но для этого нужно взять настоящую щепочку, которая дается намъ на счастье отъ Господа Бога. Вотъ и мнѣ дана такая, и я тоже могу извлечь изъ нея, какъ и токарь, звонкое, блестящее, лучшее въ свѣтѣ золото, то золото, что блеститъ огонькомъ въ дѣтскихъ глазкахъ, звенитъ смѣхомъ изъ дѣтскихъ устъ и изъ устъ ихъ родителей. Они читаютъ мои сказки, а я стою посреди комнаты невидимкою,—у меня во рту бѣлая щепочка! И увижу я, что они довольны моею сказкою, я тоже скажу: „да, и въ щепкѣ порою скрывается счастье!“

КОМЕТА.

И вотъ, на небѣ появилась комета, ядро ея сіяло, хвостъ грозилъ розгой. На нее смотрѣли и изъ богатыхъ зáмковъ, и изъ бѣдныхъ домовъ, глазѣли и цѣлыя толпы, устремлялъ взоръ и одинокій путникъ, проходившій по безлюдной степи, и каждый при этомъ думалъ свое.

— Идите смотрѣть на небесное знаменіе! Какое великолѣпіе!—сказалъ кто-то, и всѣ повысыпали изъ дома смотрѣть на комету.

Но въ одной горницѣ еще остались двое: маленькій мальчикъ съ матерью. На столѣ горѣла сальная свѣчка, и мать увидала, что на фитилѣ образовался нагаръ въ видѣ стружки, а это означало, по народному повѣрью, скорую смерть мальчика,—стружка, вѣдь, наклонилась въ его сторону.

Мать вѣрила въ эту старинную примѣту. Но мальчику суждено было прожить на землѣ долгіе годы и увидать комету во второй разъ, болѣе шестидесяти лѣтъ спустя.

Мальчикъ не замѣчалъ нагара на свѣчкѣ, не думалъ о кометѣ, появившейся при немъ впервые. Передъ нимъ стояло на столѣ склеенное блюдечко съ мыльной водой, онъ погружалъ въ нее маленькую глиняную трубочку, бралъ въ ротъ другой конецъ ея и пускалъ мыльные пузыри—и большіе, и маленькіе. Они колебались и переливались всѣми цвѣтами радуги, изъ желтыхъ становились красными, изъ лиловыхъ голубыми, а потомъ вдругъ окрашивались въ ярко-зеленый цвѣтъ листьевъ, залитыхъ въ лѣсу лучами солнышка.

— Дай Богъ прожить тебѣ столько лѣтъ, сколько пустишь пузырей!—сказала мать.

— Охъ, какъ много!—воскликнулъ мальчикъ!—Этой мыльной воды хватитъ на вѣкъ!

И онъ продолжалъ выпускать пузырь за пузыремъ.

— Вотъ летитъ годъ! Вотъ еще! Гляди, какъ они летятъ!—приговаривалъ онъ. Два пузыря влетѣли ему прямо въ глаза; какъ ихъ защипало, закусало,—до слезъ! И въ каждомъ пузырѣ мальчикъ видѣлъ блестящую, ослѣпительную картину будущаго.

— Вотъ когда ее отлично видно!—кричали, между тѣмъ, сосѣди.—Идите же смотрѣть комету! Что вы засѣли тамъ!

Мать взяла мальчика за руку; пришлось ему положить тру-

бочку, разстаться со своею игрою,—надо было посмотрѣть на комету.

И мальчуганъ смотрѣлъ на ея сіяющее ядро и на блестящій хвостъ. Кто говорилъ, что онъ длиною въ три аршина, кто—что онъ не меньше трехъ милліардовъ. Всякій, вѣдь, мѣритъ на свой аршинъ.

— И дѣти, и внуки наши успѣютъ умереть, прежде чѣмъ она появится на небѣ опять!—толковали люди.

Большинства изъ нихъ и дѣйствительно уже не было въ живыхъ, когда она появилась вторично, но мальчикъ, которому нагаръ на свѣчкѣ предвѣщалъ, по мнѣнію матери, близкую смерть, былъ еще живъ, хотя и очень старъ, весь сѣдой. „Сѣдые волосы—цвѣты старости!“—гласитъ поговорка, и у него была полная голова этихъ цвѣтовъ. Онъ ужъ былъ старымъ школьнымъ учителемъ.

Школьники говорили, что онъ страсть какой умный и ученый, знаетъ и исторію, и географію, и все, что только можно знать о тѣлахъ небесныхъ.

— Все повторяется!—говаривалъ онъ.—Только примѣчайте хорошенько лица и событія и увидите, что они постоянно повторяются, возвращаются обратно, только въ иныхъ костюмахъ, въ иныхъ странахъ.

И школьный учитель указывалъ на исторію о Вильгельмѣ Теллѣ, которому пришлось стрѣлять въ яблоко, положенное на голову его собственнаго сына. Прежде, чѣмъ выстрѣлить, онъ припряталъ за пазуху другую стрѣлу для злого Геслера. Происходило это въ Швейцаріи, но за много лѣтъ до этого, то же самое случилось въ Даніи. Пальнатоку*) тоже пришлось стрѣлять въ яблоко, положенное на голову его сына, и онъ тоже спряталъ за пазуху другую стрѣлу, чтобы отомстить за себя. А больше, чѣмъ за тысячу лѣтъ до того—читаемъ мы въ старинныхъ рукописяхъ—происходила такая же исторія въ Египтѣ! Да и событія и лица повторяются, возвращаются, какъ кометы.

И онъ начиналъ разсказывать объ ожидаемой кометѣ, которую уже видѣлъ однажды въ своемъ раннемъ дѣтствѣ. Школьный учитель много зналъ о небесныхъ тѣлахъ, много думалъ о нихъ, но не забывалъ отъ того ни исторіи, ни географіи.

*) Сказочный датскій герой. Преданіе о немъ послужило сюжетомъ для извѣстной трагедіи Эленшлегера „Palnatoke“. *Примѣч. перев.*

Садъ свой онъ разбилъ въ видѣ карты Даніи. Каждая часть, каждая провинція изображалась цвѣтами и растеніями, которыя были ей наиболѣе свойственны.

— Ну-ка, достаньте мнѣ гороха!—говорилъ онъ, и ученики направлялись къ грядкѣ, представлявшей Лолландъ.—Достаньте мнѣ гречихи!—и тѣ шли къ Лангеланду. Чудесныя голубыя горечавки можно было найти на сѣверѣ, на Скагенѣ, блестящій Христовъ тернъ—возлѣ Силькеборга. Самые города изображались статуэтками. Св. Кнудъ, поражающій дракона, означалъ городъ Одензе; Абсалонъ съ епископскимъ посохомъ въ рукѣ—Сорё; маленькое весельное судно—городъ Оргусъ, и такъ далѣе. Да, по саду школьнаго учителя можно было изучить карту Даніи, но, конечно, предварительно надо было поучиться у него самого. а это было превесело!

Такъ вотъ, опять ожидали комету, и онъ разсказывалъ о ней, и о толкахъ людскихъ, вызванныхъ ея первымъ появленіемъ, которое онъ такъ хорошо помнилъ.

— Въ годъ появленія кометы вино бываетъ крѣпче!—говорилъ онъ.—Виноторговцы могутъ разбавлять его водою,—никто не замѣтитъ! Оттого-то они, какъ говорятъ, очень жалуютъ такіе годы!

Но небо было покрыто облаками вотъ уже цѣлыхъ двѣ недѣли, такъ что кометы не было видно, хотя она и появилась уже.

Престарѣлый учитель сидѣлъ въ своей коморкѣ рядомъ съ классной комнатой. Въ углу стояли большіе старинные борнгольмскіе часы. доставшіеся ему еще отъ родителей. Тяжелыя свинцовыя гири уже не поднимались и не опускались больше, маятникъ не двигался, маленькая кукушка, которая прежде выскакивала и куковала, уже много лѣтъ молчаливо сидѣла взаперти; все въ часахъ замерло, притихло, они не шли больше. Но старыя клавикорды, тоже временъ родителей учителя, все еще сохраняли въ себѣ жизнь. Струны еще могли звучать, правда хрипловато, но все же изъ нихъ можно было извлечь мелодіи цѣлаго человѣческаго вѣка. И много воспоминаній будили эти мелодіи въ старомъ школьномъ учителѣ—и веселыхъ, и печальныхъ. Много пережилъ онъ въ этотъ длинный рядъ годовъ, съ тѣхъ поръ, какъ видѣлъ комету маленькимъ мальчикомъ и до ея вторичнаго появленія на небѣ. Онъ помнилъ, что сказала его мать, увидя нагаръ на свѣчкѣ, помнилъ чудесные мыльные пузыри, которые пускалъ тогда... Каджый означалъ—какъ

онъ говорилъ — годъ его будущей жизни, и какіе они были блестящіе, радужные! Они сулили ему столько чудесъ и радостей, дѣтскія игры, юношескія наслажденія! Весь свѣтъ лежалъ передъ нимъ, озаренный лучами солнца! То были мыльные пузыри будущаго! Теперь онъ былъ уже старикъ и извлекалъ изъ струнъ клавикордъ мелодіи прошлаго—это были уже пузыри, окрашенные цвѣтами воспоминаній. Вотъ раздалась пѣсня бабушки, которую она напѣвала, быстро шевеля чулочными спицами.

„Вѣстимо ужъ не амазонка
Связала первый намъ чулокъ!“

А вотъ пѣсня, которую напѣвала ему, когда онъ былъ ребенкомъ, ихъ старая служанка:

„Ахъ, сколько испытаній
Готовитъ свѣтъ тому,
Кто младъ и глупъ—извѣстно
Лишь Богу одному!“

Потомъ раздались мелодіи перваго бала, менуэтъ, молинаски *), за ними зазвучали нѣжные, грустные звуки, вызвавшіе на глаза старика слезы, затѣмъ раздался военный маршъ, затѣмъ псалмы, а тамъ опять веселые игривые звуки. Они смѣняли другъ друга, слѣдовали одинъ за другимъ, какъ мыльные пузыри, что онъ пускалъ мальчикомъ.

Онъ устремилъ взоръ въ окно; облака, застилавшія небо, вдругъ разошлись, и онъ увидалъ комету, ея сіяющее ядро и блестящій туманный шлейфъ.

Онъ какъ будто видѣлъ ее въ первый разъ только вчера, а на самомъ-то дѣлѣ, между этими двумя вечерами легла цѣлая человѣческая жизнь, богатая воспоминаніями! Въ тотъ вечеръ онъ былъ ребенкомъ и видѣлъ въ мыльныхъ пузыряхъ „будущее“, теперь они показывали ему „прошлое“. И душа его проникла сь дѣтскою вѣрою, глаза засіяли, рука упала на клавиши... Раздался звукъ, словно порвалась струна!

— Идите же смотрѣть на комету!—кричали ему сосѣди.— Небо чудо какое ясное! Идите, теперь ее отлично видно!

Но старый школьный учитель не отвѣчалъ; онъ унесся въ

*) Старинный танецъ. *Примѣч. перев.*

заоблачныя высоты, чтобы хорошенько поглядѣть на комету! Душа его готовилась пролетѣть пространство, куда больше, обширнѣе, нежели пролетаетъ комета. А на нее опять смотрѣли и изъ богатыхъ замковъ, и изъ бѣдныхъ домовъ, глазѣли и цѣлыя толпы, устремлялъ взоръ и одинокій путникъ, проходившій по безлюдной степи. На душу же учителя смотрѣлъ теперь Самъ Господь и опередившіе его на небѣ дорогіе, близкіе его сердцу, о которыхъ онъ такъ тосковалъ на землѣ!

ДНИ НЕДѢЛИ.

Днямъ недѣли тоже хотѣлось хоть разокъ собраться вмѣстѣ и попировать. Но каждый изъ нихъ былъ на счету, они были такъ заняты круглый годъ, что это имъ никакъ не удавалось. Имъ нужно было выждать лишній день, а такой выдается только разъ въ четыре года—въ февралѣ високоснаго года; его прикидываютъ для уравненія счетовъ.

Такъ вотъ, въ этотъ-то день они и порѣшили собраться и попировать, а такъ какъ въ февралѣ празднуется масляница, то они рѣшили кстати явиться „ряжеными", сообразно вкусу и значенію каждаго. Рѣшено было плотно поѣсть, здорово выпить, говорить рѣчи и безъ церемоніи высказывать другъ другу пріятныя и непріятныя истины, какъ оно и подобаетъ въ дружескомъ кружкѣ. Герои древности перебрасывались за столомъ обглоданными костями, а дни недѣли готовились перебрасываться плохими каламбурами, да разными ехидными остротами, какія только могутъ придти въ голову во время невинныхъ масляничныхъ забавъ.

Итакъ, день насталъ, и они собрались.

Господинъ *Воскресенье*, глава дней недѣли, явился въ черномъ шелковомъ плащѣ. Благочестивые люди подумали бы, что онъ надѣлъ пасторское облаченіе и собирается въ церковь, дѣти же мірской суеты увидали бы, что онъ просто-на-просто накинулъ на себя домино и собирается веселиться, а яркая гвоздика, красующаяся у него въ петличкѣ, означаетъ красный фонарикъ, который выставляется у театральныхъ кассъ и гласитъ: „Всѣ билеты проданы, веселитесь же на славу!"

Понедѣльникъ, молодой человѣкъ, близкій родственникъ Воскресенья, большой любитель удовольствій, слѣдовалъ за пер-

вымъ. Онъ бросалъ—какъ разсказывалъ самъ—мастерскую всякій разъ, какъ у дворца происходила смѣна караула, сопровождающаяся музыкой.

— Я люблю освѣжиться, послушать музыку—особенно Оффенбаховскую! Она не отягощаетъ мозга, не затрогиваетъ сердца, а только слегка щекочетъ подъ колѣнками,—такъ и подмываетъ пуститься въ плясъ, кутнуть, подраться и освѣтить себѣ дорогу домой фонаремъ подъ глазомъ, а потомъ всхрапнуть хорошенько! Вотъ на другой день—съ Богомъ и за работу, пожалуй, я же первенецъ недѣли!

Вторникъ, какъ извѣстно, былъ посвященъ у древнихъ сѣверянъ Тюру, богу силы.

— Да, это ко мнѣ и подходитъ!—сказалъ онъ.—Я ретивый работникъ, привязываю къ сапогамъ купцовъ крылья Меркурія, осматриваю хорошо-ли смазаны и вертятся-ли какъ слѣдуетъ колеса на фабрикахъ, слѣжу за тѣмъ, чтобы портной сидѣлъ на верстакѣ, а каменьщикъ на мостовой, чтобы каждый занимался своимъ дѣломъ! Я смотрю за порядкомъ, вотъ почему я въ полицейскомъ мундирѣ! Коли это не остроумно придумано, такъ попробуйте вы придумать что-нибудь поострѣе!

— А вотъ и я!—сказала *Среда*.—Я стою въ серединѣ недѣли, меня такъ и зовутъ „серединою". Я какъ приказчикъ среди магазина, какъ цвѣтокъ въ серединѣ букета, стою, окруженная другими почтенными днями недѣли. Если мы идемъ всѣ врядъ, другъ за другомъ, то у меня три дня въ авангардѣ и три въ арьергардѣ. Смѣю думать, что я самая первая персона въ недѣлѣ!

Четвергъ—день, посвященный богу грома и молніи Тору, былъ одѣтъ кузнецомъ и держалъ въ рукахъ аттрибуты этого бога: молотъ и мѣдный котелъ.

— Я самаго знатнаго происхожденія! — сказалъ онъ. — Я изъ языческаго божественнаго рода! Въ сѣверныхъ странахъ меня посвятили Тору, въ южныхъ—Юпитеру, а они оба мастера гремѣть и сверкать молніей. Это ужъ наша фамильная черта!

И онъ ударилъ молотомъ по котлу, чтобы доказать свое высокое происхожденіе.

Пятница была одѣта, какъ и подобаетъ молодой дѣвушкѣ, жрицѣ Фрейи—въ сѣверныхъ странахъ, и Венеры—въ южныхъ. Она, по ея собственнымъ словамъ, отличалась тихимъ, мягкимъ нравомъ и только сегодня развернулась: сегодня, вѣдь, было

29-ое февраля, а этотъ день, согласно обычаямъ, являлся въ старину днемъ свободы для женщинъ,—онѣ могли свататься сами, не дожидаясь, когда къ нимъ присватаются!

Суббота явилась старою ключницею, съ метлой и прочими аттрибутами чистки. Любимымъ блюдомъ ея былъ черствый хлѣбъ, сваренный въ пивѣ, но она всетаки не требовала, чтобы это блюдо было подано при семъ торжественномъ случаѣ всѣмъ; она готова была съѣсть его одна и съѣла.

И затѣмъ дни разсѣлись по мѣстамъ.

Такъ вотъ, они и обрисованы здѣсь всѣ, и могутъ послужить образцами для живыхъ картинъ въ домашнихъ спектакляхъ! Тамъ могутъ изобразить ихъ въ такомъ смѣшномъ видѣ, въ какомъ только сумѣютъ. Мы же, изображая ихъ, имѣли въ виду только карнавальную шутку,—февраль единственный мѣсяцъ въ году, имѣющій лишній день—мѣсяцъ карнавала!

РАЗСКАЗЫ СОЛНЕЧНАГО ЛУЧА.

— Теперь я начну!—заявилъ вѣтеръ.

— Нѣтъ, ужъ, позвольте!—сказалъ дождь.—Теперь мой чередъ! Довольно вы стояли на углу, да выли, что было мочи!

— Такъ вотъ ваше спасибо за то, что я въ честь васъ вывертывалъ, да ломалъ зонтики тѣхъ господъ, что не желали имѣть съ вами дѣла!

— Слово за мною!—сказалъ солнечный лучъ.—Смирно!

И это было сказано съ такимъ блескомъ и величіемъ, что вѣтеръ сейчасъ же растянулся во всю длину. Но дождь все еще не хотѣлъ уняться, теребилъ вѣтеръ и говорилъ:

— Неужели мы это потерпимъ? Онъ вѣчно прорвется впередъ, этотъ господинъ! Не станемъ его слушать! Вотъ еще, очень нужно!

А солнечный лучъ началъ:

— Пролеталъ надъ бурнымъ моремъ лебедь; перья его блестѣли, словно золотыя; одно перо выпало и упало на большой торговый корабль, скользившій по морю на всѣхъ парусахъ. Перо запуталось въ курчавыхъ волосахъ молодого человѣка, надсмотрщика за товарами. Перо птицы счастья коснулось его чела, превратилось въ его рукѣ въ писчее перо, и онъ вскорѣ сталъ богатымъ купцомъ, которому ничего не стоило купить себѣ

золотыя шпоры, смѣнять бочку золота на дворянскій щитъ. Я самъ сверкалъ на этомъ щитѣ!—прибавилъ солнечный лучъ.

— Пролеталъ лебедь и надъ зеленымъ лугомъ; въ тѣни стараго одинокаго дерева лежалъ пастушокъ, семилѣтній мальчуганъ, и посматривалъ на своихъ овецъ. Лебедь поцѣловалъ на лету одинъ изъ листьевъ дерева, листъ упалъ въ руку пастушка, и изъ одного листка сдѣлалось три, десять, цѣлая книжка! Мальчикъ читалъ въ ней о чудесахъ природы, о родномъ языкѣ, о вѣрѣ и знаніи, а ложась спать, пряталъ ее себѣ подъ голову, чтобы не позабыть прочитаннаго. И вотъ, книжка та привела его сначала на школьную скамью, а затѣмъ и на каѳедру науки. Я прочелъ его имя среди именъ ученыхъ!—добавилъ солнечный лучъ.

— Лебедь полетѣлъ въ чащу лѣса и спустился отдохнуть на тихое, темное лѣсное озеро, поросшее кувшинками; на берегу росли тростникъ, лѣсныя яблони, а въ ихъ вѣтвяхъ куковала кукушка, ворковали лѣсные голуби.

Бѣдная женщина собирала здѣсь хворостъ; на спинѣ у нея была цѣлая вязанка, у груди же лежалъ маленькій ребенокъ. Она увидала золотого лебедя, лебедя счастья, который вылетѣлъ изъ тростника. Но что же такое блестѣло тамъ? Золотое яйцо! Женщина положила его за пазуху, и яйцо согрѣлось, въ немъ зашевелилось живое существо. Оно уже стучало носикомъ въ скорлупку, а женщина-то думала, что это бьется ея собственное сердце.

Придя домой, въ свою бѣдную хижину, она вынула золотое яйцо. „Тикъ-тикъ!“ слышалось изъ него, точно яйцо было золотыми часами, но это было настоящее яйцо, и въ немъ билась жизнь. Вотъ скорлупка треснула, и изъ яйца высунулъ головку маленькій лебедь, покрытый золотымъ пушкомъ. На шейкѣ у него было четыре золотыхъ кольца, и такъ какъ у женщины было еще трое сыновей, кромѣ того, который былъ съ нею въ лѣсу, то она сразу догадалась, что кольца эти предназначались ея дѣтямъ. Только что она сняла кольца—золотой птенецъ улетѣлъ.

Женщина перецѣловала кольца, дала каждому ребенку поцѣловать свое кольцо, приложила ихъ къ сердцу каждаго и затѣмъ надѣла на пальчики дѣтей.

— Я видѣлъ все это!—прибавилъ солнечный лучъ.—Видѣлъ и то, что изъ этого вышло.

Одинъ изъ мальчиковъ копался въ глинѣ, взялъ комокъ глины,

началъ мять его между пальцами, и вышла статуя Язона, добывшаго золотое руно.

Другой мальчуганъ сейчасъ же побѣжалъ на лугъ, поросшій чудными, пестрыми цвѣтами, набралъ тамъ цѣлую горсть цвѣтовъ, крѣпко стиснулъ ихъ въ ручонкѣ, и цвѣточные соки брызнули ему прямо въ глаза, омочили его золотое кольцо... Въ мозгу мальчика что-то зашевелилось, въ рукахъ тоже, и, нѣсколько лѣтъ спустя, въ большомъ городѣ заговорили о новомъ великомъ живописцѣ.

Третій мальчуганъ такъ крѣпко стиснулъ свое кольцо зубами, что оно издало звукъ, отголосокъ того, что таилось въ сердцѣ мальчугана, и съ тѣхъ поръ чувства и думы его стали выливаться въ звукахъ, подниматься къ небу, какъ поющіе лебеди, погружаться въ бездны мысли, какъ лебеди погружаются въ глубокія озера. Мальчикъ сталъ композиторомъ; каждая страна можетъ считать его своимъ.

Четвертый же мальчикъ былъ заморышъ, и на языкѣ у него, какъ говорили, сидѣлъ типунъ; его надо было угощать масломъ съ перцемъ, какъ больныхъ цыплятъ, да хорошими трепками, ну, его и угощали! Я же далъ ему свой солнечный поцѣлуй!—сказалъ солнечный лучъ.—Да не одинъ, а десять! Мальчикъ былъ поэтическою натурой, и его то дарили поцѣлуями, то угощали щелчками, но онъ всетаки владѣлъ кольцомъ счастья, даннымъ ему золотымъ лебедемъ, и мысли его взлетали къ небу золотыми бабочками, а бабочка — символъ безсмертія!

— Длинная исторія!—сказалъ вѣтеръ.

— И скучная!—прибавилъ дождь.—Подуй на меня, я въ себя придти не могу!

И вѣтеръ принялся дуть, а солнечный лучъ продолжалъ:

— Лебедь счастья пролеталъ и надъ глубокимъ заливомъ, гдѣ рыбаки закидывали сѣти. Беднѣйшій изъ рыбаковъ собирался жениться и женился.

Лебедь же принесъ ему кусокъ янтаря. Янтарь притягиваетъ, и этотъ кусокъ притянулъ сердца къ дому рыбака. Янтарь—чудеснѣйшее благовонное куреніе, и изъ дома рыбака стало исходить благоуханіе, какъ изъ храма; это было благоуханіе самой природы Божьей! Бѣдная чета наслаждалась семейнымъ счастьемъ, была довольна своею скромною домашнею обстановкой, и вся жизнь ея прошла какъ одинъ солнечный день!

— Не пора-ли прервать его!—сказалъ вѣтеръ.—Довольно ужъ онъ болталъ! Я соскучился!

— И я тоже!—сказалъ дождь.

А что же скажемъ мы, прослушавъ эти исторіи?

Мы скажемъ:

— Ну вотъ, и конецъ имъ!

ПРАДѢДУШКА.

Прадѣдушка былъ такой славный, умный и добрый, всѣ мы такъ любили и уважали его. Сначала-то, съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ я себя помню, его звали дѣдушкой, но вотъ у моего старшаго брата Фредерика родился сынокъ, и дѣдушку произвели въ прадѣдушки. Выше этого званія ему ужъ не подняться было въ жизни. Онъ очень любилъ насъ всѣхъ, но наше время не особенно-то жаловалъ.

— То-ли дѣло было въ доброе старое время!—говаривалъ онъ.—То время было солидное, степенное! А теперь всѣ несутся, сломя голову, все идетъ вверхъ дномъ! Молодежь ораторствуетъ, говоритъ о короляхъ такъ, какъ будто они имъ ровня! Любой господинъ съ улицы можетъ обмакнуть свою тряпку въ грязную лужу, да выжать ее надъ головой почтеннаго дѣятеля!

И, говоря это, прадѣдушка весь краснѣлъ, но потомъ опять успокаивался, улыбался своею обычною ласковою улыбкой и говорилъ:

— Ну! Я, можетъ быть, и не вполнѣ правъ! Но я человѣкъ стараго времени и не могу попасть въ ногу съ новымъ! Предоставимъ же Господу Богу вести его!

Слушая разсказы прадѣдушки о старыхъ временахъ, я какъ будто самъ переживалъ ихъ: разъѣзжалъ мысленно въ золотой каретѣ съ гайдуками, видѣлъ церемоніи перенесенія цеховой вывѣски съ музыкой и знаменами, участвовалъ въ забавныхъ святочныхъ развлеченіяхъ и играхъ. Правда, и въ тѣ времена было много дурного и ужаснаго: колеса, дыбы, кровопролитіе, но даже и эти ужасы имѣли въ себѣ что-то заманчивое! Много и хорошаго узнавалъ я изъ разсказовъ прадѣдушки: узналъ, напримѣръ, о датскихъ дворянахъ, освободившихъ крестьянъ, о датскомъ кронпринцѣ, прекратившемъ торговлю рабами.

Да, славно было послушать разсказы прадѣдушки о дняхъ его

молодости, но предшествовавшее тому время было всетаки еще лучше—такое сильное, могучее!

— Жестокое, варварское!—отозвался братъ Фредерикъ.— Слава Богу, что оно миновало!

Онъ такъ прямо и заявилъ это прадѣдушкѣ! Не совсѣмъ-то это было хорошо съ его стороны, но я всетаки очень уважалъ Фредерика. Онъ былъ моимъ старшимъ братомъ, „могъ бы даже быть моимъ отцомъ“,—говорилъ онъ самъ; такой чудакъ! Онъ блестяще сдалъ свой студенческій экзаменъ, а въ конторѣ у отца занимался такъ прилежно, что скоро его допустили къ участію въ дѣлахъ фирмы. Онъ былъ любимцемъ прадѣдушки, но они вѣчно спорили другъ съ другомъ. Эти двое никогда не поймутъ другъ друга, никогда не столкуются,—говорила о нихъ вся семья, а я какъ ни малъ былъ, всетаки замѣтилъ, что эти двое и обойтись другъ безъ друга не могутъ!

Когда Фредерикъ разсказывалъ или читалъ при прадѣдушкѣ о новыхъ научныхъ открытіяхъ и изобрѣтеніяхъ, знаменующихъ наше время, глаза старика такъ и свѣтились.

— Люди становятся умнѣе, но не добрѣе!—говаривалъ онъ, однако, вслѣдъ затѣмъ.—Они изобрѣтаютъ на гибель другъ другу ужаснѣйшія орудія истребленія.

— Зато тѣмъ скорѣе и войнѣ конецъ!—возражалъ Фредерикъ.— Теперь ужъ не приходится ждать мира по семи лѣтъ! Міръ страдаетъ полнокровіемъ, и пускать ему время отъ времени кровь необходимо!

Разъ Фредерикъ разсказалъ прадѣдушкѣ о происшествіи, дѣйствительно случившемся въ одномъ городкѣ. Часы бургомистра, большіе часы на башнѣ ратуши, устанавливали время для всего города. Часы шли не совсѣмъ вѣрно, но все же весь городъ сообразовался съ ними. Но вотъ провели желѣзную дорогу; она была въ связи съ желѣзнодорожною сѣтью другихъ странъ, и тутъ ужъ приходилось точно расчитывать время, а то поѣздамъ не долго было и столкнуться! На вокзалѣ были установлены свои солнечные часы; они указывали время вѣрно, не то, что бургомистровы, и вотъ, всѣ жители города стали провѣрять свои часы по желѣзнодорожнымъ.

Я засмѣялся,—исторія показалась мнѣ забавною.

Но прадѣдушка и не думалъ смѣяться; напротивъ, онъ сталъ еще серьезнѣе.

— Въ твоемъ разсказѣ есть кое-что!—началъ онъ, обра-

щаясь къ Фредерику.—И я понимаю, зачѣмъ ты это разсказалъ мнѣ. Твои часы очень поучительны. Они приводятъ мнѣ на память другіе часы, старые, простые борнгольмскіе часы съ тяжелыми свинцовыми гирями, принадлежавшіе моимъ родителямъ. По этимъ часамъ жили мои родители, жилъ и я, когда былъ ребенкомъ. Можетъ быть, они шли и не совсѣмъ вѣрно, но всетаки шли, а мы смотрѣли на стрѣлку и вѣрили ей, не заботясь о колесахъ внутри. Такъ-то вотъ обстояло тогда дѣло и съ государственнымъ механизмомъ: люди спокойно вѣрили тому, что показывали стрѣлки. Теперь же государственный механизмъ сталъ часами изъ стекла; все устройство ихъ на виду; видишь, какъ вертятся и жужжатъ колеса, боишься за каждый зубчикъ, за каждое колесико, сомнѣваешься, вѣрно-ли бьютъ часы, ну, и прежняго дѣтскаго довѣрія уже нѣтъ! Вотъ слабость нашего времени!

И прадѣдушка кончалъ тѣмъ, что начиналъ горячиться. Они съ Фредерикомъ никакъ не могли столковаться, но и разлучить ихъ было трудно, „какъ прошлое съ настоящимъ". Это поняли они оба и вся семья, когда Фредерику пришлось отправиться по дѣламъ фирмы въ далекій путь, въ Америку. Тяжело было прадѣдушкѣ перенести такую разлуку,—далеко, вѣдь, отправлялся Фредерикъ, за море, въ другую часть свѣта!

— Каждыя двѣ недѣли ты будешь получать отъ меня по письму!—сказалъ Фредерикъ.—А еще быстрѣе всякаго письма прилетитъ къ вамъ отъ меня вѣсточка по телеграфной проволокѣ. Вмѣсто дней понадобятся часы, вмѣсто часовъ - минуты!

Первый привѣтъ пришелъ отъ Фредерика изъ Англіи; онъ послалъ его, садясь на корабль, отплывавшій въ Америку. А затѣмъ быстрѣе всякаго письма—хоть бы его взялись доставить сами несущіяся облака—пришелъ привѣтъ изъ Америки, гдѣ Фредерикъ высадился всего нѣсколько часовъ тому назадъ!

— Наше время озарила поистинѣ божественная мысль!—сказалъ тогда прадѣдушка.—Телеграфъ—благодѣяніе для человѣчества!

— И Фредерикъ говорилъ мнѣ, что первое открытіе этихъ силъ сдѣлано у насъ на родинѣ!—сказалъ я.

— Да!—отвѣтилъ прадѣдушка и поцѣловалъ меня.—Да, и я самъ глядѣлъ въ тѣ ласковыя очи, которыя первыя проникли въ тайны этой новой силы природы! Въ нихъ свѣтилась такая же дѣтская душа, какъ въ твоихъ! Довелось мнѣ и пожать ему руку!

Тутъ прадѣдушка опять поцѣловалъ меня.

Прошло болѣе мѣсяца, и вотъ мы получили отъ Фредерика письмо, извѣщавшее о его помолвкѣ съ молодою прелестною дѣвушкой, которую, конечно, полюбитъ вся семья. Въ письмо была вложена ея фотографическая карточка, и мы разсматривали ее на всѣ лады —и простыми глазами, и сквозь увеличительное стекло. То-то, вѣдь, и хорошо въ этихъ фотографическихъ снимкахъ, что ихъ можно разсматривать сквозь самыя сильныя увеличительныя стекла, и сходство выступаетъ только еще сильнѣе! А этого ни могли добиться художники-портретисты, даже самые величайшіе изъ старинныхъ мастеровъ!

— Обладай этимъ изобрѣтеніемъ старое время, мы могли бы теперь видѣть передъ собою лицомъ къ лицу всѣхъ великихъ людей и благодѣтелей человѣчества! — сказалъ прадѣдушка. — Какъ, однако, эта дѣвочка мила и добра на видъ! —И онъ опять впился глазами въ карточку, лежащую подъ увеличительнымъ стекломъ. —Теперь я узнаю ее, какъ только она ступитъ на порогъ!

Но этого могло и не случиться никогда! Чуть-чуть было такъ и не вышло! Къ счастью, мы узнали объ опасности только, когда она уже миновала.

Молодые новобрачные счастливо и весело достигли Англіи, а оттуда отправились на пароходѣ въ Копенгагенъ. Они уже видѣли датскій берегъ и бѣлыя песчаныя дюны западной Ютландіи, какъ вдругъ поднялась буря, пароходъ налетѣлъ на рифъ и сѣлъ. Волны вздымались горами и грозили разбить его; нельзя было даже спустить спасательныхъ лодокъ. Настала ночь, но вотъ, ночной мракъ прорѣзала яркая ракета, пущенная на погибающій пароходъ съ берега. Ракета перебросила на пароходъ канатъ, и между судномъ и берегомъ установилось сообщеніе. Скоро надъ темными бурными волнами заскользила по канату спасательная корзина съ красивою молодою женщиной. Она была высажена на твердую землю, спасена! И какъ же была она счастлива, когда возлѣ нея очутился и молодой ея мужъ! Всѣ пассажиры и команда парохода были спасены такимъ же способомъ еще до разсвѣта.

А мы-то сладко спали у себя въ Копенгагенѣ, не думая ни о какой опасности, и только, когда мы всѣ сидѣли за утреннимъ кофе, до насъ дошла полученная въ городѣ по телеграфу вѣсть о гибели англійскаго корабля у западнаго берега. Сердце у насъ

такъ и упало. Но въ ту же минуту подоспѣла и телеграмма отъ дорогихъ нашихъ молодыхъ: они спаслись и скоро должны были быть у насъ!

Всѣ плакали; плакалъ и я, и прадѣдушка. Потомъ онъ набожно сложилъ руки и—я увѣренъ—благословилъ новое время.

Въ тотъ же день онъ пожертвовалъ двѣсти риксдаллеровъ на памятникъ Гансу-Христіану Эрстеду*).

Когда вернулся со своею молодою женою Фредерикъ и услыхалъ объ этомъ, онъ сказалъ:

— Вотъ это дѣло, прадѣдушка! Теперь я кстати прочту тебѣ, что писалъ много лѣтъ тому назадъ о старомъ и новомъ времени самъ Эрстедъ!

— Онъ, конечно, былъ твоего мнѣнія?—спросилъ прадѣдушка.

— Еще бы!—отвѣтилъ Фредерикъ.—Да и ты теперь того же мнѣнія,—иначе бы ты не внесъ своей лепты на памятникъ ему!

СВѢЧИ.

Жила-была большая восковая свѣча; она-то ужъ знала себѣ цѣну.

— Я изъ воска и отлита въ формѣ!—говорила она.—Я горю ярче и дольше другихъ свѣчъ; мѣсто мое въ люстрѣ или въ серебряномъ подсвѣчникѣ!

— То-то, должно быть, счастливая жизнь!—сказала сальная свѣчка.—А я-то только изъ сала: фитиль мой макали въ сало, и вотъ, вышла я! Но все же я утѣшаюсь тѣмъ, что я настоящая толстая свѣчка, а не какая-нибудь захудалая! Бываютъ, вѣдь, и такія свѣчки, которыя обмакиваются только два раза, меня же макали въ сало цѣлыхъ восемь разъ, пока я, наконецъ, растолстѣла, какъ слѣдуетъ. Я довольна! Конечно, лучше, аристократичнѣе родиться восковою свѣчкой, а не сальною, но, вѣдь, не сами же мы выбираемъ себѣ положеніе въ свѣтѣ! Восковыя свѣчи попадутъ въ залъ, въ хрустальную люстру, я останусь въ кухнѣ, но и это не дурное мѣсто,—кухня кормитъ весь домъ!

— Но есть кое-что и поважнѣе ѣды!—сказала восковая свѣ-

*) См. примѣч. т. I, стр. 387.

ча.—Хорошее общество! Быть свидѣтельницею всего этого блеска, блестѣть самой!.. Сегодня вечеромъ въ домѣ балъ, скоро меня и всю нашу семью возьмутъ отсюда!

Только что она проговорила это, всѣ восковыя свѣчи были взяты, но вмѣстѣ съ ними была взята и сальная. Госпожа сама взяла ее своею изящною ручкой и отнесла на кухню. Тутъ стоялъ маленькій мальчикъ съ корзиною, полною картофеля. Туда же пошли и нѣсколько яблокъ. Все это дала бѣдняжкѣ добрая барыня.

— А вотъ тебѣ еще свѣчку!—прибавила она.—Мать твоя опять будетъ работать ночью,—ей свѣчка пригодится!

Маленькая дочка барыни стояла тутъ же и, услыхавъ слово „ночью", радостно воскликнула:

— Я тоже не буду спать сегодня ночью! У насъ балъ, и на меня надѣнутъ платьице съ красными бантиками!

Какою радостью сіяли ея глазки! Гдѣ было восковой свѣчкѣ сравниться блескомъ съ этою парой дѣтскихъ глазокъ!

— Просто прелесть!—подумала сальная свѣчка.—Я никогда не забуду этихъ глазокъ! Да мнѣ и увидѣть-то ихъ, пожалуй, больше не придется!

Тутъ ее уложили въ корзину, прикрыли крышкою, и мальчикъ унесъ корзинку домой.

„Куда-то я теперь попаду!" думала свѣчка. „Къ бѣднымъ людямъ; тамъ, пожалуй, не найдется для меня и мѣднаго подсвѣчника, а восковая-то свѣчка будетъ себѣ сидѣть въ серебрѣ, любоваться знатнымъ обществомъ! То-то должно быть пріятно освѣщать избранное общество! А вотъ меня судьба создала сальною, а не восковою свѣчкою!"

И свѣчка попала къ бѣднымъ людямъ, ко вдовѣ съ троими дѣтьми, въ низенькую коморку, что приходилась какъ-разъ напротивъ богатаго дома.

— Богъ награди добрую барыню за все это! сказала мать.—Вотъ-то чудесная свѣчка! Она прогоритъ за полночь.

И свѣчку зажгли.

— Апчхи-чхи!—зачихала она.—Фу, какъ эти спички воняютъ сѣрою!—Небось, такихъ не поднесутъ въ богатомъ домѣ восковой свѣчкѣ!

А тамъ тоже зажгли свѣчи, и изъ оконъ полился яркій свѣтъ на улицу. Къ дому то и дѣло подъѣзжали кареты съ разряженными гостями. Заиграла музыка.

„Вотъ ужъ началось тамъ!“ подумала сальная свѣчка и вспомнила личико маленькой дѣвочки, сіявшее ярче всѣхъ восковыхъ свѣчекъ въ мірѣ. „Никогда я не забуду его!“

Въ эту минуту къ столу подошла самая младшая дѣвочка въ семьѣ и одною ручонкой обвила за шейку брата, другою сестренку: ей надо было сообщить имъ что-то очень важное, чего нельзя и сказать иначе, какъ на ушко!

— Вечеромъ—подумайте!—у насъ будетъ горячая картошка!

И глазки ея такъ и сіяли отъ восторга. Свѣчка свѣтила ей прямо въ лицо и видѣла на немъ такую же радость, такое же счастье, какими свѣтилось личико богатой дѣвочки, мечтавшей о красныхъ бантикахъ!

„Развѣ горячая картошка такая же прелесть, какъ красные бантики?“ подумала свѣчка. „Малютки-то, вѣдь, одинаково радуются!“ И она чихнула, то-есть затрещала; сальныя свѣчки иначе не умѣютъ чихать.

Столъ накрыли и принялись за картошку. Какая она была вкусная! Чудо! Это былъ цѣлый пиръ, а на закуску каждому досталось по яблоку! Послѣ трапезы, самая младшая дѣвочка проговорила коротенькій стишокъ:

„Благодарю я, Боженька, тебя,
За то, что снова накормилъ меня!
Аминь!“

— Хорошо я прочитала, мама?—спросила она затѣмъ.

— Объ этомъ не надо спрашивать!—отвѣтила мать.—Ты должна думать не о себѣ, а только о Боженькѣ, Который накормилъ тебя!

Дѣтишки улеглись спать, мать перецѣловала ихъ, и они сейчасъ же заснули, сама же мать сѣла за шитье и сидѣла далеко за полночь, чтобы заработать себѣ и дѣтямъ на пропитаніе. А тамъ, въ богатыхъ покояхъ, сіяли свѣчи, гремѣла музыка. Звѣзды же блестѣли на небѣ одинаково ярко и привѣтливо и для богатыхъ, и для бѣдныхъ.

„А, вѣдь, въ сущности, я провела славный вечеръ!“ подумала сальная свѣчка. Лучше-ли было восковымъ свѣчамъ въ серебряныхъ подсвѣчникахъ? Вотъ бы узнать это, прежде чѣмъ сгорю!“

И она опять стала вспоминать два одинаково сіяющихъ личика: одно освѣщенное восковою свѣчкой, другое—сальною.

Да, вотъ и все.

САМОЕ НЕВѢРОЯТНОЕ.

Тотъ, кто сдѣлаетъ самое невѣроятное, возьметъ за себя принцессу, а за ней въ приданое полкоролевства!

Какъ только объявили это, всѣ молодые люди, да и старики за ними, принялись ломать себѣ головы, напрягать мозги, жилы и мускулы. Двое объѣлись, двое опились до смерти—въ надеждѣ совершить самое невѣроятное на свой ладъ, да не такъ взялись за дѣло! Уличные мальчишки вылѣзали изъ кожи, чтобы плюнуть самимъ себѣ въ спину,—невѣроятнѣе этого они ничего и представить себѣ не могли.

Назначенъ былъ день для представленія на судъ всего того, что каждый считалъ самымъ невѣроятнымъ. Въ число судей попали люди всѣхъ возрастовъ, отъ трехлѣтнихъ дѣтей до девяностолѣтнихъ старцевъ. Взорамъ судей представилась цѣлая выставка невѣроятныхъ вещей, но скоро всѣ единогласно рѣшили, что самою невѣроятною изъ нихъ были большіе столовые часы удивительнаго и внутренняго и внѣшняго устройства. Каждый разъ, какъ часы били, появлялись живыя картины, показывавшія, который часъ. Такихъ картинъ было двѣнадцать, каждая съ движущимися фигурами, пѣніемъ и разговорами.

— Это самое невѣроятное!--говорили всѣ.

Билъ часъ, и показывался Моисей на горѣ и чертилъ на скрижали первую заповѣдь.

Било два—взорамъ представлялся райскій садъ, жилище Адама и Евы, двухъ счастливцевъ, утопавшихъ въ блаженствѣ, хоть у нихъ и не было ничего—даже шкафа для платья; ну, да они въ немъ и не нуждались!

Въ три часа появлялись трое царей, шедшихъ съ востока на поклоненіе Іисусу; одинъ изъ нихъ былъ черенъ, какъ голенище, но не по своей винѣ,—это солнце такъ наваксило его! Всѣ трое держали въ рукахъ драгоцѣнные дары и благовонныя куренія.

Въ четыре показывались четыре времени года: весна съ только что распустившеюся буковою вѣтвью, на которой сидѣла кукушка; лѣто съ колосомъ спѣлой ржи, къ которому прицѣпился кузнечикъ; осень съ пустымъ гнѣздомъ аиста, означавшимъ, что всѣ птицы улетѣли, и зима со старою вороной-сказочницей, умѣвшею разсказывать въ уголкѣ за печкою старыя преданія.

Часы били пять—выходили пять чувствъ: зрѣніе—въ образѣ оптика, слухъ—мѣдника, обоняніе—продавщицы фіалокъ и ди-

каго ясминника, вкусъ—повара, а осязаніе или чувствительность—распорядителя похоронной процессіи, въ траурной мантіи, спускавшейся до самыхъ пятъ.

Било шесть—выскакивалъ игрокъ, подбрасывалъ кость кверху, она падала и показывала высшее очко—шесть.

Затѣмъ слѣдовали семь дней недѣли или семь смертныхъ грѣховъ; насчетъ этого шла разногласица, да и впрямь трудно было различить ихъ.

Послѣ этого выходилъ хоръ монаховъ—восемь человѣкъ и пѣлъ заутреню.

Съ послѣднимъ ударомъ девяти являлись девять музъ; одна занималась астрономіею, другая служила въ историческомъ архивѣ, а остальныя посвятили себя театру.

Било десять, и опять выступалъ Моисей съ двумя скрижалями, на которыхъ были начертаны всѣ десять заповѣдей.

Било одиннадцать, и выскакивали одиннадцать мальчиковъ и дѣвочекъ и начинали играть въ игру подъ названіемъ „пробилъ одиннадцатый часъ"!

Наконецъ, било двѣнадцать, и являлся ночной сторожъ, въ шлемѣ, съ „утреннею звѣздою" *) въ рукахъ, и пѣлъ старинную пѣсенку ночныхъ сторожей:

„Полночь настала,
Спаситель родился!"

А въ то время, какъ онъ пѣлъ, вокругъ расцвѣтали розы и затѣмъ превращались въ головки ангелочковъ, парящихъ на радужныхъ крылышкахъ.

Было тутъ что послушать, на что посмотрѣть! Вообще часы являлись настоящимъ чудомъ, „самымъ невѣроятнымъ" по общему мнѣнію.

Художникъ, творецъ часовъ, былъ человѣкъ еще молодой, сердечный, съ дѣтски веселою душою, добрый товарищъ и примѣрный сынъ, заботившійся о своихъ бѣдныхъ родителяхъ. Онъ вполнѣ заслуживалъ и руки принцессы и полкоролевства.

День присужденія награды наступилъ; весь городъ убрался по праздничному; сама принцесса сидѣла на тронѣ; подушки его набили новымъ волосомъ, но самъ онъ отъ этого не сталъ ни удобнѣе, ни покойнѣе. Судьи лукаво поглядывали на юношу, ко-

*) См. т. I. стр. 91, 2-ая стр. сн. *Примѣч. перев.*

торый долженъ былъ получить награду, а онъ стоялъ такой веселый, бодрый, увѣренный въ своемъ счастьи,—онъ, вѣдь, сдѣлалъ самое невѣроятное.

— Нѣтъ, это вотъ я сейчасъ сдѣлаю!—закричалъ высокій, мускулистый парень.—Я совершу самое невѣроятное!

И онъ занесъ надъ чудесными часами тяжелый топоръ.

Трахъ!—и все было разбито въ дребезги! Колеса и пружины разлетѣлись по полу, все было разрушено!

— Вотъ вамъ я!—сказалъ силачъ.—Одинъ ударъ, и—я поразилъ и его твореніе, и васъ всѣхъ! Я сдѣлалъ самое невѣроятное!

— Разрушить такое чудо искусства!—толковали судьи.— Да, это самое невѣроятное!

Весь городъ повторилъ то же, и вотъ, принцесса, а съ нею и полкоролевства должны были достаться силачу, — законъ остается закономъ, какъ бы онъ ни былъ невѣроятенъ.

Съ вала, со всѣхъ башенъ города было оповѣщено о свадьбѣ. Сама принцесса вовсе не радовалась такому обороту дѣла, но была чудно хороша въ подвѣнечномъ нарядѣ. Церковь была залита огнями; вѣнчаніе назначено было поздно вечеромъ,—эффектнѣе выходитъ. Знатнѣйшія дѣвушки города съ пѣніемъ повели невѣсту; рыцари тоже съ пѣніемъ окружили жениха, а онъ такъ задиралъ голову, словно и знать не зналъ, что такое споткнуться.

Пѣніе умолкло, настала такая тишина, что слышно было бы паденіе иголки на землю, и вдругъ церковныя двери съ шумомъ и трескомъ растворились, а тамъ... Бумъ! Бумъ!.. Въ двери торжественно вошли чудесные часы и стали между женихомъ и невѣстою. Умершіе люди не могутъ возстать изъ могилы, это мы всѣ хорошо знаемъ, но произведеніе искусства можетъ возродиться, и оно возродилось, — въ дребезги была разбита лишь внѣшность, форма, но идея, одухотворявшая произведеніе, не погибла.

Произведеніе искусства вновь стояло цѣлымъ и невредимымъ, какъ будто рука разрушителя и не касалась его. Часы начали бить, сначала пробили часъ, потомъ два, и т. д. до двѣнадцати, и картина являлась за картиною. Прежде всѣхъ явился Моисей; отъ чела его исходилъ пламень; онъ уронилъ тяжелыя скрижали прямо на ноги жениха и пригвоздилъ его къ мѣсту.

— Поднять ихъ снова я не могу!—сказалъ Моисей.—Ты обрубилъ мнѣ руки. Стой же, гдѣ стоишь!

Затѣмъ явились Адамъ и Ева, восточные цари и четыре времени года; каждое лицо обратилось къ нему со справедливымъ укоромъ:

„Стыдись!“

Но онъ и не думалъ стыдиться.

Остальныя фигуры и группы продолжали выступать изъ часовъ по порядку и выростали въ грозные по величинѣ образы; казалось, что скоро въ церкви не останется мѣста для настоящихъ людей. Когда же, наконецъ, пробило двѣнадцать, и выступилъ ночной сторожъ въ шлемѣ и съ „утреннею звѣздой“, въ церкви произошло смятеніе: сторожъ прямо направился къ жениху и хватилъ его своимъ жезломъ по лбу.

— Лежи!—сказалъ онъ.—Мѣра за мѣру! Теперь и мы отомщены и художникъ! Исчезнемъ!

И произведеніе искусства исчезло, но свѣчи въ церкви превратились въ большія свѣтящіяся цвѣты; золотыя звѣзды, разсыпанныя по потолку, засіяли; органъ заигралъ самъ собою. И всѣ сказали, что вотъ это-то и есть „самое невѣроятное“!

— Такъ не угодно-ли вызвать сюда настоящаго виновника всего этого!—молвила принцесса.—Моимъ мужемъ и господиномъ будетъ художникъ, творецъ чуда!

И онъ явился въ церковь въ сопровожденіи всего народа. Всѣ радовались его счастью, не нашлось ни одного завистника! Да, вотъ это-то и было „самое невѣроятное!“

ЧТО СКАЗАЛА ВСЯ СЕМЬЯ.

Что же сказала вся семья? А вотъ, послушайте сначала, что сказала Маня!

Былъ день рожденія Мани, чудеснѣйшій день въ году, по ея мнѣнію. Къ ней собрались поиграть всѣ ея маленькіе друзья и подруги; одѣта она была въ лучшее свое платьице, которое подарила ей бабушка. Теперь бабушка была уже у Боженьки, но она сама скроила и сшила это платьице, прежде, чѣмъ улетѣла на ясное небо. Столъ въ Маниной комнаткѣ былъ весь заваленъ подарками. Тутъ была и чудеснѣйшая маленькая кухня со всѣми кухонными принадлежностями, и кукла, которая умѣла закрывать глаза и кричать „ай“, если ей давили животикъ, и книжка съ чудными картинками и сказками для чтенія—разу-

мѣется, для тѣхъ, кто уже умѣлъ читать! Но лучше всѣхъ сказокъ была возможность пережить еще много-много такихъ дней рожденія.

— То-то хорошо жить на свѣтѣ!—сказала Маня, и крестный подтвердилъ, что жизнь—чудеснѣйшая изъ сказокъ.

Въ сосѣдней комнатѣ расхаживали двое братишекъ Мани, славные мальчики, одинъ девяти, другой одиннадцати лѣтъ. Они тоже были довольны жизнью, находили, что жить на свѣтѣ чудесно, но жить на ихъ ладъ, быть не такими малютками, какъ Маня, а заправскими школьниками, получать хорошія отмѣтки, всласть драться съ товарищами, кататься на конькахъ зимою и на велосипедѣ лѣтомъ, читать рыцарскіе романы съ описаніями замковъ, рыцарей, темницъ, да слушать объ открытіяхъ во внутренней Африкѣ. Одного изъ мальчиковъ, впрочемъ, сокрушала забота, что къ тому времени, какъ онъ успѣетъ вырости, все уже будетъ открыто; но въ такомъ случаѣ онъ рѣшилъ просто-напросто пуститься по свѣту искать самыхъ что ни на есть сказочныхъ приключеній. Недаромъ же крестный говорилъ, что жизнь—чудеснѣйшая изъ сказокъ!

Такъ вотъ какой разговоръ шелъ въ дѣтской. Въ слѣдующемъ же этажѣ, повыше, проживала другая вѣтвь той же семьи. Здѣсь тоже были дѣти, но эти-то давно стоптали свои дѣтскіе башмаки: одному сыну было семнадцать, другому двадцать, а третій такъ и вовсе былъ старикомъ, по словамъ Мани; ему исполнилось цѣлыхъ двадцать пять, и онъ уже былъ женихомъ. Всѣмъ сыновьямъ удалось хорошо пристроиться, родители у нихъ были добрые, одѣвались они хорошо, были одарены прекрасными способностями и знали, чего хотѣли: „Впередъ! Долой всѣ старые заборы, чтобы видно было на всѣ стороны, чтобы можно было осмотрѣться на бѣломъ свѣтѣ, чудеснѣйшемъ, какой только намъ извѣстенъ! Крестный правъ: „жизнь — чудеснѣйшая изъ сказокъ!“

Отецъ съ матерью, оба люди пожилые,—разумѣется, они должны были быть постарше своихъ дѣтей—говорили съ улыбкой на устахъ, въ глазахъ и въ сердцѣ:

— Какъ они еще юны! Не все-то на свѣтѣ таково, какъ они себѣ воображаютъ, но ничего, жить всетаки можно! Жизнь—въ самомъ дѣлѣ, удивительная, чудесная сказка!

Надъ ними, поближе къ небу, какъ говорится о жилыхъ помѣщеніяхъ подъ самою крышей, проживалъ крестный. Старъ

онъ уже былъ, но въ то же время такъ еще молодъ душою, такъ веселъ! Онъ всегда готовъ былъ разсказывать исторіи—длинныя, интересныя, и не мудрено, что у него ихъ былъ большой запасъ,—онъ-таки погулялъ по бѣлу-свѣту! Въ его комнаткѣ были собраны рѣдкости изо всѣхъ странъ міра, стѣны были увѣшаны картинами, въ окнахъ вставлены разноцвѣтныя желтыя и красныя стекла. Поглядишь черезъ нихъ, и кажется, будто все залито солнцемъ, какая бы ни стояла на дворѣ сырая, пасмурная погода. Въ большомъ стекляномъ ящикѣ росли зеленыя растенія, а внутри его помѣщался сосудъ, въ которомъ плавали золотыя рыбки. Онѣ глядѣли на васъ, точно знали много-много такого, чего не хотѣли сообщать. Въ комнаткѣ разливалось благоуханіе цвѣтовъ даже зимою, когда въ каминѣ ярко пылалъ огонь. Славно было сидѣть тутъ, глядѣть на огонь, да прислушиваться къ трескотнѣ и шипѣнью въ каминѣ!

— Огонь разсказываетъ мнѣ о быломъ!—говорилъ крестный, а Манѣ казалось даже, что огонь рисуетъ ей картинки!

Въ большомъ шкафу, рядомъ съ каминомъ, хранились книги. Одну изъ нихъ крестный читалъ и перечитывалъ особенно часто, называя ее „книгой книгъ“; это была Библія. Въ ней отражался въ яркихъ образахъ весь міръ земной, исторія всего человѣчества, разсказывалось о сотвореніи міра, о грѣхопаденіи людей, о царяхъ, и о „царѣ царей“.

— Въ этой книгѣ говорится обо всемъ, что было и что будетъ! — говорилъ крестный. — Вотъ какъ много содержитъ въ себѣ она одна! Подумай! А все, о чемъ только можетъ просить человѣкъ, вложено въ одну краткую молитву „Отче Нашъ!“ Она — капля Божественнаго милосердія, жемчужина утѣшенія, ниспосланная намъ Богомъ. Она кладется, какъ лучшій даръ, въ колыбельку ребенка, къ его сердцу. Дитя, храни ее, какъ зеницу ока! Не теряй ея никогда, даже когда выростешь, и ты не заблудишься на спутанныхъ тропинкахъ жизни! Она будетъ свѣтить извнутри тебя, и ты не погибнешь!

И при этихъ словахъ глаза крестнаго сіяли радостью. Они плакали всего разъ, въ молодые годы, но „и это было хорошо!“ — говорилъ онъ.—То было время испытанія, весь міръ Божій казался мнѣ пасмурнымъ! Теперь же опять вокругъ меня и во мнѣ самомъ ярко свѣтитъ солнышко. Да, чѣмъ старше становишься, тѣмъ яснѣе видишь, что всюду и по теченію, и противъ

теченія ведетъ насъ самъ Господь, и что жизнь—чудеснѣйшая изъ сказокъ! Такою могъ сдѣлать ее для насъ лишь Онъ одинъ! Онъ же продолжитъ ее для насъ и въ вѣчности!

— То-то хорошо жить на свѣтѣ!—сказала Маня. То же сказали и маленькіе мальчики, и молодые люди, и мать, и отецъ—вся семья. Но прежде всѣхъ сказалъ это крестный, а онъ-то больше всѣхъ былъ умудренъ и опытомъ, и годами! Онъ зналъ всевозможныя исторіи и сказки и всетаки сказалъ, и сказалъ отъ глубины сердца, что *„жизнь—чудеснѣйшая изъ сказокъ!“*

„ПЛЯШИ, КУКОЛКА, ПЛЯШИ!“

— Ну, это пѣсенка для самыхъ маленькихъ ребятишекъ!— увѣряла тетя Маллэ.—Я при всемъ своемъ добромъ желаніи не могу распѣвать ее!

Зато это могла малютка Амалія. Ей было всего три года; она играла со своими куклами, занималась ихъ воспитаніемъ и старалась сдѣлать ихъ такими же умными, какъ тетя Маллэ.

Въ домъ хаживалъ студентъ; онъ давалъ уроки братьямъ Амаліи, но часто и подолгу бесѣдовалъ и съ самою крошкой Амаліей, и съ ея куклами. Малютка находила эти бесѣды такими забавными, но тетя Маллэ утверждала, что студентъ совсѣмъ не умѣетъ обходиться съ маленькими дѣтьми: ихъ маленькимъ головкамъ не переварить его болтовни. А вотъ Амалія всетаки отлично понимала его и даже заучила съ его словъ цѣлую пѣсенку: „Пляши, куколка, пляши!“ и распѣвала ее тремъ своимъ кукламъ; двѣ были новыя: барышня и кавалеръ, а третья старая, и звали ее Лизой. Но и Лиза тоже слушала пѣсенку и принимала участіе въ танцахъ.

„Пляши, куколка, пляши!
Веселись отъ всей души!
Разодѣта ты по модѣ,
Кавалеръ твой въ томъ же родѣ!
Въ бѣломъ галстухѣ, въ сапожкахъ,
И съ мозолями на ножкахъ!
Какъ вы оба хороши!
Пляши, куколка, пляши!

Да и ты не отставай,
Лиза—свѣтъ мой, не зѣвай!
Хоть стара ты и чумаза,
Безъ волосъ стала, безъ глаза,
Паричокъ мы смастерили,
Щечки, носикъ пріумыли—
Вновь ты стала хоть куда!
Такъ поди-жъ и ты сюда!

Пляши, куколка, пляши,
Веселись отъ всей души!
Ручки въ бокъ, вертись живѣе!
Вправо! Влѣво! Ну, бойчѣе!
Коль плясать, такъ ужъ на славу,
На здоровье, на забаву,
Веселиться отъ души!
Пляши, куколка, пляши!"

И куклы понимали пѣсню, крошка Амалія тоже, и студентъ тоже. Онъ, вѣдь, самъ сочинилъ ее и сказалъ, что она очень удалась. Не понимала ее только тетя Маллэ,—она ужъ давно вышла изъ пеленокъ! Но крошка Амалія продолжала распѣвать пѣсенку.

Отъ нея-то мы ее и переняли.

БОЛЬШОЙ МОРСКОЙ ЗМѢЙ.

Жила-была одна маленькая морская рыбка изъ хорошей семьи; имени ея не упомню; это пусть скажутъ тебѣ ученые. Было у рыбки тысяча восемьсотъ сестрицъ-ровестницъ; ни отца, ни матери онѣ не знали, и имъ съ самаго рожденія пришлось промышлять о себѣ самимъ, плавать, какъ знаютъ, а плавать было такъ весело! Воды для питья было вдоволь—цѣлый океанъ, о пищѣ тоже безпокоиться не приходилось—и ея хватало, и вотъ, каждая рыбка жила въ свое удовольствіе, по-своему, не утруждая себя думами.

Солнечные лучи проникали въ воду и ярко освѣщали рыбокъ и цѣлый міръ удивительнѣйшихъ созданій, кишѣвшихъ вокругъ. Нѣкоторыя были чудовищной величины, съ такими

ужасными пастями, что могли бы проглотить всѣхъ тысячу восемьсотъ сестрицъ заразъ, но рыбки объ этомъ и не думали,—ни одной изъ нихъ еще не пришлось быть проглоченной.

Маленькія рыбки плавали всѣ вмѣстѣ стадомъ, тѣсно прижавшись другъ къ другу, какъ сельди и макрели. Но вотъ, однажды, въ то время, какъ онѣ беззаботно плавали себѣ, ни о чемъ не думая, въ самую середину ихъ стада шумно бухнулась сверху и начала погружаться въ воду какая-то тяжелая и такая длинная штука, что ей, казалось, и конца не будетъ! Она тянулась, стремительно шла ко дну, давя и калѣча на пути попадавшихся рыбокъ. И всѣ рыбы—и маленькія, и большія, и тѣ, что держались на поверхности, и тѣ, что гуляли въ глубинѣ, въ ужасѣ улепетывали въ разныя стороны. Страшная тяжелая штука между тѣмъ погружалась все глубже и глубже, вытягивалась все больше и больше и, наконецъ, протянулась на много-много миль по дну морскому, черезъ все море.

Рыбы и слизняки, все, что плаваетъ, ползаетъ или носится по теченію, всѣ видѣли эту чудовищную штуку, этого невозможнаго, невиданнаго морского угря, который такъ неожиданно свалился къ нимъ въ море.

Что же это была за штука? Да, мы-то знаемъ! Это былъ огромный, въ нѣсколько миль длиною, морской телеграфный кабель, который проложили люди между Европой и Америкой.

То-то смятеніе, то-то переполохъ поднялись между законными обитателями моря! Летучія рыбы подпрыгивали на воздухъ такъ высоко, какъ только могли, а керцы*) выскакивали изъ воды на цѣлый ружейный выстрѣлъ,—такіе ужъ прыгуны! Другія же рыбы искали убѣжища на днѣ, да такъ стремительно, что далеко опередили телеграфный кабель и успѣли напугать и треску, и камбалъ, которыя такъ мирно разгуливали въ глубинѣ, поѣдая своихъ ближнихъ.

Нѣсколько колбасообразныхъ голотурій такъ перетрусили, что выплюнули весь свой желудокъ, и всетаки остались въ живыхъ,—имъ это ни почемъ. А сколько повышло изъ себя отъ перепуга омаровъ и крабовъ! Да еще какъ! Такъ, что подъ броней остались однѣ ножки!

Во время всего этого переполоха тысяча восемьсотъ сестрицъ-рыбокъ разсѣялись въ разныя стороны и больше ужъ не

*) См. примѣч. т. II, стр. 135.

встрѣчались, а, можетъ быть, и встрѣчались, да не узнавали другъ друга. Съ десятокъ сестрицъ удержались, впрочемъ, вмѣстѣ, и когда первый страхъ прошелъ, вышли изъ оцѣпененія, въ которомъ пробыли нѣсколько часовъ, и принялись любопытно озираться вокругъ.

Поглядѣли онѣ по сторонамъ, поглядѣли вверхъ, поглядѣли внизъ, и имъ показалось, что онѣ видятъ въ глубинѣ ту ужасную штуку, которая такъ напугала всѣхъ и большихъ, и малыхъ. Она была очень тонка на видъ, но, вѣдь, почемъ знать, насколько она можетъ раздуться, или насколько вообще сильна! Она лежала на днѣ смирнехонько, но онѣ подозрѣвали, что это она только такъ, лукавитъ.

— Пусть ее лежитъ, гдѣ лежитъ! Намъ до нея дѣла нѣтъ!— сказала самая осторожная изъ рыбокъ, но самая маленькая не хотѣла отказаться разузнать, что это была собственно за штука. Явилась она сверху; на верху, значитъ, надо и начать развѣдки, и вотъ, рыбки поднялись на поверхность. Стоялъ штиль; море лежало какъ зеркало.

Тамъ они встрѣтили дельфина. Это такой гуляка, вертопрахъ, знай себѣ кувыркается на морской поверхности, но глаза-то у него есть,—навѣрное ужъ онъ видѣлъ ту штуку и зналъ о ней что-нибудь! Рыбки приступили къ нему съ вопросами, но онъ былъ занятъ только самимъ собою и своими прыжками, ничего не видалъ, ни о чемъ не зналъ и гордо помалчивалъ.

Тогда рыбки обратились къ тюленю, который только что погрузился въ воду. Этотъ оказался вѣжливѣе, нужды нѣтъ, что онъ ѣстъ маленькихъ рыбокъ; сегодня, впрочемъ, онъ былъ сытъ. Онъ зналъ немножко побольше прыгуна-дельфина.

— Я много ночей провелъ, лежа на мокромъ камнѣ и поглядывая на землю. Прелукавыя созданія эти „люди“, какъ они сами себя называютъ! Они всячески стараются истребить насъ, но чаще всего мы ускользаемъ изъ ихъ рукъ. Мнѣ это удавалось, удалось вотъ и тому морскому угрю, о которомъ вы спрашиваете. Онъ попался имъ въ лапы, вѣроятно, еще въ незапамятныя времена и съ тѣхъ поръ оставался на землѣ. Но вотъ они вздумали перевезти его на суднѣ въ другую, еще болѣе отдаленную землю. Я видѣлъ, какъ они старались и тужились и наконецъ таки одолѣли его,—конечно, онъ успѣлъ ослабѣть тамъ, на сушѣ! И вотъ, они согнули его въ кольцо; я

слышалъ, какъ онъ хрустѣлъ и трещалъ, когда они укладывали его, но потомъ ему всетаки удалось ускользнуть отъ нихъ сюда! Они держали его изо всѣхъ силъ, вцѣпились въ него сотнями рукъ, а онъ всетаки удралъ отъ нихъ на самое дно и теперь лежитъ тамъ пока что!

— Онъ что-то тонокъ!—сказали рыбы.

— Они заморили его голодомъ!—отвѣтилъ тюлень.—Но погодите, онъ скоро оправится, опять войдетъ въ тѣло! Я полагаю, что это-то и есть тотъ большой морской змѣй, о которомъ люди такъ много толкуютъ и котораго такъ боятся. Раньше я никогда его не видывалъ и даже не вѣрилъ въ него, но теперь вѣрю. Это онъ и есть!

И тюлень нырнулъ вглубь.

— Какъ много онъ знаетъ! Какъ много онъ насказалъ!—затараторили рыбки.—Я сроду не знавала столько! Только бы онъ не навралъ намъ?

— Мы можемъ спуститься на дно и удостовѣриться!—сказала самая маленькая.—По дорогѣ же узнаемъ, что говорятъ другіе!

— Ну, нѣтъ, мы не шевельнемъ плавникомъ, чтобы разузнавать еще!—сказали остальныя рыбки и отстали.

— А я такъ добьюсь своего!—сказала самая маленькая и устремилась на дно. Но она оказалась далеко отъ того мѣста, гдѣ лежала „длинная штука“. Рыбка принялась искать ее, шныряя во всѣ стороны.

Никогда еще не думала она, что міръ ихъ такъ великъ. Сельди гуляли огромными стаями, блистая чешуей, словно исполинскія лодки изъ серебра; макрели ходили такими же стаями и сіяли еще ярче. Повсюду гуляли рыбы всѣхъ родовъ и видовъ, всевозможныхъ оттѣнковъ. Медузы, точно полупрозрачные цвѣты, неслись по теченію; со дна подымались большія растенія, трава въ сажень вышиной и пальмообразныя деревья; на каждомъ листкѣ красовались блестящія раковинки.

Наконецъ, рыбка увидала на днѣ какую-то длинную, темную черту и устремилась къ ней, но оказалось, что это не рыба и не кабель, а бортъ затонувшаго корабля; верхняя и нижняя палубы его были снесены волнами. Рыбка вплыла въ каюту; теченіе унесло оттуда всѣхъ утонувшихъ вмѣстѣ съ кораблемъ людей, исключая двухъ: молодой женщины и ребенка, котораго она держала въ объятіяхъ. Волны слегка приподымали ихъ,

словно баюкая; и мать, и ребенокъ казались спящими. Рыбка совсѣмъ перепугалась: она, вѣдь, не знала, что они не могутъ больше проснуться. Водяныя растенія обвивали бортъ корабля и сплелись бесѣдкой надъ прекрасными трупами матери и ребенка. Какъ тутъ было тихо, пустынно! Рыбка поспѣшила поскорѣе убраться отсюда, туда, гдѣ вода была освѣщена ярче, и гдѣ попадались живыя рыбы. Немного спустя, рыбка встрѣтила молодого кита, огромнаго-преогромнаго.

— Не ѣшь меня!—взмолилась рыбка.—Я такая маленькая, меня и на глотокъ-то не хватитъ, а мнѣ такъ хочется жить!

— А что тебѣ понадобилось тутъ, въ глубинѣ? Тутъ ваша сестра не водится!—сказалъ китъ.

И рыбка разсказала ему о длинномъ диковинномъ угрѣ, или чѣмъ тамъ была эта штука, которая погрузилась сверху и напугала даже самыхъ храбрыхъ обитателей моря.

— Ого!—сказалъ китъ, и такъ потянулъ въ себя воду, что можно было представить себѣ, какой онъ пуститъ фонтанъ, когда опять вынырнетъ на поверхность!—Ого!—продолжалъ китъ.— Такъ это та штука, что пощекотала меня по спинѣ, когда я повернулся на другой бокъ! А я то думалъ, что это корабельная мачта и радовался было, что нашелъ себѣ хорошую чесалку! Но случилось это не тутъ! Нѣтъ, штука та лежитъ подальше! Что-жъ, надо отъ нечего дѣлать разслѣдовать, въ чемъ дѣло!

И онъ поплылъ впередъ, а маленькая рыбка за нимъ—на почтительномъ разстояніи,—онъ оставлялъ за собою такой бурный, пѣнящійся слѣдъ.

На пути они встрѣтили акулу и старую мечъ-рыбу. Тѣ тоже слышали о диковинномъ тонкомъ и длинномъ угрѣ, но еще не видѣли его и непремѣнно хотѣли.

Потомъ явился морской котъ.

— И я съ вами!—сказалъ онъ.—И если этотъ большой морской змѣй не толще якорной цѣпи, я разомъ перекушу его пополамъ!—Тутъ онъ открылъ свою пасть и показалъ шесть рядовъ зубовъ.—Я могу оставить ими мѣтку на корабельномъ якорѣ, такъ ужъ этакій-то стебелекъ и подавно перекушу!

— Вотъ онъ!—сказалъ китъ.—Я вижу его!—Онъ воображалъ, что видитъ лучше другихъ.—Глядите, какъ онъ подымается, извивается, корчится!

Но это былъ вовсе не морской змѣй, а огромнѣйшій морской угорь, въ нѣсколько саженъ длиною.

— Ну этого-то я и раньше видала!—заявила мечъ-рыба.— Не ему надѣлать такого переполоха въ морѣ и перепугать большихъ рыбъ!

И всѣ разсказали угрю о новомъ угрѣ и спросили, не отправится-ли и онъ вмѣстѣ съ ними на развѣдки.

— Коли тотъ угорь длиннѣе меня, такъ надо ему шею свернуть!—сказалъ угорь.

— Да, да!—подхватили другіе.—Насъ довольно, чтобы не спустить ему!

И они двинулись впередъ.

Но вотъ что-то загородило имъ дорогу, что-то чудовищное, превосходящее своею величиною всѣхъ ихъ вмѣстѣ! Чудовище походило на плавучій островъ, который не могъ удержаться на поверхности.

Это былъ старый-престарый китъ. Голова его вся поросла водяными растеніями, а черная спина была усажена разными гадами и такой массою устрицъ и ракушекъ, что казалась вся въ бѣлыхъ пятнахъ.

— Пойдемъ съ нами, старина!—сказали они ему.—Тутъ появилась новая рыба, которая не можетъ быть терпима!

— Нѣтъ, я лучше останусь на мѣстѣ! — сказалъ старый китъ.—Оставьте меня въ покоѣ! О-хо-хо! Я совсѣмъ разболѣлся! Только и облегченія, что всплыть на поверхность, да выставить изъ воды спину! Тогда прилетаютъ добрыя, большія морскія птицы и ковыряютъ мнѣ спину. Славно! Если только онѣ не запускаютъ клювовъ слишкомъ глубоко въ жиръ, а это часто бываетъ. Вотъ глядите! Я такъ и таскаю на спинѣ цѣлый птичій остовъ! Птица запустила когти слишкомъ глубоко и не могла высвободиться, когда я нырнулъ вглубь. Теперь рыбки пообчистили ее. Полюбуйтесь-ка на нее да и на меня! Охъ, я совсѣмъ расхворался!

— Ну, это одно воображеніе!—сказалъ молодой китъ.— Я никогда не хвораю! Ни одна рыба не хвораетъ!

— Извините!—сказалъ старый китъ.—У угря болитъ кожа, у карповъ бываетъ оспа, и у всѣхъ у насъ глисты!

— Чепуха!—сказала акула.

Ей не хотѣлось больше слушать, да и остальнымъ тоже,— у нихъ было другое дѣло.

Наконецъ, они добрались до мѣста, гдѣ лежалъ телеграфный кабель. Онъ тянулся черезъ весь океанъ отъ Европы до

самой Америки, по песчанымъ мелямъ, по морскому илу, скалистому грунту, сквозь чащу водяныхъ растеній, черезъ цѣлые лѣса coралловъ. Тутъ, въ глубинѣ, теченія встрѣчаются, образовываются водовороты, кишатъ несмѣтными стаями рыбы; ихъ тутъ больше, чѣмъ птицъ въ поднебесьи во время перелета. Движеніе, плескъ, гулъ, шумъ... Отголосокъ этого шума слышится еще внутри большихъ пустыхъ раковинъ, если приложить ихъ къ уху.

— Вонъ онъ лежитъ!—сказали большія рыбы, а за ними и маленькая, которая первая пустилась на развѣдки. Онѣ увидали кабель, начало и конецъ котораго терялись изъ вида.

Губки, полипы и горгоны колыхались на днѣ, опускались и наклонялись надъ кабелемъ, такъ что онъ то совсѣмъ скрывался подъ ними, то опять показывался. Морскіе ежи, слизняки и червяки тоже копошились около него; исполинскіе пауки, носившіе на себѣ цѣлые поселки паразитовъ, шагали вдоль по кабелю. Темно-голубыя морскія колбасы, или какъ тамъ зовутъ тѣхъ гадовъ, что ѣдятъ всѣмъ своимъ тѣломъ, лежали смирно и словно принюхивались къ новому созданію, лежавшему на днѣ моря. Камбала и треска перевертывались въ водѣ съ боку на бокъ, чтобы слышать на всѣ стороны. Морскія звѣзды, которыя вѣчно зарываются въ илъ, выставляя наружу только два длинныхъ хоботка съ глазами, лежали и таращили глаза въ ожиданіи, что́ выйдетъ изъ всей этой кутерьмы.

Кабель лежалъ недвижимо, но внутри его кипѣла жизнь, работали мысли,—онъ, вѣдь, былъ проводникомъ человѣческихъ мыслей!

— Хитритъ онъ!—сказалъ китъ.—Пожалуй, возьметъ, да и хлестнетъ меня въ животъ, а это мое самое больное мѣсто!

— Надо пощупать его!—сказалъ полипъ.—У меня длинныя руки, гибкіе пальцы! Я уже трогалъ его слегка, а теперь возьмусь покрѣпче!—И онъ протянулъ свои гибкія длиннѣйшія руки къ кабелю и обвилъ его.

— Чешуи на немъ нѣтъ!—заявилъ полипъ.—И кожи нѣтъ! Онъ врядъ-ли рождаетъ живыхъ дѣтенышей!

Морской угорь растянулся рядомъ съ кабелемъ и вытянулся какъ только могъ.

— Нѣтъ, эта штука длиннѣе меня!—сказалъ онъ.—Ну, да не въ одной длинѣ дѣло, надо тоже имѣть и кожу, и желудокъ, и гибкость!

Молодой силачъ-китъ погрузился чуть не на самое дно; такъ глубоко онъ еще никогда не погружался.

— Рыба ты или растеніе?—спросилъ онъ.—Или ты просто человѣческая выдумка? Тогда тебѣ не поздоровится!

Телеграфный кабель безмолвствовалъ: онъ хоть и разговариваетъ, да не такъ; онъ передаетъ человѣческія мысли, которыя пробѣгаютъ въ одну секунду сотни миль.

— Или отвѣчай, или мы загрыземъ тебя!—крикнула свирѣпая акула, за нею повторили то же и остальныя:

— Или отвѣчай или мы загрыземъ тебя!

Но кабель не двигался, онъ думалъ свое. И какъ ему было не думать, если онъ былъ полонъ мыслями! Онъ думалъ: „Грызите себѣ на здоровье! Испортите—меня вытащатъ, да исправятъ! Случалось это съ нашимъ братомъ, хоть и не въ такихъ большихъ моряхъ!“

Вотъ почему онъ и не отвѣчалъ. Къ тому же онъ былъ занятъ другимъ—телеграфировалъ; онъ, вѣдь, лежалъ здѣсь на днѣ по служебной обязанности.

А надъ моремъ „заходило солнышко“, какъ выражаются люди; оно горѣло, какъ жаръ, и облака на небѣ тоже горѣли, какъ жаръ, одно великолѣпнѣе другого.

— Теперь насъ освѣтитъ краснымъ огнемъ!—сказали полипы.—Тогда, пожалуй, и эту штуку будетъ виднѣе, если это вообще нужно.

— Ату его! Ату его!—закричалъ морской котъ, оскаливая зубы.

— Ату его! Ату его!—закричали мечъ-рыба, китъ и морской угорь.

Всѣ бросились впередъ, морской котъ впереди всѣхъ, но только что онъ хотѣлъ укусить кабель, какъ мечъ-рыба сгоряча угодила ему своимъ мечомъ прямо въ задъ! Это была большая ошибка, и морской котъ такъ и не укусилъ кабеля,—ослабѣлъ!

Пошла кутерьма: большія и малыя рыбы, морскія колбасы и слизняки сталкивались, тискались, давили, мяли и пожирали другъ друга. А кабель лежалъ себѣ смирнехонько и дѣлалъ свое дѣло. Такъ оно и слѣдуетъ.

Надъ моремъ спустилась ночная тьма, но въ морѣ засвѣтились миріады живыхъ маленькихъ созданьицъ. Свѣтились даже раки величиной меньше булавочной головки! Диковинно, но это такъ!

Обитатели моря смотрѣли на кабель.—Что же это за штука? Да, вотъ былъ вопросъ!

Тутъ явилась старая морская корова; люди зовутъ ее „мор-

скою дѣвой“ или „водянымъ“. Это была особа женскаго пола, съ хвостомъ, двумя короткими лапами для гребли и висячими грудями; голова ея была покрыта водорослями и паразитами, чѣмъ она очень гордилась.

— Хотите вы знать, въ чемъ дѣло?—сказала она.—Я одна могу дать вамъ объясненіе. Но я требую за это свободнаго пастбища на днѣ морскомъ для меня и всѣхъ моихъ. Я такая же рыба, какъ и вы, а благодаря упражненію стала и ползучимъ животнымъ. Я умнѣе всѣхъ въ морѣ, я имѣю свѣдѣнія обо всемъ, что двигается внизу и наверху. Штука эта, надъ которой вы ломаете себѣ головы, явилась сверху, а все, что является оттуда—мертво или сейчасъ же умираетъ, становится безсильнымъ. Такъ пусть она себѣ лежитъ! Это человѣческая выдумка и больше ничего!

— Ну, а по-моему она значитъ кое-что побольше!—возразила маленькая рыбка.

— Молчать, макрель!—сказала морская корова.

— Ахъ, ты, колюшка!—сказали другія, и это вышло еще обиднѣе.

И морская корова объяснила имъ, что вся эта громкая штука, которая въ сущности-то и не пискнула даже, только выдумка людская. Затѣмъ она прочла небольшую лекцію о коварствѣ и злобѣ людей.

— Имъ хочется изловить насъ всѣхъ! Они только для того и живутъ! Закидываютъ сѣти, крючки съ приманкой—все, чтобы подманить насъ. И эта штука тоже нѣчто вродѣ большой удочки,—они думаютъ, что мы всѣ такъ сразу и вцѣпимся въ нее зубами! Глупые! А мы-то не глупы! Только не троньте этой дряни, она изветшаетъ сама, станетъ трухой, тиной! Все, что является оттуда, сверху—гниль, дрянь, никуда не годится!

— Никуда не годится!—подхватили всѣ остальныя, присоединяясь къ мнѣнію морской коровы,—надо же имѣть хоть какое-нибудь!

Но маленькая рыбка осталась при особомъ мнѣніи. „А, можетъ статься, этотъ огромный, тонкій змѣй--диковиннѣйшая морская рыба? Сдается мнѣ, что такъ!“

„Да, это нѣчто диковиннѣйшее!“ скажемъ вмѣстѣ съ нею и мы, и скажемъ сознательно и увѣренно.

Это-то и есть тотъ большой морской змѣй, о которомъ изстари твердили намъ пѣсни и преданія.

Онъ порожденіе человѣческаго ума. Люди спустили его на дно морское, и онъ тянется тамъ отъ восточной страны до западной, передавая вѣсти съ такою же быстротою, съ какою доходитъ до земли лучъ солнца.

И змѣй этотъ все растетъ въ длину, становится все сильнѣе годъ отъ году, проходитъ по всѣмъ морямъ, окружаетъ кольцомъ всю землю, прячась то въ бурныхъ, то въ тихихъ и такихъ прозрачныхъ волнахъ, что шкиперъ видитъ въ нихъ—словно плыветъ въ прозрачномъ воздухѣ—миріады рыбъ и цѣлый фейерверкъ красокъ.

Глубоко-глубоко подъ водою, на самомъ днѣ, покоится этотъ змѣй, благодатный змѣй Мидгордъ *), окружающій кольцомъ всю землю и кусающій свой собственный хвостъ. О него съ разлету стукаются лбами рыбы и гады, и всетаки не понимаютъ значенія этой штуки, не понимаютъ, что это—полный человѣческихъ мыслей, говорящій на всѣхъ языкахъ и въ то же время нѣмой хранитель тайнъ, чудо изъ морскихъ чудесъ, *современный большой морской змѣй*.

САДОВНИКЪ И ГОСПОДА.

Въ одной милѣ отъ столицы лежало старинное барское помѣстье; въ помѣстьи былъ замокъ со множествомъ башенъ, окруженный толстыми стѣнами.

Въ замкѣ жили—конечно, только въ лѣтнее время—богатые, знатные господа. Это помѣстье было лучшимъ, богатѣйшимъ изъ всѣхъ ихъ имѣній; замокъ смотрѣлъ отстроеннымъ заново, внутри все было устроено съ такимъ комфортомъ и удобствомъ. Надъ воротами красовался высѣченный изъ камня родовой гербъ господъ; и гербъ, и весь верхній выступъ воротъ были обвиты розами. Передъ самымъ замкомъ разстилался зеленый коверъ—лужайка, покрытая дерномъ; въ саду росъ и красный, и бѣлый тернъ, и разныя рѣдкія цвѣты—прямо на вольномъ воздухѣ, кромѣ тѣхъ, что росли въ теплицѣ.

Недаромъ же господа держали дѣльнаго садовника! Любо было посмотрѣть на цвѣтникъ, на фруктовый садъ и на огородъ. Но къ нимъ примыкалъ еще остатокъ стараго сада—площадка,

*) По сѣв. миѳологіи—гигантскій змѣй, окружающій кольцомъ всю землю и при Рагнарокѣ способствующій истребленію боговъ. *Примѣч. перев.*

обсаженная кустами буксбаума, подстриженными въ видѣ коронъ и пирамидъ, и на ней два могучихъ старыхъ дерева, почти всегда оголенныхъ, безъ единаго листочка, и словно осыпанныхъ во время какого-нибудь урагана большими комками навоза. На самомъ же дѣлѣ эти комки были птичьими гнѣздами.

На деревьяхъ гнѣздилась съ незапамятныхъ временъ масса крикливыхъ грачей и воронъ. Тутъ былъ настоящій птичій городокъ; птицы являлись здѣсь владѣтельными господами; и то сказать, онѣ были, вѣдь, старѣйшими обитателями усадьбы, а слѣдовательно, и настоящими господами здѣсь! Имъ мало было дѣла до людей, которые копошились тамъ внизу,—онѣ, такъ сказать, только терпѣли этихъ низменныхъ созданій, хотя тѣ порою и палили въ нихъ изъ ружей, такъ что у нихъ дрожь пробѣгала по спинѣ, и онѣ въ ужасѣ взлетали къ верху съ криками: „Ду-рракъ! Ду-рракъ!“

Садовникъ часто говорилъ господамъ, что слѣдовало бы срубить эти старыя некрасивыя деревья и за одно избавиться отъ крикливыхъ птицъ,—онѣ, навѣрно, улетятъ тогда въ другое мѣсто. Но господа не желали разстаться ни съ деревьями, ни съ птицами: такъ было въ усадьбѣ въ старину, такъ оно должно было остаться и впредь—никакихъ перемѣнъ.

— Эти деревья—родовое имѣніе птицъ, пусть же онѣ владѣютъ имъ, добрѣйшій Ларсенъ!

Фамилія садовника была Ларсенъ, но въ данномъ случаѣ фамилія его ни при чемъ.

— Да и развѣ мало у васъ мѣста, добрѣйшій Ларсенъ? И цвѣтникъ, и теплицы, и фруктовый садъ, и огородъ—все въ вашемъ распоряженіи!

Дѣйствительно, все это было предоставлено на его полное попеченіе, и онъ ухаживалъ за ввѣреннымъ ему участкомъ съ любовью и усердіемъ. И господа цѣнили его за это, но вмѣстѣ съ тѣмъ и не скрывали, что въ гостяхъ имъ нерѣдко приходилось кушать лучшіе фрукты и любоваться болѣе красивыми цвѣтами, чѣмъ у себя дома. Это огорчало садовника,—онъ хотѣлъ имѣть въ господскомъ саду все, что только было лучшаго изъ фруктовъ и цвѣтовъ, и употреблялъ для этого всѣ старанія. Онъ былъ добрый, честный слуга.

Разъ господа позвали его къ себѣ и сказали со всею господскою мягкостью и снисходительностью, что вотъ-де наканунѣ имъ пришлось отвѣдать у своихъ знатныхъ друзей такихъ

вкусныхъ, сочныхъ яблокъ и грушъ, что и они, и всѣ остальные гости были просто поражены; конечно, эти плоды навѣрно не здѣшніе, но ихъ надо развести и здѣсь, если только климатъ позволитъ. Господа узнали, что плоды были куплены въ городѣ, въ лучшемъ фруктовомъ магазинѣ; такъ вотъ, пусть садовникъ съѣздитъ туда и узнаетъ, откуда они привезены, а затѣмъ выпишетъ черенки.

Садовникъ хорошо зналъ хозяина того магазина,—ему-то какъ-разъ онъ, съ согласія господъ, и продавалъ весь излишекъ фруктовъ изъ ихъ сада.

И вотъ, садовникъ отправился въ городъ и спросилъ хозяина магазина, откуда онъ досталъ эти хваленые яблоки и груши.

— Да изъ вашего же сада!—отвѣтилъ тотъ и показалъ садовнику плоды.

Садовникъ сразу призналъ ихъ.

Какъ же онъ былъ радъ! Живо вернулся домой и доложилъ господамъ, что и яблоки, и груши изъ ихъ собственнаго сада.

Господа и вѣрить не хотѣли.

— Это просто невозможно, Ларсенъ! Вотъ, если бы вы могли достать отъ хозяина магазина письменное удостовѣреніе?..

Конечно! Удостовѣреніе было доставлено.

— Замѣчательно!—сказали господа.

Съ тѣхъ поръ на господскомъ столѣ стали ежедневно появляться большія вазы съ этими великолѣпными яблоками и грушами изъ собственнаго сада господъ. Стали также разсылать ихъ боченками всѣмъ друзьямъ, жившимъ въ городѣ и за городомъ, и даже за-границею. Господамъ это доставляло такое удовольствіе! Но они, конечно, не забывали и того, что два послѣднія лѣта были особенно благопріятны для фруктовъ, которые удались у всѣхъ!

Прошло нѣсколько времени. Господа были приглашены на придворный обѣдъ. На другой день садовника позвали къ господамъ: во дворцѣ имъ подавали за дессертомъ удивительно сочныя, нѣжныя и вкусныя дыни прямо изъ королевской теплицы.

— Надо вамъ отправиться къ придворному садовнику, Ларсенъ, и добыть сѣмянъ этихъ чудныхъ дынь!

— Да, вѣдь, придворный садовникъ самъ бралъ сѣмена отъ насъ!—радостно сказалъ садовникъ.

— Ну, такъ онъ съумѣлъ выходить изъ нихъ удивительные плоды!—сказали господа.—Каждая дыня была превосходна!

— Тѣмъ больше чести мнѣ!—сказалъ садовникъ.—Я могу доложить милостивымъ господамъ, что у придворнаго садовника дыни нынѣшній годъ совсѣмъ не удались, и, увидавъ, какъ хороши и вкусны наши, онъ взялъ у меня для вчерашняго обѣда три штуки.

— Ларсенъ! Не воображайте, что тѣ дыни изъ нашего сада!

— А я думаю, что такъ!—отвѣтилъ садовникъ, отправился къ придворному садовнику и добылъ отъ него письменное удостовѣреніе, что дыни, поданныя вчера къ королевскому столу, были взяты изъ сада его господъ.

Господа были поражены, но не стали держать этой исторіи въ секретѣ, всѣмъ показывали удостовѣреніе и повсюду разсылали сѣмена дынь, какъ прежде черенки яблонь и грушевыхъ деревьевъ.

А относительно этихъ черенковъ приходили извѣстія, что они привились, и деревья стали приносить великолѣпные плоды, получившіе названіе въ честь господской усадьбы; такимъ образомъ, имя ея получило теперь извѣстность и на французскомъ, и на нѣмецкомъ, и на англійскомъ языкахъ.

Ничего такого господамъ и не снилось прежде.

— Только бы нашъ садовникъ не возомнилъ о себѣ слишкомъ много!—говорили они.

Но садовникъ относился къ дѣлу совсѣмъ иначе и заботился только о томъ, чтобы удержать за собою славу одного изъ лучшихъ садовниковъ въ странѣ. Ради этого онъ прилагалъ всѣ старанія, чтобы ежегодно имѣть въ господскомъ саду самые лучшіе плоды и цвѣты. Тѣмъ не менѣе, ему часто приходилось слышать отъ своихъ господъ, что изъ всѣхъ доставленныхъ имъ фруктовъ лучше всего удались ему тѣ первыя яблоки и груши. Конечно, и дыни были очень хороши, но это, вѣдь, совсѣмъ другое дѣло! Земляника же, хоть и дѣйствительно превосходная, все же была не лучше чѣмъ у многихъ другихъ господъ. А случилось одинъ годъ, что у садовника не удались рѣдиски, такъ только и разговору было, что о неудавшихся рѣдискахъ, о томъ же, что удалось, совсѣмъ не говорили.

У господъ какъ будто легче становилось на сердцѣ, если они могли сказать:

— Не повезло вамъ нынѣшній годъ, добрѣйшій Ларсенъ!— Имъ просто пріятно было говорить:—Да, да, не повезло вамъ!—

Два-три раза въ недѣлю садовникъ украшалъ комнаты свѣ-

жими букетами цвѣтовъ, подобранныхъ съ такимъ вкусомъ, что всѣ краски какъ-то особенно эффектно оттѣняли другъ друга.

— У васъ есть вкусъ, Ларсенъ!—говорили господа.—Но это даръ Божій, и вы сами тутъ ни при чемъ!

Однажды садовникъ принесъ въ комнаты большую хрустальную вазу, въ которой плавалъ большой листъ кувшинки, а на немъ покоился яркій голубой цвѣтокъ величиною съ подсолнечникъ, длинный же толстый стебель его купался въ водѣ.

— Индійскій лотосъ!—вскричали господа.

Никогда еще не видывали они такого цвѣтка! И вотъ, днемъ его выставляли на яркое солнышко, а вечеромъ освѣщали искусственнымъ свѣтомъ, и всѣ гости приходили въ восторгъ отъ прекраснаго, рѣдкаго цвѣтка. Такое впечатлѣніе цвѣтокъ произвелъ даже на самую знатную даму во всей странѣ—на молодую принцессу, а она была очень умна и добра сердцемъ.

Господа сочли за честь поднести ей цвѣтокъ, и она увезла его съ собою во дворецъ, а господа отправились въ садъ,— имъ хотѣлось сорвать себѣ другой такой же цвѣтокъ, если только найдется еще хоть одинъ, но ничего не нашли. Тогда они призвали садовника и спросили, откуда онъ взялъ голубой лотосъ.

— Мы напрасно искали его повсюду! — сказали они. — Искали и въ теплицѣ, и въ цвѣтникѣ!

— Да тамъ-то вы его и не найдете!—отвѣтилъ садовникъ.— Это, вѣдь, простой цвѣтокъ изъ огорода! Но красивъ онъ, правда? Ни дать—ни взять цвѣтокъ голубого кактуса! А на самомъ-то дѣлѣ только цвѣтъ артишока!

— Вамъ слѣдовало заявить намъ это сразу!—сказали господа.—А то мы приняли его за рѣдкій тропическій цвѣтокъ! Вы насъ скомпрометировали передъ принцессою! Она увидала его у насъ, и онъ ей очень понравился, но она не знала, что это за цвѣтокъ, даромъ что прошла всю ботанику! Но, конечно, этой наукѣ нѣтъ дѣла до кухонныхъ травъ! Какъ же это вамъ взбрело на умъ принести такой цвѣтокъ въ комнату? Вѣдь, насъ теперь на смѣхъ подымутъ!

И прекрасный голубой цвѣтокъ, питомецъ огорода, былъ приговоренъ къ изгнанію изъ барскихъ покоевъ,—тутъ ему было не мѣсто—а сами господа поѣхали къ принцессѣ извиниться и объяснить, что это только простой огородный цвѣтокъ, который садовнику вздумалось принести въ комнаты, за что онъ уже и получилъ выговоръ.

— Ну, это и грѣшно, и несправедливо!—сказала принцесса.—Онъ только открылъ намъ глаза на прелестный цвѣтокъ, котораго мы прежде не замѣчали, указалъ красоту тамъ, гдѣ намъ и въ голову не приходило искать ее! Я велю придворному садовнику ежедневно, пока артишоки будутъ въ цвѣту, приносить мнѣ въ комнату по такому цвѣтку!

И какъ сказала, такъ и сдѣлала.

Тогда и господа объявили садовнику, что онъ опять можетъ приносить имъ въ комнаты свѣжіе цвѣты артишока.

— Въ сущности-то они очень красивы!—сказали они.—И въ высшей степени оригинальны!

И садовника даже похвалили.

— А онъ страсть это любитъ!—толковали господа потомъ.— Онъ словно балованный ребенокъ у насъ!

Осенью случилась страшная буря; разыгралась она ночью и такъ свирѣпствовала, что выворотила съ корнями много деревьевъ на опушкѣ лѣса, а также, къ большому огорченію господъ, какъ они сами сказали, и къ радости садовника, повалила и два большихъ старыхъ дерева съ птичьими гнѣздами. Сквозь завыванія бури слышны были крики грачей и воронъ, которыя, по разсказамъ дворни, даже бились крыльями въ оконныя стекла.

— Ну, теперь вы рады, Ларсенъ?—сказали господа.—Буря свалила деревья, и птицы улетѣли въ лѣсъ. Ничто больше не напоминаетъ взору о старинѣ! Всякій слѣдъ ея стертъ, уничтоженъ! Насъ это огорчаетъ!

Садовникъ не сказалъ ни слова, но рѣшилъ поскорѣе приступить къ осуществленію своей давнишней мечты, воспользоваться, какъ слѣдуетъ, этимъ чудеснымъ, залитымъ солнцемъ мѣстечкомъ, до котораго прежде не смѣлъ касаться. Оно послужитъ къ украшенію сада, и господа сами будутъ довольны.

Старыя деревья, падая, смяли и переломали старые кусты буксбаума со всѣми ихъ отводками, и садовникъ рѣшилъ совсѣмъ вырвать ихъ и засадить все мѣстечко простыми полевыми и лѣсными растеніями. Ничего такого не пришло бы въ голову другому садовнику! Онъ разсадилъ всѣ эти растенія какъ можно лучше: любящія тѣнь—посадилъ въ тѣни, любящія солнце—на солнышкѣ, заботливо ухаживалъ за ними, и они разрослись на славу.

Среди этой группы возвышался можжевельникъ, питомецъ ютландскихъ степей, напоминающій итальянскій кипарисъ, и

блестящій колючій, вѣчно-зеленый и лѣтомъ и зимою, красивый Христовъ тернъ, а пониже росли папоротники всѣхъ сортовъ и видовъ; одни были похожи на миніатюрныя пальмы, другіе на тонкое прелестное растеніе „Венерины волосы". Росъ здѣсь также и скромный репейникъ, свѣжіе цвѣты котораго такъ красивы, что ихъ не грѣхъ помѣстить въ любой букетъ. Репейникъ былъ посаженъ на сухомъ мѣстѣ, а пониже, въ болѣе сыромъ грунтѣ, росъ лопухъ, также самое простое, но, благодаря своей вышинѣ и размѣру листьевъ, такое красивое декоративное растеніе. Кромѣ того росли здѣсь и осыпанные цвѣтами, похожіе на огромные канделябры, царскія кудри, взятыя съ поля, и дикій ясминникъ, и первоцвѣтъ, и лѣсные ландыши, и дикая калла, и трехлистная нѣжная заячья травка,—ну, просто заглядѣнье!

А на самомъ первомъ планѣ опирался на проволочную ограду рядъ маленькихъ грушевыхъ деревьевъ французской породы. Росли они на самомъ припекѣ, за ними заботливо ухаживали, и они скоро стали приносить большіе, сочные плоды, какіе приносятъ у себя на родинѣ.

Вмѣсто же двухъ старыхъ голыхъ деревьевъ садовникъ водрузилъ здѣсь высокій шестъ съ Данеброгомъ на вершинѣ, а рядомъ съ нимъ другой, обвитый лѣтомъ и осенью душистымъ хмѣлемъ; зимою же къ верхушкѣ его, согласно старинному обычаю, привязывался снопъ необмолоченнаго овса—на поживу птицамъ небеснымъ. Пусть и птички весело справятъ сочельникъ!

— Нашъ добрѣйшій Ларсенъ ударился на старости лѣтъ въ сентиментальность! — сказали господа. — Но намъ-то онъ очень преданъ!

Около Новаго года, въ одномъ изъ иллюстрированныхъ журналовъ появилась картинка, изображающая старое господское помѣстье. На ней были также видны и шестъ съ Данеброгомъ и шестъ съ привязаннымъ къ нему снопомъ—рождественскимъ угощеніемъ для птицъ. Къ рисунку относилась замѣтка, въ которой привѣтствовалась прекрасная мысль—воскресить старинный обычай, столь характерный для стараго господскаго помѣстья.

— Обо всемъ, что ни сдѣлаетъ этотъ Ларсенъ, вѣчно трубятъ во всѣ трубы! —сказали господа.—Вотъ счастливецъ! Право, кажется, намъ впору гордиться тѣмъ, что онъ служитъ у насъ!

Но они вовсе не гордились этимъ. Они, вѣдь, сознавали себя господами, которые могутъ и отказать Ларсену, если вздумаютъ. Но, конечно, они ему не отказывали,—они были, вѣдь,

добрые господа, и такихъ добрыхъ господъ не мало—къ счастью для разныхъ Ларсеновъ.

Да, вотъ вамъ и вся исторія о „садовникѣ и господахъ“! Поразмыслите же о ней на досугѣ!

БЛОХА И ПРОФЕССОРЪ.

Жилъ-былъ воздухоплаватель. Ему не повезло, шаръ его лопнулъ, и самъ онъ упалъ и разбился. Сына же своего онъ за нѣсколько минутъ передъ тѣмъ спустилъ на парашютѣ, и это было счастьемъ для мальчика,—онъ достигъ земли цѣлымъ и невредимымъ. Въ немъ были всѣ задатки, чтобы сдѣлаться такимъ же воздухоплавателемъ, какъ отецъ, но у него не было ни шара, ни средствъ на пріобрѣтеніе его.

Жить, однако, чѣмъ-нибудь да надо было, и онъ занялся фокусничествомъ и чревовѣщаніемъ. Онъ былъ молодъ, красивъ собою и, когда возмужалъ, да отпустилъ себѣ усы и сталъ ходить въ хорошихъ платьяхъ, то могъ сойти хоть за природнаго графа. Дамамъ онъ очень нравился, а одна дѣвица такъ прямо влюбилась въ него за его красоту и ловкость и рѣшилась раздѣлить его скитальческую жизнь по чужимъ странамъ. Тамъ онъ присвоилъ себѣ титулъ профессора,—меньшимъ ужъ онъ не могъ довольствоваться.

Завѣтною мечтою его было пріобрѣсти себѣ воздушный шаръ и подыматься на немъ вмѣстѣ съ молодою женой, да вотъ бѣда—денегъ не было.

— Ну, когда-нибудь да они придутъ къ намъ!—говорилъ онъ.

— Если только захотятъ!—отвѣчала жена.

— Что-жъ, люди мы, вѣдь, еще молодые, а я уже профессоръ! И крошки, вѣдь, тотъ же хлѣбъ!

Жена всячески помогала мужу, сидѣла у дверей и продавала билеты на представленія, а холодное это было удовольствіе зимою! Помогала она ему также и въ одномъ фокусѣ. Онъ пряталъ ее въ ящикъ стола, въ большой ящикъ, а она оттуда перебиралась въ задній ящикъ, и въ переднемъ ея уже не оказывалось. Выходилъ какъ будто обманъ глазъ.

Но однажды вечеромъ, когда онъ выдвинулъ ящикъ, оказалось, что жена исчезла взаправду! Ея не было ни въ переднемъ ящикѣ, ни въ заднемъ, не было во всемъ домѣ,—исчезла

безъ слѣда! Это ужъ былъ ея фокусъ! Она такъ и не вернулась къ нему больше; женѣ наскучила эта жизнь, а мужъ сталъ такъ скучать по женѣ, что утратилъ свой веселый нравъ, не могъ больше шутить и паясничать, и публика перестала ходить на его представленія. Заработки стали плохіе, платье износилось; подъ конецъ изъ всего имущества осталась у профессора одна большая блоха,—память о женѣ; немудрено, что онъ души не чаялъ въ этой блохѣ! Онъ выдрессировалъ ее и обучилъ разнымъ штукамъ: дѣлать на караулъ ружьемъ и стрѣлять изъ пушки—конечно изъ маленькой.

Профессоръ гордился своею блохою, а она гордилась собою: она, вѣдь, обучилась кое-чему, въ ней текла человѣчья кровь, и, кромѣ того, она побывала въ разныхъ городахъ, показывала свои фокусы передъ принцами и принцессами и удостаивалась ихъ высокаго одобренія. Объ этомъ говорилось и въ газетахъ, и въ афишахъ. Блоха сознавала себя знаменитостью, знала, что въ состояніи прокормить не только своего профессора, но хоть цѣлую семью.

Она была горда, знаменита, но увы! путешествуя со своимъ профессоромъ по желѣзнымъ дорогамъ, всегда занимала мѣсто въ четвертомъ классѣ! Что-жъ, и въ четвертомъ ѣдешь, вѣдь, не тише, чѣмъ въ первомъ! Блоха и профессоръ вступили другъ съ другомъ въ крѣпкій, хотя и молчаливый союзъ, дали другъ другу молчаливый обѣтъ никогда не разлучаться, никогда не жениться. Блоха рѣшила остаться въ дѣвицахъ, профессоръ—вдовцомъ. Одно стоило другого.

— Туда, гдѣ произвелъ наибольшій фуроръ, нельзя заглядывать второй разъ! — говаривалъ профессоръ; онъ зналъ людей, а это, вѣдь, тоже кое-что значитъ.

Но вотъ, наконецъ, онъ побывалъ во всѣхъ странахъ, кромѣ страны дикарей, и рѣшилъ отправиться туда. Правда, онъ зналъ, что дикари поѣдаютъ христіанъ, но самъ онъ былъ не настоящій христіанинъ, а блоха не настоящій человѣкъ, такъ онъ и порѣшилъ, что они могутъ отважиться на такое путешествіе и даже заработать тамъ хорошія денежки.

Часть пути они сдѣлали на пароходѣ, часть на парусномъ суднѣ; блоха продѣлывала свои штуки, и такимъ образомъ дорога окупилась. Наконецъ, они прибыли въ страну дикарей.

Страною правила маленькая принцесса; ей было всего восемь лѣтъ, но она уже правила. Принцесса просто-на-просто отняла

власть у отца и матери,—она была страсть какая своевольная, да къ тому же на диво миленькая и непослушная.

Какъ только блоха показала свои штуки: сдѣлала ружьемъ на караулъ и выстрѣлила изъ пушки, принцесса влюбилась въ нее и воскликнула:

— Она или никто! Я выйду за нее замужъ!

Принцесса совсѣмъ одичала отъ любви, а и безъ того-то ужъ была дикая.

— Милое, дорогое дитятко! Умница ты наша!—заговорилъ ея отецъ.—Да если бы можно было сначала сдѣлать изъ блохи человѣка!

— Не твое дѣло, старый!—отрѣзала принцесса, и это было съ ея стороны не очень-то мило,—она, вѣдь, говорила съ отцомъ. Но ужъ такая она была дикая!

Она посадила блоху себѣ на руку и сказала ей:

— Теперь ты человѣкъ и царствуешь вмѣстѣ со мною! Но ты должна дѣлать, что я хочу, иначе я убью тебя и съѣмъ профессора!

Профессору отвели большой залъ. Стѣны были изъ сахарнаго тростника,—знай лижи себѣ вволю, но онъ не былъ лакомкой. Вмѣсто же постели ему дали висячую койку, и онъ покачивался въ ней, какъ въ корзинѣ воздушнаго шара, о которомъ не переставалъ мечтать.

Блоха осталась у принцессы, сидѣла на ея маленькой ручкѣ и на шейкѣ: принцесса выдернула у себя изъ головы волосъ, и велѣла профессору обвязать его вокругъ ножки блохи, другой же конецъ волоса прикрѣпила къ большому куску коралла, красовавшемуся у нея въ ухѣ.

То-то настало блаженное времечко для принцессы, да и для блохи тоже—по мнѣнію первой. Но профессоръ не былъ доволенъ: онъ былъ путешественникъ въ душѣ, любилъ странствовать изъ города въ городъ и читать въ газетахъ похвалы своему терпѣнію и ловкости, которыя помогли ему обучить блоху разнымъ человѣческимъ штукамъ. Изо дня въ день качался онъ въ своей койкѣ, ничего не дѣлая, только ѣлъ да пилъ. Пища ему отпускалась хорошая: свѣжія птичьи яйца, слоновьи глаза и жареныя ляжки жирафа. Людоѣды питаются не однимъ человѣческимъ мясомъ; оно у нихъ только считается самымъ изысканнымъ блюдомъ.

— Особенно хороши дѣтскія плечики подъ крѣпкимъ соусомъ!—говорила мать принцессы.

Профессоръ скучалъ и рвался вонъ изъ страны дикарей, но не могъ же онъ оставить здѣсь свою блоху,—она, вѣдь, была его славой и кормилицею. Да какъ же заполучить ее? Задача не легкая!

Онъ напрягъ всѣ свои мыслительныя способности и, наконецъ, воскликнулъ: „Нашелъ!“

— Принцессинъ отецъ! Разрѣши мнѣ заняться чѣмъ-нибудь! Разрѣши обучить всѣхъ жителей страны дѣлать на караулъ! Въ величайшихъ странахъ міра это служитъ признакомъ высшей образованности!

— А чему ты можешь научить меня?—спросилъ отецъ принцессы.

— Моему высшему искусству! — сказалъ профессоръ. — Искусству палить изъ пушки такъ, что вся земля начнетъ дрожать, а съ неба посыплются вкуснѣйшія жареныя птицы! Вотъ какъ!

— Давай сюда пушку!—сказалъ отецъ принцессы.

Но во всей странѣ не нашлось ни одной пушки кромѣ той, которую привезла съ собою блоха, но эта была черезчуръ мала.

— Я отолью большую!—сказалъ профессоръ.—Только дайте мнѣ матеріалы! Мнѣ нужны тонкая шелковая матерія, иголка и нитки, канаты и веревки, а также желудочныя капли для воздушныхъ шаровъ,—онѣ раздуваютъ, подымаютъ шары на воздухъ, онѣ же производятъ и взрывъ въ желудкѣ пушки.

Все, что онъ потребовалъ, было ему выдано.

Всѣ жители страны сбѣжались посмотрѣть на большую пушку. Но профессоръ позвалъ ихъ не раньше, чѣмъ шаръ былъ совсѣмъ готовъ наполниться газомъ и подняться.

Блоха сидѣла на рукѣ принцессы и тоже смотрѣла. Шаръ наполнили газомъ, онъ раздулся, и его еле удерживали,—онъ совсѣмъ одичалъ.

— Мнѣ надо будетъ подняться на воздухъ, чтобы пушка остыла!—сказалъ профессоръ и усѣлся въ корзину, прикрѣпленную подъ шаромъ.—Но одному мнѣ не справиться! Мнѣ нуженъ знающій помощникъ! Кромѣ же блохи никто не годится!

— Не очень-то я охотно отпускаю ее!—молвила принцесса, но всетаки отдала блоху профессору. Тотъ посадилъ ее себѣ на руку.

— Теперь отпустите веревки и канатъ!—закричалъ онъ народу.—Шаръ подымается!

И вотъ, шаръ сталъ подыматься все выше да выше къ облакамъ, и улетѣлъ изъ земли дикарей.

А принцесса, мать ея, отецъ и весь народъ все стояли да ждали. Они ждутъ и посейчасъ, а не вѣришь, поѣзжай самъ въ страну дикарей,—тамъ каждый ребенокъ говоритъ о блохѣ и профессорѣ и вѣритъ, что они вернутся, когда пушка остынетъ. Но они и не думаютъ возвращаться: они давно дома, на своей родинѣ и разъѣзжаютъ по желѣзнымъ дорогамъ уже въ первомъ, а не въ четвертомъ классѣ. Теперь они много зарабатываютъ,—у нихъ свой большой воздушный шаръ. Никто не спрашиваетъ, какъ и гдѣ они его добыли,—они, вѣдь, теперь люди со средствами, всѣми уважаемые—*и блоха, и профессоръ.*

О ЧЕМЪ РАЗСКАЗЫВАЛА СТАРУХА ІОГАННА.

Вѣтеръ шумитъ въ вѣтвяхъ старой ивы.

Сдается, что внемлешь пѣснѣ; поетъ ее вѣтеръ, пересказываетъ дерево. А не понимаешь ихъ, спроси старуху Іоганну изъ богадѣльни; она все знаетъ, она, вѣдь, родилась тутъ въ окрестности.

Много лѣтъ тому назадъ, когда мимо ивы еще проходила большая столбовая дорога, ива была уже большимъ могучимъ деревомъ. Стояла она, гдѣ и теперь стоитъ, близъ пруда, передъ выбѣленнымъ домикомъ портного. Прудъ этотъ въ тѣ времена былъ такъ великъ, что къ нему пригоняли на водопой скотину, а въ теплые лѣтніе дни въ немъ полоскались голые деревенскіе ребятишки. Подъ самымъ деревомъ стоялъ тогда большой камень, изображавшій верстовой столбъ; теперь онъ свалился и обросъ побѣгами ежевики.

Новую большую дорогу провели по ту сторону богатой крестьянской усадьбы, а старая стала проселочною, прудъ же превратился въ подернутую зеленою плѣсенью лужу. Бухнется въ нее лягушка—зелень разойдется, и покажется грязная, черная вода. По краямъ ея росли и растутъ осока, тростникъ и желтыя лиліи.

Домишко портного покосился отъ старости; крыша превратилась въ разсадникъ мху и дикаго чесноку. Голубятня обветшала, и въ ней свилъ себѣ гнѣздо скворецъ, подъ крышей же налѣпили себѣ гнѣздъ ласточки, словно домикъ былъ пріютомъ счастья.

Когда-то оно такъ и было; теперь же въ немъ тишина и запустѣніе. Живетъ въ немъ, или вѣрнѣе прозябаетъ, „дурачокъ Расмусъ“, какъ его прозвали. Онъ родился въ этомъ домѣ, игралъ тутъ ребенкомъ, прыгалъ по полю и черезъ изгородь, полоскался въ прудѣ и карабкался на старую иву.

Она и теперь еще подымаетъ къ небу свои роскошныя, красивыя, большія вѣтви, какъ и тогда. Но буря слегка погнула ея стволъ, время продѣлало въ немъ трещину, вѣтеръ занесъ въ нее землю, и изъ нея сами собою выросли трава, зелень и даже маленькая рябинка.

Ласточки возвращаются сюда каждую весну, начинаютъ летать вокругъ дерева и надъ крышей и чинить свои старыя гнѣзда; Расмусъ же махнулъ рукою на свое гнѣздо, никогда не чинилъ его. „Къ чему? Что толку?“ вотъ какая была у него поговорка, унаслѣдованная отъ отца.

И онъ оставался въ своемъ гнѣздѣ, а ласточки улетали, но на слѣдующую весну возвращались опять — вѣрныя птички! Скворецъ посвистывалъ, улеталъ, опять возвращался, и опять насвистывалъ свою пѣсенку. Когда-то и Расмусъ свисталъ съ нимъ взапуски; теперь онъ и свистать и пѣть разучился.

Вѣтеръ шумѣлъ въ вѣтвяхъ старой ивы, шумитъ и посейчасъ; сдается, что внемлешь пѣснѣ; поетъ ее вѣтеръ, пересказываетъ дерево. А не понимаешь ихъ, спроси старуху Іоганну изъ богадѣльни; она все знаетъ, можетъ поразсказать о томъ, что было здѣсь въ старину, она—живая хроника.

Домъ былъ еще новъ и крѣпокъ, когда въ него перебрались на житье деревенскій портной Иваръ Эльсе съ женою Маренъ, люди честные, работящіе. Старуха Іоганна была въ то время еще дѣвчонкою; отецъ ея, выдѣлывавшій деревянные башмаки, считался чуть-ли не послѣднимъ бѣднякомъ въ околоткѣ. Много перепало дѣвочкѣ славныхъ кусковъ хлѣба съ масломъ отъ доброй Маренъ,—у этой-то не было недостатка въ провизіи. Она пользовалась большою благосклонностью помѣщицы, вѣчно смѣялась, вѣчно была весела, никогда не вѣшала носа, болтала безъ умолку, но, работая языкомъ, не покладала и рукъ. Иголка въ ея рукахъ двигалась такъ же быстро, какъ язычокъ во рту; кромѣ того, она смотрѣла и за хозяйствомъ, и за дѣтьми, а ихъ была безъ малаго дюжина—цѣлыхъ одиннадцать; двѣнадцатый такъ и не явился.

— У бѣдняковъ вѣчно полно гнѣздо птенцовъ!—ворчалъ

помѣщикъ.—Топить бы ихъ, какъ котятъ, оставляя лишь одного или парочку изъ тѣхъ, что покрѣпче, такъ бѣды-то было бы меньше!

— Спаси Боже!—говорила жена портного.—Дѣти—благословеніе Божіе, радость въ домѣ! За каждаго лишняго ребенка прочтешь лишній разъ „Отче Нашъ"—вотъ и все! А если и туго приходится и трудно кормить столько ртовъ, такъ стоитъ приналечь маленько на работу и выйдешь изъ бѣды честь-честью! Господь не забудетъ насъ, коли мы Его не забываемъ!

Помѣщица одобряла Маренъ, ласково кивала ей головой и часто трепала ее по щекѣ. А было время, что она даже цѣловала Маренъ, но это тогда еще, когда сама была маленькою дѣвочкой, а Маренъ—ея нянькой. Обѣ очень любили другъ друга, и добрыя отношенія между ними не порывались.

Каждый годъ, къ Рождеству, въ домѣ портного появлялся запасъ провизіи на зиму: бочка муки, свиная туша, два гуся, боченокъ масла, сыръ и яблоки. Все это шло съ помѣщичьяго двора и помогало пополнить кладовую. Иваръ Эльсе глядѣлъ тогда веселѣе, но скоро опять затягивалъ свой вѣчный припѣвъ: „Что толку?"

Въ домикѣ портного было чисто, уютно; на окнахъ занавѣски, на подоконникахъ цвѣты: гвоздики да бальзамины. На стѣнѣ, въ рамкѣ, висѣла азбука, вышитая Маренъ, а рядомъ стихотвореніе, тоже ея собственной работы; она умѣла подбирать риѳмы и почти гордилась тѣмъ, что ея фамилія Эльсе (Ölse) являлась единственнымъ словомъ, риѳмовавшимъ со словомъ Pölse (колбаса).

— Всетаки преимущество передъ другими!—говаривала она, смѣясь.

Она всегда была въ духѣ, никогда не говорила, какъ мужъ: „Что толку!" У нея была своя поговорка: „Надѣйся на Бога и самъ не плошай!" Такъ она и дѣлала, и весь домъ держался ею. Дѣтишки росли здоровыми, подростали, покидали родное гнѣздо, становились сами на ноги и вели себя хорошо. Самый меньшой изъ нихъ, Расмусъ, ребенкомъ былъ просто красавчикъ, такъ что одинъ изъ лучшихъ живописцевъ въ городѣ даже взялъ его разъ моделью, но нарисовалъ совсѣмъ голенькимъ, какъ мать родила! Картинка эта висѣла теперь въ королевскомъ дворцѣ; помѣщица видѣла ее и сейчасъ признала маленькаго Расмуса, даромъ что онъ былъ безъ платья.

Но вотъ настало тяжелое время. Портной схватилъ ревматизмъ въ обѣихъ рукахъ; руки распухли; ни одинъ докторъ не могъ ничего подѣлать, даже сама знахарка Стина.

— Не надо вѣшать носа!—сказала Маренъ.—Въ этомъ толку мало! Теперь у насъ парою здоровыхъ рукъ меньше, такъ задамъ побольше дѣла моимъ! Да и Расмусъ умѣетъ держать иглу въ рукахъ!

Онъ уже и въ самомъ дѣлѣ сидѣлъ на столѣ, насвистывалъ и шилъ; веселый онъ былъ мальчикъ!

Но цѣлыми днями ему не слѣдъ было сидѣть за работою—говорила мать—грѣшно такъ мучить ребенка; надо было дать ему и побѣгать, и порѣзвиться!

Первою подругою Расмуса была Іоганна; она была еще изъ болѣе бѣдной семьи, чѣмъ Расмусъ, красотою не отличалась, ходила босикомъ и въ лохмотьяхъ,—некому было о ней заботиться, самой же зашить свои дырья ей въ голову не приходило. Она была еще ребенокъ и весела, какъ птичка, порхающая на солнышкѣ.

Чаще всего играли дѣти подъ большой ивой у каменнаго столба.

Расмусъ задавался великими замыслами; онъ мечталъ сдѣлаться важнымъ портнымъ и поселиться въ городѣ, гдѣ живутъ такіе мастера, что держатъ по десяти подмастерьевъ,—это онъ слышалъ отъ своего отца. Вотъ къ такому-то мастеру Расмусъ и поступитъ въ подмастерья, а потомъ самъ станетъ мастеромъ. Тогда Іоганна непремѣнно должна придти къ нему въ гости, а если къ тому времени выучится стряпать, то можетъ остаться у нихъ и навсегда—готовить имъ кушанье, и тогда ей отведутъ свою комнату.

Іоганна не совсѣмъ-то этому вѣрила, но Расмусъ былъ вполнѣ увѣренъ, что все оно такъ и сбудется.

Такъ они сидѣли вмѣстѣ подъ старымъ деревомъ, а вѣтеръ шумѣлъ въ вѣтвяхъ, словно пѣлъ пѣсню, ива же пересказывала ее.

Осенью всѣ листья опали; съ голыхъ вѣтвей закапалъ дождь.

— Онѣ снова зазеленѣютъ на будущій годъ!—говорила матушка Эльсе.

— Что толку?—отвѣтилъ мужъ.—Новый годъ—новыя печали, новыя заботы о кускѣ хлѣба!

— Кладовая наша полна!—возражала жена.—Спасибо доб-

рой барынѣ! Я здорова, силъ мнѣ не занимать стать,—грѣхъ намъ и жаловаться!

Рождество семья помѣщика проводила въ имѣніи, но черезъ недѣлю послѣ Новаго года перебиралась обыкновенно въ городъ, гдѣ весело проводила зиму, посѣщая разные балы и собранія и бывая даже при дворѣ.

Госпожа выписала себѣ изъ Парижа два дорогихъ платья, изъ такой матеріи, такого покроя и такой работы, что Маренъ сроду не видывала ничего великолѣпнѣе. Она и выпросила у госпожи позволеніе придти въ замокъ еще разъ вмѣстѣ съ мужемъ, чтобы и онъ могъ полюбоваться на платья.

— Ничего такого ни одному деревенскому портному, вѣдь, и во снѣ не снилось!—сказала она.

И вотъ, онъ увидалъ платья, но не сказалъ ни слова, пока не вернулся къ себѣ домой, да и тутъ сказалъ лишь то, что говорилъ всегда: „Что толку?“ И на этотъ разъ слова его оказались вѣщими.

Господа переѣхали въ городъ, начались балы и праздники, но тутъ-то какъ-разъ старый помѣщикъ и умеръ. Не пришлось молодой госпожѣ и пощеголять въ своихъ великолѣпныхъ платьяхъ! Она была очень огорчена, одѣлась съ ногъ до головы въ трауръ, не позволяла себѣ надѣть даже бѣлаго воротничка. Всѣ слуги тоже были одѣты въ трауръ, а парадную карету обили тонкимъ чернымъ сукномъ.

Была ясная морозная ночь; звѣзды сіяли на небѣ, снѣгъ такъ и сверкалъ, когда къ воротамъ усадебной церкви подъѣхала колесница съ тѣломъ помѣщика; его привезли сюда изъ города, чтобы схоронить въ фамильномъ склепѣ. Управляющій помѣстьемъ и деревенскій староста, оба верхомъ, съ факелами въ рукахъ, встрѣтили гробъ у калитки кладбища. Церковь была освѣщена, священникъ встрѣтилъ гробъ въ дверяхъ. Затѣмъ гробъ внесли на возвышеніе передъ алтаремъ, священникъ сказалъ приличное случаю слово, а присутствующіе пропѣли псалюмъ. Сама госпожа тоже находилась въ церкви; она пріѣхала въ парадной траурной каретѣ, обитой чернымъ сукномъ и внутри, и снаружи; ничего такого деревенскіе жители сроду не видывали.

Всю зиму толковали они о печальной, но пышной церемоніи. Да, вотъ это такъ были „господскія похороны“!

— Сейчасъ видно, какой человѣкъ умеръ!—говорили они.

Родился онъ знатнымъ бариномъ и схоронили его, какъ знатнаго барина!

— Что толку?—сказалъ опять портной.—Теперь у него ни жизни, ни имѣнія! У насъ хоть жизнь-то осталась!

— Да не говори же такихъ словъ!—прервала его жена.— Онъ, вѣдь, обрѣлъ вѣчную жизнь въ царствіи небесномъ!

— А кто тебѣ это сказалъ?—возразилъ мужъ.—Мертвое тѣло—хорошее удобреніе для земли и только! А этотъ господинъ даже и удобреніемъ-то послужить не можетъ,—онъ слишкомъ знатенъ для этого, будетъ себѣ гнить въ склепѣ!

— Да оставь ты свои безбожныя рѣчи!—вскричала жена.— Говорю тебѣ: онъ обрѣлъ вѣчную жизнь!

— А кто тебѣ сказалъ это, Маренъ?—повторилъ портной.

Но Маренъ набросила передникъ на голову маленькаго Расмуса,—ему не слѣдъ было слушать такія рѣчи—увела его въ сарай и тамъ принялась плакать.

— Это говорилъ, Расмусъ, не отецъ твой, а злой духъ! Онъ забрался въ домъ и овладѣлъ языкомъ твоего отца! Прочти: „Отче нашъ!“ Прочтемъ вмѣстѣ!—И она сложила ручки ребенка.— Ну, теперь у меня отлегло отъ сердца!—сказала она.—Надѣйся на Бога и самъ не плошай!

Годъ скорби подходилъ къ концу, вдова ходила уже въ полутраурѣ, а въ сердцѣ ея печаль давно смѣнилась полною радостью.

Поговаривали, что къ ней присватался женихъ, и она уже подумываетъ о свадьбѣ. Маренъ знала объ этомъ кое-что, а священникъ и того больше.

Въ Вербное воскресенье, послѣ проповѣди, онъ долженъ былъ огласить предстоящее бракосочетаніе вдовы. Женихъ ея былъ какой-то не то каменотесъ, не то ваятель,—толковали въ народѣ. Какъ называть его—никто хорошенько не зналъ; въ тѣ времена Торвальдсенъ и его искусство еще не были знакомы народу.

Новый помѣщикъ былъ не изъ знатнаго рода, но видъ у него былъ очень важный, и занимался онъ чѣмъ-то такимъ, о чемъ никто не имѣлъ настоящаго понятія; знали только, что онъ имѣетъ дѣло съ глиной, да съ камнемъ, что онъ большой мастеръ своего дѣла, и къ тому же молодъ и красивъ.

— Что толку?—говорилъ, однако, Иваръ Эльсе.

И вотъ, въ Вербное воскресенье, послѣ проповѣди, состоялось оглашеніе; затѣмъ пропѣли псалмы и приступили къ при-

чащенію. Портной, Маренъ и Расмусъ были въ церкви; родители подошли къ причастію, мальчикъ остался сидѣть на своемъ мѣстѣ,—онъ еще не былъ конфирмованъ.

Въ послѣднее время въ домѣ портного ощущался сильный недостатокъ въ одеждѣ; старыя платья всѣ износились, ихъ ужъ вывертывали, перешивали и чинили не разъ. Въ этотъ же день всѣ трое: и мужъ, и жена, и сынъ были въ новыхъ платьяхъ, но изъ черной траурной матеріи, словно собирались на похороны,—на платья имъ пошла траурная обивка кареты. Мужу вышелъ изъ нея сюртукъ и брюки, женѣ платье и Расмусу полный костюмъ, да еще на ростъ, чтобы платье пригодилось и къ конфирмаціи. На все это, какъ сказано, пошла и внутренняя и наружная обивка траурной кареты. Никому собственно не было нужды добираться до первоначальнаго употребленія матеріи, но люди всетаки живо добрались, и знахарка, „умная баба“ Стина, да еще нѣсколько такихъ же умницъ, которыя, однако, не промышляли своимъ умомъ, объявили, что эти платья накличутъ на головы семьи несчастье: „Нельзя одѣваться въ обивку траурной кареты,—самъ отправишься на кладбище!“

Іоганна заплакала, услыхавъ такія рѣчи, и такъ какъ случилось, что съ того самаго дня портному стало хуже, то скоро должно было выясниться, на чью именно голову падетъ несчастье.

Наконецъ, оно и выяснилось.

Въ первое же воскресенье послѣ Троицы портной Эльсе умеръ. Теперь Маренъ осталась одна,—какъ знаешь, такъ и справляйся! Она и справлялась: надѣялась на Бога и сама не плошала!

Черезъ годъ Расмусъ конфирмовался. Пришла пора отдать его въ городъ въ ученье къ настоящему портному, хоть и не къ такому, который держалъ двѣнадцать подмастерьевъ. Этотъ держалъ только одного, мальчика же Расмуса можно было считать развѣ за полъ-подмастерья. Расмусъ былъ веселъ, радъ тому, что отправляется въ городъ, но Іоганна плакала; она любила его больше, чѣмъ сама подозрѣвала. Мать Расмуса осталась въ домѣ одна и продолжала заниматься своимъ ремесломъ.

Въ это-то время и была открыта новая проѣзжая дорога, старая же, что шла мимо ивы и дома портного, стала проселочною; прудъ заросъ, превратился въ подернутую зеленою плѣсенью лужу; верстовой столбъ свалился, — ему незачѣмъ было больше стоять — но дерево стояло попрежнему, все такое же крѣпкое и красивое, и вѣтеръ попрежнему шумѣлъ въ его вѣтвяхъ.

Ласточки улетѣли, улетѣлъ и скворецъ, но весною всѣ они вернулись опять, потомъ опять улетѣли и опять прилетѣли, когда же вернулись въ четвертый разъ, вернулся домой и Расмусъ. Онъ сталъ подмастерьемъ и выровнялся въ красиваго, но худощаваго и слабаго здоровьемъ парня. Онъ хотѣлъ было не медля вскинуть котомку на плечи и пуститься въ чужія страны, куда его давно тянуло, но мать стала его удерживать: дома дескать лучше! Всѣ дѣти ея разлетѣлись изъ гнѣзда, онъ былъ младшимъ, домъ долженъ былъ достаться ему; работы же онъ и здѣсь могъ достать вдоволь: пусть только сдѣлается странствующимъ портнымъ, переходитъ изъ дома въ домъ по всей окрестности, работая недѣли по двѣ то тутъ, то тамъ,—чѣмъ не путешествіе? Расмусъ сдался.

И вотъ, онъ опять спалъ подъ родною кровлею, опять сидѣлъ подъ старою ивою и прислушивался къ шуму вѣтвей.

Онъ былъ красивъ, свисталъ какъ птица, умѣлъ пѣть и новыя и старинныя пѣсни и скоро сталъ желаннымъ гостемъ во многихъ богатыхъ крестьянскихъ домахъ, особенно же въ домѣ Клауса Гансена, чуть-ли не перваго богача въ окрестности.

Дочка его, Эльза, цвѣла какъ роза; улыбка не сходила съ ея устъ, и находились таки злые люди, поговаривавшіе, что она смѣется только для того, чтобы показывать свои хорошенькіе зубки. Что-жъ, такая ужъ она была хохотунья, вѣчно готова дурачиться, шутить! Къ ней все шло.

Она полюбила Расмуса, а онъ полюбилъ ее, но ни онъ, ни она не обмолвились о томъ другъ другу ни словомъ.

И вотъ, онъ сталъ задумываться и грустить; въ его характерѣ было больше отцовскаго, нежели материнскаго. Веселъ онъ былъ только въ присутствіи Эльзы; тогда они оба смѣялись и шалили напропалую, но хотя и не разъ при этомъ представлялся удобный случай, Расмусъ такъ и не признался Эльзѣ въ своей любви. „Что толку?“ думалъ онъ. „Родители ищутъ ей богатаго жениха, а у меня ничего нѣтъ. Такъ лучше бѣжать отъ нея!“ Но на это у него не хватало силъ; Эльза какъ будто держала его на привязи и могла заставить его пѣть и свистѣть, словно ручную птицу.

Іоганна служила у Клауса Гансена въ работницахъ; на ней лежала разная черная работа по дому; она возила на поле молочную бочку и доила тамъ вмѣстѣ съ другими работницами коровъ, возила туда и навозъ, когда надо было. Она не бывала въ

хозяйскихъ горницахъ и не часто видала Расмуса или Эльзу, но слышала отъ другихъ, что они чуть-ли не женихъ и невѣста.

„Расмусъ идетъ въ гору!“ думала она. „И дай ему Богъ!“ Но глаза ея при этомъ наполнялись слезами, хотя, казалось бы, о чемъ тутъ плакать?

Въ городѣ была ярмарка; Клаусъ Гансенъ отправился туда съ дочерью, а съ ними и Расмусъ. Онъ сидѣлъ рядомъ съ Эльзой всю дорогу и туда и обратно. Сердце его было переполнено любовью, но онъ не сказалъ о томъ Эльзѣ ни слова.

„Долженъ же онъ, однако, объясниться со мною!“ думала дѣвушка вполнѣ резонно. „А не заговоритъ самъ, такъ я расшевелю его!“

И скоро въ домѣ стали поговаривать, что за Эльзу сватается богатѣйшій крестьянинъ въ окрестности. Такъ оно и было, но никто не зналъ, что отвѣтила ему Эльза.

У Расмуса и голова кругомъ пошла.

Однажды вечеромъ Эльза надѣла на пальчикъ золотое кольцо и спросила у Расмуса, что оно означаетъ.

— Обрученіе!—отвѣтилъ тотъ.

— А съ кѣмъ по-твоему?—спросила она.

— Съ тѣмъ богачомъ, что сватался за тебя!

— Угадалъ!—сказала она, кивнула головкой и скрылась.

Скрылся и онъ, пришолъ домой къ матери совсѣмъ внѣ себя и сейчасъ же принялся завязывать свою котомку: „Въ путь-дорогу! Куда глаза глядятъ!“ Не помогли и слезы матери.

Онъ вырѣзалъ себѣ палку изъ вѣтви старой ивы и такъ насвистывалъ при этомъ, словно у него и невѣсть какъ весело было на душѣ, —чего-чего, вѣдь, ни насмотрится онъ теперь на бѣломъ свѣтѣ!

— Для меня-то это большое горе!—сказала мать.—Но для тебя, конечно, самое лучшее уѣхать, такъ и мнѣ надо примириться съ этимъ. Но надѣйся на Бога, да не плошай и самъ, и—я увижу тебя опять молодцомъ!

Онъ пошолъ по новой дорогѣ и увидалъ издали Іоганну, которая везла на поле навозъ. Она еще не успѣла замѣтить его, а ему и не хотѣлось этого, и онъ присѣлъ за изгородью у канавы. Іоганна проѣхала мимо.

Расмусъ отправился бродить по бѣлу-свѣту, но гдѣ бродилъ—никому не было извѣстно. Мать, впрочемъ, надѣялась, что не пройдетъ и года, какъ онъ вернется домой. „Теперь,

вѣдь, онъ увидитъ столько новаго, будетъ ему чѣмъ поразвлечься, ну, онъ мало-по-малу и войдетъ въ старую колею. Да, въ его характерѣ больно много отцовскаго, лучше бы онъ былъ въ меня, бѣдное дитятко! Но онъ всетаки вернется домой, — не можетъ же онъ бросить и меня, и домъ!“

И мать собиралась ждать годъ; Эльза прождала только мѣсяцъ, а потомъ отправилась тайкомъ къ знахаркѣ Стинѣ; та и полечивала, и на картахъ и на кофейной гущѣ ворожила.

Она, конечно, сейчасъ же узнала, гдѣ находился Расмусъ — только въ кофейную гущу поглядѣла. Онъ находился въ чужомъ городѣ, но названія его она не могла прочесть. Въ городѣ томъ было много солдатъ и красивыхъ дѣвушекъ, и онъ собирался или стать подъ ружье, или жениться на одной изъ дѣвушекъ.

Тутъ Эльза не выдержала и заявила, что отдала бы всю свою копилку съ деньгами, только бы вернуть Расмуса, но... никто не долженъ былъ знать объ этомъ!

И старуха обѣщала вернуть Расмуса; она знала одно средство, правда очень опасное, такъ что прибѣгать къ нему слѣдовало только въ крайнихъ случаяхъ. Надо было заварить кашу и поставить ее на огонь: каша будетъ кипѣть, и Расмусу — гдѣ бы онъ ни былъ — придется вернуться, вернуться туда, гдѣ кипитъ каша и ждетъ его возлюбленная. Пройдутъ, можетъ быть, мѣсяцы, прежде чѣмъ онъ вернется, но вернуться онъ долженъ, если только живъ. Онъ будетъ спѣшить домой безъ оглядки, безъ отдыха, день и ночь, черезъ моря и горы, во всякую погоду, несмотря ни на какую усталость. Его будетъ неудержимо тянуть домой, и онъ вернется домой!

Была первая четверть луны, а это-то какъ-разъ, по словамъ Стины, и требовалось для ворожбы. Погода стояла бурная, старая ива такъ и трещала. Стина отломила отъ нея вѣточку, связала ее узломъ, — узелъ этотъ долженъ былъ притянуть Расмуса — и бросила ее въ горшокъ. Затѣмъ знахарка набрала съ крыши дома мху и дикаго чесноку, положила въ горшокъ и ихъ, поставила горшокъ на огонь и велѣла Эльзѣ вырвать листокъ изъ молитвенника. Та случайно вырвала листокъ съ опечатками. „Все едино!“ сказала Стина и бросила и его въ кашу.

И много еще всякой всячины пришлось бросить въ кашу, которая должна была кипѣть, не переставая, пока Расмусъ не вернется домой. Черному пѣтуху старой Стины пришлось разстаться

со своимъ краснымъ гребешкомъ, а Эльзѣ со своимъ толстымъ золотымъ кольцомъ. И оно пошло въ кашу; Эльза такъ никогда и не получила его обратно; впрочемъ, Стина заранѣе предупредила ее объ этомъ. Страсть какая была умная эта Стина! Да, и не перечесть всѣхъ вещей, какія попали въ кашу, которая не сходила съ огня или съ горячихъ угольевъ или съ теплой золы. Знали же о томъ только Стина, да Эльза.

Мѣсяцъ нарождался и убывалъ, а Эльза все навѣдывалась къ Стинѣ съ тѣмъ же вопросомъ: „Что, все еще не видать его?“

— Много знаю я! — отвѣчала Стина. — Много вижу, но сколько еще остается ему идти—не вижу. Впрочемъ, онъ уже перешелъ первыя горы! Теперь онъ въ морѣ и терпитъ непогоду! Но долго еще идти ему черезъ дремучіе лѣса! Ноги его покрылись волдырями, тѣло его треплетъ лихорадка, а онъ все долженъ идти, идти безъ конца, безъ отдыха!

— Ахъ, нѣтъ, нѣтъ!—сказала Эльза.—Мнѣ жалко его!

— Ну, ужъ теперь его нельзя остановить! А остановимъ— онъ упадетъ мертвымъ на дорогѣ!

Прошелъ годъ. Стояло полнолуніе; вѣтеръ шумѣлъ въ вѣтвяхъ ивы; на небѣ, при свѣтѣ мѣсяца, показалась радуга.

— Вотъ это хорошій знакъ!—сказала Стина.—Значитъ, Расмусъ скоро придетъ!

Но онъ не приходилъ.

— Да, коли ждешь, время тянется ой-ой какъ долго!—говорила Стина.

— Ну, а мнѣ надоѣло ждать!—сказала Эльза, стала заходить къ Стинѣ все рѣже и рѣже, и перестала приносить ей новые подарки.

На душѣ у Эльзы становилось все легче, и вотъ, въ одно прекрасное утро всѣ узнали, что Эльза согласилась выйти за богача-крестьянина.

Она отправилась взглянуть на его дворъ и земли, на скотъ, и прочее добро; все оказалось въ добромъ порядкѣ, и свадьбы незачѣмъ было больше откладывать.

Отпраздновали ее на славу; пированье шло цѣлыхъ три дня. Плясали подъ звуки скрипокъ и кларнетовъ. Никто изъ окрестныхъ жителей не былъ обойденъ приглашеніемъ; была на свадьбѣ и матушка Эльсе, и когда веселье кончилось, дружки поблагодарили гостей за честь, а музыканты сыграли послѣдній тушъ,

она пошла домой съ полною корзинкой остатковъ отъ свадебнаго угощенія.

Дверь дома она приперла снаружи, продѣвъ въ колечки щепку, но, подходя къ дому, она замѣтила, что щепка выдернута, и дверь стоитъ настежь. Въ горницѣ сидѣлъ Расмусъ! Онъ вернулся домой, вернулся въ этотъ самый часъ. Но, Боже, на немъ не было лица! Какъ онъ пожелтѣлъ, похудѣлъ,—однѣ кости, да кожа!

— Расмусъ!—вскричала мать.—Тебя-ли я вижу! Жалость беретъ, глядя на тебя! Но какъ же я рада, что ты вернулся!

И она угостила его вкусными кушаньями, которыя принесла съ пира: кускомъ жаркого и свадебнымъ пирожнымъ.

А онъ сказалъ, что часто вспоминалъ въ послѣднее время мать, свой домъ и старую иву. Диво просто, какъ часто снилось ему это дерево и босоногая Іоганна!

Объ Эльзѣ онъ и не упомянулъ. Онъ былъ боленъ и слегъ въ постель; мы-то не подумаемъ, что въ болѣзни его и возвращеніи была виновата каша Стины, это думали только сама Стина, да Эльза, но и они молчали о томъ.

У Расмуса сдѣлалась горячка; болѣзнь была заразительна, и никто не заглядывалъ въ домикъ портного, кромѣ Іоганны. Она горько плакала, глядя на больного.

Докторъ прописывалъ ему лекарства, но онъ не хотѣлъ ихъ принимать.

„Что толку!"—говорилъ онъ.

— Какъ что? Поправишься!—уговаривала его мать.—Надѣйся на Бога, да и самъ не плошай! Я бы жизнь отдала, только бы мнѣ увидѣть тебя опять здоровымъ и веселымъ, услышать твой свистъ и пѣніе!

И Расмусъ избавился отъ болѣзни, но зато передалъ ее матери, и Господь отозвалъ къ себѣ ее, а не его.

Пусто стало въ домѣ; хозяйство пришло въ упадокъ.

— Плохъ онъ!—говорили про него сосѣди.—Совсѣмъ дурачкомъ сталъ!

Бурную жизнь велъ онъ во время своихъ странствованій, вотъ что высосало изъ него жизненные соки, а не каша! Волоса его порѣдѣли и посѣдѣли; къ настоящему труду онъ былъ уже не годенъ. „Да и что толку?" говорилъ онъ и охотнѣе заглядывалъ въ кабачокъ, чѣмъ въ церковь.

Однажды, ненастнымъ осеннимъ вечеромъ, онъ съ трудомъ тащился по дурной дорогѣ изъ кабачка къ себѣ домой; матери

его давно не было въ живыхъ; ласточки и скворецъ улетѣли; всѣ покинули его, кромѣ Іоганны. Она догнала его и пошла съ нимъ рядомъ.

— Возьми себя въ руки, Расмусъ!—сказала она.

— Что толку!—возразилъ онъ.

— Дурная у тебя поговорка!—продолжала она.—Вспомни-ка лучше поговорку матери: „Надѣйся на Бога и самъ не плошай!“ Ты вотъ этого не дѣлаешь, Расмусъ, а надо! Никогда не говори: „что толку?“ Этимъ ты подрываешь въ корнѣ всякое дѣло!

Она проводила его до дверей дома и ушла, но онъ не вошелъ въ домъ, а присѣлъ подъ старою ивою на повалившійся верстовой столбъ.

Вѣтеръ шумѣлъ въ вѣтвяхъ дерева; слышалась не то пѣсня, не то рѣчь, и Расмусъ отвѣчалъ на нее, но никто не слышалъ его, кромѣ дерева, да шумящаго въ вѣтвяхъ вѣтра.

— Брр! Какъ холодно! Вѣрно, пора въ постель! Уснуть, уснуть!

И онъ пошелъ, да не домой, а къ пруду, тамъ споткнулся и упалъ. Дождь такъ и лилъ, вѣтеръ обдавалъ его холодомъ, но онъ ничего не чувствовалъ. Встало солнышко, къ пруду стали слетаться вороны, и Расмусъ очнулся, но тѣло его почти закоченѣло. Упади онъ туда, гдѣ теперь лежали его ноги, головою, ему бы не встать во-вѣки, болотная плѣсень стала бы его саваномъ!

Днемъ въ домъ портного зашла Іоганна; не будь ея, плохо бы пришлось Расмусу; она свезла его въ больницу.

— Мы знаемъ другъ друга съ дѣтскихъ лѣтъ!—сказала она.—Мать твоя поила и кормила меня; никогда мнѣ не воздать ей за это! Но я надѣюсь, что ты выздоровѣешь и опять станешь человѣкомъ!

И Господу Богу угодно было поднять его на ноги. Но въ здоровьѣ его и тѣлесномъ и духовномъ пошли съ тѣхъ поръ скачки,—то, лучше, то хуже.

Ласточки и скворецъ попрежнему улетали и прилетали; Расмусъ состарился преждевременно. Одинокимъ бобылемъ жилъ онъ въ своемъ домѣ, который ветшалъ все больше и больше. Совсѣмъ обнищалъ Расмусъ, сталъ бѣднѣе Іоганны.

— Вѣры у тебя нѣтъ!—говорила она.—А коли у насъ нѣтъ вѣры въ Бога, такъ что же у насъ есть? Слѣдовало бы тебѣ сходить къ причастію! Ты, вѣдь, не причащался съ самой конфирмаціи.

— Что въ этомъ толку?—отвѣтилъ онъ.

— Ну, коли ты такъ разсуждаешь, такъ лучше и не ходи! Невольныхъ гостей Господь не хочетъ видѣть за своимъ столомъ. Но вспомни же свою мать, свое дѣтство! Ты былъ тогда добрымъ, набожнымъ мальчикомъ. Хочешь, я прочту тебѣ псаломъ?

— Что толку?—молвилъ онъ.

— Меня псалмы всегда утѣшаютъ!—сказала она.

— Іоганна, ты стала святошей!—И онъ посмотрѣлъ на нее усталымъ, тусклымъ взглядомъ.

А Іоганна прочла псаломъ — не по книгѣ, у нея не было ея, а наизусть.

— Прекрасныя слова!—сказалъ онъ.—Но я не могу хорошенько вникнуть въ нихъ. Голова у меня такая тяжелая.

Расмусъ сталъ старикомъ, но и Эльза была уже не молода. Упомянемъ о ней къ слову, Расмусъ же никогда не упоминалъ о ней. Она была уже бабушкой. Рѣзвая маленькая внучка ея играла разъ съ другими деревенскими дѣтьми, а Расмусъ проходилъ мимо, опираясь на палку. Увидавъ дѣтей, онъ остановился и съ улыбкой сталъ смотрѣть на ихъ игру,—въ памяти его воскресло былое. Но внучка Эльзы указала на него пальчикомъ и закричала: „Дурачокъ Расмусъ!“ Другія дѣвочки подхватили: „Дурачокъ Расмусъ!“ и пустились преслѣдовать старика.

Тяжелый то былъ, пасмурный день; за нимъ потянулись такіе же, но въ концѣ-концовъ ненастье всегда смѣняется солнышкомъ.

Утро въ день Троицы выдалось чудесное; церковь вся была убрана зелеными березками; пахло точно въ лѣсу; солнышко играло на церковныхъ стульяхъ; большія свѣчи у алтаря такъ и сіяли. Приступили къ причащенію; Іоганна была въ числѣ причастницъ, но Расмуса не было. Какъ-разъ въ это утро Господь отозвалъ его къ Себѣ.

А у Бога всякій найдетъ и милосердіе, и состраданіе!

Прошло много лѣтъ; домъ портного все еще стоитъ, все еще держится, но въ немъ уже никто не живетъ—онъ, пожалуй, упадетъ въ первую же бурю. Прудъ весь заросъ тростникомъ и трилистникомъ.

Вѣтеръ шумитъ въ вѣтвяхъ стараго дерева. Сдается, что внемлешь пѣснѣ; поетъ ее вѣтеръ, пересказываетъ дерево. А не понимаешь ихъ, спроси старую Іоганну изъ богадѣльни!

Она живетъ тамъ, поетъ свой псаломъ, который пѣла Рас-

мусу, вспоминаетъ о немъ и молитъ за него Творца—вѣрная душа! Она-то вотъ и можетъ разсказать тебѣ о быломъ, растолковать, о чемъ шумитъ вѣтеръ въ вѣтвяхъ старой ивы!

КЛЮЧЪ ОТЪ ВОРОТЪ.

У каждаго ключа своя исторія, и самыхъ-то ключей много: есть камергерскіе ключи, есть часовые, есть ключи св. Петра и много другихъ. Мы могли бы разсказать кое-что обо всѣхъ, но теперь разскажемъ только о ключѣ надворнаго совѣтника.

Ключъ этотъ дѣлалъ слесарь, но самому-то ключу могло показаться, что его ковалъ кузнецъ—такъ тотъ неистово колотилъ и пилилъ его. Ключъ былъ черезчуръ великъ для брючныхъ кармановъ; приходилось носить его въ сюртучномъ. Тутъ онъ частенько полеживалъ въ потемкахъ; обычное же мѣсто его было на стѣнѣ, рядомъ съ силуэтомъ, изображавшимъ совѣтника въ дѣтскомъ возрастѣ; лицо совѣтника напоминало на немъ сдобную лепешку, окруженную курчавыми волосами.

Говорятъ, что въ характерѣ и манерахъ всякаго человѣка есть нѣчто, напоминающее о созвѣздіи, подъ которымъ онъ родился, напримѣръ—о созвѣздіи „Быка“, „Дѣвы“, „Скорпіона“. Но совѣтница не ссылалась ни на одно изъ созвѣздій поименованныхъ въ календарѣ, а говорила, что мужъ ея родился подъ созвѣздіемъ „Тачки“,—его вѣчно надо было подталкивать. Отецъ толкнулъ его на службу, мать толкнула жениться, а жена дотолкала до чина надворнаго совѣтника, о чемъ, впрочемъ, никогда не проговаривалась. Она была разсудительная, честная женщина, умѣла и помолчать кстати и толкнуть во-время.

Совѣтникъ былъ господиномъ плотнымъ и довольно полнымъ—„въ пропорцію“, какъ выражался самъ. Былъ онъ также человѣкомъ начитаннымъ, добродушнымъ и къ тому же отличался „ключевою мудростью“. Смыслъ послѣдняго выраженія поймемъ потомъ. Онъ всегда былъ въ духѣ, любилъ всѣхъ людей, охотно болталъ со всѣми, и ужъ если бывало уйдетъ изъ дому, да еще безъ жены, которая вѣчно подталкивала его, то залучить его опять домой было мудрено. Ему надо было поговорить съ каждымъ встрѣчнымъ знакомымъ, а знакомыхъ у него была пропасть, такъ время-то и уходило, а дома все ждали, да ждали хозяина обѣдать.

Совѣтница караулила мужа у окна. „Ну, идетъ!“ говорила она кухаркѣ. „Подогрѣй супъ!.. Ахъ, нѣтъ, отставь,—переварится! Совѣтникъ остановился и говоритъ съ кѣмъ-то!.. Ну, вотъ теперь идетъ! Подогрѣвай!“

Но совѣтникъ и не думалъ приходить.

Онъ былъ способенъ дойти до самыхъ воротъ своего дома, кивнуть женѣ головою и—застрять на самомъ порогѣ, если завидитъ на улицѣ знакомаго. Какъ не перекинуться словечкомъ, другимъ! А случись ему въ то же время завидѣть еще знакомаго, онъ бралъ за пуговицу пальто перваго, протягивалъ руку второму и уже окликалъ проходящаго мимо третьяго.

Вотъ былъ настоящій искусъ для совѣтницы!

„Совѣтникъ! Совѣтникъ!“ кричала она. „Нѣтъ, этотъ человѣкъ положительно рожденъ подъ созвѣздіемъ „Тачки“: самъ сдвинуться съ мѣста не можетъ, все надо его подталкивать!“

Совѣтникъ очень любилъ также заходить въ книжныя лавки и рыться въ книгахъ и журналахъ. Онъ даже платилъ своему знакомому книгопродавцу небольшую сумму за право пробѣгать всѣ новыя книги, разрѣзая ихъ только вдоль, а не поперекъ,—иначе бы ихъ ужъ нельзя было продать за новыя. Вообще же совѣтникъ былъ, не въ обиду ему будь сказано—„ходячей газетой“: онъ зналъ обо всѣхъ помолвкахъ, свадьбахъ и похоронахъ, о всякихъ сплетняхъ и устныхъ, и печатныхъ, и даже иногда таинственно намекалъ на что-то такое, о чемъ не зналъ никто, кромѣ его самого. Подобныя секретныя свѣдѣнія онъ получалъ отъ своего ключа.

Совѣтникъ и совѣтница съ самой женитьбы своей жили въ собственномъ домѣ, и за все это время у нихъ былъ все одинъ и тотъ же ключъ отъ воротъ, но сначала-то никто и не подозрѣвалъ о чудныхъ свойствахъ ключа; они обнаружились гораздо позже.

Было это въ царствованіе короля Фредерика VI. Копенгагенъ въ то время не имѣлъ еще газоваго освѣщенія, а только ворванное; не было тогда и Тиволи*), не было и Казино**), ни диллижансовъ, ни конно-желѣзныхъ дорогъ. Сравнительно съ настоящимъ по части развлеченій было тогда бѣдно. По воскре-

*) Одинъ изъ увеселительныхъ садовъ, наиболѣе любимый и посѣщаемый копенгагенцами.

**) Одинъ изъ частныхъ театровъ Копенгагена. *Примѣч. перев.*

сеньямъ обывателямъ столицы предоставлялось на выборъ: или предпринять прогулку за городъ на кладбище, почитать тамъ надгробныя надписи, потомъ усѣсться на травку, распаковать корзинку со съѣстными припасами, выпить да закусить, или же отправиться въ Фредериксбергскій садъ, гдѣ на площадкѣ передъ дворцомъ играла полковая музыка, а въ аллеяхъ толпился народъ, смотрѣвшій, какъ королевская фамилія катается въ лодкѣ по узкимъ каналамъ. Старый король самъ правилъ рулемъ, рядомъ съ нимъ сидѣла королева, и оба привѣтливо отвѣчали на поклоны всѣхъ подданныхъ, не разбирая сословій и чиновъ. Въ Фредериксбергъ стекались по преимуществу люди посостоятельнѣе и роспивали тутъ чай. Кипятокъ можно было достать въ крестьянскомъ домикѣ, что стоялъ въ полѣ противъ сада, но чайники и самовары приходилось имѣть свои.

Въ одинъ прекрасный воскресный день совѣтникъ съ совѣтницей и отправились послѣ обѣда въ Фредериксберскій садъ; служанка шла впереди съ самоваромъ и корзиною со съѣстнымъ и водочкою.

— Захвати съ собой ключъ отъ воротъ!—сказала совѣтница.—Не то намъ трудно будетъ попасть въ домъ, если мы запоздаемъ. Ты знаешь, ворота запираются, какъ только стемнѣетъ, а проволока колокольчика вчера оборвалась!.. А, вѣдь, мы непремѣнно запоздаемъ! Изъ Фредериксберга мы пойдемъ въ театръ смотрѣть пантомиму „Арлекинъ—старшина молотильщиковъ“. Тамъ люди спускаются на землю на облакѣ! И входъ стоитъ всего двѣ марки съ персоны!

И вотъ, они отправились въ Фредериксбергъ, слушали тамъ музыку, любовались королевскими лодками, изукрашенными флагами, видѣли стараго короля и бѣлыхъ лебедей. Напившись чаю и закусивъ, они заторопились въ театръ, но всетаки опоздали къ началу представленія.

Хожденіе по канату и пляска на ходуляхъ уже кончились, и началась пантомима. Совѣтникъ съ совѣтницей опоздали какъ и всегда, и, разумѣется, по винѣ совѣтника: ему поминутно надо было останавливаться и болтать со знакомыми! Онъ и въ театрѣ встрѣтилъ добрыхъ друзей, и когда представленіе окончилось, ему съ женой пришлось принять настойчивое приглашеніе одного знакомаго семейства, жившаго неподалеку отъ театра. Приглашали ихъ только на стаканчикъ пунша, что̀ могло задержать ихъ развѣ минутъ на десять. Но, конечно, эти ми-

нуты растянулись за разговорами въ цѣлый часъ. Особенно заинтересовалъ всѣхъ одинъ баронъ—шведскій-ли, нѣмецкій-ли, совѣтникъ не запомнилъ, но зато навсегда сохранилъ въ памяти то, чему научилъ его баронъ, продѣлывавшій разные фокусы съ ключомъ. Это было необыкновенно занимательно! Баронъ могъ заставить ключъ отвѣчать на всѣ вопросы, которые ему задавали, какихъ бы секретныхъ предметовъ они не касались. Особенно пригоднымъ оказался для этихъ фокусовъ совѣтниковъ ключъ отъ воротъ,—у него была тяжелая бородка. Баронъ надѣвалъ кольцо ключа на указательный палецъ правой руки, а бородка висѣла свободно; малѣйшее біеніе пульса могло привести ее въ движеніе, и она повертывалась; если же нѣтъ, то баронъ умѣлъ незамѣтно заставить ее повернуться, куда ему хотѣлось. Каждый поворотъ бородки означалъ какую-нибудь букву азбуки; когда называли, наконецъ, настоящую букву, бородка повертывалась въ обратную сторону. Послѣ того начинали отгадывать слѣдующую букву, и такъ выходили цѣлыя слова, а затѣмъ и цѣлыя предложенія—отвѣты на вопросы. Конечно, все это былъ одинъ обманъ, но очень забавный. Такъ сначала отнесся къ дѣлу и самъ совѣтникъ, но потомъ перемѣнилъ мнѣніе и совсѣмъ увлекся продѣлками ключа.

— Мужъ, а мужъ!—крикнула вдругъ совѣтница.—Западныя ворота запираются, вѣдь, въ двѣнадцать часовъ! Мы не попадемъ въ городъ, остается всего четверть часа! Пришлось спѣшить; по дорогѣ ихъ то и дѣло обгоняли пѣшеходы, тоже торопившіеся попасть въ городъ во-время. Наконецъ, они добрались до крайней сторожевой будки, но въ ту же минуту пробило двѣнадцать, и ворота захлопнулись! Цѣлая толпа людей осталась по сю сторону воротъ; между ними и совѣтникъ съ совѣтницей и служанкой, которая тащила самоваръ и пустую корзину. Нѣкоторые опѣшили, другіе разсердились; каждый отнесся къ дѣлу по-своему. Что же, однако было дѣлать?

Къ счастью, въ послѣднее время было отдано распоряженіе оставлять незапертыми на всю ночь одни изъ городскихъ воротъ—„Сѣверныя"; черезъ нихъ-то пѣшеходы и могли пробраться въ городъ.

Не близко было до Сѣверныхъ воротъ, но погода стояла хорошая, ясное небо было усѣяно звѣздами, то и дѣло скатывались падающія звѣздочки, въ канавахъ и прудахъ квакали лягушки, и путники тоже мало-по-малу распѣлись. Но совѣтникъ

не пѣлъ и не смотрѣлъ не только на звѣзды, но и себѣ подъ ноги, ну, и растянулся во весь ростъ на краю канавы! Можно было подумать, что онъ выпилъ лишнее, но дѣло было вовсе не въ пуншѣ, а въ ключѣ, который не переставалъ вертѣться у него въ головѣ.

Наконецъ, добрались и до будки у Сѣверныхъ воротъ, перешли мостъ и вошли въ городъ.

— Ну, вотъ теперь отлегло отъ сердца!—сказала совѣтница.—Вотъ и наши ворота!

— Да; только гдѣ же ключъ отъ нихъ?—спросилъ совѣтникъ.

Ключа не оказывалось ни въ заднемъ карманѣ, ни въ боковыхъ.

— Ахъ, Господи Боже мой!—сказала совѣтница.—Такъ у тебя нѣтъ ключа? Вѣрно, ты потерялъ его тамъ съ этими баронскими фокусами! Какъ же мы попадемъ теперь домой? Проволока колокольчика оборвана, у сторожа другого ключа нѣтъ,—просто бѣда!

Служанка принялась хныкать; одинъ совѣтникъ сохранилъ присутствіе духа.

— Надо выбить стекло въ подвалѣ у мелочного торговца!—сказалъ онъ.—Пусть онъ отворитъ намъ ворота!

И онъ выбилъ одно стекло, потомъ другое, просунулъ туда ручку зонтика и закричалъ: „Петерсенъ!“ Извнутри послышался крикъ дочери мелочного торговца. Самъ торговецъ распахнулъ двери лавки и закричалъ: „Караулъ!“ И прежде, чѣмъ лавочникъ успѣлъ хорошенько разсмотрѣть и признать хозяевъ, да впустить ихъ во дворъ, сторожъ уже далъ свистокъ, ему откликнулся другой изъ сосѣдней улицы, изъ оконъ начали выглядывать люди, посыпались вопросы: „Гдѣ пожаръ? Гдѣ скандалъ?“ и продолжались еще, когда совѣтникъ давно уже былъ у себя дома, снялъ сюртукъ и... нашелъ въ немъ ключъ отъ воротъ. Ключъ лежалъ не въ карманѣ, а между матеріею и подкладкой,—въ карманѣ была дыра, хотя ей вовсе и не полагалось быть тамъ.

Съ того вечера ключъ отъ воротъ сталъ предметомъ особаго вниманія, и не только, когда совѣтникъ съ совѣтницей уходили по вечерамъ прогуляться, но и когда сидѣли дома,—совѣтникъ показывалъ свое искусство, заставляя ключъ отвѣчать на разные вопросы.

Онъ заранѣе придумывалъ наиболѣе подходящій отвѣтъ и затѣмъ заставлялъ ключъ давать его, но подъ конецъ какъ-то

и самъ увѣровалъ въ способности ключа. А вотъ аптекарь, молодой человѣкъ и близкій родственникъ совѣтницы, такъ ничему не вѣрилъ.

Умный человѣкъ былъ этотъ аптекарь и съ критической жилкой. Онъ еще на школьной скамьѣ зарабатывалъ деньги рецензіями книгъ и театральныхъ представленій, причемъ никогда не подписывалъ своихъ статей,—такъ выходитъ внушительнѣе. Въ немъ, какъ говорится, преобладалъ эстетическій духъ, но самъ онъ ни въ какихъ духовъ, особенно въ духовъ, обитающихъ въ ключахъ, не вѣрилъ.

— Впрочемъ, нѣтъ, я вѣрю!—говорилъ онъ.—Вѣрю, добрѣйшій господинъ совѣтникъ! Вѣрю въ ключъ отъ воротъ и во всѣхъ духовъ ключей такъ же твердо, какъ и въ новѣйшую науку, что открыла духовъ въ старой и новой мебели и занимается столоверченьемъ! Вы слышали о ней? Я слышалъ! Я сомнѣвался было,—вы, вѣдь, знаете, я изъ числа скептиковъ— но теперь сталъ прозелитомъ новой вѣры, прочитавъ въ одной достойной довѣрія заграничной газетѣ ужасную исторію. Я, впрочемъ, за что купилъ ее, за то и продаю! Представьте же себѣ, совѣтникъ! Двое умныхъ дѣтей видѣли, какъ родители ихъ вызывали духовъ изъ большого обѣденнаго стола. Дѣтишки остались одни и захотѣли въ свою очередь попробовать пробудить жизнь въ старомъ комодѣ. Жизнь-то они въ немъ пробудили, духи проснулись, но не захотѣли слушаться ребячьей команды, поднялись — комодъ затрещалъ, выдвинулъ ящики и уложилъ въ нихъ своими ножками обоихъ ребятъ, затѣмъ выбѣжалъ въ открытую дверь, спустился по лѣстницѣ на улицу, прямо къ каналу, да и утопился тамъ вмѣстѣ съ дѣтьми. Тѣла дѣтей предали христіанскому погребенію, а комодъ отправили въ ратушу и присудили за убійство дѣтей къ сожженію живьёмъ на кострѣ. Вотъ что я вычиталъ въ иностранной газетѣ и передаю вамъ, ничего не прибавляя отъ себя! Ключъ меня побери, если я выдумываю! Видите, я даже поклялся!

Но совѣтникъ нашелъ, что это было со стороны аптекаря ужъ черезчуръ грубой шуткой. Не стоило и говорить съ нимъ о ключѣ: аптекарь былъ глупъ, какъ самый послѣдній ключъ!

Самъ же совѣтникъ все болѣе и болѣе изощрялся въ „ключевой мудрости“. Ключъ и забавлялъ его, и поучалъ.

Однажды вечеромъ совѣтникъ уже собирался лечь въ постель и стоялъ въ спальнѣ полураздѣтый, какъ вдругъ въ дверь

изъ корридора постучали. Позднимъ гостемъ оказался лавочникъ, тоже полураздѣтый. И онъ было совсѣмъ ужъ собрался спать, да вдругъ ему пришла въ голову мысль, и онъ побоялся забыть ее за ночь!

— Дѣло-то идетъ о дочкѣ моей Лоттѣ-Ленѣ. Она дѣвушка красивая, конфирмована, и мнѣ хотѣлось бы теперь пристроить ее получше!

— Да, вѣдь, я еще не вдовецъ!—усмѣхнулся совѣтникъ.— И сына у меня нѣтъ, за котораго бы я могъ посватать ее!

— Ну, вы поймете въ чемъ дѣло, господинъ совѣтникъ!— сказалъ лавочникъ.—Она играетъ на фортепьяно, умѣетъ пѣть,— небось слышно по всему дому! Но вы еще не знаете всего, на что эта дѣвочка способна. Она умѣетъ подражать разговору и походкѣ всякаго! Она просто создана для театра, а это хорошая дорога для красивыхъ молодыхъ дѣвушекъ изъ порядочныхъ семействъ! Имъ удается иной разъ подхватить въ мужья графовъ! Ну, да объ этомъ-то пока ни я, ни Лотта-Лена не думаемъ! Такъ вотъ, она умѣетъ пѣть, играть на фортопьяно, и на дняхъ я пошелъ съ нею въ школу пѣнія. Она спѣла, но оказалось, что у нея нѣтъ ни этакого пивного баса, ни канареечнаго визга, которые нынче требуются отъ пѣвицъ. Ну, ей и отсовѣтовали идти въ пѣвицы. „Что-жъ", подумалъ я, „коли не въ пѣвицы, такъ въ актрисы! Для этого нужно только умѣть говорить". И сегодня я завелъ объ этомъ рѣчь съ „инструкторомъ", какъ онъ тамъ у нихъ называется. „А она начитана?" спрашиваетъ онъ. „Нѣтъ!" говорю: „совсѣмъ нѣтъ!" „Ну, а это необходимо для актрисы!" „Что-жъ, начитанность-то она еще пріобрѣсти можетъ!" подумалъ я и пошелъ себѣ домой. „Пусть Лотта-Лена запишется въ библіотеку и перечитаетъ все, что тамъ есть!" Но вотъ, сижу это я сейчасъ, раздѣваюсь и вдругъ мнѣ пришло на умъ: зачѣмъ же платить за чтеніе, коли можно имѣть его даромъ! У совѣтника пропасть книгъ, пусть онъ дастъ ихъ Лоттѣ-Ленѣ почитать—вотъ тратиться-то и не придется!

— Лотта-Лена славная дѣвушка! — сказалъ совѣтникъ.— Красивая дѣвушка.—Книги я ей дамъ! Но есть-ли у нея, что называется—огонекъ, талантъ? Да, и кромѣ того, везетъ-ли ей вообще? Счастье, вѣдь, тоже вещь очень важная!

— Она два раза выигрывала въ лоттерею!—отвѣтилъ лавочникъ.—Одинъ разъ выиграла шкафъ для платья, а другой— полдюжины простынь. Развѣ это не счастье?

— А вотъ я сейчасъ спрошу насчетъ этого ключъ!—сказалъ совѣтникъ.

И онъ надѣлъ кольцо ключа на указательный палецъ правой руки себѣ и лавочнику и заставилъ ключъ вертѣться и указывать букву за буквой.

И ключъ отвѣтилъ: „Побѣда и счастье!“ Такимъ образомъ будущее Лотты-Лены было опредѣлено.

Совѣтникъ сейчасъ же вручилъ лавочнику двѣ книги: трагедію „Дювеке“ и „Обхожденіе съ людьми“—Книгге. Пусть Лотта-Лена читаетъ!

Съ этого вечера между Лоттой-Леной и семействомъ совѣтника завязалось болѣе близкое знакомство. Она стала бывать у нихъ, и совѣтникъ нашелъ ее дѣвушкой очень разумной,—она вѣрила и въ него, и въ ключъ. И совѣтницѣ она тоже понравилась. Непринужденность и откровенность, съ которыми дѣвушка на каждомъ шагу сознавалась въ своемъ невѣжествѣ, казались совѣтницѣ чѣмъ-то дѣтскимъ, невиннымъ. Словомъ, оба супруга, каждый по-своему, питали симпатію къ Лоттѣ-Ленѣ, а она къ нимъ.

— Какъ у нихъ чудесно пахнетъ!—говорила она.

Въ самомъ дѣлѣ, въ корридорѣ у нихъ пахло яблоками,—совѣтница заготовила на зиму цѣлую бочку—а по всѣмъ комнатамъ распространялось благоуханіе розъ и лавандъ.

— У нихъ все на благородную ногу!—говорила Лотта-Лена, любуясь прекрасными комнатными цвѣтами совѣтницы. У той даже зимою цвѣли въ комнатахъ вѣтви сирени и вишень. Она ставила срѣзанныя оголенныя вѣточки въ воду, и онѣ въ теплѣ скоро одѣвались листьями, а потомъ покрывались и цвѣтами.

— Вотъ, можно было подумать, что жизнь совсѣмъ покинула эти голыя вѣтви, а поглядите-ка, какъ онѣ воскресли!—говорила совѣтница.

— Мнѣ никогда ничего такого и въ голову не приходило!—отзывалась Лотта-Лена.—Какая, однако, эта природа милая!

Совѣтникъ же показывалъ ей свою „ключевую книгу“, куда были занесены разные замѣчательные отвѣты и разоблаченія ключа, напримѣръ—относительно пропажи изъ шкафа половинки яблочнаго пирожнаго, какъ-разъ въ тотъ вечеръ, когда у кухарки былъ въ гостяхъ ея другъ.

Совѣтникъ спросилъ ключъ: „Кто съѣлъ пирожное—кошка или другъ?“ И ключъ отвѣтилъ: „Другъ!“ Совѣтникъ, впрочемъ,

зналъ это заранѣе, да и служанка поспѣшила сознаться: еще бы! этотъ проклятый ключъ зналъ рѣшительно все!

— Ну, не замѣчательно-ли это?—спрашивалъ совѣтникъ.— Вотъ это такъ ключъ! А на вопросъ о судьбѣ Лотты-Лены онъ отвѣтилъ: „Побѣда и счастье“! Ну, вотъ и посмотримъ! Я-то ужъ ручаюсь за него!

— Какъ все это мило!—говорила Лотта-Лена.

Сама совѣтница не была такъ довѣрчива, но не выражала своихъ сомнѣній при мужѣ, а только послѣ какъ-то призналась Лоттѣ-Ленѣ, что мужъ ея молодымъ человѣкомъ самъ безъ ума былъ отъ театра. Толкни его тогда кто-нибудь на сцену, онъ бы навѣрно сдѣлался актеромъ, но родители, напротивъ, оттолкнули его отъ этого. Но онъ всетаки желалъ какъ-нибудь пробраться на сцену и даже написалъ ради этого комедію.

— Я довѣряю вамъ большую тайну, милочка!—говорила совѣтница.—Комедія была не дурна, ее приняли на королевскую сцену и—освистали! Съ тѣхъ поръ о ней не было и слуха, чему я очень рада. Я, вѣдь, жена его и хорошо его знаю! Теперь и вы хотите пойти по той же дорогѣ—желаю вамъ всего хорошаго, но сомнѣваюсь въ успѣхѣ! Не вѣрю я въ ключъ!

А Лотта-Лена вѣрила и вполнѣ сходилась въ этомъ случаѣ съ совѣтникомъ. Вообще сердца ихъ отлично понимали другъ друга, но въ предѣлахъ честныхъ и благородныхъ отношеній.

Дѣвушка въ самомъ дѣлѣ отличалась многими достоинствами, которыхъ не могла не цѣнить и сама совѣтница. Лотта-Лена умѣла дѣлать крахмалъ изъ картофеля, перешивать старые шелковые чулки на перчатки и обтягивать заново свои шелковые бальные башмачки, даромъ что у нея хватало средствъ одѣваться во все новое. У нея, вѣдь, были, какъ выражался мелочной торговецъ, „и монетки въ шкатулкѣ и облигаціи въ денежномъ ящикѣ“. Словомъ, она бы какъ-разъ годилась въ жены аптекарю, думалось совѣтницѣ, но она ни сама не заговаривала объ этомъ, ни къ ключу не прибѣгала. Аптекарь долженъ былъ въ скоромъ времени обзавестись собственной аптечкой въ одномъ изъ ближайшихъ большихъ провинціальныхъ городовъ.

Лотта-Лена все еще читала „Дювеке“ и „Обхожденіе съ людьми“. Она держала у себя эти книги два года, но зато и выучила наизусть одну—„Дювеке“, выучила всѣ роли, а сама-то собиралась выступить лишь въ одной, именно въ роли Дювеке, но выступить не въ столицѣ, гдѣ всегда столько недоброжела-

телей и гдѣ ея знать не хотѣли. Лотта-Лена рѣшила начать свою „артистическую карьеру“—какъ выражался совѣтникъ—въ провинціи.

И вотъ, случилось такъ, что ей пришлось дебютировать въ томъ самомъ городѣ, гдѣ устроился молодой аптекарь въ качествѣ если не единственнаго, то самаго младшаго аптекаря.

Наконецъ, насталъ тотъ великій, долго жданный вечеръ, въ который Лотта-Лена должна была, по предсказанію ключа, завоевать себѣ побѣду и счастье. Совѣтникъ не могъ присутствовать на представленіи,—онъ лежалъ въ постели, и совѣтница угощала его горячими припарками и липовымъ чаемъ—припарками на желудокъ, а чаемъ въ желудокъ.

Итакъ, супруги не были на первомъ дебютѣ Лотты-Лены, но аптекарь былъ и написалъ о немъ своей родственницѣ совѣтницѣ.

„Лучше всего былъ воротникъ на Дювеке“, писалъ онъ. „Будь у меня въ карманѣ совѣтниковъ ключъ, я бы вытащилъ его и свистнулъ: этого заслуживала и Лотта-Лена, и самъ ключъ, безстыдно напророчившій ей „побѣду и счастье!“

Совѣтникъ прочелъ письмо и объявилъ, что все это одно недоброжелательство, „ключененависть“, которая отозвалась и на ни въ чемъ неповинной дѣвушкѣ.

И какъ только онъ поправился, сейчасъ же написалъ аптекарю небольшое, но ядовитое письмецо. Тотъ въ свою очередь отвѣтилъ, но такъ, какъ будто принялъ письмо совѣтника за самую безобидную и веселую шутку: благодарилъ совѣтника за настоящее, равно какъ и за всякое будущее разъясненіе неподражаемаго значенія и важности ключа, и признавался, что и самъ въ свободное отъ занятій время пишетъ большой романъ о ключахъ. Всѣ дѣйствующіе лица въ немъ—ключи; главнымъ же являлся ключъ отъ воротъ. Образцомъ для него послужилъ совѣтниковъ ключъ, какъ одаренный даромъ прозорливости и пророчества. Всѣ остальные ключи вертѣлись около этого ключа: и старый камергерскій ключъ, который знавалъ лучшія времена и разсказывалъ о придворномъ блескѣ и празднествахъ, и часовой ключикъ, такой изящный и важный, стоющій у часовыхъ дѣлъ мастера четыре скиллинга, и ключъ отъ церковныхъ дверей, который, оставшись однажды на ночь въ замочной скважинѣ, видѣлъ духовъ, и ключъ отъ кладовой, и ключъ отъ дровяного сарая, и отъ виннаго погреба. Всѣ они

низко склонялись передъ ключомъ отъ воротъ, всѣ вертѣлись около него. Солнечные лучи серебрили его, „всемірный духъ" вѣтеръ забирался въ него и свистѣлъ. Словомъ, этотъ ключъ всѣмъ ключамъ былъ ключъ: сначала-то онъ былъ только ключомъ отъ воротъ совѣтника, а затѣмъ сталъ ключомъ отъ воротъ рая, ключомъ-папою,—онъ, вѣдь, непогрѣшимъ!"

— Сколько злобы!—сказалъ совѣтникъ.—Чудовищной злобы!

Зато онъ больше и не видѣлся съ аптекаремъ—до самыхъ похоронъ совѣтницы.

Она умерла первая.

Въ домѣ была печаль и горе. Даже срѣзанныя вѣточки вишневыхъ деревьевъ, пустившія было свѣжія побѣги и покрывшіяся цвѣтами, и тѣ до того опечалились, что завяли; о нихъ позабыли; хозяйка не могла уже ухаживать за ними.

Совѣтникъ и аптекарь шли за гробомъ рядомъ, какъ близкіе родственники; тутъ было не время и не мѣсто сводить счеты.

Лотта-Лена обвязала шляпу совѣтника чернымъ крэпомъ. Она уже давно вернулась домой, не завоевавъ себѣ ни побѣды, ни счастья. Но она еще могла завоевать ихъ,—все будущее ея было еще впереди, а не даромъ же ключъ предсказалъ ей „побѣду и счастье" да и совѣтникъ подтвердилъ.

Она стала навѣщать его. Они бесѣдовали объ умершей и плакали вмѣстѣ,—сердце у Лотты было мягкое. Говорили они также и о театрѣ, но тогда Лотта-Лена становилась твердою.

— Жизнь актрисы прелестна!—говорила она.—Но сколько тамъ вздора и зависти! Нѣтъ, я лучше пойду своею дорогою! Сначала я сама, а потомъ ужъ искусство!

Она убѣдилась, что Книгге правъ въ своихъ сужденіяхъ объ актерахъ, а ключъ попросту навралъ ей, но не проговаривалась объ этомъ совѣтнику,—она любила его.

Ключъ былъ, вѣдь, истиннымъ его утѣшеніемъ въ дни скорби. Совѣтникъ задавалъ ему вопросы, а онъ отвѣчалъ. И вотъ, черезъ годъ, сидя вечеромъ рядомъ съ Лоттою-Леной, совѣтникъ спросилъ ключъ: „Женюсь-ли я и на комъ?"

На этотъ разъ никто не подталкивалъ его, онъ самъ подталкивалъ ключъ, и этотъ отвѣтилъ: „На Лоттѣ-Ленѣ!"

И Лотта-Лена сдѣлалась совѣтницею.

„Побѣда и счастье!" Недаромъ же это было ей предсказано, и предсказано—ключомъ.

ТЕТУШКА ЗУБНАЯ БОЛЬ.

Откуда мы взяли эту исторію? Хочешь знать?

Изъ бочки мелочного торговца, что биткомъ набита старою бумагою.

Не мало хорошихъ и рѣдкихъ книгъ попадаетъ въ бочки мелочныхъ торговцевъ, не какъ матеріалъ для чтенія, а какъ предметъ первой необходимости: надо же во что нибудь завертывать крахмалъ, кофе, селедки, масло и сыръ! Годятся для этого и рукописи. И вотъ, въ бочку часто попадаетъ то, чему бы вовсе не слѣдовало. Я знакомъ съ подручнымъ изъ одной бакалейной лавки; онъ собственно сынъ мелочного торговца изъ подвала, но сумѣлъ подняться оттуда въ магазинъ перваго этажа. Молодой человѣкъ очень начитанъ: у него, вѣдь, подъ рукой цѣлая бочка всякаго чтенія и печатнаго, и рукописнаго. И вотъ, малопо-малу у него составилось преинтересное собраніе. Въ собраніе это входятъ между прочимъ кое-какіе важные документы изъ корзинки для ненужныхъ бумагъ черезчуръ занятого или разсѣяннаго чиновника, и откровенныя записочки отъ пріятельницъ къ пріятельницамъ, содержащія такія скандальныя сообщенія, о которыхъ, собственно говоря, нельзя бы и заикаться. Боже сохрани! А ужъ передавать ихъ дальше—и подавно! Собраніе моего знакомаго—настоящая спасательная станція для многихъ литературныхъ произведеній, и поле его дѣятельности тѣмъ обширнѣе, что въ его распоряженіи бочки изъ двухъ лавокъ—хозяйской и отцовской. Много поэтому удалось ему спасти и книгъ, и отдѣльныхъ страницъ, которыя стоило перечесть и два раза.

Онъ и показалъ мнѣ однажды свое собраніе интересныхъ печатныхъ и рукописныхъ произведеній, извлеченныхъ главнымъ образомъ изъ бочки мелочного торговца. Между прочимъ я обратилъ вниманіе на нѣсколько страницъ, вырванныхъ изъ большой тетради; необыкновенно красивый и четкій почеркъ сразу бросился мнѣ въ глаза.

— Это писалъ студентъ!—сказалъ молодой человѣкъ.—Онъ жилъ вонъ въ томъ домѣ напротивъ и умеръ мѣсяцъ тому назадъ. Онъ, какъ видно изъ этихъ страницъ, страшно мучился зубами. Описано довольно забавно! Тутъ осталось немного, а была цѣлая тетрадь; родители мои дали за нее квартирной хозяйкѣ студента полфунта зеленаго мыла; но вотъ все, что мнѣ удалось спасти.

Я попросилъ его дать мнѣ прочесть эти страницы и теперь привожу ихъ здѣсь.

Заглавіе гласило:

Тетушка Зубная боль.

„Въ дѣтствѣ тетушка страшно пичкала меня сластями; однако, зубы мои выдержали, не испортились. Теперь я сталъ постарше, сдѣлался студентомъ, но она все еще продолжаетъ угощать меня сладкимъ—увѣряетъ, что я поэтъ.

Во мнѣ правда есть кое-какіе поэтическіе задатки, но я еще не настоящій поэтъ. Часто, когда я брожу по улицамъ, мнѣ кажется, что я въ огромной библіотекѣ; дома представляются мнѣ этажерками, а каждый этажъ—книжною полкою. На нихъ стоятъ и „обыкновенныя исторіи", и хорошія старинныя комедіи, и научныя сочиненія по всѣмъ отраслямъ, и всякая „литературная гниль", и хорошія произведенія—словомъ, я могу тутъ фантазировать и философствовать вволю!

Да, во мнѣ есть поэтическая жилка, но я еще не настоящій поэтъ. Такая жилка есть, пожалуй, и во многихъ людяхъ, а они всетаки не носятъ бляхи или ошейника съ надписью „поэтъ".

И имъ, какъ и мнѣ, дана отъ Бога благодатная способность, поэтическій даръ, вполнѣ достаточный для собственнаго обихода, но черезчуръ маленькій, чтобы дѣлиться имъ съ другими людьми. Даръ этотъ озаряетъ сердце и умъ, какъ солнечный лучъ, наполняетъ ихъ ароматомъ цвѣтовъ, убаюкиваетъ дивными, мелодичными звуками, которые кажутся такими родными, знакомыми, гдѣ же слышалъ ихъ впервые—вспомнить не можешь.

На-дняхъ вечеромъ я сидѣлъ въ своей коморкѣ, изнывая отъ желанія почитать, но у меня не было ни книги, ни даже единаго печатнаго листка, и вдругъ на столъ ко мнѣ упалъ листокъ—свѣжій зеленый листокъ липы. Его занесло ко мнѣ въ окно вѣтеркомъ.

Я сталъ разсматривать безчисленныя развѣтвленія жилокъ. По листку ползала маленькая букашка, словно задавшаяся цѣлью обстоятельно изучить его, и я невольно вспомнилъ о человѣческой мудрости. Вѣдь и мы всѣ ползаемъ по маленькому листку, знаемъ одинъ лишь этотъ листокъ и всетаки сплеча беремся читать лекцію о всемъ великомъ деревѣ—и о корнѣ его, и о стволѣ и о вершинѣ: мы толкуемъ и о Богѣ, и о человѣчествѣ и о безсмертіи, а знаемъ-то всего на всего одинъ листокъ!

Тутъ пришла ко мнѣ въ гости тетушка Миллэ. Я показалъ ей листокъ съ букашкой и передалъ, что мнѣ пришло по этому поводу въ голову. Глаза у тетушки загорѣлись.

— Да ты поэтъ!—вскричала она.—Пожалуй, величайшій изъ современныхъ поэтовъ! Дожить бы мнѣ только до твоей славы, и я бы охотно умерла! Ты всегда, съ самыхъ похоронъ пивовара Расмусена, поражалъ меня своею удивительною фантазіей!—Съ этими словами тетушка расцѣловала меня.

Кто же такая была тетушка Миллэ, и кто такой пивоваръ Расмусенъ?

Тетушкою мы, дѣти, звали тетку нашей матери; другого имени подобрать ей мы не умѣли.

Она страшно пичкала насъ вареньемъ и сахаромъ, хотя все это могло испортить наши зубы, но она не могла не побаловать насъ: она, питала къ милымъ дѣткамъ такую слабость и считала просто жестокимъ отказывать имъ въ сладостяхъ, которыя они такъ любятъ! Зато и мы очень любили тетушку.

Она была старою дѣвой, и съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ я ее помню, все однихъ лѣтъ! Она какъ будто застыла въ одномъ возрастѣ.

Въ молодости тетушка сильно страдала зубами и такъ часто разсказывала объ этомъ, что остроумный другъ ея, пивоваръ Расмусенъ, прозвалъ ее „тетушкой Зубною болью".

Онъ въ послѣдніе годы уже оставилъ свое занятіе и жилъ доходами съ капитала. Вотъ у него такъ и совсѣмъ не было зубовъ, а кое-гдѣ торчали только черные корешки. Дѣло въ томъ,— разсказывалъ онъ намъ, дѣтямъ,—что мальчикомъ онъ ѣлъ черезчуръ много сладкаго, и вотъ что изъ этого вышло!

А тетушка такъ, должно быть, совсѣмъ не ѣла въ дѣтствѣ ничего сладкаго,—зубы у нея были бѣлые-пребѣлые!

— Зато она и бережетъ-то ихъ какъ!—говорилъ пивоваръ.— Даже не спитъ съ ними ночью!

Мы, дѣти, почуяли въ этихъ словахъ какой-то злой намекъ, но тетя увѣрила насъ, что это онъ сказалъ только такъ.

Однажды за завтракомъ она разсказала, что ей приснился дурной сонъ—будто-бы у нея выпалъ зубъ!—И это означаетъ,— прибавила она:—что я лишусь истиннаго друга или подруги!

— Ну, а если это былъ фальшивый зубъ,—усмѣхнулся пивоваръ:—то, значитъ, вы лишитесь только фальшиваго друга!

— Вы—невѣжливый старый господинъ!—сердито прого-

ворила тетушка; такою сердитою я не видывалъ ее никогда, ни прежде, ни послѣ.

По уходѣ пивовара она, впрочемъ, сказала намъ, что старый другъ ея хотѣлъ только пошутить, что онъ благороднѣйшій человѣкъ въ свѣтѣ и когда умретъ—станетъ Божіимъ ангелочкомъ на небѣ!

Я сильно задумался надъ этимъ превращеніемъ, спрашивая себя, узнаю-ли я пивовара въ новомъ видѣ?

Когда и тетя и онъ были еще молоды, онъ сватался за нее, но она слишкомъ долго раздумывала, ну, и засѣла въ дѣвахъ, хотя и осталась ему вѣрнымъ другомъ.

И вотъ, пивоваръ Расмусенъ умеръ.

Его везли на самой дорогой погребальной колесницѣ; за нею тянулся длинный хвостъ провожатыхъ; между ними были даже господа въ орденахъ и мундирахъ!

Тетушка, вся въ траурѣ, смотрѣла на процессію изъ окна, собравъ около себя всѣхъ насъ ребятъ, кромѣ младшаго братца, котораго за недѣлю передъ тѣмъ принесъ намъ аистъ.

Колесница проѣхала, скрылись изъ виду и всѣ провожавшіе ее; улица опустѣла, и тетушка хотѣла отойти отъ окна, но я не хотѣлъ—я ждалъ ангелочка: пивоваръ Расмусенъ превратился, вѣдь, теперь въ ангелочка съ крылышками и долженъ былъ показаться намъ!

— Тетя!—сказалъ я.—Какъ ты думаешь, ангелочекъ Расмусенъ появится сейчасъ или, можетъ быть, его принесетъ аистъ, когда опять вздумаетъ прилетѣть къ намъ съ маленькимъ братцемъ?

Тетушка была просто поражена моею богатою фантазіей и сказала: „Изъ этого мальчика выйдетъ великій поэтъ!“ И она повторяла это все время, пока я ходилъ въ школу, повторяла, когда я уже конфирмовался, и даже теперь, когда я сталъ студентомъ.

Да, тетушка принимала и продолжаетъ принимать живѣйшее участіе и въ моемъ поэтическомъ и въ зубномъ недугѣ. Я страдаю по временамъ припадками и того и другого.

— Только выливай на бумагу всѣ твои мысли!—говорила она.—И бросай ихъ въ ящикъ стола! Такъ дѣлалъ Жанъ-Поль и сдѣлался великимъ поэтомъ, хотя я и не долюбливаю его! Онъ какъ-то не захватываетъ! А ты долженъ захватывать! И будешь!

Всю ночь послѣ этого разговора я провелъ въ мукахъ, сгорая

желаніемъ стать тѣмъ великимъ поэтомъ, котораго видѣла и угадала во мнѣ тетушка. Да, я мучился припадкомъ поэтическаго недуга! Но есть еще худшій недугъ: зубная боль!Та могла доконать, уничтожить меня въ конецъ, превратить въ какого-то извивающагося червя, обложеннаго припарками и шпанскими мушками!

— Мнѣ эта боль знакома!—говорила тетушка, сострадательно улыбаясь, а зубы ея при этомъ такъ и сверкали бѣлизною.

Но теперь наступаетъ новая глава, какъ въ описаніи моей жизни, такъ и въ описаніи жизни тетушки. — —

Я перебрался на новую квартиру, прожилъ въ ней уже съ мѣсяцъ и вотъ какъ описывалъ свое жилище въ разговорѣ съ тетушкою.

— Живу я въ „тихомъ семействѣ“; хозяева не обращаютъ на меня вниманія—даже если я звоню три раза подъ рядъ. Въ домѣ нашемъ постоянный крикъ, шумъ, гамъ и сквозняки. Комната моя приходится какъ-разъ надъ воротами, и стоитъ проѣхать подъ ними телѣгѣ—всѣ картины такъ и заходятъ по стѣнамъ; ворота захлопываются, и весь домъ содрогается, словно отъ землетрясенія. Если я лежу въ постели, сотрясеніе отдается у меня во всемъ тѣлѣ, но это, говорятъ, укрѣпляетъ нервы. Въ сильный вѣтеръ, а у насъ тутъ вѣчно сильный вѣтеръ, желѣзные болты ставень раскачиваются и бьютъ о стѣну, а колокольчикъ на сосѣднемъ дворѣ звонитъ безъ умолку.

Сосѣди мои по дому возвращаются домой не всѣ въ одинъ часъ, а такъ понемножку, одинъ за другимъ, кто—позднимъ вечеромъ, кто—даже ночью. Верхній жилецъ, что играетъ на тромбонѣ, цѣлый день ходитъ по урокамъ, возвращается домой позже всѣхъ и ни за что не уляжется прежде, чѣмъ совершитъ маленькую ночную прогулку взадъ и впередъ по комнатѣ; тяжелые шаги его такъ и раздаются у меня въ ушахъ, словно сапожищи у него подкованы желѣзомъ.

Въ домѣ нѣтъ двойныхъ рамъ, зато въ моей комнатѣ есть окно съ выбитымъ стекломъ. Хозяйка залѣпила его бумагою, но вѣтеръ всетаки пробирается сквозь скважину и гудитъ, словно шмель. Это колыбельная пѣсня. Но едва я, наконецъ, усну подъ нее, меня живо разбудитъ пѣтушиное ку-ка-ре-ку. Это пѣтухи и куры мелочного торговца возвѣщаютъ скорое наступленіе утра. Маленькія пони, которыя помѣщаются въ чуланчикѣ подъ лѣстницею,—для нихъ не имѣется особаго стойла—лягаются ради моціона и стучатъ копытами о двери.

Занимается заря; привратникъ, ночующій со всей семьей на чердакѣ, грузно спускается по лѣстницѣ; деревянные башмаки его стучатъ, ворота скрипятъ и хлопаютъ, домъ ходитъ ходуномъ. Когда же и это все кончено, надъ головою моею начинаются гимнастическія упражненія верхняго жильца. Онъ беретъ въ обѣ руки по тяжелой гирѣ, но сдержать ихъ не въ силахъ, и онѣ поминутно падаютъ на полъ. Въ это же время подымается на ноги и вся дѣтвора въ домѣ и съ шумомъ и крикомъ спѣшитъ въ школу. Я подхожу къ окну подышать свѣжимъ воздухомъ,—свѣжій воздухъ такъ подкрѣпляетъ! Но разсчитывать на него я могу лишь въ томъ случаѣ, если дѣвица, живущая въ заднемъ флигелѣ, не чиститъ перчатокъ бензиномъ, а она этимъ только и живетъ! И всетаки это очень хорошій домъ, и живу я въ очень тихомъ семействѣ!

Вотъ какъ я описалъ тетушкѣ мое житье-бытье. Описаніе это вышло въ устной передачѣ еще живѣе; устное слово всегда, вѣдь, свѣжѣе, жизненнѣе написаннаго!

— Ты положительно поэтъ!—вскричала тетушка.—Только изложи все на бумагѣ, и ты—тотъ же Диккенсъ! А по мнѣ такъ и еще интереснѣе! Ты просто рисуешь словами! Слушая тебя, такъ вотъ все и видишь передъ собой, сама переживаешь все! Брр! даже дрожь пробираетъ! Продолжай же творить! Но вводи въ свои описанія и живыхъ лицъ, людей, хорошихъ, милыхъ людей, лучше же всего—несчастныхъ!

Вотъ я и описалъ здѣсь мой домъ, каковъ онъ есть со всѣми его прелестями, но дѣйствующихъ лицъ пока никакихъ, кромѣ себя самого, не вывелъ. Они явятся позже! — —

Дѣло было зимою, поздно вечеромъ, по окончаніи спектакля въ театрѣ. Погода стояла ужасная, такая вьюга, что съ трудомъ можно было пробираться по улицѣ.

Тетушка отправилась въ театръ и взяла меня съ собой,—я долженъ былъ потомъ проводить ее домой. Но тутъ и одному-то едва-едва можно было двигаться, а не то что съ дамой! Всѣ извозчики были разобраны; тетушка жила далеко отъ театра, а я, напротивъ, очень близко; если бы не это, намъ съ ней пришлось бы засѣсть въ первой сторожевой будкѣ!

Мы вязли въ сугробахъ, насъ заносило снѣгомъ; я поддерживалъ, подымалъ, подталкивалъ тетушку, и мы упали всего два раза, да и то на мягкую подстилку.

Наконецъ, мы добрались до воротъ моего дома и стрях-

нули съ себя хлопья снѣга, на лѣстницѣ отряхнулись опять и всетаки, войдя въ самую квартиру, засыпали снѣгомъ весь полъ въ передней.

Затѣмъ мы поснимали съ себя и верхнее, и нижнее платье, все, что только можно было снять. Хозяйка моя одолжила тетушкѣ сухіе чулки и чепчикъ—самое необходимое, по словамъ доброй женщины—и затѣмъ совершенно резонно объявила, что тетушкѣ въ такую погоду нечего и думать добраться до дому, — такъ пусть переночуетъ въ гостиной, гдѣ ей устроятъ постель на диванѣ возлѣ запертой на ключъ двери въ мою спальню.

Такъ все и сдѣлали.

Въ печкѣ у меня развели огонь, на столѣ появился самоваръ, въ комнаткѣ стало тепло, уютно, хоть и не такъ, какъ у тетушки. У нея зимою и двери, и окна плотно завѣшены толстыми гардинами, полы устланы двойными коврами, подъ которыми положенъ еще тройной слой толстой бумаги,—сидишь словно въ закупоренной бутылкѣ, наполненной теплымъ воздухомъ! Но и у меня, какъ сказано, стало очень уютно. За окномъ вылъ вѣтеръ.

Тетушка говорила безъ умолку; на сцену выступили старыя воспоминанія: юные годы, пивоваръ Расмусенъ, и проч. Тетушка припомнила даже, какъ у меня прорѣзался первый зубокъ и какая была по этому поводу радость въ семьѣ.

Да, первый зубокъ! Зубъ невинности, блестящій, какъ молочная капелька, молочный зубъ!

Прорѣзался одинъ, за нимъ другой, третій, и вотъ, выстраиваются цѣлыхъ два ряда, одинъ сверху, другой снизу, чудеснѣйшихъ дѣтскихъ зубовъ! Но это еще только авангардъ, а не настоящая армія, которая должна будетъ служить намъ всю жизнь. Но вотъ является и она, а за нею и зубы мудрости, фланговые, прорѣзывающіеся съ такою болью и трудомъ!

А потомъ они мало-по-малу и выбываютъ изъ строя, выбываютъ всѣ до единаго, и даже раньше времени, не отслуживъ всего срока! Наконецъ, настаетъ день—нѣтъ и послѣдняго служиваго, и день этотъ уже не праздникъ, а день печали. Съ этого дня ты—старикъ, какъ бы ни былъ молодъ душой!

Не очень-то весело думать и говорить о такихъ вещахъ, а мы съ тетушкой всетаки заговорили о нихъ, вернулись затѣмъ къ годамъ дѣтства и болтали, болтали безъ конца. Было

уже за-полночь когда тетушка, наконецъ, удалилась на покой въ сосѣднюю комнату.

— Покойной ночи, милый мой мальчикъ!—крикнула она мнѣ изъ за двери.—Теперь я засну, словно на своей собственной постели!

И она угомонилась, но домъ нашъ и погоду никакой угомонъ не бралъ! Буря дребезжала оконными стеклами, хлопала длинными желѣзными болтами ставень и звонила на сосѣднемъ дворѣ въ колокольчикъ; верхній жилецъ вернулся домой и принялся расхаживать передъ сномъ взадъ и впередъ, потомъ швырнулъ на полъ свои сапожищи и, наконецъ, захрапѣлъ такъ, что слышно было черезъ потолокъ.

Я не могъ успокоиться; не успокоивалась и погода; она вела себя непозволительно рѣзво. Вѣтеръ вылъ на свой ладъ, а зубы мои начали ныть на свой. Это была прелюдія къ зубной боли!

Изъ окна дуло. Лунный свѣтъ падалъ прямо на полъ; временами по нему пробѣгали какія-то тѣни, словно облачка, гонимыя бурею. Тѣни скользили и перебѣгали, но, наконецъ, одна изъ нихъ приняла опредѣленныя очертанія; я смотрѣлъ на ея движенія и чувствовалъ, что меня пробираетъ морозъ.

На полу сидѣло видѣніе, худая длинная фигура, вродѣ тѣхъ, что рисуютъ маленькіе дѣти грифелемъ на аспидной доскѣ: длинная тонкая черта изображаетъ тѣло, двѣ по бокамъ—руки, двѣ внизу—ноги, и многоугольникъ на верху—голову.

Скоро видѣніе приняло еще болѣе ясныя очертанія; обрисовалось одѣяніе, очень тонкое, туманное, но все же ясно указывающее на особу женскаго пола.

Я услышалъ жужжаніе. Призракъ-ли то гудѣлъ, или вѣтеръ жужжалъ, какъ шмель, застрявшій въ оконной скважинѣ?

Нѣтъ, это гудѣла она! Это была сама госпожа Зубная боль, исчадіе самого ада! Да сохранитъ и помилуетъ отъ нея Богъ всякаго!

— Тутъ славно!—гудѣла она.—Славное мѣстечко, болотистая почва! Тутъ водились комары; у нихъ ядъ въ жалахъ, и я тоже достала себѣ жало, надо только отточить его о человѣческіе зубы! Ишь, какъ они блестятъ вонъ у того, что растянулся на кровати! Они устояли и противъ сладкаго, и противъ кислаго, противъ горячаго и холоднаго, противъ орѣховъ и сливныхъ косточекъ! Такъ я жъ расшатаю ихъ, развинчу, наполню корни сквознякомъ! То-то засвиститъ въ нихъ!

Ужасныя рѣчи, ужасная гостья!

— А, такъ ты поэтъ!—продолжала она.—Ладно, я научу тебя всѣмъ размѣрамъ мукъ! Я примусь за тебя, прижгу тебя каленымъ желѣзомъ, продерну веревки во всѣ твои нервы!

Въ челюсть мнѣ какъ будто вонзили раскаленное шило; я скорчился отъ боли, началъ извиваться, какъ червь.

— Чудесный матеріалъ! — продолжала она. — Настоящій органъ для игры! И задамъ же я сейчасъ концертъ! Загремятъ и барабаны, и трубы, и флейты, а въ зубѣ мудрости—тромбонъ! Великому поэту великая и музыка!

И вотъ, она начала играть! Видъ у нея былъ ужасный, нужды нѣтъ, что я видѣлъ одну ея руку, эту туманную, холодную, какъ ледъ, руку съ длинными, тонкими, шилообразными пальцами. Каждый былъ орудіемъ пытки: большой и указательный образовывали клещи, средній былъ острымъ шиломъ, безымянный—буравомъ, и мизинецъ —спринцовкой съ комаринымъ ядомъ.

— Я научу тебя всѣмъ размѣрамъ!—опять начала она.— Великому поэту—великая и зубная боль, а маленькому поэту— маленькая!

— Такъ пусть я буду маленькимъ!—взмолился я.—Пусть совсѣмъ не буду поэтомъ! Да я и не поэтъ! На меня только находятъ временами припадки стихотворнаго недуга, какъ находятъ и припадки зубного! Уйди же! Уйди!

— Такъ ты признаешь, что я могущественнѣе поэзіи, философіи, математики и всей этой музыки?—спросила она.—Могущественнѣе всѣхъ человѣческихъ чувствъ и ощущеній, изваянныхъ изъ мрамора и написанныхъ красками? Я, вѣдь, и старше ихъ всѣхъ! Я родилась у самыхъ воротъ рая, гдѣ дулъ холодный вѣтеръ и росли отъ сырости грибы. Я заставила Еву одѣваться въ холодную погоду, да и Адама тоже! Да, ужъ повѣрь, что первая зубная боль имѣла силу!

— Вѣрю!—сказалъ я.—Вѣрю всему! Уйди же, уйди!

— А ты откажешься отъ желанія стать поэтомъ, писать стихи—на бумагѣ, грифельной доскѣ, на чемъ бы то ни было? Тогда я оставлю тебя! Но я вернусь, какъ только ты опять возьмешься за стихи!

— Клянусь, оставлю все!—сказалъ я.—Только бы мнѣ никогда больше не видѣть, не чувствовать тебя!

— Видѣть-то ты меня будешь, только въ болѣе пріятномъ

и дорогомъ для тебя образѣ—въ образѣ тетушки Миллэ, и я буду говорить тебѣ: „Сочиняй, мой милый мальчикъ! Ты великій поэтъ; пожалуй, величайшій изъ нашихъ поэтовъ!“ Но если ты повѣришь мнѣ и возьмешься за кропаніе стиховъ, я положу твои стихи на музыку и разыграю ее на твоихъ зубахъ! Такъ-то, милый мальчикъ! Помни же обо мнѣ, бесѣдуя съ тетушкою Миллэ!

Тутъ она исчезла.

На прощанье я получилъ въ челюсть еще одинъ уколъ раскаленнымъ шиломъ. Но вотъ боль начала утихать... Я какъ будто скользилъ по зеркальной глади озера, вокругъ меня цвѣли бѣлыя кувшинки съ широкими зелеными листьями... Онѣ колыхались, погружались подо мною, увядали, распадались въ прахъ, и я погружался вмѣстѣ съ ними, погружался въ какую-то тихую бездну... Покой, тишина!.. „Умереть, растаять, какъ снѣжинка, испариться, превратиться въ облако и растаять, какъ облако!“ звучало вокругъ меня въ водѣ.

Сквозь прозрачную воду я видѣлъ сіяніе великихъ именъ, надписи на развѣвающихся побѣдныхъ знаменахъ, патенты на безсмертіе, начертанные на крыльяхъ мухи-поденки.

Я погрузился въ глубокій сонъ, безъ сновидѣній, и не слышалъ больше ни воя вѣтра, ни хлопанья воротъ, ни звона колокольчика, ни гимнастики верхняго жильца.

Блаженство!

Вдругъ, налетѣлъ такой порывъ вѣтра, что запертая дверь въ комнату, гдѣ спала тетушка, распахнулась. Тетушка вскочила, надѣла башмаки, накинула платье и вошла ко мнѣ. Но я спалъ—расказывала она мнѣ потомъ—сномъ праведника, и она не рѣшилась разбудить меня. Я проснулся самъ; въ первую минуту я ничего не помнилъ, не помнилъ даже, что тетушка ночевала тутъ въ домѣ, но потомъ припомнилъ все, припомнилъ и ужасную ночную гостью. Сонъ и дѣйствительность слились въ одно.

— А ты не писалъ чего-нибудь вечеромъ, послѣ того, какъ мы попрощались?—спросила тетушка.—Ахъ, если бы ты писалъ! Ты, вѣдь, у меня поэтъ и будешь поэтомъ!

Мнѣ показалось при этомъ, что она лукаво-прелукаво улыбнулась, и я ужъ не зналъ—любящая-ли это тетушка Миллэ предо мною или ужасное ночное видѣніе, взявшее съ меня слово никогда не писать стиховъ?

— Такъ ты не писалъ стиховъ, милый мой мальчикъ?

— Нѣтъ, нѣтъ! — вскричалъ я. — А ты... ты — тетушка Миллэ?

— А то кто же?—сказала она. И впрямь это была тетушка Миллэ. Она поцѣловала меня, взяла извозчика и уѣхала домой.

Я, однако, рѣшился написать то, что тутъ написано: это, вѣдь, не стихи, да и напечатано никогда не будетъ!..“

На этомъ рукопись обрывалась. Молодой другъ мой, будущій прикащикъ бакалейнаго магазина, такъ и не могъ добыть остальной части тетрадки; она пошла гулять по бѣлу-свѣту въ видѣ обертки для селедокъ, масла и зеленаго мыла—выполнила свое назначеніе!

Пивоваръ умеръ, тетушка умерла, самъ студентъ умеръ, а искорки его таланта угодили въ бочку. Вотъ каковъ былъ конецъ исторіи—исторіи о тетушкѣ Зубной боли!

СИДЕНЬ.

Въ старой барской усадьбѣ жили славные молодые господа. Жили они богато, счастливо, себѣ ни въ чемъ не отказывали и другихъ не забывали—дѣлали много добра: имъ хотѣлось всѣхъ видѣть такими же счастливыми, довольными, какими были сами.

Въ сочельникъ въ богатой залѣ замка зажигалась великолѣпно изукрашенная елка; въ каминѣ ярко пылалъ огонь, а рамки старыхъ картинъ были окружены вѣнками изъ еловыхъ вѣтвей. Къ господамъ собирались гости, начиналась музыка, танцы.

А пораньше, подъ вечеръ, рождественское веселье устраивалось и въ людской. Тутъ тоже красовалась большая елка, пестрѣвшая красными и бѣлыми свѣчками, національными флагами, бумажными лебедями и сѣточками, наполненными сластями. На эту елку приглашали также всѣхъ бѣдныхъ ребятишекъ изъ окрестности съ ихъ матерями. Матери не очень-то заглядывались на елку, а больше все поглядывали на столъ съ подарками: шерстяными и бумажными матеріями на платья и штанишки. Туда же смотрѣли и дѣти постарше, и только малыши тянулись ручонками къ свѣчамъ, мишурѣ и флагамъ.

Вся эта пестрая компанія являлась сюда рано послѣ обѣда

и угощалась рождественскою кашею и жаренымъ гусемъ съ красною капустою; послѣ же того, какъ всѣ успѣвали до сыта налюбоваться елкой и получить свои подарки, каждому подносили еще по чарочкѣ пунша, да по яблочной пышкѣ.

Затѣмъ гости расходились по своимъ бѣднымъ лачугамъ, и тамъ-то начинались разговоры о томъ, какъ славно живется барамъ—какъ они сладко ѣдятъ и пьютъ, а, наговорившись, всѣ принимались еще разъ хорошенько разглядывать свои подарки.

Въ услуженіи у господъ жили также Оле и Кирстина—мужъ съ женою. Они были приставлены къ господскому саду въ помощь садовнику и получали за свой трудъ помѣщеніе и столъ. Кромѣ того, на ихъ долю каждый сочельникъ доставались положенные подарки, и всѣхъ пятерыхъ дѣтей одѣвали на свой счетъ господа.

— Много дѣлаютъ добра наши господа!—говорили мужъ и жена.—Ну да, вѣдь, на то у нихъ и средства, чтобы доставлять себѣ этимъ удовольствіе!

— Тутъ славныя платья для четверыхъ ребятъ!—сказалъ Оле.—Что-же, нѣтъ ничего для сидня? Прежде они и его не забывали, хоть онъ и не бываетъ на елкѣ!

„Сиднемъ“ прозвали они старшаго сына; звали же его собственно Гансомъ. Малышемъ онъ былъ рѣзвымъ, крѣпкимъ ребенкомъ, но потомъ вдругъ съ чего-то „ослабѣлъ ногами“—какъ они говорили—не могъ больше ни стоять, ни ходить, и вотъ лежалъ въ постели уже пятый годъ.

— У меня есть кое-что и для него!—сказала мать.—Только не Богъ вѣсть что—книжка для чтенія ему!

— Сытъ онъ съ нея будетъ, нечего сказать!—замѣтилъ отецъ.

Зато самъ-то Гансъ очень обрадовался книжкѣ. Онъ былъ мальчикъ способный, любилъ читать, да и работать не лѣнился и трудился насколько хватало силъ и умѣнья. Онъ не сходилъ съ постели, но руки у него были проворныя, и онъ прилежно вязалъ шерстяные чулки и даже одѣяла, которыя госпожа помѣщица хвалила и покупала.

Книжка, что подарили Гансу господа, оказалась со сказками. Было ему теперь что почитать, о чемъ поразмыслить!

— А въ домѣ-то отъ нея всетаки пользы мало!—сказали родители.—Ну да пусть себѣ почитаетъ отъ скуки, не все же ему чулки вязать!

Пришла весна; начала пробиваться травка, показались пер-

вые цвѣточки, а съ ними и сорныя травы, какъ, напримѣръ, можно обозвать крапиву, хотя о ней такъ прекрасно сказано въ псалмѣ:

„Хотя бы всѣхъ земныхъ царей
Со всѣхъ концовъ земли созвать,
То все же властью имъ своей
Листка крапивы не создать!“ *)

Въ господскомъ саду было поэтому много работы не только самому садовнику и его ученикамъ, но и Оле и Кирстинѣ.

— Ну, и работа!—говорили они.—Только что мы выполемъ и вычистимъ всѣ дорожки — ихъ опять затопчутъ! Гости-то, вѣдь, у господъ не переводятся! И во что это обходится имъ! Ну да и то сказать—куда-жъ имъ деньги-то дѣвать?

— Да, мудрено распредѣлено все на свѣтѣ! — сказалъ Оле.—Всѣ мы дѣти одного Отца-Господа, говоритъ священникъ, откуда же такая разница?

— Пошла она съ грѣхопаденія!—говорила Кирстина.

Объ этомъ же зашелъ у нихъ разговоръ и вечеромъ, когда „сидень“ лежалъ и читалъ свои сказки. Отъ нужды и тяжелаго труда огрубѣли не только руки, но и сердце и мысли бѣдняковъ; они не могли переварить своей бѣдности, не могли взять въ толкъ ея причинъ и, говоря о томъ, раздражались все больше и больше.

— Одни живутъ въ довольствѣ и въ счастьи, другіе вѣкъ свой должны мыкать горе! И съ какой стати намъ платиться за непослушаніе и любопытство нашихъ прародителей! Мы бы на ихъ мѣстѣ ничего такого не сдѣлали!

— Сдѣлали бы!—сказалъ вдругъ „сидень“.—Вотъ тутъ въ книжкѣ все сказано!

— Что тамъ сказано?—спросили родители.

И Гансъ прочелъ имъ старую сказку о дровосѣкѣ и его женѣ. Они тоже бранили Адама и Еву за ихъ любопытство, ставшее виною людского несчастья, а въ это время мимо какъразъ проходилъ король той страны. „Идите за мною!“ сказалъ онъ. „Вы будете жить не хуже меня; на столъ вамъ будутъ подавать по семи блюдъ, да еще одно сверхъ того, но на него вы можете только смотрѣть. Стóитъ же вамъ дотронуться до этой

*) Изъ псалма епископа Томаса Кинго. (1634—1703). *Примѣч. перев.*

закрытой миски—конецъ вашему сладкому житью!“—„Что бы такое было въ этой мискѣ?“ спросила жена. „Это насъ не касается!“ отвѣтилъ мужъ. „Да я и не любопытствую!“ продолжала жена:—„Мнѣ только хотѣлось бы знать, почему намъ нельзя приподнять крышку? Ужъ, навѣрно, тамъ что-нибудь отмѣнно вкусное!“ „Только бы не какая-нибудь хитрая механика!“ сказалъ мужъ. „Вдругъ какъ выстрѣлитъ, да всполошитъ весь домъ!“ „Ой-ой!“ сказала жена и не посмѣла дотронуться до миски. Но ночью ей приснилось, что крышка приподнялась сама собой, и изъ миски запахло чудеснѣйшимъ пуншемъ, какой подаютъ только на свадьбахъ да на похоронахъ. Еще въ мискѣ лежала серебряная монетка съ надписью: „Напьетесь этого пунша и сдѣлаетесь такими богачами, что всѣ остальные люди будутъ передъ вами нищими!“ Тутъ она проснулась и разсказала мужу свой сонъ. „Ты слишкомъ много думаешь объ этомъ!“ сказалъ онъ. „А что, если чуть-чуть приподнять крышку?“ сказала жена. „Только чуть-чуть, смотри!“ сказалъ мужъ. Жена приподняла крышку—чуть-чуть... Изъ миски выскочили два юркихъ мышонка и шмыгнули въ щелочку. „Спокойной ночи!“ сказалъ король. „Можете теперь отправляться во-свояси! Да не браните больше Адама и Еву,—вы сами такіе же любопытные и неблагодарные!“

— Какъ эта исторія могла попасть въ книгу?—спросилъ Оле.—Вѣдь, она точно на насъ написана! Да, тутъ есть надъ чѣмъ призадуматься!

На другой день они опять пошли на работу, и за день-то ихъ и солнцемъ пожгло и дождикомъ до костей промочило. Опять накипѣло у нихъ на душѣ, опять принялись они пережевывать невеселыя думы и чувства. Отужинали они засвѣтло, и Оле сказалъ Гансу:

— Ну-ка, прочти намъ опять ту исторію о дровосѣкѣ!

— Да тутъ много другихъ хорошихъ!—сказалъ Гансъ.—Вы ихъ еще не знаете!

— И не надо!—отвѣтилъ отецъ.—Я хочу слышать ту, которую знаю!

И мужъ съ женою опять прослушали ту же сказку. И не разъ еще возвращались они къ ней по вечерамъ.

— Не все-то она мнѣ, однако, распутываетъ!—сказалъ разъ Оле.—Поди-жъ ты вотъ, и съ людьми бываетъ, что съ молокомъ, когда оно скисается: выходитъ и дорогой сыръ и жид-

кая сыворотка! Иные такъ ужъ и родятся на счастье, да на радость, никакого горя, никакой нужды весь вѣкъ не знаютъ!

„Сидень" лежалъ и слушалъ. Онъ былъ слабъ ногами, но не умомъ и вотъ, взялъ да въ отвѣтъ на это и прочелъ родителямъ изъ своей книжки сказку „о человѣкѣ, который сроду не знавалъ ни горя, ни нужды." Да, гдѣ только было искать такого человѣка? А найти его надо было: король лежалъ при смерти, и спасти его могла только рубашка съ человѣка, который бы по правдѣ могъ сказать, что сроду не знавалъ ни горя, ни нужды. Разослали гонцовъ во всѣ концы свѣта, по всѣмъ замкамъ и усадьбамъ, ко всѣмъ зажиточнымъ и довольнымъ жизнью людямъ, но стоило хорошенько поразспросить ихъ и оказывалось, что всѣ они испытали и нужду, и горе. „А вотъ я—нѣтъ!" заявилъ одинъ свинопасъ; онъ сидѣлъ у канавы и весело распѣвалъ пѣсенку. „Я счастливѣйшій человѣкъ на свѣтѣ!" „Такъ давай сюда твою рубашку!" сказали посланные. „Тебѣ дадутъ за нее полкоролевства!" Но у него не было рубашки. А онъ всетаки называлъ себя счастливцемъ!"

— Вотъ такъ франтъ!—вскричалъ Оле, и оба—и онъ и жена принялись смѣяться, какъ не смѣялись уже много лѣтъ.

А мимо ихъ жилища проходилъ школьный учитель.

— Ишь какое у васъ сегодня веселье!—сказалъ онъ.—Вотъ новость-то! Въ лоттерею выиграли, что-ли?

— Нѣтъ, не то!—сказалъ Оле.—Это вотъ Гансъ прочелъ намъ сказку „о человѣкѣ, сроду не знавшемъ ни нужды, ни горя", а оказалось, что у молодца и рубашки-то на тѣлѣ не было! Поневолѣ размякнешь душой, какъ послушаешь такую исторію, да еще прямо изъ книжки! Правда знать, у всякаго свой крестъ; никто не избавленъ отъ этого! Всетаки утѣшеніе!

— Откуда у васъ эта книга?—спросилъ учитель.

— А ее прошлый годъ подарили Гансу на елкѣ! Господа подарили. Они знаютъ, что онъ охотникъ читать, да и „сидень" вдобавокъ! Мы-то было жалѣли тогда, что они не подарили ему лучше на пару рубахъ! Но книжка-то оказалась дѣльною: она словно отвѣчаетъ тебѣ на всѣ твои мысли!

Учитель взялъ книжку и раскрылъ ее.

— Ну-ка, пусть онъ прочтетъ намъ эту исторію еще разокъ!—попросилъ Оле.—Я не запомнилъ ее, какъ слѣдуетъ. А потомъ пусть прочтетъ и другую—о дровосѣкѣ!—Эти двѣ сказки вполнѣ удовлетворяли Оле; онѣ какъ будто освѣщали солнышкомъ все

жилье и разгоняли тяжелыя, мрачныя думы, одолѣвавшія бѣдняковъ. А самъ-то Гансъ успѣлъ прочесть и перечесть свою книжку не разъ; сказки уносили его въ недоступный ему міръ,—ноги, вѣдь, не носили бѣдняжку.

Школьный учитель присѣлъ у постели и побесѣдовалъ съ мальчикомъ. Бесѣда эта обоимъ доставила большое удовольствіе, и съ того дня учитель часто сталъ заходить къ Гансу, когда родители были на работѣ. Для мальчика же каждое посѣщеніе учителя было настоящимъ праздникомъ. Какъ внимательно слушалъ онъ разсказы старика о величинѣ земли, о разныхъ странахъ, о томъ, что солнце почти въ полмиліона разъ больше земли и находится такъ далеко отъ нея, что пущенное съ солнца пушечное ядро долетѣло бы до земли только черезъ двадцать пять лѣтъ, тогда какъ лучъ свѣта достигаетъ до нея всего въ восемь минутъ.

Все это извѣстно въ наше время каждому прилежному школьнику, но для Ганса все это было новостью куда болѣе чудесною, нежели всѣ сказки въ его книжкѣ.

Раза два въ году школьнаго учителя приглашали отобѣдать въ замкѣ, и вотъ, однажды онъ воспользовался случаемъ—разсказалъ господамъ, какое значеніе пріобрѣла для бѣдняковъ та книжка, которую они подарили мальчику, какое благодѣтельное отрезвляющее вліяніе имѣли на бѣдняковъ какія-нибудь двѣ сказки! Хилый, но умный мальчикъ вливалъ своимъ чтеніемъ миръ и отраду въ сердца родителей и заставлялъ работать ихъ мысли.

Когда учитель сталъ прощаться, госпожа вручила ему пару серебряныхъ далеровъ для маленькаго Ганса.

— Пусть ихъ возьмутъ отецъ съ матерью!—сказалъ Гансъ, когда учитель принесъ ему деньги. А тѣ сказали:

— Сидень-то нашъ тоже оказывается намъ на радость и на пользу!

Дня два спустя, днемъ, когда родители Ганса были на работѣ, передъ жилищемъ ихъ остановилась господская карета. Это пожаловала навѣстить „сидня“ сама добрая госпожа; она была такъ рада, что ея рождественскій подарокъ доставилъ столько утѣхи и удовольствія и родителямъ, и мальчику! На этотъ разъ она привезла ему бѣлаго хлѣба, фруктовъ, бутылку сладкаго сока и—что всего больше обрадовало бѣдняжку—вызолоченную клѣтку съ маленькою черненькою птичкой. Какъ она мило насвистывала! Клѣтку съ птичкой поставили на высокій деревянный сун-

дукъ, неподалеку отъ постели мальчика, чтобы онъ постоянно могъ любоваться на птичку. Пѣніе же ея слышно было даже на улицѣ.

Оле и Кирстина вернулись домой уже послѣ отъѣзда госпожи. Они хоть и видѣли, какъ радъ былъ птичкѣ мальчикъ, всетаки отнеслись къ подарку, какъ къ лишней обузѣ въ домѣ.

— Много они разсуждаютъ, эти баре! — сказали они. — Вотъ у насъ теперь еще новая забота—ходить за птицей! Самъ-то сидень, вѣдь, не можетъ! Ну, и кончится тѣмъ, что кошка съѣстъ ее!

Прошла недѣля, прошла другая; кошка за это время много разъ побывала въ горницѣ, не выказывая поползновенія даже испугать птичку, не то что съѣсть. Но вотъ, случилось удивительное событіе. Дѣло было послѣ обѣда, родители и всѣ дѣти были на работѣ; дома оставался одинъ Гансъ. Онъ сидѣлъ на постели и перечитывалъ сказку о женѣ рыбака, всѣ желанія которой исполнялись сейчасъ же. Захотѣла стать королемъ и стала, захотѣла стать императоромъ—тоже, но когда захотѣла стать самимъ Богомъ—очутилась опять въ грязи, откуда только что выбралась.

Исторія эта не имѣла ни малѣйшаго отношенія ни къ птицѣ, ни къ кошкѣ; „сидень“ только читалъ ее, когда произошло замѣчательное событіе, и навсегда запомнилъ это обстоятельство.

Клѣтка помѣщалась на сундукѣ; кошка стояла на полу и пристально глядѣла на птицу своими желто-зелеными глазами. Взглядъ ея какъ будто говорилъ птичкѣ: „Какъ ты мила! Такъ бы и съѣла тебя!“

Гансъ прочелъ это во взглядѣ кошки и закричалъ: „Брысь! Вонъ изъ комнаты!“ А кошка какъ будто готовилась къ прыжку.

Гансъ не могъ достать до нея, и подъ руками у него не было ничего, кромѣ драгоцѣннѣйшаго его сокровища—книжки со сказками. Но онъ всетаки бросилъ ею въ кошку; корочки переплета оторвались и полетѣли въ одну сторону, а книжка въ другую. Кошка же только слегка отодвинулась и посмотрѣла на Ганса, словно говоря: „И не суйся лучше, милый мой! Я-то могу и бѣгать и прыгать, а ты вотъ нѣтъ!“

Гансъ слѣдилъ за каждымъ движеніемъ кошки и весь трепеталъ отъ волненія. Птичка тоже заметалась въ клѣткѣ. Позвать было некого, и кошка точно знала это. Вотъ, она опять стала готовиться къ прыжку. Гансъ принялся махать на нее

своимъ одѣяломъ,—руками-то онъ могъ дѣйствовать—но кошка не обращала на одѣяло никакого вниманія. Наконецъ, Гансъ даже запустилъ въ нее одѣяломъ, но безъ всякой пользы; кошка вскочила на стулъ, а потомъ на подоконникъ, откуда было ближе добраться до птички.

Вся кровь прихлынула къ сердцу Ганса, но онъ о томъ и не думалъ, онъ думалъ только о кошкѣ и птичкѣ. Что же, однако, могъ онъ сдѣлать? Какъ ему сойти съ постели? Онъ не могъ даже встать на ноги, не то что двигаться!.. Сердце мальчика какъ будто перевернулось въ груди, когда онъ увидѣлъ, что кошка вдругъ прыгнула съ окна прямо на сундукъ и опрокинула клѣтку на бокъ. Птичка отчаянно забилась. Гансъ вскрикнулъ, по тѣлу его пробѣжалъ судорожный трепетъ, и онъ, не помня себя, спрыгнулъ съ постели, кинулся къ сундуку, крѣпко схватилъ клѣтку съ перепуганной птичкой и выбѣжалъ на улицу. Тутъ у него брызнули изъ глазъ слезы, и онъ громко возликовалъ: „Я могу ходить! Я могу ходить!“

Онъ вдругъ выздоровѣлъ; это случается, случилось и съ нимъ.

Учитель жилъ рядомъ, Гансъ и кинулся къ нему какъ былъ—босоножкой, въ одной рубашонкѣ да курточкѣ, съ клѣткой въ рукахъ.

— Я могу ходить!—кричалъ онъ.—Господи Боже мой!—И онъ зарыдалъ отъ радости.

Да, вотъ была въ тотъ день радость въ домѣ Оле и Кирстины!

— Счастливѣе этого дня намъ ужъ не дождаться!—сказали они оба.

Ганса позвали къ господамъ; много лѣтъ уже не ходилъ онъ по этой дорогѣ, и теперь ему казалось, что и деревья-то всѣ и кусты, которые онъ такъ хорошо зналъ, кивали ему вѣтвями и говорили: „Здорово, Гансъ! Добро пожаловать!“ Солнышко такъ и играло у него на лицѣ и въ сердечкѣ!

Добрые молодые господа усадили Ганса и такъ радовались его выздоровленію, словно онъ былъ имъ родной. Особенно радовалась сама госпожа: это она, вѣдь, подарила ему и книжку со сказками, и птичку. Птичка, правда, околѣла отъ испуга, но всетаки была виновницей выздоровленія Ганса, а книжка тоже сослужила немалую службу: развлекала и утѣшала и мальчика, и его родителей. Онъ и не хотѣлъ разставаться съ нею никогда, хотѣлъ беречь и постоянно перечитывать ее до какой бы глубокой старости ни дожилъ! Теперь онъ уже могъ быть въ по-

мощь своимъ родителямъ и собирался научиться какому-нибудь ремеслу—лучше всего переплетному: тогда ему можно будетъ читать всѣ новыя книги!

Но послѣ обѣда госпожа призвала къ себѣ родителей Ганса,—она уже поговорила о мальчикѣ съ мужемъ, Гансъ былъ мальчикъ прилежный, набожный и способный къ ученью, ну, и Господь не оставитъ его!

Въ этотъ вечеръ родители Ганса вернулись домой какъ нельзя болѣе довольные, особенно Кирстина, но черезъ недѣлю она заливалась горькими слезами, снаряжая своего Ганса въ путь. Правда его одѣли въ хорошее платье, и самъ онъ былъ мальчикъ хорошій, но теперь его приходилось отправить за море, далеко-далеко! Онъ поступитъ въ гимназію, и пройдутъ долгіе годы, прежде чѣмъ родители опять свидятся съ нимъ!

Книжку со сказками ему не дали съ собою; родители хотѣли сохранить ее на память. И отецъ частенько перечитывалъ все тѣ же двѣ сказки,—ихъ-то онъ зналъ!

И вотъ, отъ Ганса стали приходить письма, одно другого радостнѣе. Онъ жилъ у хорошихъ людей, въ хорошей обстановкѣ, а лучше всего было то, что онъ могъ посѣщать школу! Многому могъ онъ тамъ научиться! Теперь у него было только одно желаніе: дожить до ста лѣтъ и потомъ когда-нибудь сдѣлаться школьнымъ учителемъ!

— Дожить бы намъ до этого!—толковали родители, пожимая другъ другу руки, словно шли къ причастію.

— Да, вотъ что случилось съ Гансомъ!—сказалъ Оле.—Господь, значитъ, печется и о дѣтяхъ бѣдняковъ! На нашемъ-то сиднѣ это какъ-разъ и сказалось. А, право, всетаки это смахиваетъ на сказку! Такъ вотъ и кажется, что сидень только прочелъ намъ обо всемъ этомъ изъ своей книжки со сказками!

ПРИМѢЧАНІЯ Г. Х. АНДЕРСЕНА

къ полному собранію сказокъ и разсказовъ.

I.

Примѣчанія къ двумъ первымъ томамъ, вышедшимъ въ 1862 г.

Въ данное изданіе входятъ всѣ помѣщенныя раньше въ различныхъ выпускахъ и сборникахъ сказки и разсказы, иллюстрированные *В. Педерсеномъ;* помѣщены они здѣсь приблизительно въ томъ порядкѣ, въ какомъ написаны и напечатаны.

Мнѣ говорили, что нѣкоторыя данныя относительно происхожденія и появленія въ свѣтъ сказокъ были бы не совсѣмъ безъинтересны для читателей, вотъ почему я и привожу ихъ здѣсь.

Къ Рождеству 1829 г. вышелъ небольшой сборникъ моихъ стихотвореній, въ концѣ котораго была помѣщена сказка въ прозѣ «*Мертвецъ*». Слышалъ я ее еще въ дѣтствѣ и теперь попытался пересказать въ стилѣ Музеуса, но удалось мнѣ это, какъ слѣдуетъ, только много лѣтъ спустя, когда я, наконецъ, выступилъ со сказкой «*Дорожный товарищъ*» (1836).

Настоящимъ же образомъ сказочныя струны зазвенѣли въ моей душѣ впервые, когда я путешествовалъ по Гарцу въ 1831 г.; тамъ у меня сложилась сказка о старомъ королѣ, воображавшемъ, что онъ сроду не слыхивалъ лжи и обѣщавшемъ поэтому руку своей дочери и полкоролевства тому, кто сумѣетъ солгать ему*).

Первый же выпускъ сказокъ «*Сказки для дѣтей*» вышелъ въ 1835 г. и содержалъ: «*Огниво*», «*Николай и Николка*», «*Принцесса на горошинѣ*», «*Идочкины цвѣты*».

Въ тонѣ сказокъ должна была слышаться живая рѣчь, разсказъ,

*) Относительно порядка помѣщенія сказокъ, мы руководствовались послѣднимъ, проредактированнымъ самимъ авторомъ, изданіемъ (1876—80 гг.) вслѣдствіе чего упомянутая здѣсь сказка, наравнѣ съ нѣкоторыми другими, не включенными авторомъ въ „Полное Собраніе“, будетъ помѣщена въ отдѣлѣ „Путевыхъ очерковъ“, въ которыхъ она появилась впервые. *Примѣч. перев.*

разсчитанный на слушателей-дѣтей, но также и на взрослыхъ. Три изъ первыхъ поименованныхъ сказокъ я слышалъ еще ребенкомъ на «посидѣлкахъ» и во время чистки хмѣля. Сказка же «*Идочкины цвѣты*», напротивъ, плодъ моей собственной фантазіи, и сложилась у меня какъ-то сразу, когда я принялся однажды разсказывать маленькой дочкѣ поэта Тиле, Идѣ, о цвѣтахъ ботаническаго сада. Я и сохранилъ въ сказкѣ нѣкоторыя замѣчанія дѣвочки.

Второй выпускъ вышелъ въ 1836 г. и содержалъ сказки: «*Лизокъ съ вершокъ*», «*Нехорошій мальчикъ*» и «*Дорожный товарищъ*».

Черезъ годъ вышелъ третій выпускъ съ двумя сказками: «*Русалочка*» и «*Новый нарядъ короля*».

Всѣ эти выпуски составили затѣмъ одинъ небольшой томъ. Въ предисловіи къ нему говорилось о томъ небольшомъ успѣхѣ, который, повидимому, выпалъ на долю этихъ произведеній, и, кромѣ того, предлагалось нѣчто вродѣ отчета относительно того, откуда былъ взятъ матеріалъ для нихъ. Привожу мои подлинныя слова:

«Къ числу датскихъ народныхъ сказокъ, слышанныхъ мною еще въ дѣтствѣ и нынѣ появляющихся въ вольной моей передачѣ, слѣдуетъ отнести сказки: «*Огниво*», «*Николай и Николка*», «*Принцесса на горошинѣ*» и «*Дорожный товарищъ*». Фабула сказки «*Нехорошій мальчикъ*» заимствована изъ пѣсенъ *Анакреона*, а фабула сказки «*Новый нарядъ короля*» испанскаго происхожденія; забавною идеею ея мы обязаны принцу *Донъ-Мануэлю* (род. 1277 г. † 1347 г.)*). Сказки же «*Идочкины цвѣты*», «*Лизокъ съ вершокъ*» и «*Русалочка*»**)—плоды моей собственной фантазіи и являются тремя первыми оригинальными моими сказками. Послѣдняя обратила на себя нѣкоторое вниманіе, и это придало мнѣ охоту продолжать свои попытки въ этомъ родѣ. Такою же вполнѣ оригинальною сказкой является сказка «*Калоши счастья*», вышедшая въ 1838 г. Позже идеей «Калошъ» воспользовался писатель *Гострупъ* для своей превосходной комедіи изъ студенческой жизни «*Gjenboerne*» («Сосѣди»).»

Въ томъ же году къ Рождеству вышелъ первый выпускъ новаго собранія сказокъ. Въ него вошли: «*Ромашка*», «*Стойкій оловянный солдатикъ*»—обѣ оригинальныя и «*Дикіе лебеди*»—пересказъ датской народной сказки.

*) Тою же идеею воспользовался *Сервантесъ* для одного изъ своихъ мастерскихъ „интермеццо", переведеннаго на нѣмецкій языкъ подъ заглавіемъ „*Das Wundertheater*".

**) Впослѣдствіи передѣлана въ драму и поставлена на сценѣ народнаго театра въ Вѣнѣ.

Въ слѣдующій выпускъ вошли: «*Райскій садъ*», «*Сундукъ-самолетъ*» и «*Аисты*».

Первая сказка—изъ числа слышанныхъ мною въ дѣтствѣ. Она мнѣ всегда очень нравилась, и, слушая ее, я всякій разъ жалѣлъ, что она такъ скоро кончается. Мнѣ казалось, что всѣ четыре вѣтра могли бы разсказать куда больше, а самый райскій садъ быть обрисованнымъ яснѣе. Вотъ я и попытался теперь сдѣлать это.

Сюжетъ сказки «*Сундукъ-самолетъ*» взятъ изъ «*Тысячи и одной ночи*»; сказка «*Аисты*» сложилась изъ народнаго повѣрья и дѣтской пѣсенки объ аистахъ.

Въ 1840—41 гг., послѣ путешествія въ Грецію и въ Константинополь, появился «*Базаръ поэта*», изъ котораго были взяты для нѣмецкаго собранія сказокъ, иллюстрированнаго *Педерсеномъ:* «*Бронзовый кабанъ*», «*Побратимы*» и «*Роза съ могилы Гомера*». Сказки эти помѣщены теперь и въ датскомъ изданіи сказокъ, гдѣ заняли мѣсто, соотвѣтствующее времени ихъ появленія въ свѣтъ.

Третій выпускъ «*Сказокъ для дѣтей*» вышелъ въ 1842 г. Сюда вошли: «*Оле-Закрой-Глазки*», «*Эльфъ*», «*Свинопасъ*» и «*Гречиха*».

Представленіе связаное съ именемъ «*Оле-Закрой Глазки*», существа, наводящаго сонъ на дѣтей, послужило единственнымъ даннымъ для этой сказки. Въ ней Оле-Закрой-Глазки впервые получилъ ясный обликъ, а затѣмъ я вывелъ его и на сцену въ волшебной комедіи, получившей то же названіе. Въ послѣднее же время молодой скульпторъ *Ширбекъ* далъ намъ изображеніе божка сна въ терракоттѣ.

Сюжетъ сказки «*Эльфъ*» заимствованъ изъ итальянской народной пѣсни.

«*Свинопасъ*» сохранилъ нѣкоторое сходство со старою датскою народною сказкой, слышанною мною въ дѣтствѣ, но въ невозможномъ для передачи видѣ. Впослѣдствіи эта сказка была передѣлана въ дѣтскую комедію «*Die Prinzessin von Marzipan und der Schweinehirt von Zuckerland*» и поставлена на сценѣ въ Берлинѣ.

Основаніемъ для сказки «*Гречиха*» послужило народное повѣрье.

Этимъ выпускомъ заканчивается второй томъ, посвященный *Іоганнѣ-Луизѣ Гейбергъ* *):

«Говорятъ, что міръ волшебный
Фей лишь въ сказкѣ существуетъ—
Вы явились, и хвалебный
Хоръ васъ феей именуетъ!»

*) Знаменитая датская актриса и писательница. *Примѣч. перев.*

Госпожа *Гейбергъ* явилась первымъ лицомъ, которому были посвящены мои сказки, не только въ силу ея положенія великой, всѣми почитаемой артистки, но и потому, что она, въ числѣ немногихъ лицъ, одна изъ первыхъ отнеслась сочувственно къ моимъ сказкамъ, тогда еще мало обращавшимъ на себя вниманіе публики. Ея благосклонный отзывъ и часто высказываемое удовольствіе *Г. Х. Эрстеда* по поводу юмористическаго элемента въ моихъ сказкахъ и были для меня первымъ поощреніемъ.

Въ 1842 г. появилась въ «*Геа*» сказка «*Бузинная матушка*»; идею ея я нашелъ въ народномъ сказаніи, сообщенномъ *І. М. Тиле* *).

«Въ бузинѣ обитаетъ существо—«*Бузинная матушка*» или «*Бузинная дѣва*», которая и мститъ за всякое насиліе надъ деревомъ; въ Новой Слободкѣ хранится еще преданіе о томъ, какъ одинъ человѣкъ, срубившій бузину, вскорѣ затѣмъ внезапно умеръ». Бузинная матушка превратилась въ сказкѣ въ датскую дріаду, въ само воспоминаніе; въ такомъ же видѣ она выведена и въ моей волшебной пьесѣ, поставленной на сценѣ.

Въ томъ же году была напечатана въ ежемѣсячномъ журналѣ, издаваемомъ *Герсономъ* и *Колундомъ*, сказка «*Колоколъ*»; какъ эта, такъ и почти всѣ послѣдующія—плоды моей собственной фантазіи. Зародыши ихъ давнымъ-давно лежали въ моей душѣ, и довольно было извѣстнаго настроенія, солнечнаго луча, капли горечи, чтобы изъ зародыша расцвѣлъ цвѣтокъ.

Съ годами мнѣ становилось все яснѣе и яснѣе, что можно сдѣлать изъ сказки, а вмѣстѣ съ тѣмъ росло и сознаніе собственныхъ силъ въ этой области и ихъ предѣловъ.

Сказки пріобрѣли читателей не только между дѣтьми, но и между взрослыми, поэтому новый сборникъ сказокъ, вышедшій въ 1845 г., былъ озаглавленъ только: «*Новыя сказки*», безъ прибавленія: «*для дѣтей*». Первый маленькій выпускъ со сказками: «*Ангелъ*», «*Соловей*», «*Парочка*» и «*Безобразный утенокъ*»—былъ посвященъ поэту «*Карлу Багеру*, «какъ посильная благодарность за тѣ свѣжія мысли и теплыя чувства, которыя возбудили во мнѣ его богатыя поэзіею творенія».

Первая половина «*Безобразнаго утенка*» написана лѣтомъ въ имѣніи Гиссельфельдъ, гдѣ я гостилъ нѣсколько времени, а конецъ—только полгода спустя; остальныя же три сказки вылились разомъ. Съ этого

*) Извѣстный датскій писатель; извѣстенъ главнымъ образомъ какъ собиратель датскихъ „Народныхъ преданій“ и біографъ Торвальдсена.

Примѣч. перев.

выпуска успѣхъ моихъ сказокъ все возростаетъ. Впослѣдствіи знаменитый художникъ *Каульбахъ* нарисовалъ къ сказкѣ «*Ангелъ*» чудную картину, которая обошла въ гравюрахъ весь свѣтъ.

Лѣто 1846 г. я провелъ въ Нюсё вмѣстѣ съ *Торвальдсеномъ;* ему очень нравились сказки: «*Парочка*» и «*Безобразный утенокъ*», и онъ сказалъ мнѣ однажды: «Ну, напишите же намъ новенькую забавную сказку! Вы, вѣдь, можете написать обо всемъ, хоть о штопальной иглѣ!» Я и написалъ «*Штопальную иглу*». Почти одновременно съ нею была написана «*Бабушка*». Мнѣ замѣтили, что послѣдняя имѣетъ сходство съ однимъ изъ стихотвореній Ленау; я прочелъ его, нашелъ то же самое и поставилъ поэтому упомянутое стихотвореніе эпиграфомъ къ сказкѣ, когда она впервые появилась въ печати, кажется въ «*Portefeuillen*» («Портфелѣ»). Этимъ я хотѣлъ показать, что знаю о сходствѣ, но не думаю, что изъ-за него слѣдуетъ уничтожить написанную мною сказку.

Второй сборникъ содержалъ сказки: «*Ель*» и «*Снѣжная королева*» и былъ посвященъ поэту *Фредерику Гёгъ-Гульдбергу*. Идея «*Ели*» пришла мнѣ однажды вечеромъ, въ королевскомъ театрѣ, во время представленія; шла опера «Донъ-Жуанъ»; вернувшись домой, я сейчасъ же принялся за сказку и кончилъ ее поздно ночью. Первая глава «*Снѣжной королевы*» написана въ Максенѣ, близъ Дрездена, остальное на родинѣ, въ Даніи.

Третій сборникъ явился весеннимъ привѣтствіемъ и благодарностью писателю *Генриху Герцу*, «благодарностью за творенія, которыми подарили насъ его глубоко поэтическая душа и богатый юморъ». Въ этотъ выпускъ вошли: «*Лѣсной холмъ*», «*Красные башмачки*», «*Прыгуны*», *Пастушка и трубочистъ*», «*Гольгеръ Данске*».

Въ «*Сказкѣ моей жизни*» упомянуто о томъ, какъ я въ день моей конфирмаціи впервые надѣлъ сапоги. Они громко скрипѣли, когда я шагалъ по церкви, и я несказанно радовался этому. Еще бы! всѣ прихожане могли слышать этотъ скрипъ и заключить изъ него, что сапоги новые. Зато мое религіозное настроеніе было разстроено; я чувствовалъ это и испытывалъ ужасныя угрызенія совѣсти отъ сознанія, что мысли мои были заняты сапогами не меньше, чѣмъ самимъ Господомъ Богомъ. Воспоминаніе объ этомъ и создало сказку «Красные башмачки», которая скоро сдѣлалась одною изъ наиболѣе популярныхъ сказокъ, особенно въ Голландіи и въ Америкѣ.

«*Прыгуны*»—своего рода экспромптъ: я разсказалъ эту сказочку маленькимъ ребятишкамъ, просившимъ меня разсказать имъ что-нибудь. Основаніемъ фабулы «*Гольгера Данске*» послужило народное повѣрье

о немъ, сходное съ преданіемъ о Фридрихѣ Барбароссѣ, что сидитъ въ горѣ Кюфгейзеръ, облокотившись на каменный столъ, въ который вросла его борода.

Первый выпускъ второго тома, посвященный матери І. Л. Гейберга, «высокодаровитой писательницѣ *Т. Гюллембургъ*», вышелъ въ 1847 г. и содержалъ сказки: «*Старый уличный фонарь*», «*Сосѣди*», «*Штопальная игла*», «*Маленькій Тукъ*» и «*Тѣнь*».

Идея сказки «*Маленькій Тукъ*» возникла у меня во время посѣщенія Ольденборга; въ эту сказку вошли также нѣсколько воспоминаній дѣтства.

«*Тѣнь*» набросана во время лѣтняго пребыванія въ Неаполѣ, но обработана только въ Копенгагенѣ.

Черезъ годъ вышелъ второй выпускъ: «*Старый домъ*», «*Капля воды*», «*Дѣвочка со спичками*», «*Счастливая семья*», «*Мать*», и «*Воротничокъ*».

Во многихъ изъ этихъ сказокъ найдутся частности, почерпнутыя мною изъ пережитого. Въ «*Сказкѣ моей жизни*» я привожу два эпизода, вошедшіе затѣмъ въ сказку «*Старый домъ*». Маленькій сынъ поэта Мозена подарилъ мнѣ передъ моимъ отъѣздомъ изъ Ольденборга одного изъ своихъ оловянныхъ солдатиковъ, чтобы я не былъ «такъ ужасно одинокъ», а двухлѣтняя дочка композитора Гартмана, Марія, принималась плясать, какъ только заслышитъ музыку или пѣніе. Разъ она вошла въ комнату, гдѣ пѣли псалмы ея старшіе братья и сестры, и сейчасъ же начала плясать, но музыкальное чутье не позволило ей плясать не въ тактъ, и вотъ она то становилась на одну ножку, то на другую, невольно выдерживая тактъ псалмовъ.

«*Капля воды*» написана послѣ бесѣды съ Г. Х. Эрстедомъ.

«*Дѣвочка со спичками*» написана въ замкѣ «Гростéнъ», гдѣ я, собираясь ѣхать за-границу, провелъ нѣсколько дней. Тамъ я получилъ отъ г. Флинха письмо съ предложеніемъ написать къ одному изъ трехъ прилагаемыхъ рисунковъ какую-нибудь сказку для его «Календаря». Я выбралъ рисунокъ, изображавшій бѣдную маленькую продавщицу спичекъ.

Въ Глорупѣ, на островѣ Фіоніи, гдѣ я часто проводилъ лѣтомъ по нѣскольку недѣль, одна часть сада была совсѣмъ запущена и вся заросла лопухомъ, посѣяннымъ когда-то для большихъ бѣлыхъ улитокъ, которыя считались въ тѣ времена изысканнымъ блюдомъ. Вотъ этотъ-то лопухъ и эти улитки и подали мнѣ идею сказки «*Счастливая семья*», которая была написана во время моего перваго пребыванія въ Лондонѣ.

«*Мать*» создалась сама собою безъ всякаго повода; идея ея возникла у меня во время прогулки по улицѣ, быстро развилась, и мнѣ осталось только выложить сказку на бумагу. Какъ мнѣ сообщили, сказка эта чрезвычайно понравилась индусамъ, до которыхъ дошла въ переводѣ.

Сказка «*Ленъ*» написана въ 1849 г. и напечатана въ газетѣ «Fædrelandet» («Отечество»).

Послѣ путешествія на сѣверъ появились, въ 1851 г., путевые очерки: «*По Швеціи*». Изъ нихъ были впослѣдствіи взяты для нѣмецкаго собранія сказокъ, иллюстрированнаго Педерсеномъ: «*Птица Фениксъ*», «*Бабушка*», «*Сонъ*» и «*Нѣмая книга*».

Уже и раньше многіе изъ нѣмецкихъ переводовъ сказокъ были иллюстрированы Гоземаномъ, графомъ Поччи, Людвигомъ Рихтеромъ и Отто Спектеромъ. Геніальные рисунки послѣдняго вошли впослѣдствіи и въ англійское изданіе, озаглавленное: «*The shoes of fortune and other tales*» («*Калоши счастья*» и другія сказки). Теперь же нѣмецкій издатель мой, консулъ Лоркъ въ Лейпцигѣ, рѣшился издать собраніе иллюстрированныхъ сказокъ и предложилъ мнѣ найти даровитаго датскаго художника, которому бы можно было поручить исполнить рисунки. Я счастливо напалъ на покойнаго нынѣ морского офицера *В. Педерсена*. Клишэ рисунковъ послѣдняго были затѣмъ пріобрѣтены у г. Лорка датскимъ моимъ издателемъ К. А. Рейцелемъ и въ 1849 г. появилось первое датское изданіе сказокъ съ 125 рисунками.

Этимъ роскошно изданнымъ томомъ закончилась первая серія «сказокъ», но дѣятельность моя въ этой области далеко еще не была кончена. Для новой серіи понадобилось новое, подходящее названіе, и я остановился на названіи «*Historier*» (Исторіи). Я нашелъ, что оно всего больше подходитъ къ моимъ сказкамъ: на датскомъ народномъ языкѣ «исторія» одинаково означаетъ и простой разсказъ и самую смѣлую фантастическую сказку; нянькины сказки, басни и разсказы — все извѣстно у дѣтей, крестьянъ и простолюдиновъ подъ именемъ «исторіи».

Первый маленькій выпускъ «*Исторій*», вышедшій въ 1852 г., содержалъ: «*Исторія года*», «*Прекраснѣйшая роза міра*», «*Съ крѣпостного вала*», «*Въ день кончины*», «*Истинная правда*», «*Лебединое гнѣздо*», «*Веселый нравъ*».

Въ 1853 году вышелъ слѣдующій выпускъ, содержавшій: «*Сердечное горе*», «*Всему свое мѣсто*», «*Домовой мелочного торговца*», «*Черезъ тысячу лѣтъ*», «*Подъ ивой*».

«Напишите», сказалъ мнѣ однажды поэтъ *Тиле:* «сказку о флейтѣ, которая, играя, все ставитъ на свое мѣсто!»

Слова эти дали мнѣ идею, и вышла упомянутая сказка. Въ сказкѣ «*Подъ ивою*» вложено кое-что изъ пережитого.

Когда первыя изданія этихъ выпусковъ были распроданы, гг. *Рейцель* и *Лоркъ* рѣшили сообща издать иллюстрированное собраніе исторій по образцу предыдущаго собранія сказокъ. Рисунки изготовилъ *В. Педерсенъ*, и новое изданіе вышло въ 1855 г. Въ него, кромѣ поименованныхъ, вошли еще нѣсколько совсѣмъ новыхъ сказокъ и кромѣ того всѣ появившіяся въ различное время въ «*Народномъ датскомъ календарѣ*». Вотъ ихъ перечень: «*Есть же разница!*», «*Пять изъ одного стручка*», «*Отпрыскъ райскаго растенія*», «*Старая могильная плита*», «*Иванушка-дурачокъ*», «*Изъ окна богадѣльни*», «*Ибъ и Христиночка*», «*Послѣдняя жемчужина*», «*Пропащая*», «*Двѣ дѣвицы*», «*На краю моря*» и «*Свинья-копилка*».

Сказка «*Есть же разница!*» сложилась у меня во время посѣщенія Христинелунда, что близъ Прэстё. У канавы росла цвѣтущая яблонька, живое изображеніе самой весны. Деревцо это такъ крѣпко засѣло у меня въ головѣ. что я никакъ не могъ отдѣлаться отъ него. пока не пересадилъ его въ сказку.

Сказка «*Пять изъ одного стручка*» выросла изъ воспоминанія дѣтства: небольшой деревянный ящикъ съ землею, въ которомъ былъ посѣянъ лукъ и горохъ, служилъ тогда моимъ единственнымъ садикомъ.

«*Старая могильная плита*» является настоящею мозаикою воспоминаній. Первая идея этой сказки возникла у меня въ Свендборгѣ. Мнѣ часто приходила на память старая могильная плита, служившая ступенью лѣстницы передъ дверями стараго дома *Коллина* на Бредгадэ. А «натурой» для стараго Пребена, разсказывавшаго въ день смерти жены о своей и ея юности, о ихъ помолвкѣ и помолодѣвшаго отъ этихъ воспоминаній, послужилъ старикъ отецъ композитора Гартмана, разсказывавшій о смерти старушки жены. Самый разсказъ былъ сначала напечатанъ по-нѣмецки въ одномъ баварскомъ календарѣ.

«*Иванушка-дурачокъ*»—вольный пересказъ старой датской народной сказки и стоитъ какъ-то особнякомъ въ ряду остальныхъ оригинальныхъ сказокъ.

«*Пропащая*»—выросла собственно изъ нѣсколькихъ словъ, слышанныхъ мною въ дѣтствѣ отъ матери. Я увидѣлъ однажды на улицѣ мальчика, спѣшившаго съ бутылкою водки къ рѣкѣ, гдѣ полоскала бѣлье его мать, и услыхалъ при этомъ, какъ одна, извѣстная своею строгостью, барыня кричала ему изъ окна: «Ты опять тащишься къ

матери съ водкой! Гадко такъ дѣлать! Смотри и ты не пойди по стопамъ матушки! Пропащая она!» Я вернулся домой и разсказалъ, что слышалъ. Всѣ сказали: «Да, прачка—пьяница, пропащая!» Только мать моя стала защищать ее: «Не судите ее такъ строго! Бѣдняжка изъ силъ выбивается, вѣчно стоитъ въ холодной водѣ и часто по цѣлымъ днямъ не ѣстъ ничего горячаго, надо же ей чѣмъ-нибудь подкрѣпиться! Конечно, не хорошо она поступаетъ, да что же дѣлать! Ей столько пришлось перенести! И она всетаки женщина честная: поглядите, какъ она бережетъ своего мальчугана!» Кроткія слова матери произвели на меня глубокое впечатлѣніе,—я, вѣдь, и самъ готовъ былъ вмѣстѣ съ другими осудить бѣдную прачку! Много лѣтъ спустя, одно маленькое происшествіе заставило меня вспомнить, какъ часто и легко осуждаютъ люди ближняго, тогда какъ стоитъ отнестись къ нему мягче, и все дѣло принимаетъ совершенно иную окраску. Живо вспомнились мнѣ тогда кроткія слова моей матери, и я написалъ «*Пропащую*».

Когда нѣмецкое изданіе было распродано и приступили къ изготовленію новаго, оно было увеличено ранѣе поименованными исторіями изъ «*Путевыхъ очерковъ*», «*Базара поэта*» и, наконецъ, изъ «*Народнаго датскаго календаря*»; отсюда были взяты три: «*Тернистый путь славы*», «*Еврейка*», въ которую вплетено одно венгерское преданіе, и «*Бутылочное горлышко*». И эти всѣ исторіи и сказки также были иллюстрированы *Педерсеномъ*. Послѣднею же сказкою, которую онъ иллюстрировалъ, является «*Камень мудрецовъ*», которую мы и помѣщаемъ въ концѣ этого собранія, несмотря на то, что она, какъ и «*Бутылочное горлышко*», принадлежитъ къ болѣе позднимъ, появившимся въ новыхъ шести выпускахъ «*Сказокъ и исторій*».

Копенгагенъ. Іюнь 1862 г.

II.

Примѣчанія къ тремъ послѣдующимъ томамъ, вышедшимъ въ 1874 г.

Послѣ смерти *В. Педерсена* пришлось искать другого подходящаго по таланту иллюстратора для новыхъ сказокъ и исторій. Въ числѣ многихъ датскихъ художниковъ, которые ради собственнаго удовольствія и съ успѣхомъ пробовали снабжать рисунками эти маленькія мои творенія, находился и г. *Лоренцъ Фрѣлихъ*, уже обратившій на себя вниманіе своими иллюстраціями къ нѣсколькимъ французскимъ книжкамъ, изданнымъ для дѣтей, но читаемымъ и взрослыми. Ему пред-

ложили иллюстрировать три послѣдующіе тома сказокъ, и онъ успѣшно выполнилъ эту работу.

Въ этихъ томахъ сказки и исторіи также помѣщены почти въ томъ же порядкѣ, въ какомъ были написаны и напечатаны впервые.

Выпуски же новыхъ сказокъ выходили первоначально, какъ и выпуски двухъ первыхъ томовъ, безъ всякихъ иллюстрацій.

Первый выпускъ или, какъ я называю, первый сборникъ, вышелъ около Рождества 1857 г. и выдержалъ четыре изданія. Посвященъ онъ былъ госпожѣ *Серре* изъ Максена и содержалъ: «*Супъ изъ колбасной палочки*», «*Бутылочное горлышко*», «*Ночной колпакъ стараго холостяка*», «*Кое-что*», «*Послѣдній сонъ стараго дуба*» и «*Азбука*» *). Въ нашихъ пословицахъ и поговоркахъ зачастую лежитъ уже зародышъ, зерно цѣлой сказки. Я какъ-то высказалъ эту мысль и затѣмъ подтвердилъ ее, написавъ сказку «*Супъ изъ колбасной палочки*».

Другъ мой, *Тиле*, сказалъ мнѣ однажды въ шутку: «Надо бы вамъ написать исторію бутылки съ момента ея появленія на свѣтъ и до того, когда отъ нея осталось одно горлышко, годное только служить стаканчикомъ для птицы». Я и написалъ «*Бутылочное горлышко*».

Для сказки «*Ночной колпакъ стараго холостяка*» у меня имѣлись только два данныхъ: историческое происхожденіе слова «*перечный молодецъ*» и легенда о *Св. Елисаветѣ*.

Для сказки «*Кое-что*» я воспользовался слышаннымъ мною въ западномъ Шлезвигѣ разсказомъ о старухѣ, поджегшей свой домишко, чтобы спасти отъ внезапной гибели множество народа, бывшаго на льду за нѣсколько минутъ до наступленія бури.

Сказки «*Послѣдній сонъ стараго дуба*» и «*Азбука*» возникли просто благодаря извѣстному душевному настроенію.

Второй сборникъ вышелъ весною 1858 г., былъ посвященъ госпожѣ *Лэссё*, урожденной *Абрагамсонъ* и содержалъ: «*Дочь болотнаго царя*», «*Скороходы*», «*Колокольная бездна*».

Первая принадлежитъ къ числу тѣхъ сказокъ, обработка которыхъ стоила мнѣ наибольшаго труда и времени. Кое-кого, можетъ быть, и заинтересуетъ прослѣдить, какъ бы въ увеличительное стекло ея возникновеніе и постепенное развитіе.

Сюжетъ этой сказки, какъ и всѣхъ другихъ, пришелъ мнѣ въ голову самъ собою и сразу, какъ приходитъ на умъ какая-нибудь зна-

*) Сказка эта, вслѣдствіе несоотвѣтствія датскаго и русскаго алфавитовъ, не поддается переводу и потому не могла быть включена въ настоящее „Собраніе сказокъ“. *Примѣч. перев.*

комая мелодія или пѣсня. Я сейчасъ же разсказалъ ее одному изъ своихъ друзей, затѣмъ набросалъ на бумагѣ, исправилъ, переписалъ, еще разъ исправилъ, но даже послѣ троекратной передѣлки все еще чувствовалъ, что нѣкоторыя частности разсказа не выступаютъ съ должною яркостью и жизненностью. Я сталъ перечитывать *исландскія саги*, и это чтеніе помогло мнѣ яснѣе усвоить себѣ жизнь древнихъ сѣверянъ, проникнуться ея истиннымъ духомъ. Кромѣ того, я прочелъ нѣсколько новѣйшихъ «*Путешествій по Африкѣ*», произведшихъ на меня сильное впечатлѣніе своеобразною новизною описаній; я какъ будто воочію увидѣлъ передъ собою эту знойную страну и могъ уже говорить о ней болѣе опредѣленно. Не малую службу сослужили мнѣ также кое-какія вычитанныя мною свѣдѣнія объ отлетѣ и полетѣ птицъ, позволившія мнѣ характернѣе обрисовать птицъ, фигурирующихъ въ этой сказкѣ. Въ короткое время она была передѣлана и переписана шесть или семь разъ, пока я, наконецъ, не почувствовалъ, что лучше написать не могу.

Сюжетъ для сказки «*Колокольная бездна*» дало мнѣ народное повѣрье о водяномъ, обитающемъ въ рѣкѣ *Одензе*, и сказаніе о колоколѣ церкви *Альбани*.

«*Злой князь*»—старое сказаніе и принадлежитъ къ числу раннихъ моихъ сказокъ; напечатана она была впервые въ «*Салонѣ*» *Сисбю*, а позже попала въ нѣмецкія и англійскія изданія моихъ сказокъ, такъ что я не захотѣлъ выпустить ее и здѣсь.

Третій выпускъ, посвященный композитору *Гартману*, вышелъ весною 1859 г. и содержалъ: «*Вѣтеръ разсказываетъ о Вальдемарѣ До и его дочеряхъ*», «*Дѣвочка, наступившая на хлѣбъ*», «*Колокольный сторожъ Оле*», «*Анна-Лизбета*», «*Ребячья болтовня*» и «*Обрывокъ жемчужной нити*».

Въ датскихъ народныхъ преданіяхъ, какъ и въ историческихъ записяхъ о древнемъ помѣстьѣ *Борребю*, что близъ *Скъэльскёра*, встрѣчаются свѣдѣнія «*о Вальдемарѣ До и его дочеряхъ*». Эта исторія также принадлежитъ къ числу тѣхъ, которыя я больше всего передѣлывалъ, стараясь въ самомъ тонѣ разсказа дать подражаніе шуму и завыванію вѣтра, который заставляю разсказывать.

Еще въ раннемъ дѣтствѣ я слышалъ исторію о «*Дѣвочкѣ, наступившей на хлѣбъ*», который превратился въ камень и потянулъ ее за собою въ тину. И вотъ, я задался цѣлью изобразить душевное просвѣтлѣніе, раскаяніе и спасеніе этой дѣвочки.

Въ «*Аннѣ-Лизбетѣ*» я хотѣлъ показать, какъ добрыя сѣмена, заложенныя въ душу человѣка, могутъ и должны, хотя бы и окольными

путями, пробиться наружу и дать плодъ; здѣсь такимъ сѣменемъ является материнская любовъ, которая возрождается къ жизни благодаря душевному потрясенію, вызванному испугомъ.

Сюжетъ «*Ребячьей болтовни*» почерпнутъ изъ пережитого.

«*Обрывокъ жемчужной нити*»—описываетъ переходное время, которое я самъ пережилъ. Во времена моего дѣтства нисколько не казалось необыкновеннымъ употребить на переѣздъ изъ Одензе въ Копенгагенъ пять дней, тогда какъ теперь на это довольно почти столько же часовъ.

Четвертый выпускъ явился къ Рождеству 1859 г. и содержалъ исторіи: «*Перо и чернильница*», «*На могилѣ ребенка*», «*Дворовый пѣтухъ и флюгерный*», «*Какъ хороша!*» и «*На дюнахъ*».

Всякій, кто слышалъ скрипачей *Эрнста* или *Леонарда*, вспомнитъ, навѣрно, при чтеніи сказки «*Перо и чернильница*», ихъ дивную игру.

«*На могилѣ ребенка*» и «*Мать*»—двѣ сказки, доставившія мнѣ наибольшую радость,—въ нихъ нашли утѣшеніе и подкрѣпленіе многія убитыя горемъ матери.

Почти всѣ наивныя до тошноты замѣчанія вдовы, приведенныя въ исторіи «*Какъ хороша!*», взяты изъ жизни.

Исторія «*На дюнахъ*» возникла послѣ посѣщенія Скагена и западнаго побережья Ютландіи. Здѣсь я наткнулся на природу и народную жизнь, годныя послужить фономъ для идей, которыя я хотѣлъ вложить въ задуманное мное поэтическое произведеніе. Идеи эти давно бродили у меня въ головѣ и какъ-то внезапно приняли опредѣленную форму послѣ одной бесѣды съ *Эленшлегеромъ*. Я былъ тогда еще очень молодъ, и слова его произвели на меня сильное впечатлѣніе, хотя я и думалъ тогда только о нихъ, а не о томъ, чѣмъ они были вызваны.

Кому изъ насъ не извѣстно то душевное настроеніе, въ которомъ часто высказываешь сомнѣніе въ чемъ-либо такомъ, относительно чего въ сущност и не сомнѣваешься—только изъ желанія услышать отъ собесѣдника подтвержденіе своихъ собственныхъ мыслей. Очень можетъ быть, что и Эленшлегеръ въ данномъ случаѣ испытывалъ ту же потребность, или же просто хотѣлъ испытать твердость моей вѣры. Мы говорили о вѣчной жизни, и Эленшлегеръ замѣтилъ вскользь: «А вы такъ увѣрены въ будущей жизни?» Я принялся отстаивать свою увѣренность ссылкою на справедливость Божію, и въ пылу разговора брякнулъ: «Человѣкъ вправѣ требовать этого!» Эленшлегеръ возразилъ: «Опять, развѣ не великое тщеславіе съ вашей стороны требовать вѣчной жизни? Развѣ Богъ уже не далъ вамъ безконечно много и въ этой

жизни? Я сознаю,—продолжалъ онъ:—какую безконечную милость оказалъ Онъ въ этой жизни мнѣ, и когда настанетъ мой смертный часъ, я закрою глаза, съ благодарностью благословляя Его имя! Если же Онъ даруетъ мнѣ вдобавокъ вѣчную жизнь, то я приму ее, какъ новую безконечную милость!» «Такъ можете говорить вы!» сказалъ я: «Господь излилъ на васъ свои щедроты на землѣ; не обдѣлилъ Онъ и меня, но сколько людей поставлены на этомъ свѣтѣ совсѣмъ въ иныя условія, брошены въ свѣтъ больными и тѣломъ и духомъ, обречены на горе и нужду! Зачѣмъ же они должны такъ страдать, откуда такое неравенство? Оно было бы несправедливостью, а Господь не можетъ ея допустить! Онъ воздаетъ, возвышаетъ и разрѣшаетъ то, чего мы не въ силахъ разрѣшить!» Вотъ эти-то мысли и были положены въ основу разсказа «*На дюнахъ*». По выходѣ его въ свѣтъ, одинъ критикъ отозвался, что слова сомнѣнія, на которыхъ построена вся сказка, врядъ-ли были услышаны мною отъ кого-либо, не говоря уже о томъ, чтобы я самъ могъ носить ихъ въ своей душѣ, и что разсказъ вслѣдствіе этого грѣшитъ противъ истины. Насколько помню. этимъ же критикомъ, или другимъ столь же свѣдущимъ лицомъ, было высказано также, что всякій, кто прочтетъ мои описанія Ютландіи и Скагена и самъ отправится туда въ чаяніи найти такую именно поэтическую природу, навѣрно разочаруется. Случилось, однако, такъ, что г. Бринкъ Сейделинъ, человѣкъ, который лучше всѣхъ могъ судить о правдивости моихъ описаній (онъ самъ далъ превосходное описаніе Скагена въ «Областныхъ вѣдомостяхъ»), какъ-разъ явился ко мнѣ, чтобы выразить свое искреннее удовольствіе по поводу вѣрности и правдивости, съ которыми я обрисовалъ тамошнюю природу. Получилъ я затѣмъ письмо и отъ скагенскаго священника: и ему очень понравились описанія природы—главнымъ образомъ своею правдивостью. Кончалось же его письмо такъ: «Мы сами готовы повѣрить вашему разсказу и говорить чужеземцамъ, посѣщающимъ песчаную насыпь надъ церковью: «*Здѣсь погребенъ Юргенъ!*»

Одинъ молодой человѣкъ изъ мѣстныхъ жителей оказалъ мнѣ, во время моего пребыванія на дюнахъ, большое вниманіе, ѣздилъ со мной по окрестностямъ и къ «старому Скагену». По дорогѣ туда мы проѣзжали мимо засыпанной церкви, отъ которой виднѣлся лишь верхъ колокольни, служившій какъ бы маякомъ для моряковъ. Спутникъ мой не захотѣлъ предпринять утомительной прогулки по песку, я же слѣзъ съ телѣги и одинъ взобрался на насыпь, которую затѣмъ и описалъ въ своемъ разсказѣ. И вдругъ, я слышу потомъ, что мой вообще любезный проводникъ, прочитавъ «*На дюнахъ*», разсказываетъ, что я ни-

когда не былъ на насыпи,—онъ знаетъ это, такъ какъ самъ ѣздилъ со мною по окрестностямъ! Многихъ, кажется, очень позабавило такое утвержденіе, будто я описываю то, чего не видалъ самъ, но меня нисколько. И вотъ, однажды я встрѣчаю въ Копенгагенѣ того самаго господина и спрашиваю его: «А вы помните еще нашу поѣздку?» «Какъ же», отвѣтилъ онъ «мы, вѣдь, проѣзжали внизу, мимо церкви, когда ѣхали въ Старый Скагенъ!» «Проѣхали мимо вы», говорю я ему: «но какъ же вы не помните, что я слѣзалъ съ телѣги и пѣшкомъ взбирался на верхъ». И я подробно описалъ ему все, что видѣлъ тамъ примѣчательнаго. «Все это точь-въ-точь такъ!»—сказалъ онъ: «И въ такомъ случаѣ вы, конечно, побывали тамъ; я просто позабылъ объ этомъ!» Я напомнилъ ему также о томъ мѣстѣ, гдѣ я догналъ его и поѣхалъ съ нимъ дальше. «Помню, помню!» сказалъ онъ на это: «Да самъ-то я не взбирался наверхъ, ну, думалъ, что и вы тоже не взбирались!» Я сообщаю этотъ маленькій фактъ ради самого факта, а то, пожалуй, послѣ моей смерти кто-нибудь, услыхавъ эту исторію, изъ собственныхъ устъ моего «проводника», повѣритъ, что я описываю то, чего самъ не видалъ никогда.

Изъ разговоровъ съ мѣстными крестьянами и рыбаками я вынесъ много характерныхъ свѣдѣній, которыми также воспользовался въ своемъ разсказѣ; но какъ-разъ относительно одной изъ такихъ характерныхъ подробностей я и получилъ отъ одного рецензента дружескій совѣтъ— «пользоваться для подобныхъ описаній указаніями мѣстныхъ жителей». А я какъ разъ это и сдѣлалъ!

«*На дюнахъ*» доставила мнѣ сердечное спасибо и близкое знакомство поэта *Паллюдана-Мюллера*, которыми я настолько дорожу, что и упоминаю о нихъ здѣсь.

«*Два брата*»—фантастическая виньетка къ жизни братьевъ *Эрстедъ*.

«*Старый колоколъ*» написанъ по приглашенію внести свою лепту въ «*Альбомъ Шиллера*». Я захотѣлъ ввести въ эту сказку датскій элементъ, и кто прочтетъ ее, увидитъ, удалось-ли мнѣ это.

Весною 1861 года вышли «*Новыя сказки и исторіи*». Въ этотъ выпускъ, посвященный министру народнаго просвѣщенія *Д. Г. Монраду* вошли: «*Двѣнадцать пассажировъ*», «*Навозный жукъ*», «*Ужъ что старикъ сдѣлаетъ, то и ладно!*» «*Каменъ мудрецовъ*», «*Снѣгуръ*», «*На утиномъ дворѣ*» и «*Муза новаго вѣка*».

Въ одномъ изъ нумеровъ журнала «*Household words*» *Чарльзъ Диккенсъ* помѣстилъ нѣкоторыя изъ арабскихъ пословицъ и поговорокъ; изъ нихъ онъ особенно отмѣтилъ слѣдующую: «*Даютъ золотыя подковы царской лошади, а навозный жукъ тоже протягиваетъ ножки!*» «Мы

рекомендуемъ»—говоритъ *Диккенсъ* въ своемъ примѣчанiи къ этимъ пословицамъ—«*Г. Х. Андерсену* написать на эту тэму сказку». И желанiе у меня было явилось, да сказка-то нѣтъ! Только девять лѣтъ спустя, во время посѣщенiя уютнаго помѣстья Баснэса, гдѣ я случайно опять прочелъ это приглашенiе *Диккенса*, въ головѣ у меня сразу сложилась сказка «*Навозный жукъ*».

«*Ужъ что старикъ сдѣлаетъ, то и ладно!*» принадлежитъ къ датскимъ народнымъ сказкамъ, слышаннымъ мною въ дѣтствѣ; я только пересказалъ ее по своему.

Въ теченiе этихъ многихъ лѣтъ, я, если можно такъ выразиться, испыталъ свои силы во всѣхъ радiусахъ сказочнаго круга, и поэтому мнѣ нерѣдко приходили въ голову идеи или мотивы, уже затронутые мною раньше, но я въ такихъ случаяхъ или совсѣмъ отказывался отъ нихъ или старался облечь ихъ въ совершенно новую форму. Такимъ образомъ разсказъ «*Каменъ мудрецовъ*» получилъ восточный колоритъ и сильно отзывается аллегорiей. Меня часто упрекали въ философскомъ направленiи послѣднихъ сказокъ, что́, дескать, не въ моемъ жанрѣ; поводъ къ такимъ упрекамъ подали, вѣроятно, главнымъ образомъ упомянутая сказка и помѣщенная въ томъ же выпускѣ фантазiя «*Муза новаго вѣка*». Послѣдняя, однако, совершенно въ духѣ всѣхъ моихъ сказокъ. Вообще и говорили и писали, что этотъ выпускъ слабѣе всѣхъ прежнихъ, а между тѣмъ въ него входятъ двѣ изъ наиболѣе удавшихся мнѣ по формѣ сказокъ: «*Ужъ что старикъ сдѣлаетъ, то и ладно*!» и «*Снѣгуръ*». Послѣднiй написанъ къ Рождеству, во время пребыванiя моего въ прекрасномъ Баснэсѣ и предпочтительно передъ всѣми другими сказками достигъ большой популярности, благодаря превосходной передачѣ его артистомъ королевскаго театра *Манцiусомъ*.

Въ послѣднее время стали поговаривать, что главное значенiе имѣютъ мои первыя сказки, всѣ же позднѣйшiя далеко уступаютъ имъ. Врядъ-ли это такъ, но объяснить эти отзывы всетаки можно. Многiе, познакомившiеся съ моими первыми сказками въ дѣтствѣ, просто утратили съ годами душевную свѣжесть и воспрiимчивость. Затѣмъ, инымъ, можетъ быть, стало казаться, что широкая популярность сказокъ и значенье, которое придается имъ повсюду, должны ужъ черезчуръ вскружить автору голову, и такъ какъ первыя сказки уже прошли черезъ огонь испытанiя, то ихъ и оставили въ покоѣ, а стали придираться къ новымъ. Порицать, вѣдь, надо! Наконецъ, часто люди говорятъ о сказкахъ, сами не отдавая себѣ яснаго отчета, какiя принадлежатъ къ старымъ и какiя къ позднѣйшимъ. Сколько разъ мнѣ приходилось слышать: «Ну, мнѣ больше нравятся ваши самыя первыя сказки!»

А когда я спрашивалъ: «Какія же именно?»—мнѣ чаще всего отвѣчали: «*Мотылекъ*», «*Истинная правда*», «*Снѣгуръ*», а эти-то какъ разъ и принадлежатъ къ новымъ, нѣкоторыя даже къ самымъ новѣйшимъ сказкамъ.

Но если ужъ непремѣнно считать этотъ выпускъ однимъ изъ неудачныхъ, съ чѣмъ я, впрочемъ, не могу согласиться, то слѣдующій, вышедшій на Рождествѣ 1861 г., придется, вѣроятно, отнести къ удачнѣйшимъ. Въ него вошли: «*Дѣва Льдовъ*», «*Мотылекъ*», «*Психея*» и «*Улитка и розовый кустъ*». Выпускъ этотъ посвященъ былъ поэту *Бьёрнстьерне-Бьёрнсону*.

«*Дѣва Льдовъ*» написана въ Швейцаріи. Это было уже не первое мое посѣщеніе Швейцаріи, но на этотъ разъ я провелъ въ ней, проѣздомъ изъ Италіи на родину, болѣе продолжительное время. Орлиное гнѣздо и поимку орленка я описалъ со словъ баварскаго народнаго поэта *Коппеля*. «*Мотылекъ*» также написанъ въ Швейцаріи; онъ пришелъ мнѣ въ голову во время прогулки изъ Монтрэ въ Шильонскій замокъ. «*Психея*» написана нѣсколькими мѣсяцами раньше, когда я еще былъ въ Римѣ. Мнѣ вспомнилось событіе, случившееся тамъ въ первый мой пріѣздъ, въ 1833—34 г., которое и подало мнѣ первую мысль: умерла одна молодая монахиня, и, когда рыли для нея могилу, нашли въ землѣ превосходную статую Бахуса.

Въ сказкѣ «*Улитка и розовый кустъ*» затронуто кое-что изъ пережитого.

Послѣ выхода этого сборника наступилъ тяжелый печальный годъ войны; Данія лишилась Шлезвига; кто могъ думать въ это время о чемъ-либо другомъ? Поэтому прошло больше года, прежде чѣмъ вышелъ (около Рождества 1865 г.) новый выпускъ сказокъ, посвященный нашему даровитому балетмейстеру *Августу Бурнонвиллю* и содержавшій: «*Блуждающіе огоньки въ городѣ*», «*Вѣтряная мельница*», «*Серебряная монетка*», «*Епископъ Бёрглумскій и его родичъ*», «*Въ дѣтской*», «*Золотой мальчикъ*» и «*Буря перемѣщаетъ вывѣски*».

Сказка «*Блуждающіе огоньки въ городѣ*» написана подъ тяжелымъ впечатлѣніемъ, оставленнымъ послѣ себя печальнымъ годомъ войны, и въ ней найдется не мало намековъ на разныя злобы времени.

На дорогѣ между Сорё и Гольстейнборгомъ стоитъ вѣтряная мельница; я часто проѣзжалъ мимо нея, и мнѣ всегда казалось, что она такъ и просится въ сказку! Наконецъ она и попала! Самая же фабула сказки послужила мнѣ рамкой для изложенія нѣкоторыхъ вѣрованій.

«*Серебряная монетка*» написана въ Ливорно. Я пріѣхалъ туда изъ

Чевита-Веккія на пароходѣ; на суднѣ я размѣнялъ скудо на мелочь, и мнѣ дали въ числѣ прочихъ монетъ фальшивый двухфранковикъ. Никто не хотѣлъ брать его отъ меня; мнѣ сначала досадно было, что меня надули, но скоро у меня блеснула идея сказки, и я таки вернулъ ею мою потерю.

«*Епископъ Бёрглумскій*» написанъ послѣ посѣщенія Бёрглумскаго монастыря. Это хорошо извѣстное событіе изъ мрачной, жестокой эпохи, которая, однако, еще многими зовется прекрасною и желанною, обрисовано здѣсь въ контрастъ нашему, конечно, болѣе свѣтлому и счастливому времени.

«*Золотой мальчикъ*» написанъ въ имѣніи Фрійсенборгѣ. Лѣсное уединеніе, роскошный цвѣтущій садъ, уютные покои замка—все это связано въ моихъ воспоминаніяхъ съ этой сказкой, которая расцвѣла, какъ цвѣтокъ, изъ души, озаренной солнцемъ мира и счастья.

«*Буря перемѣщаетъ вывѣски*» написана одновременно съ «*Птицею народной пѣсни*» въ Копенгагенѣ около Рождества. Цеховыя торжества описаны мною по воспоминаніямъ дѣтства, проведеннаго въ *Одензе*.

Сказка «*Чайникъ*» написана въ Толедо.

«*Зелененькія крошки*», такъ же, какъ и «*Пейтеръ, Петръ и Пейръ*», написаны въ виллѣ «Rolighed» *) и вылились сразу, благодаря счастливому и веселому настроенію духа, въ какое приводитъ насъ жизнь въ счастливой семьѣ.

Основнымъ мотивомъ для сказки «*Домовой и хозяйка*» послужило народное повѣрье о домовомъ, дразнящемъ цѣпную собаку.

Слѣдующій выпускъ, посвященный художнику *Карлу Блокку* и вышедшій къ Рождеству 1860 г., содержалъ: «*Скрыто—не забыто*», «*Сынъ привратника*», «*День переѣзда*», «*Подснѣжникъ*», «*Тетушка*» и «*Жаба*».

Въ сказкѣ «*Скрыто—не забыто*» дано три картинки. Мотивъ первой взятъ изъ «*Народныхъ сказаній*», собранныхъ *Тиле;* въ одномъ изъ нихъ разсказывается о госпожѣ, которую разбойники посадили на цѣпь вмѣсто дворовой собаки. Я же прибавилъ отъ себя о томъ, какъ она спаслась. Вторая картинка—современная; самый же случай произошелъ при мнѣ въ Гольстейнборгѣ. Третья картинка, рисующая бѣдную, удрученную горемъ дѣвушку, тоже срисована съ натуры; я слышалъ эту исторію изъ собственныхъ устъ дѣвушки.

*) Роскошная вилла на берегу Зунда, неподалеку отъ Копенгагена, въ которой подолгу жилъ и умеръ Андерсенъ, окруженный нѣжными заботами семьи владѣльца ея, Морица Мельхіора. *Примѣч. перев.*

«*Сынъ привратника*» содержитъ много чертъ, заимствованныхъ прямо изъ жизни.

«*Тетушку*» я знавалъ лично, и не одну, а нѣсколько такихъ особъ, которыя теперь всѣ мирно почіютъ въ могилахъ.

«*Подснѣжникъ*» написанъ по просьбѣ моего друга, *Древсена*; онъ вообще горячо любилъ старину и родной языкъ и какъ-то разъ жаловался мнѣ на искаженіе многихъ хорошихъ старыхъ датскихъ словъ и выраженій. Такъ, напримѣръ, садовники печатаютъ весною въ газетахъ объявленія о какихъ-то «Vintergække» (зимнихъ дурачкахъ), тогда какъ въ дни нашей молодости эти цвѣты носили другое, куда болѣе понятное названіе: «*Sommergække*» (*лѣтнихъ дурачковъ*): они, вѣдь, оставляютъ насъ въ дуракахъ, преждевременно пообѣщавъ намъ лѣто. Въ заключеніе *Древсенъ* попросилъ меня написать сказку, въ которой бы доказывалось преимущество стараго названія, я и написалъ сказку «*Sommergækken*» (подснѣжникъ).

Сказка «*Жаба*» пришла мнѣ въ голову во время пребыванія въ Сетубалѣ лѣтомъ 1866 г. У одного изъ колодцевъ, изъ которыхъ вода черпается большими кувшинами, подымаемыми вòротомъ, я увидѣлъ однажды большую безобразную жабу. Вглядѣвшись въ нее, я обратилъ вниманіе на ея умные глаза, и скоро у меня сложилась цѣлая сказка, которая позже, по возвращеніи моемъ въ Данію, и была написана, но получила чисто датскій колоритъ.

«*Альбомъ крестнаго*» имѣетъ свою краткую исторію.

Однажды я встрѣтилъ на улицѣ нашего заслуженнаго археолога *Томсена*, только-что вернувшагося изъ Парижа; онъ разсказалъ мнѣ, что видѣлъ тамъ въ одномъ изъ второстепенныхъ театровъ что-то вродѣ исторической народной комедіи, сюжетомъ для которой послужило развитіе Парижа, какъ города. Въ общемъ комедія была, по словамъ Томсена, лишена всякой поэтичности, плохо скомпанована, но всетаки интересна, какъ рядъ картинъ, рисующихъ различныя эпохи. Онъ полагалъ, что я могъ бы воспользоваться этою идеей и написать для нашего «Казино» болѣе поэтическую народную комедію, въ которой было бы изображено историческое развитіе Копенгагена. Въ то время, какъ я обдумывалъ планъ этой комедіи, наступилъ какъ-разъ тотъ памятный вечеръ, въ который Копенгагенъ впервые освѣтился газомъ. Но бокъ-о-бокъ съ газовыми горѣли въ этотъ вечеръ въ послѣдній разъ и вòрванные фонари, какъ бы для сравненія или сопоставленія съ новыми. Вотъ это-то сопоставленіе и послужило мнѣ рамкой для цѣлаго ряда историческихъ картинъ. Для того же, чтобы провести черезъ все произведеніе красною нитью идею красоты, я рѣшилъ ввести

въ него мощныя каменныя глыбы, еще съ незапамятныхъ временъ занесенныя на мель, на которой затѣмъ воздвигся Акселевъ домъ, а въ наше время послужившія основаніемъ для зданія—хранилища образовъ красоты, изваянныхъ изъ мрамора Торвальдсеномъ. Долго я трудился надъ разработкой этой идеи, но она ужъ черезчуръ разрослась; да если бы даже я и довелъ ее до конца, то все равно ее нельзя было бы поставить на небольшой сценѣ «Казино» и при наличныхъ силахъ труппы этого театра. Вслѣдствіе этого я отказался отъ своей первоначальной мысли, но воспользовался затѣмъ самою идеей для альбома-тетрадки, въ которую я вклеивалъ рисунки, собранные и вырѣзанные отовсюду. Рисунки эти я связалъ краткими разсказцами, и вышла связная исторія «*Житье-бытье Копенгагена или Ворвань и Газъ*». Гораздо позже исторія эта была напечатана въ «*Illustreret Tidende*», разумѣется, безъ моихъ рисунковъ и въ сокращенномъ видѣ. Впослѣдствіи же она перешла въ «*Путевые очерки и наброски перомъ*» («*Собраніе Сочиненій, 28-й томъ*»), но критика нашла, что мѣсто ея скорѣе между сказками и исторіями. Вотъ почему она и помѣщена въ данномъ собраніи сказокъ.

Сказка «*Тряпье*» написана гораздо раньше «*Альбома крестнаго*». Въ то время норвежская литература еще не отличалась тою свѣжестью, значеніемъ и разнообразіемъ, какъ теперь. *Мункъ* только-что началъ писать; *Бъёрнсона*, *Ибсена*, *Іонаса Ліе*, *Магдалены Торесенъ* и др. еще не знали, но норвежцы уже начали сильно прохаживаться на счетъ датскихъ писателей, не пощадили даже и *Эленшлегера*. Меня это взорвало, и мнѣ захотѣлось тоже сказать свое слово, отщелкать норвежцевъ въ какой-нибудь маленькой сказкѣ. Я и написалъ ее въ слѣдующее же лѣто во время продолжительнаго пребыванія въ Силькеборгѣ, гдѣ я гостилъ у бумажнаго фабриканта *Михаэля Древсена*. Тамъ я ежедневно видѣлъ передъ фабрикою огромныя кучи тряпья, собраннаго отовсюду. Сказку нашли забавною, но самъ я находилъ въ ней больше пчелинаго яда, чѣмъ меда поэзіи, и отложилъ ее въ сторону. Много лѣтъ спустя, когда сатира—если таковая есть въ сказкѣ—уже утратила силу современности, я опять взялся за нее и отнесся къ обѣимъ тряпкамъ одинаково доброжелательно и юмористично. Какъ датскіе, такъ и норвежскіе друзья мои посовѣтовали мнѣ напечатать эту сказку, и я помѣстилъ ее въ «*Народномъ календарѣ*» 1869 г.

Сказка «*Вэнъ и Глэнъ*» возникла изъ импровизированнаго мною тоста за обѣдомъ въ Гольстейнборгѣ, гдѣ собрались копенгагенскіе инженеры обсудить проектъ соединенія Глэна съ Зеландіей.

Въ 1868 г. вышла отдѣльнымъ выпускомъ сказка «*Дріада*». Вес-

ною 1867 г. я посѣтилъ всемірную выставку въ Парижѣ, и никогда еще городъ этотъ не производилъ на меня такого сильнаго и полнаго впечатлѣнія, какъ въ это посѣщеніе. Къ моему прибытію главное зданіе выставки было возведено, но самая выставка еще не вполнѣ закончена и всетаки производила уже мощное, подавляющее впечатлѣніе. Всѣ французскія и иностранныя газеты шумѣли о великолѣпіи выставки; одинъ датскій корреспондентъ увѣрялъ, что никто, кромѣ *Чарльза Диккенса,* не былъ бы въ состояніи дать описаніе ея; мнѣ, однако, показалось, что это могло, пожалуй, удасться и мнѣ. Я представилъ себѣ, какая будетъ для меня радость, если мнѣ удастся выполнить эту задачу такъ, что я заслужу одобреніе и земляковъ своихъ, и иностранцевъ! Воодушевленный этою мыслью, смотрѣлъ я разъ изъ окна своего отеля на площадь, гдѣ валялось выдернутое изъ земли каштановое дерево; рядомъ съ нимъ на телѣгѣ лежало свѣжее, молодое деревцо, только-что привезенное изъ деревни, и вотъ, идея сказки о парижской выставкѣ выглянула изъ своего убѣжища—молодого зеленаго деревца, *Дріада* кивнула мнѣ головкой! И день за днемъ, и во время пребыванія моего въ Парижѣ, и по возвращеніи домой, исторія жизни Дріады не переставала слагаться у меня въ умѣ въ связи съ описаніемъ парижской выставки. Послѣдней я, однако, не видалъ въ полномъ ея расцвѣтѣ, а между тѣмъ, я хотѣлъ дать вѣрную и полную картину ея, и мнѣ пришлось вернуться на нее еще разъ въ сентябрѣ. Возвратившись опять въ Копенгагенъ, я окончилъ сказку и посвятилъ ее старому своему другу, поэту *I. М. Тиле.*

Въ 1870 г. вышли, также отдѣльнымъ выпускомъ, «*Три новыя сказки и исторіи*»: «*Предки птичницы Греты*», «*Доля репейника*» и «*Что можно придумать*».

Этотъ выпускъ я посвятилъ своему вѣрному другу въ тяжелые и счастливые дни, *Эдварду Коллину.*

Однажды я случайно прочелъ въ «*Laalands-Falsters Stiftstidende*» (Областные вѣдомости Лоланда-Фальстера) кое-какія историческія замѣтки о личности *Маріи Груббе,* знатной дѣвицы, вышедшей сначала за своднаго брата короля *Христіана V, Ульриха Фредерика Гюльденлёве,* затѣмъ за одного ютландскаго помѣщика, наконецъ, за бѣднаго матроса, попавшаго впослѣдствіи на каторгу, и кончила жизнь перевозчицей на островѣ Фальстеръ.

Въ замѣткѣ была ссылка на «*Письма Гольберга*». Въ нихъ *Гольбергъ* разсказываетъ о томъ, какъ онъ, молодымъ студентомъ, бѣжалъ изъ Копенгагена, гдѣ свирѣпствовала чума, на островъ Фальстеръ и квартировалъ тамъ у перевозчицы, матушки *Сёренъ-Сёренсенъ-Мёллеръ,*

нѣкогда знатной дѣвицы *Маріи Груббе*. Тутъ былъ богатый матеріалъ для поэтическаго произведенія; въ *«Датскомъ атласѣ»* и въ *«Народныхъ сказаніяхъ» Тиле* я нашелъ еще нѣкоторыя свѣдѣнія и написалъ исторію: *«Предки птичницы Греты»* *).

Идею для сказки *«Доля репейника»* подалъ мнѣ видѣнный мною въ полѣ, близь Баснэса, великолѣпный экземпляръ этого растенія, который мнѣ захотѣлось пересадить въ сказку.

Въ сказкѣ *«Что можно придумать»* найдется не мало намековъ на современную дѣйствительность.

Къ Рождеству 1871 г. вышли: *«Новыя сказки и исторіи»*, посвященныя моимъ издателямъ, братьямъ *Теодору* и *Карлу Рейцель*. Вотъ перечень ихъ: *«И въ щепкѣ порою скрывается счастье»*, *«Комета»*, *«Дни недѣли»*, *«Исторіи солнечнаго луча»*, *«Прадѣдушка»*, *«Кто же счастливѣйшая?»*, *«Свѣчи»*, *«Самое невѣроятное»*, *«Что сказала вся семья»*, *«Пляши, куколка, пляши!»* *«Спроси тетку съ Амагера»* **), *«Большой морской змѣй»*, *«Садовникъ и господа»*.

Всѣ эти сказки и исторіи написаны въ послѣдній годъ, и двѣнадцать первыхъ уже были прежде напечатаны въ различныхъ газетахъ и повременныхъ изданіяхъ.

Исторія *«И въ щепкѣ порою скрывается счастье»*—написана во время лѣтняго пребыванія въ Швейцаріи, на Юрѣ. Тамъ я услышалъ разсказъ объ одномъ бѣдномъ токарѣ, который вздумалъ замѣнить часто отскакивавшую пуговку отъ своего зонтика маленькою точеною грушею, нашелъ новую застежку, куда болѣе практичною, нежели прежнія, и выточилъ такія же кое-кому изъ сосѣдей для ихъ зонтиковъ. Скоро онъ получилъ множество заказовъ на такія застежки и черезъ нѣсколько лѣтъ сдѣлался зажиточнымъ человѣкомъ. Вотъ это-то и послужило мнѣ сюжетомъ для моей исторіи.

Уже въ зрѣломъ возрастѣ случилось мнѣ опять увидать ту комету, которую я видѣлъ ребенкомъ; мнѣ казалось, что я видѣлъ ее впервые только вчера, а между тѣмъ, между этими двумя вечерами легъ уже длинный рядъ годовъ и воспоминаній, и вотъ, я написалъ *«Комету»*.

«Дни недѣли»—импровизація; мнѣ предложили экспромптомъ раз-

*) Сюжетомъ этимъ воспользовался также другой датскій поэтъ, *Якобсенъ*, для своего романа *«Марія Груббе»*, который занимаетъ почетное мѣсто среди художественныхъ произведеній датской литературы.

**) Небольшой риѳмованный разсказъ-шутка, неизвѣстно почему помѣщенный авторомъ въ собраніи сказокъ; по своему чисто національному колориту, вещица эта не поддается переводу, да и не представляетъ къ тому же для русскихъ читателей никакого интереса. *Примѣч. перев.*

сказать сказку о дняхъ недѣли; напечатана же она впервые въ календарѣ *Торкильсена*.

Въ «*Исторіяхъ солнечнаго луча*» подразумѣваются извѣстные выдающіеся люди нашей страны.

Исторія «*Прадѣдушка*» написана по воспоминанію объ одномъ разговорѣ съ *Г. Х. Эрстедомъ* о старомъ времени и новомъ.

«*Свѣчи*»—маленькая картинка съ натуры.

Сюжеты для исторіи «*Самое невѣроятное*» и «*Что сказала вся семья*» также дала дѣйствительная жизнь.

«*Большой морской змѣй*» принадлежитъ, какъ и «*Дріада*», къ чисто современнымъ сказкамъ. Современныя открытія и изобрѣтенія, представляютъ богатый матеріалъ для поэта; обратилъ же на этотъ матеріалъ мое вниманіе Г. Х. Эрстедъ.

Исторія «*Садовникъ и господа*» еще не была нигдѣ напечатана. Сюжетъ ея взятъ прямо изъ современной жизни, чѣмъ, вѣроятно, главнымъ образомъ и объясняется тотъ успѣхъ, которымъ она пользуется. Особенную же популярность пріобрѣла она благодаря чтенію ея со сцены. Во время моей молодости въ концертныхъ программахъ фигурировали также и декламаціонные номера, но декламировались всегда одни стихотворенія. Прекрасная артистка королевскаго театра госпожа *Юргенсенъ* первая попыталась прочесть на концертѣ одну изъ моихъ сказокъ. Послѣ нея артистически читали со сцены «*Новый нарядъ короля*» актеръ *Фистеръ* и покойные *Розенкильде* и *Нильсенъ*. Къ превосходнымъ чтецамъ сказокъ принадлежатъ, кромѣ упомянутыхъ, еще артисты: *Михаэль Виге* («*Истинная правда*», «*Воротничокъ*» и «*Иванушка-дурачокъ*»), *Гётъ* и *Манціусъ*. Изъ артистовъ же «*Казино*» считаю долгомъ назвать *Христіана Шмидта*, *Стигора* и *Мадсена*.

Къ Рождеству 1872 г. вышла третья серія сказокъ—«*Новыя сказки и исторіи*». Сюда вошли: «*О чемъ разсказывала старуха Іоганна*», «*Ключъ отъ воротъ*», «*Сидень*» и «*Тетушка Зубная боль*».

Скажу нѣсколько словъ и объ этихъ исторіяхъ.

Въ дѣтствѣ я видѣлъ въ родномъ городѣ *Одензе* человѣка, худого, какъ щепка, желтаго, сморщеннаго,—кожа да кости! Старушка, часто занимавшая меня своими сказками и исторіями о привидѣніяхъ, объяснила мнѣ, почему онъ смотритъ такимъ жалкимъ: на его голову заварили кашу, и она кипѣла все время, пока онъ былъ въ чужихъ краяхъ. Дѣло въ томъ, что невѣста его соскучилась по немъ и пошла къ знахаркѣ, а эта заварила кашу, положила въ нее всякой чертовщины и поставила на огонь кипѣть: гдѣ бы ни находился парень, онъ долженъ былъ безъ оглядки, безъ отдыха спѣшить домой, гдѣ кипѣла каша и ждала

его невѣста. Но когда онъ добрался до дому, отъ него остались однѣ кости да кожа, и онъ сдѣлался на всю жизнь немощнымъ. Доказательство было на лицо: стоило мнѣ взглянуть на бѣднягу. Разсказъ этотъ произвелъ на меня глубокое впечатлѣніе и я воспользовался имъ для исторіи *«О чемъ разсказывала старуха Іоганна»*.

Для исторіи *«Ключъ отъ воротъ»* я воспользовался кое-какими чертами изъ области суевѣрія. Не такъ давно и въ Копенгагенѣ было въ большомъ ходу *«столоверченіе»*. Многіе, даже люди даровитые и выдающіеся, вѣрили, что въ столахъ и въ разной другой мебели живутъ духи. Съ *«ключевыми духами»* я познакомился въ Германіи въ одномъ богатомъ помѣстьи, принадлежавшемъ людямъ весьма развитымъ и образованнымъ. Ключъ давалъ отвѣты на всевозможные вопросы, и многіе вѣрили этому. Въ исторіи *«Ключъ отъ воротъ»* я и затронулъ эту тэму, но время дѣйствія перенесъ въ болѣе раннюю эпоху, нежели та, въ которую я самъ познакомился съ *«ключевою мудростью»*. Посѣщеніе же совѣтника лавочникомъ и артистическое образованіе Лотты-Лены взяты прямо изъ жизни.

Исторія *«Сидень»* одна изъ послѣднихъ моихъ сказокъ,—я думалъ даже, что она будетъ самою послѣднею—и такъ какъ принадлежитъ на мой взглядъ, къ числу лучшихъ, и къ тому же является своего рода прославленіемъ сказки, то годилась бы, пожалуй, для заключенія всего собранія.

Послѣ нея я написалъ, однако, еще одну—*«Тетушку Зубную боль»*.

Сказки и исторіи переведены почти на всѣ европейскіе языки и въ теченіе многихъ лѣтъ успѣли стать какъ въ отечествѣ моемъ, такъ и далеко за предѣлами его, любимымъ чтеніемъ и старыхъ, и малыхъ. Мнѣ, такимъ образомъ, выпало на долю высшее счастье, вообще выпадающее авторамъ. Но когда человѣкъ подобно мнѣ приближается къ предѣльному человѣческому возрасту—библейскому «семью-десять», то пора подумать, что эта счастливая дѣятельность близка къ своему концу. Вотъ я къ этому Рождеству и подношу читателямъ все мое богатство—полное собраніе сказокъ и исторій, и пусть слова скрипача изъ сказки *«Перо и чернильница»* послужатъ моими заключительными словами»: если я и сдѣлалъ что-либо хорошее, то *«Богу одному честь и хвала!»*

„Rolighed", 6 Сентября 1875 г.

Г. Х. Андерсенъ.

ОПЕЧАТКИ.

				НАПЕЧАТАНО:	СЛѢДУЕТЪ ЧИТАТЬ:
Стр.	4	строка 14	сверху	шею,	шею.
»	65	» 13	»	щелчокъ	щелокъ
»	107	» 2	»	«глазомъ,»	«глазомъ»,
»	135	» 20	»	ее	ея
»	178	» 8	снизу	ограннченномъ	ограниченномъ
»	182	» 12	сверху	смѣнятьсяи и счезать	смѣняться и исчезать
»	187	» 15	»	хрустальнный	хрустальный
»	191	» 19	снизу	собриались	собирались
»	242	» 19	сверху	открытыя,	открытыя
»	344	» 19	снизу	видитъ, онъ	видитъ онъ,
»	426	» 19	»	корзинку	корзину

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	СТР.
Кое-что	1
Послѣдній сонъ стараго дуба	7
Дочь болотнаго царя	12
Скороходы	46
Колокольная бездна	49
Злой князь	52
Вѣтеръ разсказываетъ о Вальдемарѣ До и его дочеряхъ	54
Дѣвочка, наступившая на хлѣбъ	64
Колокольный сторожъ Оле	72
Анна-Лизбета	78
Ребяческая болтовня	87
Обрывокъ жемчужной нити	89
Перо и чернильница	95
На могилѣ ребенка	97
Дворовый пѣтухъ и флюгерный	102
«Какъ хороша!»	104
На дюнахъ	110
Директоръ кукольнаго театра	142
Два брата	146
Старый церковный колоколъ	148
Двѣнадцать пассажировъ	152
Навозный жукъ	156
Ужъ что муженекъ сдѣлаетъ, то и ладно	163
Снѣгуръ	167
На утиномъ дворѣ	172
Муза новаго вѣка	177
Дѣва льдовъ	183
Мотылекъ	229
Психея	231
Улитка и розовый кустъ	243
«Блуждающіе огоньки въ городѣ!»	245
Вѣтряная мельница	257
Серебряная монетка	260
Епископъ Берглумскій и его родичъ	263
Въ дѣтской	269
Золотой мальчикъ	273

	стр.
Буря перемѣщаетъ вывѣски	280
Чайникъ	284
Птица народной пѣсни	286
Зеленыя крошки	288
Домовой и хозяйка	290
Пейтеръ, Петръ и Пейръ	294
Скрыто—не забыто!	299
Сынъ привратника	302
«День переѣзда»	319
Подснѣжникъ	323
Тетушка	326
Жаба	332
Альбомъ крестнаго	338
Тряпье	361
Вэнъ и Глэнъ	363
Кто же счастливѣйшая?	365
Дріада	368
Предки птичницы Греты	389
Доля репейника	402
Что можно придумать	406
И въ щепкѣ порою скрывается счастье!	409
Комета	412
Дни недѣли	416
Разсказы солнечнаго луча	418
Прадѣдушка	421
Свѣчи	425
Самое невѣроятное	428
Что сказала вся семья	431
«Пляши, куколка, пляши!»	434
Большой морской змѣй	435
Садовникъ и господа	444
Блоха и профессоръ	451
О чемъ разсказывала старуха Іоганна	455
Ключъ отъ воротъ	469
Тетушка Зубная боль	480
Сидень	490
Примѣчанія Г. Х. Андерсена къ полному собранію сказокъ и разсказовъ	499

2020075173